
ИСТОРІЯ ВЕЛИКИХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ
ОТКРЫТІЕ МАТЕРИКА
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М.О. ВОЛЬФЪ.

ИСТОРІЯ ЗНАМЕНИТЫХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ

ОТКРЫТІЕ МАТЕРИКА

СОЧИНЕНІЕ

ЖЮЛЯ ВЕРНА

Съ 59 рисунками Л. Бенетта и Ф. Филиппото и 58 факсимиле съ современныхъ гравюръ



Второе изданіе



ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
СПБ. и МОСКВА
[1907]


ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С-Петербургъ. Вас. Остр. 16 линія соб. домъ

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Исторія знаменитыхъ путешествій и путешественниковъ» въ томъ видѣ, какъ я ее понималъ, когда выпустилъ первую часть, должна была имѣть цѣлью изложить вкратцѣ «Исторію открытія материка». Благодаря послѣднимъ открытіямъ, эта исторія принимаетъ значительные размѣры. Въ нее войдутъ не только изслѣдованія древнихъ временъ, но также и изслѣдованія позднѣйшія, интересовавшія міръ еще въ недавнее время. Чтобы придать этому труду, значительно увеличившемуся изслѣдованіями позднѣйшихъ путешественниковъ, тотъ характеръ исторической достовѣрности, какой всякій вправѣ отъ него требовать, я пригласилъ къ себѣ на помощь человѣка, котораго, по справедливости, считаю за одного изъ компетентнѣйшихъ географовъ нашего времени: г. Габріэля Марселя, состоящаго при національной библіотекѣ.

Благодаря его знакомству съ нѣкоторыми иностранными языками, мнѣ неизвѣстными, мы могли обращаться всегда къ источникамъ и пользоваться свѣдѣніями по оригинальнымъ документамъ. Наши читатели, мы надѣемся, вполнѣ оцѣнятъ участіе г. Марселя въ этомъ сочиненіи, цѣль котораго—представить въ истинномъ свѣтѣ значеніе всѣхъ путешественниковъ, начиная отъ Ганнона и Геродота и кончая Ливингстономъ и Стэнли.

Жюль Вернъ.

Имена главныхъ путешественниковъ, вошедшихъ въ первый томъ.

Ганнонъ. — Геродотъ. — Пиѳеасъ. — Неархъ. — Евдоксъ. — Цезарь. — Страбонъ. — Павзаній. — Фа-Гіанъ. — Cosmas Indicopleustes. — Аркульфъ. — Виллибальдъ. — Сулейманъ. — Веніаминъ Тудельскій. — Планъ де Карпини. — Рубруквисъ. — Марко Поло. — Ибнъ Батута. — Жанъ де-Бетанкуръ. — Христофоръ Колумбъ. — Ковилгамъ и Паива. — Васко де-Гама. — Альваресъ Кабраль. — Жоао да-Нова. — Да-Кунья. — Альмеида. — Альбукеркъ.



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Знаменитые путешественники до-христіанской эры.

Ганнонъ (505).—Геродотъ (484).—Пиѳеасъ (340).—Неархъ (326).—Евдоксъ (146).—Цезарь—(100).—Страбонъ (50).

Карѳагенянинъ Ганнонъ.—Счастливые острова.—Вечерній Рогъ.—Южный Рогъ.—Заливъ Ріо-до-Уро.—Геродотъ.—Онъ посѣщаетъ Египетъ, Ливію, Эфіопію, Финикію, Аравію, Вавилонію, Персію, Индію, Мидію, Колхиду, Каспійское море, Скиѳію, Фракію и Грецію.—Пиѳеасъ изслѣдуетъ берега Иберіи и земли кельтовъ, Ламаншъ, островъ Альбіонъ, Аркадскіе острова, землю Туле. — Неархъ посѣщаетъ Азіатскій берегъ отъ Инда до Персидскаго залива.—Евдоксъ изслѣдуетъ западный берегъ Африки.—Цезарь завоевываетъ Галлію и Великобританію.—Страбонъ обозрѣваетъ внутреннюю Азію, Египетъ, Грецію и Италію.

Первый путешественникъ, о которомъ упоминаетъ исторія, былъ Ганнонъ, посланный карѳагенскимъ сенатомъ для образованія колоній на нѣкоторыхъ мѣстахъ западныхъ береговъ Африки. Исторія этой экспедиціи была написана на пу-

ническомъ языкѣ и переведена на греческій; она извѣстна подъ слѣдующимъ названіемъ: „Описаніе морского путешествія Ганнона". Въ какую эпоху жилъ этотъ изслѣдователь? Историки говорятъ разно. Вѣроятнѣе всего, что его изслѣдованія африканскихъ береговъ относятся къ 505 г. до Р. Х.

Ганнонъ отплылъ отъ Карѳагена, имѣя флотъ изъ шестидесяти пятидесяти-весельныхъ кораблей съ тридцатью тысячами людей и съ съѣстными припасами, разсчитанными на продолжительное путешествіе. Эти эмигранты,—будемъ ихъ такъ называть,—были назначены для заселенія новыхъ городовъ, которые карѳагеняне думали основать на западныхъ берегахъ Ливіи, т.-е. Африки.

Флотъ счастливо минулъ Геркулесовы столбы,—эти скалы Гибралтара и Цеуты, владычествующія надъ проливомъ, и пустился по Атлантическому океану, держась направленія къ югу. Послѣ двухдневнаго плаванія, Ганнонъ бросилъ якорь въ виду береговъ и основалъ городъ Тиматеріонъ. Затѣмъ опять пустился въ море, обогнулъ мысъ Солоисъ, учредилъ новыя факторіи и дошелъ до устья большой африканской рѣки, на берегахъ которой кочевали пастушескія племена. Заключивъ мирный договоръ съ пастухами, карѳагенскій мореплаватель продолжалъ свое изслѣдованіе къ югу. Такимъ образомъ, онъ достигъ острова Церны, расположеннаго въ глубинѣ бухты и имѣющаго въ окружности пять стадій или девятьсотъ двадцать пять метровъ. Судя по описанію путешествія Ганнона, этотъ островъ долженъ находиться на такомъ же разстояніи отъ Геркулесовыхъ столбовъ, на какомъ Геркулесовы столбы находятся отъ Карѳагена. Какой это островъ? Безъ сомнѣнія, одинъ изъ островковъ, принадлежащихъ къ группѣ Счастливыхъ острововъ.

Плаваніе продолжалось. Ганнонъ приплылъ къ устью рѣки Хритъ, составлявшему нѣчто въ родѣ бухты. Затѣмъ карѳагеняне поднялись по рѣкѣ и были встрѣчены съ береговъ туземцами негрской расы градомъ камней. Страна изобиловала крокодилами и гиппопотамами.

Послѣ этого флотъ возвратился къ Цернѣ, откуда, продолжая плаваніе, 12 дней спустя, проходилъ въ виду гористой мѣстности, изобиловавшей душистыми деревьями и благовонными растеніями. Онъ проникъ въ обширный заливъ, замыкавшійся равниной. Эта страна, спокойная днемъ, ночью освѣщалась

столбами пламени, происходившими или отъ огней, зажженныхъ дикими, или отъ случайнаго загоранія травъ, высохшихъ послѣ періода дождей.

Спустя пять дней, Ганнонъ огибалъ мысъ, называемый „Вечернимъ Рогомъ". Тамъ, выражаясь его собственными словами, „онъ слышалъ звуки трубъ, цимбалъ, тамбуриновъ и гулъ безчисленныхъ голосовъ". Оракулы, сопровождавшіе карѳагенскую экспедицію, посовѣтовали бѣжать отъ этой ужасной страны. Ихъ послушались, и флотъ продолжалъ плаваніе, держась болѣе низкой широты.

Флотъ подошелъ къ мысу, образовывающему заливъ и называющемуся „Южнымъ Рогомъ". По словамъ Авезака, этотъ заливъ долженъ составлять самое устье рѣки Ріо-до-Уро, которая впадаетъ въ Атлантическій океанъ возлѣ тропика Рака.

Въ глубинѣ этого залива виднѣлся островъ, населенный въ большомъ количествѣ гориллами, которыхъ карѳагеняне приняли за волосатыхъ дикихъ. Имъ удалось завладѣть тремя „женщинами", которыхъ они принуждены были убить, такъ какъ ярость этихъ самокъ была неукротима.

Этотъ Южный Рогъ есть, безъ сомнѣнія, граница плаванія пунической экспедиціи. Нѣкоторые комментаторы настаиваютъ на томъ, что флотъ не заходилъ дальше мыса Боядора, не достигающаго тропика двумя градусами, но противоположное мнѣніе имѣетъ за собою большія вѣроятія. Достигнувъ этого мѣста, Ганнонъ, начиная чувствовать недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, повернулъ къ сѣверу и возвратился въ Карѳагенъ, гдѣ по его распоряженію вырѣзали въ храмѣ Ваала Молоха исторію объ этомъ путешествіи.

Послѣ карѳагенскаго изслѣдователя самымъ знаменитымъ изъ древнихъ путешественниковъ во времена историческія былъ племянникъ поэта Паніазиса, стихи котораго соперничали тогда со стихами Гомера и Гезіода, ученый Геродотъ, прозванный *отцомъ исторіи.* Для нашей цѣли мы отдѣлимъ путешественника отъ историка и послѣдуемъ за нимъ въ страны, которыя онъ изслѣдовалъ.

Геродотъ родился въ Галикарнассѣ, въ малоазіатскомъ городѣ, за 484 года до Р. Х. Онъ происходилъ изъ богатой семьи, которая своими обширными торговыми сношеніями могла благопріятствовать развитію инстинктовъ изслѣдователя, пробуж-

1*

давшихся въ мальчикѣ. Мнѣнія о формѣ земли въ это время расходились. Школа Пиѳагора распространяла, между прочимъ, уже ученіе о томъ, что земля кругла. Геродотъ, однако, не принималъ никакого участія въ тѣхъ спорахъ, которымъ предавались со страстью ученые его времени, и въ молодости удалился изъ отечества съ цѣлью изучить самымъ тщательнымъ образомъ уже извѣстныя страны, свѣдѣнія о которыхъ были очена сбивчивы.

Онъ покинулъ Галикарнассъ въ 464 году, 20-ти лѣтъ отъ роду. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ направился сперва къ Египту и посѣтилъ Мемфисъ, Геліополисъ и Ѳивы. Въ это путешествіе онъ сдѣлалъ полезныя замѣтки о разлитіи Нила, въ которыхъ передаетъ различныя мнѣнія относительно истока этой рѣки, боготворимой египтянами. „Когда Нилъ разливается,—говоритъ онъ,—ничего не видно, кромѣ городовъ; они кажутся построенными надъ водою и похожи на острова Эгейскаго моря“. Онъ разсказываетъ о религіозныхъ церемоніяхъ египтянъ, объ ихъ благочестивыхъ жертвоприношеніяхъ, объ ихъ приверженности къ праздникамъ богини Изиды, исполняемымъ съ большою торжественностью въ Бузирисѣ, развалины котораго еще видны и теперь около Бузира, объ ихъ почитаніи дикихъ и домашнихъ животныхъ, которыхъ они считаютъ священными и которымъ воздаютъ погребальныя почести. Съ точностью натуралиста описываетъ онъ нильскаго крокодила, его строеніе, нравъ и способы, какими его ловятъ; также сообщаетъ онъ о гиппопотамѣ, фениксѣ, ибисѣ и о змѣяхъ, посвященныхъ Юпитеру. Для исторіи Египта ничто такъ не драгоцѣнно, какъ его сообщенія. Онъ описываетъ обычаи египтянъ, ихъ игры, бальзамированіе, которымъ отличались химики того времени. Далѣе онъ составляетъ исторію страны отъ перваго ея царя, Минеса; онъ описываетъ сооруженія въ царствованіе Хеопса, пирамиды и искусство, съ которымъ онѣ воздвигались, лабиринтъ, построенный у озера Мериса, остатки котораго были отрыты въ 1799 г.; описываетъ самое озеро Мерисъ, образованіе котораго онъ приписываетъ рукѣ человѣка, и двѣ пирамиды, поднимавшіяся надъ его водой; съ удивленіемъ разсказываетъ онъ о храмахъ Минервы въ Саисѣ, о храмахъ Вулкана и Изиды, воздвигнутыхъ въ Мемфисѣ, и о знаменитомъ колоссѣ изъ цѣлаго камня, надъ перевозкой котораго изъ Элефантина въ Саисъ работали двѣ тысячи человѣкъ въ продолженіе трехъ лѣтъ.

Тщательно изучивши Египетъ, Геродотъ поѣхалъ въ Ливію, т.-е. въ Африку, но, вѣроятно, молодой путешественникъ не предполагалъ, что она простирается далеко за тропикъ Рака, такъ какъ онъ думаетъ, что финикіяне могли обходить этотъ материкъ и возвращаться въ Египетъ черезъ Гибралтарскій проливъ. Геродотъ перечисляетъ народы въ Ливіи, въ которые у него входятъ только племена кочующихъ пастуховъ, обитающихъ по берегамъ Африки; далѣе въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ берега и изобилующихъ хищными звѣрями, онъ называетъ еще аммонійцевъ, владѣвшихъ знаменитымъ храмомъ Юпитера Аммонскаго, развалины котораго были открыты на сѣверо-востокѣ Ливійской пустыни, въ пятистахъ километрахъ отъ Каира. Онъ сообщаетъ также драгоцѣнныя подробности о нравахъ ливійцевъ; онъ описываетъ ихъ обычаи; говоритъ о животныхъ, которыя населяютъ страну, о змѣяхъ страшной величины, о львахъ, слонахъ, медвѣдяхъ, аспидахъ, ослахъ съ рогами (вѣроятно носороги), объ обезьянахъ-павіанахъ—„животныя безъ головы, съ глазами на груди", о лисицахъ, гіенахъ, дикобразахъ, дикихъ баранахъ, пантерахъ и т. д. Онъ кончаетъ замѣчаніемъ, что вся эта страна населена двумя туземными народами: ливійцами и эфіопами.

По Геродоту, выше Элефантина уже обитаютъ эфіопы. Дѣйствительно-ли ученый и изслѣдователь путешествовалъ по этой странѣ? Комментаторы сомнѣваются. Вѣроятно, подробности, сообщаемыя имъ о Мероэ, о столицѣ, о культѣ Юпитера и Бахуса и о долговѣчности обитателей,—почерпнуты отъ египтянъ. Но что неоспоримо, вслѣдствіе точности его указанія, такъ это то, что онъ плавалъ къ Тиру, въ Финикіи. Тамъ онъ восхищался двумя великолѣпными храмами Геркулеса. Затѣмъ онъ посѣтилъ Фазисъ и воспользовался свѣдѣніями, почерпнутыми на мѣстѣ, для составленія краткаго очерка о Финикіи, Сиріи и Палестинѣ.

Изъ этихъ странъ Геродотъ спускается на югъ въ Аравію, въ страну, называемую имъ азіатской Эфіопіей, т.-е. въ ту часть южной Аравіи, которую онъ считаетъ послѣднею обитаемою страною. Онъ смотритъ на арабовъ, какъ на народъ строго религіозный; у нихъ только два бога: Уранія и Вакхъ; ихъ страна производитъ въ изобиліи: ладонъ, мирру, корицу и много другихъ травъ. Путешественникъ сообщаетъ интересныя подробности о сборѣ этихъ благовонныхъ веществъ.

Затѣмъ мы встрѣчаемъ Геродота въ странахъ, называемыхъ имъ неопредѣленно то Ассиріею, то Вавилоніею. Записки объ этихъ странахъ онъ начинаетъ тщательнымъ описаніемъ Вавилона, въ которомъ жили цари со времени разрушенія Ниневіи и развалины котораго представляются теперь разбросанными холмиками по обоимъ берегамъ Евфрата, на разстояніи 78 километровъ къ юго-востоку отъ Багдада. Большая, быстрая и глубокая рѣка Евфратъ раздѣляла тогда городъ на двѣ части. Въ одной возвышался укрѣпленный царскій дворецъ, въ другой— храмъ Юпитера Белла, воздвигнутый, какъ кажется, на мѣстѣ Вавилонской башни. Далѣе Геродотъ говоритъ о двухъ царицахъ Семирамидѣ и Нитокридѣ, распространяясь по поводу дѣятельности послѣдней для благосостоянія и безопасности столицы. Вслѣдъ затѣмъ онъ переходитъ къ производству страны, къ воздѣлыванію пшеницы, ячменя, проса, кунжута, виноградниковъ, смоковницъ и пальмовыхъ деревьевъ. Наконецъ, онъ описываетъ одежду вавилонянъ и заканчиваетъ повѣствованіемъ объ ихъ обычаяхъ, главнымъ образомъ касающихся браковъ, сопровождающихся тамъ всенародной оглаской.

Изслѣдовавши Вавилонъ, Геродотъ отправился въ Персію и такъ какъ цѣлью его путешествія было собрать точныя свѣдѣнія о продолжительныхъ греко-персидскихъ войнахъ, то онъ и посѣтилъ тѣ мѣста, гдѣ происходили эти войны, дабы воспользоваться данными о нихъ на мѣстѣ. Эту часть исторіи Геродотъ начинаетъ съ описанія обычая персовъ, не придававшихъ богамъ человѣческой формы, не воздвигавшихъ имъ ни храмовъ, ни жертвенниковъ, а довольствовавшихся исполненіями своихъ религіозныхъ обрядовъ на вершинахъ горъ. Онъ отмѣчаетъ ихъ домашнюю жизнь, ихъ отвращеніе къ мясу, любовь къ фруктамъ, страсть къ вину, ихъ привычку бесѣдовать о серьезныхъ дѣлахъ послѣ обильныхъ возліяній, ихъ любознательность по отношенію къ чужестраннымъ обычаямъ, ихъ пристрастіе къ удовольствіямъ, военныя доблести, строгое отношеніе къ воспитанію дѣтей, ихъ уваженіе къ праву на жизнь всякаго, даже раба, ихъ отвращеніе ко лжи и къ долгамъ, ихъ презрѣніе къ прокаженнымъ, болѣзнь которыхъ доказываетъ, что „несчастный согрѣшилъ противъ солнца“.

Индія Геродота, по словамъ Вивьена-Сенъ-Мартина, ограничивается только странами, орошаемыми пятью притоками те-



Бракъ сопровождался всенародной оглаской...

перешняго Пенджаба, со включеніемъ Афганистана. Туда направилъ свой путь молодой путешественникъ, разставшись съ Персидскимъ царствомъ. Индійцы у него самый многочисленный изъ извѣстныхъ народовъ. Одни имѣютъ осѣдлость, другіе же представляютъ собою кочующія племена. Обитающіе на востокѣ убиваютъ больныхъ и стариковъ и ѣдятъ ихъ. Обитающіе на сѣверѣ—самые храбрые и промышленные: они собираютъ золотой песокъ. Геродотъ полагаетъ, что Индія есть послѣдняя оби-

таемая страна по направленію къ востоку. Онъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что оконечности земли нѣкоторымъ образомъ подѣлили между собою все, что она имѣетъ лучшаго: такъ Греція пользуется пріятнымъ климатомъ всѣхъ временъ года.

Затѣмъ неутомимый Геродотъ отправляется въ Мидію. Онъ составляетъ исторію этихъ народовъ, первыхъ свергнувшихъ иго ассиріянъ. Мидяне основали огромный городъ Экбатану, который былъ окруженъ семью концентрическими стѣнами; въ царствованіе Дейока всѣ племена мидянъ были соединены въ одинъ народъ. Переваливши черезъ гору, отдѣлявшую Мидію отъ Колхиды, греческій путешественникъ проникъ въ страну, прославленную подвигами Язона, и изучилъ съ свойственною ему добросовѣстностью ея нравы и обычаи.

Геродотъ, повидимому, былъ прекрасно знакомъ съ топографіей Каспійскаго моря. Онъ говоритъ, что „это море *само по себѣ* и не имѣетъ никакого сообщенія съ другимъ". Каспійское море, по его словамъ, граничитъ на западѣ Кавказомъ, а на востокѣ обширною равниной, населенной массагетами, которые, вѣроятно, принадлежали къ скиѳскому племени,—мнѣніе, принятое Арріаномъ и Діодоромъ Сицилійскимъ. Эти массагеты поклоняются только солнцу и въ честь его закалываютъ лошадей. Въ этомъ мѣстѣ Геродотъ говоритъ о двухъ большихъ рѣкахъ, изъ которыхъ одна—Араксъ, можетъ быть, и Волга, а другая—Истъ—Дунай.

Затѣмъ путешественникъ вступаетъ въ Скиѳію. Скиѳы, по опредѣленію Геродота, это отдѣльныя племена, населяющія пространство между Дунаемъ и Дономъ, т.-е. значительную часть Европейской Россіи. Эти народы имѣютъ обыкновеніе выкалывать глаза плѣннымъ; хлѣбопашествомъ не занимаются, ведутъ образъ жизни кочующій. Геродотъ передаетъ много миѳовъ, затемняющихъ вопросъ о происхожденіи скиѳскаго народа и въ которыхъ Геркулесъ играетъ большую роль. Далѣе онъ перечисляетъ различныя племена, входящія въ составъ скиѳовъ, но не представляется достаточно вѣроятнымъ, что онъ лично посѣтилъ страны, расположенныя къ сѣверу отъ Понта Евксинскаго. Онъ вдается въ подробное описаніе обычаевъ этихъ племенъ и приходитъ въ искренній восторгъ отъ Понта Евксинскаго—этого негостепріимнаго моря. Размѣры, опредѣляемые имъ для Чернаго моря, Босфора, Пропонтиды и Азовскаго моря — почти

вѣрны. Онъ называетъ большія рѣки, впадающія туда: Истеръ или Дунай, Борисфенъ или Днѣпръ, Танаисъ или Донъ. Кончаетъ онъ описаніемъ браковъ, а слѣдовательно и сліянія скиѳовъ съ амазонками, что и служитъ объясненіемъ, почему дѣвушки не могутъ выходить замужъ, не убивши врага.

Послѣ кратковременнаго пребыванія во Ѳракіи, въ продолженіе котораго онъ узналъ гетовъ, какъ самый мужественный народъ изъ всѣхъ этихъ племенъ (этой расы), Геродотъ прибылъ въ Грецію—конечную цѣль его путешествія,—въ страну, гдѣ онъ хотѣлъ собрать окончательныя свѣдѣнія, необходимыя для его исторіи. Онъ посѣтилъ страны, ознаменовавшіяся главными битвами съ персами. Его сообщенія о Ѳермопильскомъ проходѣ очень подробны: онъ посѣтилъ Мараѳонское поле, Платею и возвратился въ Малую Азію, гдѣ проѣхалъ чрезъ всѣ прибрежныя страны, изслѣдуя многочисленныя колоніи, основанныя тамъ греками.

При возвращеніи въ Карію, въ Галикарнассъ, знаменитому путешественнику еще не было 28 лѣтъ, что слѣдуетъ изъ того, что въ первый годъ олимпіады, т.-е. за 456 лѣтъ до Р. Х., онъ уже прочелъ свою исторію на Олимпійскихъ играхъ. Его отечество было въ это время притѣсняемо Лигдамисомъ, и онъ долженъ былъ удалиться въ Самосъ. Немного спустя, ему удалось свергнуть тирана, но неблагодарность согражданъ заставила его опять удалиться въ изгнаніе. Въ 444 году онъ присутствовалъ на Панаѳинейскихъ празднествахъ, прочелъ тамъ свою работу, вполнѣ законченную, вызвавъ всеобщій энтузіазмъ, и подъ конецъ своей жизни удалился въ Италію, въ Туріумъ, гдѣ и умеръ за 406 лѣтъ до Р. Х., оставивъ послѣ себя славу знаменитаго путешественника и еще болѣе знаменитаго историка.

Послѣ Геродота мы сдѣлаемъ скачокъ на полтора вѣка, упомянувши о врачѣ Ктезіасѣ, современникѣ Ксенофонта, написавшаго исторію своего путешествія въ Индію, котораго онъ, есть основаніе думать, и не совершалъ, и перейдемъ, слѣдуя хронологическому порядку, къ Пиѳеасу Марсельскому, одновременно путешественнику, географу и астроному, одному изъ знаменитыхъ мужей своего времени. Въ 340 году до Р. Х. Пиѳеасъ отважился пуститься въ плаваніе съ однимъ кораблемъ за Геркулесовы столбы; но вмѣсто того, чтобы слѣдовать по Африканскому берегу къ югу, какъ это дѣлали его карѳагенскіе предшествен-

ники, онъ поднялся на сѣверъ, плывя вдоль береговъ Иберіи и береговъ страны кельтовъ до удаленнѣйшаго пункта, образующаго теперь Финистеръ. Затѣмъ онъ вошелъ въ Ламаншъ и присталъ къ Англіи, къ острову Альбіону, первымъ изслѣдователемъ котораго онъ и считается. Приставая къ многимъ мѣстамъ береговъ, онъ вошелъ въ сношенія съ ихъ обитателями, добродушными, честными, воспріимчивыми, умѣренными и способными людьми, которые вели торговлю оловомъ.

Галльскій мореплаватель, подвигаясь все къ сѣверу, миновалъ Аркадскіе острова, расположенные у сѣверной оконечности Шотландіи, и поднялся подъ столь высокую широту, что лѣтомъ ночь не превосходила двухъ часовъ. Послѣ шестидневнаго плаванія онъ достигъ земли Туле, вѣроятно Ютландіи или Норвегіи, далѣе которой онъ не могъ плыть. „Дальше,—говоритъ онъ,—не было ни моря, ни земли, ни воздуха". И такъ онъ возвратился обратно и, измѣняя свое первоначальное направленіе, пришелъ къ устью Рейна, гдѣ жили остіоны, а еще далѣе германцы. Отъ этого пункта онъ приплылъ къ устью Таѳаиса, который, предполагаютъ, есть Эльба или Одеръ, и возвратился въ Марсель черезъ годъ послѣ того, какъ покинулъ свой родной городъ. Замѣчательный путешественникъ Пиѳеасъ былъ и не менѣе замѣчательнымъ ученымъ; онъ первый доказалъ вліяніе луны на морскіе приливы и отливы и замѣтилъ, что полярная звѣзда вовсе не занимаетъ особенно точно тотъ пунктъ, черезъ который проходитъ земная ось.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Пиѳеаса, около 326 г. до Р. Х., одинъ греческій путешественникъ — македонянинъ—прославился на поприщѣ изслѣдованія. Это былъ Неархъ, родомъ изъ Крита. Въ качествѣ начальника надъ флотомъ Александра, онъ получилъ порученіе объѣхать весь берегъ Азіи отъ Инда до Евфрата. Когда завоевателю пришла мысль произвести это изслѣдованіе, имѣвшее цѣлью установить сношенія Индіи съ Египтомъ, онъ находился самъ съ своею арміею въ 800 миляхъ отъ берега, на верхнемъ теченіи Инда. Онъ снарядилъ для Неарха флотъ, состоявшій, какъ полагаютъ, изъ тридцати трехъ галеръ, двухпалубныхъ кораблей, и большого числа транспортныхъ судовъ. Двѣ тысячи человѣкъ помѣщалось на этомъ флотѣ, въ которомъ насчитываютъ 800 судовъ. Неархъ спускался по Инду въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ, сопровождаемый съ каждаго берега

арміей Александра. У устья большой рѣки завоеватель оставался семь мѣсяцевъ, употребленныхъ имъ на изслѣдованіе дельты. Послѣ этого Неархъ поплылъ вдоль берега, составляющаго нынѣ гран цу Белуджистана.

Неархъ пустился въ море 2-го октября, т.-е. за мѣсяцъ до того, какъ зимній муссонъ могъ бы благопріятствовать его плаванію своимъ попутнымъ направленіемъ. И такъ начало его путешествія было встрѣчено препятствіемъ, и въ первые 40 дней онъ едва проплылъ 80 миль на западъ. Первая его стоянка была сдѣлана въ Стурѣ и въ Кореестисѣ; названія эти не соотвѣтствуютъ ни одному изъ нынѣшнихъ селеній, расположенныхъ по этому берегу. Далѣе онъ приплылъ къ острову Крокала, составляющему современную бухту Карантійскую. Разбитый бурями флотъ, обогнувши мысъ Монсъ, укрылся въ природной гавани, которую начальствующій долженъ былъ укрѣпить для защиты отъ нападеній варваровъ, нынѣшнихъ зангарійцевъ, представляющихъ собою и теперь еще пиратовъ.

Двадцать четыре дня спустя, 3-го ноября, Неархъ опять поднялъ паруса и пустился въ море. Сильныя бури заставляли мореплавателя прибѣгать къ частымъ остановкамъ на различныхъ мѣстахъ берега и въ такихъ обстоятельствахъ онъ принужденъ былъ еще защищаться отъ нападеній арабитовъ, представляемыхъ восточными историками „какъ варварскій народъ, носящій въ безпорядкѣ длинные волосы, отпускающій бороды и похожій на фавновъ или медвѣдей“. Впрочемъ, до сихъ поръ еще ничего особенно важнаго не случилось съ флотомъ; только 10-го ноября отъ поднявшагося въ открытомъ морѣ страшнаго вѣтра погибли двѣ галеры и одинъ корабль. Неархъ присталъ тогда къ острову Крокала и сдѣлалъ запасъ съѣстныхъ припасовъ, присланныхъ ему Александромъ. Каждый корабль былъ обезпеченъ продовольствіемъ на 10 дней.

Послѣ разнообразныхъ приключеній, послѣ мелкихъ стычекъ съ прибрежными варварами, Неархъ присталъ къ границѣ страны оритовъ, носящей въ современной географіи названіе—мысъ Морана. Въ этой области, замѣчаетъ Неархъ въ своемъ повѣствованіи, солнце, находясь на половинѣ своего пути, освѣщало предметы вертикально и предметы не отбрасывали тѣни. Но Неархъ, очевидно, ошибается, потому что въ это время дневное свѣтило находилось въ южномъ полушаріи на тропикѣ Козерога, и къ

тому же корабли Неарха находились всегда на разстояніи нѣсколькихъ градусовъ отъ тропика Рака, слѣдовательно даже и въ самомъ разгарѣ лѣта подобное явленіе не могло тамъ имѣть мѣста.

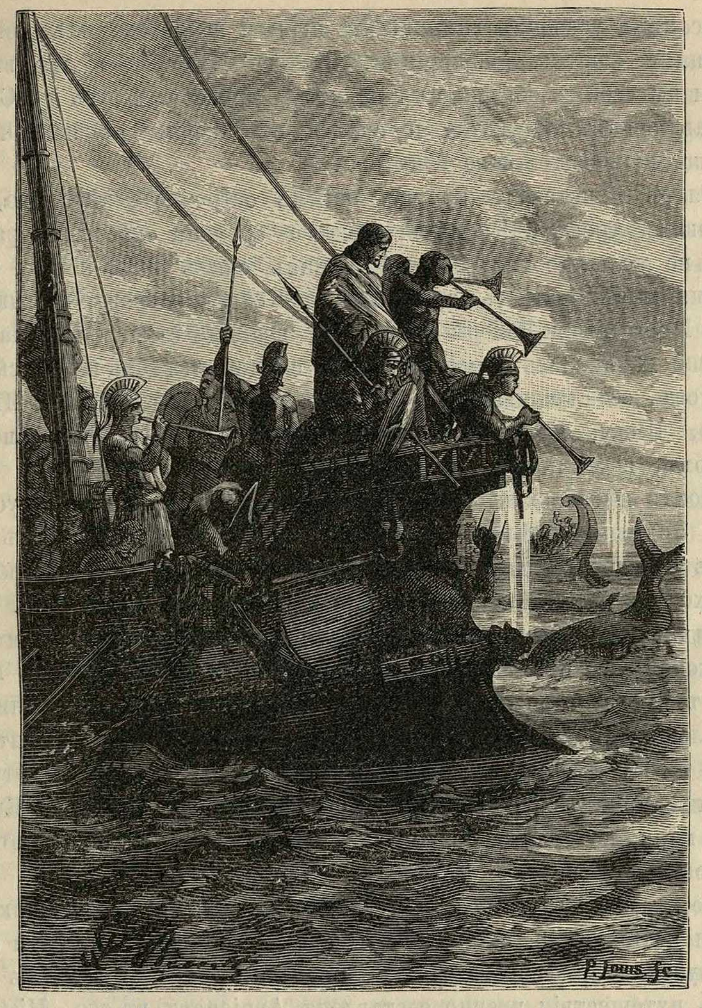
Мореплаваніе было поставлено въ лучшія условія, когда восточный муссонъ установился. Неархъ слѣдовалъ по берегу истіофаговъ, истребителей рыбъ,—жалкаго племени, которое, за недостаткомъ пастбищъ, принуждено было кормить своихъ овецъ продуктами моря. Флотъ началъ испытывать недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Онъ обогнулъ мысъ Посми. Тамъ Неархъ взялъ къ себѣ туземнаго кормчаго, и корабли, сопутствуемые береговыми вѣтрами, подвигались съ успѣхомъ впередъ. Берегъ становился менѣе безплоднымъ. Тамъ и сямъ попадались деревья. Неархъ прибылъ въ городъ истіофаговъ, котораго онъ не называетъ, и, нуждаясь въ продовольствіи, внезапнымъ нападеніемъ на жителей захватилъ ихъ припасы.

Въ дальнѣйшемъ плаваніи корабли прибыли въ Каназиду, которая есть не что иное, какъ городъ Чурбаръ; развалины этого города сохранились и теперь у залива того-же имени. Но въ хлѣбѣ уже ощущался сильный недостатокъ. Неархъ останавливался послѣдовательно въ Канатѣ, въ Троѣ и въ Дагазирѣ, нигдѣ не находя возможности пополнить свои припасы, за бѣдностью жалкихъ племенъ. У мореплавателей не было ни мяса, ни хлѣба, однако, они не рѣшались ѣсть черепахъ, которыми изобилуютъ эти страны.

Почти у входа въ Персидскій проливъ флотъ встрѣтилъ большое количество китовъ. Испуганные матросы хотѣли бѣжать, но Неархъ ободрилъ ихъ словами и успѣлъ ихъ увлечь далѣе на встрѣчу къ этимъ чудовищамъ, въ дѣйствительности безвреднымъ, которыхъ онъ и разогналъ своимъ флотомъ.

Достигнувъ Карманіи, корабли отклонились немного отъ направленія къ западу и стали держаться между западомъ и сѣверомъ. Берега были плодородны; всюду попадались хлѣбныя поля, пастбища и всевозможныя фруктовыя деревья, исключая оливковъ. Неархъ бросилъ якоря у Бадиса, нынѣшняго Яска. Затѣмъ, обогнувши мысъ Масета или Муссендонъ, мореплаватели увидали входъ въ Персидскій заливъ, которому Неархъ, согласно съ арабскими географами, даетъ несвойственное ему имя Краснаго моря.

Неархъ зашелъ въ заливъ и, послѣ одной стоянки, достигъ мѣста, называемаго Гармозіей, по имени которой и назвалъ впо-



Неархъ пошелъ навстрѣчу чудовищамъ...

слѣдствіи островокъ. Тамъ онъ узналъ, что армія Александра находится на разстояніи пяти дней пути отъ него, вслѣдствіе чего онъ торопился высадиться и поспѣшилъ къ завоевателю. Послѣдній, не имѣя о своемъ флотѣ никакихъ извѣстій въ продолженіе двадцати одной недѣли, не надѣялся болѣе его увидѣть. Можно себѣ представить радость полководца, когда предъ нимъ предсталъ его начальникъ флота, хотя послѣдній похудѣлъ и былъ почти неузнаваемъ. Чтобъ ознаменовать его возвращеніе,

Александръ устроилъ гимническія игры и поблагодарилъ боговъ большими жертвоприношеніями. Затѣмъ Неархъ, желая вновь пойти къ своимъ обязанностямъ, чтобы привести флотъ къ Сузѣ, отправился въ Гармозію и снялся съ якоря, призвавши на помощь покровительство Юпитера.

Флотъ приставалъ къ различнымъ островамъ, вѣроятно, къ островамъ Арекъ и Кисмисъ; немного времени спустя, корабли сѣли на мель, но наступившій приливъ снялъ ихъ, и они, обогнувши мысъ Бестіонъ, приплыли къ Кейшу, острову, посвященному Меркурію и Венерѣ. Это была граница страны Карманіи. Дальше начиналась Персія. Корабли слѣдовали вдоль персидскихъ береговъ, останавливаясь въ разныхъ мѣстахъ: въ Гиламѣ, Индеравіи, Шеву, Конкунѣ и Сита-Регіанѣ, гдѣ Неархъ запасся хлѣбомъ, посланнымъ Александромъ.

Послѣ нѣсколькихъ дней плаванія флотъ прибылъ къ устью рѣки Эндіана, отдѣляющей Персію отъ Сузіаны. Отсюда онъ достигъ истока большого рыбнаго озера, называемаго Катадербисъ и находящагося въ странѣ, носящей теперь имя Доргестана. Наконецъ, флотъ бросилъ якорь въ виду вавилонскаго селенія Дегела, у истоковъ рѣки Евфрата, изслѣдовавши такимъ образомъ весь берегъ отъ этого пункта до Инда. Неархъ вторично соединился съ Александромъ, который его щедро наградилъ и оставилъ за нимъ начальство надъ всѣмъ своимъ флотомъ. Александръ хотѣлъ еще предпринять изслѣдованіе всего арабскаго берега до Краснаго моря, но смерть полководца помѣшала выполненію этихъ плановъ.

Полагаютъ, что впослѣдствіи Неархъ былъ намѣстникомъ Ликіи и Памфиліи. На досугѣ онъ самъ составлялъ исторію своего путешествія, но его записки пропали. Подробный отчетъ объ этомъ путешествіи удачно составленъ Арріаномъ въ его „Historia Indica“.

Есть основаніе думать, что Неархъ былъ убитъ въ битвѣ при Ипсѣ, оставивъ по себѣ память искуснаго мореплавателя, путешествіе котораго составляетъ важное событіе въ исторіи мореплаванія.

Теперь мы должны разсказать о смѣлой попыткѣ Евдокса Сизикскаго, географа, жившаго за 146 лѣтъ до Р. Х., при дворѣ Эвергета II. Посѣтивши Египетъ и берега Индіи, этотъ отважный авантюристъ возымѣлъ мысль объѣхать вокругъ Африки,—мысль,

которая была приведена въ исполненіе только шестнадцать вѣковъ спустя Васко-де-Гамой. Евдоксъ нанялъ одинъ большой корабль и два баркаса и пустился по незнакомымъ волнамъ Атлантическаго океана. Какъ далеко онъ довелъ эти суда? Трудно опредѣлить. Какъ бы то ни было, поговоривши съ туземцами, которыхъ онъ принялъ за эфіоповъ, онъ возвратился въ Мавританію. Оттуда онъ переправился въ Иберію и занялся приготовленіями къ новому обширному путешествію вокругъ Африки. Было-ли совершено это путешествіе? Сомнительно. Нужно сказать, что этотъ Евдоксъ, въ общемъ болѣе отважный, чѣмъ честный, считается большинствомъ ученыхъ обманщикомъ.

Между путешественниками, прославившимися въ до-христіанскую эру, намъ остается упомянуть еще о двухъ именахъ. Это— Цезарь и Страбонъ. Цезарь, родившійся за 100 лѣтъ до Р. Х., былъ главнымъ образомъ завоевателемъ, и въ его цѣли не входило изслѣдованіе новыхъ странъ. Напомнимъ только, что въ 58 г. онъ предпринялъ завоеваніе Галліи и что въ продолженіе этого обширнаго предпріятія, длившагося десять лѣтъ, онъ успѣлъ довести свои побѣдоносные легіоны до береговъ Великобританіи, провинціи которой были населены народами германскаго происхожденія.

Что касается Страбона, родившагося въ Каппадокіи за 50 лѣтъ до Р. Х., то онъ извѣстенъ болѣе какъ географъ, чѣмъ какъ путешественникъ. Однако онъ проѣхалъ внутреннюю Азію, Египетъ, Грецію, Италію и жилъ долго въ Римѣ, гдѣ и умеръ въ послѣдніе годы царствованія Тиверія. Страбонъ оставилъ послѣ себя географію, раздѣленную на 17 частей, изъ которыхъ большая часть сохранилась до нашего времени. Это сочиненіе, вмѣстѣ съ сочиненіями Птоломея, составляетъ самый важный памятникъ, завѣщенный древними современнымъ географамъ.

ГЛАВА II.

Знаменитые путешественники отъ I до IX вѣка.

Павзаній (174).—Фа-Гіанъ (399).—Cosmas Indicopleustes (5...).—Аркульфъ (700)—Виллибальдъ (725).—Сулейманъ (851).

Плиній, Гиппалъ, Арріанъ и Птоломей.—Павзаній посѣщаетъ Аттику, Коринѳію, Лаконію, Мессенію, Элиду, Ахаію, Аркадію, Беотію и Фокиду.—Фа-Гіанъ изслѣдуетъ Кантшу, Татарію, Сѣверную Индію, Пенджабъ, Цейлонъ и Яву.—Cosmas Indicopleustes и христіанская топографія вселенной.—Аркульфъ описываетъ Іерусалимъ, Іосафатскую долину, Масличную гору, Виѳлеемъ, Іерихонъ, Іорданъ, Ливанъ, Мертвое море, Капернаумъ, Назаретъ, гору Ѳаворъ, Дамаскъ, Тиръ, Александрію и Константинополь.—Виллибальдъ и Святыя мѣста.—Сулейманъ обозрѣваетъ Омапское море, Цейлонъ, Суматру, Сіамскій заливъ и Китайское море.

Въ продолженіе первыхъ двухъ вѣковъ христіанской эры географія, какъ наука, сдѣлала значительные успѣхи, но путешественниковъ въ строгомъ смыслѣ слова,—мы хотимъ сказать изслѣдователей, которые открывали бы страны,—было очень немного.

Плиній, въ 23 году по Р. X., посвятилъ третью, четвертую, пятую и шестую книги своей „Histoire naturelle“ географіи. Въ 50 году Гиппалъ, искусный мореплаватель, работалъ надъ законами муссоновъ въ Индійскомъ океанѣ: чтобы мореплаватели пользовались направленіемъ этихъ вѣтровъ, онъ училъ ихъ совершать путешествіе по открытому морю въ Индію и обратно въ теченіе одного года. Арріанъ, греческій историкъ, родившійся въ 105 году, составилъ свое „Описаніе путешествія по Понту Эвксинскому“, въ которомъ старался опредѣлить съ большею точностью страны, открытыя предшествующими изслѣдователями. Наконецъ египтянинъ Клодъ Птоломей, около 175 года, приведя въ порядокъ труды своихъ предшественниковъ, обнародовалъ, несмотря на важныя погрѣшности, все же знаменитую географію, въ которой положеніе мѣстъ относительно широтъ и долготъ въ первый разъ основывалось на математическихъ данныхъ.

Первый путешественникъ христіанской эпохи, имя котораго стало извѣстнымъ, былъ Павзаній, греческій писатель. Онъ жилъ въ Римѣ во второмъ вѣкѣ и оставилъ намъ свои записки, составленныя около 175 года. Въ составленіи путеводителей Павзаній предшествовалъ нашему современнику Жоанну: что изобрѣта-

тельный и трудолюбивый французъ сдѣлалъ для странъ Европы, то Павзаній сдѣлалъ для Греціи; путеводитель послѣдняго составленъ настолько подробно и добросовѣстно, что туристы второго вѣка могли при помощи его съ успѣхомъ объѣзжать всѣ провинціи Греціи.

Тщательно и подробно описываетъ Павзаній Аттику и еще подробнѣе Аѳины: ея памятники, гробницы, арки, храмы, цитадель, ареопагъ, академію и колонны. Отъ Аттики онъ переходитъ къ Коринѳію и изслѣдуетъ острова Эгинскіе и Эакскіе. Затѣмъ онъ добросовѣстно обозрѣваетъ Лаконію и Спарту, островъ Цитеры, Мессенію, Элиду, Ахаію, Аркадію, Беотію и Фокиду; въ своемъ описаніи онъ называетъ всѣ дороги провинцій и улицы городовъ, и къ тому же представлены общіе виды различныхъ областей Греціи. Въ итогѣ, однако, Павзаній не прибавилъ ни одного новаго открытія къ тѣмъ, которыя были сдѣланы предшественниками. Это былъ аккуратный путешественникъ, посвятившій свой трудъ точному изслѣдованію уже открытыхъ земель, а не открытію новыхъ. Тѣмъ не менѣе его трудъ принесъ много пользы: всѣ дальнѣйшіе географы и комментаторы пользовались этимъ трудомъ при своихъ изслѣдованіяхъ Эллады и Пелопоннеза, и одинъ ученый XIV вѣка могъ съ полнымъ основаніемъ назвать трудъ Павзанія „сокровищемъ самыхъ древнихъ и самыхъ рѣдкихъ ученыхъ примѣчаній".

Послѣ греческаго историка, спустя почти сто тридцать лѣтъ, одинъ китайскій путешественникъ, монахъ, предпринялъ въ концѣ IV вѣка изслѣдованіе странъ, лежащихъ къ западу отъ Китая. Описаніе его путешествія дошло до насъ. Нельзя не присоединиться къ мнѣнію г. Шартона, который смотритъ на это описаніе, „какъ на памятникъ тѣмъ болѣе цѣнный, что онъ ставитъ насъ внѣ нашей односторонней точки зрѣнія на цивилизацію востока".

Фа-Гіанъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ монаховъ, желая отправиться изъ Китая съ западной стороны, перебрался черезъ нѣсколько горныхъ цѣпей и прибылъ въ страну, называемую теперь Канъ-чу и лежащую недалеко отъ большой стѣны. Тамъ къ нему присоединилось нѣсколько туземцевъ. Они перешли рѣку Ша-хо и пустыню, которую Марко-Поло изслѣдовалъ 800 лѣтъ спустя. Послѣ семнадцатидневнаго путешествія они достигли озера Лобъ, которое находится въ теперешнемъ Китай-

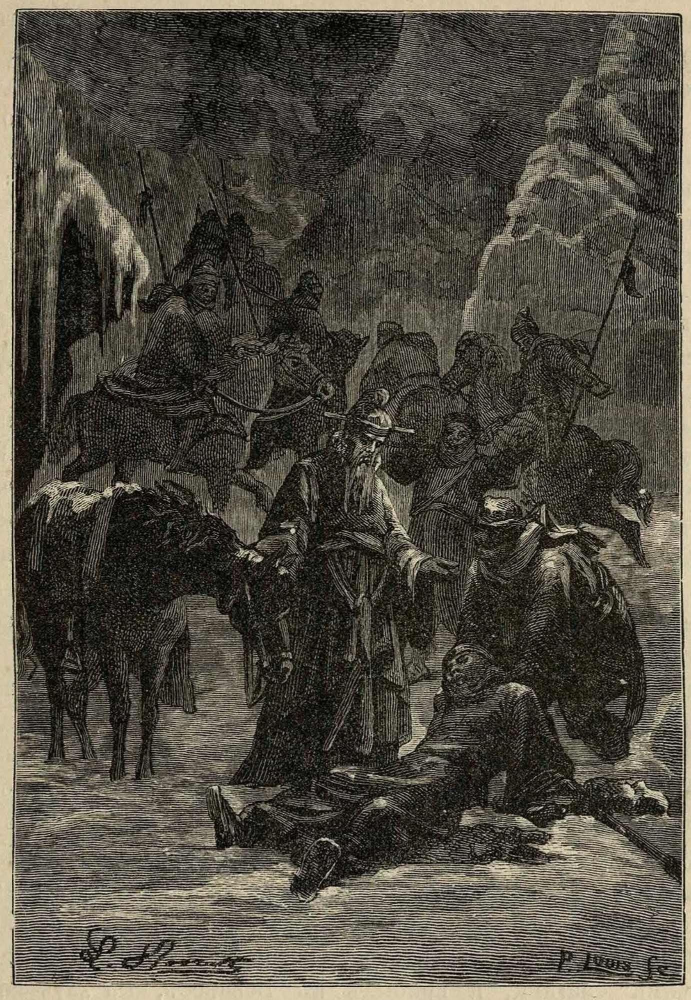
скомъ Туркестанѣ. Отъ этого мѣста населеніе всѣхъ земель, посѣщаемыхъ монахами, имѣло общіе нравы и обычаи, только языкъ былъ разный.

Послѣ пребыванія у негостепріимныхъ жителей страны уигуровъ, пріемомъ которыхъ монахи остались очень недовольны, они двинулись къ юго-западу, въ пустынную страну, переходя съ большимъ трудомъ попадающіяся рѣки. Спустя тридцать пять дней, маленькій караванъ прибылъ въ Татарію, въ Хотанское царство, которое считало у себя „нѣсколько десятковъ тысячъ монаховъ". Фа-Гіанъ и его спутники были допущены въ монастыри и послѣ трехмѣсячнаго ожиданія имъ привелось присутствовать при „процессіи образовъ", — торжественномъ праздникѣ какъ буддистовъ, такъ и браминовъ, во время котораго провозятъ изображенія боговъ на роскошно убранной колесницѣ по усыпаннымъ цвѣтами улицамъ и среди облаковъ благоуханій.

Послѣ праздника монахи покинули Хотанъ и прибыли въ царство, которое въ настоящее время составляетъ кантонъ Кукъяръ. Отдохнувши пятнадцать дней, они отправились на югъ, въ страну, называемую теперь Балистанъ. Это холодная и гористая страна, въ которой ничего не произрастаетъ, кромѣ хлѣба. Туземные монахи молились по свиткамъ, на которыхъ изображены молитвы; эти свитки вертятся правовѣрными съ неимовѣрной быстротой. Отсюда Фа-Гіанъ отправился въ восточную часть Афганистана. Ему понадобился цѣлый мѣсяцъ, чтобы переправиться черезъ покрытыя вѣчными снѣгами горы, на которыхъ онъ встрѣчалъ ядовитыхъ драконовъ.

Переправившись черезъ эти горы, путешественники прибыли въ сѣверную Индію. Въ этой странѣ расположены источники, изъ соединенія которыхъ образуется Синдъ или Индъ. Отсюда, пройдя У-чангъ, Су-го-то и Кіанто-веи, они прибыли въ Фо-луша—вѣроятно, теперь городъ Пейшаверъ,—расположенный между Кабуломъ и Индомъ, и отсюда, подавшись на двадцать четыре лье къ западу, они пришли въ городъ Гило, лежащій на берегу притока рѣки Кабула. Во всѣхъ этихъ городахъ Фа-Гіанъ преимущественно интересуется празднествами и обычаями, относящимися къ поклоненію Фо, который есть тотъ же Будда.

Оставивъ Гило, монахи стали переправляться черезъ горы Гинду-ку, возвышающіяся между Тохарестаномъ и Гандарою. Стужа была тамъ такая лютая, что одинъ изъ спутниковъ Фа-



Одинъ изъ спутниковъ Фа-Гіана замерзъ...

Гіана замерзъ. Послѣ тысячи затрудненій, каравану удалось добраться до города Бану, который существуетъ и теперь; затѣмъ, пройдя снова Индъ въ средней части его теченія, онъ пришелъ въ Пенджабъ. Отсюда, спускаясь къ юго-западу, съ намѣреніемъ перейти сѣверную часть Индійскаго полуострова, караванъ прибылъ въ Матуру, въ городъ нынѣшней провинціи Агры, и, перебравшись черезъ большую соляную пустыню, лежащую на востокъ отъ Инда, прошли черезъ страну, которую Фа-Гіанъ называетъ

„Центральнымъ царствомъ, гдѣ жители честны и благочестивы, и, не имѣя ни чиновниковъ, ни законовъ, ни казней, не употребляя въ пищу ни одного живущаго существа, не заводя у себя ни бойни, ни торговли виномъ, — живутъ счастливо въ изобиліи и радости, пользуясь климатомъ, гдѣ жаръ и холодъ умѣряются другъ другомъ".

Это царство—Индія.

Спускаясь къ юго-западу, Фа-Гіанъ посѣтилъ теперешній округъ Ферухъ-абадъ, гдѣ, по преданію, Будда вновь сошелъ съ неба по тройной лѣстницѣ съ драгоцѣнными ступенями. Благочестивый путешественникъ подробно распространяется о вѣрованіяхъ буддизма. Отсюда онъ отправился въ городъ Кануджу, расположенный на правомъ берегу Ганга, который онъ называетъ Генгомъ. Это по преимуществу страна Будды. Всюду, гдѣ Богъ садился, правовѣрные воздвигали высокія башни. Благочестивые пилигримы не преминули посѣтить храмъ Чи-гуанъ, гдѣ Фо въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ предавался добровольному истязанію плоти; созерцая священное мѣсто, гдѣ Фо возвратилъ зрѣніе пятистамъ слѣпымъ, сердца монаховъ преисполнились сильной горестью.

Караванъ снова продолжалъ путь. Онъ перешелъ Капилу, Горакпуръ, границу Неполя, Кин-и-на-ки, мѣста, прославленныя чудесами Фо и, наконецъ, прибылъ къ дельтѣ Ганга, въ знаменитый городъ Паліанъ-фу, въ царствѣ Магадга. Это была богатая страна, населенная сострадательнымъ и справедливымъ народомъ, имѣющимъ пристрастіе къ философскимъ преніямъ. Переваливши черезъ вершину горы Вотуръ, возвышающуюся у истоковъ рѣкъ Дадеръ и Банурахъ, Фа-Гіанъ спустился по Гангу, посѣтилъ храмъ Исси-Паттене, который посѣщался когда-то „летучими" магами, и прибылъ въ Бенаресъ, въ „лучезарное царство". Спускаясь еще ниже, онъ достигъ города То-мо-ли-ти, расположенный у устья рѣки на нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста, занимаемаго теперь Каликутой.

Въ это время приготовлялся къ отплытію караванъ купцовъ съ намѣреніемъ посѣтить островъ Цейлонъ. Фа-Гіанъ взялъ мѣсто на ихъ кораблѣ и, послѣ четырнадцатидневнаго переѣзда, высадился на берегахъ прежняго Тапробанэ, о которомъ греческій купецъ Ямболо составилъ за нѣсколько вѣковъ до того интересное описаніе. Благочестивый монахъ нашелъ въ этомъ царствѣ

всѣ легенды, относящіяся къ богу Фо, и жилъ тамъ два года, посвящая это время библіографическимъ изысканіямъ. Онъ оставилъ Цейлонъ, чтобы отправиться на Яву, куда и прибылъ послѣ опаснаго переѣзда: небо было мрачное, „видны были только набѣгающіе другъ на друга валы, огненный блескъ молніи, черепахи, крокодилы, морскія чудовища и другіе ужасы".

Послѣ пятимѣсячнаго пребыванія на Явѣ, Фа-Гіанъ отплылъ въ Кантонъ. Борясь съ противными вѣтрами и испытавъ тысячу затрудненій, онъ присталъ, наконецъ, въ теперешній Шантунгъ. Пробывши нѣсколько времени въ Нан-кингѣ, онъ возвратился послѣ восемнадцатилѣтняго отсутствія въ своей родной городъ Сіан-фу.

Таково описаніе этого путешествія, которое Абель де-Ремюза прекрасно перевелъ. Оно представляетъ интересныя подробности объ обычаяхъ татаръ и индійцевъ, знакомя главнымъ образомъ со всѣмъ, что касается религіозныхъ обрядовъ.

За китайскимъ монахомъ слѣдуетъ въ хронологическомъ порядкѣ путешественникъ, жившій въ XVI вѣкѣ, египтянинъ Cosmas Indicopleustes, — имя, которое г. Шартонъ переводитъ такъ: „космографъ-путешественникъ по Индіи". Это былъ александрійскій купецъ, посѣтившій Эфіопію и часть Азіи, послѣ чего возвратился на родину и поступилъ въ монахи. Его сочиненіе носитъ названіе „Христіанской топографіи вселенной". Оно не сообщаетъ никакихъ подробностей о путешествіи его автора. Записки начинаются съ космографическихъ преній, въ которыхъ авторъ силится доказать, что земля имѣетъ четырехъугольную форму и что она вмѣстѣ съ прочими свѣтилами заключена въ одинъ большой продолговатый ящикъ; затѣмъ слѣдуютъ разсужденіе объ обязанностяхъ ангеловъ и описаніе одежды еврейскихъ священнослужителей. Далѣе Cosmas составляетъ естественную исторію животныхъ Индіи и Цейлона; онъ перечисляетъ носорога, быка-оленя, который можетъ быть прирученъ, жирафа, дикаго быка, выхухоль, за которою охотятся для добыванія „ея пахучей крови", единорога, котораго онъ не считаетъ за животное химерическое, вепря, котораго онъ называетъ кабаномъ-оленемъ, гиппопотама, тюленя, дельфина и черепаху. Отъ животныхъ онъ переходитъ къ описанію перечника, о которомъ онъ отзывается, какъ о кустарникѣ хрупкомъ и нѣжномъ, подобно маленькимъ виноградным лозамъ, къ описанію кокосо-

ваго дерева, плоды котораго имѣютъ пріятный вкусъ свѣжихъ орѣховъ.

Съ начала христіанской эры вѣрующіе направились въ святыя мѣста, колыбель новой религіи. Эти путешествія повторялись все чаще и чаще, и исторія сохранила имена главныхъ пилигримовъ, посѣтившихъ Палестину въ первые годы христіанства.

Одинъ изъ такихъ пилигримовъ, французскій епископъ Аркульфъ, жившій въ концѣ VII вѣка, оставилъ обстоятельный разсказъ о своемъ путешествіи.

Онъ начинаетъ съ топографическаго описанія Іерусалима и описанія стѣны, окружающей святой городъ; онъ посѣщаетъ церковь формы ротонды, построенную на Гробѣ Господнемъ, гробницу Іисуса Христа и камень, ее закрывавшій, церковь, построенную на Голгофѣ и базилику Константина, сооруженную на томъ мѣстѣ, гдѣ найденъ былъ крестъ. Всѣ эти церкви помѣщаются въ одномъ зданіи, заключающемъ въ себѣ также гробницу Христа и Голгофу, на вершинѣ которой Спаситель былъ распятъ.

Затѣмъ Аркульфъ спускается въ Іосафатскую долину, лежащую на востокѣ отъ города, гдѣ возвышается церковь, покрывающая гробницу Пресвятой Дѣвы и гробницу Авессалома, которую онъ называетъ Іосафатской башней. Далѣе онъ взбирается на гору Оливъ, лежащую по ту сторону долины противъ города, и молится въ томъ гротѣ, гдѣ молился Іисусъ. Отсюда онъ отправляется на гору Сіонъ, лежащую къ югу отъ города; дорогою онъ замѣчаетъ гигантское фиговое дерево, на которомъ, по преданію, повѣсился Іуда Искаріотскій, и посѣщаетъ трапезную церковь, нынѣ разрушенную.

Обойдя городъ по долинѣ Силоэ и поднимаясь вдоль потока Кедрона, епископъ возвращается на гору Оливъ, покрытую роскошными всходами пшеницы и ячменя, травами и цвѣтами, и описываетъ на вершинѣ святой горы мѣсто, откуда Христосъ вознесся на небо. Тамъ вѣрующіе построили большую круглую церковь съ тремя сводчатыми портиками; эта церковь не имѣетъ ни крыши, ни свода и стоитъ подъ открытымъ небомъ. „Надъ церковью не вывели свода,—говоритъ въ своемъ повѣствованіи епископъ,—для того, чтобы мѣсто, къ которому прикоснулись въ послѣдній разъ божественныя стопы, когда Спаситель воз-

несся въ облакѣ на небо, оставалось открытымъ, дабы голоса вѣрующихъ доносили ихъ молитвы къ самому небу. Поэтому, при сооруженіи церкви, мѣсто, къ которому прикасались стопы Господа, не вымостили камнемъ, подобно остальному пространству, занимаемому зданіемъ. По мѣрѣ того, какъ настилали мраморъ, земля, не терпѣвшая ничего человѣческаго, отплевывала, если смѣю такъ сказать, камни обратно въ лицо рабочимъ. Сверхъ того прахъ сохраняетъ, какъ безсмертное поученіе, отпечатокъ божественныхъ стопъ, и хотя ежедневные посѣтители уносятъ этотъ прахъ, онъ снова возобновляется, и земля его не перестаетъ сохранять".

Осмотрѣвъ поле Виѳанское, лежащее среди большого оливковаго лѣса, гдѣ видна гробница Лазаря и церковь, расположенная вправо, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ имѣлъ обыкновеніе бесѣдовать съ своими учениками, Аркульфъ отправился въ Виѳлеемъ, находящійся въ двухъ часахъ пути отъ святого города на югъ отъ Зефраимской долины. Онъ описываетъ мѣсто рожденія Спасителя, природную пещеру, находящуюся на восточной окраинѣ города, и надъ нею церковь, сооруженную святою Еленою; далѣе гробницы трехъ пастуховъ, которые при рожденіи Спасителя были озарены небеснымъ сіяніемъ, гробницу Рахили, гробницы четырехъ патріарховъ: Авраама, Исаака, Іакова и Адама—перваго человѣка. Затѣмъ онъ посѣщаетъ Мамврійскую гору и дубъ, подъ тѣнью котораго Авраамъ оказалъ гостепріимство тремъ ангеламъ.

Отсюда Аркульфъ отправляется въ Іерихонъ или, вѣрнѣе, къ тому мѣсту, которое занималъ этотъ городъ, стѣны котораго обрушились при трубномъ звукѣ Іисуса Навина. Онъ осматриваетъ то мѣсто, гдѣ сыны Израиля, переправившись черезъ Іорданъ, сдѣлали первый привалъ въ землѣ Ханаанской; онъ разсматриваетъ въ храмѣ Галгала двѣнадцать камней, которые израильтяне, по повелѣнію Господа, вытащили изъ высохнувшаго потока. Онъ идетъ вдоль береговъ Іордана и знакомится на правомъ берегу, у поворота рѣки, въ разстояніи одного часа пути отъ Мертваго моря, съ мѣстомъ, гдѣ Спаситель былъ крещенъ Іоанномъ; это мѣсто отличается живописнымъ мѣстоположеніемъ и окружено великолѣпными деревьями; здѣсь поставленъ крестъ, который совершенно покрывается бѣловатыми волнами рѣки во время ея разлитія.

Обозрѣвъ берега Мертваго моря, изъ котораго онъ отвѣдалъ соли, отыскавъ въ Финикіи у подошвы Ливана источники Іордана, изслѣдовавъ большую часть Тиберіатскаго озера, осмотрѣвъ самарійскій колодезь, изъ котораго самарянка напоила Христа, посѣтивъ родникъ пустыни, изъ котораго Іоаннъ Креститель утолялъ жажду, обширную Газанскую равнину, „ни разу съ тѣхъ поръ не воздѣлываемую", въ которой Іисусъ благословилъ пять хлѣбовъ и двѣ рыбы,—Аркульфъ спустился къ Капернауму, отъ котораго не осталось теперь ничего; отсюда онъ приходитъ въ Назаретъ, гдѣ прошло дѣтство Христа, и посѣщеніемъ горы Ѳаворъ, въ Галилеѣ, онъ окончилъ свое путешествіе по святымъ мѣстамъ.

Повѣствованіе епископа содержитъ въ себѣ также географическія и историческія подробности и о другихъ городахъ, которые онъ посѣтилъ. Онъ описываетъ древній городъ Дамаскъ, который орошаютъ четыре большія рѣки, „чтобы его оживлять"; Тиръ, метрополію финикійской провинціи, которая, когда-то отдѣленная отъ континента, была вновь къ нему присоединена насыпями Навуходоносора; Александрію—нѣкогда столицу Египта, куда путешественникъ прибылъ изъ Яфы послѣ сорокадневнаго путешествія и, наконецъ, Константинополь, гдѣ онъ часто посѣщалъ обширную церковь, въ которой сохраняется „священное древо креста, на которомъ Спаситель умеръ, распятый ради спасенія рода человѣческаго".

Путешествіе это, написанное подъ диктовку епископа аббатомъ Сенъ-Колумбаномъ, заканчивается просьбой къ читателямъ о томъ, чтобы они молили Христа, Судію всѣхъ вѣковъ, о ниспосланіи милосердія святому прелату Аркульфу, а также и писцу, презрѣнному грѣшнику.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ французскаго епископа, одинъ англійскій пилигримъ предпринялъ тоже путешествіе съ благочестивою цѣлью и выполнилъ его приблизительно при тѣхъ же условіяхъ.

Его звали Виллибальдъ. Онъ принадлежалъ къ богатому семейству, которое, по всѣмъ вѣроятіямъ, жило въ графствѣ Соутгамптонскомъ. Вслѣдствіе того, что мальчикъ былъ болѣзненный, родители посвятили его Богу и дѣтство его прошло, такимъ образомъ, среди благочестивыхъ занятій въ Вальтгеймскомъ монастырѣ. Достигши зрѣлаго возраста, Виллибальдъ рѣ-

шилъ отправиться помолиться въ Римъ, въ церковь, посвященную апостолу Петру, и его горячія настоянія убѣдили отправиться вмѣстѣ съ нимъ его отца Ричарда, брата Вимбальда и молодую сестру Вальпургію.

Благочестивое семейство пустилось въ путь изъ Hamble-Haven'а весною 721 года и, поднявшись по Сенѣ, пристало къ берегу, около города Руана. Виллибальдъ сообщаетъ мало подробностей о своемъ путешествіи до Рима. Они проѣхали Кортону— Лигурійскій городъ, Луку—городъ въ Тосканіи, гдѣ Ричардъ, сваленный трудностями путешествія, умеръ и, наконецъ, 7 февраля 722 года, переправившись зимою черезъ Аппенины, два брата и сестра прибыли въ Римъ, гдѣ и провели остатокъ зимы, терзаемые жестокой лихорадкой.

Выздоровѣвши, Виллибальдъ возымѣлъ намѣреніе продолжить свое путешествіе до святыхъ мѣстъ. Онъ отправилъ брата и сестру въ Англію, а самъ пустился въ путь въ сопровожденіи нѣсколькихъ монаховъ. Черезъ Тарачину и Гаету они переправились въ Неаполь, откуда поплыли въ Реджіо—въ Калабріи, въ Катану и Сиракузы—въ Сициліи. Передъ тѣмъ, какъ окончательно пуститься въ море, они приставали къ Косу и Самосу и послѣ этого высадились въ Эфесѣ, въ Малой Азіи, гдѣ находились гробницы святого Евангелиста Іоанна, Маріи Магдалины и семи спящихъ отроковъ,—семи христіанъ, замученныхъ въ царствованіе императора Декія.

Пробывъ нѣсколько времени въ Стробоіѣ, въ Патарѣ и, наконецъ, въ Митиленѣ—столицѣ острова Лесбоса, пилигримы прибыли въ Кипръ и посѣтили Паѳосъ и Констанцію; вслѣдъ затѣмъ они появляются, въ числѣ семи, въ финикійскомъ городѣ Эдессѣ, гдѣ находится гробница святого апостола Ѳомы.

Здѣсь Виллибальдъ и его спутники были приняты за шпіоновъ и заключены сарацинами въ тюрьму; но царь, по ходатайству одного испанца, освободилъ ихъ. Пилигримы поторопились покинуть городъ, и съ этого мѣста ихъ путь почти не отличается отъ путешествія епископа Аркульфа. Они посѣщаютъ Дамаскъ въ Сиріи, Назаретъ въ Галилеѣ, Кану, въ которой имъ показывали чудесныя амфоры, гору Ѳаворъ, гдѣ совершилось великое чудо Преображенія, Тиверіаду, расположенную въ томъ мѣстѣ, гдѣ Спаситель и Петръ ходили по волнамъ, Магдалу, гдѣ жилъ Лазарь съ своими сестрами, Капернаумъ, гдѣ Іисусъ воскресилъ

дочь князя, Виѳсаиду Галилейскую—отечество Петра и Андрея, Корозаинъ, гдѣ Господь исцѣлилъ бѣсноватыхъ, Кесарію, гдѣ былъ врученъ ключъ отъ неба святому Петру, мѣсто, гдѣ Христосъ крестился, Галгалу, Іерихонъ и Іерусалимъ.

Святой городъ, Іосафатскую долину, гору Оливъ, Виѳлеемъ, гдѣ по повелѣнію Ирода избивали младенцевъ, Лаурскую долину, Газу—всѣ эти мѣста посѣтили пилигримы. Виллибальдъ разсказываетъ, что въ городѣ Газѣ, во время отправленія богослуженія въ церкви святого Матѳея, онъ внезапно лишился зрѣнія, которое вновь вернулось къ нему черезъ два мѣсяца въ Іерусалимѣ, при входѣ въ церковь Святого Креста. Затѣмъ онъ прошелъ долину Діосполисъ, находящуюся въ десяти миляхъ отъ Іерусалима, Тиръ, Сидонъ и Триполи въ Сиріи, на берегу Сирійскаго моря. Оттуда, черезъ Ливанъ, Дамаскъ и Кесарію, Виллибальдъ достигъ Эмауса,—мѣстечка въ Палестинѣ, гдѣ бьетъ ключъ, въ которомъ Христосъ омывалъ свои ноги, и, наконецъ, дошелъ до Іерусалима, гдѣ путешественники оставались всю зиму.

Неутомимые пилигримы на этомъ не остановились. Мы находимъ ихъ снова въ Птолемаидѣ, теперешнемъ Санъ-Жанъ-д'Акрѣ, въ Эмесѣ, въ Іерусалимѣ, въ Дамаскѣ, въ Самаріи, гдѣ они поклонились гробамъ Іоанна Крестителя, Авдія и Елисея, въ Тирѣ, гдѣ благочестивый Виллибальдъ—нужно признаться—обманулъ таможню, скрывъ отъ нея нѣкоторое количество палестинскаго бальзама, очень цѣннаго въ то время, за вывозъ котораго налагалась пошлина. Послѣ продолжительнаго пребыванія въ Тирѣ Виллибальдъ отплылъ въ Константинополь, въ которомъ онъ оставался съ своими спутниками два года, и, наконецъ, возвратился домой, проѣзжая по пути Сицилію, Калабрію, Неаполь и Капую. Такимъ образомъ англійскій пилигримъ возвратился въ монастырь послѣ десятилѣтняго странствованія. Часъ отдыха, однако, еще не наступилъ. Онъ былъ призванъ папою Григоріемъ III во вновь учрежденную эпархію во Франконіи. Ему былъ 41 годъ, когда онъ былъ посвященъ въ епископы. Онъ оставался епископомъ въ продолженіе сорока пяти лѣтъ до самой смерти, т.-е. до 745 года. Въ 938 году папа Левъ VII причислилъ Виллибальда къ лику святыхъ.

Мы окончимъ списокъ путешественниковъ отъ I—IX вѣка, назвавши Сулеймана, купца изъ Бассора. Онъ отплылъ отъ

Персидскаго залива, достигъ предѣловъ Азіи и присталъ къ китайскимъ берегамъ. Разсказъ объ этомъ путешествіи состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ частей: одной, составленной въ 851 году Сулейманомъ, который и совершилъ это путешествіе, а другой, составленной географомъ Абу-Зейдъ-Гассономъ въ 878 году, съ цѣлью дополнить первую. По мнѣнію изслѣдователя Рейно, это сочиненіе „представило въ совершенно новомъ свѣтѣ торговыя отношенія, существовавшія въ IX вѣкѣ между берегами Египта, Аравіи, прибрежными странами Персидскаго залива съ одной стороны, и индійскими и китайскими провинціями — съ другой“.

Сулейманъ вышелъ изъ Персидскаго залива, запасшись въ Маскатѣ прѣсной водой и прежде всего посѣтилъ второе море, т.-е. море Ларевійское по-арабски, или Оманскій заливъ по современной географіи. Онъ видѣлъ рыбу огромныхъ размѣровъ, вѣроятно кашалота, котораго предусмотрительные мореплаватели пугаютъ звономъ колокола, затѣмъ акулу, въ желудкѣ которой находилась акула меньшихъ размѣровъ и въ послѣдней — акула еще поменьше, „обѣ живыя“, — прибавляетъ путешественникъ, очевидно, преувеличивая; описавъ держиладью (рыбу), пальцекрылку и морскую свинку, онъ говоритъ о Геркендскомъ морѣ, простирающемся отъ Мальдивскихъ острововъ до Зондскаго архипелага, въ которомъ онъ насчитываетъ до тысячи девятисотъ острововъ, усѣянныхъ по берегамъ большими кусками сѣрой амбры. Изъ этихъ острововъ, управляемыхъ женщиной, онъ отмѣчаетъ арабскими названіями островъ Цейлонъ съ его жемчужной ловлей, Суматру, богатую золотыми рудниками и заселенную людоѣдами, Никобарскіе и Андаманскіе острова, жители которыхъ и теперь еще людоѣды. „На этомъ морѣ, — говоритъ онъ, — свирѣпствуютъ смерчи, которые расщепляютъ корабли и выбрасываютъ на берегъ огромное количество мертвой рыбы, груды камней и даже цѣлыя горы; когда вздымаются волны, то море имѣетъ видъ пылающаго огня“. Сулейманъ полагаетъ, что это море посѣщается чудовищемъ, которое пожираетъ людей. Комментаторы думаютъ, что это чудовище — была акула.

На Никобарскихъ островахъ онъ вымѣнялъ у жителей желѣзо на кокосовые орѣхи, сахарный тростникъ, бананы и кокосовое вино и затѣмъ, переѣхавши Калабарское море, омывающее берегъ Малакки, послѣ десятидневнаго плаванія по морю Шелагетскому (mer de Schelahet), направился къ мѣсту, которое,

вѣроятно, есть Сингапуръ, для того, чтобы запастись тамъ водою. Отсюда онъ поднялся на сѣверъ по морю Кедренджъ — вѣроятно Сіамскій заливъ — и такимъ образомъ приплылъ къ Пуло-Оби, находящейся къ югу Камбоджи.

Здѣсь глазамъ бассорскаго купца открылось море Сенфъ, заключающееся между Молукскими островами и Индо-Китаемъ. Сулейманъ отправился на островъ Сандеръ-Фулатъ, лежащій недалеко отъ мыса Варела, запасся тамъ съѣстными припасами и пустился по морю Санджи или Китайскому. Мѣсяцъ спустя, онъ входилъ въ Ханъ-фу, китайскій портъ теперешняго города Тче-кіангъ, гдѣ всѣ суда имѣли въ то время обыкновеніе приставать.

Остальная часть разсказа, дополненная Абу-Зейдъ-Гассаномъ, содержитъ въ себѣ только подробности о нравахъ индійцевъ, китайцевъ и жителей Зенди — страны, лежащей на восточномъ берегу Африки; но этотъ разсказъ уже ведется не отъ имени путешественника, и сообщающіяся тутъ подробности мы найдемъ въ болѣе точномъ и болѣе интересномъ изложеніи послѣдующихъ путешественниковъ.

Резюмируя труды путешественниковъ и изслѣдователей послѣднихъ XVI вѣковъ до-христіанской эры и первыхъ IX вѣковъ христіанской эпохи, мы видимъ, что все громадное береговое пространство отъ Норвегіи до Китайской имперіи, по пути Атлантическаго океана, Средиземнаго и Краснаго морей, Индійскаго океана и Китайскаго моря было изслѣдовано и приведено въ извѣстность. Также путешественники смѣло проникали во внутрь странъ Египта до Эфіопіи, Малой Азіи до Кавказа, Индіи и Китая до Татаріи, и если не достаетъ математической точности въ опредѣленіи различныхъ мѣстъ, до которыхъ достигали путешественники, то достаточно были изслѣдованы обычаи и нравы жителей, произведенія многихъ странъ, способы торговаго обмѣна, религіозные обряды; корабли, пользуясь свѣдѣніями о направленіи вѣтровъ, могли уже пускаться въ моря съ большею увѣренностью, караваны, зная путь, могли съ большею смѣлостью отправляться во внутрь страны, и, благодаря всей этой суммѣ свѣдѣній, распространенныхъ сочиненіями ученыхъ, торговля въ послѣдній періодъ среднихъ вѣковъ приняла значительные размѣры.

ГЛАВА III.

Знаменитые путешественники X—XIII вѣка.

Веніаминъ Тудельскій (1159—1173).—Планъ Карпини (1245—1247).— Рубруквисъ (1253—1254).

Сѣверная Скандинавія, Исландія и Гренландія. — Веніаминъ Тудельскій посѣщаетъ Марсель, Римъ, Валахію, Константинополь, Архипелагъ, Палестину, Іерусалимъ, Виѳлеемъ, Дамаскъ, Бальбекъ, Ниневію, Багдадъ, Вавилонъ, Бассору, Испагань, Ширазъ, Самаркандъ, Тибетъ, Малабарскіе острова, Цейлонъ, Красное море, Египетъ, Сицилію, Италію, Германію и Францію.—Планъ Карпини изслѣдуетъ земли Куманскую и Канглтскую, нынѣшній Туркестанъ. — Нравы и обычаи татаръ. — Рубруквисъ посѣщаетъ Азовское море, Волгу, землю башкиръ, Каракорумъ, Астрахань и Дербентъ.

Въ теченіе X и началѣ XI вѣковъ путешественники сѣверной Европы значительно подвинули географію. Норвежцы и отважные галлы пускались въ сѣверныя моря и, если вѣрить разсказамъ болѣе или менѣе достовѣрнымъ, они достигли Бѣлаго моря и посѣтили страны, обитаемыя нынѣ самоѣдами; судя по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, принцъ Мадокъ посѣтилъ даже Американскій континентъ.

Можно съ увѣренностью сказать, что Ирландія была открыта около 861 года скандинавскими искателями приключеній и что норманны не замедлили ее населить. Около этого времени одинъ норвежецъ удалился на новую землю, лежащую на западъ отъ Европы и, пораженный обиліемъ зелени, назвалъ эту страну Гренландіею. Но сообщенія съ этой частью Американскаго материка были очень неудобны: по словамъ географа Кулей'я, нужно было пятилѣтнее плаваніе, чтобы съѣздить изъ Норвегіи въ Гренландію и обратно. Случалось, впрочемъ, что въ суровыя зимы Сѣверный океанъ замерзалъ на всемъ своемъ протяженіи, и нѣкто Голлуръ-Гейтъ, путеводимый козой, пришелъ пѣшкомъ изъ Норвегіи въ Гренландію. Будемъ однако помнить, что мы переносимся въ легендарное время и что Гиперборейскія страны богаты фантазіей.

Возвратимся къ неопровержимымъ фактамъ и разскажемъ о путешествіи испанскаго еврея, достовѣрность котораго засвидѣтельствована учеными комментаторами. Этотъ еврей былъ сынъ раввина въ Туделѣ — городѣ Наваррскаго королевства — и звали его Веніаминъ Тудельскій. По всей вѣроятности, цѣль его пу-

тешествія состояла въ томъ, чтобы перечислить всѣхъ своихъ единовѣрцевъ, разсѣянныхъ по поверхности земного шара; но каково бы ни было побужденіе, онъ, въ продолженіе четырнадцати лѣтъ (1160—1173), объѣхалъ почти весь извѣстный тогда свѣтъ и его описаніе этого путешествія, подробное до мелочей, пользовалось большимъ авторитетомъ до XVI вѣка.

Веніаминъ Тудельскій оставилъ Барцелону и чрезъ Таррагону, Гирону, Нарбонну, Базіе, Монпелье, Люнель, Пускье, Сенъ-Жиль и Арль прибылъ въ Марсель. Побывавъ въ двухъ синагогахъ и у значительныхъ евреевъ этого города, онъ отплылъ въ Геную, куда его корабль присталъ черезъ четыре дня. Генуэзцы въ то время хозяйничали на морѣ и вели войну съ пизанцами, очень отважнымъ народомъ, не имѣющимъ, подобно генуэзцамъ, ни королей, ни принцевъ, а только судей, которыхъ выбираютъ по своему усмотрѣнію.

Посѣтивши Лукку, Веніаминъ Тудельскій, послѣ шестидневнаго пути, прибылъ въ великій Римъ. Александръ III, бывшій въ то время папою, согласно сообщенію путешественника, имѣлъ между своими министрами евреевъ. Среди памятниковъ вѣчнаго города, Веніаминъ Тудельскій останавливается въ особенности на памятникахъ св. Петра и св. Іоанна Латеранскаго, но его описанія необыкновенно сухи. Изъ Рима черезъ Капую и Пуцолу, затопленную тогда на половину, онъ направился въ Неаполь, гдѣ ничто не обратило на себя его вниманія, кромѣ пятисотъ живущихъ тамъ евреевъ. Затѣмъ, проѣхавъ Салерно, Амальфи, Беневентъ, Асколу, Трани, св. Николая Барійскаго, Тарентъ и Брундизіумъ, онъ прибылъ въ Отрантъ, лежащій при заливѣ того же имени, откуда проѣхалъ черезъ всю Италію. Онъ не нашелъ ничего интереснаго для передачи намъ въ этой разнообразной странѣ.

Какъ ни скучно перечисленіе городовъ, которые не обозрѣлъ, а только проѣхалъ Веніаминъ Тудельскій, мы не должны, однако, опустить ни одного изъ нихъ, такъ какъ маршрутъ этого еврейскаго путешественника строго опредѣленъ, вслѣдствіе чего мы и будемъ слѣдовать за нимъ по картѣ, спеціально для него составленной Лелевель'омъ. Отъ Отранта до Цейтюна въ Валахіи, онъ посѣтилъ слѣдующія мѣста: Корфу, заливъ Арта, Ахелоисъ, древній городъ Этоліи, Анатолику въ Греціи, Патрасскій заливъ, Патрасъ, Лепанту, Криссу, лежащую у подошвы



Обѣ акулы были живыя...

Парнаса, Коринѳъ, Ѳивы, въ которыхъ 2000 евреевъ представляютъ собою искуснѣйшихъ работниковъ по фабрикаціи шелка и пурпура, затѣмъ Негропонтъ и Цейтюнъ.

Отсюда, по мнѣнію испанскаго путешественника, начинается Валахія. Валахи бѣгаютъ подобно козамъ; они спускаются по горамъ въ земли грековъ, гдѣ разбойничаютъ и грабятъ. Далѣе, слѣдуя черезъ Гардики—предмѣстье у залива Воло, Армиросъ—портъ, часто посѣщаемый венеціанцами, генуэзцами и пизан-

цами, Биссину—городъ нынѣ разрушенный, Саллонники—прежде Ѳессалонники, Димитрици, Дарму, Кристополь и Абидосъ,—Веніаминъ Тудельскій пріѣхалъ въ Константинополь.

Путешественникъ сообщаетъ нѣсколько подробностей объ этой большой столицѣ всѣхъ греческихъ земель. Въ то время царствовалъ императоръ Эммануилъ Комненъ, который жилъ въ построенномъ имъ самимъ дворцѣ, на берегу моря. Тамъ возвышались колонны изъ чистаго золота и серебра и „золотой тронъ, усыпанный драгоцѣнными камнями, надъ которымъ золотая корона, свѣшивающаяся на золотыхъ же цѣпяхъ, приходилась какъ разъ подъ ростъ императору, когда онъ усаживался на своемъ тронѣ. Камни, находившіеся въ коронѣ, были столь рѣдки, что никто не могъ ихъ оцѣнить, и ночью не было надобности въ огнѣ, такъ какъ было совершенно свѣтло отъ блеска, отбрасываемаго этими драгоцѣнными камнями“. Путешественникъ прибавляетъ, что городъ густо населенъ, что купцы стекаются въ него со всѣхъ странъ и что въ этомъ отношеніи съ нимъ можетъ сравниться только Багдадъ; жители его одѣваются въ шелковыя одѣянія, украшенныя дорогимъ шитьемъ и золотой бахромою. Когда встрѣчаешь ихъ въ этихъ нарядахъ, ѣдущими на лошадяхъ, можно подумать, что это принцы крови; но они не обладаютъ ни отвагой, ни мужествомъ, чтобы на случай надобности умѣть пролить свою кровь, и потому держатъ наемниковъ всѣхъ націй, сражающихся за нихъ. Веніаминъ Тудельскій очень сѣтуетъ на то, что въ этомъ городѣ нѣтъ евреевъ,—ихъ переселили за Галацкую башню у входа въ гавань; тамъ они живутъ въ количествѣ 2500 человѣкъ, распадаясь на двѣ секты—раввинистовъ и караимовъ; среди нихъ много искусныхъ работниковъ по шелку и не меньше богатыхъ купцовъ; греки относятся къ нимъ очень недружелюбно. Ни одинъ изъ этихъ евреевъ не имѣетъ права ѣздить верхомъ; исключеніе дѣлается лишь для еврея египтянина Соломона, доктора по профессіи. Изъ памятниковъ Константинополя Веніаминъ упоминаетъ о храмѣ св. Софіи, въ которомъ придѣловъ столько-же, сколько дней въ году, а колоннъ и паникадилъ такое множество, что ихъ трудно счесть; затѣмъ—о гипподромѣ, обращенномъ нынѣ въ лошадиный рынокъ, въ которомъ для забавы народа устраиваютъ борьбу „львовъ, медвѣдей, тигровъ, дикихъ гусей и многихъ другихъ птицъ“.

Покинувъ Константинополь, Веніаминъ Тудельскій посѣтилъ древнюю Византію, Галлиполи и Килію—гавань на восточномъ берегу. Плавая по морю, онъ обозрѣваетъ острова Архипелага: Митилену, Хіосъ, который ведетъ торговлю выжимками фисташковыхъ плодовъ, Самосъ, Родосъ и Кипръ. По дорогѣ къ землѣ Арамъ, онъ проѣзжаетъ Мессію, Антіохію, въ которой восхищается устройствомъ водопровода, Латахію и, наконецъ, Триполи, гдѣ незадолго до того произошло землетрясеніе, давшее себя чувствовать во всѣхъ странахъ израильскихъ. Изъ Триполи онъ посѣщаетъ Бейрутъ, Сидонъ, Тиръ, знаменитый пурпуромъ и производствомъ стекла, Акру, Хаифу, около горы Кармель, въ которой высѣчена пещера Иліи, Капернаумъ, Кесарію—красивый и большой городъ, Каконъ, Самарію, построенную на долинѣ, изрѣзанной ручьями, богатой фруктовыми деревьями, виноградниками и оливками, Наплусъ, Гаваонъ и, наконецъ, пріѣзжаетъ въ Іерусалимъ.

Весьма понятно, что святой городъ для испанскаго еврея не могъ представляться тѣмъ, чѣмъ онъ является для всякаго христіанина: для него Іерусалимъ—это небольшой городъ, окруженный тремя стѣнами, густо населенный якобитами, сирійцами, греками, грузинами и франками всѣхъ племенъ и нарѣчій; въ немъ есть два страннопріимныхъ дома, въ одномъ изъ которыхъ живутъ четыреста рыцарей, всегда готовыхъ къ войнѣ, большой храмъ, представляющій собою гробницу „того человѣка", какъ обозначается въ талмудѣ Іисусъ Христосъ; упоминаетъ также онъ и о домѣ, въ которомъ евреямъ за плату позволено заниматься окраскою тканей. Впрочемъ, число единовѣрцевъ Тудельскаго въ Іерусалимѣ очень ограничено: оно едва достигаетъ двухсотъ; всѣ они живутъ въ башнѣ Давида, въ уголкѣ города.

Изъ окрестностей Іерусалима путешественникъ упоминаетъ о гробницахъ Авессалома, Оссіи, о Силоамской купели, около Кедронскаго потока, объ Іосафатской долинѣ, горѣ Оливъ, съ вершины которой видно Содомское море. Въ двухъ парасангахъ или въ двухъ миляхъ пути отсюда находится статуя жены Лота, и путешественникъ утверждаетъ, что „хотя проходящія стада лижутъ постоянно этотъ соляной столбъ, но онъ не мѣняетъ ни формы, ни величины".

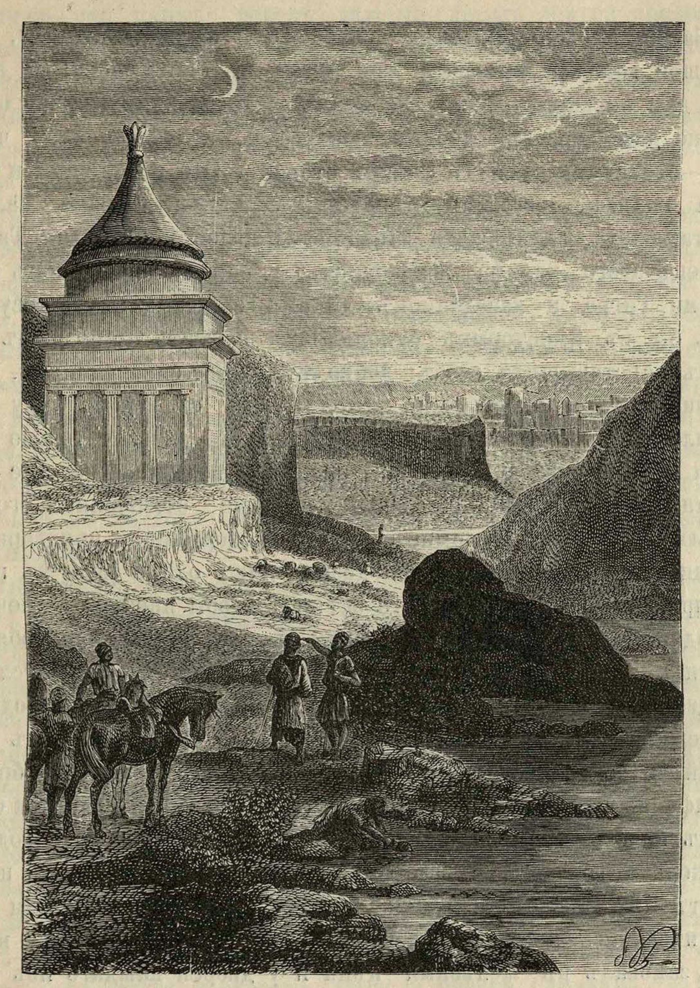
Изъ Іерусалима Веніаминъ Тудельскій, написавши, по обычаю еврейскихъ посѣтителей, свое имя на гробницѣ Рахили, отпра-

вился въ Виѳлеемъ, гдѣ онъ насчитываетъ двѣнадцать израильскихъ красильщиковъ и отсюда въ Хевронъ, нынѣ пустынный и разрушенный.

Посѣтивъ въ Макѳельской долинѣ гробницы Авраама и Сары, Исаака, Ревекки, Іакова и Ліи, Веніаминъ Тудельскій отправился черезъ Сило, гору Моріа, Бейтъ-Нуби, Раму, Яффу, Ябнехъ, Азотъ, Аскалонъ, построенный первосвященникомъ Ездрою, Лудъ, Серенъ, Сефорисъ, Тиверіаду, гдѣ находятся горячіе ключи, „бьющіе изъ глубины земли", Гейшъ, Мейрунъ, куда еще ходятъ евреи на поклоненіе, черезъ Альму, Кадисъ, Белинасъ, около пещеры, изъ которой вытекаетъ Іорданъ и, наконецъ, покинувъ землю Израильскую, пріѣзжаетъ въ Дамаскъ.

Вотъ какъ описываетъ Веніаминъ этотъ городъ, которымъ начинаются владѣнія турецкаго султана, Нуредина: „городъ, опоясанный стѣнами, очень величественъ и красивъ; мѣстность изобилуетъ фруктовыми садами, разбросанными на пятнадцать миль въ окружности; на всей землѣ нѣтъ страны болѣе плодоносной. Городъ разстилается у подошвы горы Гермона, на которой берутъ начало двѣ рѣки: Амана и Фарфаръ; первая протекаетъ черезъ середину города и изъ нея проведена вода во всѣ большіе дома, на площади и рынки. Страна эта ведетъ торговлю со всѣмъ міромъ. Фарфаръ орошаетъ своими водами всѣ загородные фруктовые сады. У измаилитовъ есть въ Дамаскѣ мечеть, называемая Гоманъ-Даммесекъ, т.-е. храмъ Дамаска. Подобнаго зданія нѣтъ во всемъ мірѣ. Говорятъ, что это былъ прежде дворецъ Бенъ-Гадада. Тамъ воздвигнута стеклянная стѣна съ волшебнымъ искусствомъ. Въ этой стѣнѣ число отверстій равно числу солнечныхъ дней въ году: солнце, спускаясь по двѣнадцати дѣленіямъ, по числу часовъ въ днѣ, входитъ каждый часъ въ одно изъ этихъ отверстій, благодаря чему эти отверстія даютъ каждому возможность узнать, который часъ. Внутри дворца имѣются золотые и серебряные покои, формы чановъ, въ которыхъ могутъ купаться по трое вмѣстѣ".

Изъ Галада и Сальхаха, лежащихъ въ двухъ дняхъ пути отъ Дамаска, Веніаминъ Тудельскій пріѣхалъ въ Бальбекъ, Геліополисъ грековъ и римлянъ, построенный Соломономъ, въ Ливанскую долину, затѣмъ въ Тадморъ или Пальмиру, выстроенную изъ большихъ каменьевъ. Отсюда черезъ Каріатинъ онъ прибылъ въ Гаму, частью разрушенную землетрясеніемъ, которое въ 1157 году



Могила Авессалома...

опрокинуло въ то же время и многіе другіе города Сиріи. Здѣсь слѣдуетъ въ сочиненіи сухой перечень городовъ, посѣщенныхъ путешественникомъ: Галабъ, Белесъ, Каладтажбаръ, Ракка, Гаранъ—главный городъ сабейцевъ, Низибисъ, Джезиретъ — турецкій Кора, — Моссуль на Тигрѣ, откуда начинается Персія, Ниневія, откуда путешественникъ возвращается къ Евфрату, Рагаба, Киркезія, Юба, Абкера и, наконецъ, Багдадъ—резиденція халифа.

Багдадъ очень нравится еврейскому путешественнику. Это большой городъ, имѣющій три мили въ окружности; въ немъ есть двѣ больницы—одна для всѣхъ жителей и другая исключительно для евреевъ; ученые, философы, искусные маги, чародѣи—стекаются туда со всѣхъ сторонъ. Это резиденція и столица калифа, согласно нѣкоторымъ комментаторамъ калифа Мостаиджеда, владѣвшаго западной Персіей и берегами Тигра; дворецъ этого калифа помѣщался въ паркѣ, орошаемомъ притоками Тигра и населенномъ дикими звѣрями; этотъ государь могъ бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ служить примѣромъ для всѣхъ царствующихъ особъ: добродѣтельный, справедливый, привѣтливый—онъ былъ очень обходителенъ со всѣми, кому приходилось съ нимъ встрѣчаться; онъ живетъ исключительно трудами рукъ своихъ и, съ цѣлью покрыть издержки на свое пропитаніе, самъ работаетъ одѣяла, которыя, отмѣченныя его печатью, продаются на рынкѣ по его распоряженію придворными принцами. Онъ выходитъ изъ дворца лишь одинъ разъ въ годъ, въ праздникъ Рамаданъ, и то затѣмъ, чтобы явиться въ мечети, находящейся въ Бассарской гавани и тамъ, исправляя обязанности имама, объяснить законъ своему народу. Возвращается онъ во дворецъ другой дорогой и путь, по которому онъ проходитъ, оберегается въ продолженіе цѣлаго года, чтобы ни одинъ прохожій не осквернилъ своими ногами слѣды его стопъ. Всѣ братья халифа живутъ въ одномъ дворцѣ съ нимъ; они пользуются большимъ почетомъ и подъ властью каждаго изъ нихъ находится нѣсколько городовъ и мѣстечекъ, доходы изъ которыхъ позволяютъ имъ проводить жизнь пріятно. Но такъ какъ они разъ взбунтовались противъ своего властелина, то послѣдній всѣхъ ихъ заковалъ въ желѣзныя цѣпи и у дверей каждаго изъ нихъ поставилъ стражу.

Ознакомившись съ жизнью въ Багдадѣ, Веніаминъ Тудельскій обогнулъ уголъ Азіатской Турціи, орошенный Тигромъ и Евфратомъ, и посѣтилъ разоренный Вавилонъ, улицы котораго простираются на тридцать миль въ окружности; по пути онъ видѣлъ пещь огненную, куда были брошены Ананія, Миссаилъ и Азарія осмотрѣлъ Гиллахъ и Вавилонскую башню, которую онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „тамъ возвышается башня изъ кирпичей, построенная „разсѣянными"; ширина ея основанія—около двухъ миль, зданіе занимаетъ двѣсти сорокъ локтей, а

вышина—сто каннъ; черезъ каждыя десять локтей проложены дорожки къ витымъ лѣстницамъ, ступеньки которыхъ поднимаются до самаго верху. Съ этой башни открывается даль на двадцать миль въ окружности, благодаря низменной и ровной мѣстности. Но огонь, упавшій на башню съ неба, разорилъ ее до основанія и сравнялъ съ землею".

Послѣ башни путешественникъ посѣщаетъ синагогу Езекіиля, на Евфратѣ, „святая святыхъ" у евреевъ, куда стекаются вѣрующіе, чтобы прочесть великую книгу, начертанную рукой пророка. Далѣе, проѣхавъ черезъ Алькодзонатъ, Айнъ-Іаѳатъ, Лефрасъ, Кефаръ, Куфу, Суру, славившуюся когда-то своимъ еврейскимъ училищемъ, черезъ Шафжатибъ, гдѣ синагога построена изъ іерусалимскихъ камней и, перейдя пустыню Іеменъ, онъ достигъ Ѳемы, посѣтилъ Тилимасъ, Кайбаръ, въ которомъ насчитываетъ пятьдесятъ тысячъ израильтянъ, Васетъ и, наконецъ, прибылъ въ Бассору, лежащую на Тигрѣ, у оконечности Персидскаго залива.

Объ этомъ значительномъ коммерческомъ городѣ путешественникъ не сообщаетъ никакихъ подробностей. Оттуда онъ отправился вѣроятно въ Карну, гдѣ посѣтилъ гробницу пророка Ездры; затѣмъ вступилъ въ Персію и оставался нѣсколько времени въ Кужистанѣ, въ этомъ большомъ, полуразрушенномъ городѣ, который раздѣляется Тигромъ на двѣ части, богатую и бѣдную, соединенныя между собою мостомъ, на которомъ, какъ символъ справедливости, виситъ гробъ Даніила. Веніаминъ Тудельскій продолжаетъ свое путешествіе по Персіи, при чемъ проѣзжаетъ Рудбаръ, Гольванъ, Мулегетъ и Амарію, граничащую съ Мидіей. Въ этомъ мѣстѣ, разсказываетъ онъ, появился лже-пророкъ Давидъ-Эль-Рой, творившій ложныя чудеса и представлявшій собой то же, что Іисусъ у евреевъ. Отсюда черезъ Гамаданъ, гдѣ находятся гробницы Мардохея и Эсѳири, и черезъ Дабрестанъ онъ пріѣхалъ въ столицу Испагань, имѣющую двѣнадцать миль въ окружности.

Здѣсь разсказъ путешественника не отличается опредѣленностью: слѣдя за его записками, мы видимъ его въ Ширасѣ,—вѣроятно, въ Гератскомъ кантонѣ Авганистана, затѣмъ въ Самаркандѣ и, наконецъ, у подошвы Тибета. Съ этого мѣста—крайняго пункта, достигнутаго имъ на сѣверо-востокѣ—онъ возвратился въ Низапуръ и Кужистанъ на берегахъ Тигра, откуда,

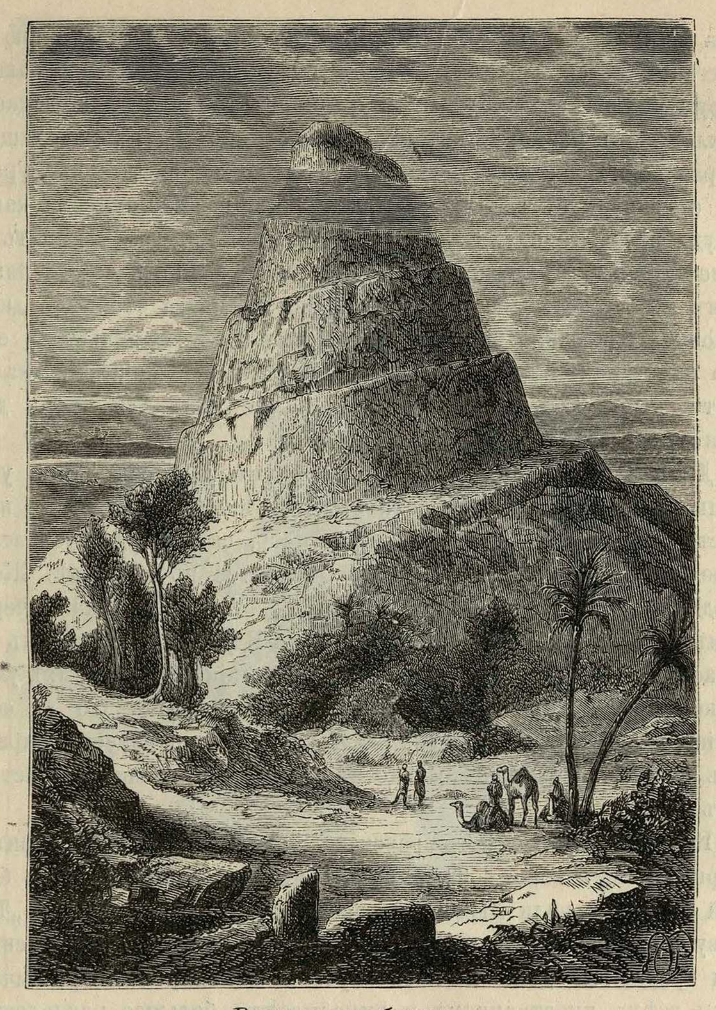
послѣ двухдневнаго плаванія, онъ достигъ Эль-Ка-Хифаго—арабскаго города у Персидскаго залива, гдѣ вылавливаютъ жемчугъ; спустя семь дней, переправившись черезъ Оманское море, онъ прибылъ въ Хуланъ, теперешній Килонъ, на Малабарскомъ берегу.

Веніаминъ Тудельскій былъ также въ Индіи, въ царствѣ поклонниковъ солнца, этихъ дѣтей Куша, созерцателей свѣтилъ. Въ этой странѣ произрастаютъ перецъ, корица, имбирь. Черезъ двадцать дней путешественникъ находился уже на островахъ Синрагъ, т.-е. на Цейлонѣ, жители котораго фанатически поклоняются огню.

Добрался ли Веніаминъ Тудельскій изъ Цейлона до Китая, о которомъ онъ говорилъ, нельзя утверждать съ положительностью. Морское путешествіе, по его мнѣнію, сопряжено съ большими опасностями. Большинство кораблей погибаетъ, и вотъ странное средство для избѣжанія опасности, рекомендуемое нашимъ путешественникомъ: „нужно взять съ собою нѣсколько бычачьихъ шкуръ; если буря начинаетъ угрожать кораблю, то желающій спастись помѣщается въ одну изъ этихъ шкуръ, зашиваетъ ее съ внутренней стороны, дабы помѣшать водѣ туда проникнуть, и затѣмъ бросается въ море; какой-нибудь большой орелъ, изъ породы ягнятниковъ, видя это плавающее тѣло, принимаетъ его за животное, спускается, схватываетъ и выноситъ на землю, на какую-нибудь скалу или долину, чтобы тамъ пожрать свою добычу; тогда заключенный въ шкурѣ человѣкъ быстро убиваетъ орла своимъ ножомъ; затѣмъ, выбравшись изъ шкуры, человѣкъ отправляется на поиски обитаемаго мѣста. Много людей спаслось такимъ образомъ“.

Мы встрѣчаемъ Веніамина Тудельскаго опять на Цейлонѣ и вслѣдъ затѣмъ на островѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, Сокоторѣ, при входѣ въ Персидскій заливъ и, наконецъ, въ Себидѣ. Переправившись чрезъ Красное море, онъ пріѣхалъ въ Абиссинію, которую онъ называетъ „Индіею на сушѣ“. Оттуда, спускаясь по теченію Нила, онъ достигаетъ мѣстечка Холванъ, откуда, черезъ Сахару, въ которой вѣтеръ зарываетъ въ песокъ цѣлые караваны, онъ пріѣзжаетъ въ Завилу, Кусъ, Фаіумъ и Мизраимъ, т.-е. Каиръ.

Мизраимъ, по словамъ путешественника,—большой городъ, украшенный площадями и лавками; тамъ никогда не бываетъ дождя, но Нилъ, разливающійся ежегодно, орошаетъ страну на



Вавилонская башня...

пространствѣ „пятнадцати дней пути“, чѣмъ и дѣлаетъ страну чрезвычайно плодородной.

Изъ Мизраима Веніаминъ Тудельскій проѣхалъ въ Гизехъ, не обративъ вниманія на тамошнія пирамиды, и далѣе въ Айнъ-Хамсъ, Зефиту, Дамиру и остановился въ городѣ Александріи, основанной Александромъ Великимъ. Это очень торговый городъ, говоритъ онъ, куда стекаются купцы со всѣхъ частей свѣта; площади и улицы въ немъ чрезвычайно многолюдны и послѣднія

такъ длинны, что не видать конца; въ море на цѣлую милю отъ берега выдается плотина, которая сдерживаетъ высокую башню, сооруженную завоевателемъ; на вершинѣ этой башни помѣщается стеклянное зеркало, въ которое „можно было видѣть находящіеся на разстояніи пятидесяти дней пути корабли, шедшіе изъ Греціи или съ запада съ цѣлью вести войну или вообще нанести какой-нибудь вредъ городу. Эта свѣтящаяся башня,—если вѣрить путешественнику,—служитъ еще и теперь знакомъ всѣмъ плывущимъ въ Александрію, такъ какъ она видна за сто миль днемъ и ночью, благодаря большому горящему тамъ свѣтильнику, etc". Что наши маяки рядомъ съ этой свѣтящейся башней,—маяки, свѣтъ которыхъ не простирается далѣе тридцати миль, даже если этотъ свѣтъ и электрическій?

Даміета, Сумбатъ, Айлахъ, Рафидимъ и городъ Торъ, у подошвы Синая,—всѣ эти мѣста были посѣщены еврейскимъ путешественникомъ. Вернувшись въ Даміету, онъ оттуда пустился въ море и, спустя двадцать дней, высадился въ Мессирѣ. Желая продолжать перепись своихъ единовѣрцевъ, онъ пріѣхалъ черезъ Римъ и Луку въ Мавританію, въ Сенъ-Бернардъ; здѣсь онъ называетъ много городовъ Германіи и Франціи, въ которыхъ укрывались евреи. По исчисленію Шатобріана, сдѣланнаго на основаніи записокъ Веніамина Тудельскаго, число евреевъ выражалось цифрою семьсотъ шестьдесятъ восемь тысячъ сто шестьдесятъ пять.

Въ заключеніе своего разсказа путешественникъ говоритъ о Парижѣ, въ которомъ онъ, безъ сомнѣнія, побывалъ. Это большой городъ короля Людовика, построенный на рѣкѣ Сенѣ. „Тамъ живутъ очень мудрые люди, подобныхъ которымъ нѣтъ на свѣтѣ; они предаются день и ночь изученію закона; они чрезвычайно рады всѣмъ иностранцамъ и выказываютъ большое расположеніе и дружбу ко всѣмъ своимъ еврейскимъ братьямъ".

Таково путешествіе Веніамина Тудельскаго. Оно составляетъ важный памятникъ географіи середины XII вѣка. Современнымъ наименованіемъ каждаго города, упомянутаго путешественникомъ, мы дали возможность ознакомиться съ его путемъ по новѣйшей картѣ.

Слѣдуя хронологическому порядку, мы, послѣ Веніамина Тудельскаго, должны назвать Жана Плапъ-де-Карпена, который нѣкоторыми называется просто Карпини. Это былъ франциска-

Веніаминъ Тудельскій въ Сахарѣ...

нецъ, родившійся около 1182 года, въ одномъ изъ городовъ округа Перузы, въ Италіи. Извѣстны завоеванія, сдѣланныя татарскими ордами, предводимыми властолюбивымъ Чингизъ-ханомъ. Въ 1206 году этотъ способный завоеватель выбралъ Каракорумъ—древній турецкій городъ въ Татаріи, на сѣверъ отъ Китая—столицею своей имперіи. При его преемникѣ, Огадаѣ, монгольское иго простиралось до центральнаго Китая, и онъ, собравъ армію въ шестьсотъ тысячъ человѣкъ, нахлынулъ въ



Европу. Россія, Грузія, Польша, Моравія, Силезія и Венгрія сдѣлались театрами кровавыхъ битвъ, кончившихся въ пользу Огадая. На этихъ монголовъ смотрѣли, какъ на дьяволовъ, посланныхъ какою-то адскою силою и западъ находился въ большомъ страхѣ отъ ихъ набѣговъ.

Папа Иннокентій IV отправилъ къ татарскому хану первое посольство, которое вернулось отъ него, получивъ высокомѣрный и малоуспокоительный отвѣтъ. Въ то же время онъ отправлялъ другое посольство къ сѣверо-восточнымъ татарамъ, стараясь задержать нашествіе монголовъ; во главѣ посольства онъ поставилъ францисканца Карпини, слывшаго за умнаго и ловкаго человѣка.

Карпини, въ сопровожденіи Стефана Богемскаго, пустился въ путь 6-го апрѣля 1245 года. Онъ отправился сперва въ Богемію. Король этой страны далъ ему ввѣрительныя грамоты къ своимъ роднымъ въ Польшу, вліяніе которыхъ должно было ему облегчить въѣздъ въ Россію. Карпини и его спутникъ, не встрѣтивъ затрудненій, достигли владѣній русскаго князя, гдѣ, по совѣту послѣдняго, они пріобрѣли мѣха бобровъ и другихъ животныхъ, чтобы принести ихъ въ даръ татарскимъ предводителямъ. Съ этими предметами Карпини направился на сѣверо-востокъ и прибылъ въ Кіевъ, тогдашнюю русскую столицу, а нынѣ главный городъ губерніи того же имени. Дорогою онъ не былъ свободенъ отъ страха, наводимаго врагами креста, рыскавшими по странѣ.

Кіевскій князь предложилъ посламъ перемѣнить ихъ лошадей на лошадей татарскихъ, привыкшихъ находить траву подъ снѣгомъ, и они на хорошихъ лошадяхъ достигли города Данилова. Тамъ они опасно заболѣли. Поправившись, они купили телѣгу и продолжали путь. Пріѣхавъ въ Каневъ на Днѣпрѣ, послы очутились въ первомъ селеніи Монгольской имперіи. Отсюда ханъ, довольно дерзкій человѣкъ, смягченный подарками, приказалъ проводить ихъ въ татарскій лагерь.

Эти варвары, встрѣтивши ихъ сначала очень плохо, направили ихъ къ предводителю Корренза, начальствовавшему надъ авангардомъ въ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ. Предводитель, передъ которымъ они должны были стоять на колѣнахъ, отправилъ ихъ въ свою очередь подъ надзоромъ трехъ татаръ къ князю Батыю, главному начальнику и самому могущественному, послѣ императора, человѣку.

По пути для нихъ были вездѣ приготовлены свѣжія лошади,

путешествіе совершалось днемъ и ночью и все крупною рысью. Такимъ образомъ, францисканецъ, переправляясь зачастую черезъ замерзшія рѣки, проѣхалъ страну, заключающуюся между Днѣпромъ, Танаисомъ, Волгой и Яикомъ, и прибылъ, наконецъ, ко двору князя Батыя, на границѣ Куманской земли.

— Прежде чѣмъ насъ повели къ князю,—говоритъ Карпини,—насъ предупредили, что мы должны будемъ пройти между двухъ огней, такъ какъ сила послѣднихъ очиститъ насъ отъ дурныхъ намѣреній и отъ яда, если мы имѣемъ что-нибудь подобное относительно князя, на что мы и согласились, дабы снять съ себя всякое подозрѣніе.

Князь помѣщался въ великолѣпной палаткѣ изъ тонкаго льнянаго полотна, окруженный штатомъ своихъ приближенныхъ. Онъ пользовался репутаціею человѣка очень ласковаго со своими и чрезвычайно жестокаго на войнѣ. Карпини и Стефанъ заняли мѣсто влѣво отъ него.

Былъ день страстной пятницы. Папскія письма, переведенныя на славянскій, арабскій и татарскій языки, были вручены князю. Послѣдній прочелъ ихъ внимательно и затѣмъ приказалъ отвести папскихъ посланниковъ въ ихъ палатку, гдѣ для нихъ былъ приготовленъ обѣдъ, состоявшій всего изъ маленькой мисочки вареннаго проса.

На другой день Батый призвалъ къ себѣ обоихъ посланниковъ и приказалъ ихъ отвезти къ царю. Они выѣхали въ первый день Пасхи въ сопровожденіи двухъ проводниковъ. Но, питаясь исключительно просомъ, водою и солью, бѣдные путешественники очень ослабли. Несмотря, однако, на это, ихъ чрезвычайно торопили и мѣняли подъ ними лошадей пять-шесть разъ въ продолженіе дня. Куманская страна, проѣзжаемая ими, была очень пустынна, благодаря тому, что всѣхъ жителей ея разогнали татары. Путешественники вступили въ Кангитскую землю, на востокъ отъ Куманской, и тамъ часто терпѣли недостатокъ въ водѣ. Разбросанныя племена этой области занимались скотоводствомъ и выносили тяжкое иго монголовъ.

Карпини понадобилось все время отъ Святой недѣли до Вознесенія, чтобы проѣхать страну Кангитскую, послѣ чего онъ вступилъ въ страну бесерменовъ, т.-е. мусульманъ, соотвѣтствующую нынѣшнему Туркестану. Всюду попадались ему разоренные города, села и замки. Проѣзжая черезъ эту область, все время

отъ Вознесенія до недѣли Св. Іоанна, т.-е до 1-го іюля, посланные папы прибыли въ Каракитай. Начальникъ этой провинціи принялъ ихъ хорошо и, желая оказать имъ почести, заставилъ танцовать передъ ними своихъ двухъ сыновей въ сообществѣ знатныхъ придворныхъ.

Изъ Каракитая путешественники, опять сѣвъ на лошадей, отправились далѣе, при чемъ ѣхали нѣсколько дней вдоль озера, лежащаго на сѣверъ отъ города Іеменъ; по словамъ г. Ремюза, это должно быть озеро Кезиль-Башъ. Тамъ жилъ Орду, древнѣйшій начальникъ татаръ.

Карпини и Стефанъ отдыхали тутъ цѣлый день, пользуясь гостепріимствомъ. Затѣмъ они отправились дальше черезъ гористую и холодную страну немановъ, кочевого народа, жившаго въ палаткахъ, а черезъ нѣсколько дней пути они уже оставили за собою страну монголовъ. Такимъ образомъ, пропутешествовавъ, не взирая на быстроту ѣзды, три недѣли, они, наконецъ, въ день св. Маріи Магдалины, т.-е. 22-го іюля, прибыли въ резиденцію царя, или, вѣрнѣе сказать, въ резиденцію того, кто долженъ былъ быть избранъ царемъ, такъ какъ его еще не избрали.

Имя этого будущаго властителя было Кюине. Онъ распорядился о щедромъ угощеніи посланныхъ папы, но отказался ихъ принять, такъ какъ не былъ еще царемъ, и потому не вмѣшивался ни въ какія дѣла. Однако, письмо Батыя познакомило его съ миссіей, данной посламъ папою Иннокентіемъ IV.

Со смертью Огадая власть надъ Монгольской имперіей перешла ко вдовствующей царицѣ, матери князя Кюине. Она-то и приняла францисканца и его спутника при торжественной обстановкѣ въ бѣлой шелковой палаткѣ, которая могла вмѣстить въ себѣ до двухъ тысячъ человѣкъ.

„Тамъ, — говоритъ Карпини, — мы видѣли большое собраніе вождей и князей, съѣхавшихся со всѣхъ сторонъ со своими свитами. Въ первый день на всѣхъ было бѣлое шелковое одѣяніе, во второй—красное, и въ этотъ день явился въ палатку и Кюине; въ третій день на нихъ было одѣяніе лиловое, въ четвертый—малиновое, замѣчательно тонкое. Въ палатку вели двое большихъ дверей, въ однѣ изъ которыхъ входилъ только царь Въ эти двери, несмотря на то, что онѣ были открыты настежь и никѣмъ не оберегались, кромѣ царя, никто не входилъ; стража,

вооруженная стрѣлами и мечами, стояла у другихъ дверей, открытыхъ для всѣхъ прочихъ гостей. Если кто-нибудь заходилъ за отведенныя границы, то его били; въ томъ же случаѣ, когда не успѣвали поймать, пускали ему вдогонку стрѣлы. Туда пріѣхало много знатныхъ татаръ, лошади которыхъ были въ сбруѣ и увѣшаны, по нашему расчету, болѣе чѣмъ двадцатью марками серебра".

Прошелъ цѣлый мѣсяцъ, пока Кюине былъ провозглашенъ царемъ, и посланные папы ждали его провозглашенія, чтобы быть имъ принятыми. Карпини употребилъ съ пользою это время, въ продолженіе котораго онъ изучилъ нравы татарскихъ ордъ. Въ его сочиненіи находятся интересныя подробности по этому предмету.

Въ общемъ онъ находитъ страну гористою, песчаною и почти безлѣсною; мѣстами попадаются глинистыя топи; царь и принцы отапливаютъ свои помѣщенія навозомъ. Хотя страна безплодна, но стада разводятся хорошо. Климатъ неравномѣрный. Лѣтомъ повторяются часто грозы, и молнія многихъ убиваетъ. Вѣтеръ свирѣпствуетъ иногда съ такой силою, что опрокидываетъ всадниковъ.

Зимою дожди совсѣмъ не выпадаютъ, даже лѣтомъ они едва омачиваютъ землю. Грады падаютъ иногда ужасные, и Карпини былъ свидѣтелемъ града, выпадавшаго такъ продолжительно, что, когда градины растаяли, сто сорокъ человѣкъ потонуло въ массахъ воды. Вообще страна обширная, но до того жалкая и безплодная, что нельзя выразить словами.

Карпини очень живо передаетъ портретъ татаръ, чѣмъ обнаруживаетъ въ себѣ большую наблюдательность. „Глаза и щеки отдѣлены другъ отъ друга большими разстояніями и скулы выдаются сильно впередъ; носъ маленькій и плоскій, глаза тоже маленькіе, а рѣсницы приподняты до бровей. Они очень худощавы и тонки въ таліи, роста по большей части средняго, бороды жидковаты; у нѣкоторыхъ на верхней губѣ и на подбородкѣ прорастаютъ волосы, которыхъ они никогда не срѣзаютъ. На макушкѣ, подобно нашимъ священникамъ, они выстригаютъ себѣ кружки, а отъ уха до уха пробриваютъ полосу шириною въ три пальца; волосы же между полосой и кружкомъ они отпускаютъ до бровей, подстригая ихъ только у висковъ; на остальной части головы они волосъ не срѣзаютъ, и они у нихъ выростаютъ та-

кой-же длины, какъ у женщинъ; они дѣлаютъ изъ нихъ двѣ пряди, которыя связываются за ухомъ. Ноги у нихъ не велики".

Мужчинъ отъ женщинъ очень трудно отличить, благодаря тому, что они одѣваются совершенно одинаково: всѣ носятъ распашные тюники, подбитые мѣхомъ, и высокія шапки изъ холста или изъ шелка, расширяющіяся кверху; они живутъ въ шатрахъ, сдѣланныхъ изъ прутьевъ и палокъ и покрытыхъ войлокомъ; эти жилища легко разбираются и перевозятся на вьючныхъ животныхъ. Болѣе же обширныя жилища укладываются цѣликомъ на возахъ и слѣдуютъ за своими владѣльцами.

Татары вѣрятъ въ единаго Бога, Творца всего видимаго и невидимаго, который награждаетъ или наказываетъ, смотря по дѣламъ, каждаго. Но они поклоняются также солнцу, лунѣ, огню, землѣ, водѣ и падаютъ ницъ передъ идолами, сдѣланными на-подобіе людей. Они не отличаются вѣротерпимостью и замучили Михаила Черниговскаго и Ѳеодора за то, что они отказались, по требованію князя Батыя, поклониться на югъ, какъ это дѣлаютъ всѣ татары; греческая церковь причислила ихъ къ лику святыхъ. Татары—народъ очень суевѣрный: они вѣрятъ въ чары и колдовство; они признаютъ, что огонь очищаетъ все. При смерти какого-нибудь знатнаго татарина вмѣстѣ съ нимъ зарываютъ столъ, чашу, полную мяса, кружку съ кобыльимъ молокомъ, кобылицу съ жеребенкомъ и осѣдланнаго и взнузданнаго коня.

Татары очень покорны своимъ начальникамъ; они уклоняются отъ всякой лжи, избѣгаютъ споровъ; убійства и грабежи между ними очень рѣдки; кражъ почти не бываетъ, и драгоцѣнныя вещи не запираются. Эти люди выносятъ безъ ропота голодъ и усталость, жаръ и холодъ; играютъ, танцуютъ и поютъ при всякомъ удобномъ случаѣ; однако, они склонны къ пьянству; ихъ главный недостатокъ состоитъ въ томъ, что они горды и надменны съ иностранцами и ни во что не ставятъ человѣческую жизнь.

Въ заключеніе Карпини прибавляетъ, что эти варвары употребляютъ въ пищу всевозможное мясо: собачье, волчье, лисье, лошадиное, а въ случаѣ необходимости и человѣческое. Напитокъ ихъ состоитъ изъ молока кобыльяго, овечьяго, козьяго, коровьяго и верблюжьяго. Они не знаютъ ни вина, ни ликера, ни меда, употребляютъ одни опьяняющіе напитки. Сверхъ того, они очень нечистоплотны и ничѣмъ не брезгаютъ: въ случаѣ недостатка въ пищѣ они не пренебрегаютъ ни крысами, ни мы-



Татары...

шами, ни червями, никогда не моютъ своихъ мисокъ или же всполаскиваютъ ихъ тою-же похлебкою, какую ѣли; никогда не чистятъ одеждъ и не позволяютъ этого дѣлать другимъ, „особенно когда гремитъ громъ". Мужчины не стѣсняютъ себя никакими работами: охотиться, стрѣлять изъ лука, пасти стада, ѣздить верхомъ—вотъ всѣ ихъ занятія. Дѣвушки и женщины тоже не пренебрегаютъ этими занятіями; онѣ очень ловки и смѣлы. Сверхъ того, онѣ выдѣлываютъ мѣха и изготовляютъ одежды, также пра-

вятъ верблюдами. Всѣ домашнія работы идутъ тѣмъ успѣшнѣе, что въ каждомъ домѣ много женщинъ; благодаря обычаю многоженства, эти варвары покупаютъ себѣ столько женъ, сколько каждый изъ нихъ въ состояніи прокормить.

Таковы вкратцѣ наблюденія Карпини, сдѣланныя имъ въ продолженіе мѣсяца, проведеннаго въ Сыра-Ордѣ, въ ожиданіи выбора царя. Скоро нѣкоторые признаки дали основаніе думать, что избраніе не далеко: когда Кюине выходилъ изъ палатки, передъ нимъ пѣли, кланялись и махали красивыми палочками, убранными на концахъ пучками алой шерсти. Въ четырехъ лье отъ Сыра-Орды, въ долинѣ у ручья была приготовлена палатка, предназначенная для коронованія. Яркіе ковры обтягивали внутри эту палатку, опиравшуюся на колонны, отдѣланныя золотомъ. Наконецъ, въ день св. Варѳоломея всѣ собрались и принялись молиться, ставши на колѣни и повернувшись лицомъ къ югу. Къ этой языческой молитвѣ францисканецъ и его спутники отказались присоединиться. Затѣмъ Кюине былъ усаженъ на тронъ, передъ которымъ всѣ князья и народъ преклонили колѣни. Такъ совершилось избраніе.

Тотчасъ же Карпини и Стефанъ были потребованы къ новому царю. Ихъ обыскали и затѣмъ ввели въ царскую палатку вмѣстѣ съ другими посланниками, которые несли богатые подарки. Бѣдные папскіе посланники уже не могли ничего принести въ даръ. Мы не знаемъ, оказало-ли это обстоятельство какое-нибудь вліяніе на ихъ пріемъ, только Карпини и Стефанъ долго ожидали, пока его татарское величество удостоилъ ихъ переговоровъ. Дни проходили, съ посланниками обращались очень дурно, и они буквально умирали отъ голода и жажды. Только около дня св. Мартина они были призваны къ приближеннымъ царя, которые вручили имъ отвѣтныя письма къ папѣ. Эти письма оканчивались высокомѣрными словами, имѣвшими мѣсто во всѣхъ подобныхъ письмахъ азіатскихъ государей: „Мы поклоняемся Богу и съ его помощью разрушимъ весь міръ отъ востока до запада“.

Около дня св. Бриса послы тронулись въ обратный путь. Въ продолженіе всей зимы они пробирались снѣжной пустыней. Въ день Вознесенія они прибыли ко двору князя Батыя, снабдившаго ихъ пропускомъ. Лишь за двѣ недѣли до праздника св. Іоанна, 1247 года, они добрались до Кіева. Карпини былъ назначенъ 9 октября папою архіепископомъ въ Антивари, въ Дал-

маціи. Этотъ знаменитый путешественникъ умеръ въ Римѣ около 1251 года.

Миссія Карпини, такимъ образомъ, не имѣла никакого успѣха, и татары попрежнему наводили ужасъ своими свирѣпыми и кровожадными ордами. Спустя шесть лѣтъ послѣ возвращенія францисканца, другой молодой монахъ, по имени Гильомъ Рубруквисъ, бельгійскій уроженецъ, былъ отправленъ къ этимъ варварамъ, которые населяли земли между Дономъ и Волгою. Новое посольство было вызвано слѣдующими обстоятельствами: въ это время св. Людовикъ велъ войну съ сирійскими сарацинами и пока онъ преслѣдовалъ невѣрныхъ, монгольскій князь Эркалтай напалъ на нихъ со стороны Персіи, отвлекая, такимъ образомъ, часть ихъ силъ, чѣмъ оказывалъ услугу французскому королю. Ходили слухи, что этотъ князь принялъ христіанство. Св. Людовикъ, желая удостовѣриться въ этомъ, поручилъ монаху Рубруквису отправиться въ страну князя и посмотрѣть, какъ тотъ живетъ у себя.

Въ іюнѣ 1253 года Рубруквисъ и его спутники поплыли въ Константинополь и оттуда достигли по Азовскому морю устьевъ Дона, гдѣ обитали готы, потомки германскихъ племенъ. По пріѣздѣ къ татарамъ, посланные французскаго короля были приняты очень недружелюбно; но послѣ предъявленія ими своихъ грамотъ губернаторъ Загафалъ снабдилъ ихъ телѣгами, лошадьми и быками для продолженія путешествія.

Они поѣхали дальше и на другой день встрѣтили странствующую деревню; это былъ обозъ, нагруженный домами, принадлежащими правителю. Въ продолженіе десяти дней путешественники пробыли у этихъ людей, которые не могли похвастаться гостепріимствомъ. Только благодаря запасу сухарей, Рубриквисъ и его спутники не умерли съ голода. Достигнувъ предѣловъ Азовскаго моря, они направились къ востоку вдоль безплодной степи, гдѣ имъ не попадалось ни дерева, ни даже камня. Это была Куманская земля, черезъ которую нѣсколько сѣвернѣе проходилъ уже Карпини. Оставивъ за собой горы, лежащія на югѣ и заселенныя черкесскими племенами, Рубруквисъ, послѣ утомительнаго двухмѣсячнаго путешествія, пріѣхалъ въ лагерь князя Сартака, расположенный по берегамъ Волги.

Тутъ помѣщался дворъ князя, сына Баату-хана. У князя было шесть женъ; каждая изъ нихъ имѣла свой дворецъ, свои

дома и двѣсти повозокъ; нѣкоторыя изъ повозокъ были шириною въ двадцать футовъ и въ нихъ впрягали двадцать два быка цугомъ въ два ряда, по одиннадцати въ рядъ.

Сартакъ принялъ пословъ французскаго короля очень привѣтливо и, видя ихъ бѣдность, снабдилъ ихъ всѣмъ необходимымъ. Рубруквисъ и его спутники должны были представляться князю въ своихъ монашескихъ одеждахъ. Разложивъ на подушкѣ великолѣпную Библію, подаренную французскимъ королемъ, псалтирь—подарокъ королевы, требникъ, распятіе и кадило, они вошли къ князю, стараясь не прикоснуться къ порогу, что было бы непростительнымъ оскверненіемъ святыни. Затѣмъ въ присутствіи Сартака благочестивые послы запѣли „Salve Regina". Князь и одна изъ княгинь, присутствовавшая при этой церемоніи, съ большимъ интересомъ всматривались въ церковныя облаченія монаховъ; наконецъ, имъ позволено было удалиться. Относительно того, былъ ли Сартакъ христіаниномъ, Рубруквисъ ничего не можетъ сказать.

Однако, миссія короля Людовика Святого еще не окончилась. Князь настоятельно просилъ посланниковъ отправиться ко двору его отца. Рубруквисъ согласился и, пройдя мѣста, населенныя магометанскими племенами, подѣлившими между собой земли между Дономъ и Волгой, онъ прибылъ въ станъ стараго князя, расположенный на берегу рѣки.

Здѣсь повторилась та же церемонія, что при дворѣ Сартака. Монахи опять должны были облачиться въ свои церковныя одѣянія и предстали такъ передъ ханомъ, который занималъ золотой тронъ шириною въ кровать. Но Баату не счелъ должнымъ вести разговоры съ посланниками французскаго короля и отправилъ ихъ въ Каракорумъ, ко двору Мангу-хана.

Рубруквисъ прошелъ черезъ землю башкировъ, посѣтилъ Кеншатъ, Талахъ, прошелъ Аксіарту и достигъ города Эквіуса, положенія котораго комментаторы не могли опредѣлить. Затѣмъ черезъ землю Органу, гдѣ лежитъ озеро Балкашъ, и черезъ землю уигуровъ онъ пріѣхалъ въ Каракорумъ—столицу, передъ которой Карпини останавливался, но въ которую не вошелъ.

Этотъ городъ, по словамъ Рубруквиса, окруженъ земляными стѣнами, въ которыхъ было четверо воротъ. Двѣ мечети и одинъ христіанскій храмъ составляли главныя зданія этого города. Монахъ собралъ здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія объ окрестныхъ племе-

нахъ, главнымъ образомъ о тангурахъ, у которыхъ быки замѣчательной породы, ничѣмъ не отличающейся отъ яковъ— извѣстной тибетской породы; онъ говоритъ также о тибетцахъ, имѣющихъ странное обыкновеніе съѣдать трупы своихъ родителей, чтобы доставить имъ почетное погребеніе.

Но великаго хана не было въ столицѣ; Рубруквисъ со своими спутниками долженъ былъ отправиться въ его резиденцію, находящуюся по ту сторону горъ въ сѣверной части страны. На другой же день по ихъ прибытіи они представлялись ко двору; слѣдуя францисканскому правилу, они шли босые, при чемъ отморозили большіе пальцы на ногахъ. Ихъ ввели къ Мангу-хану и они увидѣли „курносаго человѣка средняго роста, лежащаго на большомъ диванѣ и одѣтаго въ мѣхъ, блестящій какъ шкура тюленя". Царь былъ окруженъ соколами и другими птицами. Посламъ французскаго короля были предложены разныя сорта напитковъ: пуншъ изъ арака, кумысъ и особый родъ меда. Послы воздержались отъ питья; но не отличавшійся такою же воздержанностью ханъ не замедлилъ опьянѣть до потери сознанія подъ вліяніемъ этихъ хмѣльныхъ напитковъ; аудіенція должна была прекратиться и послы ничего не успѣли ему сказать.

Рубруквисъ провелъ нѣсколько дней при дворѣ Мангу-хана. Онъ встрѣтилъ тутъ большое число нѣмецкихъ и французскихъ плѣнниковъ, которыхъ употребляли преимущественно на производство оружія и разработку бокальскихъ рудъ. Татары обращались съ плѣнниками хорошо и они не жаловались на свое положеніе. Послѣ нѣсколькихъ аудіенцій у великаго хана, Рубруквисъ получилъ позволеніе удалиться и возвратился въ Каракорумъ.

Около этого города возвышается великолѣпный дворецъ, принадлежащій хану; онъ походитъ на обширную церковь. Въ этомъ дворцѣ и возсѣдаетъ властитель на высокой эстрадѣ, расположенной на сѣверномъ концѣ зданія. Мужчины помѣщаются по правую руку, женщины — по лѣвую; здѣсь два раза въ годъ устраиваются пышныя празднества, на которыя съѣзжается вся знать.

Во время своего пребыванія въ Каракорумѣ, Рубруквисъ собралъ интересныя свѣдѣнія о китайцахъ, о ихъ нравахъ, письмѣ и проч. Затѣмъ, покинувъ монгольскую столицу, онъ поѣхалъ обратно тою-же дорогою; но, достигнувъ г. Астрахани, располо-

4*

женнаго у устья большой рѣки, онъ спустился къ югу, вступилъ въ Сирію и подъ прикрытіемъ татарскаго конвоя,—необходимость, вызванная разбоями кочующихъ племенъ,—онъ прибылъ въ Дербентъ, къ желѣзнымъ воротамъ. Отсюда черезъ Нахичевань, Эрзерумъ, Хиву, Кесарію и Иконію онъ достигъ порта Керчь и поплылъ въ отечество.

Читатель видитъ, что путешествіе Рубруквиса немногимъ отличается отъ путешествія Карпини, но описаніе его менѣе интересно: бельгійскій монахъ далеко не былъ одаренъ такой наблюдательностью, которою отличался итальянскій францисканецъ.

Именами Карпини и Рубруквиса оканчивается перечисленіе изслѣдователей, прославившихся въ тринадцатомъ вѣкѣ; но слава ихъ меркнетъ при славѣ венеціанца Марко Поло, знаменитѣйшаго путешественника этой эпохи.

ГЛАВА IV.

Марко Поло (1253—1324).

I.

Важность для генуэзскихъ купцовъ изслѣдованій въ центральной Азіи.—Семейство Поло и его общественное положеніе въ Венеціи.—Братья Николо и Матео Поло.—Они отправляются въ Константинополь къ двору китайскаго императора.—Пріемъ при дворѣ хана Кублая.—Императоръ назначаетъ ихъ послами къ папѣ.—Ихъ возвращеніе въ Венецію.—Марко Поло.—Онъ отправляется съ своимъ отцомъ Николо и дядею Матео въ резиденцію татарскаго хана.—Новый папа Григорій X.—Сочиненіе Марко Поло, писанное подъ его диктовку по-французски пизанцемъ Рустисіеномъ.

Генуэзскіе и венеціанскіе купцы не могли оставаться равнодушными къ изслѣдованіямъ, предпринимаемымъ смѣлыми путешественниками въ центральную Азію, Индію и Китай. Они понимали, что эти страны представятъ собою новые рынки сбыта и что, съ другой стороны, выгода отъ доставки на востокъ товаровъ западнаго производства будетъ громадная. Интересы торговли должны были необходимо вызвать изслѣдованія новыхъ странъ. Въ силу такихъ соображеній два благородныхъ венеціанца рѣшились покинуть родину и съ цѣлью расширить свои торговые обороты пустились въ путешествіе, пренебрегая опасностями и случайностями дороги.



Марко Поло.

Эти два венеціанца принадлежали къ семейству Поло, родомъ изъ Далмаціи. Богатство этого семейства, пріобрѣтенное торговлей, поставило ихъ на ряду съ дворянскими фамиліями Венеціи. Въ 1260 году братья Николо и Матео, пребывавшіе нѣсколько лѣтъ въ Константинополѣ, гдѣ у нихъ были свои торговыя операціи, отправились съ значительнымъ количествомъ драгоцѣнностей въ Крымъ, къ своему старшему брату Андрею Поло, имѣв-

шему тамъ свою контору. Отсюда, поднимаясь къ сѣверо-востоку, они переѣхали Куманскую область и достигли лагеря Баркай-хана. Монгольскій князь принялъ венеціанскихъ купцовъ очень радушно и купилъ у нихъ всѣ драгоцѣнности за двойную цѣну.

Николо и Матео оставались въ лагерѣ годъ. Въ это время, въ 1262 г., между Баркаемъ и княземъ Гулагу завязалась война. Оба брата, не рискуя отправиться во внутрь странъ, разоренныхъ татарами, предпочли отправиться въ Бухару, главную резиденцію Баркая, гдѣ и пробыли три года. Баркай былъ побѣжденъ и Бухара покорена. Приверженцы Гулагу пригласили венеціанцевъ слѣдовать за ними въ резиденцію великаго татарскаго хана, обѣщая имъ со стороны послѣдняго ласковый пріемъ. Этотъ ханъ, Кублай—четвертый сынъ Чингизъ-хана—былъ китайскимъ императоромъ и находился тогда въ своей лѣтней резиденціи, въ Монголіи, на границѣ Китайской имперіи.

Венеціанскіе купцы пустились въ путь. Цѣлый годъ они употребили на то, чтобы пробраться черезъ громадное пространство, отдѣляющее Бухару отъ сѣверной границы Китая. Кублай-ханъ былъ очень радъ пріѣзду иностранцевъ. Онъ устроилъ въ честь ихъ большой праздникъ. Съ большимъ интересомъ разспрашивалъ онъ ихъ о событіяхъ, происходившихъ тогда на западѣ, настаивая на мельчайшихъ подробностяхъ объ императорахъ и короляхъ, объ ихъ управленіи, о способахъ войны и велъ долгія бесѣды о папѣ и о дѣлахъ латинской церкви.

Матео и Николо, владѣвшіе хорошо татарскимъ языкомъ, отвѣчали искренно на всѣ вопросы хана. Послѣдній задумалъ отправить пословъ къ папѣ и просилъ обоихъ братьевъ быть представителями его посольства передъ его святѣйшествомъ. Купцы согласились съ большой охотой, такъ какъ это обстоятельство ставило ихъ возвращеніе на родину въ благопріятныя условія. Ханъ приказалъ написать на турецкомъ языкѣ грамоту, въ которой просилъ папу прислать ему сто мудрѣйшихъ людей для обращенія идолопоклонниковъ въ христіанство. Онъ отправилъ съ венеціанцами своего приближеннаго Когатала, которому просилъ ихъ вручить масло изъ неугасаемой лампады, горящей у гробницы Христа въ Іерусалимѣ.

Оба брата, снабженные пропусками, благодаря которымъ къ ихъ услугамъ были готовы люди и лошади по всему пространству



Ханъ устроилъ праздникъ въ честь иностранцевъ...

имперіи, простились съ ханомъ и пустились въ путь въ 1266 году. Но въ дорогѣ Когаталъ вскорѣ заболѣлъ, и венеціанцы принуждены были съ нимъ разстаться. Несмотря на помощь, оказываемую имъ въ пути, они только черезъ три года достигли армянскаго порта Лаиса, извѣстнаго теперь подъ именемъ Исса, лежащаго въ глубинѣ Иссійскаго залива. Отсюда, въ 1269 году, они отправились въ Акру. Тамъ они узнали о смерти папы Климентія IV, къ которому они были посланы; но въ этомъ городѣ на-

ходился легатъ Теобальдъ. Онъ принялъ венеціанцевъ и, узнавъ, въ чемъ состоитъ ихъ миссія, просилъ ихъ дождаться выбора новаго папы.

Матео и Николо, не видавши родины пятнадцать лѣтъ, рѣшили возвратиться въ Венецію. Они отправились въ Негропонтъ, гдѣ сѣли на корабль, привезшій ихъ прямо въ родной городъ.

Дорогою Николо узналъ о смерти своей жены и о рожденіи сына, появившагося на свѣтъ черезъ нѣсколько дней послѣ его отъѣзда, въ 1254 году, и названнаго Марко Поло. Оба брата, чувствуя себя обязанными исполнить возложенное на нихъ порученіе, жили въ Венеціи два года, въ ожиданіи избранія папы. Избраніе очень замедлилось. Они не считали возможнымъ откладывать далѣе возвращеніе къ монгольскому императору и отправились въ Акру, взявъ съ собою и молодаго Марко, которому было въ это время не болѣе семнадцати лѣтъ. Въ Акрѣ они увидѣлись съ легатомъ Теобальдомъ, который уполномочилъ ихъ отправиться въ Іерусалимъ за масломъ изъ лампады, горящей у святого гроба. Исполнивъ это порученіе, венеціанцы возвратились въ Акру и, за отсутствіемъ папы, просили у легата писемъ къ Кублай-хану, въ которыхъ онъ написалъ бы о смерти папы Климентія IV. Теобальдъ далъ имъ письма и оба брата пріѣхали въ Лаисъ. Тамъ, къ ихъ великой радости, они узнали, что легатъ Теобальдъ избранъ папой, подъ именемъ Григорія X, 1-го сентября 1271 года.

Новый избранникъ потребовалъ ихъ немедленно къ себѣ, и король Арменіи, желая ихъ доставить скорѣе въ Акру, далъ въ ихъ распоряженіе корабль. Папа принялъ ихъ благосклонно, вручилъ грамоты къ китайскому императору и отправилъ съ ними двухъ проповѣдниковъ Николая Виченцскаго и Гильома Трипольскаго.

Простившись съ его святѣйшествомъ и получивъ отъ него благословеніе, посланники отправились въ Лаисъ. Пріѣхавши сюда, они чуть не были захвачены въ плѣнъ шайками султана мамелюковъ, Бибарса, опустошавшими въ то время Арменію. Проповѣдники были очень недовольны такимъ началомъ своего путешествія и, не предвидя впереди ничего лучшаго, отказались отъ путешествія и предоставили двумъ венеціанцамъ и Марко Поло передать безъ нихъ монгольскому хану письма папы.

Здѣсь, собственно, и начинается путешествіе Марко Поло.

Дѣйствительно ли посѣтилъ онъ всѣ страны и всѣ города, которые описываетъ? Конечно, нѣтъ. Въ разсказѣ, написанномъ по-французски подъ его диктовку пизанцемъ Рустисіеномъ, прямо сказано, что „Марко Поло, умный и благородный гражданинъ Венеціи, видѣлъ все это своими собственными глазами, а чего не видѣлъ, то онъ слышалъ изъ устъ людей, заслуживающихъ довѣрія". Прибавимъ отъ себя, что въ большей части городовъ, упоминаемыхъ имъ, онъ дѣйствительно былъ. И такъ, мы будетъ слѣдить за его путешествіемъ по его разсказу, отмѣчая то, что было имъ узнано по слухамъ при исполненіи важныхъ порученій, возлагаемыхъ на него Кублай-ханомъ. Въ дальнѣйшемъ путешествіи венеціанцы не держались строго того пути, по которому они слѣдовали въ первый разъ къ китайскому императору. Прежде они проѣзжали Небесныя горы (нынѣ Тянь-Шань-Пелу, на сѣверѣ), что значительно удлиняло путь, теперь они прорѣзали тѣ же горы южнѣе. Несмотря, однако, на такое сокращеніе пути, они, вслѣдствіе обилія дождей и разлива рѣкъ, оставались въ дорогѣ около трехъ съ половиною лѣтъ. Прослѣдить этотъ путь по картѣ Азіи не представитъ никакого труда, такъ какъ имена всѣхъ мѣстъ, проѣзжаемыхъ Марко Поло, нами обозначены современными названіями.

II.

Малая Арменія.—Большая Арменія.—Гора Араратъ.—Грузія.—Моссулъ, Багдадъ, Бассора и Таврисъ.—Персія.—Провинція Кирманъ.—Комади.—Ормусъ.—«Горный старикъ».—Шебурганъ.—Балакъ.—Балаціанъ.—Кашемиръ.—Кашгаръ.—Самаркандъ.—Котанъ.—Пустыня.—Тангутъ.—Каракорумъ.—Си-ньянъ-фу.—Тендукъ.—Большая стѣна.—Чіанду, нынѣшній городъ Шангъ-ту.—Резиденція хана Кублая.—Камбалу, или нынѣшній Пекинъ.—Празднества императора.—Его охота.—Описаніе Пекина.—Монетный дворъ и китайскіе билеты.—Китайская почта.

Покинувъ городъ Иссъ, Марко Поло говоритъ о Малой Арменіи, какъ о странѣ крайне нездоровой, жители которой, когда-то доблестные, теперь тщедушные и презрѣнные, отличаются только большою наклонностью къ пьянству. Что касается до гавани Иссъ, то это складочный пунктъ всѣхъ цѣнныхъ азіатскихъ товаровъ и мѣсто съѣзда купцовъ всѣхъ странъ. Изъ Малой Арменіи Марко Поло отправляется въ Туркменскую землю, гдѣ обитаютъ племена добродушныя и нѣсколько дикія, пользующіяся прекрасными пастбищами, на которыхъ они разводятъ извѣстныхъ лошадей и

муловъ. Городскіе жители славятся производствомъ ковровъ и шелковыхъ тканей. Большая Арменія, которую затѣмъ посѣтилъ Марко Поло, представляетъ собою удобное мѣсто для лагеря татарской арміи. Тамъ путешественникъ видѣлъ гору Араратъ, на которой остановился Ноевъ ковчегъ послѣ потопа, и упоминаетъ о разбросанныхъ по землямъ, граничащимъ съ Каспійскимъ моремъ, нефтяныхъ источникахъ, разрабатываемыхъ тамъ въ большомъ количествѣ.

Изъ Большой Арменіи Марко Поло поѣхалъ на сѣверо-востокъ въ Грузію, простирающуюся по южному склону Кавказа. Преданіе говоритъ, что древніе короли Грузіи рождались „съ отпечаткомъ орла на правомъ плечѣ". Грузины, по словамъ путешественника, прекрасные стрѣлки и хорошіе воины; жители выдѣлываютъ чудесныя шелковыя и золотыя ткани. Тамъ находится знаменитое ущелье, помѣщающееся между подошвою Кавказа и Каспійскимъ моремъ и имѣющее четыре лье въ длину; этотъ Дербентскій проходъ называется турками „желѣзными воротами"; здѣсь же находится чудесное озеро, въ которомъ, какъ говорятъ, рыба ловится только въ постъ.

Отсюда путешественники спустились въ королевство Моссулъ и прибыли въ городъ того же имени, расположенный на правомъ берегу Тигра, затѣмъ въ Багдадъ, гдѣ живетъ калифъ всѣхъ сарацинъ въ мірѣ. Въ этомъ мѣстѣ своего сочиненія Марко Поло разсказываетъ о взятіи Багдада татарами въ 1255 году и приводитъ чудесную исторію въ подтвержденіе христіанскаго изреченія, что вѣра можетъ двигать горы. Затѣмъ онъ указываетъ купцамъ путь отъ этого города къ Персидскому заливу, который совершается по рѣкѣ въ восемнадцать дней черезъ Бассору и страну финиковъ.

До Тавриса—персидскаго города въ провинціи Адзербайджанъ—маршрутъ Марко Поло не опредѣленъ. Мы его находимъ сразу въ Таврисѣ—большомъ торговомъ городѣ, лежащемъ среди прекрасныхъ садовъ. Жители его, вѣроломные и порочные сарацины, ведутъ торговлю драгоцѣнными камнями и другими очень цѣнными товарами. Марко Поло дѣлитъ Персію на восемь провинцій. Говоря о нравахъ туземцевъ, путешественникъ замѣчаетъ, что купцы находятся подъ вѣчнымъ страхомъ отъ ихъ разбойничьихъ наклонностей, вслѣдствіе чего не ѣздятъ невооруженными. Главная торговля страны—лошади и ослы, которыхъ

жители отправляютъ въ Кисъ и Ормусъ, а оттуда въ Индію. Что касается до произведеній земли, то пшеница, ячмень, просо и виноградъ произрастаютъ тамъ въ изобиліи.

Марко Поло спустился къ югу до Іезда, самаго восточнаго города Персіи—гостепріимнаго и промышленнаго города. Отсюда путешественники, проѣзжая въ продолженіе семи дней по великолѣпнымъ, изобилующимъ дичью лѣсамъ, прибыли въ провинцію Кирманъ. Здѣсь, въ горахъ, рудокопы разрабатываютъ съ успѣхомъ бирюзу, желѣзо и антимоній; большое число жителей занимается вышиваніемъ, производствомъ сбруи и оружія и воспитаніемъ охотничьихъ соколовъ. Покинувъ городъ Кирманъ, Марко Поло и его спутники употребили девять дней на проѣздъ по богатой и густонаселенной странѣ, послѣ чего прибыли въ городъ Комади,—вѣроятно, нынѣшній Мемонъ,—клонившійся уже тогда къ упадку. Мѣстность была великолѣпна: со всѣхъ сторонъ пестрѣли стада рослыхъ и жирныхъ барановъ и бѣлыхъ, какъ снѣгъ, съ короткими и крѣпкими рогами быковъ; стаи рябчиковъ и другой дичи проносились надъ землею; прекрасныя деревья,—главнымъ образомъ финиковыя и фисташковыя,—попадались въ изобиліи.

Послѣ пятидневнаго путешествія къ югу Марко Поло достигъ долины Кормоза, нынѣшней Ормусъ. Прекрасныя рѣки орошаютъ эту мѣстность. Спустя два дня, путешественники прибыли къ берегамъ Персидскаго залива, въ самый городъ Ормусъ, составляющій морской портъ королевства Кирмана. Эта мѣстность, богатая финиками и пряностями, показалась имъ очень жаркой и чрезвычайно нездоровой; произведенія земли, драгоцѣнные камни, шелковыя и золотыя ткани, слоновые клыки, финиковое вино и другіе товары складывались въ этомъ городѣ, куда приходило за ними множество судовъ, скрѣплявшихся не гвоздями, а болтами, вслѣдствіе чего многія изъ нихъ погибали при переходѣ черезъ Индійское море.

Изъ Ормуса Марко Поло, поднимаясь къ юго-востоку, возвратился въ Кирманъ. Отсюда онъ пустился по опаснымъ дорогамъ черезъ безплодную пустыню, въ которой попадается лишь солодковатая вода,—пустыню, которую за 1500 лѣтъ до того прошелъ Александръ съ своей арміей, возвращаясь отъ устьевъ Инда, чтобы соединиться съ адмираломъ Неархомъ,—и, спустя семь дней, достигъ города Кабиса, на границѣ королевства Кир-

мана. Покинувъ этотъ городъ, онъ, послѣ восьмидневнаго путешествія по обширной пустынѣ, добрался до города Тонакена,—вѣроятно, нынѣшняя столица Кумиса или Домаханъ. Здѣсь Марко Поло сообщаетъ нѣсколько подробностей о „горномъ старикѣ“ (vieux de la montagne), главѣ магометанской секты—хасхисхиновъ (hashishins), отличающейся религіознымъ фанатизмомъ и страшной жестокостью. Спустя шесть дней, онъ вошелъ въ корасанскій городъ Шебурганъ, гдѣ дыня слаще меда, а затѣмъ въ благоустроенный городъ Балакъ, у источниковъ Окса. Отсюда онъ прибылъ въ Тайканъ, проѣхавъ мѣстностью, гдѣ не рѣдки львы; этотъ городъ представлялъ обширный соляной рынокъ, привлекавшій множество торговцевъ. Далѣе онъ посѣтилъ Скасемъ, который Н. Равлинсонъ отождествляетъ съ долиной Карезма въ Зендъ-Авестѣ и который нѣкоторыми комментаторами считается за современный Кундузъ. Въ этой мѣстности попадалось много дикобразовъ, которые, когда за ними охотились,—говоритъ Марко Поло,—скучивались всѣ вмѣстѣ и подставляли собакамъ свои иглы, сидящія у нихъ въ большомъ количествѣ на спинѣ и на бокахъ.

Путешественники вступили въ гористую страну Балаціанъ, короли которой считаютъ себя потомками Александра Великаго; въ этой холодной странѣ воспитываются прекрасныя лошади; мѣстность изобилуетъ быстро летающими соколами и всякой другой дичью. Въ горѣ Сихинанѣ находятся руды баласа или блѣднаго рубина, которыя царь разрабатываетъ въ свою пользу; туда никто не смѣетъ ступить подъ страхомъ смерти; мѣстами добывается серебро и нѣкоторые камни, дающіе „самую нѣжную лазурь“, т.-е. ляписъ-лазурь. Марко Поло долженъ былъ долго оставаться въ этой странѣ, чтобы пріобрѣсти о ней такія опредѣленныя свѣдѣнія. На разстояніи десяти дней пути отъ Балаціана встрѣчается провинція, вѣроятно, нынѣшній Пейсхоръ; обитатели этой страны идолопоклонники, имѣютъ смуглый цвѣтъ лица. Въ семи дняхъ пути къ югу лежитъ королевство Кашемиръ—страна съ умѣреннымъ климатомъ, съ частыми городами и селеніями; страна такъ изрыта ущельями, что представляется чрезвычайно удобной къ военной оборонѣ. Если бы Марко Поло держался отсюда того же направленія, то онъ пріѣхалъ бы въ Индію, но онъ поднялся на сѣверъ и черезъ двѣнадцать дней прибылъ въ землю Ваканскую, орошаемую верхнимъ теченіемъ

Окса, изобилующую прекрасными пастбищами, на которыхъ пасутся громадныя стада дикихъ барановъ. Затѣмъ, черезъ гористыя страны, разбросанныя на Алтаѣ и Гималаѣ, послѣ сорокадневнаго мучительнаго перехода, они достигли провинціи Кашгаръ. Теперь они очутились на томъ мѣстѣ, гдѣ уже разъ были Матео и Николо Поло во время своего перваго путешествія изъ Бухары въ резиденцію великаго хана. Изъ Кашгара Марко Поло свернулъ съ дороги на западъ съ цѣлью посѣтить Самаркандъ, большой городъ, населенный христіанами и сарацинами. Затѣмъ, возвратившись опять въ Кашгаръ, онъ отсюда направился въ Яркандъ—городъ, посѣщаемый караванами, ведущими торговлю между Индіей и сѣверной Азіею; далѣе, проѣхавъ Котанъ—столицу провинціи того же имени, и Пейнъ—неизвѣстный городъ, находящійся въ странѣ, гдѣ въ изобиліи собираютъ яшму и халцедонъ, онъ достигъ какого-то королевства Сярцянъ—можетъ быть, Карашаръ, — находившагося на границѣ пустыни Гоби. Послѣ пятидневнаго путешествія по песчаной и безводной равнинѣ онъ прибылъ въ городъ Лобъ, нынѣ разрушенный; здѣсь онъ отдыхалъ восемь дней и въ это время сдѣлалъ всѣ приготовленія для переѣзда черезъ пустыню, простирающуюся на востокъ, „пустыню, такую длинную,—говоритъ онъ,—что нуженъ цѣлый годъ, чтобы проѣхать ее вдоль; пустыню, посѣщаемую духами, и гдѣ раздаются звуки невидимыхъ барабановъ и другихъ инструментовъ".

Черезъ мѣсяцъ путешественники пробрались черезъ эту пустыню поперекъ и прибыли въ провинцію Тангутъ, въ городъ Хатчу, построенный на западной границѣ Китайской имперіи. Между туземными жителями очень мало торговцевъ, но много земледѣльцевъ, живущихъ произведеніями своихъ земель. Изъ обычаевъ тангутовъ, поразившихъ Марко Поло, упомянемъ объ обычаѣ не сжигать своихъ мертвецовъ до дня, назначеннаго астрологами; „и все время, пока мертвецъ остается въ домѣ, живущіе въ томъ же домѣ его родные приготовляютъ ему мѣсто за столомъ и подаютъ ему ѣсть и пить, какъ живому".

Выбравшись изъ пустыни, Марко Поло со спутниками направился къ сѣверо-западу, къ городу Амиль и добрался до города Гинхинталаса, населеннаго идолопоклонниками, магометанами и христіанами-несторіанцами. Географы не согласны въ опредѣленіи положенія этого города. Изъ Гинхинталаса Марко Поло возвра-

тился въ Ха-тчу и отправился по прежней дорогѣ чрезъ Тангутъ, городъ Со-су, окрестности котораго благопріятны для разведенія ревеня, и черезъ Канпиціанъ—китайскій Ха-тчу—тогдашнюю столицу тангутовъ. Это значительный городъ, въ которомъ живутъ знатные и богатые идолопоклонники, имѣющіе по много женъ и вступающіе въ бракъ преимущественно съ своими двоюродными сестрами или „съ женами своихъ отцовъ". Три венеціанца оставались годъ въ этомъ большомъ городѣ. Благодаря тому, что они дѣлали такія продолжительныя остановки, и тому, что они безпрестанно возвращались на одни и тѣ же мѣста, ихъ путешествіе по внутренней Азіи продолжалось три года.

Покинувъ Ха-тчу, Марко Поло ѣхалъ верхомъ двѣнадцать дней, послѣ чего прибылъ на границу песчаной пустыни, въ городъ Едзину. Такимъ образомъ, онъ опять подался въ сторону, такъ какъ поѣхалъ на сѣверъ; но ему непремѣнно хотѣлось посѣтить Каракорумъ, эту знаменитую столицу, въ которой Рубруквисъ жилъ въ 1254 г.

Марко Поло обладалъ несомнѣнно врожденными наклонностями къ изслѣдованію; онъ не останавливался передъ трудами и опасностями, когда дѣло касалось новыхъ географическихъ изысканій. Чтобы посмотрѣть татарскій городъ, онъ пустился въ сорокадневный переходъ черезъ безплодную пустыню.

Онъ прибылъ въ Каракорумъ. Городъ имѣлъ въ окружности три мили. Этотъ городъ, считавшійся издавна столицею Монгольской имперіи, былъ завоеванъ Чингизъ-ханомъ, предкомъ настоящаго императора. Въ описаніи этого города Марко Поло дѣлаетъ историческое отступленіе, въ которомъ разсказываетъ о войнахъ татарскаго героя противъ проповѣдника Іоанна, этого властителя, господствовавшаго надъ всей страной.

Возвратившись въ Ха-тчу, Марко Поло направился оттуда къ востоку и прибылъ черезъ пять дней въ Эргинуль, вѣроятно—Ліангъ-шу. Далѣе онъ уклонился къ югу, чтобы посѣтить Синьянъ-фу; онъ проѣзжалъ страну, въ которой паслись дикіе быки, огромные, какъ слоны, и встрѣчались драгоцѣнныя животныя, называемыя кабаргами. Возвратившись снова въ Ліангъ-шу, путешественники отправились на востокъ и достигли черезъ восемь дней Сіалиса, гдѣ выдѣлывается лучшій въ мірѣ камлотъ изъ верблюжьей шерсти. Далѣе они отправились въ провинцію и городъ Тендукъ, гдѣ царствовалъ потомокъ проповѣдника Іоанна,

подчиненный великому хану. Это былъ промышленный и торговый городъ. Отсюда, повернувъ опять къ сѣверу, венеціанцы черезъ Синда-ше перебрались за большую китайскую стѣну до Сіаганора,—вѣроятно, нынѣшній Тсаанъ-Балгассъ,—хорошенькаго городка, гдѣ императоръ охотно живетъ подолгу, предаваясь удовольствіямъ охоты съ кречетомъ на журавлей, аистовъ, фазановъ и куропатокъ, населяющихъ въ изобиліи окрестности.

Наконецъ, Марко Поло, его отецъ и дядя, покинувъ Сіаганоръ, пріѣхали черезъ три дня въ Чіанду,—въ нынѣшній Шангъту,—называемую въ другомъ мѣстѣ сочиненія Клеменъ-фу. Тамъ папскіе послы были приняты ханомъ Кублаемъ, жившимъ тогда въ своей лѣтней резиденціи, расположенной за большой стѣной къ сѣверу отъ Камбалу, извѣстной теперь за столицу Пекинъ. Путешественникъ мало говоритъ о сдѣланномъ имъ пріемѣ, но очень подробно описываетъ дворецъ хана, выстроенный изъ камня и мрамора и весь вызолоченный внутри. Дворецъ помѣщается въ паркѣ, окруженномъ стѣною, и въ немъ собраны рѣдкіе звѣри и птицы, выстроены фонтаны, зданіе же сложено изъ тростника такъ плотно, что туда не проникаетъ ни одна капля дождя,—нѣчто въ родѣ разбирающейся бесѣдки, въ которой ханъ жилъ іюнь, іюль и августъ, т.-е. все прекрасное время года. „И дѣйствительно,—говоритъ Марко Поло,—это время года не могло не быть прекраснымъ, такъ какъ астрологамъ былъ отданъ приказъ, чтобы они силою своего искусства разсѣивали дождь, туманъ и всякую дурную погоду“. Кажется, венеціанскій путешественникъ не сомнѣвается въ могуществѣ этихъ чародѣевъ. „Эти мудрые люди,—говоритъ онъ,—всѣ идолопоклонники; они знакомы съ дьявольскимъ искусствомъ и съ колдовствомъ лучше кого-нибудь другого, и все, что они дѣлаютъ,—они дѣлаютъ при помощи дьявола; но они стараются увѣрить другихъ, что дѣлаютъ это съ помощью своей святости и Бога. У этихъ людей таковъ обычай: когда кто-нибудь приговоренъ къ смерти и казненъ, они его убираютъ къ себѣ, варятъ и съѣдаютъ; но они не съѣли бы его, если бы этотъ человѣкъ умеръ своей смертью. И знайте, что эти люди, такъ хорошо изучившіе науку дьявола, совершаютъ чудо, о которомъ я сейчасъ вамъ разскажу. Когда великій ханъ сидитъ въ главной комнатѣ за столомъ, имѣющимъ въ длину локтей восемь, и въ разстояніи отъ него шаговъ на десять стоятъ на полу чаши, наполненныя виномъ, молокомъ и

другими вкусными напитками,—эти мудрые чародѣи своимъ волшебнымъ искусствомъ дѣлаютъ то, что эти чаши сами поднимаются и безъ посторонней помощи приближаются къ губамъ великаго хана; это чудо совершается ими въ присутствіи десяти тысячъ человѣкъ, и это истинная правда, безъ всякой лжи; впрочемъ, люди, свѣдущіе въ некромантіи, удостовѣрятъ васъ, что это возможно".

Затѣмъ Марко Поло передаетъ намъ біографическія подробности объ императорѣ Кублаѣ, этомъ могущественномъ человѣкѣ, который владѣлъ такимъ количествомъ земель и сокровищъ, какъ никто, считая отъ нашего праотца Адама. Ханъ Кублай взошелъ на тронъ въ 1256 году. Марко Поло рисуетъ его, какъ человѣка 85-ти лѣтъ отъ роду, средняго роста, довольно плотнаго, но хорошо сложеннаго, съ бѣлымъ румянымъ лицомъ, съ прекрасными черными глазами. Онъ былъ прекраснымъ полководцемъ, что и доказалъ, когда дядя его, Найянъ, возмутившись противъ Кублая, вздумалъ оспаривать у него власть во главѣ четырехъ сотъ тысячъ человѣкъ. Ханъ Кублай, „въ тайнѣ" собравъ триста шестьдесятъ тысячъ коннаго войска и сто тысячъ пѣхоты, выступилъ противъ дяди. Битва была кровопролитна. „Съ той и съ другой стороны было убито столько людей, что просто невѣроятно". Ханъ Кублай остался побѣдителемъ. Найянъ, какъ плѣнникъ королевской крови, былъ наглухо зашитъ въ коверъ и умеръ въ жестокихъ мученіяхъ. Послѣ побѣды императоръ вступилъ съ тріумфомъ въ Китай, въ свою столицу Камбалу.

Марко Поло оставался въ этой столицѣ довольно долго, ожидая отъ императора важныхъ порученій во внутрь имперіи. Въ Камбалу находился великолѣпный дворецъ императора, о которомъ путешественникъ дѣлаетъ подробное описаніе, заимствуемое нами изъ текста, приводимаго г. Шартономъ. Этотъ текстъ даетъ точное понятіе о роскоши, какою себя окружали монгольскіе владыки.

„Около дворца выстроена большая четырехугольная стѣна, каждая сторона которой занимаетъ одну милю, что въ общемъ составляетъ четыре мили въ окружности; эта стѣна, вся бѣлая и зубчатая, довольна широка и имѣетъ въ вышину десять съ лишнимъ шаговъ. На каждомъ углу стѣны построенъ прекрасный и богатый дворецъ, въ которомъ хранится конская и ратная



Дворецъ императора въ Пекинѣ...

сбруя хана и его оружіе: луки, колчаны, сѣдла, уздечки, тетивы и другія военныя принадлежности; посерединѣ каждой стороны четырехугольника опять выведены дворцы, подобные угловымъ, такъ что всѣхъ ихъ восемь, и всѣ они наполнены ратной сбруей и оружіемъ хана, но въ каждомъ изъ нихъ лежатъ разнородныя вещи: въ одномъ луки, въ другомъ сѣдла и т. д. На южной сторонѣ этой стѣны сдѣлано пять воротъ. Среднія, самыя боль-

шія ворота открываются лишь тогда, когда нужно выйти или войти хану; съ каждой стороны этихъ большихъ воротъ имѣются малыя, открытыя для прохода всѣхъ прочихъ людей; за этими—идутъ съ каждой стороны опять малыя ворота, открытыя также для всѣхъ. Внутри четырехугольной стѣны находится другой четырехугольникъ, болѣе длинный, чѣмъ широкій; на этой внутренней стѣнѣ, такъ же какъ и на внѣшней, выстроены въ томъ же порядкѣ восемь дворцовъ, въ которыхъ также сохраняются сбруя и оружіе".

Такимъ образомъ во всѣхъ этихъ дворцахъ помѣщались только сѣдла и оружіе. Но такое обстоятельство перестаетъ казаться страннымъ, если принять въ соображеніе, что у хана было громаднѣйшее количество бѣлыхъ, какъ снѣгъ, лошадей и между ними находилось десять тысячъ кобылъ, молоко которыхъ исключительно предназначалось для принцевъ княжеской крови.

Выписываемъ далѣе: „Эта стѣна имѣетъ также, подобно первой стѣнѣ, пять воротъ съ южной стороны; съ остальныхъ сторонъ обѣ стѣны имѣютъ по однимъ воротамъ. Внутри этихъ стѣнъ помѣщается дворецъ великаго хана, устройство котораго я вамъ сейчасъ разскажу. Это величайшій изъ когда-либо видѣнныхъ дворцовъ. Въ немъ нѣтъ второго этажа, но за то первый значительно возвышается надъ окружающей мѣстностью. Стѣны комнатъ вызолочены, и на нихъ изображены драконы, звѣри, птицы, лошади и еще разныя животныя. Вездѣ золото и орнаментъ. Зало такъ велико, что можетъ вмѣстить въ себѣ до шести тысячъ человѣкъ. Количество комнатъ невѣроятное. Весь дворецъ такъ обширенъ и такъ красивъ, что нѣтъ въ мірѣ человѣка, который, несмотря на все свое могущество, могъ бы создать что-нибудь лучшее. Крыша выкрашена въ красный, желтый, зеленый, голубой и во всѣ другіе цвѣта, при этомъ она такъ отполирована, что блеститъ, какъ кристаллъ, и видна на далекомъ разстояніи. Кромѣ того эта крыша сдѣлана такъ основательно, что можетъ служить очень долго. Между обѣими стѣнами имѣются луга и прекрасныя рощи, въ которыхъ живутъ различныя породы животныхъ: бѣлые олени, животныя, дающія мускусъ, козули, лани и др. Этимъ животнымъ предоставлено все пространство между стѣнами, за исключеніемъ дорогъ, проложенныхъ для людей. Съ сѣверозападной стороны находится большое озеро, изобилующее рыбами разнообразныхъ породъ, пущен-

ными туда по распоряженію хана. Изъ этого озера вытекаетъ большая рѣка, при чемъ, благодаря существованію желѣзныхъ и мѣдныхъ сѣтокъ, ни одна рыба не можетъ уйти изъ озера въ рѣку. Къ сѣверу, на разстояніи выстрѣла изъ лука отъ дворца, великій ханъ приказалъ насыпать холмъ въ сто шаговъ вышиною и болѣе тысячи въ окружности. Онъ былъ покрытъ вѣчно зелеными и никогда не терявшими листвы деревьями. Когда ханъ узнавалъ о какомъ-нибудь красивомъ деревѣ, онъ тотчасъ же велѣлъ вырвать его со всѣми корнями и прилежащей землей и перевезти его на этотъ холмъ на слонахъ, не стѣсняясь величиною дерева. Такимъ образомъ, онъ собралъ сюда прекраснѣйшія деревья со всего свѣта. Онъ велѣлъ покрыть всю гору дерномъ, такъ что и дернъ зеленый, деревья всѣ зеленыя, гора вся зеленая, — всюду сплошной зеленый цвѣтъ, почему и гора названа Зеленой горой. На вершинѣ горы выстроенъ прекрасный и большой дворецъ, тоже зеленый. И гора, и деревья, и дворецъ— все это такъ прекрасно, что нельзя не восхищаться, и ханъ самъ постоянно наслаждается созерцаніемъ этого прекраснаго вида".

Марко Поло упоминаетъ также о дворцѣ ханскаго сына и наслѣдника его, затѣмъ онъ описываетъ Камбалу, старинный городъ, отдѣльный отъ новаго города, Тайду, каналомъ, раздѣляющимъ современный Пекинъ на китайскій и татарскій городъ. Путешественникъ сообщаетъ подробности объ образѣ жизни императора. По его словамъ, ханъ Кублай имѣетъ почетную стражу изъ двухъ тысячъ всадниковъ, но „онъ содержитъ ее не изъ страха". Обѣды хана совершаются съ большою церемоніей и подчинены строгому этикету. За его столомъ, возвышающимся надъ всѣми остальными, онъ садится лицомъ къ сѣверу, по лѣвую сторону отъ него — его главная жена, а по правую— сыновья, племянники и родные; ему прислуживаютъ знатныя лица, у которыхъ носъ и ротъ должны быть закрыты золотой тканью, „чтобы ихъ дыханіе не касалось великаго господина". Когда ханъ собирается пить, раздается музыка, а когда беретъ въ руки чашу—знать и всѣ присутствующіе смиренно преклоняютъ колѣна.

Великій ханъ устраиваетъ всего два главныхъ праздника: одинъ въ день своего рожденія, другой въ день новаго года. На первомъ праздникѣ онъ жалуетъ сто пятьдесятъ тысячъ парче-

выхъ одеждъ, отдѣланныхъ жемчугомъ, своимъ двѣнадцати тысячамъ знатнымъ особамъ, блистающимъ около трона въ то время, какъ всѣ подданные, идолопоклонники и христіане — молятся. На второмъ праздникѣ всѣ подданные — мужчины и женщины — облачаются въ бѣлое одѣяніе, такъ какъ бѣлый цвѣтъ есть символъ счастья, и каждый преподноситъ владыкѣ цѣнные подарки; сто тысячъ лошадей, покрытыхъ великолѣпными попонами, пять тысячъ слоновъ, убранныхъ тканями и дорогими сукнами и нагруженныхъ царскою посудою, и множество верблюдовъ проходили передъ императоромъ церемоніальнымъ маршемъ. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ — декабрь, январь и февраль — проживаемыхъ ханомъ въ его зимней резиденціи, всѣ богатые люди, живущіе на шестьдесятъ дней ходьбы въ окружности, обязаны поставлять хану кабановъ, оленей, сернъ, дикихъ козъ и медвѣдей. Впрочемъ Кублай и самъ страстный охотникъ, и его охотничій дворъ великолѣпно устроенъ и содержится образцово. У него имѣются леопарды, рыси, львы, отлично выдрессированные для ловли звѣрей, орлы, такіе сильные, что охотятся очень удачно за волками, лисицами, сернами, дикими козами, и, наконецъ, собаки, которыхъ считаютъ тысячами. Около марта мѣсяца начинаются большія ханскія охоты по направленію къ морю; эти охоты сопровождаются не менѣе, какъ десятью тысячами соколятниковъ, пятьюстами кречетовъ и безчисленнымъ множествомъ ястребовъ, священныхъ соколовъ и пр. Во время этихъ охотъ за татарскимъ царемъ слѣдуетъ подвижной дворецъ, устроенный на четырехъ попарно связанныхъ слонахъ, обтянутый снаружи львиными шкурами, а внутри — золотыми тканями; царь предается съ наслажденіемъ всей этой восточной роскоши.

Охота подвигается до стана Шашири-Монду, расположеннаго по теченію притока Амура, и здѣсь разбрасывается палатка, довольно обширная, чтобъ вмѣстить въ себѣ десять тысячъ особъ; въ ней ханъ даетъ аудіенціи. Для отдыха его имѣется другая чудесная палатка, убранная горностаевыми и собольими мѣхами, изъ которыхъ каждая шкурка стоитъ двѣ тысячи золотыхъ безановъ, или около двадцати тысячъ франковъ. Здѣсь императоръ живетъ до пасхи, охотясь за журавлями, лебедями, зайцами, ланями, козулями, и затѣмъ онъ возвращается въ свою столицу Камбалу.

Марко Поло возвращается опять къ описанію этого города.

Онъ перечисляетъ двѣнадцать предмѣстій, входящихъ въ его составъ, и въ которыхъ богатые купцы выстроили себѣ прекрасные дворцы. Вообще, городъ чрезвычайно торговый; ни въ одно мѣсто въ мірѣ не привозится такого количества драгоцѣнныхъ товаровъ. Тысяча возовъ, нагруженныхъ шелкомъ, ввозится туда ежедневно; этотъ городъ служитъ складочнымъ рынкомъ богатѣйшихъ произведеній Индіи, каковы, напр., жемчугъ и драгоцѣнные камни, и сюда пріѣзжаютъ за покупками со всѣхъ сторонъ на двѣсти лье въ окружности.

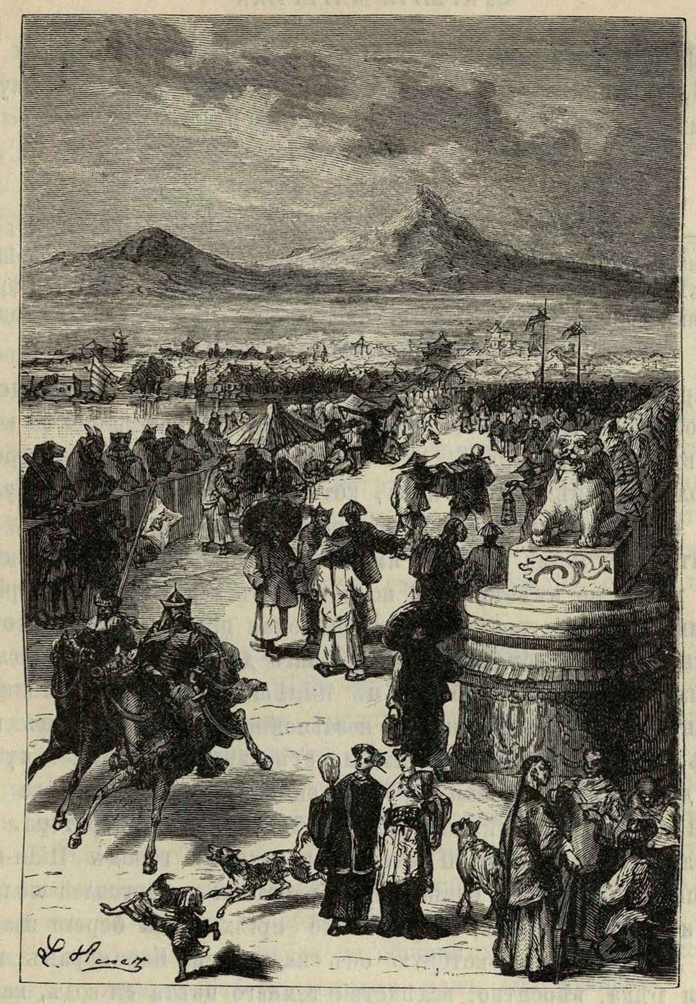
Для болѣе успѣшнаго хода торговли великій ханъ учредилъ монетный дворъ, служащій для него неизсякаемымъ источникомъ доходовъ. По правдѣ сказать, эта монета — банковый билетъ съ императорскою печатью—есть просто-на-просто картонъ, выдѣланный изъ шелковичной коры. Такимъ образомъ сфабрикованный картонъ разрѣзается на куски различныхъ величинъ, смотря по цѣнности монеты, опредѣляемой для нея владыкою. Само собою разумѣется, что курсъ монеты—произвольный. Императоръ пользуется ею для всѣхъ своихъ платежей и распространяетъ ее такимъ образомъ во всѣхъ подвластныхъ ему странахъ, „и никто не можетъ отказаться отъ нея подъ страхомъ смерти“. Сверхъ того, обладатели драгоцѣнныхъ камней, жемчуга, золота или серебра обязаны по нѣсколько разъ въ году приносить свои сокровища на монетный дворъ, гдѣ получаютъ взамѣнъ эти картонные куски, такъ что императоръ владѣетъ всѣми сокровищами своей имперіи.

По словамъ Марко Поло, система императорскаго управленія сводится къ строгой централизаціи. Королевство раздѣлено на тридцать четыре провинціи, которыя управляются знатнѣйшими особами, имѣющими свое мѣстопребываніе въ самомъ городѣ Камбалу; тутъ же, въ дворцахъ этихъ особъ, живутъ чиновники, ведущіе дѣла каждой провинціи. Отъ города распространяются во всѣ концы имперіи хорошо содержащіяся дороги; по этимъ дорогамъ въ разстояніи двадцати двухъ миль другъ отъ друга устроены прекрасныя почтовыя станціи, и въ нихъ двѣсти тысячъ лошадей всегда готовы перевозить императорскихъ курьеровъ; кромѣ того черезъ каждыя три мили находятся селенія приблизительно въ 40 домовъ, въ которыхъ живутъ курьеры, разносящіе пѣшкомъ ханскія распоряженія; у этихъ людей подтянуты животы, голова стянута повязкой, на тѣлѣ виситъ поясъ съ

колокольчиками, возвѣщающими объ ихъ приближеніи; они скачутъ галопомъ, быстро пробѣгаютъ свои три мили и передаютъ порученіе ожидающему ихъ курьеру; такимъ образомъ, императоръ изъ мѣстъ, лежащихъ въ десяти дняхъ, получаетъ извѣстія въ однѣ сутки. Такой способъ сообщенія обходится хану Кублаю очень дешево, такъ какъ курьеры вмѣсто жалованья довольствуются освобожденіемъ отъ налоговъ, а что касается лошадей, то послѣднія находятся на содержаніи у жителей провинціи.

Но если татарскій ханъ пользуется своимъ могуществомъ, если онъ обременяетъ своихъ подданныхъ тяжелыми налогами, за то онъ дѣятельно заботится объ ихъ нуждахъ и приходитъ къ нимъ часто на помощь. Такъ, когда градъ губитъ ихъ поля, онъ не только не требуетъ уплаты обычной подати, но еще самъ приходитъ къ нимъ на помощь хлѣбомъ изъ своихъ собственныхъ запасовъ; точно такъ же во время падежа скота онъ снабжаетъ подданныхъ скотиною на свой счетъ. Въ урожайные годы онъ скупаетъ большое количество пшеницы, ячменя, проса, риса и другихъ произведеній, что даетъ ему возможность въ неурожайные годы поддерживать цѣны этихъ продуктовъ на ихъ средней цѣнѣ по всей имперіи. Слѣдуетъ еще замѣтить, что къ бѣднякамъ своей столицы ханъ питаетъ особенное расположеніе. „Онъ велитъ составить перепись всѣмъ бѣднымъ семействамъ въ городѣ и, соображаясь съ числомъ членовъ каждой семьи, выдаетъ имъ въ неурожайные годы достаточное количество пшеницы и другихъ зеренъ; и никто, изъ приходящихъ на ханскій дворъ за хлѣбомъ, никогда не получаетъ отказа. Болѣе тридцати тысячъ человѣкъ собирается на ханскомъ дворѣ ежедневно, и подобная раздача хлѣба продолжается круглый годъ. Такое состраданіе хана къ своимъ бѣднымъ подданнымъ доказываетъ, что онъ очень добръ, и подданные обожаютъ его, какъ Бога“. Сверхъ того по всей имперіи прекрасный порядокъ; дороги содержатся образцово; онѣ обсажены великолѣпными деревьями и очень ясно обозначаются въ пустынныхъ мѣстахъ. Благодаря обилію лѣсовъ, жители не терпятъ недостатка въ дровахъ и кромѣ того въ Китаѣ разрабатываются многочисленныя каменноугольныя копи, доставляющія уголь въ изобиліи.

Марко Поло оставался въ Камбалу довольно долго. Достовѣрно, что онъ понравился императору своимъ живымъ умомъ, смѣтливостью, способностью легко усваивать областныя нарѣчія страны.



Мраморный мостъ...

Исполняя съ успѣхомъ различныя порученія императора не только въ Китаѣ, но и въ Индійскія моря, на островъ Цейлонъ, на Коромандельскіе и Малабарскіе острова и въ Кохинхину—сосѣднюю съ Камбодже, онъ въ 1277 году, или въ 1280 году, былъ назначенъ правителемъ города Янгъ-тчу и еще двадцати семи городовъ, входящихъ въ его область. Благодаря ханскимъ миссіямъ, онъ объѣхалъ большое пространство страны и передаетъ о ней свѣдѣнія, полезныя какъ въ этнологическомъ, такъ и въ

географическомъ отношеніяхъ. Мы будемъ далѣе, съ картою въ рукахъ, слѣдить за его путешествіями, которыя принесли наукѣ такъ много пользы.

III.

Цо-ше—Те-ен-фу. — Желтая рѣка.—Си-ньян-фу. — Ше-тчуанъ.—Шинъ-ту-фу.—Тибетъ.—Ли-кіанг-фу.—Караянъ.—Юнгъ-шангъ.—Міенъ.—Бенгалія.—Аннамъ. — Тан-пингъ. — Шинтингуи. — Синзи-фу.—Те-ше.—Теи-нан-фу.—Лин-тсин-ше.—Линг-сингъ.—Манги.—Янг-тчу-фу. — Приморскіе города.—Куин-сай или Хан-тчу-фу.—Фо-кіенъ.

Марко Поло, получивъ нѣкоторыя порученія, принужденъ былъ оставить Камбалу на четыре мѣсяца. Направившись къ югу, онъ, въ десяти миляхъ отъ Камбалу, переправлялся черезъ великолѣпную рѣку Пе-го-норъ, которую онъ называетъ Пули-санхи; онъ переѣхалъ ее по прекрасному мраморному мосту съ двадцатью четырьмя арками, имѣющему триста шаговъ въ длину. Этотъ мостъ не имѣетъ себѣ подобнаго въ мірѣ. Далѣе на тридцать миль стоитъ городъ Цо-ше, широкая промышленность котораго сводится къ обработкѣ сандальнаго дерева. Черезъ десять дней изъ Цо-ше онъ прибылъ въ нынѣшній Те-ен-фу—столицу Шан-си, которая была нѣкогда независимою областью. Онъ говоритъ, что вся эта область изобилуетъ виноградниками и тутовыми деревьями. Главная промышленность города состояла въ конной и ратной сбруѣ, выдѣлываемой тамъ для императора. Въ разстояніи семи дней пути отсюда находился городъ Піан-фу, нынѣшній Пін-янг-фу, извѣстный обработкой и торговлей шелка. Посѣтивъ этотъ городъ, Марко Поло пріѣхалъ на берега знаменитой Желтой рѣки, которую онъ называетъ Караморанъ или Черная рѣка, вѣроятно, вслѣдствіе темнаго цвѣта ея водъ, кажущихся таковыми отъ множества водяныхъ растеній. Затѣмъ, черезъ два дня онъ прибылъ въ городъ Касіанъ-фу, положеніе котораго не можетъ быть строго опредѣлено комментаторами.

Покинувъ этотъ городъ, въ которомъ Марко Поло не нашелъ ничего достойнаго вниманія, онъ отправился верхомъ черезъ прекрасную страну, усѣянную замками, городами, садами и изобилующую дичью. Послѣ восьми дней пути онъ прибылъ въ хорошій городъ Кен-гин-фу—древнюю столицу династіи Тангъ—нынѣшній Си-ньян-фу, столицу провинціи Шен-си. Тамъ царствовалъ сынъ императора Мангалай, князь справедливый и любимый сво-

имъ народомъ; онъ жилъ за городомъ въ прекрасномъ дворцѣ, помѣщавшемся въ серединѣ парка, окруженнаго зубчатой стѣною, имѣющею около десяти миль въ окружности.

Изъ Си-ньян-фу путешественникъ отправился къ Тибету черезъ нынѣшнюю провинцію Ше-тчуанъ; это гористая страна, изрѣзанная большими долинами, въ которыхъ водятся въ большомъ количествѣ львы, медвѣди, серны, лани, дикія козы и олени. Послѣ двадцати-трехдневнаго переѣзда онъ достигъ границы большой долины Акмелекъ-Манги. Эта плодоносная страна производитъ въ изобиліи различные продукты и главнымъ образомъ имбирь, расходящійся отсюда по всему Китаю. Земля здѣсь такъ плодородна, что, по словамъ французскаго путешественника М. Е. Симона, одинъ гектаръ ея продается за тридцать тысячъ франковъ, или три франка за метръ. Въ XIII вѣкѣ эта равнина была покрыта городами и замками, и всѣ жители ея питались плодами своей страны, продуктами животныхъ и дичью, составлявшей для охотниковъ, благодаря своему изобилію, очень легкую добычу.

Марко Поло прибылъ въ столицу провинціи Ше-тчуанъ, Синдафу, нынѣшній городъ Шинъ-ту-фу, населеніе котораго превышаетъ теперь полтораста тысячъ жителей. Синдафу, имѣвшій двадцать миль въ окружности, былъ раздѣленъ на три части, окруженныя каждая особою стѣною; въ каждой части былъ свой царь до того времени, пока завладѣлъ этимъ городомъ ханъ Кублай. Большая рыбная рѣка Кіангъ протекала черезъ этотъ городъ; она была широка, какъ море, и по ней постоянно плавало невѣроятное количество кораблей. Изъ этого промышленнаго города, послѣ пятидневнаго переѣзда по обширнымъ лѣсамъ, Марко Поло достигъ провинціи Тибетъ, которая, какъ онъ говоритъ, „находилась въ большомъ отчаяніи, потому что была разорена войною“.

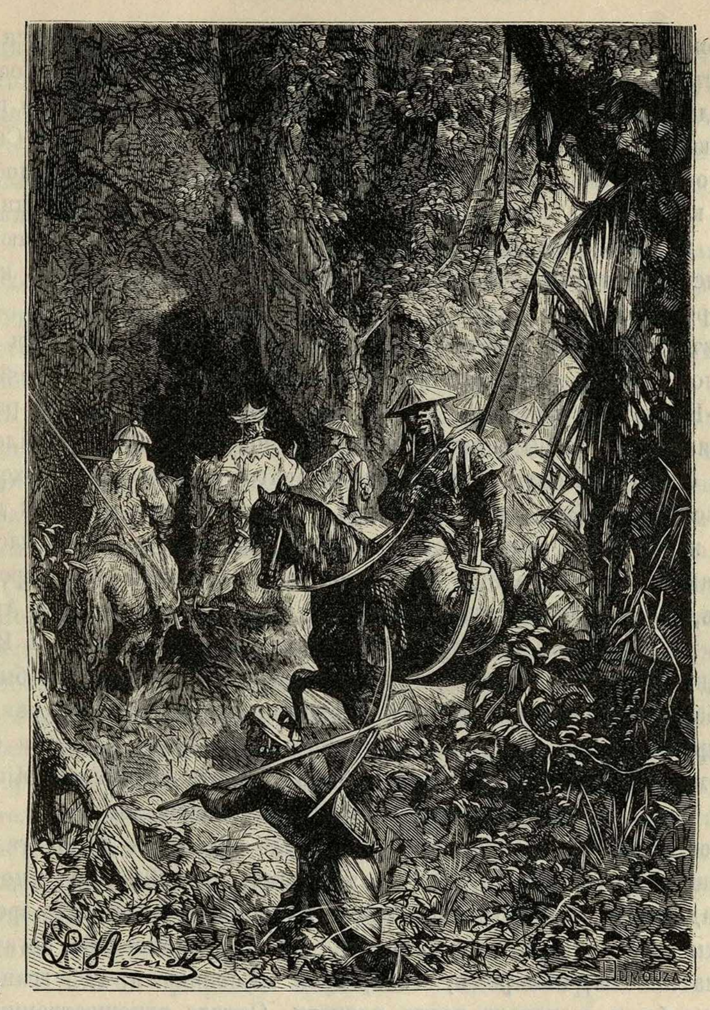
Этотъ Тибетъ населенъ львами, медвѣдями и всякими хищными животными, отъ которыхъ путешественникамъ было бы очень трудно защищаться, еслибы тамъ не росли чрезвычайно толстыя и большія бамбуковыя трости. „Купцы и путешественники, проѣзжающіе ночью эту страну, разводятъ изъ бамбуковыхъ тростей большой огонь, который своимъ сильнымъ трескомъ такъ пугаетъ звѣрей, что они уходятъ далеко и никогда не рѣшатся приблизиться къ огню; такимъ образомъ они спасаютъ и себя и своихъ

животныхъ отъ дикихъ звѣрей, очень распространенныхъ въ этихъ мѣстахъ. Вотъ какъ достигается сильный трескъ: берутъ совсѣмъ зеленый тростникъ и бросаютъ его немного въ разведенный огонь; черезъ нѣсколько времени онъ начинаетъ скручиваться и расщепляться съ такимъ трескомъ, что его слышно за десять миль. Кто не слышалъ ранѣе этого шума, тотъ останавливается пораженный; лошади, не привыкшія къ нему, обрываютъ свои веревки и недоуздки и убѣгаютъ. Это случается довольно часто и потому непривыкшимъ лошадямъ завязываютъ глаза и спутываютъ ноги. Такимъ то способомъ люди спасаютъ и себя и своихъ животныхъ отъ хищныхъ звѣрей, рыскающихъ здѣсь въ изобиліи". Этотъ пріемъ запугиванья звѣрей практикуется и теперь еще въ бамбуковыхъ мѣстностяхъ, и, въ самомъ дѣлѣ, трескъ этихъ тростей, пожираемыхъ пламенемъ, можетъ сравниться съ оглушительнымъ трескомъ большого фейерверка.

По словамъ путешественника, Тибетъ—очень большая провинція, имѣющая свое особенное нарѣчіе и населенная идолопоклонниками; жители ея—огульное воровское общество. Черезъ Тибетъ протекаетъ большая золотоносная рѣка Хин-ша-кіангъ. Тамъ же добываются кораллы, которые идутъ въ большомъ количествѣ на украшенія женщинъ и идоловъ. Тибетъ находился также подъ владычествомъ великаго хана.

Изъ Синдафу Марко Поло направился къ западу. Онъ проѣхалъ царство Генду и прибылъ вѣроятно въ Ликіангъ-фу, столицу этого края, или нынѣшней страны Симонгъ. Въ этой провинціи онъ побывалъ на озерѣ, въ которомъ много жемчужныхъ раковинъ, вылавливающихся исключительно для императора. Корица, имбирь, гвоздика и другія пряности даютъ въ этой странѣ большіе сборы.

Покинувъ Генду, Марко Поло переправился черезъ большую рѣку,—можетъ быть Ирравади,—проникъ въ Каражанъ, вѣроятно, нынѣшняя провинція Юнъ-нанъ. Путешественникъ говоритъ, что жители этой страны почти всѣ мужчины и питаются сырымъ мясомъ куръ, барановъ, буйволовъ и быковъ; это пища всѣхъ сословій, только богатые приправляютъ ее соусомъ изъ чесноку и другихъ вкусныхъ пряностей. Въ этой странѣ много большихъ ужей и отвратительныхъ на видъ змѣй. Эти пресмыкающіяся—вѣроятно аллигаторы—достигали десяти шаговъ въ длину; у нихъ двѣ ноги, находящіяся возлѣ головы и вооруженныя ног-



Марко Поло въ лѣсу...

темъ, голова непомѣрной величины и пасть, способная проглотить заразъ цѣлаго человѣка.

Отъ Каражана, держась направленія къ югу, Марко Поло вступилъ въ провинцію Зардандань, столица которой Носіанъ составляетъ теперь городъ Юнгъ-Шангъ. У всѣхъ жителей этой страны золотые зубы, т.-е. зубы покрывались золотою пластинкою, которая снималась во время ѣды. Всѣ здѣшніе жители —

рыцари; они только и дѣлаютъ, что „ловятъ птицъ, охотятся и воюютъ"; тяжелыя работы свалены на долю женщинъ и рабовъ. У зарданданцевъ нѣтъ ни идоловъ, ни храмовъ, они только поклоняются старѣйшему въ родѣ, т.-е. предку или патріарху. Сводятъ они счеты съ поставщиками помощью зарубокъ на подобіе того, какъ это дѣлаютъ булочники во Франціи. Врачей у нихъ нѣтъ, но есть чародѣи, которые прыгаютъ, танцуютъ и играютъ на инструментахъ около больного, пока послѣдній умретъ или выздоровѣетъ.

Изъ провинціи золотозубыхъ людей Марко Поло, слѣдуя по большой дорогѣ, служащей торговымъ трактомъ между Индіей и Индо-Китаемъ, проѣхалъ Бамо, гдѣ еженедѣльно по три раза устраиваются базары, привлекающіе купцовъ изъ очень отдаленныхъ странъ. Послѣ пятнадцатидневнаго путешествія верхомъ по лѣсамъ, изобилующимъ слонами, единорогами и другими дикими животными, онъ достигъ города Міены, т.-е. той части Бирмана, новая столица котораго названа Амрапурой. Городъ Міенъ, - составлявшій въ древности, можетъ быть, городъ Аву, нынѣ разрушенный, или древній Паганъ, лежащій на рѣкѣ Ирравади, обладалъ чудомъ архитектурнаго искусства: это были двѣ башни, одна изъ которыхъ выстроена изъ прекраснаго камня и покрыта сплошь золотомъ, толщиною въ палецъ, а другая серебромъ; обѣ эти башни должны были служить гробницею Міенскому царю, но само царство подпало могуществу хана.

Посѣтивъ эту провинцію, Марко Поло спустился до Бангалы, нынѣшней Бенгаліи, которая въ то время, въ 1290 году, еще не принадлежала хану Кублаю. Войска императора были въ то время заняты покореніемъ этой страны, очень плодоносной, богатой хлопчатникомъ, имбиремъ, сахарнымъ тростникомъ, гдѣ великолѣпные быки достигали роста слоновъ. Оттуда путешественникъ отправился въ городъ Кансигу, въ провинціи того же имени, вѣроятно, городъ Кассей. Жители этой провинціи татуируютъ свое тѣло; помощью иголокъ они рисуютъ на своемъ лицѣ, шеѣ, животѣ, рукахъ, ногахъ изображенія львовъ, драконовъ, птицъ, считая человѣка, носящаго на своемъ тѣлѣ наибольшее количество подобныхъ изображеній, за красивѣйшаго изъ смертныхъ.

Кансигу былъ крайній южный пунктъ, достигнутый Марко Поло въ продолженіе этого путешествія. Отъ этого города онъ поднялся къ сѣверо-востоку и черезъ земли Аму, Аннамъ и Тонъ-

кинъ, гдѣ онъ находился черезъ пятнадцать дней пути, Марко Поло пріѣхалъ въ провинцію Толоманъ, теперешній округъ Таипингъ. Тамъ онъ нашелъ прекрасныхъ людей со смуглымъ цвѣтомъ кожи; это храбрые воины, укрѣпившіеся на горахъ сильными крѣпостями, и обычная пища которыхъ состоитъ изъ мяса животныхъ, молока, риса и пряностей.

Покинувъ Толоманъ, Марко Поло слѣдовалъ двѣнадцать дней вдоль рѣки, берега которой были оживлены многочисленными городами. М. Шартонъ дѣлаетъ замѣчаніе, что здѣсь путешественникъ начинаетъ удаляться отъ страны, извѣстной подъ именемъ „Индіи по ту сторону Ганга“ и направляется къ Китаю. И дѣйствительно, изъ Толомана Марко Поло прибылъ въ провинцію Гуигуи или Шинтингуи, въ главный городъ того же имени. Что его болѣе всего поразило въ этой странѣ,—надо думать, что смѣлый изслѣдователь былъ въ то же время и искуснымъ охотникомъ,—это обиліе львовъ, рыскавшихъ по долинамъ и горамъ. Комментаторы, однако, полагаютъ, что львы Марко Поло были тигры, такъ какъ въ Китаѣ львы не водятся. Вотъ что говорятъ объ этомъ записки: „Въ этой странѣ такое количество львовъ, что нельзя спать внѣ дома изъ опасенія попасть къ нимъ въ челюсти. Даже во время поѣздокъ по рѣкѣ нужно останавливаться далеко отъ берега, иначе львы приходятъ по ночамъ на барки, схватываютъ человѣка и пожираютъ его. Жителямъ тамошнимъ это хорошо извѣстно и потому они очень осторожны. Эти львы очень велики и очень опасны; крайне интересно, что въ этой же странѣ живутъ собаки, нападающія съ отвагою на львовъ; надо, однако, чтобъ ихъ было двѣ, такъ какъ человѣкъ и двѣ собаки могутъ справиться со львомъ“.

Изъ этой провинціи Марко Поло поднялся прямо въ Синзи-фу, главный городъ провинціи Ше-тчуанъ, откуда онъ прежде отправился въ Тибетъ. Возвращаясь по той же дорогѣ, онъ вернулся къ Кублаю, удачно выполнивъ его порученія. Очень вѣроятно, что послѣ этого путешествія Марко Поло, вновь получивши порученія отъ хана, ѣздилъ въ юго-восточную часть Китая, „въ самый богатый и обширный край этой обширной имперіи“, какъ говоритъ г. Потье въ своемъ прекрасномъ сочиненіи о венеціанскомъ путешественникѣ, „о которомъ съ XVI вѣка стали получаться подробныя свѣдѣнія“.

Если полагаться на дорожникъ, означенный на картѣ г. Потье,

то Марко Поло, покинувъ Камбалу, направился къ югу, къ промышленному городу Ціангли, вѣроятно, теперешнему Те-ше, откуда черезъ шесть дней достигъ Кондинъ-фу, теперешній Тсинан-фу, главный городъ провинціи Шантунгъ, гдѣ родился Конфуцій. Въ то время это былъ большой городъ, наиболѣе цивилизованный во всей странѣ; туда часто съѣзжаются торговцы шелкомъ; великолѣпные сады его даютъ чудесные фрукты. Въ трехъ дняхъ ходьбы отъ Кондинъ-фу находился городъ Лин-тсин-ше у канала Юнъ-но, гдѣ встрѣчались многочисленныя суда, развозящія товары по провинціямъ Манги и Катай. Восемь дней спустя, онъ проѣзжалъ Лигуи, соотвѣтствующій, какъ кажется, теперешнему городу Лингъ-сингъ, городъ Пи-шо, торговый пунктъ провинціи Тшіангъ-су, затѣмъ городъ Сингуи и, наконецъ, пріѣхалъ къ Карамарану, къ Желтой рѣкѣ, верхнее теченіе которой онъ уже разъ проѣзжалъ, когда направился къ Индо-Китаю. Здѣсь Марко Поло находился въ разстояніи всего одного лье отъ устья этой важной китайской артеріи. Переправившись черезъ нее, путешественникъ очутился въ провинціи Манги—въ странѣ, обозначенной подъ именемъ имперіи Сонговъ.

До того, какъ царство Манги стало принадлежать хану Кублаю, оно управлялось миролюбивымъ царемъ, избѣгавшимъ жестокихъ случайностей войны и очень сострадательнымъ къ несчастнымъ. Марко Поло разсказываетъ о немъ въ такой интересной формѣ, что мы приведемъ его слова: „Этотъ послѣдній императоръ изъ династіи Сонговъ могъ столько тратить, что просто изумительно; я разскажу вамъ о двухъ его чрезвычайно благородныхъ чертахъ. Ежегодно онъ кормилъ болѣе двадцати тысячъ дѣтей. Въ этихъ странахъ существуетъ обычай, состоящій въ томъ, что женщины бросаютъ своихъ дѣтей въ томъ случаѣ, если онѣ не въ состояніи ихъ прокормить. Императоръ велитъ ихъ всѣхъ собирать и записывать подъ какимъ знакомъ, или подъ какою планетою они родились, послѣ чего отдаетъ ихъ на прокормленіе въ различныя мѣста кормилицамъ, въ которыхъ тамъ нѣтъ недостатка. Всякій богатый человѣкъ, не имѣющій своихъ собственныхъ сыновей, приходилъ къ императору и бралъ ихъ тамъ по своему выбору въ какомъ угодно количествѣ. Когда мальчики и дѣвочки достигали совершеннолѣтія, онъ устраивалъ между ними брачные союзы и давалъ имъ средства къ жизни. Такимъ-то образомъ онъ спасалъ ежегодно болѣе двадцати ты-

сячъ человѣкъ мужчинъ и женщинъ. Когда онъ, проходя по какой-нибудь улицѣ, видѣлъ маленькій домъ между двумя большими, онъ спрашивалъ, почему этотъ маленькій домъ не такъ же великъ, какъ другіе, и если ему отвѣчали, что этотъ домъ принадлежитъ бѣдному человѣку, не имѣющему средствъ сдѣлать его большимъ, тогда онъ немедленно приказывалъ сдѣлать его такимъ же большимъ, какъ и другіе. Этому царю всегда прислуживали тысяча юношей и столько же дѣвицъ; въ своей имперіи онъ установилъ такое строгое правосудіе, что никакія преступленія тамъ не случались; дома торговцевъ оставались по ночамъ открытыми, и никогда никто ничего въ нихъ не трогалъ; путешествовать по ночамъ можно было такъ же спокойно, какъ и днемъ".

При вступленіи въ провинцію Манги, Марко Поло встрѣтилъ городъ Койгангуи, теперешній Хоанъ-ньян-фу, расположенный на берегахъ Желтой рѣки; главная его промышленность состоитъ въ добываніи соли, которую тамъ извлекаютъ изъ соляныхъ болотъ. Проѣхавъ день по дорогѣ, шоссированной прекраснымъ камнемъ, путешественникъ посѣтилъ города По-инъ-хенъ, извѣстный своими золотыми тканями, Койю, теперешній Каойю, жители котораго очень искусные рыболовы и охотники, затѣмъ Таи-шо, куда приходитъ большое количество кораблей и, наконецъ, городъ Янги.

Въ городѣ Янги, теперешнемъ Янг-тче-фу, Марко Поло былъ губернаторомъ три года. Это очень многолюдный и торговый городъ, имѣющій въ окружности не менѣе двухъ лье. Изъ Янги Марко Поло отправлялся на различныя изслѣдованія, давшія ему возможность изучить въ подробностяхъ приморскіе и внутренніе города.

Прежде всего путешественникъ отправился къ западу и достигъ города Нангъ-хина, который не должно смѣшивать съ нынѣшнимъ Нанъ-кингомъ. Его современное имя есть Нганъ-хингъ; онъ расположенъ въ чрезвычайно плодородной провинціи. Углубляясь по тому же направленію, Марко Поло пріѣхалъ въ Саянъ-фу, нынѣшній городъ Сіангъ-Янгъ, лежащій на сѣверѣ провинціи Ху-куангъ. Это былъ послѣдній городъ Манги, сопротивлявшійся хану Кублаю. Императоръ осаждалъ его въ продолженіе трехъ лѣтъ и успѣлъ завладѣть этимъ хорошо защищеннымъ городомъ только благодаря содѣйствію трехъ венеціанцевъ Поло, устроив-

шихъ могущественныя балисты, разгромившія жителей градомъ камней, изъ которыхъ нѣкоторые достигали трехсотъ фунтовъ вѣсу.

Изъ Саянъ-фу Марко Поло возвратился по той же дорогѣ, чтобы изслѣдовать приморскіе города. Онъ заѣхалъ, конечно, въ Янг-тчу. Онъ посѣтилъ Сингуи (Кіу-кіангъ), расположенный на Кіангѣ, достигающей въ этомъ мѣстѣ ширины одного лье и вмѣщающей въ себѣ до пяти тысячъ кораблей; затѣмъ онъ посѣтилъ городъ Каингуи, доставляющій на императорскій дворъ большую часть хлѣбнаго зерна, затѣмъ—Синг-хіанъ-фу (Хингіамъ), гдѣ находились двѣ церкви христіанъ-несторіанцевъ, затѣмъ—Сингуигуи, теперешній Чанг-чу-фу, городъ торговый и промышленный и, наконецъ, Сингуи, теперешній Су-чу или Сю-шо, большой городъ шести лье въ окружности, въ которомъ, по словамъ венеціанскаго путешественника, склоннаго къ преувеличенію, было тогда не менѣе шести тысячъ мостовъ.

Оставаясь нѣсколько времени въ Ву-гуи, вѣроятно, нынѣшнемъ Ху-чу-фу, и въ Сіанганѣ, теперешнемъ Кіа-Хингѣ, Марко Поло послѣ трехдневнаго переѣзда прибылъ въ хорошій городъ Куинсай. Это слово означаетъ „городъ неба“. Эта важная столица называется теперь Ханг-чу-фу. Онъ имѣетъ шесть лье въ окружности, орошается рѣкою Тсіен-танг-кіангъ, которая, образуя безчисленныя развѣтвленія, дѣлаетъ этотъ городъ второй Венеціей. Эта древняя столица Сонговъ почти такъ-же населена, какъ Пекинъ; улицы тамъ вымощены камнями и кирпичами. По словамъ Марко Поло, тамъ „шестьсотъ тысячъ домовъ, четыре тысячи ванныхъ заведеній и двѣнадцать тысячъ каменныхъ мостовъ“. Въ этомъ городѣ живутъ богатѣйшіе въ мірѣ купцы, жены которыхъ „прекрасны, какъ ангелы“. Здѣсь резиденція вице-короля, который управляетъ отъ лица императора болѣе чѣмъ ста сорока городами. Въ этомъ городѣ находится дворецъ властителя Манги, состоящій изъ тысячи съ лишнимъ комнатъ; этотъ дворецъ окруженъ прекрасными озерами, садами, фонтанами.

Великій ханъ извлекаетъ изъ этой провинціи и изъ этого города громадные доходы, считающіеся милліонами франковъ; соль, сахаръ, пряности и шелкъ, разрабатываемые въ этой странѣ, служатъ источниками этихъ неизсякаемыхъ доходовъ.

Изъ Куинсая, черезъ день пути по прекрасной мѣстности въ

направленіи къ югу, Марко Поло посѣтилъ Танп-игуи (Хасхинг-фу), затѣмъ—Вугуи (Ху-тчу), Ченгуи (Куи-тчу), Сіаншіонъ (Іен-чу-фу, по-Шартону, Суи-тшангъ-фу, по Потье) и Кугуи (Кіу-чу), послѣдній городъ царства Куинсай. Далѣе онъ вступилъ въ царство Фугуи, въ главный городъ того же имени, нынѣшній Фу-че-фу, главный городъ провинціи Фо-кіенъ. Жители этой страны, по словамъ путешественника, жестокіе воины, которые не щадятъ никогда своихъ непріятелей, пьютъ ихъ кровь и ѣдятъ ихъ мясо. Проѣхавши Кенлифу (Кіенъ-нингъ-фу) и Унъгуэнъ, Марко Поло прибылъ въ столицу Фугуи, вѣроятно, въ нынѣшній городъ Куангъ-чу, по нашему Кантонъ, ведущій обширную торговлю золотомъ и драгоцѣнными каменьями. Отсюда, послѣ пяти дней пути, онъ достигъ гавани Заитемъ—очень вѣроятно, нынѣшній китайскій городъ Тсуэнъ-чу. Это былъ крайній пунктъ его слѣдованія по юго-восточному Китаю.

IV.

Японія.—Отъѣздъ троихъ Поло съ дочерью императора и съ персидскими посланниками.—Сайгонъ.—Ява.—Кондуръ.—Биктангъ.—Суматра.—Никобарскіе острова.—Цейлонъ.—Коромандельскій берегъ.—Малабарскій берегъ.—Оманское море.—Островъ Сокотора.—Мадагаскаръ.—Занзибаръ и африканскій берегъ.—Абиссинія.—Іеменъ, Гадрамаутъ и Оманъ.—Ормусъ.—Возвращеніе въ Венецію.—Празднество въ домѣ Поло.—Марко Поло—плѣнникъ генуэзцевъ.—Смерть Марко Поло.

Марко Поло, благополучно кончивъ свое путешествіе, возвратился, вѣроятно, ко двору хана Кублая. Онъ получалъ еще различныя порученія, исполненіе которыхъ облегчало ему знаніе монгольскаго, турецкаго, манчуйскаго и китайскаго языковъ. Онъ принималъ участіе въ экспедиціи, предпринятой на Индійскіе острова, и по возвращеніи составилъ отчетъ о плаваніи по этимъ, тогда еще мало извѣстнымъ, морямъ. Свѣдѣнія о жизни его, начиная съ этого времени, опредѣлены неясно. Въ его запискахъ находимъ обстоятельныя подробности объ островахъ Ципанго,—имя, присвоенное группѣ острововъ, составляющихъ Японію; кажется, однако, что онъ не посѣтилъ этихъ мѣстъ. Японія славилась въ то время своими богатствами, и около 1264 года, за нѣсколько лѣтъ до прибытія Марко Поло къ татарскому двору, ханъ Кублай пытался ее покорить. Флотъ его благополучно прибылъ въ Ципанго, и онъ завладѣлъ уже одной крѣпостью, за-

щитники которой были всѣ перебиты; но буря разсѣяла татарскіе корабли, вслѣдствіе чего экспедиція не привела ни къ какому результату. Марко Поло передаетъ подробности этой экспедиціи, при чемъ отличаетъ различныя особенности, характеризующія нравы японцевъ.

Въ продолженіе одиннадцати лѣтъ, не считая времени, употребленнаго на путешествіе изъ Европы въ Китай, Марко Поло, его дядя Николо и отецъ Матео оставались на службѣ у императора. Ихъ сильно влекло на родину; но ханъ Кублай, очень къ нимъ привязанный и высоко цѣня ихъ достоинства, не рѣшался ихъ отпустить. Онъ сдѣлалъ все, чтобы удержать ихъ у себя: огромныя богатства предлагалъ онъ имъ, если они согласятся не покидать его никогда. Три венеціанца твердо настаивали на своемъ возвращеніи въ Европу; но императоръ рѣшительно отказался отпустить ихъ. Марко Поло не зналъ, какъ обмануть бдительность и надзоръ при дворѣ, предметомъ которыхъ онъ сдѣлался, какъ вдругъ случайность заставила хана измѣнить свое рѣшеніе.

Одинъ монгольскій князь, Архунъ, царствовавшій въ Персіи, прислалъ къ хану пословъ, которымъ поручено было просить для Архуна въ жены царскую дочь. Кублай-ханъ согласился отдать свою дочь, Когатру, и отправилъ ее съ многочисленной свитой. Но страны, которыя нужно было пройти, чтобы достигнуть Персіи, не были безопасны. Бунты и мятежи задержали въ скоромъ времени караванъ, который принужденъ былъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вернуться ко двору хана Кублая. Персидскіе послы, прослышавши про Марко Поло, что онъ искусный мореплаватель, знакомый съ Индійскимъ океаномъ, стали просить хана довѣрить ему принцессу Когатру, чтобы онъ довезъ ее къ жениху черезъ море, менѣе опасное, чѣмъ континентъ.

Кублай-ханъ уступилъ этой просьбѣ не скоро. Наконецъ, онъ велѣлъ снарядить флотъ изъ четырнадцати четырехмачтовыхъ кораблей и снабдилъ экипажъ запасами на два года. На нѣкоторыхъ изъ этихъ судовъ помѣщалось до двухсотъ пятидесяти человѣкъ. Это была значительная экспедиція, вполнѣ достойная богатаго китайскаго императора.

Матео, Николо и Марко Поло отправились съ принцессою Когатрою и съ персидскими послами. Можетъ статься, что въ это путешествіе, продолжавшееся не менѣе восемнадцати мѣсяцевъ,



Кублай-ханъ снарядилъ флотъ...

Марко Поло посѣтилъ острова Зондскіе и Индію, которые онъ подробно описываетъ. Можно это допустить съ большею вѣроятностью, по крайней мѣрѣ, относительно Цейлона и прибрежья Индійскаго полуострова. Мы будемъ слѣдить за его плаваніемъ и остановимся на его описаніяхъ странъ, до того времени мало изслѣдованныхъ.

Въ 1291 или 1292 году флотъ, подъ начальствомъ Марко Поло, покинулъ портъ Заитемъ, въ которомъ путешественникъ

6*

уже разъ былъ во время своего путешествія по южнымъ провинціямъ Китая. Отсюда онъ направился прямо къ обширной странѣ Сіанба, на югѣ Кохинхины, нынѣшней провинціи Сайгонъ, принадлежащей Франціи. Эта провинція была уже посѣщена венеціанскимъ путешественникомъ около 1280 г. при исполненіи имъ возложенныхъ на него ханомъ порученій. Въ это время Сіанба была данницей великаго хана, уплачивавшей свою дань ежегодно извѣстнымъ количествомъ слоновъ. Когда Марко Поло проѣзжалъ эту страну до покоренія, то ею управлялъ царь, у котораго было не менѣе трехсотъ двадцати шести дѣтей и изъ нихъ сто пятьдесятъ были уже способны носить оружіе.

Далѣе Марко Поло направился къ маленькому острову Явы, которымъ ханъ Кублай никакъ не могъ завладѣть; этотъ чрезвычайно богатый островъ производитъ въ изобиліи перецъ, мускатный орѣхъ, кубебу, гвоздику и др. дорогія пряности. Послѣ стоянки въ Кондорѣ и въ Сандурѣ—оконечности Кохинхинскаго полуострова, Марко Поло достигъ острова Пентама (Бинтангъ), лежащаго у восточнаго входа въ Малаккскій проливъ, и острова Суматры, который онъ называетъ Малой Явой. „Этотъ островъ такъ удаленъ къ югу, что на немъ никогда не видно полярной звѣзды“,—говоритъ онъ, что справедливо для жителей его южной части. Это плодоносная страна, въ которой дерево алоэ растетъ чудесно; тамъ встрѣчаются дикіе слоны, носороги, которыхъ Марко Поло называетъ единорогами, и обезьяны, бѣгающія цѣлыми стадами. Въ этихъ мѣстахъ дурная погода задержала флотъ на цѣлые пять мѣсяцевъ, и путешественникъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы посѣтить главныя провинціи острова, каковы: Замару, Даграянъ, Лабринъ, гдѣ встрѣчается много людей съ хвостами—очевидно обезьяны, и Фандуръ, гдѣ растутъ саговыя деревья, изъ которыхъ добывается мука, служащая для производства прекраснаго хлѣба.

Наконецъ, вѣтры позволили кораблямъ покинуть Малую Яву. Послѣ недолгихъ стоянокъ у острова Некаранъ, вѣроятно, одного изъ Никобарскихъ острововъ, и у группы Андаманскихъ острововъ, гдѣ жители остались, какъ и во времена Марко Поло, людоѣдами, флотъ направился къ юго-западу и присталъ къ Цейлону. „Этотъ островъ,—говорится въ запискахъ,—былъ нѣкогда гораздо больше; такъ, онъ простирался на три тысячи шестьсотъ миль, какъ это видно по картамъ, составленнымъ плавате-

лями по этому морю; но сѣверный вѣтеръ дуетъ здѣсь съ такою силою, что воды затопили часть этого острова". Повѣрье это сохранилось и теперь у жителей Цейлона. Тамъ собираются въ изобиліи „благородные и прекрасные" рубины, сафиры, топазы, аметисты и другіе драгоцѣнные камни, каковы гранаты, опалы, агаты и сардониксы. Владѣтель страны обладалъ въ то время рубиномъ яркимъ, какъ огонь, величиною въ ладонь и толщиною въ человѣческую руку; тщетно великій ханъ пытался купить этотъ камень у владѣльца цѣною цѣлаго города.

Въ шестидесяти миляхъ на востокъ отъ Цейлона мореплаватели встрѣтили большую провинцію Маабаръ, которую не должно смѣшивать съ Малабаромъ, лежащимъ на западномъ берегу Индійскаго полуострова. Маабаръ составляетъ южную часть Коромандельскаго берега, славившагося ловлей жемчуга. Тамъ есть чародѣи, такъ заговаривающіе морскихъ чудовищъ, что они дѣлаются безвредными для вылавливающихъ жемчугъ; чародѣи эти —родъ астрологовъ, сохранившихся до нашего времени. Марко Поло сообщаетъ интересныя подробности о нравахъ туземцевъ, о похоронахъ мѣстныхъ царей, въ честь которыхъ знатныя особы бросаются въ огонь, о часто повторяющихся тамъ религіозныхъ самоубійствахъ, о самопожертвованіяхъ вдовъ, которыхъ ждетъ костеръ послѣ смерти мужей, о двукратныхъ ежедневныхъ омовеніяхъ, предписываемыхъ религіею, о наблюдательной способности туземцевъ, объ ихъ довѣріи къ астрологамъ и вѣщунамъ.

Пробывъ нѣсколько времени на Коромандельскомъ берегу, Марко Поло поднялся къ сѣверу до царства Муфтили, нынѣшней Голконды, съ главнымъ городомъ Масулипатамъ. Это царство управлялось въ продолженіе сорока лѣтъ мудрою королевой, вдовой, желавшей оставаться вѣрной памяти своего мужа. Въ этой странѣ разрабатываются богатыя брилліантовыя копи, разбросанныя въ горахъ, въ которыхъ, къ несчастью, водятся змѣи. Но горцы, добывающіе эти драгоцѣнные камни, для избѣжанія опасности отъ этихъ гадовъ, придумали оригинальное средство, правда не особенно изящное: „Они берутъ куски мяса,—говоритъ путешественникъ,—и бросаютъ ихъ въ утесистыя щели, куда никто не можетъ проникнуть. Мясо падаетъ на брилліанты, и послѣдніе къ нему прилипаютъ. Въ этихъ-же горахъ живутъ бѣлые орлы, охотящіеся за змѣями. Замѣчая на днѣ пропасти мясо, орлы набрасываются на него, схватываютъ и уносятъ. За движе-

ніемъ орла слѣдитъ человѣкъ. Какъ только онъ замѣчаетъ, что орелъ сѣлъ и приступаетъ къ ѣдѣ мяса, онъ начинаетъ кричать изо всѣхъ силъ; испуганный орелъ улетаетъ, бросая свою добычу. Тогда человѣкъ бѣжитъ къ мясу и снимаетъ съ него приставшіе брилліанты. Случается, что орелъ успѣваетъ съѣсть часть мяса, а вмѣстѣ съ нимъ проглатываетъ и брилліантъ; въ этомъ случаѣ камни выбрасываются орломъ вмѣстѣ съ экскрементами, въ которыхъ люди ихъ и отыскиваютъ".

Посѣтивъ городъ Сан-Тома, лежащій въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу отъ Мадраса, гдѣ покоятся мощи св. апостола Ѳомы, Марко Поло занялся изслѣдованіемъ Маабарскаго царства и особенно провинціи Ларъ, откуда вышли на свѣтъ всѣ „абраямены"—вѣроятно, брамины. Эти люди,—говорится въ запискахъ,—очень долговѣчны, благодаря трезвости и воздержанію. Нѣкоторые изъ нихъ живутъ до полутораста и даже двухсотъ лѣтъ; они питаются исключительно рисомъ и молокомъ и пьютъ смѣсь изъ сѣры и ртути. Абраямены очень смышленые торговцы и хотя они суевѣрны, но замѣчательно простодушны и чистосердечны; между ними никогда не случается воровства, они не убиваютъ ни одного живого творенія, поклоняются быку, который считается у нихъ за животное священное.

Отсюда флотъ возвратился къ Цейлону, куда въ 1284 году ханъ Кублай отправилъ посольство, доставившее ему мнимые останки Адама и, между прочимъ, два его коренныхъ зуба. Если вѣрить преданію сарациновъ, могила нашего праотца находилась на вершинѣ утесистой горы, составлявшей славу острова. Изъ Цейлона Марко Поло отправился въ Каилъ, въ портъ, исчезнувшій совершенно съ современныхъ географическихъ картъ, въ который, однако, тогда заходили всѣ суда, идущія изъ Ормуса, Киса, Адена и отъ береговъ Аравіи. Далѣе, обогнувъ мысъ Коморинъ, оконечность полуострова, мореплаватели увидѣли Коилумъ, нынѣшній Куламъ, составлявшій въ XIII вѣкѣ важный торговый пунктъ. Тамъ собирается сандальное дерево, индиго и туда пріѣзжаетъ много купцовъ съ запада и востока для торговли этими товарами. Малабарскій берегъ изобилуетъ рисомъ; на немъ также живетъ достаточное количество дикихъ животныхъ, каковы леопарды, которыхъ Марко Поло называетъ „черными львами"; есть и птицы: разные породы попугаевъ и павлины, которые много красивѣе своихъ европейскихъ родичей.

Покинувъ Коилумъ и продолжая плаваніе къ сѣверу, вдоль Малабарскаго берега, флотъ достигъ береговъ королевства Эли, получившаго свое имя отъ горы, лежащей на границѣ Канары и Малабара; тамъ собирается перецъ, имбирь, шафранъ и другія пряности. Къ сѣверу отсюда простиралась страна, называемая венеціанскимъ путешественникомъ Мелибаръ, расположенная, въ точномъ смыслѣ, къ сѣверу отъ Малабара. Сюда приходятъ часто корабли купцовъ изъ Манги и ведутъ торговлю съ туземцами этой части Индіи, получая отсюда прекрасныя пряности, драгоцѣнныя ткани и другіе дорогіе товары; но корабли ихъ подвергались частымъ нападеніямъ морскихъ пиратовъ, слывшихъ за людей отважныхъ и грозныхъ. Эти пираты жили преимущественно на полуостровѣ Гохуратѣ, теперешнемъ Гуджаратѣ; туда и направился флотъ, пройдя Танатъ, гдѣ собирается коричневый ладанъ, и Камбаотъ, нынѣшній Камбаетъ—городъ, ведущій значительную торговлю кожами. Посѣтивъ Суменатъ—главный городъ полуострова, жители котораго свирѣпые и жестокіе идолопоклонники, затѣмъ Кесмакоранъ, вѣроятно, нынѣшній городъ Кеджъ, послѣдній городъ Индіи на сѣверо-западѣ, столица страны Макранъ, расположенной около моря, на востокъ отъ Инда, Марко Поло вмѣсто того, чтобы подняться къ Персіи, гдѣ его ждалъ женихъ татарской принцессы, направился къ западу черезъ обширное Оманское море.

Ненасытная страсть къ изслѣдованіямъ увлекла такимъ образомъ путешественника на пятьсотъ миль въ сторону, къ берегамъ Аравіи; онъ останавливался у острововъ Мужей и Женъ, названныхъ такъ потому, что на первомъ островѣ жили мужья, а на второмъ ихъ жены, которыхъ мужья посѣщаютъ только въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ. Отъ этихъ острововъ флотъ поплылъ къ югу, къ острову Сокотора, лежащему у входа въ Аденскій заливъ, изслѣдованный Марко Поло очень подробно. О жителяхъ этого острова онъ отзывается, какъ объ искусныхъ чародѣяхъ, способныхъ силою своихъ чаръ сдѣлать все и даже повелѣвать бурями и ураганами. Далѣе, спустившись еще къ югу на тысячу миль, онъ направилъ свой флотъ къ берегамъ Мадагаскара.

На взглядъ путешественника, Мадагаскаръ—одинъ изъ самыхъ большихъ и красивыхъ острововъ во всемъ мірѣ. Жители его очень привержены къ торговлѣ и преимущественно къ торговлѣ слоновыми клыками. Пища ихъ состоитъ исключительно

изъ верблюжьяго мяса, которое они находятъ наиболѣе здоровымъ и вкуснымъ. Купцы, пріѣзжающіе сюда съ береговъ Индіи, употребляютъ на переѣздъ черезъ Оманское море всего двадцать дней, но обратный путь отнимаетъ у нихъ не менѣе трехъ мѣсяцевъ, благодаря противнымъ теченіямъ, относящимъ безпрестанно ихъ корабли къ югу. Тѣмъ не менѣе они посѣщаютъ очень часто этотъ островъ, снабжающій ихъ сандальнымъ деревомъ, растущимъ здѣсь цѣлыми лѣсами, и амброй, на которую они вымѣниваютъ золотыя и шелковыя ткани съ большою выгодой. Въ дикихъ животныхъ и въ дичи въ этой странѣ нѣтъ недостатка; леопарды, медвѣди, львы, олени, дикіе ослы, козули, лани и всякія животныя встрѣчаются здѣсь многочисленными стадами; но что путешественника особенно поражаетъ, это баснословный грифъ „гос", о которомъ говорится въ „Тысяча и одна ночь"; это, говоритъ онъ, вовсе не полулевъ-полуптица, какъ полагаютъ, способная унести въ своихъ когтяхъ слона; эта чудесная птица была, вѣроятно, „epyornis maximus", яйца которой находятъ и теперь на Мадагаскарѣ.

Поднимаясь отъ этого острова къ сѣверо-западу, Марко Поло пришелъ къ Занзибару и къ африканскому берегу. Обитатели этихъ мѣстъ показались ему очень дородными, однако настолько сильными, что способны работать за четверыхъ, „что не удивительно, такъ какъ они ѣдятъ за пятерыхъ". Туземцы обладаютъ чернымъ цвѣтомъ кожи и ходятъ нагіе; у нихъ большой ротъ, вздернутый носъ, толстыя губы, крупные глаза—описаніе, вполнѣ подходящее къ природнымъ жителямъ Африки. Африканцы питаются рисомъ, мясомъ, молокомъ, финиками и приготовляютъ себѣ напитокъ изъ риса, сахару и пряностей; они отважные воины, которымъ смерть не страшна; сражаются они, сидя на верблюдахъ и слонахъ, вооруженные кожанымъ щитомъ, мечомъ и копьемъ; своихъ животныхъ они возбуждаютъ, опаивая ихъ хмѣльными напитками.

Согласно г. Шартонъ, страны, извѣстныя подъ общимъ именемъ Индіи, раздѣлялись во времена Марко Поло на три части: Великая Индія, т.-е. Индустанъ и вся земля, лежащая между Гангомъ и Индомъ; Малая Индія, т.-е. страна, лежащая по ту сторону Ганга, начиная отъ западнаго берега полуострова до Кохинхины, и, наконецъ, Средняя Индія, т.-е. Абиссинія и Аравійскіе берега до Персидскаго залива.



Эта чудесная птица была, вѣроятно, «epyornis maximus».

Покинувъ Занзибаръ, Марко Поло началъ свои изслѣдованія въ Средней Индіи съ морского прибрежья—и посѣтилъ прежде всего Абашію или Абиссинію, очень богатую страну, гдѣ приготовляются прекрасныя бумажныя ткани. Затѣмъ флотъ достигъ порта Зеила, почти при входѣ въ Бабельмандебскій проливъ и далѣе, слѣдуя вдоль береговъ Іемена и Гадрамаута, онъ останавливался послѣдовательно въ Аденѣ, куда пристаютъ корабли, ведущіе торговлю съ Индіею и Китаемъ, въ Эеціэрѣ—большомъ

городѣ, воспитывающемъ большое число прекрасныхъ лошадей, въ Дафарѣ, производящемъ высшаго качества ладанъ, въ Калату, нынѣшнемъ Калажатъ, лежащемъ на Оманскомъ берегу, и, наконецъ, въ Кормосѣ, нынѣшнемъ Ормусѣ, который Марко Поло уже посѣтилъ разъ, когда ѣздилъ изъ Венеціи ко двору татарскаго хана.

У этого порта Персидскаго залива кончилось плаваніе флота, снаряженнаго монгольскимъ императоромъ. Принцесса, наконецъ, добрались до границы Персіи послѣ плаванія, продолжавшагося, по крайней мѣрѣ, восемнадцать мѣсяцевъ. Ко времени прибытія принцессы князь Архунъ успѣлъ умереть и королевство было занято междоусобными войнами. Принцесса была сдана сыну Архуна, князю Гассану, который занялъ тронъ не ранѣе 1295 г., послѣ того, какъ узурпаторъ, братъ Архуна, былъ задушенъ. Что сталось съ принцессой, неизвѣстно; но прежде чѣмъ разстаться съ Марко, Николо и Матео Поло, она имъ дала подарки въ знакъ своей благосклонности.

Во время своего пребыванія въ Персіи Марко Поло, вѣроятно, и собралъ интересныя свѣдѣнія о великой Турціи. Это не больше, какъ отрывки безъ всякой связи, приложенные въ концѣ сочиненія. Путешествія и изслѣдованія его были кончены. Простившись съ татарской принцессой, три венеціанца, сопровождаемые надежнымъ конвоемъ, снабженные всѣмъ необходимымъ, отправились сухимъ путемъ въ отечество. Путь ихъ лежалъ на Трапезондъ, Константинополь, Негропонтъ, откуда они отплыли въ Венецію.

Въ 1295 году, послѣ двадцатичетырехлѣтняго отсутствія, Марко Поло вступилъ въ родной городъ. Три путешественника, опаленные знойными солнечными лучами, въ грубыхъ татарскихъ одеждахъ, съ монгольскими манерами, почти забывшіе родной языкъ, не были узнаны даже самыми близкими родными. Къ тому же давно распространившійся слухъ объ ихъ смерти отнялъ у всѣхъ надежду когда-нибудь ихъ увидѣть. Они отправились въ кварталъ св. Іоанна Хризостома въ свой домъ и нашли его занятымъ различными членами фамиліи Поло. Послѣдніе встрѣтили трехъ путешественниковъ съ большимъ недовѣріемъ, что было понятно при ихъ жалкомъ видѣ; они не придали никакой вѣры немного страннымъ разсказамъ Марко Поло. Однако, путешественники настояли, чтобы ихъ впустили въ домъ, котораго они были

законными владѣтелями. Спустя нѣсколько дней, они, желая уничтожить всякое подозрѣніе въ своемъ тождествѣ съ настоящими Поло, устроили великолѣпный обѣдъ, за которымъ слѣдовало пышное празднество. На этотъ праздникъ были приглашены различные члены ихъ фамиліи и самыя знатныя особы Венеціи. Когда всѣ приглашенные собрались въ пріемной залѣ, трое Поло вышли въ алыхъ атласныхъ одѣяніяхъ. Гости перешли въ столовую и пиршество началось. Послѣ перваго блюда, Марко Поло, его отецъ и дядя удалились на минуту и возвратились пышно драпированные въ великолѣпныя дамасскія ткани, которыя они тутъ же разорвали и роздали гостямъ по куску. Послѣ второго блюда они нарядились въ еще болѣе цѣнныя одѣянія изъ малиноваго бархата, въ которомъ они уже оставались почти до конца пиршества. Подъ самый конецъ они явились въ венеціанскихъ одѣяніяхъ.

Гости, пораженные роскошью и разнообразіемъ одеждъ, недоумѣвали, чѣмъ это все кончится. Наконецъ, хозяева приказали слугамъ принести ту грубую одежду, которая имъ служила въ пути; они распороли въ этой одеждѣ швы, оторвали подкладку, и изъ грубой ткани стали сыпаться рубины, сафиры, карбункулы, изумруды, брилліанты и другіе драгоцѣнные каменья. Подъ этими лохмотьями скрывались несмѣтныя богатства. Это неожиданное зрѣлище разсѣяло всѣ сомнѣнія, три путешественника были тотчасъ признаны за дѣйствительныхъ Марко, Николо и Матео Поло и самыя искреннія привѣтствія стали расточаться со всѣхъ сторонъ.

Такой прославленный человѣкъ, какъ Марко Поло, не могъ избѣжать и гражданскихъ почестей. Его произвели къ посту въ первую магистратуру и такъ какъ онъ постоянно говорилъ о „милліонахъ“ великаго хана, который управлялъ „милліонами“ подданныхъ, то его самого прозвали *господинъ милліонъ.*

Около того же времени, въ 1296 году, между Венеціей и Генуей возгорѣлась война. Генуэзскій флотъ, подъ начальствомъ Лампы Доріа, крейсировалъ по волнамъ Адріатическаго моря и угрожалъ прибрежнымъ городамъ. Венеціанскій адмиралъ Андрей Дандоло успѣлъ снарядить флотъ, превосходящій численностью флотъ генуэзцевъ, и начальство надъ одной галерой онъ поручилъ Марко Поло, извѣстному за искуснаго мореплавателя. Однако, въ морскомъ сраженіи, 5-го сентября 1296 года, вене-

ціанцы были разбиты, и тяжко раненый Марко Поло попалъ въ плѣнъ къ генуэзцамъ. Побѣдители, цѣня достоинство плѣнника, отнеслись къ нему съ уваженіемъ. Онъ былъ препровожденъ въ Геную, гдѣ вся знать, жаждавшая слушать его разсказъ, принимала его у себя съ большою благосклонностью. Его не уставали слушать, но онъ, наконецъ, усталъ разсказывать. Въ 1298 году, находясь въ плѣну, онъ познакомился съ пизанцемъ Рустисіеномъ, которому и продиктовалъ разсказъ о своихъ путешествіяхъ.

Около 1299 года Марко Поло была возвращена свобода. Онъ возвратился въ Венецію и тамъ женился. Съ этого времени не имѣется о немъ никакихъ свѣдѣній. Извѣстно только изъ его духовнаго завѣщанія, помѣченнаго 9 января 1323 года, что онъ оставилъ трехъ дочерей, и полагаютъ, что онъ умеръ около того-же времени 70-ти лѣтъ отъ роду.

Такова жизнь знаменитаго путешественника, записки котораго имѣли важное значеніе для науки географіи. Будучи надѣленъ замѣчательною наблюдательностью, онъ умѣлъ наблюдать и передавать подмѣченное. По половины XVIII вѣка по свѣдѣніямъ, установленнымъ Марко Поло, утверждались географическія данныя какъ въ научномъ отношеніи, такъ и въ торговомъ, по путямъ въ Индію, въ Китай и центральную Азію. Потомство, ознакомившись съ сочиненіемъ Марко Поло, можетъ вполнѣ согласиться съ тѣмъ заглавіемъ, какое первые переписчики давали этой книгѣ: „Книга чудесъ міра“.

ГЛАВА V.

Ибнъ-Батута (1328—1353).

Ибнъ-Батута.—Нилъ.—Газа, Тиръ, Тиверіада, Ливанъ, Бальбекъ, Дамаскъ, Мешедъ, Бассора, Багдадъ, Тебрисъ, Медина, Мекка.—Іеменъ.—Абиссинія.—Берберійская земля.—Зангебаръ.—Ормусъ.—Сирія.—Анатолія.—Малая Азія.—Астрахань.—Константинополь.—Туркестанъ.—Гератъ.—Индъ.—Дели.—Малабаръ.—Мальдивскіе острова.—Цейлонъ.—Кромандельскій берегъ.—Бенгалія.—Никобарскіе острова.—Суматра.—Китай.—Африка.—Нигеръ.—Тамбукту.

Не прошло еще двадцати пяти лѣтъ послѣ возвращенія Марко Поло, какъ одинъ изъ братьевъ Францисканскаго ордена предпринялъ новое путешествіе. Онъ проѣхалъ всю Азію (1313—1330) отъ Чернаго моря до крайней границы Китая,

при чемъ посѣтилъ Требизондъ, гору Араратъ, Вавилонъ и островъ Яву. Но его записки такъ сбивчивы и самъ онъ такъ легковѣренъ, что къ его сообщеніямъ нельзя отнестись съ достаточнымъ довѣріемъ. То же можно сказать и о фантастическихъ путешествіяхъ Жана Мандевиля, о которомъ Коолей замѣчаетъ, что онъ обнародовалъ „сочиненіе, изобилующее такимъ количествомъ лжи, что подобнаго ему нѣтъ ни на одномъ изъ извѣстныхъ языковъ“.

Какъ на достойномъ послѣдователѣ Марко Поло, остановимся на арабскомъ путешественникѣ, который для Египта, Аравіи, Анатоліи, Татаріи, Индіи, Китая, Бенгаліи и Судана сдѣлалъ то, что Марко сдѣлалъ для значительной части центральной Азіи. Этотъ изобрѣтательный и одновременно смѣлый путешественникъ долженъ занять мѣсто въ ряду самыхъ предпріимчивыхъ изслѣдователей.

Онъ былъ богословъ. Настоящее его имя Абдъ-Алла-Эль-Ловати, но прославился онъ подъ именемъ Ибнъ-Батута. Въ 1324 г. (въ 725 году Геджры) онъ рѣшилъ отправиться на поклоненіе въ Мекку. Покинувъ Танжеръ, свой родной городъ, онъ добрался до Александріи и потомъ въ Каиръ. Во время своего пребыванія въ Египтѣ онъ изучалъ главнымъ образомъ Нилъ и преимущественно его устье. Онъ попытался подняться вверхъ по рѣкѣ, но, остановленный смутами на границѣ Нубіи, поплылъ обратно по теченію и отправился въ Малую Азію.

Посѣтивъ Газу, гробницы Авраама, Исаака и Іакова, Тиръ—тогда очень укрѣпленный и неприступный съ трехъ сторонъ городъ, Тиверіаду — представлявшую съ своими знаменитыми банями однѣ развалины, Ибнъ-Батута былъ увлеченъ чудесными разсказами о Ливанской горѣ, этомъ мѣстѣ сборища всѣхъ тогдашнихъ путешественниковъ, которые выбрали поистинѣ прекраснѣйшее мѣсто на землѣ для окончанія дней своихъ. Въ 1345 году онъ проѣхалъ черезъ Бальбекъ въ Дамаскъ. Онъ нашелъ этотъ городъ опустошеннымъ чумою. Ужасный бичъ уничтожалъ до „двадцати тысячъ“ человѣкъ ежедневно, если вѣрить путешественнику, и, безъ сомнѣнія, Дамаскъ скоро превратился бы въ пустыню, если бы не вмѣшательство неба, внявшаго мольбамъ народа, собравшагося въ высокочтимой мечети, гдѣ хранится священный камень съ отпечаткомъ Моисеевой стопы.

Изъ Дамаска арабскій богословъ отправился въ Мешедъ, гдѣ посѣтилъ гробницу Али. Къ этой гробницѣ стекаются въ боль-

шомъ количествѣ разслабленные, которымъ достаточно провести здѣсь одну ночь, чтобы избавиться отъ своихъ недуговъ. Батута, повидимому, нисколько не сомнѣвается въ возможности этого чуда, носящаго на востокѣ названіе „ночь выздоровленія“.

Послѣ Мешеда, неутомимый и влекомый жаждою видѣть все, Ибнъ-Батута отправился въ Бассору и углубился въ королевство Испагань, затѣмъ въ провинцію Ширазъ, гдѣ онъ желалъ увидѣть знаменитаго чародѣя — Магдъ-Оддина. Изъ Шираза онъ проѣхалъ въ Багдадъ, Тебризъ и Медину, гдѣ молился у гроба пророка. Наконецъ, онъ прибылъ въ Мекку и тамъ отдыхалъ три года.

Извѣстно, что изъ этого города то и дѣло выступаютъ караваны, бороздящіе всю окрестную землю. Въ обществѣ нѣсколькихъ смѣлыхъ купцовъ Ибнъ-Батута посѣтилъ всѣ города Іемена. Онъ обозрѣлъ земли до Адена, на границѣ Краснаго моря, откуда отплылъ въ Зейлу, одинъ изъ портовъ Абиссиніи. Такимъ образомъ онъ вступилъ на африканскій берегъ. Подавшись въ страну берберійцевъ, онъ ознакомился съ нравами и обычаями этихъ грязныхъ и отталкивающихъ племенъ, питающихся исключительно рыбой и верблюжьимъ мясомъ. Однако, въ горахъ Магдаши Ибнъ-Батута встрѣтилъ кое какую роскошь—мы сказали бы комфортъ,—о которой у него сохранилось пріятное воспоминаніе. Туземные обитатели очень жирны: каждый изъ нихъ „съѣдалъ столько, что хватило бы на цѣлый монастырь“; они очень любятъ лакомства, каковы: попутникъ, вареный въ молокѣ, лимонное варенье, свѣжіе перечные стручки и зеленый имбирь.

Ознакомившись съ страною берберійцевъ, главнымъ образомъ съ прибрежьемъ, Ибнъ-Батута отправился въ Зангебаръ. Переѣхавъ Красное море, онъ, слѣдуя вдоль Аравійскаго берега, прибылъ въ городъ Зафаръ, лежащій на Индійскомъ морѣ. Здѣсь онъ встрѣтилъ великолѣпную растительность: бетель, кокосовыя и другія деревья росли здѣсь роскошными лѣсами. Увлекаемый своей любознательностью смѣлый путешественникъ подвигался все далѣе и прибылъ въ Ормусъ, на Персидскомъ заливѣ. Онъ проѣхалъ нѣсколько персидскихъ провинцій. Мы его встрѣчаемъ вторично въ Меккѣ, въ 1332 году. Между первымъ и вторымъ его посѣщеніемъ святого города прошло три года.

Но это былъ только временный привалъ въ странствующей жизни Ибнъ-Батуты. Онъ вновь покинулъ Азію и пустился из-



Ибнъ-Батута въ Египтѣ...

слѣдовать малоизвѣстныя страны верхняго Египта и направился къ Каиру. Далѣе онъ направляется въ Сирію, въ Іерусалимъ, въ Триполи и проникаетъ къ туркменамъ, въ Анатолію, гдѣ „молодая братія“ оказала ему радушный пріемъ.

Послѣ Анатоліи арабскій путешественникъ говоритъ о Малой Азіи. Онъ добрался до Эрзерума, гдѣ ему показали аэролитъ вѣсомъ въ 620 фунтовъ. Переплывъ Черное море, онъ посѣтилъ

Крымъ, Кафу и Булгаръ—городъ, лежащій подъ такой высокой широтой, что неравенство дня и ночи было очень замѣтно. Затѣмъ онъ прибылъ въ Астрахань, къ устью Волги, гдѣ была зимняя резиденція хана.

Принцесса Бейлуна, жена хана и дочь константинопольскаго императора, собиралась тогда посѣтить своего отца. Это былъ прекрасный случай для Ибнъ-Батуты посѣтить Европейскую Турцію. Онъ добился разрѣшенія слѣдовать за принцессой, отправившейся въ сопровожденіи десяти тысячъ человѣкъ и подвижной мечети, которая разстанавливалась при каждой остановкѣ. Пріемъ, сдѣланный принцессѣ въ Константинополѣ, былъ великолѣпенъ, и колокола звучали съ такою яростью, „что самый горизонтъ колебался отъ этихъ звуковъ“.

Пріемъ, оказанный богослову мѣстными князьями, былъ достоинъ его славы. Ему представлена была возможность осмотрѣть городъ во всѣхъ подробностяхъ, и онъ оставался въ немъ тридцать шесть дней.

Такъ какъ путешествія по различнымъ странамъ были въ то время очень затруднительны и опасны, то Ибнъ-Батута долженъ былъ казаться, безъ сомнѣнія, очень смѣлымъ изслѣдователемъ. Египетъ, Аравія, Азіатская Турція, Кавказъ—все это онъ обозрѣлъ. Послѣ такого утомленія онъ имѣлъ право на отдыхъ. Слава его была велика и удовлетворила бы всякое честолюбіе. Онъ былъ безспорно знаменитѣйшимъ путешественникомъ XIV столѣтія; однако, неутомимая страсть къ изслѣдованію влекла его на новыя путешествія, и кругу его изслѣдованій предстояло значительно увеличиться.

Покинувъ Константинополь, Ибнъ-Батута снова отправился въ Астрахань. Отсюда, пройдя безплодныя пустыни нынѣшняго Туркестана, онъ достигъ города Хоросана, который онъ нашелъ большимъ и многолюднымъ; затѣмъ онъ посѣтилъ Бухару, полуразрушенную послѣ нашествія Чингизъ-хана. Спустя нѣсколько времени, мы встрѣчаемъ его въ Самаркандѣ, очень благочестивомъ городѣ, чрезвычайно понравившемся ученому путешественнику, а затѣмъ въ Балкѣ, куда онъ могъ попасть только перейдя Хоросанскую пустыню. Этотъ городъ представлялъ собою общее разрушеніе. Татарскія полчища прошли черезъ него. Тамъ Ибнъ-Батута не могъ оставаться. Онъ хотѣлъ возвратиться къ западу, на границу Афганистана. Ему предстояло пробраться

черезъ гористую страну Куджистанъ. Онъ не колебался, и послѣ страшныхъ затрудненій, преодолѣнныхъ какъ счастьемъ, такъ и терпѣніемъ, онъ достигъ города Герата.

Это былъ крайній пунктъ на западѣ, достигнутый путешественникомъ. Отсюда онъ рѣшилъ повернуть къ востоку и въ этомъ направленіи добраться до предѣловъ Азіи, у береговъ Тихаго океана. Если бы ему это удалось, онъ превзошелъ бы своими изслѣдованіями знаменитаго Марко Поло.

Онъ пустился въ путь и, слѣдуя по Кабулу и по границѣ Афганистана, достигъ береговъ Синдги, нынѣшняго Инда, по которому спустился до его устья. Побывавъ въ городѣ Лагари, путешественникъ направился въ Дели, большой и прекрасный городъ, покинутый жителями вслѣдствіе неистовствъ императора Магомета.

Случалось, однако, что на этого тирана находили минуты великодушія; въ такую-то минуту прибылъ къ нему арабскій путешественникъ и былъ имъ принятъ очень благосклонно. Онъ осыпалъ его своими милостями и назначилъ судьею въ Дели, съ предоставленіемъ земель и денежныхъ преимуществъ, связанныхъ съ этой должностью. Такое положеніе дѣлъ не могло, однако, быть продолжительнымъ. Ибнъ-Батута, заподозрѣнный въ мнимомъ заговорѣ, долженъ былъ оставить свое мѣсто, и, дабы избѣжать гнѣва императора, сдѣлался факиромъ. Но Магометъ неожиданно простилъ его и назначилъ посланникомъ въ Китай.

И такъ, судьба еще разъ улыбнулась мужественному богослову. Онъ могъ добраться до отдаленнѣйшихъ странъ при очень удобныхъ и сравнительно безопасныхъ условіяхъ. Въ сопровожденіи двухъ тысячъ всадниковъ онъ везъ подарки китайскому императору.

Ибнъ-Батута не разсчитывалъ на встрѣчу съ окрестными мятежниками. Произошла схватка между его конвоемъ и индусами.

Разлученный съ своими, Ибнъ-Батута былъ схваченъ, связанъ, ограбленъ и увлеченъ куда-то. Онъ не потерялъ ни надежды, ни мужества и успѣлъ бѣжать отъ своихъ грабителей. Въ продолженіе семи дней онъ скитался и, наконецъ, встрѣтилъ какого-то негра, который привелъ его въ Дели, ко двору императора.

Магометъ снарядилъ новую экспедицію и утвердилъ араб-

скаго путешественника въ званіи посланника. На сей разъ экспедиція благополучно минула мятежныя страны и черезъ Каножъ, Мервъ, Гваліоръ и Барумъ прибыла на Малабарскій берегъ. Черезъ нѣсколько времени Ибнъ-Батута вступилъ въ Каликуту, ставшую позднѣе главнымъ городомъ Малабарской провинціи. Здѣсь онъ оставался три мѣсяца, ожидая попутныхъ вѣтровъ, чтобы пуститься въ море. Этой невольной остановкой онъ воспользовался для изученія морской торговли китайцевъ, посѣщавшихъ этотъ городъ. Съ восхищеніемъ говоритъ онъ о джонкахъ, объ этихъ пловучихъ садахъ, въ которыхъ воздѣлывается имбирь и овощи и которыя представляютъ нѣчто въ родѣ независимыхъ селеній, которыми владѣютъ въ большомъ числѣ богатые собственники.

Благопріятная погода, наконецъ, наступила. Ибнъ-Батута выбралъ для переѣзда маленькую удобную джонку, на которой сложилъ часть своихъ сокровищъ; тридцать другихъ джонокъ были также нагружены подарками, предназначенными для китайскаго императора. Но разыгравшаяся за ночь свирѣпая буря разбила всѣ суда. По счастливой случайности Ибнъ-Батута оставался на берегу, чтобы присутствовать при богослуженіи въ мечети. Его благочестіе спасло его; но онъ все потерялъ. Изъ всѣхъ богатствъ остался одинъ коврикъ, на которомъ онъ молился. Послѣ этой второй катастрофы онъ ужь не рисковалъ предстать предъ властителемъ Дели. И въ самомъ дѣлѣ, было чѣмъ раздражить даже и менѣе взыскательнаго императора.

Ибнъ-Батута рѣшился; онъ бросилъ службу императору и преимущества, соединенныя съ званіемъ посла. Онъ отплылъ на Мальдивскіе острова, управляемые тогда женщиной; эти острова вели обширную торговлю кокосовыми орѣхами. Тамъ арабскій богословъ былъ вновь пожалованъ званіемъ судьи; онъ женился на трехъ женахъ, навлекъ на себя гнѣвъ визиря, завидовавшаго его популярности, и долженъ былъ бѣжать. Онъ надѣялся добраться до Коромандельскаго берега, но вѣтры отнесли его корабль къ острову Цейлону. Тамъ онъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ и получилъ отъ короля разрѣшеніе подняться на священную гору Серендидъ или Адамовъ пикъ. Онъ желалъ увидѣть на вершинѣ горы чудесный отпечатокъ, который индусы называютъ „Стопою Будды", а магометане „Стопою Адама". Въ своемъ сочиненіи Ибнъ-Батута увѣряетъ, что этотъ отпечатокъ

имѣетъ одиннадцать пядей въ длину, что составляетъ мѣру много меньше той, какую устанавливаетъ историкъ IX вѣка, опредѣлявшій ее въ семьдесять девять локтей. Тотъ же историкъ прибавляетъ, что когда одна нога нашего праотца находилась на горѣ, другая касалась Индійскаго океана. Ибнъ-Батута упоминаетъ о большихъ бородатыхъ обезьянахъ, составляющихъ значительную часть населенія острова. У этихъ обезьянъ монархическое правленіе; онѣ подчиняются королю-павіану, увѣнчанному короной изъ древесныхъ листьевъ. Извѣстно, какъ нужно относиться ко всѣмъ этимъ баснямъ, распространеннымъ легковѣріемъ индусовъ.

Изъ Цейлона путешественникъ добрался до Коромандельскаго берега, испытавъ жестокія бури. Перейдя нижнюю оконечность Индійскаго полуострова, онъ достигъ другой стороны берега, откуда опять пустился въ море. Но корабль его попалъ къ пиратамъ. Ограбленный, почти нагой, страшно изнуренный, Ибнъ-Батута добрался до Каликуты. Однако, никакое несчастье не могло ввергнуть его въ отчаяніе. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ сильныхъ людей, которые въ несчастьѣ почерпаютъ энергію. Какъ только расположеніе нѣсколькихъ делійскихъ купцовъ представило ему возможность вооружиться страническимъ посохомъ, онъ вновь отплылъ къ Мальдивскимъ островамъ; оттуда онъ проѣхалъ въ Бенгалію, гдѣ восхищался естественнымъ богатствомъ страны; затѣмъ, онъ направился въ Суматру, но послѣ пятидесяти-дневнаго отвратительнаго пути онъ долженъ былъ пристать къ одному изъ Никобарскихъ острововъ въ Бенгальскомъ заливѣ и оттуда только черезъ пятнадцать дней ему удалось, наконецъ, добраться до Суматры, гдѣ былъ принятъ королемъ съ большимъ почетомъ, который, впрочемъ, оказывался всѣмъ магометанамъ одинаково. Но Ибнъ-Батута не былъ заурядныемъ человѣкомъ: онъ очень понравился властелину острова, который щедро снабдилъ его средствами для поѣздки въ Китай.

Джонка понесла арабскаго путешественника по „тихому морю“ и черезъ семьдесятъ одинъ день онъ достигъ гавани Каилукъ, столицы какой-то загадочной страны, гдѣ жители, красивые и мужественные, выдѣлывали превосходное оружіе. Изъ Каилука Ибнъ-Батута проѣхалъ нѣсколько китайскихъ провинцій и прежде всего посѣтилъ великолѣпный городъ Заитемъ, вѣроятно, китайскій Ценъ-чу, лежащій нѣсколько сѣвернѣе Нан-кинга. Онъ посѣщалъ различные города этой обширной имперіи, изучая всюду

обычаи этихъ народовъ, присматриваясь къ ихъ промышленности, богатству и цивилизаціи. До великой стѣны, которую онъ называетъ „препятствіемъ Гогъ и Магогъ", онъ, однако, не добрался. Переходя изъ одного мѣста къ другому, онъ посѣтилъ большую мѣстность Шензи, заключавшую въ себѣ шесть укрѣпленныхъ городовъ, и тамъ прожилъ долгое время. Случай представилъ ему возможность увидѣть похороны одного хана, который былъ погребенъ въ сообществѣ четырехъ фаворитовъ и столькихъ же лошадей.

Возстанія, вспыхнувшія въ Заитемѣ, заставили Ибнъ-Батуту покинуть этотъ городъ. Арабскій путешественникъ отплылъ въ Суматру и оттуда, послѣ остановокъ въ Каликутѣ и Ормусѣ, возвратился, въ 1348 году, въ Мекку, объѣхавъ Персію и Сирію.

Часъ отдыха еще не наступилъ для этого неутомимаго изслѣдователя. Въ слѣдующемъ году онъ снова увидѣлъ Тангеръ, свой родной городъ. Затѣмъ, посѣтивъ южныя страны Испаніи, онъ возвратился въ Марокко, проникъ вглубь Судана, объѣхалъ страны, орошаемыя Нигеромъ, пробрался черезъ большую пустыню и, наконецъ, вступилъ въ Тембукту, совершивъ такимъ образомъ путешествіе, достойное высшей славы.

Это было его послѣднее изслѣдованіе. Въ 1353 году, спустя двадцать девять лѣтъ послѣ того, какъ онъ въ первый разъ покинулъ Тангеръ, Ибнъ-Батута возвратился въ Марокко и поселился въ Фецѣ. Онъ заслужилъ извѣстность самаго отважнаго изслѣдователя XIV вѣка, и потомство совершенно справедливо ставитъ имя Ибнъ-Батуты рядомъ съ именемъ знаменитаго венеціанца Марко Поло.

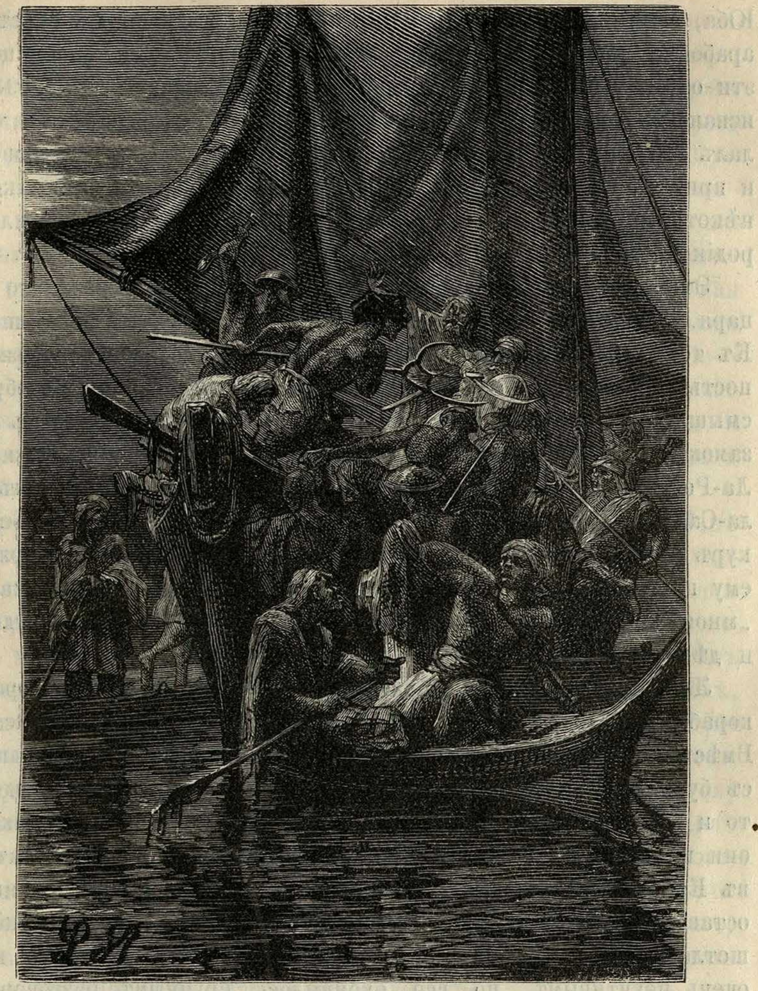
ГЛАВА VI.

Жанъ де-Бетанкуръ (1339—1425).

I.

Нормандскій рыцарь.—Его мечты о завоеваніяхъ.—Что было извѣстно о Канарскихъ островахъ.—Кадиксъ.—Канарскій архипелагъ.—Граціоза.—Ланзероте.—Фортавентуре.—Лобосъ.—Жанъ де-Бетанкуръ возвращается въ Испанію.—Возмущеніе Берневаля.—Свиданіе Жана де-Бетанкура съ королемъ Генрихомъ III.—Гадиферъ посѣщаетъ Канарскій архипелагъ.—Великая Канарія.—Островъ Ферро.—Островъ Пальмы.

Въ 1139 году, въ графствѣ Э, въ Нормандіи, родился Жанъ де-Бетанкуръ, баронъ Сенъ Мартенъ-ле-Гальяръ. Онъ происходилъ изъ знатнаго рода и, послѣ отличія въ мореплаваніи и на войнѣ, сдѣланъ былъ камергеромъ Карла VI.



Корабль Ибнъ-Батуты попалъ къ пиратамъ...

Утомившись на придворной службѣ помѣшанному королю и, сверхъ того, несчастный въ семейной жизни, онъ рѣшилъ отдаться своей страсти къ путешествіямъ, въ надеждѣ прославиться какимъ-нибудь смѣлымъ открытіемъ. Случай не заставилъ себя ждать.

На африканскомъ берегу лежитъ група Канарскихъ острововъ, носившихъ нѣкогда названіе острововъ Счастливыхъ. Говорятъ, что около 776 римскаго года эти острова изслѣдовалъ

Юба, сынъ Нумидійскаго царя. Судя по нѣкоторымъ отчетамъ арабовъ, генуэзцевъ, португальцевъ, испанцевъ и бискайцевъ, эти острова посѣщались въ средніе вѣка. Наконецъ, въ 1393 г., испанскій дворянинъ Альмонастеръ, начальникъ экспедиціи, сдѣлалъ высадку въ Ланзероте, одномъ изъ Канарскихъ острововъ, и привезъ оттуда, вмѣстѣ съ извѣстнымъ числомъ плѣнниковъ, нѣкоторыя произведенія страны, свидѣтельствовавшія о плодородіи этого архипелага.

Этотъ архипелагъ завладѣлъ вниманіемъ нормандскаго рыцаря. Мысль о завоеваніи Канаріи казалась ему заманчивой. Къ тому же, какъ человѣкъ набожный, онъ соблазнялся возможностью обращенія островитянъ въ католическую вѣру. Храбрый, смышленый, ловкій, богатый Жанъ де-Бетанкуръ покинулъ свой замокъ въ Гренвиль-ла-Тентюрьеръ въ Ко и отправился въ Ла-Рошель. Тамъ онъ встрѣтился съ рыцаремъ Гадиферомъ де-ла-Салль, такимъ же искателемъ приключеній. Жанъ де-Бетанкуръ повѣдалъ свои планы Гадиферу и послѣдній предложилъ ему попытать счастье вмѣстѣ. Съ обѣихъ сторонъ было сказано „много прекрасныхъ словъ", передавать которыя мы не будемъ, и дѣло было рѣшено.

Жанъ де-Бетанкуръ собралъ войско. Онъ пріобрѣлъ хорошіе корабли, снабдилъ ихъ экипажемъ и съѣстными припасами. Вмѣстѣ съ Гадиферомъ они распустили паруса и, поборовшись съ бурями въ проходѣ около острова Ре и успокоивши раздоры, то и дѣло возникавшіе между экипажемъ и ихъ начальниками, они прибыли къ порту Виверо, на Галисейскій берегъ, и затѣмъ въ Коронью. Тамъ Жанъ де-Бетанкуръ съ своими сподвижниками оставался восемь дней. У французовъ возникло недоразумѣніе съ шотландскимъ графомъ, оказавшимся по отношенію къ нимъ очень неучтивымъ, но все окончилось крупнымъ разговоромъ. Баронъ пустился въ море, обогнулъ мысъ Финистеръ, слѣдовалъ вдоль Португальскаго берега до мыса св. Викентія и присталъ къ порту Кадиксъ, гдѣ онъ оставался довольно долго. Тамъ съ генуэзскими купцами у него вышла опять непріятность. Его обвиняли въ похищеніи корабля и онъ принужденъ былъ отправиться въ Севилью, гдѣ король Генрихъ III снялъ съ него всякое обвиненіе. Вернувшись въ Кадиксъ, Жанъ де-Бетанкуръ нашелъ часть своего экипажа возмутившеюся. Матросы, напуганные опасностью путешествія, не желали продолжать плаванія. Фран-

цузскій рыцарь, удержавъ при себѣ только смѣлыхъ, прогналъ всѣхъ трусовъ и, снявшись съ якоря, вышелъ въ открытое море.

Вслѣдствіе безвѣтрія корабль барона долженъ былъ потерять три дня. Затѣмъ онъ поплылъ подъ попутнымъ вѣтромъ и черезъ пять дней достигъ одного изъ острововъ Канарской группы, Граціозы, а вслѣдъ затѣмъ другого, болѣе важнаго острова, Ланзероте, имѣющаго въ длину 44 и въ ширину 16 километровъ, напоминающаго и величиной, и формой островъ Родосъ. На Ланзероте прекрасныя пастбища и очень жирная почва, благопріятная для посѣвовъ ячменя. Многочисленные фонтаны и цистерны даютъ острову воду въ изобиліи. Здѣсь растетъ красящее растеніе— лакмусовый ягель. Жители на этомъ островѣ рослые, хорошо сложенные и ходятъ почти нагіе; женщины очень красивы и скромны, онѣ одѣваются къ кожаныя епанчи, которыя волочатъ за собою по землѣ.

Прежде чѣмъ обнаружить свои завоевательные замыслы, Жанъ де-Бетанкуръ хотѣлъ захватить нѣсколько острововъ; но вслѣдствіе плохого знакомства со страной дѣло это представлялось очень труднымъ. Онъ присталъ къ одному изъ островковъ, лежащихъ на сѣверѣ и, собравъ своихъ дворянъ на совѣтъ, спросилъ ихъ мнѣнія, что предпринять. Совѣтъ высказался въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ, во что бы то ни стало, завладѣть жителями острововъ. Счастье улыбнулось храброму рыцарю. Король острова, Гвадарфія, вступилъ съ нимъ въ сношенія и присягнулъ ему въ вѣрности, только какъ другъ, а не какъ подданный. Жанъ де-Бетанкуръ построилъ замокъ или, вѣрнѣе, крѣпость на юго-западной сторонѣ острова и оставилъ тамъ нѣсколько людей подъ начальствомъ Бертеня де-Берневаля, человѣка надежнаго, и самъ отправился съ остальными людьми съ цѣлью завоевать островъ Эрбани, т.-е. островъ Фортавентуре.

По совѣту Гадифера, отплыли ночью. Онъ же взялъ начальство надъ небольшою частью воиновъ и въ продолженіе восьми дней объѣзжалъ острова, на которыхъ не встрѣтилъ ни одного человѣка, такъ какъ всѣ жители скрылись въ горахъ. Вслѣдствіе недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, Гадиферъ долженъ былъ вернуться назадъ Дорогою онъ присталъ къ острову Лобосу, лежащему между Ланзероте и Фортавентуре. Тамъ взбунтовался кормчій, и Гадиферъ вмѣстѣ съ барономъ не безъ большихъ затрудненій добрались до крѣпости острова Ланзероте.

Жанъ де-Бетанкуръ рѣшилъ возвратиться въ Испанію, чтобы тамъ запастись провизіей и образовать новый контингентъ вооруженныхъ людей, такъ какъ на людей, находящихся съ нимъ, онъ не могъ болѣе полагаться. Онъ оставилъ острова подъ главнымъ распоряженіемъ Гадифера и, простившись со всѣмъ обществомъ, отплылъ самъ на кораблѣ Гадифера въ Испанію.

Читатели помнятъ, что Жанъ де-Бетанкуръ назначилъ Бертеня де-Берневаля комендантомъ крѣпости на островѣ Ланзероте. Этотъ Берневаль былъ личный врагъ Гадифера. Едва отплылъ нормандскій рыцарь, какъ Берневаль приступилъ къ подкупу остававшихся людей и достигъ того, что нѣкоторое число изъ нихъ, преимущественно гасконцы, возмутились противъ своего губернатора. Послѣдній, ничего не подозрѣвая, занимался охотою на морскихъ волковъ въ сообществѣ своего друга Ремонне де-Леведена и многихъ другихъ. Ремонне, посланный Гадиферомъ на Ланзероте за провизіей, не нашелъ тамъ уже Берневаля, который вмѣстѣ съ своими соумышленниками покинулъ островъ и отправился на островокъ Граціозу, гдѣ обманомъ успѣлъ получить одинъ корабль.

Съ острова Граціозы измѣнникъ Берневаль возвратился на Ланзероте и продолжалъ свой замыселъ, обманувъ довѣріе короля острова и его подданныхъ. Король, не подозрѣвая обмана со стороны офицера, дворянина Бетанкура, отдался Берневалю вмѣстѣ съ двадцатью четырьмя своими подданными. Когда они уснули, Берневаль велѣлъ ихъ связать и отвезти въ гавань Граціозы. Король, видя измѣну, порвалъ на себѣ веревки, освободилъ трехъ людей, съ которыми успѣлъ убѣжать; остальные островитяне, остававшіеся въ плѣну у Берневаля, были имъ проданы испанскимъ разбойникамъ, которые отвезли ихъ на продажу въ чужестранныя земли.

Къ этой низости Берневаль присоединилъ еще и другія. Товарищи его, по его распоряженію, захватили корабль, отправленный Гадиферомъ на Ланзероте за съѣстными припасами. Ремонне не могъ бороться съ измѣнниками, такъ какъ на его кораблѣ было очень незначительное число людей. Мольбы этихъ людей не остановили ни шайку Берневаля, ни Берневаля самого отъ разграбленія запасовъ, снастей и оружія, которые Жанъ де-Бетанкуръ сложилъ въ крѣпости Ланзероте. Они не стѣснялись въ оскорбительныхъ выраженіяхъ насчетъ губернатора, и



Жанъ Бетанкуръ.

Берневаль прокричалъ: „Скажите Гадиферу де-ла-Салль, что если бы онъ былъ такъ же молодъ, какъ и я, то я убилъ бы его, но такъ какъ, на его счастье, онъ старше, то я себя отъ этого освобождаю. Впрочемъ, если мнѣ взбредетъ когда-нибудь въ голову, я не ручаюсь, что столкну его въ воду съ острова Лобоса, чтобы онъ поохотился на морскихъ волковъ!"

Между тѣмъ Гадиферъ и его десять спутниковъ, оставшіеся

на островѣ Лобосѣ безъ пищи и безъ воды, были близки къ голодной смерти. Къ счастью, два капеллана, оставшіеся на Ланзероте, отправились на Граціозу и тронули своими просьбами судовщика, оскорбленнаго обманомъ Берневаля. Онъ согласился отпустить съ ними своего товарища Ксименеса, который отправился съ ними въ крѣпость, на Ланзероте, и тамъ нагрузилъ съѣстными припасами заброшенную хрупкую ладью. На этой ладьѣ онъ вмѣстѣ съ четырьмя человѣками, преданными Гадиферу, пустился къ острову Лобосу, отстоящему на четыре лье, при чемъ проѣхалъ „самое ужасное мѣсто изъ всѣхъ, какія есть на этомъ морѣ".

Между тѣмъ Гадиферъ и его спутники испытывали ужасныя муки голода и жажды. Ксименесъ пріѣхалъ во-время, чтобы остановить мучительную смерть. Узнавъ объ измѣнѣ Берневаля, Гадиферъ отправился на той же ладьѣ въ гавань острова Ланзероте. Онъ былъ глубоко возмущенъ поступкомъ Берневаля относительно несчастныхъ канарійцевъ, которымъ онъ и Бетанкуръ обѣщали свое покровительство. Никогда онъ не допускалъ мысли, чтобы этотъ злодѣй даже могъ замыслить то, что сдѣлалъ, не допускалъ онъ этого относительно того, кто считался самымъ „гордымъ" во всей компаніи.

Что же въ это время дѣлалъ Берневаль? Измѣнивъ своему начальнику, онъ теперь измѣнилъ тѣмъ самымъ сообщникамъ, которые помогали ему привести въ исполненіе преступные замыслы; онъ ссадилъ двѣнадцать изъ своихъ сообщниковъ на берегъ, и самъ, было, уѣхалъ въ Испанію съ намѣреніемъ присоединиться къ Жану де-Бетанкуру, вызвавъ въ послѣднемъ одобреніе всему своему поведенію, о причинахъ котораго онъ сумѣетъ разсказать по-своему. Въ его интересахъ было отдѣлаться отъ стѣснительныхъ свидѣтелей, которыхъ онъ и бросилъ на берегу. Эти несчастные думали сперва обратиться къ великодушію губернатора, и капелланъ одобрилъ ихъ въ этотъ намѣреніи; но потомъ они убоялись мщенія Гадифера и въ минуту отчаянія захватили лодку и убѣжали къ землѣ мавровъ. Лодку отнесло въ варварійскому берегу. Десять изъ бѣглецовъ утонуло, а остальные двое попали къ язычникамъ, которые обратили ихъ въ рабство.

Между тѣмъ, какъ все это происходило на островѣ Ланзероте, Жанъ де-Бетанкуръ на кораблѣ Гадифера прибылъ въ Кадиксъ. По прибытіи туда онъ прежде всего принялъ мѣры противъ возмутившагося экипажа, при чемъ главныхъ зачинщиковъ онъ

заключилъ въ тюрьму. Затѣмъ онъ отправилъ свой корабль въ Севилью, гдѣ тогда находился король Генрихъ III, но корабль на водахъ Гвадалквивира погибъ къ великому огорченію Гадифера.

Жанъ де-Бетанкуръ, прибывъ въ Севилью, встрѣтилъ тамъ нѣкоего Франциска Кальве, прибывшаго съ Канарскихъ острововъ. Онъ предлагалъ рыцарю поторопиться съ запасами для губернатора. Но баронъ Бетанкуръ не могъ ни на что рѣшиться до свиданія съ королемъ.

Къ тому времени пріѣхалъ и Берневаль съ главными своими сообщниками и съ нѣсколькими островитянами, которыхъ онъ сберегъ для того, чтобы распродать ихъ въ рабство. Этотъ злодѣй разсчитывалъ, какъ было сказано, обратить измѣну въ свою пользу и тѣмъ вкрасться въ довѣріе Жана де-Бетанкура; но онъ упустилъ изъ виду нѣкоего Куртилля, бывшаго трубача Гадифера, находившагося теперь на кораблѣ Берневаля. Этотъ храбрый солдатъ обличилъ плутни Берневаля и вслѣдствіе его доноса обманщики были заключены въ тюрьму, въ Кадиксѣ. Куртилль сообщилъ также объ островитянахъ, захваченныхъ въ плѣнъ. Нормандскій рыцарь, не имѣя возможности, въ виду свиданія съ королемъ, самъ покинуть Севилью, распорядился, чтобы съ плѣнниками обращались хорошо. Но прежде чѣмъ распоряженіе рыцаря достигло мѣста, корабль, на которомъ находились островитяне, уплылъ въ Арагонію, и тамъ эти несчастные были проданы, какъ невольники.

Жанъ де-Бетанкуръ дождался аудіенціи короля кастильскаго. Передавая ему подробности своей экспедиціи, Жанъ де-Бетанкуръ сказалъ: „Ваше величество! Я пришелъ къ вамъ просить поддержки для распространеніи вѣры Христовой на островахъ, называемыхъ Канарскими, и такъ какъ вы—король и повелитель всѣхъ окружныхъ странъ и въ то же время самый ревностный христіанинъ, то я прошу позволенія повергнуть къ стопамъ вашего величества эти острова“.

Король принялъ съ большимъ удовольствіемъ всеподданнѣйшій даръ нормандскаго рыцаря. Онъ назначилъ его правителемъ Канарскихъ острововъ и опредѣлилъ въ его пользу пятую часть дохода со всѣхъ товаровъ, которые будутъ доставляться съ острововъ въ Испанію. Сверхъ того онъ подарилъ ему двадцать тысячъ мараведисовъ—около пятнадцати тысячъ франковъ—для

покупки запасовъ губернатору Гадиферу и также далъ ему право чеканить монету въ канарійской странѣ.

Къ несчастью эти двадцать тысячъ мараведисовъ были повѣрены неблагонадежному человѣку, убѣжавшему во Францію съ даромъ кастильскаго короля.

Король Генрихъ III далъ Жану де-Бетанкуру также одинъ корабль, хорошо оснащенный, съ восемьюдесятью человѣками экипажа, нагруженный провизіей, оружіемъ и орудіями. Жанъ де-Бетанкуръ, чрезвычайно признательный королю за его щедрость, написалъ Гадиферу о положеніи дѣлъ, выразилъ свое „оцѣпенѣніе", въ которое онъ пришелъ, когда узналъ о преступленіи Берневаля, и въ заключеніе извѣщалъ о скоромъ отплытіи корабля, дарованнаго королемъ кастильскимъ.

Въ то-же время на островѣ Ланзероте происходили важныя событія. Король Гвадарфія, оскорбленный поведеніемъ злодѣя Берневаля, возмутился, слѣдствіемъ чего явилось убійство нѣсколькихъ человѣкъ изъ отряда Гадифера, совершенное канарійцами. Гадиферъ требовалъ наказанія виновныхъ. Неожиданно явился къ нему родственникъ короля, туземецъ Ашъ, съ предложеніемъ захватить Гвадарфію и свергнуть его съ трона въ пользу Аша. Этотъ Ашъ думалъ схитрить: измѣнивъ своему королю, онъ предполагалъ измѣнить впослѣдствіи и нормандцамъ и прогнать ихъ съ острова. Гадиферъ, ничего не подозрѣвая и желая отомстить за смерть своихъ, принялъ предложеніе Аша и, спустя нѣсколько времени, наканунѣ дня св. Екатерины, король, застигнутый врасплохъ, былъ схваченъ и отведенъ въ крѣпость.

Прошло нѣсколько дней. Провозглашенный властителемъ острова, Ашъ напалъ на отрядъ Гадифера и успѣлъ нѣкоторыхъ ранить смертельно. Но въ слѣдующую ночь Гвадарфіи удалось бѣжать. Онъ захватилъ въ свою очередь Аша и приказалъ его побить каменьями и затѣмъ сжечь.

Раздраженный неистовствами, происходящими безпрестанно, губернаторъ рѣшилъ перебить всѣхъ мужчинъ страны и оставить только женщинъ и дѣтей, чтобы ихъ окрестить. Къ этому времени прибылъ корабль, посланный Жаномъ де-Бетанкуромъ, и другія заботы отвлекли Гадифера отъ выполненія. Этотъ корабль кромѣ восьмидесяти человѣкъ и жизненныхъ припасовъ привезъ письмо отъ Жана де-Бетанкура, въ которомъ онъ сообщалъ Гадиферу, что принесъ Канарскіе острова въ даръ кастильскому

королю. Это сообщеніе Бетанкура вовсе не обрадовало Гадифера, такъ какъ онъ самъ разсчитывалъ на часть этихъ острововъ; но онъ сумѣлъ скрыть свое неудовольствіе и вновь прибывшимъ былъ оказанъ хорошій пріемъ.

Немедленно было приступлено къ выгрузкѣ съѣстныхъ припасовъ и оружія, и Гадиферъ отплылъ на томъ же кораблѣ для изслѣдованія сосѣднихъ острововъ. Его сопровождали Ремонне и многіе другіе, не считая двухъ туземцевъ, которыхъ онъ взялъ въ качествѣ проводниковъ.

Гадиферъ достигъ безъ всякихъ затрудненій острова Фортавентуре. Высадившись на берегъ, онъ, черезъ нѣсколько дней, отправился, въ сопровожденіи тридцати пяти человѣкъ, изслѣдовать страну. Но вскорѣ большая часть отряда покинула его и онъ остался въ обществѣ всего тринадцати человѣкъ, между которыми были два стрѣлка. Гадиферъ продолжалъ изслѣдованіе. Перебравшись вбродъ черезъ очень быструю рѣку, онъ очутился въ прекрасной долинѣ, осѣненной восемьюстами пальмами. Здѣсь онъ отдохнулъ, послѣ чего продолжалъ путь, карабкаясь по крутому косогору.

Здѣсь онъ встрѣтилъ группу туземцевъ изъ пятидесяти человѣкъ, которые окружили Гадифера со спутниками и грозили ихъ уничтожить. Но маленькій отрядъ выказалъ много храбрости въ происшедшей схваткѣ и обратилъ туземцевъ въ бѣгство. Вечеромъ они возвратились на корабль, приведя съ собою четырехъ плѣнницъ.

На слѣдующій день Гадиферъ покинулъ Фортавентуре, поплылъ къ Большой Канаріи и присталъ въ большой гавани между Тельдесомъ и Аргонецомъ. Здѣсь вышли ему на встрѣчу около пятисотъ туземцевъ, которые не выказали никакихъ враждебныхъ намѣреній. Они вымѣняли у туземцевъ удочки и желѣзо на нѣкоторые продукты страны, какъ то: на фиги и змѣиную кровь— смолистое вещество, извлекаемое изъ драконника и имѣющее очень пріятный бальзамическій запахъ. Канарійцы, однако, проученные уже разъ экипажемъ капитана Лопеца, сдѣлавшаго двадцать лѣтъ тому назадъ нашествіе на ихъ островъ, держались теперь настороже и не пускали Гадифера на берегъ.

Губернаторъ принужденъ былъ сняться съ якоря, не изслѣдовавши острова Большой Канаріи. Онъ направился къ острову Ферро, вокругъ котораго онъ ограничился однимъ объѣздомъ, и

ночью присталъ къ острову Гомера, на которомъ блестѣли огни туземцевъ. Съ наступленіемъ дня нѣкоторые изъ спутниковъ Гадифера хотѣли было высадиться на берегъ, но туземцы съ неустрашимостью и свирѣпостью бросились на кастильцевъ, которые принуждены были поспѣшно отчалить.

Очень недовольный пріемомъ, оказаннымъ дикими канарійцами, Гадиферъ рѣшилъ еще разъ попытать счастья на островѣ Ферро. Онъ прибылъ туда днемъ. Высадка не встрѣтила никакихъ препятствій и онъ прожилъ на островѣ двадцать два дня.

Островъ былъ великолѣпенъ. Болѣе ста тысячъ сосенъ усѣивали его поверхность, свѣтлые и глубокіе ручьи орошали его въ изобиліи, перепелки ютились массами, кабаны, козы и овцы попадались во множествѣ.

Съ этого гостепріимнаго острова они отправились на островъ Пальму и пристали тамъ въ гавани, лежащей недалеко отъ большой рѣки. Этотъ островъ глужбе всѣхъ прочихъ вдавался въ океанъ. Покрытый соснами и драконниками, орошаемый прекрасными рѣками, поросшій высокой травой, этотъ островъ представлялъ собою почву, способную для любой культуры. Жители на немъ—рослые, сильные и стройные—имѣли очень пріятныя черты лица и чрезвычайно бѣлый цвѣтъ кожи.

Гадиферъ оставался нѣсколько времени на этомъ островѣ. Сдѣлавъ запасъ воды, онъ черезъ два дня, въ которые объѣхалъ, нигдѣ не высаживаясь, остальные острова архипелага, вернулся въ крѣпость Ланзероте. Они находились въ отсутствіи три мѣсяца. Въ это время оставшаяся часть отряда вступала въ постоянныя стычки съ островитянами и захватила многихъ изъ нихъ въ плѣнъ. Приведенные въ отчаяніе, канарійцы приходили сами ежедневно по нѣскольку человѣкъ и отдавались европейцамъ въ руки, прося о крещеніи, которое ихъ избавляло отъ жестокостей. Гадиферъ былъ очень обрадованъ такимъ ходомъ дѣла. Онъ отправилъ одного изъ своихъ дворянъ къ Жану де-Бетанкуру въ Испанію съ отчетомъ о состояніи канарійской колоніи.

II.

Возвращеніе Жана де-Бетанкура.—Зависть Гадифера.—Жанъ де-Бетанкуръ посѣщаетъ свой архипелагъ.—Гадиферъ отправляется завоевывать Большую Канарію.—Ссора Жана де-Бетанкура съ Гадиферомъ.—Они воз-

вращаются въ Испанію.—Король прощаетъ Гадифера.—Возвращеніе нормандскаго рыцаря.—Туземцы острова Фортавентуре принимаютъ крещеніе.—Жанъ де-Бетанкуръ возвращается въ Ко.—Возвращеніе на островъ Ланзероте.—Высадка на африканскій берегъ.—Завоеваніе Большой Канаріи, острова Ферро и острова Пальма.—Масіо назначается губернаторомъ архипелага.—Жанъ де-Бетанкуръ въ Римѣ.—Онъ проситъ папу объ учрежденіи канарійской епархіи.—Жанъ де-Бетанкуръ возвращается домой.—Его смерть.

Губернаторскій посолъ еще не успѣлъ доѣхать до Кадикса, какъ Жанъ де-Бетанкуръ присталъ своею собственной особой къ острову Ланзероте въ сопровожденіи „маленькаго избраннаго общества". Гадиферъ и всѣ европейцы такъ же, какъ и крещеные канарійцы, оказали ему торжественный пріемъ. Спустя немного времени, король Гвадарфія самъ сдался нормандскому рыцарю и 20-го февраля 1404 года принялъ крещеніе вмѣстѣ съ своими приближенными. Капелланы Жана де-Бетанкура составили для короля краткое наставленіе, въ которое вошли главные догматы христіанской религіи, ученіе о сотвореніи міра, грѣхопаденіе Адама и Евы, исторія Ноя, Вавилонскаго столпотворенія, жизнь патріарховъ, жизнь Іисуса Христа и его распятіе и, наконецъ, объясненія десяти заповѣдей, святого причастія, пасхи, исповѣданія и др.

Жанъ де-Бетанкуръ былъ человѣкъ честолюбивый. Недовольный покореніемъ и утвержденіемъ своей власти на Канарскихъ островахъ, онъ сталъ мечтать о завоеваніи той части африканскихъ земель, которая омывается океаномъ. Эта мысль явилась у него еще до возвращенія на Ланзероте, между тѣмъ надо было еще употребить много труда, чтобы упрочить господство на этой группѣ острововъ, властителемъ которыхъ онъ являлся пока только номинально. Онъ рѣшилъ приступить къ дѣлу и начать съ обзора острововъ, изслѣдованныхъ Гадиферомъ.

Но до отъѣзда Жана де-Бетанкура между нимъ и Гадиферомъ произошло объясненіе, которое будетъ не безынтересно передать. Гадиферъ, опираясь на свои заслуги, требовалъ, чтобы баронъ предоставилъ въ его владѣніе острова Фортавентуре, Тенерифъ и Гомеръ.

— Мой другъ,—возразилъ баронъ,—острова, на которые вы указываете, еще не завоеваны. Но я вовсе не желаю, чтобы вашъ трудъ не получилъ вознагражденія, на которое вы имѣете полное основаніе разсчитывать. Я васъ прошу, окончимъ наше предпріятіе и останемся братьями и друзьями.

— Это все прекрасно,—отвѣчалъ Гадиферъ,—но есть нѣчто, чѣмъ я очень недоволенъ: вы принесли Канарскіе острова королю Кастиліи и, сверхъ того выдаете себя за полновластнаго господина.

— Вы совершенно правы,—сказалъ Жанъ де-Бетанкуръ.—Я подарилъ Канарскіе острова, и я считаю себя здѣсь хозяиномъ, такъ какъ это воля короля Кастиліи. Но если вамъ будетъ угодно довести до конца наше предпріятіе, я дамъ вамъ впослѣдствіи такую награду, которою вы останетесь вполнѣ довольны.

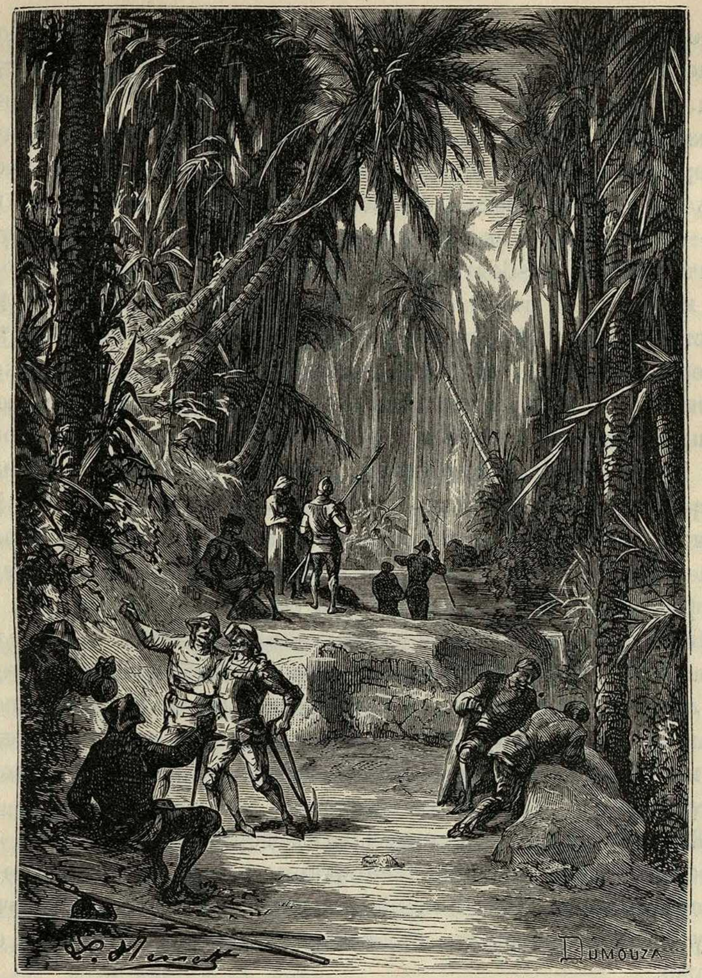
— Я не могу далѣе оставаться въ этой странѣ,—отвѣтилъ Гадиферъ,—такъ какъ мнѣ необходимо возвратиться во Францію. Я не хочу больше здѣсь оставаться.

Объясненіе на этомъ закончилось. Гадиферъ мало-по-малу смягчился. Онъ не отказался сопровождать Жана де-Бетанкура въ его обзорѣ Канарскихъ островов.

Баронъ де-Бетанкуръ, запасшись съѣстными припасами и оружіемъ. отплылъ къ Фортавентуре. На этомъ островѣ онъ оставался три мѣсяца и началъ съ того, что захватилъ много туземцевъ, которыхъ отправилъ на Ланзероте. Такой пріемъ не могъ казаться страннымъ въ то время, такъ какъ всѣ завоеватели поступали точно такъ же. Во время своего пребыванія баронъ обошелъ весь островъ, принялъ предварительно мѣры противъ нападенія туземцевъ, чрезвычайно сильныхъ и рослыхъ людей, отстаивавшихъ со рвеніемъ свои законы и обычаи. Крѣпость, по имени Ришрокъ, слѣды которой остались и теперь, была построена на вершинѣ горы.

Гадиферъ, вовсе не забывшій своихъ требованій и по прежнему недовольный, что часто и выражалось у него рѣзкостью рѣчи, согласился, однако, принять, по предложенію барона, начальство надъ отрядомъ, назначеннымъ для покоренія Большой Канаріи.

Онъ отправился 25-го іюля 1404 года; но эта экспедиція не привела ни къ какому результату. Съ самаго начала мореплавателямъ пришлось бороться съ бурями и съ противными вѣтрами. Вѣтеръ подогналъ ихъ къ острову Тельдесу, но, вслѣдствіе сильной бури и темной ночи, они не рискнули здѣсь высадиться и поплыли далѣе къ городку Аргинегуи, около котораго они простояли одиннадцать дней. Туземные жители, возбужденные своимъ королемъ Артоми, устроили европейцамъ засады, чуть-чуть не



Гадиферъ очутился въ прекрасной долинѣ...

ставшія фатальными для всего отряда Гадифера. Произошла кровопролитная схватка, и кастильцы, чувствуя свою малочисленность, отплыли въ Тельдесъ, гдѣ пробыли два дня, послѣ чего вернулись въ Ланзероте.

Гадиферъ, раздраженный своею неудачею, сталъ осуждать все, вокругъ него происходящее. Зависть его къ своему начальнику росла съ каждымъ днемъ, и онъ позволялъ себѣ на его счетъ оскорбительные упреки, постоянно повторяя, что вовсе баронъ

де-Бетанкуръ не самъ все сдѣлалъ и что дѣла вовсе не подвинулись бы настолько впередъ, еслибы ихъ не двигали другія руки. Эти рѣчи стали доходить до слуха барона и привели его въ озлобленіе. Онъ сдѣлалъ нѣсколько укоровъ завистливому Гадиферу и это положило начало крупной ссорѣ. Гадиферъ настаивалъ на необходимости для него покинуть эту страну, въ которой, чѣмъ дольше онъ будетъ оставаться, тѣмъ больше будетъ терять. Жанъ де-Бетанкуръ привелъ дѣла въ такое состояніе, что могъ ѣхать въ Испанію; онъ предложилъ Гадиферу ѣхать вмѣстѣ, чтобы тамъ „положить конецъ всѣмъ несогласіямъ“. Гадиферъ согласился, но соперники не пожелали ѣхать совмѣстно; баронъ отплылъ на своемъ кораблѣ, Гадиферъ также на своемъ. Съ пріѣздомъ въ Севилью Гадиферъ предъявилъ свои тробованія. Король Кастиліи нашелъ поведеніе барона де-Бетанкура совершенно справедливымъ и выразилъ свое порицаніе Гадиферу. Гадиферъ покинулъ Испанію и уѣхалъ во Францію съ твердымъ рѣшеніемъ никогда больше не пріѣзжать на Канарскіе острова, которые онъ мечталъ завоевать въ свою пользу.

Баронъ де-Бетанкуръ не замедлилъ проститься съ королемъ. Управленіе въ зарождающейся колоніи требовало настоятельно его личнаго присутствія. Ко времени его отъѣзда жители Севильи, очень къ нему расположенные, оказали ему много вниманія и, что еще полезнѣе, они снабдили его оружіемъ, золотомъ и серебромъ.

Жанъ де-Бетанкуръ прибылъ на Фортавентуре и былъ тамъ встрѣченъ своими соотечественниками съ большою радостью. Гадиферъ, уѣзжая изъ Канаріи, оставилъ свое мѣсто побочному сыну своему, Аннибалу, съ которымъ баронъ обошелся очень хорошо.

Первые дни пребыванія барона де-Бетанкура на островѣ отмѣтились большимъ числомъ битвъ съ канарійцами, которые успѣли разрушить крѣпость Ришрокъ, сожгли капеллу и разграбили съѣстные припасы. Баронъ преслѣдовалъ ихъ съ энергіей и кончилъ тѣмъ, что побѣдилъ. Онъ призвалъ большое количество людей изъ Ланзероте и заставилъ ихъ немедленно возобновить крѣпость.

Битвы, однако, возобновились. Много канарійцевъ было убито и между ними одинъ великанъ, котораго Жанъ де-Бетанкуръ желалъ бы захватить живымъ. Баронъ имѣлъ основанія не довѣ-

рять ни сыну Гадифера, ни его приближеннымъ. Побочный сынъ Гадифера наслѣдовалъ отъ отца зависть къ барону; но послѣднiй, нуждаясь въ его помощи, скрывалъ свои подозрѣнiя. Къ большому счастью, люди, окружавшiе барона, превосходили своимъ числомъ всѣхъ клонящихся на сторону Гадифера. Однако, притязанiя Аннибала стали простираться такъ далеко, что баронъ принужденъ былъ послать къ нему одного изъ своихъ лейтенантовъ, Жана де-Куртуа, чтобы ему напомнить его присягу и пригласить сообразоваться съ нею.

Жанъ де-Куртуа былъ принятъ дурно. У него произошла ссора съ Аннибаломъ и его приближенными, главнымъ образомъ, изъ-за плѣнныхъ канарiйцевъ, которыхъ они незаконно захватили и ни за что не хотѣли отпустить. Аннибалъ въ концѣ концовъ согласился; но Жанъ де-Куртуа, возвратившись къ барону, разсказалъ про заносчивость побочнаго сына и употреблялъ старанiе раздражить начальника противъ губернатора. „Нѣтъ, милостивый государь,—возразилъ справедливый Жанъ де-Бетанкуръ,—я не хочу вредить ни ему, ни его приближеннымъ. Не должно дѣлать всего, на что имѣешь право; всегда нужно себя обуздывать и заботиться о чести болѣе, чѣмъ о выгодѣ“. Прекрасныя слова, къ сожалѣнiю, не всѣмъ понятныя!

Несмотря на внутреннiя несогласiя, война между туземцами и завоевателями продолжалась. Послѣднiе, хорошо вооруженные, оставались побѣдителями во всѣхъ схваткахъ. Короли Фортавентуре, расположенные къ переговорамъ, послали къ барону одного канарiйца съ предложенiемъ перемирiя. Они заявляли о своемъ желанiи принять христiанство. Баронъ, чрезвычайно довольный этими вѣстями, отвѣтилъ, что короли будутъ хорошо приняты, если явятся къ нему.

Тотчасъ же король Максората, владѣвшiй южной частью острова, пришелъ со свитою изъ двадцати двухъ человѣкъ, которые были окрещены 18-го января 1405 г. Три дня спустя, явились еще двадцать два туземца, которые тоже были окрещены. 25-го января явился со свитою изъ двадцати шести человѣкъ король, владѣвшiй полуостровомъ Гандiя на юго-востокѣ отъ Фортавентуре и также былъ окрещенъ съ своими подданными. Прошло еще немного времени и все населенiе острова было обращено въ католическую вѣру.

Баронъ де-Бетанкуръ, счастливый достигнутыми результатами,

сталъ мечтать о родинѣ. Онъ оставилъ управленіе надъ островами своему лейтенанту Жану де-Куртуа и самъ, среди плача и благословенія своихъ приближенныхъ, взошелъ 31-го января на корабль и отпылъ, везя съ собою трехъ канарійцевъ и одну канарійку съ цѣлью показать имъ прекрасную Францію. „Богъ да поможетъ ему благополучно достигнуть родины и вернуться обратно“,—говорится въ сочиненіи.

Черезъ двадцать одинъ день баронъ де-Бетанкуръ входилъ въ портъ Гарфлеръ и, спустя еще два дня, онъ уже былъ въ своемъ замкѣ въ Гренвиллѣ. Всѣ дворяне страны принесли ему свои поздравленія и баронъ съ баронессой устроили торжественные пріемы. Жанъ де-Бетанкуръ намѣревался оставаться здѣсь недолго. Онъ разсчитывалъ увлечь за собою на Канарскіе острова многихъ соотечественниковъ, приглашая главнымъ образомъ ремесленниковъ, которымъ обѣщалъ земли. Онъ успѣлъ набрать значительное число эмигрантовъ, между которыми было двадцать восемь военныхъ, и изъ ихъ числа двадцать три съ женами. Два корабля были снаряжены для перевозки эмигрантовъ и 6-го мая былъ назначенъ день сбора. Мая 9-го баронъ де-Бетанкуръ отплылъ на Ланзероте, откуда онъ выѣхалъ четыре съ половиною мѣсяца тому назадъ.

Баронъ былъ встрѣченъ громкой музыкой трубъ, рожковъ, барабановъ, арфъ и другихъ инструментовъ. „Громъ Божій не былъ бы услышанъ за мелодіей, которую они воспроизводили“. Канарійцы привѣтствовали возвращеніе начальника пѣснями и плясками; они кричали „вотъ нашъ король!“ Жанъ де-Куртуа поторопился выѣхать навстрѣчу своему начальнику, который, завидѣвъ его, спросилъ: „Какъ идутъ дѣла?“—„Все лучше и лучше, господинъ баронъ“,—отвѣчалъ лейтенантъ.

Спутники барона были размѣщены въ крѣпости Ланзероте. Страна произвела на нихъ хорошее впечатлѣніе. Они ѣли финики и другіе плоды „и ничто не вредило ихъ здоровью“.

Пробывъ нѣсколько дней на Ланзероте, Жанъ де-Бетанкуръ отправился вмѣстѣ съ вновь прибывшими на Фортавентуре. На этомъ островѣ ему былъ сдѣланъ пріемъ не менѣе восторженный, особенно со стороны канарійцевъ и ихъ двухъ воролей. Послѣдніе были приглашены Жаномъ де-Бетанкуромъ на ужинъ въ крѣпость Ришрокъ, исправленную Жаномъ де-Куртуа.

Баронъ де-Бетанкуръ сталъ заявлять о своемъ намѣреніи по-

корить Большую Канарію, подобно тому, какъ это уже было сдѣлано относительно Ланзероте и Фортавентуре. Въ его планы входило, чтобы его племянникъ Масіо, котораго онъ привезъ съ собою изъ Франціи, наслѣдовалъ ему въ управленіи островами, дабы такимъ образомъ утвердить на островахъ навсегда имя Бетанкуръ. Эту мысль онъ сообщилъ своему лейтенанту Жану де-Куртуа, который отнесся къ ней съ большимъ сочувствіемъ, при чемъ сказалъ: „Баронъ! Если Господь поможетъ вамъ возвратиться во Францію, я поѣду тогда съ вами. Я очень плохой мужъ: уже пять лѣтъ я не видѣлъ своей жены, хотя, откровенно сказать, она не очень объ этомъ сокрушается“.

Отъѣздъ въ Большую Канарію былъ назначенъ на 6-е октября 1405 г. Три корабля должны были перевезти маленькій отрядъ барона. Но вѣтеръ отнесъ ихъ сперва къ африканскому берегу, и они подошли къ мысу Боядоръ, гдѣ баронъ де-Бетанкуръ сдѣлалъ высадку. Онъ обозрѣлъ эту мѣстность на протяженіи восьми миль, успѣлъ захватить нѣсколько туземцевъ и три тысячи верблюдовъ, которыхъ пригнали къ кораблю. Этихъ верблюдовъ, которыхъ можно было очень легко разводить на Канарскихъ островахъ, размѣстили въ возможно большомъ количествѣ на корабляхъ, и затѣмъ баронъ отплылъ отъ мыса Боядоръ, который, слѣдовательно, былъ имъ посѣщенъ еще за тридцать лѣтъ до португальскихъ мореплавателей.

Во время плаванія отъ африканскаго берега къ Канарскимъ островамъ три корабля были разлучены между собою поднявшимися вѣтрами. Одинъ былъ пригнанъ къ Фортавентуре, другой къ острову Пальмы. Но вскорѣ они опять сошлись вмѣстѣ. Большая Канарія имѣла двадцать лье въ длину и двѣнадцать въ ширину; гористая къ югу, она представляла равнину на сѣверѣ. Пихты, драконники, оливковыя, фиговыя и финиковыя деревья составляли тамъ цѣлые лѣса. Овцы, козы, дикія собаки населяли островъ во множествѣ. Земля, удобная для воздѣлыванія, давала ежегодно двѣ жатвы, не требуя никакого удобренія. Народонаселеніе было многочисленно, и всѣ считали себя дворянами.

Въ началѣ высадки Жанъ де-Бетанкуръ мечталъ покорить всю страну. Къ несчастью, нормандскіе воины, послѣ того какъ побывали на африканскомъ берегу, стали очень самонадѣянны. Вѣрить имъ, такъ достаточно было десять человѣкъ изъ числа ихъ, чтобы завоевать всю Канарію съ ея десятью тысячами жи-

телей. Баронъ де-Бетанкуръ, понимая, что это только самонадѣянность, предостерегалъ ихъ, но они не придали этому предостереженію никакого значенія. Это обошлось имъ очень дорого. Въ первыхъ схваткахъ съ туземцами они, дѣйствительно, одерживали побѣды, но скоро туземцы раздавили ихъ своимъ числомъ. Европейцы въ числѣ двадцати двухъ человѣкъ были захвачены въ плѣнъ и убиты; между ними были лейтенанты Жанъ де-Куртуа и Аннибалъ, побочный сынъ Гадифера.

Послѣ этой прискорбной битвы баронъ де-Бетанкуръ покинулъ Большую Канарію и отправился покорять островъ Пальмы. Жители этого острова очень искусно метали камни и рѣдко дѣлали промахи. Въ многочисленныхъ схваткахъ съ островитянами было много убитыхъ съ той и съ другой стороны. Потери островитянъ, однако, были значительнѣе нормандцевъ, убитыхъ въ числѣ ста человѣкъ.

Послѣ шести-недѣльныхъ стычекъ баронъ покинулъ островъ Пальму и уѣхалъ на островъ Ферро, гдѣ провелъ три мѣсяца. Этотъ большой островъ, формы серпа, имѣетъ семь лье въ длину и пять въ ширину. Мѣстность очень высокая и ровная. Большія сосновыя и лавровыя рощи осѣняютъ этотъ островъ. Хлѣбъ и виноградъ растутъ прекрасно. Дичи—большое изобиліе; свиньи, козы, овцы пасутся на поляхъ и рядомъ попадаются огромныя ящерицы, величиною съ американскихъ игуанъ. Жители этой страны, какъ мужчины, такъ и женщины, очень красивы, живы, веселы, здоровы, ловки, хорошо сложены и имѣютъ большую склонность къ семейной жизни. Вообще, островъ Ферро одинъ изъ „пріятнѣйшихъ“ острововъ всего архипелага.

Покоривъ островъ Ферро и островъ Пальму, баронъ де-Бетанкуръ уѣхалъ съ своими кораблями на Фортавентуре. Этотъ островъ весь изрѣзанъ равнинами и горами, онъ имѣетъ семнадцать лье въ длину и восемь въ ширину. Поверхность его менѣе ровна, чѣмъ на всѣхъ другихъ островахъ. Глубокіе потоки медленно протекаютъ въ великолѣпныхъ рощахъ; здѣсь попадаются сильно ядовитыя растенія молочайника съ ѣдкимъ запахомъ и сокомъ молочнаго цвѣта. Финики, пальмы и нѣкоторыя красящія растенія растутъ въ изобиліи. Гавань Фортавентуре не особенно удобна для убѣжища большихъ кораблей, но маленькіе могутъ тамъ оставаться въ безопасности.

Съ этого острова баронъ де-Бетанкуръ приступилъ къ устрой-

ству колонистовъ. Онъ произвелъ дѣлежъ земли съ такою справедливостью, что каждый былъ доволенъ отведенной ему частью. Первые колонисты острова освобождались отъ всякихъ податей на девять лѣтъ.

Религіозные вопросы не могли быть безразличными для такого человѣка, какъ баронъ де-Бетанкуръ. Онъ рѣшилъ отправиться въ Римъ и тамъ просить о назначеніи въ эту страну епископа, который будетъ „распространять и прославлять католическую вѣру". Но прежде чѣмъ уѣхать, онъ назначилъ своего племянника Масіо де-Бетанкура лейтенантомъ и губернаторомъ всѣхъ островов архипелага. Ему въ помощники онъ выбралъ двухъ дворянъ, которымъ ввѣрена была судебная часть. Онъ распорядился еще о томъ, чтобы ему два раза въ годъ присылались извѣстія въ Нормандію и чтобы доходы съ Ланзероте и съ Фортавентуре поступали на сооруженіе двухъ храмовъ.

Своему племяннику Масіо онъ сказалъ слѣдующее: „Я оставляю вамъ власть и право дѣлать все, что вы будете находить необходимымъ, соблюдайте при этомъ мою честь и выгоду. Во всемъ, что вы будете вводить, слѣдуйте обычаямъ Франціи и Нормандіи, въ особенности же относительно правосудія. Еще прошу васъ, чтобы вы жили между собою въ мирѣ и согласіи, любите другъ друга, какъ братья, и старайтесь, чтобы между дворянами не было мѣста зависти. Я каждому опредѣлилъ кругъ его дѣятельности; страна достаточно обширна; сдерживайте одинъ другого и помогайте каждому. Я не знаю, что сказать вамъ еще, развѣ то, что все будетъ идти хорошо, если будете жить между собою въ мирѣ".

Баронъ де-Бетанкуръ оставался еще три мѣсяца на островѣ Фортавентуре и на другихъ островахъ. Верхомъ на мулѣ онъ разъѣзжалъ по странѣ, всюду вступая въ разговоръ съ туземцами, начинавшими уже объясняться по-нормандски. Масіо и другіе дворяне его сопровождали. Онъ указывалъ имъ на различныя полезныя нововведенія и рекомендовалъ честныя мѣры. Осмотрѣвши такимъ образомъ весь покоренный имъ архипелагъ, онъ объявилъ, что уѣзжаетъ въ Римъ 15-го декабря текущаго года. Вернувшись на Ланзероте, баронъ оставался тамъ вплоть до своего отъѣзда. За два дня до отъѣзда онъ велѣлъ собраться всѣмъ дворянамъ, ихъ работникамъ и тремъ канарскимъ королямъ, чтобы объявить имъ свою волю и призвать на нихъ покровительство Бога.

Всѣ явились. Баронъ де-Бетанкуръ принялъ ихъ въ крѣпости Ланзероте и роскошно ихъ угостилъ. По окончаніи пиршества баронъ сталъ на скамью и обратился къ присутствующимъ съ напоминаніемъ о томъ, что никто не долженъ выходить изъ повиновенія его племяннику Масіо, о обязательной уплатѣ въ его пользу пятой части доходовъ, о дѣятельности, согласной христіанскому долгу, о любви къ Богу. Затѣмъ выбралъ себѣ спутниковъ въ Римъ и сталъ собираться въ путь.

Когда стали поднимать якорь, стоны и вопли раздались со всѣхъ сторонъ. Европейцы и канарійцы оплакивали разлуку съ „своимъ справедливымъ господиномъ", котораго они не думали когда-нибудь еще увидѣть. Многіе изъ нихъ вошли по шею въ воду и, хватаясь за корабль, пытались его удержать. Но парусъ уже поднятъ, и баронъ де-Бетанкуръ уѣзжаетъ. „Богъ да сохранитъ его отъ всѣхъ золъ".

Спустя семь дней, нормандскій баронъ прибылъ въ Севилью. Оттуда онъ отправился въ Валладолидъ къ королю, который принялъ его очень милостиво. Баронъ разсказалъ королю подробности о покореніи Канарскихъ острововъ и просилъ писемъ къ папѣ, которыя помогли бы ему добиться учрежденія епархіи на Канарскихъ островахъ. Король осыпалъ его милостями, вручилъ ему просимыя письма, и баронъ де-Бетанкуръ, окруженный блестящей свитой, уѣхалъ въ Римъ.

Въ вѣчномъ городѣ баронъ оставался три недѣли. Ему было позволено поцѣловать ногу папѣ Иннокентію VII. Папа поздравилъ его съ обращеніемъ канарійцевъ въ католическую вѣру и говорилъ много лестнаго по поводу мужества барона, унесшаго его такъ далеко отъ Франціи. Затѣмъ, по просьбѣ барона де-Бетанкура, была написана папская булла и Альбертъ де-Мезонъ получилъ назначеніе епископа всѣхъ Канарскихъ острововъ. Вскорѣ баронъ простился съ папой, получивъ его благословеніе.

Новый прелатъ простился съ барономъ и немедленно уѣхалъ въ свою епархію. Онъ проѣзжалъ черезъ Испанію, гдѣ передалъ королю письма отъ Жана де-Бетанкура. Затѣмъ онъ безъ затрудненій прибылъ на Фортавентуре. Губернаторъ Масіо, успѣвшій получить орденъ кавалера, встрѣтилъ его съ большимъ почетомъ. Альбертъ де-Мезонъ приступилъ къ устройству своей епархіи. Привѣтливый, кроткій и милостивый, онъ переѣзжалъ съ одного острова на другой, всюду проповѣдуя слово Божіе;

онъ установилъ обычай произносить при каждомъ богослуженіи особыя молитвы за Жана де-Бетанкура. Масіо пользовался всеобщимъ расположеніемъ; особенно его любили туземные жители. Правда, что всеобщее благополучіе продолжалось всего пять лѣтъ, а потомъ Масіо, упоенный верховной властью, вступилъ на путь несправедливостей, что вызвало его изгнаніе изъ страны.

Баронъ де-Бетанкуръ покинулъ Римъ и отправился черезъ Флоренцію въ Парижъ и оттуда въ Бетанкуръ, гдѣ множество дворянъ пришло привѣтствовать его въ качествѣ короля Канаріи. Пошли большія пиршества. Дворяне собирались къ нему безпрестанно.

Баронъ де-Бетанкуръ, „уже состарившійся", поселился въ Гренвиллѣ съ своею супругой, прекрасной, и молодой еще женщиной. Онъ часто получалъ извѣстія о своихъ милыхъ островахъ и о своемъ племянникѣ Масіо и не переставалъ лелѣять надежду возвратиться въ свое Канарское королевство; но Богъ судилъ иначе.

Въ 1425 году баронъ заболѣлъ въ своемъ замкѣ и приближеніе смерти было очевидно. Онъ подписалъ духовное завѣщаніе, принялъ св. Причастіе, „и,—говорится въ концѣ сочиненія,—отправился съ этого свѣта на тотъ. Прости ему, Господи, его прегрѣшенія. Онъ погребенъ въ Гренвиллѣ-ла-Тентюрьеръ, въ церкви названнаго города, передъ главнымъ алтаремъ. Онъ скончался въ 1425 году".

ГЛАВА VII.

Христофоръ Колумбъ (1436—1506).

I.

Открытіе острова Мадеры, острововъ Зеленаго Мыса, Азорскихъ острововъ, Гвинеи и Конго.—Бартоломей Діацъ.—Каботъ и Лабрадоръ.—Успѣхи географіи и торговли въ средніе вѣка.—Общераспространенное заблужденіе о разстояніи между Европой и Азіей.—Рожденіе Христофора Колумба.—Его первыя путешествія.—Его неудачи.—Пребываніе его въ монастырѣ францисканцевъ.—Онъ, наконецъ, принятъ Фердинандомъ и Изабеллою.—Договоръ отъ 17-го апрѣля 1492 года.—Братья Пинсонъ.—Три корабля снаряжены въ гавани Палосъ.—Отплытіе 3-го августа 1492 года.

1492-й годъ — знаменитый годъ въ лѣтописяхъ географіи. Это достопамятный годъ открытія Америки. Человѣческій геній

долженъ былъ пополнить шаръ земли, оправдать такимъ образомъ стихъ Галліуфи:

Unus erat mundus; duo sind, ait iste: fuere.

На старомъ свѣтѣ лежала обязанность нравственнаго и политическаго воспитанія новаго свѣта. Но былъ ли онъ на высотѣ своей задачи съ своими ограниченными понятіями, съ своими полуварварскими стремленіями, съ своею религіозною ненавистью? Пусть факты говорятъ сами за себя.

Разскажемъ вкратцѣ о томъ, что произошло съ того времени, какъ Жанъ де-Бетанкуръ устроилъ колонизацію Канарскихъ острововъ, т.-е. съ 1405 и до 1492 года.

Научное движеніе, обязанное своимъ значительнымъ развитіемъ арабамъ, вскорѣ изгнаннымъ изъ Испаніи, охватило весь полуостровъ. Во всѣхъ приморскихъ городахъ, особенно въ Португальскихъ, не прекращались разговоры объ Африканскомъ берегѣ и о странахъ, лежащихъ за моремъ, полныхъ богатствъ и всякихъ чудесъ. „Тысячи исторій разжигали любопытство, храбрость и честолюбіе,—говоритъ Мишле,—всѣхъ влекло въ тѣ страны, гдѣ природа не поскупилась на чудеса, гдѣ она щедро разбросала золото по всей поверхности“. Молодой принцъ Генрихъ, герцогъ Визе (Viseu) и наслѣдникъ престола, третій сынъ Іоанна I, предавшись изученію астрономическихъ и географическихъ наукъ, оказалъ большое вліяніе на своихъ современниковъ; ему обязана Португалія развитіемъ своего колоніальнаго могущества и постоянными экспедиціями, воодушевленные разсказы о которыхъ воспламенили воображеніе Христофора Колумба.

Поселившись на южной оконечности провинціи Алгарвіи, въ Сагресѣ, откуда его взоры обнимали громадный океанъ, точно высматривая тамъ новую землю, принцъ Генрихъ поставилъ тамъ обсерваторію, устроилъ морскую коллегію, въ которой ученые, занимаясь составленіемъ новыхъ картъ, учили употребленію компаса. Онъ окружилъ себя учеными, съ помощью которыхъ составилъ карту путешествія вокругъ Африки и собралъ точныя свѣдѣнія о пути въ Индію. Хотя самъ онъ не участвовалъ ни въ одной морской экспедиціи, но своимъ поощреніемъ и покровительствомъ всѣмъ мореплавателямъ принцъ Генрихъ самъ заслужилъ имя мореплавателя, подъ которымъ онъ и извѣстенъ въ исторіи.



Жанъ де-Бетанкуръ подписалъ завѣщаніе...

Мысъ Нонъ, эта роковая граница всѣхъ древнихъ путешественниковъ, былъ обогнутъ въ 1418 году двумя испанскими дворянами Жаномъ Гонзалесъ Зарко и Тристаномъ Вацъ Тейксера. Занесенные вѣтромъ въ открытое море, они были отброшены къ островку, которому дали имя Порто-Санто. Пустившись отсюда къ маленькой черной точкѣ, обрисовавшейся на горизонтѣ, они достигли обширнаго острова, покрытаго великолѣпными лѣсами. Это былъ островъ Мадера.

Въ 1433 году португальцы Гильянесъ и Гонзалесъ Больдайя обогнули мысъ Боядоръ, такъ долго останавливавшій изслѣдователей, и даже проѣхали на 40 лье далѣе.

Ободренные этимъ примѣромъ, Антоніо Гонзалесъ и Нуно Тристанъ въ 1441 году достигли мыса Бланко и очутились на 21⁰ широты, „подвигъ,—говоритъ Фаріа Суза,—который, по общему мнѣнію, нисколько не уступаетъ славнѣйшимъ подвигамъ Геркулеса".—Эти путешественники привезли съ собою немного золотого песку съ береговъ Ріо-дель-Уро. Во второе путешествіе Тристанъ изслѣдовалъ нѣсколько острововъ Зеленаго Мыса и подвинулся до Сіерра Леоне. Во время этого путешествія онъ купилъ на Гвинейскомъ берегу у мавританскихъ купцовъ десять негровъ, которыхъ привезъ въ Лиссабонъ и тамъ продалъ по очень высокой цѣнѣ, благодаря возбужденному ими живому любопытству. Этотъ фактъ положилъ начало торговлѣ неграми,—торговлѣ, похищавшей у африканскихъ береговъ милліоны людей и покрывавшей человѣчество позоромъ въ продолженіе четырехъ вѣковъ.

Въ 1441 году Када Мосто обогнулъ Зеленый Мысъ и изслѣдовалъ часть нижняго берега. Около 1446 года португальцы, подвигаясь все далѣе и далѣе своихъ предшественниковъ, открыли Азорскіе острова. Всякій страхъ исчезъ. Та страшная линія, за которою, какъ полагали, воздухъ жжетъ какъ огонь, была пройдена; экспедиціи слѣдовали одна за другой, и каждая прибавляла что-нибудь къ числу открытій. Казалось, что африканскій берегъ тянется безконечно. Чѣмъ далѣе подвигались на югъ, тѣмъ, казалось, далѣе отодвигается желанный мысъ, эта оконечность континента, которую нужно было обогнуть, чтобы достигнуть Индіи!

Въ это же время король Іоаннъ II присоединилъ къ своему титулу званіе властителя Гвинеи. Уже вмѣстѣ съ открытіемъ Конго познакомились съ новымъ небомъ и съ новыми звѣздами, когда Діего Камъ въ три послѣдовательныхъ путешествія изслѣдовалъ Африку дальше своихъ предшественниковъ и даже чуть не лишилъ Діаца чести открытія южной оконечности континента. Крайній достигнутый имъ пунктъ лежалъ подъ 21°50′ къ югу. Это былъ мысъ Гроссъ, на которомъ онъ, слѣдуя обычаю, воздвигъ „падрао или падронъ" (padrao ou padron), т.-е. колонну въ воспоминаніе, найденную слѣдующими путешественниками

На возвратномъ пути онъ посѣтилъ короля Конго въ его столицѣ и привезъ съ собою въ Лиссабонъ посланника Касуту съ многочисленною свитою изъ африканцевъ, пріѣхавшихъ принять крещеніе и изучить догматы вѣры съ тѣмъ, чтобы распространить ихъ по возвращеніи въ Конго.

Спустя немного времени послѣ возвращенія Діего Камъ, въ августѣ 1447 г., три каравеллы подъ командою придворнаго кавалера Бартоломея Діаца, ветерана морей Гвинеи, вышли изъ Таго. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи опытнаго моряка Жуама Инфанте и своего родного брата, Педро Діаца, капитана самаго меньшаго изъ судовъ, которое было нагружено съѣстными припасами.

Мы не имѣемъ никакихъ подробностей о первой части этого достопамятнаго путешествія. Намъ только извѣстно по Жеао-де-Барросъ (Jeao de Barros), къ которому приходится безпрестанно обращаться за всѣми подробностями, касающимися португальскихъ мореплавателей, что, проѣхавъ Конго, онъ слѣдовалъ по берегу до 29-й параллели, гдѣ остановился въ гавани, которую назвалъ „das Voltas"; тамъ онъ оставилъ меньшую изъ своихъ каравеллъ подъ охраною девяти матросовъ. Задержанный въ этой гавани дурной погодой на пять дней, Діацъ отсюда пустился въ открытое море по направленію къ югу; въ теченіе тринадцати дней ему пришлось бороться съ страшными бурями.

Чѣмъ дальше подвигался онъ на югъ, тѣмъ температура все болѣе и болѣе понижалась и становилась относительно суровой. Когда буря утихла, Діацъ повернулъ къ востоку, гдѣ надѣялся встрѣтить землю. Проплававши нѣсколько дней и достигнувъ 42°54 къ югу онъ взялъ направленіе къ сѣверу и вскорѣ присталъ въ бухтѣ „das Vaqueiros", названной такъ потому, что при приближеніи кораблей завидѣвшій ихъ рогатый скотъ и пастухи убѣжали. Въ это время Діацъ находился въ сорока лье на востокъ отъ мыса Доброй Надежды, который онъ обогнулъ, самъ того не замѣтивъ. Запасшись здѣсь водою, экспедиція достигла бухты Санъ-Блазъ (нынѣшній Моссель-Бай) и оттуда, идя вдоль берега, достигла залива Алгуа и острова Круцъ, гдѣ воздвигнула колонну. Тамъ экипажъ, утомленный трудностями пути и изнуренный недостаткомъ и дурнымъ качествомъ жизненныхъ припасовъ, объявилъ, что онъ далѣе не поѣдетъ. „Къ тому же,— заявляли матросы,—не мѣшаетъ осмотрѣть тотъ мысъ, который мы объѣхали, не замѣтивъ того".

Діацъ собралъ совѣтъ и настоялъ на томъ, чтобы продолжать плаваніе на сѣверо-востокъ еще въ продолженіе двухъ, трехъ дней. Благодаря его твердости ему удалось достичь, въ разстояніи двадцати пяти лье отъ Круца, рѣки, которую онъ назвалъ, въ честь капитана второго корабля, Ріо Инфанте. Отсюда, уступая насилію всего экипажа, онъ долженъ былъ повернуть обратно въ Европу.

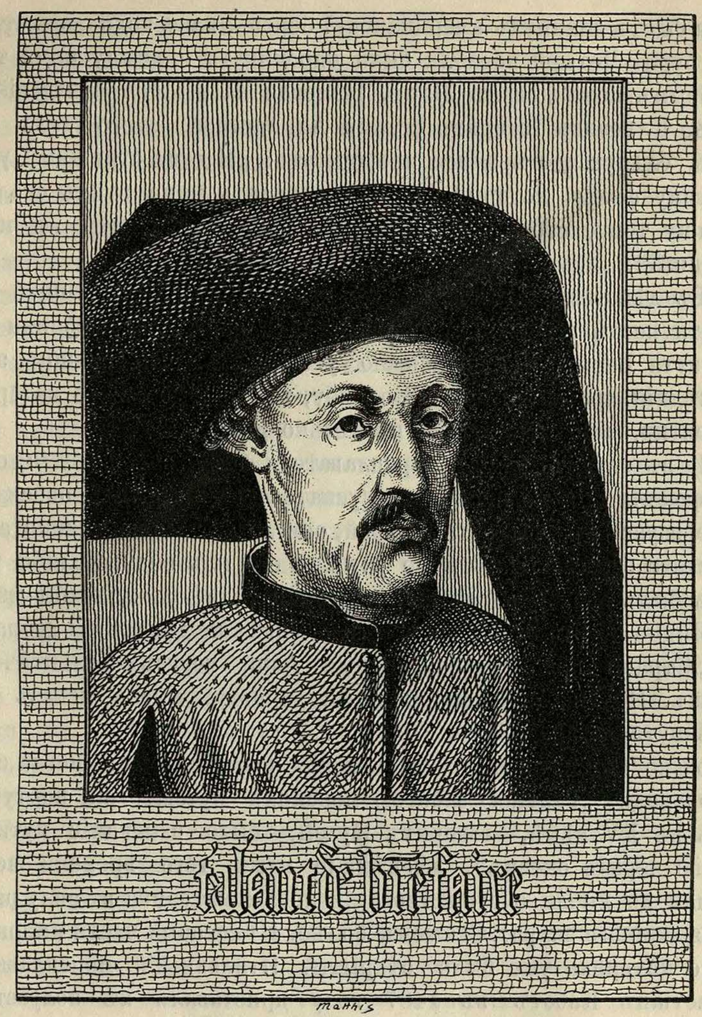
„Когда онъ разставался,—говоритъ Барросъ,—съ колонной, которую онъ воздвигнулъ на этомъ мѣстѣ, онъ испытывалъ такое чувство горечи, такую скорбь, что можно было думать, что онъ разстается навсегда съ сыномъ, въ особенности, когда онъ представлялъ себѣ, какимъ опасностямъ подвергался онъ и его люди, какое громадное разстояніе онъ проѣхалъ лишь затѣмъ, чтобы поставить этотъ межевой столбъ, такъ какъ Богъ не привелъ его совершить главное".

Наконецъ, они подошли къ этому большому мысу, „скрывавшемуся въ продолженіе столькихъ сотенъ лѣтъ и которому мореплаватель и его спутники дали имя Мыса Бурь (о Cabo Tormentoso) въ память тѣхъ опасностей и тѣхъ бурь, которымъ они подвергались, когда его обходили".

Іоаннъ II смотрѣлъ на вещи иначе и переименовалъ мысъ Бурь въ мысъ Доброй Надежды. Для него дорога въ Индію была теперь открыта, и его обширные планы о расширеніи торговли и о вліяніи отечества могли теперь осуществиться.

24-го августа 1488 г. Діацъ прибылъ въ „Angra das Voltas". Изъ девяти оставленныхъ имъ человѣкъ, шесть умерло, седьмой умеръ отъ радости, увидѣвъ своихъ соотечественниковъ. Возвращеніе ихъ на родину не сопровождалось ничѣмъ особеннымъ. Послѣ остановки на Бенинскомъ берегу, гдѣ корабли нагрузились товарами, и затѣмъ въ Ла-Минѣ, гдѣ имъ были вручены отъ губернатора деньги, поступившія въ качествѣ доходовъ колоніи, экспедиція прибыла къ Португальскому берегу въ декабрѣ текущаго 1488 года.

Странное дѣло! Діацъ не только не получилъ никакой награды за это отважное путешествіе, увѣнчавшееся такимъ успѣхомъ, но даже, кажется, лишился всякаго расположенія, такъ какъ мы его не видимъ ни въ какомъ дѣлѣ въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ. Мало того, начальство надъ экспедиціей, которой было поручено обогнуть мысъ, имъ открытый, было ввѣрено Васко-де-



Генрихъ Мореплаватель.

Гамѣ, а Діацъ назначенъ былъ сопровождать его до Ла-Мины въ качествѣ простого подчиненнаго. Ему оставалось только слушать объ этой чудесной кампаніи своего счастливаго соперника въ Индію и судить на досугѣ, какое громадное вліяніе должно оказать это событіе на дальнѣйшую судьбу его родины.

Онъ впослѣдствіи принималъ участіе въ экспедиціи Кабрала, открывшаго Бразилію. Но и здѣсь ему не суждено было испытать радости созерцанія береговъ, къ которымъ онъ указалъ дорогу.

Едва флотъ покинулъ американскій берегъ, какъ поднялась страшная буря. Четыре корабля были опрокинуты и между ними тотъ, которымъ командовалъ Діацъ. Намекая на этотъ трагическій конецъ, Камоэнсъ говоритъ устами Адамастора, этого духа мыса Бурь, слѣдующее мрачное пророчество: „Я дамъ страшный урокъ первому флоту, который будетъ проходить мимо этихъ скалъ, и отомщу тому, кто первый дерзнетъ меня обезпокоить въ моемъ жилищѣ".

Въ дѣйствительности, только въ 1497 году, т.-е. пять лѣтъ спустя послѣ открытія Америки, южная оконечность Африки была обогнута Васко-де-Гама. Можно утверждать, что еслибы этотъ послѣдній предшествовалъ Колумбу, то открытіе новаго материка, вѣроятно, запоздало бы на нѣсколько вѣковъ.

И въ самомъ дѣлѣ, мореплаватели этой эпохи были очень осторожны; они не рисковали пускаться въ открытый океанъ; не интересуясь протяжностью морей, они держались постоянно африканскаго берега, никогда не упуская его изъ виду. Еслибы мысъ Бурь былъ обогнутъ раньше, мореплаватели привыкли бы ѣздить въ Индію по этому пути и никто изъ нихъ не думалъ бы добраться до „Страны пряностей", т.-е. до Азіи, черезъ Атлантическій океанъ. И дѣйствительно, кому бы пришла мысль искать востокъ путями запада?

Только въ силу этихъ соображеній подобная мысль могла стать на очереди. „Главною заботою морскихъ путешествій португальцевъ въ XV вѣкѣ,—говоритъ Кулей,—было изысканіе пути въ Индію черезъ океанъ". Ученѣйшіе мужи того времени не доходили до мысли о существованіи новаго материка въ силу равновѣсія земного шара. Скажемъ болѣе. Нѣкоторыя части американскаго материка уже были открыты. Итальянскій мореплаватель Севастіанъ Каботъ въ 1487 году приставалъ къ полуострову Лабрадору. Скандинавскіе норманны несомнѣнно тоже высаживались на этихъ неизвѣстныхъ берегахъ. Гренландскіе переселенцы изслѣдовали землю Винландіи. Но таково было настроеніе умовъ той эпохи, существованіе новаго свѣта представлялось такой несообразностью, что и Гренландія, и Винландія, и Лабрадоръ считались не болѣе, какъ продолженіемъ европейскихъ земель.

И такъ, мореплаватели XV вѣка стремились только установить легкія сообщенія съ берегами Азіи. Дѣйствительно, путь

въ Индію, Китай и Японію, въ страны, извѣстныя по чудеснымъ разсказамъ Марко Поло, этотъ путь, проходившій черезъ Малую Азію, Персію и Татарію, былъ длиненъ и опасенъ. Кромѣ того „сухопутныя дороги“ не могутъ никогда служить торговлѣ: перевозка по нимъ очень затруднительна и очень дорога. Нужно было найти сообщеніе болѣе практичное. Всѣ европейскіе приморскіе народы, начиная съ Англіи и кончая Испаніей, всѣ прибрежные жители Средиземнаго моря, видя передъ собою воды Атлантическаго океана, свободныя для плаванія ихъ кораблей, должны были спрашивать и, въ дѣйствительности, спрашивали, не могутъ ли эти воды привести къ берегамъ Азіи?

Такъ какъ шарообразность земли была уже доказана, то такое предположеніе имѣло основаніе. Направляясь все къ западу, неминуемо должно было пріѣхать на востокъ. Что же касается до пути черезъ океанъ, то онъ не могъ не быть свободнымъ. И дѣйствительно, кто бы могъ подумать о существованіи препятствія, имѣющаго въ длину три тысячи двѣсти пятьдесятъ лье и брошеннаго между Европой и Азіей? Кто могъ бы подумать о существованіи Америки?

Нужно замѣтить, что ученые среднихъ вѣковъ допускали, что берега Азіи удалены отъ Европы не болѣе какъ на двѣ тысячи лье. Аристотель считалъ земной шаръ меньше его дѣйствительной величины. „Какое разстояніе отъ крайнихъ береговъ Испаніи до Индіи?—спрашиваетъ себя Сенека и отвѣчаетъ: —Пространство немногихъ дней пути при благопріятномъ вѣтрѣ“. Страбонъ держался того же мнѣнія. Такимъ образомъ, путь между Европой и Азіей считался не длиннымъ. Къ тому же такія станціи, какъ Азорскіе и Антильскіе острова, существованіе которыхъ между Европой и Азіей было извѣстно въ XV вѣкѣ, должны были облегчить путь черезъ океанъ.

Нужно согласиться, что господствовавшее заблужденіе о разстояніи между Европой и Азіей имѣло свою хорошую сторону: оно давало смѣлость мореплавателямъ того времени пускаться по Атлантическому океану. Если бы они знали, что дѣйствительное разстояніе достигаетъ пяти тысячъ лье, то врядъ ли кто-нибудь изъ нихъ отважился бы пуститься въ западныя моря.

Замѣтимъ, что нѣкоторые факты подтверждали, или, вѣрнѣе, казалось, что подтверждали мнѣніе послѣдователей Аристотеля и Страбона, вѣрившихъ въ близость восточныхъ береговъ. Такъ,

одинъ лоцманъ португальскаго короля, отплывъ въ море на четыреста пятьдесятъ лье отъ мыса св. Викентія, лежащаго на оконечности Альгарвіи, нашелъ на морѣ кусокъ дерева, украшенный древней рѣзьбой. Этотъ кусокъ дерева не могъ, конечно, приплыть съ какого-нибудь отдаленнаго континента. Около Мадеры рыболовы вылавливали перекладину, украшенную рѣзьбой и длинныя бамбуковыя палки, напоминавшія формою бамбуковые палки индійскаго полуострова. Жители Азорскихъ острововъ доставали не разъ пригнанныя къ ихъ берегамъ громадныя сосны незнакомой породы и однажды нашли два человѣческихъ трупа, „трупы съ широкими лицами,—говоритъ лѣтописецъ Геррера,— не похожіе на христіанъ“.

Эти различные случаи и поддерживали заблужденіе. Такъ какъ въ XV вѣкѣ не знали еще о существованіи гольстрема, который приноситъ къ европейскимъ берегамъ американскіе выброски, то было основаніе приписывать имъ азіатское происхожденіе. Слѣдовательно, Азія недалека отъ Европы и сообщеніе между этими оконечностями стараго свѣта должно быть легко.

И такъ, ни одинъ географъ того времени не могъ подозрѣвать о существованіи новаго свѣта; это нужно принять безусловно. При изысканіи пути на западъ не было даже никакой рѣчи о пріобрѣтеніи какихъ-нибудь географическихъ свѣдѣній. Во главѣ этого движенія стояли только купцы съ ихъ торговыми интересами и только они пропагандировали путь черезъ Атлантическій океанъ. Вопросъ шелъ исключительно о торговлѣ и о кратчайшемъ для нея пути.

Нужно сказать, что компасъ, изобрѣтенный, по общему мнѣнію, около 1302 года, нѣкіимъ Флавіо Джойа д'Амальфи, давалъ возможность морякамъ удаляться отъ береговъ и даже совсѣмъ ихъ терять изъ виду. Сверхъ того Мартинъ Бегаймъ и два доктора Генриха Португальскаго нашли возможнымъ руководствоваться высотою солнца и примѣнили астролябію для нуждъ мореплавателей.

Когда эти изобрѣтенія стали извѣстны, вопросъ о торговомъ пути на западъ не сходилъ со сцены. Имъ были заняты Испанія, Португалія, Италія,—эти страны, въ которыхъ наука состоитъ въ трехъ четвертяхъ изъ воображенія. Всюду спорили, писали. Комерсанты волновались сами и сообщали свое волненіе ученымъ. Со всѣхъ сторонъ сыпались факты, системы, доктрины. Насту-



Испанскій портъ (съ древней гравюры)...

пило время для появленія ума, который разобрался бы во всемъ этомъ и усвоилъ бы истину. Такъ и случилось. Всѣ разбросанныя, отрывочныя мысли и данныя скопились въ стройное цѣлое въ головѣ одного геніальнаго человѣка, обладавшаго рѣдкой настойчивостью и смѣлостью.

Этотъ человѣкъ былъ Христофоръ Колумбъ, родившійся, вѣроятно, близъ Генуи, около 1436 года. Говоримъ „вѣроятно“ потому, что деревни Когорео и Нерви спорятъ съ городами Са-

воной и Генуей изъ-за чести считаться родиной великаго человѣка. Что же касается года его рожденія, то здѣсь тоже происходитъ разногласіе; онъ колеблется у различныхъ комментаторовъ между 1430 и 1445. Годъ 1436-й имѣетъ за собою наиболѣе вѣроятія.

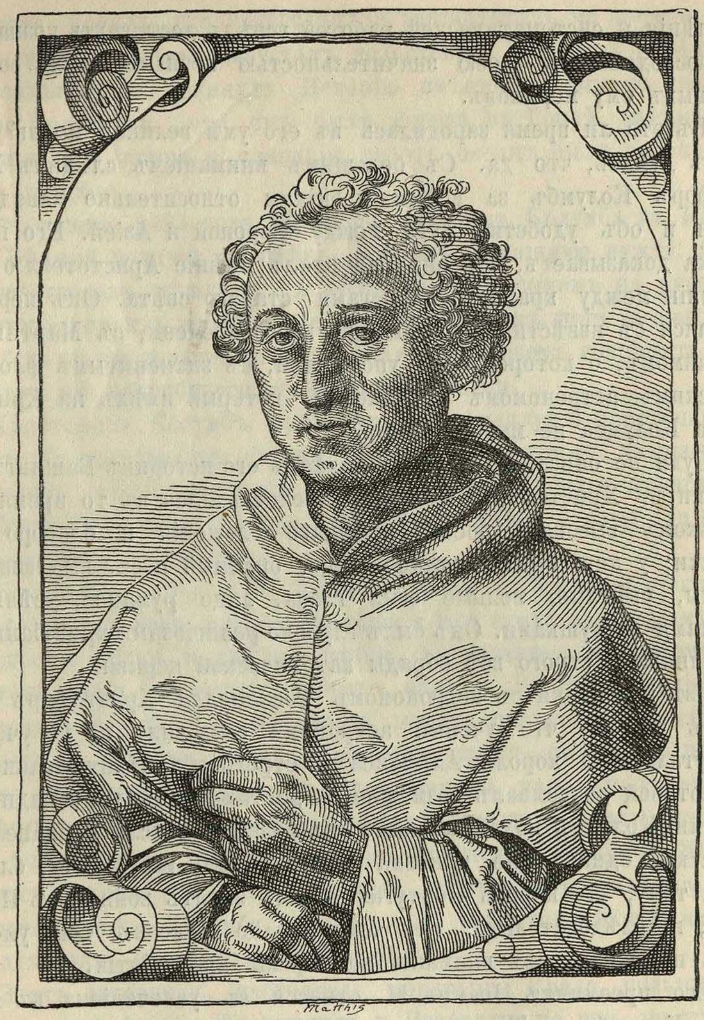
Христофоръ Колумбъ родился въ небогатой семьѣ. Отецъ его, Доминикъ Колумбъ, фабриковавшій шерстяныя ткани, пользовался, впрочемъ, нѣкоторымъ достаткомъ, позволившимъ ему дать дѣтямъ хорошее образованіе. Молодой Христофоръ, старшій изъ дѣтей, былъ отправленъ въ Павіанскій университетъ для обученія грамматикѣ, латинскому языку, географіи, астрономіи и мореплаванію.

Въ четырнадцать лѣтъ Христофоръ Колумбъ бросилъ уже школьную скамью и вступилъ въ морскую службу. О жизни его съ этого времени до 1487 года мы почти не знаемъ. Шартронъ передаетъ намъ слова Гумбольдта, который тѣмъ болѣе сожалѣетъ объ этомъ пробѣлѣ изъ жизни Колумба, когда онъ вспоминаетъ, что лѣтописцы сохранили намъ подробности о жизни собаки Бечерилло и о слонѣ Абулабабатѣ, котораго Гарунъ-аль-Рашидъ послалъ Карлу Великому.

При просмотрѣ документовъ того времени и записокъ самого Колумба представляется самымъ вѣроятнымъ, что молодой мореплаватель побывалъ на востокѣ, на западѣ, на сѣверѣ, посѣтилъ нѣсколько разъ Англію, Португалію, гвинейскій берегъ, африканскіе острова, даже, можетъ быть, приставалъ къ Гренландіи. Такимъ образомъ, имѣя сорокъ лѣтъ отъ роду, онъ уже „объѣхалъ все, что объѣзжали до него“.

Изъ Христофора Колумба вышелъ отличный морякъ. Благодаря репутаціи хорошаго моряка, ему было поручено начальство надъ генуэзскими галерами, во время войны республики съ Венеціей. Вскорѣ новый капитанъ отправился на счетъ короля Рене Анжуйскаго къ варварійскимъ берегамъ, а въ 1477 году онъ поплылъ изслѣдовать земли, находящіяся по ту сторону Исландскихъ льдовъ.

Удачно окончивъ это путешествіе, Христофоръ Колумбъ пріѣхалъ въ Лиссабонъ, гдѣ и поселился. Тамъ онъ женился на дочери итальянскаго дворянина, Бартолемео Муницъ Перестрелло, который былъ въ свою очередь морякомъ, захваченнымъ общимъ географическимъ движеніемъ. Жена его, донна Фелица, не имѣла



Христофоръ Колумбъ...

никакого состоянія, у него также ничего не было, слѣдовательно, нужно было работать, чтобы жить. Будущій открыватель новаго свѣта занялся изданіемъ иллюстрированныхъ книгъ, земныхъ глобусовъ, географическихъ картъ, мореходныхъ плановъ. Рядомъ съ своими научными и литературными занятіями онъ продолжалъ это издательство вплоть до 1484 г. Очень вѣроятно, что въ продолженіе этого періода онъ перерабатывалъ имѣвшіяся у него

свѣдѣнія и систематической работой успѣлъ достигнуть познаній, превосходившихъ своею значительностью познанія всѣхъ современныхъ ему моряковъ.

Въ это ли время зародилась въ его умѣ великая мысль? Можемъ думать, что да. Съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ Христофоръ Колумбъ за всѣми преніями относительно западнаго пути и объ удобствѣ пути между Европой и Азіей. Его переписка доказываетъ, что онъ раздѣлялъ мнѣніе Аристотеля о разстояніи между крайними берегами стараго свѣта. Онъ переписывался съ извѣстными учеными своего времени, съ Мартиномъ Бегаймомъ, о которомъ мы упоминали, съ знаменитымъ флорентинскимъ астрономомъ Тосканелли, который имѣлъ на Христофора Колумба не малое вліяніе.

Судя по описанію, которое дѣлаетъ его историкъ Вашингтонъ Ирвингъ, Христофоръ Колумбъ представлялся въ то время человѣкомъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія и благородной осанки; у него было длинное лицо, орлиный носъ, выдающіяся скулы, свѣтлые, полные огня глаза, лицо румяное, усѣянное мѣстами веснушками. Онъ былъ глубоко религіозный христіанинъ, исполнявшій строго всѣ обряды католической церкви.

Изъ переписки съ астрономомъ Тосканелли Христофоръ Колумбъ узналъ, что ученый астрономъ составилъ по порученію португальскаго короля Альфонса V строго обдуманную записку, въ которой доказывалъ возможность достиженія Индіи западными путями. Колумбъ поддерживалъ всѣми силами мысль Тосканелли. Записка, однако, не привела ни къ какому результату, благодаря тому, что король Португаліи былъ занятъ войною съ Испаніей, и, слѣдовательно, ему было не до записокъ. Онъ умеръ, такъ и не обративъ вниманія на морскія предпріятія.

Его преемникъ Іоаннъ II отнесся съ увлеченіемъ къ планамъ Колумба и Тосканелли. Нужно, однако, признаться, что онъ поступилъ съ ними недобросовѣстно. Вывѣдавъ отъ ученыхъ подробности ихъ плановъ, онъ, скрывая отъ нихъ, приказалъ снарядить корабль, которому поручилъ отправиться на это обширное предпріятіе—достиженіе Китая черезъ Атлантическій океанъ. Но онъ упустилъ изъ виду необходимость опыта и случилось такъ, что ураганъ пригналъ черезъ нѣсколько дней моряковъ португальскаго короля въ Лиссабонъ.

Христофоръ Колумбъ, оскорбленный неделикатностью такого

поступка, понялъ, что нечего далѣе разсчитывать на короля, поступившаго съ нимъ сразу такъ недостойно. Въ концѣ 1484 года онъ овдовѣлъ и покинулъ Испанію вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Діэго. Полагаютъ, что онъ былъ сперва въ Генуѣ, затѣмъ въ Венеціи, гдѣ планы о плаваніи черезъ океанъ были встрѣчены очень холодно.

Въ теченіе 1485 года мы снова находимъ Колумба въ Испаніи. Бѣдный великій человѣкъ терпѣлъ страшную нужду. Онъ путешествовалъ пѣшкомъ съ десятилѣтнимъ сыномъ на рукахъ. Съ этого момента исторія уже слѣдитъ за нимъ шагъ за шагомъ, она больше не теряетъ его изъ виду и успѣваетъ сохранить потомству всѣ подробности этой великой жизни.

Христофоръ Колумбъ приходитъ въ Андалузію и останавливается въ полулье отъ гавани Палосъ. Оборванный, умирающій съ голоду, онъ стучится въ ворота Францисканскаго монастыря св. Маріи и проситъ Христа-ради кусокъ хлѣба и воды для бѣднаго ребенка и для себя.

Настоятель монастыря, Жуанъ Перецъ де-Мархена пріютилъ у себя несчастнаго путешественника. Его стали разспрашивать. Изящество рѣчи и смѣлые планы, высказанные Колумбомъ въ воодушевленіи, поразили добраго монаха. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ безпріютный морякъ оставался въ стѣнахъ монастыря. Ученые монахи заинтересовались имъ и его проектами. Они ознакомились съ его планами, наводили справки у извѣстныхъ мореплавателей и — надо отмѣтить этотъ фактъ — они были первые, признавшіе геній Христофора Колумба. Жуанъ Перецъ принялъ въ немъ большое участіе: онъ взялъ на себя воспитаніе сына Колумба, а ему далъ убѣдительнѣйшее письмо къ духовнику королевы кастильской.

Этотъ духовникъ, настоятель монастыря Прадо, пользовался полнымъ довѣріемъ Фердинанда и Изабеллы, но онъ не сумѣлъ изложить имъ ясно проекты геніальнаго мореплавателя и ничего для него не добился.

Христофору Колумбу оставалось покориться и ждать. Онъ поселился въ Кордовѣ, куда вскорѣ долженъ былъ переѣхать дворъ, и, чтобы добывать себѣ средства къ существованію, принялся опять за ремесло раскрасчика картинъ. Можно-ли найти въ исторіи великихъ людей другой примѣръ такого ужаснаго существованія, какое выпало на долю великаго путешественника? Нано-

сила-ли когда-нибудь судьба болѣе жестокіе удары? Но этотъ человѣкъ былъ геній! Послѣ каждаго испытанія онъ вновь неутомимо становился на ноги. Вдохновеніе его не покидало. Онъ не уставалъ безпрестанно работать, то посѣщая вліятельныхъ особъ, то распространяя свои идеи, то отстаивая ихъ съ геройской энергіей. Наконецъ, онъ добился покровительства великаго кардинала, архіепископа толедскаго, Педро Гонзалеса де-Мендоза, благодаря которому онъ былъ допущенъ къ королю и къ королевѣ испанскимъ.

Христофоръ Колумбъ подумалъ, что теперь конецъ всѣмъ треволненіямъ. Фердинандъ и Изабелла отнеслись благосклонно къ его проекту и для разсмотрѣнія этого проекта должна была собраться комиссія изъ ученыхъ, прелатовъ и монаховъ въ Доминиканскомъ монастырѣ въ Саламанкѣ.

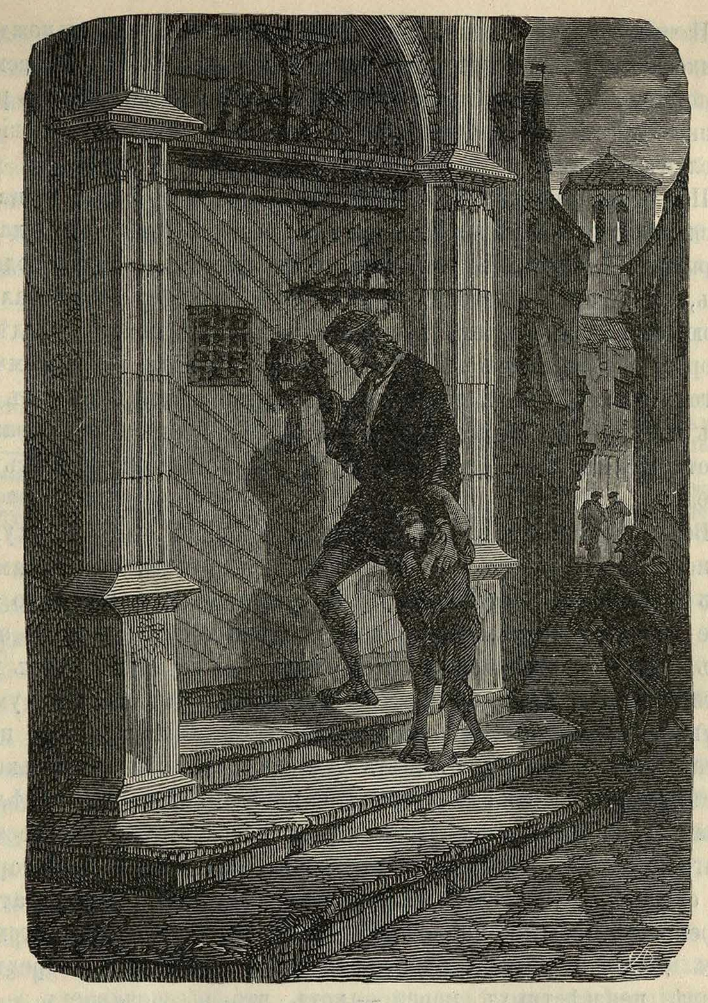
Но несчастный проситель не дошелъ еще до конца испытанія. Вся комиссія возстала противъ него. Да и какъ было не возстать? Его идеи имѣли очень близкое соприкосновеніе съ религіозными вопросами, къ которымъ относились съ большою страстностью въ XV вѣкѣ. Отцы церкви не допускали шарообразности земли, и такъ какъ земля не кругла, то, само собою, и кругосвѣтное путешествіе невозможно, являющееся какъ нѣчто противорѣчащее текстамъ библіи. „Кромѣ того, — говорили богословы, — если бы и удалось какъ-нибудь спуститься въ другое полушаріе, то какъ подняться оттуда обратно?“

Это былъ очень серьезный доводъ по тому времени. И такъ, Христофоръ Колумбъ былъ почти обвиненъ въ непростительнѣйшемъ и самомъ нетерпимомъ въ тѣхъ странахъ преступленіи,— онъ былъ обвиненъ въ ереси. Онъ могъ еще оправдаться отъ взводимаго на него комиссіей обвиненія, но проектъ пришлось отложить на неопредѣленное время.

Прошло много лѣтъ. Несчастный геніальный человѣкъ, отчаявшись добиться чего-нибудь въ Испаніи, послалъ своего брата къ англійскому королю Генриху VII съ предложеніемъ своихъ услугъ. Кажется, король не удостоилъ его никакимъ отвѣтомъ.

Христофоръ Колумбъ обратился снова къ Фердинанду. Но король былъ тогда очень поглощенъ истребленіемъ мавровъ и только изгнавши ихъ въ 1492 году изъ Испаніи, преклонилъ свое ухо къ словамъ генуэзца.

На этотъ разъ дѣло было разсмотрѣно здраво. Король согла-



Колумбъ стучится въ ворота монастыря св. Маріи...

сился сдѣлать опытъ. Но, какъ человѣкъ чувствующій свою силу и право, Колумбъ пожелалъ изложить свои условія. Стали торговаться съ тѣмъ, кому суждено было обогатить Испанію. Колумбъ, глубоко возмущенный, рѣшилъ навсегда покинуть неблагодарную страну. Но Изабелла, соблазнившаяся мыслью обратить невѣрныхъ азіатцевъ въ католическую вѣру, приказала призвать къ себѣ знаменитаго путешественника и уступила всѣмъ его условіямъ.

И такъ, только семнадцать лѣтъ спустя послѣ зарожденія великой мысли и семь лѣтъ послѣ пребыванія въ Палосскомъ монастырѣ, Колумбъ, имѣя уже пятьдесятъ шесть лѣтъ отъ роду, подписалъ въ Санта-Фета, 17-го апрѣля 1492 года, условіе съ королемъ Испаніи.

По торжественному договору Христофоръ Колумбъ назначался великимъ адмираломъ всѣхъ странъ, которыя ему удастся открыть. Этотъ санъ долженъ былъ переходить изъ рода въ родъ, на вѣчныя времена. Христофоръ Колумбъ удерживалъ за собою званіе вице-короля и губернатора всѣхъ новыхъ владѣній, которыя онъ завоюетъ въ богатой Азіи. Десятая часть жемчуга, драгоцѣнныхъ камней, золота, серебра, пряностей и всякихъ другихъ предметовъ, добываемыхъ какимъ бы то ни было образомъ въ открытыхъ имъ странахъ, поступаютъ въ собственность Колумба.

Все было кончено и Христофоръ Колумбъ могъ приступить къ исполненію своихъ замысловъ. Но, повторяемъ, онъ не замышлялъ открывать новый свѣтъ, о существованіи котораго онъ даже не подозрѣвалъ. Онъ лишь желалъ „найти востокъ западомъ и проѣхать западнымъ путемъ въ землю, гдѣ растутъ пряности“. Можно даже положительно сказать, что Колумбъ умеръ въ увѣренности, что онъ достигъ береговъ Азіи, вовсе не подозрѣвая того, что онъ открылъ Америку. Но это нисколько не уменьшаетъ его славы. Открытіе новаго свѣта было дѣломъ случая. Но отвага, съ которою геній пренебрегаетъ опасностями новаго океана, безстрашное отдаленіе отъ береговъ, которыхъ не смѣли не держаться всѣ предшествующіе мореплаватели, увѣренное плаваніе по океану на хрупкихъ судахъ, готовыхъ стать добычею первой бури, отважное стремленіе впередъ по пучинѣ неизвѣстныхъ морей — вотъ что обезпечиваетъ за Колумбомъ безсмертную славу.

Христофоръ Колумбъ сталъ собираться. Онъ вошелъ въ соглашеніе съ богатыми мореплавателями Палоса, съ тремя братьями Пинсонъ, которые дали необходимыя средства для полнаго снаряженія въ путь.

Три каравеллы были снаряжены въ гавани Палосъ. Онѣ назывались: „Галлега“, „Нина“ и „Пинта“. На „Галлегѣ“ долженъ былъ плыть самъ Колумбъ, и онъ назвалъ ее „Санта-Марія“; „Пинтой“ управлялъ Мартинъ Алонзо Пинсонъ, а „Ниной“—

братья Алонзо—Франсуа Мартинъ и Винцентъ Янецъ Пинсоны. Экипажъ набирался съ большимъ трудомъ, такъ какъ матросы пугались этого обширнаго предпріятія. Однако, наличный составъ экипажа все же дошелъ до ста двадцати человѣкъ.

Въ пятницу, 3-го августа 1492 года, адмиралъ перешелъ въ восемь часовъ утра Сальтскую песчаную отмель, лежащую въ виду города Хуэлвы, въ Андалузіи, и пустился съ своими тремя полупалубными кораблями по волнамъ Атлантическаго океана.

II.

Первое путешествіе. Большая Канарія. — Островъ Гомеръ. — Отклоненіе магнитной стрѣлки. — Признаки бунта. — «Земля, земля!» — Санъ Сальвадоръ. — Вступленіе во владѣніе. — Мысъ Зачатья. — Фернандина или большая Экзума. — Изабелла или островъ Лонгъ. — Мукарасъ. — Куба. — Описаніе острова. — Архипелагъ Nuestra Senora. — Островъ Черепахъ. — Кацикъ на кораблѣ «Санта-Марія». — Корабль Колумба попадаетъ на мель и не можетъ сняться. — Островъ Монте-Кристо. — Возвращеніе. — Буря. — Прибытіе въ Испанію. — Почести, оказанныя Христофору Колумбу.

Въ первый день своего плаванія адмиралъ,—такъ называютъ Колумба во всѣхъ списаніяхъ,—направляясь прямо на югъ, сдѣлалъ пятнадцать лье до солнечнаго заката. Затѣмъ онъ повернулъ къ юго-западу, къ Канарскимъ островамъ, чтобы починить тамъ руль у „Пинты", который былъ испорченъ рулевымъ, съ умысломъ остановить дальнѣйшее путешествіе. Десять дней спустя, Колумбъ присталъ къ Большой Канаріи, гдѣ и поправилъ поврежденный корабль. Черезъ девятнадцать дней онъ бросилъ якорь у острова Гомера. Жители этого острова сказали Колумбу, что на западъ отъ архипелага лежитъ большая земля.

Христофоръ Колумбъ покинулъ этотъ островъ не ранѣе 6-го сентября. Онъ получилъ извѣстіе, что три португальскихъ корабля поджидаютъ его въ открытомъ морѣ, съ намѣреніемъ помѣшать путешествію. Колумбъ не обратилъ вниманія на это предостереженіе. Онъ поднялъ паруса, избѣжалъ искусно встрѣчи съ своими недоброжелателями, взялъ направленіе прямо къ западу и скоро утерялъ изъ виду землю.

Во время плаванія адмиралъ тщательно скрывалъ отъ своихъ спутниковъ дѣйствительное количество пути, пройденнаго въ продолженіе каждаго дня; онъ уменьшалъ это количество на ежедневныхъ спискахъ, боясь обнаруженіемъ дѣйствительнаго разстоянія отъ европейскихъ земель испугать своихъ матросовъ. Онъ

ежедневно внимательно слѣдилъ за буссолью, и мы, безъ сомнѣнія, ему обязаны открытіемъ отклоненія магнитной стрѣлки, которое онъ принималъ въ соображеніе при своихъ расчетахъ. Но его кормчіе очень безпокоились, видя, что эти буссоли „сѣверо-западничаютъ", какъ они выражались.

14-го сентября матросы „Нины" увидѣли ласточку и фаэтонъ (тропическую птицу). Появленіе этихъ птицъ говорило о недалекомъ берегѣ, такъ какъ онѣ не залетали далѣе, какъ на двадцать лье въ море. Температура была очень мягкая, погода—великолѣпная. Восточный вѣтеръ гналъ корабли въ благопріятномъ направленіи. Но именно это постоянство восточныхъ вѣтровъ и пугало моряковъ, такъ какъ они въ этомъ постоянствѣ усматривали препятствіе къ своему возвращенію.

16-го сентября они встрѣтили нѣсколько пучковъ водорослей, качающихся на волнахъ, но земля не показывалась. Эти водоросли сорвались, вѣроятно, отъ подводныхъ скалъ, а не отъ береговъ континента. Въ тридцать шестой день плаванія, 17-го сентября, кораблямъ стали попадаться на поверхности моря комки травы, и на одномъ изъ такихъ комковъ сидѣлъ живой ракъ, что служило признакомъ приближенія береговъ.

Въ слѣдующіе дни множество птицъ—олуши, фаэтоны, морскія ласточки—кружилось возлѣ кораблей. Колумбъ, указывая на этихъ птицъ, старался успокоить своихъ спутниковъ, не встрѣчавшихъ земли въ продолженіе шестинедѣльнаго плаванія и пришедшихъ оттого въ большое смущеніе. Самъ онъ, лично, выказывалъ большую увѣренность, возлагая все свое упованіе на Бога. Онъ обращался къ спутникамъ безпрестанно съ ободряющими рѣчами и приглашалъ ихъ пѣть „Salve Regina" и другіе гимны Пресвятой Дѣвѣ. При словѣ этого великаго человѣка, не терявшаго самоувѣренности, стоявшаго всегда выше человѣческихъ слабостей, экипажъ ободрялся и шелъ впередъ.

Можно себѣ представить съ какою жадностью матросы и офицеры кораблей всматривались въ западный горизонтъ, къ которому они приближались! Всякій былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы первому замѣтить новый континентъ, такъ какъ этому первому король Фердинандъ обѣщалъ награду въ десять тысячъ мараведисовъ или восемь тысячъ франковъ.

Послѣдніе дни сентября мѣсяца были оживлены появленіемъ глупышей, буревѣстниковъ, фрегатовъ—этихъ большихъ птицъ,

летающихъ парами. Это появленіе птицъ говорило за то, что корабли не заблудились. Христофоръ Колумбъ продолжалъ настаивать съ непоколебимою вѣрою, что земля не могла быть очень отдалена.

1-го октября адмиралъ объявилъ своимъ спутникамъ, что они сдѣлали пятьсотъ восемьдесятъ четыре мили къ западу отъ острова Ферро. Въ дѣйствительности же разстояніе, пройденное каравеллами, превышало семьсотъ лье, и Колумбъ это отлично зналъ, но считалъ необходимымъ скрывать истину.

7-го октября экипажъ флотиліи былъ взволнованъ залпомъ выстрѣловъ, раздавшимся съ „Нины". Командирамъ, братьямъ Пинсонамъ, показалось, что они видятъ землю. Вскорѣ обнаружилось, что это была ошибка. Однако, такъ какъ они утверждали, что видѣли попугаевъ, летящихъ къ юго-западу, адмиралъ согласился измѣнить немного направленіе. Это отклоненіе все-таки было сдѣлано чрезвычайно кстати, потому что, продолжая плыть прямо на западъ, корабли наскочили бы непремѣнно на большую Багетскую скалу, о которую разбились бы несомнѣнно.

Между тѣмъ, земля, такъ страстно ожидаемая, не показывалась. Каждый вечеръ солнце скрывалось все за тою же безконечною линіею водъ. Экипажъ, становившійся не разъ жертвою оптическаго обмана, поднималъ ропотъ противъ Колумба, противъ „этого генуэзца, этого какого-то иностранца", который завлекъ ихъ такъ далеко отъ отечества. Признаки возмущенія стали повторяться все чаще, все грознѣе и, наконецъ, 10-го октября матросы объявили, что дальше они не ѣдутъ.

Историки, склонные нѣсколько къ фантазированію, разсказывая о путешествіи Христофора Колумба, передаютъ нѣсколько тяжелыхъ сценъ, имѣвшихъ мѣсто на кораблѣ „Санта-Марія". По ихъ словамъ, бунтовщики угрожали даже жизни Колумба. Они передаютъ еще, что взаимныя пререканія кончились соглашеніемъ, по которому Колумбу даны были еще только три дня для отсрочки, по истеченіи которыхъ, если земля не покажется, флотъ долженъ возвратиться въ Европу. Можно утверждать, что всѣ эти разсказы — не болѣе, какъ сказки, обязанныя своимъ происхожденіемъ свободному воображенію. По крайней мѣрѣ въ запискахъ самого Колумба нѣтъ и намека на что-либо подобное. Но мы думаемъ, что должны отмѣтить все, касающееся геніаль-

наго мореплавателя, такъ какъ небольшая примѣсь легенды не приличествуетъ граціозной фигурѣ Христофора Колумба.

Во всякомъ случаѣ, нужно согласиться, что ропотъ на корабляхъ дѣйствительно былъ, но возбужденное слово адмирала, его энергія передъ лицомъ неизвѣстности увлекала за собою экипажъ.

11-го октября адмиралъ замѣтилъ на волнахъ зеленую вѣтку. Экипажъ „Пинты" въ то же время выловилъ другую вѣтку, дощечку и небольшую палку, которая, какъ казалось, была обработана желѣзнымъ инструментомъ. На этихъ-то предметахъ былъ очевиденъ слѣдъ человѣческой руки. Люди съ корабля „Нина" почти въ то же время замѣтили плавающую вѣтку терновника еще въ цвѣту. Наступила всеобщая радость,—близость берега не представляла сомнѣнія.

Спустившаяся ночь покрыла море мракомъ. „Пинта", самый легкій корабль изъ всей флотиліи, держалась впереди. Христофоръ Колумбъ и Родриго Сенхецъ, контролеръ экспедиціи, всматривались въ горизонтъ. Имъ казалось, что какіе-то огни то вспыхиваютъ, то погасаютъ на горизонтѣ. Вдругъ съ „Пинты" раздался голосъ матроса Родриго: „Земля! земля!"

Что долженъ былъ въ эту минуту чувствовать Христофоръ Колумбъ? Кажется никто, со времени существованія человѣческаго рода, не испытывалъ такого душевнаго волненія, какое испытывалъ въ эту минуту великій мореплаватель! Не слѣдуетъ ли думать, что глазъ, усмотрѣвшій первымъ новый континентъ, былъ глазъ адмирала? Но что за дѣло: слава Колумба не въ томъ, что онъ пріѣхалъ, а въ томъ, что онъ выѣхалъ.

Въ два часа ночи земля была ясно видна. Корабли находились отъ берега всего въ двухъ часахъ плаванія. Весь экипажъ запѣлъ взволнованнымъ голосомъ „Salve Regina".

Вмѣстѣ съ первыми лучами солнца обнаружился маленькій островокъ въ двухъ миляхъ подъ вѣтромъ. Этотъ островъ принадлежалъ къ Богамской группѣ. Колумбъ далъ ему имя Санъ-Сальвадора и тотчасъ, ставъ на колѣна, повторилъ слова св. Амвросія и св. Августина: „Te Deum laudamus, Te Dominum confitemur".

Нѣсколько туземцевъ, совершенно нагіе, показались на новомъ берегу. Христофоръ Колумбъ, въ обществѣ Алонзо и Янеца Пинсоновъ, контролера Родриго, секретаря Десковедо и еще нѣкоторыхъ другихъ, сѣлъ въ шлюпку. Онъ вышелъ на берегъ, держа

въ рукѣ королевское знамя, въ то время какъ два капитана несли знамя зеленаго креста, вокругъ котораго переплетались вензеля Фердинанда и Изабеллы. Затѣмъ адмиралъ именемъ короля и королевы Испаніи вступилъ торжественно во владѣніе островомъ.

Во время этой церемоніи туземцы окружили Колумба и его спутниковъ. Вотъ какъ передаетъ Шартонъ эту сцену по запискамъ самого Колумба:

„Желая имъ (туземцамъ) внушить дружественныя чувства къ намъ и убѣжденный, глядя на нихъ, что они скорѣе довѣрятся намъ и охотнѣе согласятся принять нашу святую вѣру, если мы обратимся къ нимъ съ кротостью, а не съ силой, я велѣлъ раздать нѣкоторымъ изъ нихъ цвѣтные колпаки и стеклянныя бусы, которыми они поспѣшили украсить свои шеи. Я подарилъ имъ еще нѣкоторыя бездѣлушки; они выказали такую искреннюю радость и столько благодарности, что мы были поражены. Когда мы отъѣхали на шлюпкѣ, они пустились къ намъ вплавь и предлагали намъ попугаевъ, клубки хлопчатыхъ нитей, копій и много другихъ вещей; взамѣнъ мы дали имъ стеклянныя бусы, бубенчики и другіе предметы. Они намъ предлагали все, что имѣли. Они мнѣ показались очень бѣдными. Мужчины и женщины ходятъ совершенно нагіе, какъ мать на свѣтъ родила. Между всѣми, которыхъ я видѣлъ, одна женщина была еще довольно молода и ни одному изъ мужчинъ не было болѣе тридцати лѣтъ. Они хорошо сложены и пріятны наружностью. Ихъ волосы, грубые какъ конскій волосъ, падали спереди до бровей и опускались назадъ длинными прядями, которыхъ они никогда не стригутъ. Нѣкоторые изъ нихъ красятся черноватой краской, но природный цвѣтъ ихъ тѣла такой же, какой у жителей Канарскихъ острововъ. Они не бѣлы, не черны. Нѣкоторые красятся бѣлой краской, другіе красной и всякой другой; одни красятъ все тѣло, другіе только глаза, или одинъ только носъ. У нихъ нѣтъ никакого оружія и они даже не знаютъ, что это такое. Когда я имъ показывалъ сабли, они брались за остріе и обрѣзали себѣ пальцы. Копья ихъ — это простыя палки и на остріѣ ихъ нѣтъ желѣза, а вмѣсто него прикрѣпленъ рыбій зубъ, или какое-нибудь другое твердое тѣло. Въ движеніяхъ они граціозны. Такъ какъ я замѣтилъ, что у многихъ изъ нихъ были на тѣлѣ рубцы, то я спросилъ ихъ знаками, что это значитъ? Они отвѣтили мнѣ

также знаками, что жители сосѣднихъ острововъ нападали на нихъ, и что они защищались. Я думалъ и продолжаю думать, что съ материка приходятъ сюда люди, которые ихъ захватываютъ въ плѣнъ и обращаютъ въ рабовъ; они, должно быть, очень вѣрные и кроткіе слуги. Они легко и скоро повторяютъ то, что слышатъ. Я увѣренъ, что они охотно обратились бы въ христіанство, такъ какъ, повидимому, не принадлежатъ ни къ какой сектѣ“.

Нѣкоторые туземцы провожали вплавь лодку Колумба до самаго корабля. На слѣдующее утро, 13-го октября, туземцы окружили толпою каравеллы. Они пріѣхали на своихъ большихъ байдарахъ, выдолбленныхъ изъ древесныхъ стволовъ и вмѣщающихъ въ себѣ до сорока человѣкъ. Управляли они этими байдарами весломъ, напоминающимъ лопатку, которою мѣсятъ тѣсто. Многіе изъ дикарей были украшены золотыми пластинками, продѣтыми черезъ носы. Казалось, что всѣ они взволнованы прибытіемъ чужеземцевъ, корабли которыхъ свалились точно съ неба. Они подходили къ испанцамъ и притрогивались съ большимъ удивленіемъ до ихъ одеждъ, принимая послѣднія за какое-то особенное природное опереніе. Съ особеннымъ любопытствомъ занялись они алымъ платьемъ Колумба. Очевидно, они его принимали за какого-то попугая высшей породы. Впрочемъ, они сообразили, что онъ начальникъ всѣхъ прибывшихъ чужеземцевъ.

Христофоръ Колумбъ съ нѣкоторыми своими спутниками отправился осмотрѣть островъ Санъ-Сальвадоръ. Они не переставали любоваться его прекраснымъ мѣстоположеніемъ, его великолѣпными тѣнями, его быстрыми потоками, его зеленѣющими лугами. Фауна была не разнообразна. Попугаи съ разноцвѣтными перьями перелетали съ дерева на дерево и составляли единственныхъ пернатыхъ существъ этого острова. Поверхность Санъ-Сальвадора представлялась плоскогоріемъ безъ значительныхъ неровностей; посреди острова находилось небольшое озеро, но нигдѣ ни одна гора не разнообразила мѣстности. Между тѣмъ на Санъ-Сальвадорѣ должны бы были находиться золотоносныя руды, такъ какъ жители носили украшенія изъ золота. Но извлекался ли этотъ драгоцѣнный металлъ изъ нѣдръ острова?

Адмиралъ сталъ разспрашивать одного изъ туземцевъ, и онъ помощью знаковъ ему объяснилъ, что, обогнувъ островъ и плывя къ югу, онъ попадетъ въ страну, король которой владѣетъ боль-

шими золотыми вазами и огромными богатствами. На другой день на разсвѣтѣ адмиралъ отдалъ приказъ сняться съ якоря и направился къ указанному континенту, который, по его мнѣнію, могъ быть только Ципанго.

Нужно сдѣлать важное замѣчаніе, которое вытекаетъ какъ результатъ географическихъ свѣдѣній того времени. Колумбъ не сомнѣвался, что земля, къ которой онъ пріѣхалъ, есть земля Азіи. Ципанго—это имя, которое Марко Поло даетъ Японіи. Надо говорить очень много, чтобы эта ошибка Колумба, раздѣляемая всѣми его спутниками, стала вполнѣ понятной. Здѣсь только интересно, что ошибка эта произошла и, какъ мы уже сказали, Колумбъ, послѣ четырехкратнаго путешествія на острова, умеръ, не подозрѣвая, что открылъ новую землю.

Нѣтъ сомнѣнія, что экипажъ Колумба и Колумбъ самъ были вполнѣ увѣрены въ ночь на 12-го октября 1492 года, что они приплыли къ Японіи, или къ Китаю, или къ Индіи. Это обстоятельство объясняется, почему Америка долгое время носила названіе Западной Индіи и почему туземцы этого материка извѣстны до сихъ поръ въ Бразиліи, въ Мексикѣ и Соединенныхъ Штатахъ подъ общимъ именемъ „индѣйцевъ“.

Христофоръ Колумбъ мечталъ лишь о томъ, чтобы достигнуть береговъ Японіи. Онъ направился вдоль береговъ Санъ-Сальвадора, чтобы изслѣдовать его западную сторону. Встрѣтившіеся на берегу туземцы предлагали адмиралу воду и кассову,—особый родъ хлѣба, приготовляемый изъ корней юкка. Колумбъ неоднократно высаживался на различныхъ мѣстахъ берега и, нужно сознаться, что въ ущербъ человѣческому чувству онъ захватилъ нѣсколько индѣйцевъ съ намѣреніемъ отвезти ихъ въ Испанію. Несчастные! Ихъ оторвали отъ ихъ родины, вскорѣ не замедлятъ продавать ихъ въ рабство! Наконецъ, корабли, удаляясь отъ Санъ-Сальвадора все дальше и дальше, пустились въ открытый океанъ.

Счастье благопріятствовало Колумбу; оно привело его къ одному изъ прекраснѣйшихъ архипелаговъ въ мірѣ. Всѣ новыя земли, которыя онъ открывалъ, представляли собою какъ бы ящикъ драгоцѣнностей, изъ котораго онъ могъ черпать полною горстью.

15-го октября, при заходѣ солнца, флотилія бросила якорь у западной оконечности другого острова, который былъ названъ островомъ Зачатія. Онъ находился отъ Санъ-Сальвадора всего на разстояніи пяти лье. На другой день адмиралъ на лодкахъ, во-

оруженныхъ и готовыхъ къ неожиданностямъ, присталъ къ берегу. Туземцы, принадлежащіе къ той же расѣ, какъ и жители Санъ-Сальвадора, оказали испанцамъ очень дружественный пріемъ. Но поднялся юго-восточный вѣтеръ. Колумбъ собралъ флотилію и, подвинувшись еще на девять лье на западъ, открылъ третій островъ, которому далъ имя Фернандины, нынѣшняя Большая Экзума.

Всю ночь они пролежали въ дрейфѣ, а на утро, 17-го октября, большія байдары подошли къ кораблямъ. Отношенія съ туземцами были самыя дружественныя. Дикіе предлагали фрукты и клубки нитей за бусы, иглы, которыя ихъ очень занимали, и за патоку, къ которой они оказались большими лакомками. Туземцы острова Фернандины были не такъ наги, какъ жители Санъ-Сальвадора, и оказались цивилизованнѣе своихъ сосѣдей; они жили въ домахъ, снабженныхъ высокими трубами; эти дома напоминали формою палатки и содержались очень опрятно внутри и снаружи. Западный берегъ острова, вырѣзанный глубокимъ полукругомъ, могъ бы представить собою широкую и прекрасную гавань для сотни кораблей.

Островъ Фернандины, однако, не обнаружилъ испанцамъ тѣхъ богатствъ, которыхъ они такъ жаждали и которыя хотѣли перевезти въ Европу; никакихъ золотыхъ рудниковъ они здѣсь не нашли. Туземцы, принятые на бортъ кораблей, все говорили объ одномъ большомъ островѣ, который они называли Самоэто. Тамъ, говорили они, собираются во множествѣ драгоцѣнные металлы. Колумбъ поплылъ по указанному направленію. Въ пятницу ночью, 19 октября, онъ присталъ къ острову Самоэту, который онъ назвалъ Изабеллой и который извѣстенъ на современныхъ картахъ подъ именемъ „Длиннаго острова“ (Лонгъ).

По разсказамъ туземцевъ острова Санъ-Сальвадора, на этой землѣ долженъ былъ находиться король, могущество котораго велико, но адмиралъ тщетно ожидалъ его нѣсколько дней,—эта важная особа не показывалась. Островъ Изабелла своими чистыми озерами и прекрасными лѣсами представлялъ великолѣпный видъ. Испанцы любовались новыми видами флоры, зелень которыхъ ихъ поражала. Попугаи летали подъ вѣтвистыми деревьями безчисленными стаями, и большія черепахи, безъ сомнѣнія, игуаны, проворно скользили въ высокой травѣ. Обитатели острова, сперва испуганные и изумленные, разбѣжались, но вскорѣ приблизились опять и стали мѣнять продукты своей почвы.

Мысль о достиженіи Японіи, однако, не покидала Колумба. Такъ какъ туземцы говорили о существованіи на западѣ большого острова, который они называли Куба, то адмиралъ предположилъ, что этотъ островъ долженъ былъ составлять часть королевства Ципанго и не сомнѣвался, что въ скоромъ времени достигнетъ города Кинзау, иначе говоря, Ханъ-чу-фу, нѣкогда столицы Китая.

При первомъ попутномъ вѣтрѣ флотъ снялся съ якоря. Въ четвергъ, 25-го октября, они прошли мимо группы изъ семи или восьми острововъ, расположенныхъ уступами, вѣроятно, Мукара. Въ воскресенье показалась Куба. Корабли бросили якоря въ большой рѣкѣ, которой испанцы дали имя Санъ-Сальвадоръ. Послѣ небольшой стоянки, корабли опять поплыли на западъ и скоро вошли въ гавань, расположенную у устья большой рѣки, которая позднѣе была названа „Nuevitas del Principe".

Безчисленныя пальмовыя деревья росли на берегахъ острова; листья этихъ деревьевъ были такъ велики, что достаточно было одного изъ нихъ, чтобы покрыть хижину туземца. Дикари разбѣжались при приближеніи испанцевъ, которые нашли на берегу много идоловъ съ женскими изображеніями, ручныхъ птицъ, кости животнымъ, безгласныхъ собакъ и рыболовные снаряды. Жители Кубы были привлечены обыкновенными пріемами и вскорѣ стали обмѣниваться предметами съ испанцами.

Христофоръ Колумбъ не сомнѣвался, что теперь онъ на материкѣ и всего въ нѣсколькихъ лье отъ Ханъ-чу-фу. Онъ такъ въ это вѣрилъ, что даже занялся приготовленіемъ подарковъ великому хану Китая. Одинъ дворянинъ, находившійся на его кораблѣ, и еврей, владѣвшій еврейскимъ, арабскимъ и халдейскимъ языками, были назначены для посольства къ туземному монарху. Имъ было дано шесть дней для исполненія миссіи и они, запасшись всякими погремушками, отправились во внутреннія страны мнимаго материка.

Тѣмъ временемъ Колумбъ подвинулся почти на два лье по прекрасной рѣкѣ, протекавшей среди густыхъ благоухающихъ лѣсовъ. Жители вступали въ обмѣнъ съ испанцами и называли имъ какую-то мѣстность Богіо (Bohio), въ которой жемчугъ и золото имѣются въ изобиліи. Они еще прибавляли, что тамъ живутъ люди съ песьими головами, питающіеся человѣческимъ мясомъ.

Адмиральскіе послы вернулись въ гавань послѣ четырехднев-

наго отсутствія, 6-го ноября. Оказалось, что они, послѣ двухъ дней пути, наткнулись на селеніе изъ пятидесяти хижинъ, и тамъ они были приняты съ большими почестями. У нихъ цѣловали ноги и руки, ихъ принимали за боговъ, спустившихся прямо съ неба. Послы, передавая подробности о нравахъ встрѣтившихся имъ жителей, сообщили, что дикари курятъ табакъ изъ развѣтвленной трубки, при чемъ втягиваютъ въ себя дымъ помощью ноздрей; туземцы добывали огонь быстрымъ треніемъ другъ о друга двухъ кусковъ дерева. Въ жилищахъ, построенныхъ въ формѣ палатокъ, было сложено большое количество хлопка, а въ одномъ изъ такихъ жилищъ до одиннадцати тысячъ фунтовъ. Что касается хана, то они нигдѣ не встрѣтили даже его тѣни.

Отмѣтимъ ошибку, къ которой привело Колумба его заблужденіе. Эта ошибка, по словамъ Ирвинга, измѣнила весь рядъ его открытій. Колумбъ, считая себя на берегу Азіи, весьма естественно принималъ Кубу за часть континента. Вслѣдствіе этого ему не могло придти на мысль объѣхать этотъ островъ и онъ рѣшилъ вернуться на востокъ. Если-бы онъ здѣсь не ошибся, если-бы онъ продолжалъ слѣдовать по первоначальному направленію, то результаты его предпріятія были бы совсѣмъ не тѣ. Онъ или присталъ бы къ Флоридѣ въ Сѣверной Америкѣ, или пріѣхалъ бы непосредственно въ Мексику. И тогда, что бы онъ встрѣтилъ вмѣсто невѣжественныхъ и дикихъ туземцевъ? Онъ встрѣтилъ бы ацтековъ, жителей великой имперіи, жителей полуцивилизованнаго королевства Монтезумы. Тамъ онъ нашелъ бы города, армію, огромныя богатства, и роль Фердинанда Кортеца была бы тогда, безъ сомнѣнія, его ролью. Но не суждено было этому случиться. Адмиралъ, упорствуя въ своемъ заблужденіи, снялся съ якоря 12-го ноября 1492 года и повернулъ къ востоку.

Христофоръ Колумбъ лавировалъ въ виду береговъ Кубы; онъ обнаружилъ двѣ горы: Кристаллъ и Моа; изслѣдовалъ гавань, которую назвалъ „Puerto del Principe“ и архипелагъ, названный имъ: море „Nuestra Senora“. На многочисленныхъ островахъ этого архипелага блестѣли по ночамъ огоньки рыболововъ; жители острововъ питались пауками и большими червями. Неоднократно испанцы высаживались на различныхъ мѣстахъ береговъ и водворяли всюду кресты въ знакъ взятія во владѣніе.

Изъ разговоровъ съ туземцами испанцы узнали о существованіи какого-то острова Бабекъ, изобилующаго золотомъ. Адмиралъ

рѣшилъ туда отправиться. Мартинъ Алонзо Пинсонъ, командовавшій „Пинтой“, обогналъ на своемъ ходкомъ кораблѣ всю флотилію и 21-го ноября, на разсвѣтѣ, совершенно скрылся изъ виду. Этотъ поступокъ Пинсона наравнѣ съ подобными другими огорчилъ адмирала, и въ его запискахъ мы находимъ слѣдующія слова: „Пинсонъ мнѣ говорилъ и дѣлалъ еще и не такія вещи“. Колумбъ продолжалъ изслѣдованіе берега Кубы и открылъ бухту Моа, вершину Мангліи и вершину Веца, гавань Баракоа; но онъ нигдѣ не встрѣчалъ людоѣдовъ, хотя хижины туземцевъ были украшены человѣческими черепами, что очень восхищало дикарей, находящихся на кораблѣ.

На слѣдующій день открылась рѣка Бома. Корабли, обогнувъ оконечность Азулеса, очутились на восточной сторонѣ острова и изслѣдовали съ этой стороны берегъ на протяженіи ста двадцати пяти лье. Но Колумбъ, вмѣсто того, чтобы взять направленіе на югъ, удалился на востокъ и 5-го сентября онъ познакомился съ большимъ островомъ, который индѣйцы называли Богіо. Это—Гаити или Санъ-Доминго.

Вечеромъ „Нина“, по распоряженію адмирала, вошла въ гавань, которая была названа Портъ-Марія, нынѣшній портъ св. Николая, лежащій на юго-западной оконечности острова, около мыса того же имени.

На слѣдующій день испанцы прошли мимо множества мысовъ и мимо одного островка, названнаго островомъ Черепахъ. Какъ только показались корабли, индѣйцы обращались въ бѣгство на своихъ байдарахъ. Островъ, вдоль котораго они подвигались, продолжая плаваніе, оказался очень высокимъ, отчего и былъ названъ впослѣдствіи островомъ Гаити (возвышенный). Слѣдованіе по берегу продолжалось до бухты Москито. Птицы, порхавшія по прекраснымъ деревьямъ острова, его растительность, равнины, холмы—все это вызвало у адмирала воспоминаніе о видахъ Кастиліи и онъ далъ этому острову имя Испаньолы. Жители этого острова оказались очень боязливыми и недовѣрчивыми; нельзя было никакъ войти съ ними въ какія-нибудь сношенія: они убѣгали во внутрь страны. Однако, нѣсколькимъ матросамъ удалось захватить женщину, которую они привели на корабль. Она была молода и очень недурна собою. Адмиралъ далъ ей кольца, бусы и одежду, въ которой она очень нуждалась; одаривъ ее, онъ приказалъ свести ее на берегъ.

Такой примѣръ произвелъ на туземцевъ хорошее впечатлѣніе: матросы, въ числѣ девяти человѣкъ, хорошо вооруженные, отправились на другой день во внутрь страны, прошли четыре лье и были встрѣчены туземцами, оказавшими имъ хорошій пріемъ. Туземцы стали прибѣгать толпами и предлагали испанцамъ произведенія своей страны. Матросы возвратились въ восторгѣ отъ своей прогулки. Внутренность острова была богата хлопчатникомъ, алоэ, мастиковыми деревьями; тамъ протекала прекрасная рѣка, названная позднѣе рѣкою *Трирѣчья* (Trois-Rivières).

15-го сентября Колумбъ снялся съ якоря. Вѣтеръ отнесъ его къ острову Черепахъ. Протекавшая по этому острову судоходная рѣка и широкая долина такъ понравились Колумбу, что онъ назвалъ эту мѣстность „Райскою долиной". На другой день, лавируя посреди залива, онъ замѣтилъ индѣйца, ловко маневрировавшаго на маленькомъ челнокѣ, несмотря на свирѣпствовавшій вѣтеръ. Этотъ индѣецъ былъ приглашенъ на бортъ. Колумбъ осыпалъ его подарками и затѣмъ высадилъ его въ одной гавани острова Испаньолы, которой онъ далъ имя—гавани Мира (port de la Paix).

Такое благосклонное обращеніе собрало вокругъ адмирала всѣхъ индѣйцевъ и отнынѣ они стекались къ кораблямъ въ большомъ количествѣ. Ихъ король также явился. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, хорошо сложенный, сильный, нѣсколько полный. Онъ былъ такъ-же нагъ, какъ сопровождавшіе его мужчины и женщины, которые оказывали ему много почтенія, но безъ всякаго признака подобострастія. Колумбъ велѣлъ оказать ему почести, какъ начальнику, и, въ благодарность за такое обращеніе, король или, вѣрнѣе, кацикъ сообщилъ адмиралу, что провинціи на востокѣ изобилуютъ золотомъ.

На другой день другой кацикъ явился къ испанцамъ и предложилъ въ ихъ распоряженіе всѣ сокровища своей страны. Онъ присутствовалъ на праздникѣ св. Маріи, который Колумбъ велѣлъ отпраздновать на своемъ кораблѣ съ большою торжественностью, и ради него весь корабль былъ убранъ флагами. Кацикъ былъ приглашенъ къ столу адмирала. Отвѣдывая кушанья и напитки, онъ отсылалъ блюда и кубки своей свитѣ. У кацика было доброе лицо, и онъ старался быть вѣжливымъ. По окончаніи обѣда онъ предложилъ адмиралу нѣсколько тоненькихъ пластинокъ золота. Колумбъ подарилъ ему нѣсколько монетъ, на которыхъ были изображенія Фердинанда и Изабеллы. Онъ старался дать понять

туземцамъ, что это изображенія самыхъ могущественныхъ князей земли, и при этомъ приказалъ развернуть въ присутствіи туземнаго короля королевское знамя Кастиліи. Съ наступленіемъ ночи кацикъ удалился. Залпъ артиллеріи огласилъ воздухъ въ его честь.

На слѣдующій день, соорудивъ на берегу большой крестъ, испанцы покинули эту гостепріимную страну. Выйдя изъ залива, образованнаго островомъ Черепахи и островомъ Испаньолы, они открыли нѣсколько гаваней, мысовъ, губъ и рѣкъ, прошли мимо маленькаго острова св. Ѳомы и, наконецъ, вошли въ обширную гавань, безопасную и спокойную, спрятанную между островомъ и губою Акюла (d'Acul). Сюда велъ каналъ, окруженный высокими горами, покрытыми деревьями.

Адмиралъ неоднократно дѣлалъ высадки. Туземцы принимали ихъ за посланниковъ неба и просили ихъ остаться жить среди нихъ. Колумбъ не жалѣлъ для нихъ разныхъ бубенчиковъ, латунныхъ колецъ, стеклянныхъ бусъ и прочихъ игрушекъ, которыя они очень цѣнили. Одинъ кацикъ по имени Гуаканагари, властитель провинціи Маріенъ, прислалъ Колумбу поясъ съ изображеніемъ животнаго съ большими ушами; языкъ и носъ этого животнаго были сдѣланы изъ золота. На этомъ островѣ, вѣроятно, было золото, такъ какъ жители принесли его нѣкоторое количество. Обитатели этой части острова Испаньолы превосходили своихъ сосѣдей умомъ и красотою.

По мнѣнію Колумба, красная, черная и бѣлая краски, которыми мазались туземцы, служили имъ предохраненіемъ отъ солнечнаго удара. Жилища туземцевъ были очень красивы и хорошо построены. Когда Колумбъ разспрашивалъ ихъ о странѣ, въ которой добывается золото, туземцы указывали на востокъ, называя Цибао, и адмиралъ полагалъ, что это то же, что Ципанго въ Японіи.

Въ день Рождества произошло важное событіе съ кораблемъ адмирала. Это было первое несчастіе съ начала плаванія. Неискусный рулевой управлялъ „Санта-Маріей" во время плаванія изъ залива св. Ѳомы. При наступленіи ночи онъ попалъ въ теченіе, которое отбросило его къ скалѣ. Корабль получилъ ударъ и накренился своей кормой. Адмиралъ, разбуженный толчкомъ, выбѣжалъ на палубу. Онъ приказалъ бросить впередъ якорь, чтобы помощью его стянуть корабль. Лоцманъ и нѣсколько матросовъ, которымъ дано было это приказаніе, бросились въ шлюпку и, испуганные, пустились на всѣхъ парусахъ къ „Нинѣ". Между тѣмъ

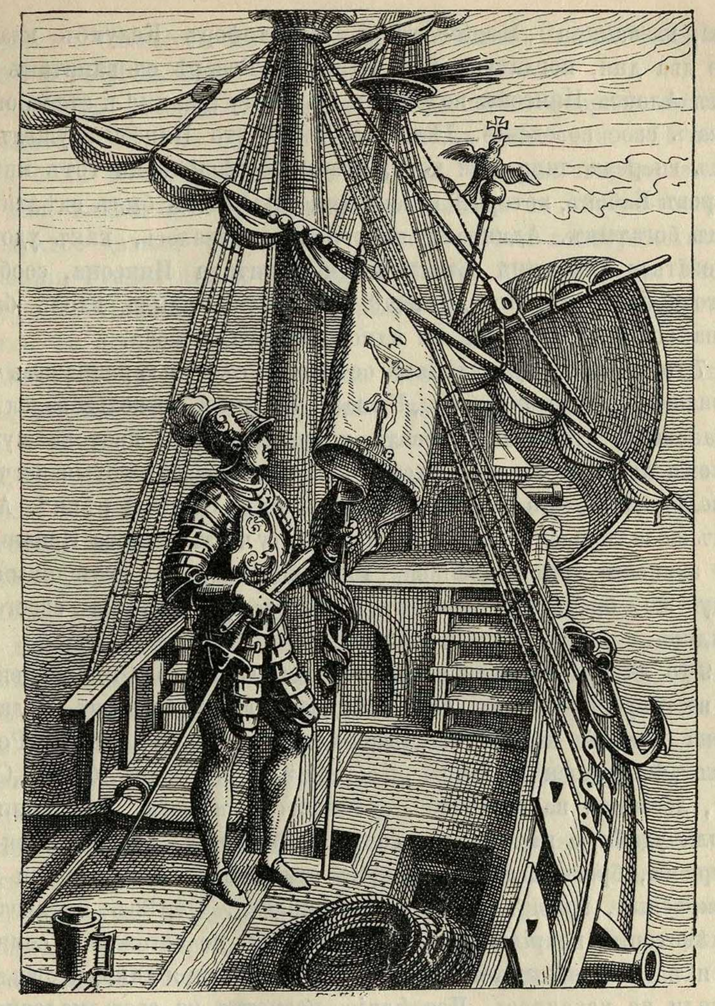
отливъ начинался. „Санта-Марія“ врѣзывалась въ мель все глубже и глубже. Пришлось отрубить мачты, чтобы облегчить корабль, а вскорѣ и весь экипажъ долженъ былъ перейти на другой корабль. Кацикъ Гуаканагари, понимая ужасное положеніе корабля, прибѣжалъ съ своими братьями, родными и со многими другими индѣйцами и помогъ разгрузить судно. Благодаря ихъ участію, ни одна вещь изъ клади не исчезла. Въ продолженіе всей ночи вооруженные индѣйцы составляли изъ себя хорошую стражу вокругъ складовъ провизіи.

На слѣдующій день Гуаканагари отправился на бортъ „Нины“ съ намѣреніемъ утѣшить адмирала. Онъ предложилъ всѣ свои богатства въ его распоряженіе. Въ это время онъ приглашалъ его къ ужину, состоящему изъ хлѣба, раковъ, рыбы, корней и фруктовъ. Колумбъ, умиленный такими выраженіями дружбы, рѣшилъ основаться на этомъ островѣ. Онъ успѣлъ расположить къ себѣ индѣйцевъ подарками и ласками, затѣмъ, желая имъ въ то же время показать свое могущество, приказалъ разрядить мушкетъ и фунтовую пушку, громъ которыхъ очень испугалъ этихъ бѣдныхъ людей.

26-го декабря испанцы приступили къ сооруженію крѣпости на этой части берега. Въ намѣренія адмирала входило оставить здѣсь нѣсколько человѣкъ съ запасами хлѣба, вина и зеренъ на годъ и при этомъ оставить имъ шлюпку „Санта-Маріи“. Работы пошли очень дѣятельно.

Въ этотъ день получились извѣстія о „Пинтѣ“, отдѣлившейся отъ флотиліи 21-го ноября. Она стояла, по словамъ туземцевъ, на якорѣ въ рѣкѣ одной изъ оконечностей острова; но лодка, посланная Гуаканагари, вернулась, не найдя „Пинты“. Колумбъ, не считая возможнымъ продолжать свои изслѣдованія при такихъ условіяхъ, принужденный оставаться при одномъ кораблѣ, такъ какъ „Санта-Марія“ не могла быть снята съ мели, рѣшилъ возвратиться въ Испанію и сталъ готовиться къ отъѣзду.

2-го января Колумбъ устроилъ для кацика маленькое примѣрное сраженіе, отъ котораго король и его подданные пришли въ большое изумленіе. Затѣмъ онъ выбралъ тридцать девять человѣкъ, которымъ назначилъ оставаться для охраненія крѣпости и поручилъ начальство надъ ними Родриго Эсковедо. Большая часть провизіи изъ Санта-Маріи была имъ оставлена и ея должно было хватить больше, чѣмъ на годъ. Между этими первыми поселенцами



Колумбъ на своемъ кораблѣ.

новой колонiи находился одинъ писецъ, одинъ полицейскiй, одинъ бочаръ, одинъ докторъ и одинъ портной. Оставшимся испанцамъ было поручено разыскивать золотые рудники и выбрать мѣсто для постройки города.

3-го января, послѣ трогательныхъ прощанiй съ кацикомъ и съ новыми поселенцами, „Нина“ снялась съ якоря и оставила гавань. Вскорѣ они открыли островокъ, на которомъ возвышалась высокая

гора, названная „Monte-Cristo“. Христофоръ Колумбъ плавалъ уже два дня, когда увидѣлъ „Пинту“. Вскорѣ ея капитанъ Мартинъ Алонзо Пинсонъ подошелъ къ борту „Нины“ и сталъ оправдывать свое поведеніе. Дѣло въ томъ, что Пинсонъ ушелъ отъ нихъ впередъ лишь для того, чтобы поспѣшить на тотъ мнимый островъ Бабекъ, который разсказами индѣйцевъ былъ сдѣланъ такимъ богатымъ. Адмиралу ничего не оставалось, какъ удовольствоваться наивными объясненіями капитана Пинсона, сообщившаго при этомъ, что „Пинта“ все время плыла вдоль берега Испаньолы, не открывъ ни одного новаго острова.

7-го января была сдѣлана остановка съ цѣлью исправить течь, происшедшую на кораблѣ „Нина“. Колумбъ воспользовался этой остановкой, чтобы изслѣдовать широкую рѣку, протекавшую въ одномъ лье отъ Монте-Кристо. Рѣка эта несла золотыя песчинки и вслѣдствіе этого Колумбъ далъ ей имя „Золотой рѣки“. Адмиралъ желалъ тщательнѣе изслѣдовать эту часть острова Испаньолы, но экипажъ, торопившійся возвращеніемъ и смущаемый къ тому же братьями Пинсонъ, началъ роптать на своего командира.

9-го января корабли снова снялись съ парусовъ и направились къ востоку-юго-востоку. Они слѣдовали вдоль береговъ и давали имена каждой извилинѣ: „Изабеллина вершина“, мысъ „Рока“, мысъ „Французскій“, мысъ „Кобронъ“ и, наконецъ, бухта „Самана“, лежащая на восточной оконечности острова. Тамъ они открыли удобную гавань, въ которой флотилія, задержанная безвѣтріемъ, бросила якорь. Сперва отношенія съ туземцами были прекрасныя, но они внезапно измѣнились. Обмѣнъ прекратился и нѣкоторыя непріятельскія демонстраціи не оставляли сомнѣнія въ ихъ враждебныхъ намѣреніяхъ. 13-го января дикіе неожиданно напали на испанцевъ. Послѣдніе, несмотря на свою малочисленность, выказали много храбрости и, послѣ нѣсколькихъ минутъ сраженія, обратили туземцевъ въ бѣгство. Въ первый разъ индѣйская кровь была пролита рукою европейцевъ.

На другой день Христофоръ Колумбъ захватилъ четырехъ индѣйцевъ и, не обращая вниманія на ихъ жалобы, увезъ съ собою. Экипажъ адмирала, раздраженный и утомленный, дѣлалъ ему много непріятностей, и въ запискахъ о своемъ путешествіи этотъ человѣкъ, превышавшій всѣ людскія слабости, котораго не могла пришибить судьба, на это горько жалуется. 16-го января

путешествіе началось безъ остановокъ и мысъ „Самана", крайняя оконечность Испаньолы, исчезъ на горизонтѣ.

Переѣздъ совершался быстро, и до 12-го февраля никакая случайность его не задерживала. Но въ этотъ день обѣ каравеллы были застигнуты страшной бурей, которая свирѣпствовала три дня, надвигаясь громаднѣйшими валами съ сѣверо-востока. Троекратно давали испуганные моряки обѣты пилигримства къ св. Маріи Гваделупской, Лоретской Божіей Матери и св. Кларѣ Могерской. Наконецъ, весь экипажъ далъ клятву отправиться босыми въ церковь Богоматери.

Между тѣмъ буря свирѣпѣла все больше и больше. Адмиралъ, ожидая гибели, поторопился написать на пергаментѣ отчетъ о своихъ открытіяхъ съ просьбою къ тому, кто ихъ найдетъ, доставить королю Испаніи. Задѣлавъ этотъ документъ въ клеенку и заключивъ его въ деревянный боченокъ, онъ бросилъ послѣдній въ море.

15-го февраля, при восходѣ солнца, буря стала утихать. Оба корабля, разъединенные ураганомъ, вновь соединились и черезъ три дня пристали къ одному изъ Азорскихъ острововъ, гдѣ Колумбъ тотчасъ же приступилъ къ исполненію обѣтовъ, сдѣланныхъ во время бури, для чего высадилъ половину людей на берегъ. Но люди были схвачены португальцами въ плѣнъ и только черезъ пять дней были отпущены по энергическому настоянію Колумба.

23-го февраля адмиралъ пустился въ море. Захваченный опять вѣтрами и бурей, онъ далъ вновь обѣтъ со всѣмъ экипажемъ поститься въ первую субботу по ихъ пріѣздѣ въ Испанію. Наконецъ, 4-го марта, его кормчіе достигли устья Таго, въ которомъ „Нина" могла укрыться, между тѣмъ какъ „Пинта" была отнесена вѣтромъ къ Бискайскому заливу.

Португальцы оказали адмиралу хорошій пріемъ. Король далъ ему аудіенцію. Колумбъ, однако, торопился въ Испанію. Какъ только погода позволила, „Нина" пустилась въ море, и 15-го марта, въ полдень, она входила въ гавань Палосъ, проплававши семь съ половиною мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ Колумбъ открылъ острова: Санъ-Сальвадоръ, островъ Зачатія, Большую Экзуму, Лонгъ, Мукара, Кубу и Санъ-Доминго.

Дворъ Фердинанда и Изабеллы находился тогда въ Барцелонѣ. Адмиралъ былъ туда потребованъ. Онъ тотчасъ уѣхалъ

съ индѣйцами, которыхъ привезъ изъ Новаго Свѣта. Онъ вызвалъ необычайный энтузіазмъ. Со всѣхъ сторонъ стекался народъ навстрѣчу великому мореплавателю и воздавалъ ему королевскія почести. Въѣздъ Христофора Колумба въ Барцелону былъ великолѣпенъ. Король, королева и гранды Испаніи встрѣтили его торжественно во дворцѣ депутацій. Тамъ онъ разсказалъ о своемъ удивительномъ путешествіи и показалъ образцы привезеннаго имъ золота. Все собраніе, ставъ на колѣна, пропѣло „Te Deum“.

Христофору Колумбу было дано дворянство жалованными грамотами и король даровалъ ему гербъ съ слѣдующимъ девизомъ: „A Castille et à Léon Colomb donne un nouveau monde“.

Имя генуэзскаго мореплавателя привѣтствовалось во всей Европѣ. Привезенные индѣйцы были окрещены въ присутствіи всего двора, человѣческій геній, остававшійся такъ долго въ неизвѣстности, засіялъ яркимъ свѣтомъ.

III.

Второе путешествіе: флотилія изъ семнадцати кораблей.—Островъ Ферро.—О. Доминикъ.—О. Мариталанте.—Гваделупа.—Людоѣды.—Монсерратъ.—Санта-Марія-Ротонда.—Острова св. Мартина и св. Креста.—Архипелагъ Одиннадцати тысячъ Дѣвъ.—Островъ Санъ-Жуанъ-Батиста или Порто-Рико.—Испаньола. — Первые поселенцы уничтожены.—Основаніе города Изабеллы.—Отправленіе въ Испанію двѣнадцати кораблей, нагруженныхъ богатствами.—Крѣпость св. Ѳомы, воздвигнутая въ провинціи Цибао.—Донъ-Діэго, братъ Колумба, назначается губернаторомъ острова.—Ямайка.—Берегъ Кубы.—Держиладья.—Возвращеніе въ Изабеллу.—Кацикъ становится плѣнникомъ.—Возмущеніе туземцевъ.—Голодъ.—Колумбъ оклеветанъ въ Испаніи.—Отъѣздъ комиссара Жана Агуадо въ Изабеллу.—Золотые рудники.—Отъѣздъ Колумба.—Прибытіе его въ Кадиксъ.

Разсказы о приключеніяхъ великаго генуэзскаго мореплавателя взволновали всѣ умы. Воображенію представлялись золотые материки, расположенные по ту сторону моря. Въ сердцахъ закипѣли страсти, порождаемыя корыстолюбіемъ и алчностью. Адмиралъ, поддаваясь силѣ общественнаго мнѣнія, не могъ не отдаться вновь морю послѣ короткаго промежутка. Впрочемъ, онъ и самъ торопился къ мѣсту своихъ открытій, въ надеждѣ обогатить карты новыми странами. Онъ былъ готовъ къ отъѣзду.

Король и королева дали въ его распоряженіе флотилію изъ трехъ большихъ кораблей и четырнадцати каравеллъ. Тысяча двѣсти человѣкъ были назначены для переѣзда. Нѣсколько благородныхъ кастильцевъ безъ колебаній довѣрились звѣздѣ Колумба и рѣшили попытать счастья за новыми морями. Лошади,

рогатый скотъ, всякаго рода орудія, назначавшіяся для разработыванія золота, разнообразныя зерна,—словомъ всѣ предметы, необходимые для образованія большой колоніи, наполняли трюмъ судовъ. Изъ десяти привезенныхъ въ Европу туземцевъ пятеро возвращались на родину, трое оставались больными на материкѣ, а двое умерло.

Христофоръ Колумбъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ съ неограниченною властью надъ всей эскадрой.

25-го сентября 1493 года семнадцать кораблей подняли паруса и, при рукоплесканіяхъ безчисленной толпы, вышли изъ Кадикса. 1-го октября они уже пристали къ острову Ферро, западной оконечности Канарскихъ острововъ. Послѣ двадцати-трехъ дневнаго плаванія при благопріятномъ вѣтрѣ и хорошей погодѣ Христофоръ Колумбъ усмотрѣлъ новыя земли.

3-го ноября, въ воскресенье всѣхъ Святыхъ, при восходѣ солнца, кормчій адмиральскаго корабля „Маригаланте“ вскричалъ: „Хорошія вѣсти! Земля!“

Это былъ лѣсистый островъ. Адмиралъ прошелъ мимо него и еще нѣсколькихъ разсѣянныхъ островковъ и скоро завидѣлъ другой большой островъ. Первому онъ далъ имя Доминикъ, второму Маригаланте; эти имена сохранились за ними понынѣ. На третій день плаванія испанцамъ открылся третій большой островъ. Въ запискахъ, составленныхъ Піерромъ Мартиромъ, современникомъ Колумба, говорится объ этомъ островѣ: „Когда они подъѣхали къ нему, они узнали, что это островъ отвратительныхъ людоѣдовъ или караибовъ, о которыхъ они слышали въ первое путешествіе“.

Испанцы, хорошо вооружившись, сошли на берегъ и увидѣли до тридцати деревянныхъ домовъ круглой формы, покрытыхъ пальмовыми листьями. Внутри хижинъ были привѣшены койки изъ хлопчатой бумаги. На площадкѣ возвышались деревья или столбы, и вокругъ нихъ были обвиты двѣ большія мертвыя змѣи. При приближеніи чужеземцевъ, дикари пустились со всѣхъ ногъ, бросивъ нѣсколькихъ плѣнниковъ, которыхъ они собирались пожрать. Матросы, обшарившіе ихъ жилища, нашли тамъ кости ногъ и рукъ, свѣжесрѣзанныя головы, покрытыя влажной кровью, и другіе человѣческіе органы, не представлявшіе никакого сомнѣнія въ родѣ пищи этихъ караибовъ.

Островъ былъ изслѣдованъ въ своей большей части съ своими

большими рѣками, и адмиралъ назвалъ его островомъ Гваделупы, вслѣдствіе сходства его съ одной провинціей въ Эстрамадурѣ. Нѣсколько женщинъ, захваченныхъ матросами, были спущены на берегъ. Колумбъ щедро одарилъ ихъ въ надеждѣ на то, что этотъ примѣръ хорошаго обращенія побудитъ явиться индѣйцевъ, но надежда эта не оправдалась.

8-го ноября адмиралъ далъ приказъ къ отъѣзду и поплылъ со всей своей эскадрой къ острову Испаньола или Сан-Доминго, гдѣ онъ оставилъ въ первое свое путешествіе тридцать девять человѣкъ. Поднявшись къ сѣверу, онъ открылъ большой островъ, который дикарями, взятыми отъ людоѣдовъ на корабль, назывался Маданино. Они утверждали, что этотъ островъ населенъ только женщинами, и такъ какъ въ сочиненіи Марко Поло упоминалось объ одной странѣ, заселенной исключительно женщинами, то Христофоръ Колумбъ имѣлъ полное основаніе думать, что плаваетъ вдоль береговъ Азіи. Адмиралъ очень желалъ изслѣдовать этотъ островъ, но противный вѣтеръ мѣшалъ пристать.

Въ десяти лье далѣе былъ открытъ еще одинъ островъ, окруженный высокими горами; онъ былъ названъ Монтиратъ. На другой и на третій день были открыты еще три острова, которымъ дали имена: Санта-Марія-Ротонда, св. Мартина и св. Креста.

Эскадра пристала къ острову св. Креста, чтобы запастись тамъ водою. Тамъ испанцамъ представилось тяжелое зрѣлище, описаніе котораго, по Піерру Мартиру, мы приведемъ: „Адмиралъ приказалъ тридцати человѣкамъ высадиться на берегъ и изслѣдовать островъ. Высадившіеся люди встрѣтили четырехъ собакъ, столько же молодыхъ людей и женщинъ; люди протягивали къ нимъ руки, какъ бы моля о помощи противъ жестокой породы. Людоѣды не замедлили, такъ же, какъ и на островѣ Гваделупы, убѣжать въ лѣса. Наши люди для обозрѣнія острова оставались на немъ два дня.

Пребывавшіе на кораблѣ замѣтили издали приближающуюся лодку съ восемью мужчинами и столькими же женщинами. Наши приглашали ихъ знаками. Приблизившись, какъ женщины, такъ и мужчины, стали пронзать нашихъ очень мѣтко и жестоко своими стрѣлами, прежде чѣмъ мы успѣли закрыться щитами; одинъ испанецъ былъ убитъ стрѣлою женщины и она же пронзила другою стрѣлой еще одного испанца.

У этихъ дикарей стрѣлы были отравлены на своихъ желѣз-

ныхъ концахъ; ими повелѣвала женщина, которую они очень слушались. Судя по догадкамъ, это была ихъ королева и за нею слѣдовалъ ея сынъ съ жестокимъ взглядомъ, сильный, съ осанкой льва.

Наши, предпочитая рукопашную и немедленную схватку—бою издалека, пустились въ погоню за индѣйцами и при этомъ такъ налегли на весла, что достигли туземцевъ, лодку которыхъ имъ удалось опрокинуть.

Но индѣйцы оказались очень хорошими пловцами и пустились вплавь, при чемъ какъ женщины, такъ и мужчины продолжали бросать въ насъ стрѣлы. Подвигаясь впередъ, они добрались до подводнаго утеса, взобравшись на который продолжали мужественно сражаться. Однако, они, наконецъ, были побѣждены, при чемъ одинъ изъ нихъ оказался убитымъ, а сынъ королевы раненъ въ двухъ мѣстахъ. Отведенные на корабль адмирала, плѣнные продолжали выражать своимъ видомъ столько свирѣпости и жестокости, что напоминали ливійскихъ львовъ, когда послѣдніе чувствуютъ себя захваченными въ тенета. Взглядъ ихъ былъ такъ мраченъ, гордъ и невыносимъ, что никто изъ насъ не могъ глядѣть на нихъ безъ содроганія".

Очевидно, борьба между европейцами и туземцами становилась серьезной. Христофоръ Колумбъ продолжалъ плаваніе къ сѣверу среди „безчисленныхъ и веселыхъ" острововъ, покрытыхъ лѣсами, надъ которыми господствовали всякихъ оттѣнковъ горы. Эта группа острововъ была названа архипелагомъ „Одиннадцати тысячъ дѣвъ". Вскорѣ показался островъ Санъ-Жуана-Батиста, нынѣшній островъ Порто-Рико. Страна была наводнена караибами, но тщательно обработана и полна прекрасныхъ лѣсовъ. Спустившіеся на берегъ матросы нашли тамъ только около двѣнадцати необитаемыхъ хижинъ. Адмиралъ вновь пустился въ море и продолжалъ плаваніе вдоль берега Порто-Рико на протяженіи пятидесяти лье.

Въ пятницу 12-го ноября Колумбъ присталъ, наконецъ, къ острову Испаньолы. Можно себѣ представить охватившее ихъ волненіе, когда они, приставъ къ мѣсту своихъ первыхъ открытій, напрасно всюду искали взглядами крѣпость, оставленную подъ прикрытіемъ своихъ товарищей. Что происходило въ продолженіе цѣлаго года съ европейцами, оставленными среди дикихъ племенъ? Большая лодка, въ которой сидѣлъ братъ кацика Гуа-

канагари, подошла къ „Marигаланте“, и туземецъ, приблизившись къ адмиралу, предложилъ ему два изображенія изъ золота.

Между тѣмъ Колумбъ продолжалъ высматривать крѣпость. Онъ стоялъ противъ мѣста, гдѣ крѣпость была сооружена, но не находилъ ея слѣдовъ. Крайне обезпокоенный судьбою своихъ товарищей, онъ высадился на берегъ. Онъ подвинулся къ самому мѣсту, и можно себѣ представить его оцѣпенѣніе, когда онъ нашелъ тамъ только пепелъ! Что сталось съ его соотечественниками? Не заплатили ли они своею жизнью за эту первую попытку колонизацій? Адмиралъ приказалъ разрядить всю артиллерію заразъ, чтобы возвѣстить о своемъ прибытіи на островъ Испаньолу на возможно далекое разстояніе, но ни одинъ изъ соотечественниковъ не появился.

Колумбъ пришелъ въ отчаяніе. Онъ отрядилъ пословъ къ кацику Гуаканагари. По своемъ возвращеніи они принесли очень печальныя извѣстія. Если вѣрить Гуаканагари, другіе кацики, раздраженные пребываніемъ на ихъ островѣ чужеземцевъ, напали на несчастныхъ поселенцевъ и уничтожили ихъ до послѣдняго. Гуаканагари былъ самъ будто бы раненъ, защищая ихъ и въ доказательство показывалъ свою ногу, обложенную хлопчатобумажной повязкой.

Христофоръ Колумбъ не придалъ посредничеству кацика никакой вѣры и на другой день, когда Гуаканагари прибылъ на его корабль, онъ принялъ его хорошо, нисколько не обнаруживая своего недовѣрія. Кацикъ принялъ образъ Пресвятой Дѣвы и повѣсилъ его себѣ на грудь. Онъ казался очень удивленнымъ при видѣ лошадей, которыхъ ему показали; эти животныя были неизвѣстны ему и его спутникамъ. Затѣмъ кацикъ возвратился на берегъ, достигъ горъ и больше его не видали.

Адмиралъ отправилъ триста человѣкъ, подъ командою одного изъ своихъ капитановъ, на берегъ, съ приказаніемъ обшарить всю страну и завладѣть кацикомъ. Пробираясь по внутренней странѣ, капитанъ нигдѣ не находилъ ни кацика, ни какихъ-нибудь слѣдовъ поселенцевъ. Во время своей экскурсіи онъ открылъ большую рѣку и очень удобную гавань, которую назвалъ Королевскимъ Портомъ.

Несмотря на неудачу первой попытки, Колумбъ все же рѣшилъ основать колонію на этомъ островѣ, представлявшимся ему богатымъ золотомъ и серебромъ. Туземцы безпрестанно говорили

о рудникахъ, лежащихъ въ провинціи Цибао. Два дворянина, Алонзо Гоеда и Карваланъ, уполномоченные провѣрить эти разсказы, уѣхали въ январѣ мѣсяцѣ съ многочисленнымъ конвоемъ; они открыли четыре рѣки съ золотоносными песками и привезли самородокъ золота въ девять унцій вѣса.

Адмиралъ, при видѣ этого золотого куска, былъ убѣжденъ, что островъ Испаньолы и есть тотъ знаменитый Офиръ, о которомъ говорится въ книгѣ Царей. Онъ сталъ искать мѣсто для основанія города и при устьѣ рѣки, въ десяти лье отъ Монте-Кристо, у гавани онъ положилъ основаніе Изабеллы. Въ день Епифаніи тринадцать священниковъ отслужили молебенъ въ присутствіи огромнаго числа туземцевъ.

Колумбъ пожелалъ послать извѣстія о колоніи королю Испаніи. Двѣнадцать кораблей, нагруженные золотомъ и различными произведеніями страны, были готовы къ отплытію въ Европу подъ начальствомъ капитана Торреса. Эта флотилія снялась съ якоря 2-го февраля 1494 года. Немного времени спустя, Колумбъ отправилъ еще одинъ изъ остававшихся у него пяти кораблей съ Бернардомъ де-Пизе, которымъ адмиралъ былъ очень недоволенъ.

Какъ только на Изабеллѣ былъ установленъ порядокъ, адмиралъ, оставивъ тамъ въ качествѣ губернатора своего брата Діего, отправился съ пятьюстами человѣкъ, желая самъ посѣтить рудники Цибао. Страна, которую проходилъ этотъ маленькій отрядъ, представляла собою замѣчательное плодородіе: овощи созрѣвали тамъ въ тринадцать дней, рожь, посѣянная въ февралѣ, созрѣвала прекрасно въ апрѣлѣ и давала двѣ жатвы въ годъ. Горы чередовались долинами; то и дѣло пускались въ ходъ кирки, чтобы прокладывать дороги черезъ эти дѣвственныя мѣста. Наконецъ, испанцы достигли провинціи Цибао. Тамъ, на косогорѣ, близъ большой рѣки, адмиралъ приступилъ къ сооруженію крѣпости изъ камня и дерева; онъ окружилъ ее широкимъ рвомъ и далъ ей названіе св. Ѳомы, въ насмѣшку надъ нѣкоторыми офицерами, не вѣрившими въ существованіе золотыхъ рудниковъ. Ихъ сомнѣніе было, однако, неосновательно. Со всѣхъ сторонъ туземцы приносили самородки и крупинки золота, которые охотно обмѣнивали на бусы и особенно на бубенчики, серебристый звукъ которыхъ возбуждалъ ихъ къ танцамъ. Эта страна была не только страною золота, но и страною благовонныхъ веществъ,

а деревья, производившія ихъ, составляли тамъ цѣлые лѣса. Испанцамъ оставалось только радоваться пріобрѣтенію такого богатаго острова.

Оставивъ въ крѣпости св. Ѳомы пятьдесятъ шесть человѣкъ подъ начальствомъ Педро де-Маргарита, Христофоръ Колумбъ въ началѣ апрѣля отправился обратно въ Изабеллу. Большіе дожди задерживали его на пути. При своемъ прибытіи онъ нашелъ новорожденную колонію въ страшномъ безпорядкѣ: въ мукѣ ощущался большой недостатокъ, такъ какъ не было мельницы. Солдаты и работники были истощены работой. Колумбъ попытался заставить дворянъ помочь имъ; но эти гордые гидальго, такъ жаждавшіе завоевать богатство, не хотѣли даже нагнуться, чтобы что-нибудь поднять, и наотрѣзъ отказались участвовать въ работахъ. Священники ихъ поддержали, и Колумбъ, вызванный на строгія мѣры, отрѣшилъ ихъ отъ обязанностей. Однако, адмиралъ не могъ долго оставаться въ Изабеллѣ. Онъ торопился открытіемъ новыхъ земель. Образовавъ совѣтъ изъ трехъ дворянъ и главнаго миссіонера подъ предсѣдательствомъ дона Діэго для управленія колоніей, самъ онъ 24-го апрѣля пустился въ плаваніе, чтобы довершить циклъ своихъ открытій.

Флотилія спустилась къ югу. Вскорѣ былъ открытъ новый островъ, который туземцы называли Ямайка. Особенность этого острова состояла въ горѣ, очень отлогой. Жители острова оказались изобрѣтателями и очень склонными къ механическому искусству, но немиролюбиваго характера. Нѣсколько разъ они пытались воспрепятствовать высадкѣ испанцевъ, но кончилось тѣмъ, что были отброшены и заключили съ адмираломъ мирный договоръ.

Изъ Ямайки Христофоръ Колумбъ продолжалъ свои изслѣдованія на западъ. Онъ полагалъ, что находился у страны, гдѣ древніе географы помѣщали Херсонесъ, эту страну золота. Сильныя теченія отбросили его къ острову Куба, берегъ котораго онъ изслѣдовалъ на протяженіи двухсотъ двадцати двухъ лье. Въ продолженіе этого опаснаго плаванія по отмелямъ и черезъ узкіе проходы, онъ окрестилъ болѣе семисотъ острововъ, обозрѣлъ большое число гаваней и входилъ въ частыя сношенія съ туземцами.

Въ маѣ мѣсяцѣ часовые на корабляхъ замѣтили большое число острововъ, покрытыхъ растительностью, плодоносныхъ и

населенныхъ. Колумбъ, приблизившись къ землѣ, проникъ въ рѣку, въ которой вода была такъ горяча, что никто не могъ опустить въ нее руку. Это, очевидно, преувеличенный фактъ, такъ какъ ни одно изъ послѣдующихъ изслѣдованій не подтвердило его. Рыболовы на этомъ берегу употребляли для своей ловли рыбу „держиладью“ (четоча), „которая исполняла въ этихъ случаяхъ обязанности охотничьей собаки“.

„Эта рыба была незнакомой формы. Тѣло у нея походило на большую иглу, и на задней части головы она имѣла очень подвижную кожу, способную, точно мѣшокъ, захватывать и удерживать рыбу. Они держатъ эту рыбу всегда на веревкѣ, привязанную къ одной изъ частей корабля и всегда въ водѣ, такъ какъ она не выноситъ „взгляда“ воздуха. Когда рыболовы замѣчаютъ большую рыбу или черепаху, превосходящую въ тѣхъ мѣстахъ своею величиною большіе щиты, тогда они ослабляютъ веревку. Почувствовавъ нѣкоторую свободу, рыба тотчасъ нападаетъ быстрѣе стрѣлы на добычу, будь это рыба или черепаха, бросаетъ ее сверхъ своей кожи мѣшкообразной формы и держитъ своимъ гребнемъ такъ крѣпко добычу, что нѣтъ возможности отъ нея вырвать ее. Тогда веревки притягиваются и собираются понемногу и рыба выбрасывается на берегъ. Какъ только она почувствуетъ воздухъ, она тотчасъ выбрасываетъ добычу. Рыболовы достаютъ выброшенную добычу, а охотничью рыбу вновь притягиваютъ веревкой на прежнее мѣсто, другою же веревкой подаютъ ей въ награду немного мяса изъ захваченной ею добычи“.

Изслѣдованіе береговъ было продолжено на западъ. Адмиралъ посѣтилъ различныя страны, изобилующія гусями, утками, цаплями и нѣмыми собаками, которыхъ индѣйцы ѣли какъ козъ. Вѣроятно, эти собаки были не что иное, какъ еноты. Фарватеръ, однако, становился все мельче, и корабли подвигались съ трудомъ. Адмиралъ, однако, не желалъ отдаляться отъ этихъ береговъ, изслѣдованіе которыхъ его очень интересовало. Однажды ему показалось, что онъ видитъ на берегу людей въ бѣломъ одѣяніи, которыхъ онъ принялъ за братьевъ ордена св. Маріи Мерчедской. На берегъ были спущены матросы, чтобы поговорить съ ними. Однако это было не болѣе, какъ оптическій обманъ: мнимые монахи оказались большими тропическими цаплями, которымъ разстояніе придало человѣческій образъ.

Въ первыхъ числахъ іюня Колумбъ принужденъ былъ сдѣлать остановку, чтобы починить корабли, подводныя части которыхъ были очень повреждены мелководьемъ береговъ. 7-го того же мѣсяца, по его распоряженію, была отслужена на берегу торжественная обѣдня. Во время службы пришелъ старый касикъ и, по окончаніи церемоніи, преподнесъ адмиралу нѣсколько фруктовъ. Затѣмъ этотъ туземный властитель произнесъ нѣсколько словъ, которыя переводчики перевели такъ:

„Намъ передали, какимъ образомъ ты наложилъ свою власть на земли, прежде тебѣ неизвѣстныя, и о томъ, что твое присутствіе вызвало въ жителяхъ много страха. Я долженъ тебя предупредить, что для души, когда она отдѣляется отъ тѣла, открыты двѣ дороги: одна, исполненная мрака и печали, предопредѣлена для тѣхъ, кто причиняетъ людямъ страданія и зло; другая — свѣтлая и радостная — открыта для тѣхъ, кто могъ при жизни уважать миръ и спокойствіе людей. И такъ, если ты будешь помнить, что ты смертенъ, и что для тебя наступитъ воздаяніе по дѣламъ твоимъ, то ты не будешь никому дѣлать притѣсненій".

Какой философъ древнихъ или новыхъ временъ сказалъ что-нибудь лучшее и болѣе здравымъ языкомъ? Вся человѣческая сторона христіанства выразилась въ этихъ прекрасныхъ словахъ, и они исходили изъ устъ дикаря! Колумбъ и касикъ разстались въ восторгѣ другъ отъ друга и болѣе удивленнымъ изъ двухъ остался, вѣроятно, не старый туземецъ.

Все это племя, казалось, жило по совѣтамъ и великолѣпнымъ правиламъ, указаннымъ ихъ начальникомъ. Земля у этихъ дикарей была, такъ-же какъ солнце, воздухъ и вода, общая. Мое и твое — эта причина всякихъ раздоровъ — не существовали среди ихъ правилъ, и они умѣли довольствоваться малымъ. „У нихъ золотой вѣкъ,—говорится въ запискахъ,—они не окружаютъ рвами, не строютъ заборовъ вокругъ своихъ владѣній; сады у нихъ открыты; нѣтъ ни законовъ, ни книгъ, ни судей; справедливые по своей природѣ, они считаютъ дурнымъ и несправедливымъ того, кому доставляетъ удовольствіе причинять обиды другимъ".

Покинувъ островъ Кубу, Христофоръ Колумбъ возвратился къ Ямайкѣ. Онъ изслѣдовалъ здѣсь берегъ до крайней оконечности на востокѣ. Онъ намѣревался напасть на острова караибовъ и уничтожить это отвратительное отродье. Но вслѣдствіе по-

стоянныхъ трудовъ и отсутствія сна адмиралъ заболѣлъ и принужденъ былъ отложить свое намѣреніе. Онъ возвратился въ Изабеллу и тамъ, пользуясь хорошимъ воздухомъ и отдыхомъ, окруженный заботами брата и другихъ друзей, скоро поправился.

Впрочемъ, колонія настоятельно требовала его присутствія. Губернаторъ гавани св. Ѳомы ожесточилъ туземцевъ своими жестокими поборами. Донъ Діэго, братъ Христофора Колумба, старался его предостеречь, но не имѣлъ успѣха. Губернаторъ, во время отсутствія Колумба, явился въ Изабеллу и отплылъ оттуда въ Испанію на одномъ изъ кораблей, привезшихъ передъ этимъ на островъ Бартоломея второго брата адмирала.

Колумбъ, поправивъ свое здоровье, не рѣшился, однако, подрывать довѣріе къ власти, которою онъ облекъ своихъ представителей, и вслѣдствіе этого рѣшилъ наказать кацика, возмутившагося противъ губернатора гавани св. Ѳомы. Онъ началъ съ того, что послалъ девять хорошо вооруженныхъ людей захватить грознаго кацика, который назывался Каонабо. Начальникъ отряда, Гоеда, съ неустрашимостью, которую онъ впослѣдствіи проявлялъ неоднократно, успѣлъ захватить кацика въ средѣ его подданныхъ и привелъ плѣнника въ Изабеллу. Колумбъ отправилъ этого туземца въ Европу; но корабль, на которомъ онъ былъ помѣщенъ, погибъ и съ тѣхъ поръ о немъ больше никогда не было слышно.

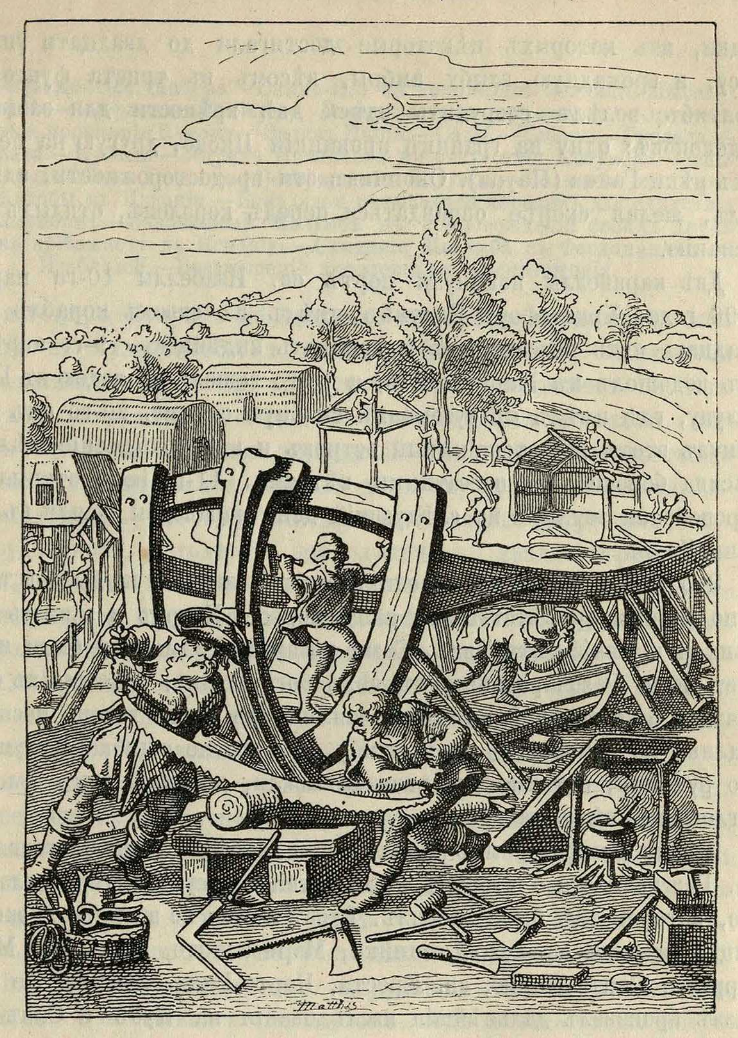
Тѣмъ временемъ Антуанъ-де-Торессъ, посланный королемъ и королевой, чтобы привѣтствовать Колумба, прибылъ въ Санъ-Доминго съ четырьмя кораблями. Фердинандъ выражалъ свое удовольствіе по поводу успѣховъ адмирала и желалъ установить ежемѣсячныя сношенія между Испаніей и островомъ Испаньолой.

Между тѣмъ похищеніе Каонабо вызвало общее возстаніе туземцевъ. Они хотѣли отомстить за своего начальника, такъ жестоко оскорбленнаго и несправедливо сосланнаго. Только одинъ кацикъ, Гуаканагари, несмотря на свое участіе въ избіеніи первыхъ поселенцевъ, остался вѣренъ испанцамъ. Христофоръ Колумбъ, въ сопровожденіи своего брата Бартоломея и кацика, двинулся противъ мятежниковъ. Онъ скоро встрѣтилъ армію туземцевъ, число которыхъ, очевидно преувеличенное, доходило до ста тысячъ человѣкъ. Какъ-бы то ни было, туземная армія была разбита и обращена въ бѣгство отрядомъ, состоящимъ изъ двухсотъ пѣхотинцевъ, двадцати пяти собакъ и двадцати пяти всадниковъ. Эта побѣда возстановила, повидимому, власть адмирала.

Побѣжденные были обложены данью. Индѣйцы, жившіе по сосѣдству съ рудниками, должны были черезъ каждые три мѣсяца выплачивать небольшую мѣру золота, а болѣе отдаленные—двадцать пять фунтовъ хлопка. Но возмущеніе было только подавлено, но не уничтожено. По призыву женщины, Анакаоны, жены Каонабо, туземцы возстали во второй разъ; имъ удалось привлечь на свою сторону Гуаканагари, остававшагося до тѣхъ поръ вѣрнымъ Колумбу; они опустошили маисовыя поля и всѣ плантаціи, послѣ чего бросились въ горы. Испанцы увидѣли себя осужденными на всѣ ужасы голода и бросились на туземцевъ съ страшною ненавистью. Утверждаютъ, что треть туземнаго населенія погибла отъ голода, болѣзней и оружія европейцевъ. Несчастные индѣйцы дорого заплатили за свое знакомство съ европейскими завоевателями.

Между тѣмъ судьба перестала благопріятствовать Колумбу. Въ то время, какъ власть его все болѣе и болѣе умалялась на островѣ Испаньолѣ, въ Испаніи испытывало рѣзкія нападки его имя и достоинство. Онъ самъ не былъ тамъ, чтобы защитить себя, а офицеры, которыхъ онъ посылалъ въ отечество, громко обвиняли его въ несправедливости и жестокости; они не удерживались отъ намековъ на то, что адмиралъ стремится сдѣлаться независимымъ королемъ. Фердинандъ, подъ вліяніемъ этихъ недостойныхъ толковъ, назначилъ комиссара, которому вмѣнено было въ обязанность провѣрить преступность возводимыхъ на Колумба клеветъ, съ каковою цѣлью комиссаръ и отправился въ Западную Индію. Выборъ этого дворянина, облеченнаго довѣріемъ, не былъ особенно удаченъ. Жанъ-Агуадо оказался пристрастнымъ и предубѣжденнымъ человѣкомъ. Пріѣхавъ въ октябрѣ мѣсяцѣ въ портъ Испаньолу, во время отсутствія Колумба, занятаго изслѣдованіями, онъ началъ съ того, что отнесся съ чрезвычайнымъ высокомѣріемъ къ брату адмирала; донъ Діэго, опираясь на свой титулъ главнаго губернатора, отказался подчиниться королевскому комиссару.

Жанъ-Агуадо, запасшись очень неполными свѣдѣніями, собирался уже возвратиться въ Испанію, когда страшный ураганъ поглотилъ въ портѣ корабли, на которыхъ онъ пріѣхалъ. На островѣ Испаньолѣ оставались всего двѣ каравеллы. Христофоръ Колумбъ, вернувшійся въ колонію, съ величіемъ души, какое не цѣнится по достоинству, предложилъ одинъ корабль въ распоря-



Постройка каравеллы. Fac-simile съ древней гравюры...

женіе королевскаго комиссара съ условіемъ, что самъ онъ поѣдетъ на другомъ, чтобы оправдаться передъ королемъ.

Съ этимъ временемъ совпало открытіе новаго золотого рудника. Адмиралъ отложилъ свой отъѣздъ. Алчность сумѣла положить конецъ всѣмъ пререканіямъ. Не было больше рѣчи ни о королѣ Испаніи, ни о слѣдствіи, имъ снаряженномъ. Офицеры устремились на новыя золотоносныя земли; они нашли тамъ золотые само-

родки, изъ которыхъ нѣкоторые достигали до двадцати унцій вѣсу, и громадную глыбу амбры, вѣсомъ въ триста фунтовъ. Колумбъ велѣлъ соорудить здѣсь двѣ крѣпости для защиты рудокоповъ: одну на границѣ провинціи Цибао, другую на берегахъ рѣки Гаина (Наупа). Окончивъ эти предосторожности, адмиралъ, желая скорѣе оправдаться передъ королемъ, отплылъ въ Испанію.

Двѣ каравеллы покинули портъ св. Изабеллы 10-го марта 1496 года. Христофоръ Колумбъ имѣлъ на своемъ кораблѣ сто двадцать пять пассажировъ и тридцать индѣйцевъ. 9-го апрѣля онъ подошелъ къ Маригаланте, а 10-го зашелъ за водою въ Гваделупу, гдѣ имѣлъ съ туземцами сильную стычку. 20-го онъ покинулъ этотъ негостепріимный островъ и въ продолженіе цѣлаго мѣсяца боролся съ пассатными вѣтрами. 11-го іюня открылась европейская земля, и на слѣдующій день каравеллы вошли въ гавань Кадикса.

Это второе возвращеніе великаго мореплавателя не было встрѣчено такими привѣтствіями, какъ первое. Холодъ и зависть замѣнили прежній энтузіазмъ. Сами товарищи адмирала были противъ него. Разочарованные въ тѣхъ богатствахъ, о которыхъ они мечтали при отъѣздѣ на новыя земли, они были теперь несправедливы по отношенію къ Колумбу. Но это не ошибка Колумба, что рудники, которые они разрабатывали, до сихъ поръ больше поглощали, чѣмъ давали.

Все-же адмиралъ былъ принятъ при дворѣ довольно благосклонно. Разсказъ его о второмъ путешествіи вернулъ ему расположеніе, которое онъ было утерялъ. Развѣ не онъ во время этой экспедиціи открылъ острова Доминика, Маригаланте, Гваделупу, Монсерратъ, Санта-Марію, св. Креста, Порто-Рико, Ямайку? Не онъ развѣ произвелъ дальнѣйшія изслѣдованія на Кубѣ и Санъ-Доминго? Колумбъ съ успѣхомъ разбилъ всѣхъ своихъ противниковъ и даже въ заключеніе подшутилъ надъ ними. Тѣмъ, которые отрицали достоинство его открытій, онъ предложилъ поставить яйцо на одну изъ его оконечностей, и такъ какъ никто изъ нихъ не нашелся, то адмиралъ разбилъ яйцо и поставилъ его разбитымъ концомъ.

— Вы не догадались этого сдѣлать,—сказалъ онъ,—а между тѣмъ, въ этомъ все!

IV.

Третье путешествіе: Мадера.—Сантъ-Яго на архипелагѣ Зеленаго Мыса.—Тринидатъ.—Американскій берегъ Венецуэла—по ту сторону Ориноко, нынѣшняя провинція Кумана,—Заливъ Паріа.—Сады.—Табаго.—Гренада.—Маргарита.—Кубага.—Островъ Испаньола въ отсутствіи Колумба.—Основаніе города Санъ-Доминго.—Возвращеніе Колумба.—Волненія въ колоніи.—Жалобы въ Испаніи.—Бовадилья посылается королемъ для слѣдствія надъ Колумбомъ.—Закованный Колумбъ въ сопровожденіи своихъ двухъ братьевъ пріѣзжаетъ въ Испанію.—Свиданіе Колумба съ Фердинандомъ и Изабеллой.—Возвращеніе королевскаго расположенія.

Христофоръ Колумбъ не оставилъ намѣренія продолжить свои открытія въ Атлантическомъ океанѣ. Ни усталость, ни людская несправедливость не могли его остановить. Уничтоживъ не безъ труда всѣ затрудненія, созданныя его недоброжелателями, ему удалось снарядить третью экспедицію подъ покровительствомъ испанскаго правительства. Король далъ ему восемь кораблей, сорокъ всадниковъ, сто пѣхотинцевъ, шестьдесятъ матросовъ, двадцать рудокоповъ, пятьдесятъ земледѣльцевъ, двадцать ремесленниковъ, тридцать женщинъ, докторовъ и даже музыкантовъ. Адмиралъ испросилъ, кромѣ того, чтобы всѣ наказанія, примѣняемыя въ королевствѣ, были замѣнены ссылкою на острова. Онъ предупредилъ такимъ образомъ англичанъ въ этой цѣлесообразной мысли—заселять новыя колоніи преступниками, которымъ давалась возможность возстановить работой честное имя.

Христофоръ Колумбъ снялся съ якоря 30-го мая 1498 года. Онъ все еще былъ боленъ отъ непріятностей, которыя испыталъ со времени своего возвращенія, а къ этому примѣшивались и страданія, причиняемыя ревматизмомъ. Еще до своего отъѣзда онъ узналъ, что въ открытомъ морѣ у мыса св. Винцента поджидаетъ его французскій флотъ съ цѣлью воспрепятствовать его плаванію. Чтобы избѣжать этого затрудненія, онъ направился къ Мадерѣ, гдѣ и остановился. Отсюда онъ, подъ начальствомъ Педро Арана, Алонзо Санхепъ Карабажаля и Жана Антуана Колумба—одного изъ своихъ родственниковъ, отправилъ на островъ Испаньолу всю флотилію за исключеніемъ трехъ судовъ. Самъ-же съ однимъ кораблемъ и двумя каравеллами повернулъ къ югу съ намѣреніемъ пересѣчь экваторъ и искать южнѣе новыя страны, которыя, по распространенному мнѣнію, должны были быть богаче всякими родами произведеній.

27-го іюня маленькая флотилія прибыла къ островамъ Сель и Сантъ-Яго, составляющимъ часть архипелага Зеленаго мыса. 4-го

іюля онъ вновь поднялъ паруса и проплылъ сто двадцать лье къ юго-западу, испытавъ при этомъ продолжительное безвѣтріе и зной жаркаго пояса. Затѣмъ онъ направился прямо на западъ, черезъ Сіерру-Леону.

Въ полдень, 31-го іюля одинъ изъ матросовъ извѣстилъ о приближеніи земли. Это былъ островъ, расположенный у сѣверо-восточной оконечности Южной Америки и очень близкій къ материку.

Адмиралъ далъ ему названіе Тринидата, и весь экипажъ запѣлъ въ радости „Salve Regina". На другой день, 1-го августа, въ разстояніи пяти лье отъ мѣста, откуда обнаружилась земля, корабль и обѣ каравеллы бросили якоря у оконечности Алькотраца. Адмиралъ высадилъ на берегъ нѣсколько матросовъ, чтобы сдѣлать новые запасы воды и дровъ. Берегъ казался необитаемымъ; всюду виднѣлись слѣды животныхъ, вѣроятно—козъ.

2-го августа большая лодка съ двадцатью четырьмя туземцами приблизилась къ судамъ. Эти индѣйцы были хорошо сложены и обладали болѣе бѣлымъ цвѣтомъ кожи, нежели дикари Испаньолы; вокругъ головы они носили хлопчатобумажные тюрбаны яркихъ цвѣтовъ, а вокругъ тѣла маленькія юбочки изъ такой же матеріи. Попробовали привлечь ихъ на бортъ, соблазняя ихъ зеркалами и другими стеклянными бездѣлушками; чтобы внушить имъ больше довѣрія, матросы пустились въ веселыя пляски; но туземцы, испуганные звуками барабана, показавшимися имъ изъявленіемъ враждебныхъ чувствъ, отвѣтили градомъ стрѣлъ и быстро отошли отъ адмиральскаго корабля. Они направились къ одной изъ каравеллъ, гдѣ кормчій сдѣлалъ въ свою очередь попытку завязать съ ними сношенія; но они скоро удалились и лодка болѣе не появлялась.

Христофоръ Колумбъ снова пустился въ море и вскорѣ открылъ новый островъ, которому далъ имя Грація. Но то, что онъ принималъ за островъ, былъ въ дѣйствительности американскій берегъ и именно та часть Венецуэлы, которая составляетъ дельту Ориноко и которая перерѣзана многочисленными развѣтвленіями этой рѣки. Въ этотъ день американскій материкъ былъ открытъ Колумбомъ, не подозрѣвавшимъ этого; онъ былъ открытъ въ той части Венецуэлы, которая называется провинціей Кумана.

Между этимъ берегомъ и островомъ Тринидатомъ море обра-

зуетъ опасный заливъ—Паріа, въ которомъ корабль долженъ съ величайшими усиліями сопротивляться теченію, относящему его на западъ съ ужасающею быстротой. Адмиралъ, между тѣмъ, полагалъ, что онъ находится въ открытомъ морѣ, вслѣдствіе чего подвергался въ проливѣ большой опасности; рѣки материка, вздутыя случившимся половодьемъ, устремляли на корабли массы воды. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Христофоръ Колумбъ разсказываетъ объ этомъ случаѣ въ письмѣ, которое онъ написалъ королю и королевѣ:

„Въ часъ ночи, стоя на палубѣ, я услышалъ нѣчто въ родѣ ужаснаго рева; я старался проникнуть въ темноту и вдругъ я увидѣлъ глыбу воды величиною съ цѣлый холмъ и вышиною въ корабль; эта глыба надвигалась съ юга на наши корабли. На встрѣчу этой глыбѣ стремилось теченіе съ страшнымъ шумомъ. Я не сомнѣвался, что мы будемъ въ минуту поглощены и еще теперь я испытываю при воспоминаніи объ этомъ мучительный трепетъ. Къ счастью, теченіе и водяная глыба прошли, направились къ устью канала и тамъ, послѣ долгой борьбы, медленно утихали“.

Однако, несмотря на трудность плаванія, адмиралъ, проѣзжая это море, воды котораго, по мѣрѣ удаленія его къ сѣверу, становились все спокойнѣе, обозрѣлъ мысъ на востокѣ острова Тринидата, мысъ Пена Бланка, а другой на западъ отъ пролива Паріа, мысъ Лапа. Онъ отмѣтилъ также нѣсколько портовъ и между прочимъ портъ Обезьянъ, лежащій у устья Ориноко. Колумбъ приставалъ къ западной оконечности Куманы и тамъ былъ хорошо встрѣченъ жителями страны. Къ западу отъ Алькотраца мѣстность была великолѣпна и туземцы утверждали, что тамъ собирается много жемчуга.

Колумбъ желалъ бы оставаться нѣсколько времени у этой части берега, но онъ не находилъ безопаснаго убѣжища для своихъ кораблей. Къ тому же его разстроенное здоровье и ослабѣвшее зрѣніе требовали покоя, и онъ, какъ для себя, такъ и для своего утомленнаго экипажа, торопился добраться до порта Изабеллы. Онъ сталъ подвигаться, пока это было возможно, вдоль берега Венецуэлы и входилъ въ частыя сношенія съ туземцами. Индѣйцы, здѣсь встрѣчавшіеся, отличались прекраснымъ сложеніемъ и пріятною наружностью; ихъ домашній бытъ выказывалъ присутствіе вкуса; они жили въ домахъ, въ переднихъ частяхъ

которыхъ находилось нѣсколько мебели, довольно искусно сработанной; золотыя пластинки украшали ихъ шеи. Что касается до мѣстности, то она была прекрасна; рѣки, горы и громадные лѣса точно оказывали ей какое-то предпочтеніе. Адмиралу показалась эта страна въ высшей степени привлекательной и онъ далъ ей имя „Грація“. Различными разсужденіями адмиралъ старался доказать, что эта страна составляла когда-то колыбель человѣческаго рода, что тамъ былъ земной рай, въ которомъ жили Адамъ и Ева. Чтобы понять до нѣкоторой степени это заблужденіе великаго путешественника, нужно помнить, что онъ считалъ себя на берегахъ Азіи. Этотъ прекрасный берегъ Колумбъ назвалъ страною „Садовъ“.

23-го августа, поборовъ съ большимъ трудомъ теченіе пролива, Колумбъ вышелъ изъ залива Парія черезъ узкій проходъ, названный имъ „Пастью Дракона“,—имя, сохранившееся и до нашего времени. Вышедши въ открытое море, испанцы открыли островъ Табаго, лежащій на сѣверо-востокѣ отъ Тринидата и, нѣсколько сѣвернѣе, островъ Концепціонъ, нынѣшнюю Гренаду. Отсюда адмиралъ повернулъ къ юго-западу и вернулся къ американскому берегу. Плавая вдоль него на протяженіи сорока лье, онъ открылъ 25-го августа очень населенный островъ Маргариту, и, немного погодя, островъ Кубагу, лежащій возлѣ материка. Здѣсь туземцы вылавливали жемчугъ. Колумбъ спустилъ лодку къ берегу и сдѣлалъ очень выгодную мѣну: за фаянсовые обломки и за другія бездѣлушки онъ получилъ нѣсколько фунтовъ жемчуга, изъ которыхъ иныя жемчужины были очень большія и прекрасной воды.

У этого мѣста своихъ открытій адмиралъ остановился. Искушеніе изслѣдовать эту страну было очень велико, но экипажи и ихъ командиры были крайне изнурены. Корабли направились прямо къ Санъ-Доминго, гдѣ болѣе насущныя дѣла требовали присутствія Колумба.

Еще до своего отъѣзда адмиралъ уполномочилъ своего брата положить основаніе новаго города. Съ этой цѣлью донъ-Бартоломей объѣхалъ различныя части острова. Нашедши въ пятидесяти лье отъ Изабеллы прекрасную гавань у устья большой рѣки, онъ набросалъ планъ улицъ города, который сдѣлался впослѣдствіи городомъ Санъ-Доминго. Тамъ Бартоломей назначилъ свою резиденцію, въ то время какъ Діэго оставался губернаторомъ Изабеллы. Такимъ образомъ оба брата Колумба сосредоточивали въ

своихъ рукахъ все управленіе колоніей. Не замедлили появиться недовольные, готовые во всякую минуту возстать противъ ихъ власти. При такомъ положеніи дѣлъ адмиралъ прибылъ въ Санъ-Доминго. Онъ отдалъ справедливость своимъ братьямъ, которые управляли колоніей очень здраво, и призвалъ непокорныхъ къ повиновенію. 18-го октября онъ отправилъ въ Испанію пять кораблей и офицера, которому далъ полномочіе сообщить королю о новыхъ открытіяхъ и о состояніи колоніи, волнуемой нѣкоторыми безпокойными людьми.

Между тѣмъ дѣла Колумба въ Европѣ принимали дурной оборотъ. Со времени его отъѣзда клеветы противъ него и его братьевъ не переставали расти. Тамъ были недовольные, прогнанные изъ колоніи, и они не переставали распускать слухи по поводу притязательныхъ замысловъ династіи Колумба. Эти слухи вызывали безпокойство въ душѣ тщеславнаго и неблагодарнаго монарха. Сама королева, до тѣхъ поръ горячая покровительница генуэзскаго мореплавателя, была глубоко оскорблена при видѣ прибывшей на кораблѣ толпы изъ трехсотъ индѣйцевъ, оторванныхъ отъ своей родины и обращенныхъ въ рабство. Но Изабелла не знала, что такое злоупотребленіе силою совершилось безъ вѣдома Колумба, во время его отсутствія. Адмиралъ, однако, отъ этого не являлся менѣе отвѣтственнымъ, и, чтобы произвести надъ нимъ строгое слѣдствіе, дворъ снарядилъ на островъ Испаньолу командора Калатравы, по имени Франсуа де-Бовадилья, который получилъ права высшаго судьи и званіе главнаго губернатора. Въ дѣйствительности такое назначеніе означало низложеніе Колумба. Бовадилья, облеченный неограниченною властью, отплылъ на двухъ каравеллахъ въ концѣ іюня 1505 года. 23-го августа поселенцы увидѣли два корабля, входящіе въ портъ Санъ-Доминго.

Христофоръ Колумбъ и его братъ Бартоломей находились въ отсутствіи. Они были заняты сооруженіемъ крѣпости въ кантонѣ Ксарагуа. Діэго управлялъ за нихъ. Бовадилья сошелъ на берегъ и отправился къ обѣднѣ, во время которой держалъ себя съ большимъ высокомѣріемъ; затѣмъ, потребовавъ къ себѣ дона Діэго, онъ приказалъ ему сложить съ себя власть. Христофоръ Колумбъ, увѣдомленный гонцомъ, поспѣшно прибылъ. Онъ ознакомился по письмамъ съ полномочіями Бовадильи и согласился признать его за представителя правосудія, но не за главнаго губернатора колоніи.

Тогда Бовадилья вручилъ ему письмо короля и королевы, заключавшее въ себѣ слѣдующія строки:

„Донъ Христофоръ Колумбъ, нашъ адмиралъ за океаномъ!

Мы приказали нашему командору дону Франсуа Бовадильѣ объявить вамъ нашу волю. Повелѣваемъ слѣдовать ему и исполнять все, что онъ скажетъ отъ нашего лица.

„Фердинандъ, Изабелла“.

Званіе вице-короля, принадлежавшее Колумбу по торжественному договору съ королемъ и королевой Испаніи, не было даже упомянуто въ этомъ приказѣ. Колумбъ заставилъ молчать свое справедливое негодованіе и подчинился. Противъ адмирала, лишившагося милостей, поднялся весь лагерь ложныхъ друзей. Всѣ, обязанные Колумбу своимъ богатствомъ, теперь возстали противъ него; они его обвиняли въ стремленіи къ независимости. Нелѣпыя обвиненія! Какъ могла бы подобная мысль придти въ голову генуэзца, одного среди цѣлой испанской колоніи?

Бовадилья не заставилъ себя ждать въ проявленіи жестокости. Донъ Діэго былъ уже лишенъ свободы; вскорѣ губернаторъ приказалъ заковать Бартоломея и самого Христофора Колумба. Адмиралъ, обвиненный въ государственной измѣнѣ, былъ вмѣстѣ съ своими двумя братьями посаженъ на корабль, который повезъ его въ Испанію подъ надзоромъ Альфонса Виллейо. Этотъ офицеръ человѣкъ сердечный, совѣстившійся обхожденіемъ, которому подвергался Христофоръ Колумбъ, пожелалъ освободить его отъ сковывающихъ цѣпей. Но Колумбъ отказался. Онъ хотѣлъ, чтобъ онъ, завоеватель Новаго Свѣта, пріѣхалъ скованнымъ въ ту страну, которую обогатилъ.

Адмиралъ былъ правъ, настаивая на цѣпяхъ. Зрѣлище глубокаго униженія, видъ цѣпей, связывающихъ его, какъ преступника, оскорбительное обхожденіе—все это возмутило общественное мнѣніе. Признательность къ геніальному человѣку прорвалась сквозь дурныя страсти, искусственно раздутыя. Произошелъ взрывъ негодованія противъ Бовадильи. Король и королева, втянутые всеобщимъ мнѣніемъ, порицали во всеуслышаніе командора и обратились къ Христофору Колумбу съ благосклоннымъ письмомъ, въ которомъ приглашали его явиться ко двору.

Это были для Колумба еще хорошіе дни. Онъ предсталъ предъ монархомъ и монархиней не въ качествѣ обвиненнаго, а въ

качествѣ обвинителя. Въ присутствіи ихъ, вспоминая недостойное съ нимъ обращеніе, разрывавшее ему сердце, бѣдный великій человѣкъ заплакалъ и заставилъ плакать вокругъ себя. Онъ гордо разсказывалъ всю свою жизнь. Онъ, котораго обвиняли въ властолюбіи, о которомъ говорили, что онъ обогатился отъ управленія колоніи, онъ сталъ передъ всѣми въ неприкрашенной дѣйствительности! Да! Тотъ, кто открылъ Новый Свѣтъ, не обладалъ даже черепицей, чтобы преклонить свою голову!

Сострадательная Изабелла плакала вмѣстѣ съ старымъ морякомъ. Отъ душившихъ ее слезъ она долго не могла произнести ни одного слова. Наконецъ, она обратилась къ нему съ серьзными словами: она увѣряла Колумба въ своемъ расположеніи; она обѣщала уничтожить его враговъ; она извинялась въ неудачномъ выборѣ Бовадильи, который былъ посланъ на острова, и поклялась подвергнуть его достойной карѣ. Она только просила адмирала дать ей нѣсколько времени до водворенія его въ прежнее губернаторство, дабы возбужденные умы успѣли возвратиться къ чувству чести и справедливости.

Слова королевы успокоили Христофора Колумба. Онъ остался доволенъ ея пріемомъ и согласился на отсрочку, предложенную Изабеллой. Онъ стремился послужить еще своей странѣ и своему новому монарху и его не покидала мысль о новыхъ важныхъ завоеваніяхъ на пути открытій.

Третье его путешествіе, несмотря на свою непродолжительность, не было безплодно и карту обогатили новыя имена: островъ Тринидатъ, проливъ Парiа, Куманскій берегъ, острова Табаго, Гренада, Маргарита и Кубага.

V.

Четвертое путешествіе: флотилія изъ четырехъ судовъ.—Большая Канарія.—Мартиникъ.—Доминикъ.—Островъ св. Креста.—Порто-Рико.—Островъ Испаньола.—Ямайка.—Острова Кайманскіе.—Островъ Сосенъ (Пиносъ).—Островъ Гуанайя.—Мысъ Гандурасъ.—Американскій берегъ отъ Труксилло до Даріенскаго залива.—Острова Лимонарескіе.—Островъ Гуэрта.—Берегъ Верагуа.—Золотые пріиски.—Возмущеніе туземцевъ.—Сонъ Колумба.—Порто-Белло.—Les Mulatas.—Остановка на Ямайкѣ.—Нужда.—Возмущеніе испанцевъ противъ Колумба.—Лунное затменіе.—Прибытіе Колумба на островъ Испаньолу.—Возвращеніе Колумба въ Испанію.—Смерть Колумба, 2-го марта 1506 года.

Христофоръ Колумбъ вновь пріобрѣлъ при дворѣ Фердинанда и Изабеллы ту милость, которой былъ вполнѣ достоинъ. Можетъ

быть, король и обнаруживалъ еще нѣкоторую холодность, но королева покровительствовала ему горячо и открыто. Хотя его оффиціальный титулъ вице-короля не былъ ему еще возвращенъ, но адмиралъ, какъ человѣкъ гордый, не заявлялъ объ этомъ. Впрочемъ, онъ получилъ удовлетвореніе въ низложеніи Бовадильи, который былъ обвиненъ и въ превышеніи власти и въ жестокомъ обращеніи съ индѣйцами. Безчеловѣчность этого испанца достигла того, что во время его управленія туземное населеніе острова значительно убавилось.

Между тѣмъ островъ Испаньола сталъ выполнять обѣщанія Колумба, который просилъ не болѣе трехъ лѣтъ для увеличенія доходовъ казны на шестьдесятъ милліоновъ. Золото въ хорошо разработанныхъ рудникахъ добывалось въ изобиліи. Одинъ индѣецъ вырылъ на берегахъ рѣки Гаина глыбу, вѣсившую три милліона шестьсотъ золотыхъ экю. Можно было уже предвидѣть, что новыя колоніи заключали въ себѣ несмѣтныя богатства.

Адмиралъ, которому надоѣла бездѣятельность, началъ настоятельно просить о снаряженіи четвертаго путешествія, хотя ему уже было шестьдесятъ шесть лѣтъ. Мотивы, представляемые имъ въ пользу четвертаго путешествія, были очень основательны. Въ самомъ дѣлѣ, за годъ до возвращенія Колумба, португалецъ Васко-де-Гама возвратился изъ Индіи, обогнувши мысъ Доброй Надежды. Колумбъ же, желая достигнуть Индіи западными дорогами, болѣе безопасными и болѣе короткими, могъ создать сильную конкуренцію португальской торговлѣ. Въ убѣжденіи, что земли, открытыя имъ, были азіатскія земли, онъ утверждалъ, что завоеванные имъ острова отдѣлены всего однимъ проливомъ отъ Молукскихъ острововъ. Онъ предлагалъ, минуя островъ Испаньолу и всѣ учрежденныя уже колоніи, пуститься непосредственно въ Индію. Такимъ образомъ развѣнчанный вице-король становился опять отважнымъ мореплавателемъ своихъ прежнихъ лѣтъ.

Король согласился на просьбу адмирала и снарядилъ для него флотилію изъ трехъ кораблей—„Сантъ-Яго“, „Галлего“, „Вискаино“—и одной каравеллы. Большій изъ этихъ кораблей вмѣщалъ въ себѣ семьдесятъ тоннъ, меньшій пятьдесятъ. Въ сущности это были только прибрежныя суда.

Христофоръ Колумбъ покинулъ Кадиксъ 9-го мая 1502 года съ пятьюстами людей экипажа. Онъ увозилъ съ собою своего

брата Бартоломея и своего второго тринадцатилѣтняго сына Фернанда, рожденнаго отъ второго брака.

20-го мая корабли остановились въ Большой Канаріи, а 15-го іюня они достигли одного изъ острововъ Вѣтра, острова Мартиника; затѣмъ они останавливались на островахъ Доминика, св. Креста, Порто-Рико и, наконецъ, 29-го іюня, послѣ благополучнаго плаванія, пріѣхали къ острову Испаньолѣ.

Въ намѣренія Колумба, согласно совѣту королевы, не входило приставать къ этому острову, откуда его такъ позорно изгнали. Но его каравелла, очень хрупко построенная, не выдерживала дальнѣйшаго плаванія; починка ея подводной части была необходима. Адмиралъ былъ принужденъ просить у губернатора разрѣшенія войти въ портъ.

Новый губернаторъ, замѣстившій Бовадилью, кавалеръ ордена Алькантары, Николай Овандо, былъ человѣкъ справедливый и умѣренный. Однако, вслѣдствіе излишней осторожности, основываясь на томъ, что появленіе Колумба можетъ вызвать безпорядки, онъ отказалъ ему въ просьбѣ войти въ портъ. Колумбъ подавилъ въ своемъ сердцѣ голосъ негодованія, которое было причинено этимъ отказомъ, и отвѣтилъ добрымъ совѣтомъ на злой поступокъ.

Флотъ, назначенный отвезти Бовадилью въ Испанію и вмѣстѣ съ нимъ глыбу золота и другія богатства, былъ готовъ къ отплытію. Но погода была зловѣщая, и Колумбъ съ прозорливостью испытаннаго моряка предвидѣлъ бурю и совѣтовалъ губернатору не отпускать кораблей. Овандо не обратилъ вниманія на совѣтъ адмирала. Суда пустились въ море. Но не успѣли они еще достигнуть восточной оконечности острова, какъ поднялся страшный ураганъ и уничтожилъ двадцать одинъ корабль со всѣми людьми и имуществомъ. Бовадилья и большая часть враговъ Колумба погибли, между тѣмъ, по непреодолимой волѣ рока, корабль, везшій остатки имущества Колумба, только одинъ ушелъ отъ общей гибели. Океанъ поглотилъ десять милліоновъ золота и драгоцѣнные каменья.

Въ то же время четыре каравеллы адмирала, отторгнутыя портомъ, опередили бурю. Она разбила на каравеллахъ рангоуты и раздѣлила ихъ между собою, но имъ удалось вновь соединиться. Шквалъ отнесъ ихъ 14-го іюля къ Ямайкѣ; оттуда сильныя теченія понесли ихъ къ „Садамъ королевы". Маленькая

флотилія боролась въ продолженіе шестидесяти дней, подвинувшись въ это время всего на семьдесятъ лье и, наконецъ, была отброшена къ берегу Кубы, что повело къ открытію острововъ Кайманскихъ и острова Сосенъ (Пиносъ).

Христофоръ Колумбъ взялъ опять направленіе юго-западное и очутился среди морей, воды которыхъ не прорѣзывалъ еще ни одинъ европейскій корабль. Онъ вновь устремляется на путь открытій со всѣми страстными волненіями мореплавателя. Судьба привела его къ сѣверному берегу Америки; онъ обозрѣлъ островъ Гуанайя 30-го іюля, а 14-го августа онъ присталъ къ мысу Гондурасъ, къ этой узкой полосѣ земли, продолженіе которой составляетъ Панамскій перешеекъ, соединяющій два континента.

И такъ, Колумбъ, не вѣдая того, уже во второй разъ приставалъ къ американскому берегу. Онъ слѣдовалъ вдоль берега въ продолженіе девяти мѣсяцевъ среди опасностей и борьбы всѣхъ родовъ и составилъ чертежи береговъ отъ Труксилло до залива Даріенъ. Каждую ночь онъ бросалъ якорь, чтобы не удаляться отъ берега и онъ достигъ его до восточной оконечности, которая круто обрывается мысомъ Gracias a Dios (Слава Богу).

Онъ обогнулъ мысъ 14-го сентября, но адмиралъ былъ здѣсь встрѣченъ такими вѣтрами, что ему, старѣйшему моряку изъ всего экипажа, никогда не приходилось испытывать что-либо подобное. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ разсказываетъ онъ объ этомъ ужасномъ случаѣ въ письмѣ къ королю Испаніи: „Въ продолженіе восьмидесяти дней волны продолжали свой штурмъ и мои глаза не видѣли ни солнца, ни звѣздъ, ни какой-нибудь планеты; мои корабли были безъ бортовъ, паруса—истерзаны; снасти, шлюпки, такелажъ—все было утеряно; мои матросы, больные и унылые, предавались молитвамъ; никто не преминулъ дать обѣтъ пилигримства и всѣ исповѣдывались другъ другу въ грѣхахъ своихъ, ожидая съ минуты на минуту конца своего существованія. Я видѣлъ много всякихъ бурь, но никогда не видѣлъ такой продолжительной и такой свирѣпой. Многіе изъ экипажа, слывшіе за неустрашимыхъ матросовъ, потеряли мужество. Но что глубже всего терзало мою душу, это скорбь о моемъ сынѣ, молодость котораго увеличивала мое отчаяніе. Это, конечно, Богъ, не кто другой, внушалъ ему такую силу; мой сынъ одинъ зажигалъ мужество, будилъ терпѣніе моряковъ въ ихъ тяжелыхъ работахъ. Можно было думать, что видишь моряка, со-



Что долженъ былъ чувствовать въ эту минуту Колумбъ?..

старившагося среди бурь,—нѣчто удивительное и мало вѣроятное, примѣшивающее однако долю радости къ тѣмъ мукамъ, которыя я выносилъ. Я былъ боленъ и нѣсколько разъ видѣлъ приближеніе послѣдней минуты... Наконецъ, къ довершенію несчастья, двадцать лѣтъ службы, трудовъ и опасностей не принесли мнѣ лично никакой выгоды, такъ какъ теперь еще я нахожусь въ такомъ положеніи, что не обладаю черепицей въ Испаніи, и только трактиръ представляетъ мнѣ убѣжище, когда я чувствую надоб-

ность въ покоѣ или въ самыхъ простыхъ блюдахъ; я даже часто не въ состояніи уплатить свои издержки...“

Не указываютъ-ли эти немногія строки на ту глубокую печаль, какою была преисполнена душа Колумба? Какъ могъ онъ, среди такихъ опасностей и безпокойствъ, сохранить энергію, необходимую для начальника экспедиціи?

Во все время этихъ бурь корабли слѣдовали вдоль берега, который въ различныхъ мѣстахъ получилъ слѣдующія послѣдовательныя названія: Гондурасъ, Москитосъ, Никарагуа, Коста-Рика, Верагуа и Панама. Двѣнадцать Лимонаресскихъ острововъ были открыты также въ это время. Наконецъ, 25-го сентября Колумбъ останавливается между маленькимъ островомъ Гуэрта и континентомъ и, сдѣлавъ чертежъ Алмиранской бухты, бросаетъ якорь въ виду селенія Карлаи. Тамъ приступили къ починкѣ кораблей и оставались вплоть до 15-го октября.

Христофоръ Колумбъ полагалъ, что онъ находится недалеко отъ устья Ганга, и туземцы, говоря ему о провинціи Цигуаре, окруженной моремъ, казалось, подтверждали его мнѣніе. Они утверждали, что страна эта изобилуетъ золотыми рудниками, изъ которыхъ самые важные находятся на разстояніи двадцати пяти лье къ югу. Адмиралъ пустился вновь въ море и слѣдовалъ вдоль лѣсистыхъ береговъ Верагуа. Индѣйцы этой части материка оказались очень дикими. 26-го ноября флотилія вошла въ гавань „El Retreto“, образующую современный портъ „Des Escribanos“. Суда, подточенныя червями, имѣли самый жалкій видъ. Надо было снова починять ихъ и протянуть стоянку въ „El Retreto“. Колумбъ покинулъ этотъ портъ лишь для того, чтобы претерпѣть бурю, еще страшнѣе предыдущей. „Въ продолженіе девяти дней,—говоритъ онъ,—у меня не было никакой надежды на спасеніе. Никогда никому не приходилось видѣть море болѣе неистовствующее и болѣе ужасное; оно было все покрыто пѣной; вѣтеръ не позволялъ ни идти впередъ, ни пристать къ какому-нибудь мысу; онъ не выпускалъ меня изъ моря, волны котораго казались кровавыми; его валы, казалось, кипѣли, подогрѣваемые огнемъ. Никогда я не видѣлъ столь грознаго неба: пламенное днемъ и ночью, словно глубокое горнило, оно безпрерывно метало яркую молнію, и я каждую минуту ждалъ, что паруса и мачты исчезнутъ. Громъ рокоталъ такими страшными раскатами, что, казалось, уничтожитъ всѣ корабли; во все это время дождь падалъ

съ неба такимъ ливнемъ, что можно было думать, что это не дождь, а новый потопъ. Мои матросы, изнуренные столькими испытаніями и опасностями, призывали смерть, какъ избавительницу отъ всѣхъ мукъ; корабли мои были открыты со всѣхъ сторонъ; лодки, якоря, снасти, паруса—все было еще разъ потеряно".

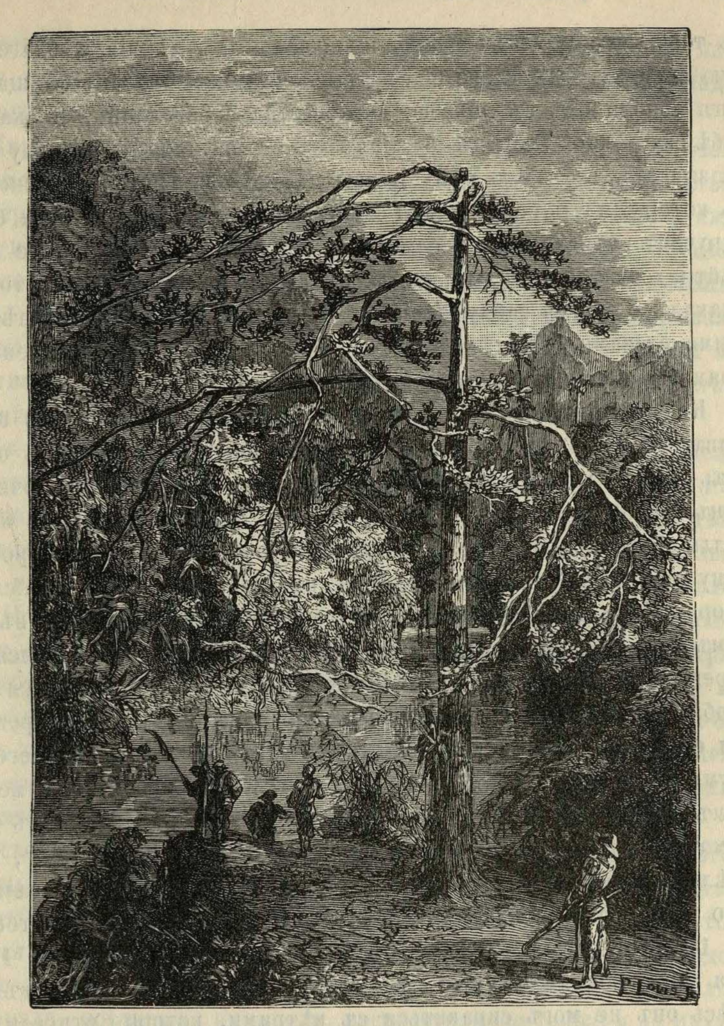
Во время этого продолжительнаго и мучительнаго плаванія адмиралъ прошелъ около трехсотъ пятидесяти лье. Его экипажъ выбился изъ силъ. Онъ былъ принужденъ возвратиться по тому же пути и дошелъ до рѣки Верагуа; но, не найдя тамъ убѣжища для кораблей, онъ отправился нѣсколько далѣе, къ устью рѣки Виѳлеема, нынѣшняя рѣка Іебра, въ которой онъ остановился въ день Богоявленія, въ 1503 году. На слѣдующій день поднялась буря, и 24-го января, вслѣдствіе вздутія рѣки, канаты кораблей оборвались и имъ удалось спастись только съ большимъ трудомъ.

Во все это время адмиралъ, не забывая главной цѣли своего путешествія, устанавливалъ всюду сношенія съ туземцами. Виѳлеемскій кацикъ оказался очень сговорчивымъ и указалъ въ пяти лье разстоянія мѣстность, обладавшую богатыми золотыми рудниками. 6-го февраля Христофоръ Колумбъ отправилъ на указанное мѣсто отрядъ изъ семидесяти человѣкъ подъ начальствомъ брата своего Бартоломея. Пробираясь очень холмистою мѣстностью и пересѣкая рѣки, столь извилистыя, что одну изъ нихъ пришлось переходить тридцать девять разъ, отрядъ пришелъ, наконецъ, къ золотымъ пріискамъ. Золото находилось тамъ въ такомъ изобиліи, что одинъ человѣкъ могъ собрать въ десять дней цѣлую мѣру. Въ продолженіе четырехъ часовъ Бартоломей и его спутники собрали его громадное количество. Они вернулись къ адмиралу. Послѣдній, узнавъ такой результатъ, рѣшилъ основаться на берегу и приказалъ строить бараки.

Рудники въ этой странѣ обладали, дѣйствительно, несмѣтными богатствами; они казались неистощимыми. Изъ-за нихъ Колумбъ забылъ Кубу и Санъ-Доминго. Его письмо къ королю Фердинанду полно восторговъ по этому поводу, и можно удивляться, какъ изъ-подъ пера великаго человѣка вылилась подобная курьезная фраза, не приличествующая ни философу, ни христіанину: „Золото! золото! Чудесная вещь! Золото рождаетъ богатство, оно ворочаетъ міромъ, и его могущества часто достаточно, чтобы отправить душу въ рай!"

Испанцы работали съ усердіемъ, нагружая золотомъ свои корабли. До сихъ поръ отношенія съ туземцами были мирнаго характера. Но вскорѣ кацикъ возмутился противъ этого чужеземнаго расхищенія и рѣшился раздавить всѣхъ испанцевъ и уничтожить ихъ жилища. Онъ неожиданно напалъ на испанцевъ съ значительными силами. Произошла серьезная схватка. Индѣйцы были отбиты. Кацикъ былъ захваченъ со всей своей семьей; но его дѣтямъ и ему самому удалось бѣжать. Они скрылись вмѣстѣ съ большимъ числомъ товарищей въ горахъ. Позднѣе, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, индѣйцы, образовавъ изъ себя значительную толпу, напали вторично на испанцевъ, которые истребили ихъ въ большомъ количествѣ.

Между тѣмъ здоровье Колумба разстраивалось все болѣе и болѣе. Отсутствіе вѣтра задерживало его въ этой странѣ. Однажды, изнуренный трудами, онъ упалъ и заснулъ. Во снѣ онъ услышалъ сострадательный голосъ, который обратился къ нему со словами, которыя мы приведемъ дословно, такъ какъ они служатъ выраженіемъ религіознаго изступленія, дополняющаго физіономію стараго мореплавателя. Вотъ эти слова: „О, безумный! Для чего ты испытываешь Бога твоего, Бога вселенной? Сдѣлалъ-ли Онъ болѣе для Моисея и для своего пѣвца Давида? Не проявлялъ-ли онъ къ тебѣ самую нѣжную заботливость со дня твоего рожденія? И когда ты достигъ возраста, въ которомъ тебя ожидали Его предначертанія, не прославилъ-ли Онъ твое имя по всей землѣ? Индію, эту богатѣйшую страну въ мірѣ, не далъ-ли Онъ ее тебѣ? Не далъ-ли Онъ тебѣ возможность поднести ее въ даръ согласно твоей волѣ? Кто другой, какъ не Онъ, далъ тебѣ средства привести въ исполненіе твои планы? Крѣпкими узами былъ связанъ океанъ, на немъ лежали цѣпи, которыхъ никто не могъ порвать. Онъ далъ тебѣ къ нимъ ключи. О твоемъ могуществѣ узнали отдаленнѣйшія страны и слава твоя провозглашена всѣми христіанами. Оказалъ ли Богъ болѣе милостей народу израильскому, когда вывелъ его изъ Египта? Покровительствовалъ ли Онъ болѣе Давиду, когда изъ пастуха сдѣлалъ его царемъ іудейскимъ? Обратись къ Нему и покайся въ своемъ заблужденіи, ибо милосердіе Его безконечно. Твоя старость не послужитъ препятствіемъ для великихъ дѣлъ, которыя тебя еще ждутъ. Онъ держитъ въ своей десницѣ судьбу каждаго. Не имѣлъ ли Авраамъ ста лѣтъ отъ роду и не прошла ли для Сары



Колумбъ назвалъ эту мѣстность «Райской долиной»...

молодость, когда она родила Исаака? Ты не знаешь, о чемъ просишь! Отвѣть мнѣ: кто тебя такъ часто подвергалъ столькимъ опасностямъ? Богъ или люди? Преимущество и превосходство, которое дается Богомъ, никогда Имъ не преступается по отношенію къ Его служителямъ. Не Онъ, видя усердное исполненіе своей воли, утверждаетъ, что не послѣдовали Его волѣ, и не Онъ дастъ своимъ намѣреніямъ новое толкованіе; не Онъ изощряется

въ томъ, чтобы дать своимъ произвольнымъ дѣяніямъ благовидную окраску. Его слово не двусмысленно; все, что Онъ обѣщаетъ, Онъ исполняетъ съ лихвою. Онъ всегда справедливъ. Я сказалъ тебѣ все, что Творецъ сдѣлалъ для тебя. Въ эту минуту Онъ указываетъ тебѣ всю цѣну и всю награду за труды и опасности, съ которыми ты боролся для пользы другихъ".—И я, хотя былъ удрученъ страданіями, слышалъ всѣ эти слова; но я не могъ найти достаточно силы, чтобы отвѣтить на эти слова; я только плакалъ о моихъ заблужденіямъ. Этотъ голосъ кончилъ слѣдующими словами: „Надѣйся, вѣрь; твои труды будутъ высѣчены на мраморѣ и это будетъ справедливо".

Какъ только здоровье Колумба поправилось, онъ сталъ подумывать о томъ, чтобы покинуть этотъ берегъ. Онъ желалъ основать здѣсь укрѣпленіе, но экипажъ его былъ очень малочисленъ, чтобы рисковать оставить часть его здѣсь. Четыре каравеллы были подточены червями. Онъ принужденъ былъ бросить одну изъ нихъ въ Виѳлеемѣ и въ день св. Пасхи снялся съ якоря. Едва онъ успѣлъ отплыть на тридцать лье, какъ въ одномъ изъ кораблей открылась течь. Адмиралъ поторопился къ берегу и присталъ къ Порто-Белло, гдѣ онъ былъ поставленъ въ необходимость бросить еще одинъ корабль, такъ какъ поврежденія его оказались неисправимыми. Флотилія осталась всего съ двумя кораблями, безъ шлюпокъ, почти безъ провизіи, а между тѣмъ предстояло пройти еще семь тысячъ миль. Онъ сталъ подниматься вдоль берега, прошелъ мимо порта „El Retreto", обозрѣлъ группу „Des Mulatas" и проникъ въ Даріенскій заливъ. Это былъ крайній пунктъ, достигнутый Колумбомъ на востокѣ.

1-го мая адмиралъ направился къ острову Испаньолѣ; 10-го мая онъ находился уже въ виду Кайманскихъ острововъ; но здѣсь онъ не могъ справиться съ вѣтрами, которые отнесли его на западъ, къ самому берегу Кубы. Тамъ, въ сильную бурю, среди мелей онъ потерялъ свои паруса, свои якоря, и оба корабля его ударялись въ продолженіе ночи одинъ о другой. Затѣмъ, такъ какъ ураганъ отбросилъ его къ югу, онъ направился на своихъ разбитыхъ корабляхъ къ Ямайкѣ и присталъ 23-го іюня въ портѣ „Santa Gloria", извѣстномъ подъ именемъ бухты Христофора. Адмиралъ хотѣлъ-бы добраться до острова Испаньолы; тамъ онъ нашелъ бы съѣстные припасы, въ которыхъ очень нуждался; но его двѣ каравеллы, въ конецъ источенныя червями, „похожія на

пчелиные ульи", не могли безнаказанно пуститься въ это плаваніе всего на протяженіи тридцати лье. Какъ извѣстить Овандо, губернатора острова Испаньолы?

Каравеллы дали течь во многихъ мѣстахъ, и адмиралъ окончательно не могъ продолжать плаванія; ему оставалось основаться на берегахъ и устроить какое-нибудь общежитіе. Индѣйцы явились къ нимъ на помощь и предложили разъ—другой съѣстные припасы, въ которыхъ ощущался большой недостатокъ. Между тѣмъ несчастные матросы, такъ много испытавшіе, выражали сильное неудовольствіе противъ адмирала; они были готовы къ возмущенію, а злополучный Колумбъ не покидалъ своего болѣзненнаго одра.

Въ такихъ обстоятельствахъ два храбрыхъ офицера, Мендецъ и Фіэско, предложили адмиралу свои услуги отправиться на индѣйскихъ байдарахъ изъ Ямайки на островъ Испаньолу. Въ дѣйствительности, это была переправа на протяженіи двухсотъ лье, такъ какъ имъ нужно было тянуться по берегу до порта колоніи. Но смѣлые офицера были готовы пренебречь всѣми опасностями, такъ какъ дѣло шло о спасеніи всѣхъ товарищей. Христофоръ Колумбъ, понимая всю рискованность этой попытки, на которую онъ во всякихъ другихъ обстоятельствахъ рѣшился-бы самъ, принялъ предложеніе Мендеца и Фіэско. Безъ кораблей, безъ съѣстныхъ припасовъ, оставался адмиралъ съ своимъ экипажомъ на этихъ дикихъ берегахъ.

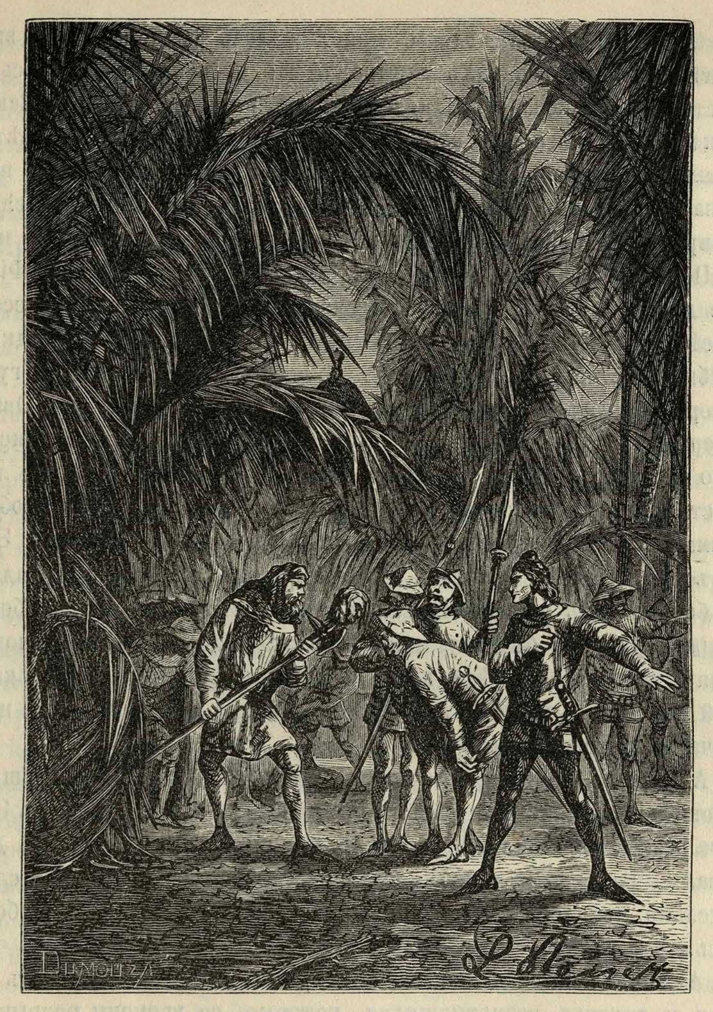
Вскорѣ нужда этихъ разбитыхъ моряковъ дошла до того, что вызвала мятежъ. Спутники адмирала, ослѣпленные своими бѣдствіями, вообразили, что ихъ начальникъ не осмѣливается возвратиться на островъ Испаньолу, губернаторъ которой, Овандо, уже разъ отказалъ ему въ пристанищѣ. Они пришли къ мысли, что опала, постигшая адмирала, распространена также и на нихъ. Они говорили, что губернаторъ, прогнавъ флотилію изъ порта колоніи, могъ только такъ дѣйствовать по приказу короля. Эти нелѣпыя соображенія могли взбрести на умъ людямъ, только уже извѣстнымъ образомъ настроеннымъ. И вотъ 2-го января 1504 года капитанъ одной каравеллы и братъ его, военный казначей, стали во главѣ возстанія. Оба брата Паррасъ возбудили толпу, которая устремилась къ палаткѣ адмирала съ крикомъ: „Въ Кастилію! въ Кастилію!"

Колумбъ былъ боленъ и лежалъ въ постели. Его братъ и

сынъ оградили его своими тѣлами. При видѣ стараго адмирала бунтовщики остановились и сдержали свою ярость. Но они не хотѣли слушать ни его увѣщаній, ни его совѣтовъ; они не понимали, что ихъ спасеніе возможно только при общемъ спасеніи, и при такихъ условіяхъ, чтобы каждый, забывая о себѣ, работалъ бы для всѣхъ. Нѣтъ! они рѣшились покинуть островъ во что-бы то ни стало, какими-бы то ни было средствами. Братья Паррасъ и прочіе бунтовщики пустились по берегу и, захвативъ туземныя лодки, направились къ восточной оконечности острова. Тамъ, потерявъ уваженіе ко всему, опьяненные своею яростью, они разграбили индѣйское населеніе, оставляя адмирала отвѣтственнымъ за ихъ неистовства, и захватили нѣсколькихъ несчастныхъ туземцевъ, которыхъ бросили на лодки, у нихъ же украденныя. Братья Паррасъ и прочіе бунтовщики отплыли отъ берега; но едва они отъѣхали на нѣсколько лье, какъ были захвачены порывами вѣтра, который поставилъ ихъ въ большую опасность; чтобы облегчить грузъ лодокъ, они бросили своихъ плѣнниковъ въ море. Послѣ этого варварскаго поступка, лодки попытались направиться, по примѣру Мендеца и Фіэско, къ острову Испаньолѣ, но упорные вѣтры отбросили ихъ къ берегамъ Ямайки.

Между тѣмъ адміралъ, оставшись съ больными и съ друзьями, успѣлъ водворить порядокъ въ своемъ маленькомъ мірѣ. Но нужда росла. Голодъ становился угрожающимъ. Туземцамъ надоѣло кормить чужеземцевъ, пребываніе которыхъ на ихъ островѣ было очень продолжительно. Сверхъ того, туземцы увидѣли, что испанцы дерутся между собою, и это обстоятельство разрушило все прежнее обаяніе. Они поняли, что европейцы—простые смертные, и перестали ихъ уважать и бояться. Вліяніе Колумба на туземцевъ падало со дня на день и нуженъ былъ какой-нибудь неожиданный случай, которымъ адмиралъ сумѣлъ-бы воспользоваться, чтобы завоевать себѣ прежнее значеніе, такъ необходимое для всеобщаго спасенія.

Колумбъ разсчиталъ день, въ который должно было произойти лунное затменіе. Утромъ того-же дня онъ пригласилъ къ себѣ кациковъ острова. Они приняли приглашеніе и, когда сошлись въ палаткѣ Колумба, онъ имъ объявилъ, что Богъ, желая ихъ наказать за ихъ непріязненныя отношенія и за недоброжелательство къ туземцамъ, лишитъ ихъ луннаго свѣта, начиная съ сегодняшней ночи. И дѣйствительно, случилось такъ, какъ сказалъ адми-



Матросы нашли свѣже-срѣзанныя головы...

ралъ. Черная тѣнь стала закрывать луну, дискъ которой казался пожираемымъ страшилищами. Испуганные дикіе бросились къ ногамъ Колумба, умоляя его испросить у неба для нихъ прощенія, при чемъ обѣщали отдать въ распоряженіе адмирала всѣ свои богатства. Послѣ нѣкотораго колебанія, искусно разыграннаго, Колумбъ рѣшился уступить мольбамъ туземцевъ. Подъ предлогомъ умилостивленія божества, онъ удалился въ свою палатку, въ которой заперся отъ всѣхъ, и оставался тамъ все время продолже-

нія затменія. Когда явленіе приближалось къ концу, онъ вновь показался. Онъ объявилъ кацикамъ, что небо умилостивилось, и, простерши впередъ руки, повелѣлъ лунѣ появиться вновь. Вскорѣ дискъ освободился отъ покрывавшей его тѣни и ночное свѣтило засіяло во всемъ своемъ блескѣ. Съ этого дня индѣйцы не переставали быть покорными и благодарными; они признали власть адмирала, ту власть, подчиняться которой повелѣвало само небо.

Пока эти событія происходили на Ямайкѣ, Мендецъ и Фіэско уже давно достигли цѣли. Эти смѣлые офицеры, послѣ чудеснаго переѣзда, совершеннаго въ четыре дня на хрупкихъ лодкахъ, прибыли на островъ Испаньолу. Тотчасъ-же они сообщили губернатору объ ужасномъ положеніи Колумба и его спутниковъ. Овандо задержалъ двухъ офицеровъ, подъ предлогомъ уясненія истиннаго положенія дѣлъ, и отправилъ на островъ Ямайку, лишь спустя восемь мѣсяцевъ, своего человѣка, нѣкоего Діэго Эскобара, личнаго врага Колумба. При своемъ прибытіи на Ямайку, Эскобаръ не пожелалъ снестись съ адмираломъ и даже не высадился на берегъ: онъ удовольствовался тѣмъ, что сбросилъ на берегъ въ распоряженіе бѣдствующаго экипажа „одну свинью и бочонокъ вина“; затѣмъ онъ уѣхалъ, не пустивши ни одного человѣка на свой корабль. Совѣсть отказывается вѣрить такой низости, но къ несчастью это истина.

Адмиралъ былъ глубоко оскорбленъ этой жестокою насмѣшкою; но онъ не горячился, не дѣлалъ никакихъ упрековъ. Пріѣздъ Эскобара все-же успокоилъ несчастныхъ моряковъ, такъ какъ онъ доказывалъ, что ихъ положеніе было извѣстно. Освобожденіе, слѣдовательно, являлось только вопросомъ времени, и испанцы пріободрились.

Адмиралъ хотѣлъ попытаться привлечь къ себѣ братьевъ Паррасъ и другихъ возмутившихся, которые, со времени разрыва, не переставали разорять островъ и причинять туземцамъ гнусныя жестокости. Онъ предложилъ имъ миръ, но эти безумные отвѣтили Колумбу нападеніемъ на его убѣжище. Испанцы, оставшіеся вѣрными Колумбу, принуждены были, для своей защиты, взяться за оружіе. Друзья адмирала храбро защищали своего начальника. Они потеряли только одного изъ своихъ и остались побѣдителями въ этомъ грустномъ дѣлѣ, успѣвъ захватить въ плѣнъ обоихъ братьевъ Паррасъ. Мятежники бросились на колѣна къ ногамъ Колумба, и онъ, снисходя къ ихъ страданіямъ, простилъ ихъ.

Наконецъ, только черезъ годъ послѣ отъѣзда Мендеца и Фіэско, показался корабль, снаряженный ими на средства Колумба. Этотъ корабль долженъ былъ возвратить бѣдныхъ моряковъ въ ихъ отечество. 24-го іюня 1504 года всѣ взошли на корабль и, покинувъ Ямайку, это мѣсто столькихъ нравственныхъ и физическихъ страданій, поплыли по направленію къ острову Испаньолѣ.

Прибывъ въ портъ, послѣ благополучнаго переѣзда, Христофоръ Колумбъ, къ своему великому удивленію, былъ встрѣченъ съ большимъ уваженіемъ. Губернаторъ Овандо, какъ ловкій человѣкъ, не желавшій возбуждать общественное мнѣніе, оказалъ адмиралу почетъ. Но хорошія отношенія продолжались не долго. Придирки не заставили себя ждать и вскорѣ дошли до того, что Колумбъ, не будучи въ состояніи ихъ долѣе терпѣть, униженный, даже оскорбленный, нанялъ два корабля, начальство надъ которыми онъ раздѣлилъ съ своимъ братомъ Бартоломеемъ. 12-го сентября 1504 года онъ пустился въ свое послѣднее путешествіе въ Европу.

Это четвертое путешествіе записало на географическую карту: острова Кайманскіе, Мартиникъ, Лимонаресскіе, Гуанайя, берега: Гондурасскій, Москитосскій, Никарагуа, Верагуа, Коста-Рика, Порто-Белло, Панама, острова Мулатасскіе и Даріенскій заливъ.

Буря должна была еще разъ потрепать Колумба во время его послѣдняго переѣзда. Его корабль лишился рангоутовъ и весь экипажъ принужденъ былъ перемѣститься на корабль брата. 19-го октября ураганъ сорвалъ большую мачту на второмъ кораблѣ, которому предстояло еще пройти семьсотъ лье съ полными парусами. Наконецъ, 7-го ноября адмиралъ вошелъ въ портъ Санъ-Люка.

Грустная новость ждала Колумба при его возвращеніи. Его покровительница, королева Изабелла, умерла. Кто приметъ теперь участіе въ старомъ генуэзцѣ?

Неблагодарный и завистливый Фердинандъ принялъ адмирала очень сухо. Король не избѣгалъ всякихъ увертокъ и проволочекъ въ надеждѣ отказаться отъ торжественнаго договора, подписаннаго его рукой, и кончилъ тѣмъ, что предложилъ Колумбу маленькій городокъ въ Кастиліи, Камонъ де-лосъ-Кондесъ, взамѣнъ всѣхъ титуловъ и почетныхъ должностей.

Такая неблагодарность и вѣроломство подкосили въ конецъ старика. Его глубоко разстроенное здоровье болѣе не возстановлялось и вскорѣ горе его свело въ могилу. 20-го мая 1506 года

въ Валладолидѣ семидесяти лѣтъ отъ роду скончался Колумбъ, произнеся слѣдующія слова: „Господи, въ руки твои предаю духъ мой!“

Останки Христофора Колумба были сперва помѣщены въ монастырѣ св. Франциска; затѣмъ, въ 1513 году, ихъ перенесли въ Картезіанскій монастырь въ Севильѣ. Но казалось, что великій мореплаватель не обрѣлъ покоя даже послѣ смерти. Въ 1536 году его тѣло было перенесено въ соборъ въ Санъ-Доминго. По Базельскому договору 1795 года, должна была быть уступлена Франціи восточная часть острова Санъ-Доминго; испанское правительство распорядилось о томъ, чтобы останки великаго мореплавателя были перенесены въ Гавану; но преданіе говоритъ, что одинъ каноникъ подмѣнилъ эти останки другими, а прахъ Христофора Колумба находится нынѣ на хорахъ собора, по лѣвую сторону алтаря.

Благодаря этой продѣлкѣ каноника, внушенной ему или чувствомъ патріотизма, или уваженіемъ къ послѣдней волѣ Колумба, назначившаго Санъ-Доминго мѣстомъ своего погребенія, испанцы владѣютъ въ Гаваннѣ не останками знаменитаго мореплавателя, а останками брата его Діэго.

10-го сентября 1877 года въ соборѣ въ Санъ-Доминго была снята крышка съ свинцоваго ящика, заключающаго въ себѣ человѣческіе останки; надпись на ящикѣ доказываетъ, что останки эти принадлежатъ *открывателю* Америки, что, очевидно, подтверждаетъ приведенное выше преданіе.

Впрочемъ, гдѣ дѣйствительно находятся останки Колумба—въ Санъ-Доминго-ли, или въ Гаваннѣ—это не важно: его имя и его слава вездѣ.

ГЛАВА VIII.

Покореніе Индіи и страны пряностей.

I.

Ковилгамъ и Паива.—Васко-де-Гама.—Мысъ Доброй Надежды обогнутъ.—Остановки въ Санъ-Брацѣ, въ Мозамбикѣ, въ Момбасѣ и въ Мелиндѣ.—Прибытіе въ Каликуту.—Измѣна заморина.—Битвы.—Возвращеніе въ Европу.—Скорбутъ.—Смерть Пауло-де-Гамы.—Пріѣздъ въ Лиссабонъ.

Одновременно съ Діацомъ, отправленнымъ на югъ Африки для изысканія пути въ Индію, Іоаннъ II, король Португаліи, отправилъ также двухъ дворянъ разузнать, нельзя-ли проникнуть туда же дорогою болѣе легкою, болѣе корот-

кою и болѣе безопасною: черезъ Суэзскій перешеекъ, Красное море и Индійскій океанъ.

Такое порученіе требовало человѣка искуснаго, предпріимчиваго, хорошо знакомаго съ трудностями путешествія по этимъ странамъ, знающаго восточные языки или хоть въ крайнемъ случаѣ одинъ арабскій. Нужно было найти умъ изворотливый и скрытный, способный отклонить всякое подозрѣніе отъ истиннаго смысла проекта, идущаго не далѣе того, какъ къ захвату изъ рукъ мусульманъ, арабовъ, а слѣдовательно и венеціанцевъ всей азіатской торговли въ пользу однихъ португальцевъ.

Нѣкто Педро Ковилгамъ, отличившійся на службѣ у короля Альфонса V, во время его войны съ Кастиліей, жилъ долгое время въ Африкѣ. На немъ остановился выборъ Іоанна II. Къ нему онъ присоединилъ Алонзо Паиву, и оба они, снабженные подробною инструкціей и картой, составленной по плоскошаріямъ епископа Калзадилла, слѣдуя которой можно было объѣхать вокругъ Африки, выѣхали изъ Лиссабона въ маѣ мѣсяцѣ 1487 года.

Оба путешественника достигли Александріи и Каира, гдѣ имъ удалось встрѣтиться съ купцами изъ Феца и Тлемсена, которые проводили ихъ въ Торъ, древній Азіонгаберъ, у подошвы Синая, гдѣ они могли пріобрѣсти важныя свѣдѣнія о каликутской торговлѣ.

Ковилгамъ рѣшилъ воспользоваться счастливымъ случаемъ, чтобы посѣтить страну, на которую Португалія уже въ продолженіе цѣлаго столѣтія бросала алчные взоры, между тѣмъ какъ Паива направился въ страны, обозначаемыя въ то время неопредѣленно подъ именемъ Эфіопіи, за поисками знаменитаго проповѣдника Іоанна, который царствовалъ, по разсказамъ древнихъ путешественниковъ, надъ одной африканской страной, удивительно богатой и плодородной. Паива, безъ сомнѣнія, палъ гдѣ-нибудь жертвой своей смѣлой попытки, такъ какъ мы болѣе нигдѣ ничего о немъ не встрѣчаемъ.

Что касается до Ковилгама, то онъ достигъ Адена, откуда сѣлъ на корабль и поплылъ къ Малабарскому берегу. Онъ посѣтилъ послѣдовательно Кананоръ, Каликуту и Гоа и собралъ подробныя свѣдѣнія о торговлѣ и произведеніяхъ сосѣднихъ съ Индійскимъ моремъ странъ, нигдѣ не возбуждая подозрѣнія индусовъ, очень далекихъ отъ мысли, что дружественный пріемъ, кото-

рый они оказывали путешественнику, обезпечивалъ разореніе и порабощеніе ихъ отечества.

Ковилгамъ, полагая, что онъ еще не достаточно сдѣлалъ для своей страны, покинулъ Индію и добрался до восточнаго берега Африки, гдѣ посѣтилъ Мозамбикъ, Софалу, издавна извѣстную своими золотыми пріисками, слава о которыхъ была распространена въ Европѣ арабами, и Цейлу, древній „Avalites portus", главный городъ Адельскаго берега, при входѣ въ Аравійскій заливъ, на Оманскомъ морѣ. Послѣ довольно продолжительнаго пребыванія въ этой странѣ, онъ возвратился въ Аденъ, въ то время главное средоточіе торговли Востока, и оттуда доѣхалъ до входа въ Персидскій заливъ, т.-е. до Ормузскаго пролива, затѣмъ, поднявшись по Красному морю, онъ достигъ Каира.

Іоаннъ II послалъ двухъ ученыхъ евреевъ, которые должны были тамъ встрѣтить Ковилгама. Сей послѣдній передалъ одному изъ нихъ, Аврааму Бейа, свои замѣтки, дорожникъ своихъ путешествій и карту Африки, полученную имъ отъ одного мусульманина, и поручилъ ему отвезти это все возможно скорѣе въ Лиссабонъ.

Самъ-же, не довольствуясь тѣмъ, что было имъ сдѣлано до сихъ поръ, и желая выполнить ту миссію, которую смерть помѣшала выполнить Паивѣ, онъ проникъ въ Абиссинію къ извѣстному проповѣднику Іоанну, который былъ очень польщенъ тѣмъ, что его союза ищетъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ монарховъ Европы, и принялъ Ковилгама съ большою благосклонностью, при чемъ далъ ему высокое положеніе при своемъ дворѣ; но, чтобы обезпечить себя въ продолжительности его услугъ, онъ отказался отпускать его изъ своей страны. Хотя Ковилгамъ женился и имѣлъ дѣтей, но онъ не переставалъ думать о своемъ отечествѣ и, когда въ 1525 году португальское посольство, въ которомъ принималъ участіе Алваресъ, пріѣхало въ Абиссинію, онъ глядѣлъ на отъѣздъ своихъ соотечественниковъ съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія, и капелланъ экспедиціи очень сочувственно отнесся къ его жалобамъ и къ его скорби.

„Сообщая,—говоритъ Фердинандъ Денисъ,—для путешествій вокругъ Африки точныя указанія, обозначая дорогу въ Индію, давая о торговлѣ этой страны самыя точныя и подробныя свѣдѣнія, описывая съ особенною тщательностью золотые пріиски въ Софалѣ, которые не могли не возбудить жадность португальцевъ, Ковилгамъ способствовалъ ускоренію экспедиціи Гамы".

Если вѣрить преданію, которое, впрочемъ, не подтверждается ни однимъ документомъ, Гама происходилъ отъ незаконной вѣтви португальскаго короля Альфонса III. Отецъ его, Эстевамъ Эанецъ-де-Гама, былъ главнымъ судьею въ Синесѣ и Сильвесѣ въ королевствѣ Алгавріи и занималъ высокое положеніе при дворѣ Іоанна II. Слава его, какъ моряка, была такова, что король хотѣлъ дать ему начальство надъ флотомъ, снаряженнымъ для плаванія въ Индію, но смерть короля помѣшала выполненію этой мысли.

Отъ его брака съ донной Изабеллой Содре, дочерью Жана-де-Резенде, проведитора Сантаремскихъ укрѣпленій, родились дѣти: Васко, который первый достигъ Индіи, обогнувъ мысъ Доброй Надежды, и Пауло, сопровождавшій его въ этой памятной экспедиціи. Извѣстно, что Васко-де-Гама родился въ Синесѣ, но годъ его рожденія точно не установленъ. Хотя обыкновенно принимаютъ 1469 годъ за годъ его рожденія, но это невѣроятно, такъ какъ Гама въ такомъ случаѣ былъ очень молодъ (ему не исполнилось еще двадцати восьми лѣтъ), когда ему дано было начальство надъ экспедиціей въ Индію; но, кромѣ того, лѣтъ двадцать тому назадъ въ испанскихъ архивахъ была найдена пропускная грамота отъ 1478 г. на имя двухъ лицъ, Васко-де-Гамы и Лемоса, для проѣзда въ Тангеръ. Почти невѣроятно, чтобы такой пропускъ былъ данъ девятилѣтнему ребенку, и это обстоятельство заставляетъ думать, что знаменитый путешественникъ родился много раньше.

Наклонность Васко-де-Гамы сказалась очень рано. Онъ былъ расположенъ слѣдовать той же морской карьерѣ, которая прославила его отца. Первый историкъ Индіи, Лопецъ-де-Кастанеда, съ удовольствіемъ подчеркиваетъ, что онъ прославился на африканскихъ моряхъ.

Извѣстно также, что ему было поручено захватить всѣ французскіе корабли, бросившіе якоря въ португальскихъ портахъ, въ отмщеніе за захватъ богатаго португальскаго галіона, возвращавшагося изъ Мины, совершенный въ мирное время двумя французскими разбойничьими судами.

Такое порученіе могло быть ввѣрено только капитану дѣятельному, энергичному и извѣстному своими славными дѣлами. Для насъ это можетъ служить доказательствомъ, что мужество и способности Гамы высоко цѣнились королемъ.

Около этого времени онъ женился на доннѣ Катаринѣ-де-Атаидъ, одной изъ самыхъ знатныхъ придворныхъ дамъ, отъ которой онъ имѣлъ нѣсколько дѣтей и между прочимъ Эстевама-де-Гаму, который былъ впослѣдствіи губернаторомъ въ Индіи, и Христовама, который своею борьбою въ Абиссиніи противъ Ахмеда Герада,—говоритъ Гоше,—и своею романическою смертью заслуживаетъ мѣсто въ ряду лучшихъ рыцарей XVI вѣка.

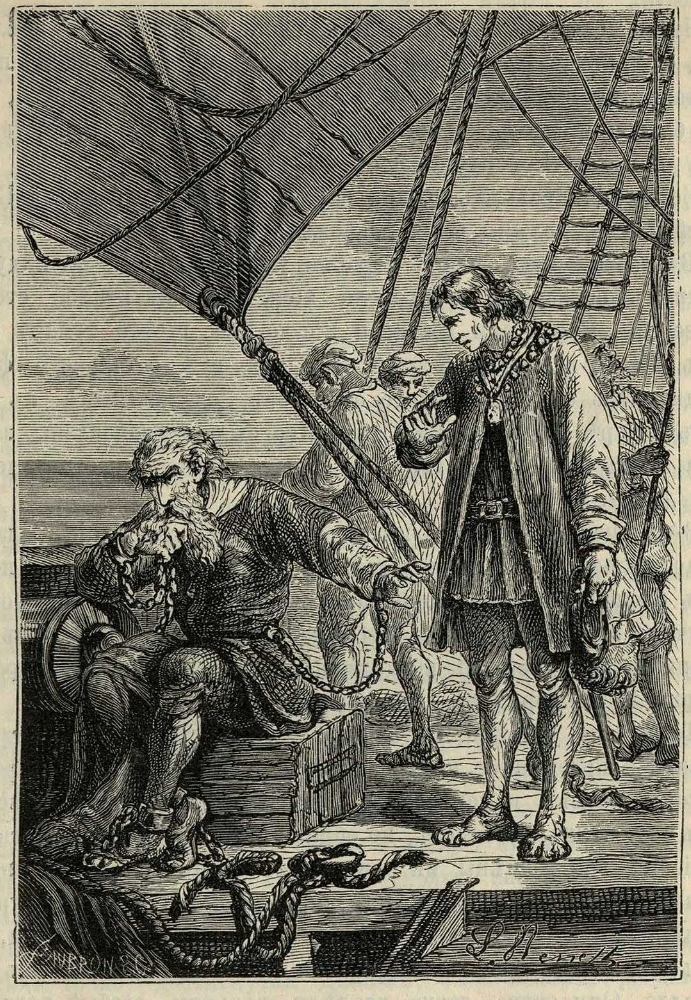
Благодаря документу, забытому въ Портской публичной библіотекѣ, о которомъ Костанеда долженъ былъ знать и съ котораго Фердинандъ Денисъ сдѣлалъ переводъ для сочиненія г. Шартона—„Voyageurs anciens et modernes“,—благодаря этому документу, относительно времени перваго путешествія Васко-де-Гамы не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Можно съ полною достовѣрностью сказать, что онъ выѣхалъ въ субботу 8-го іюля 1497 года. Всѣ подробности этой экспедиціи были заранѣе предусмотрѣны и строго обдуманы.

Она должна была состоять изъ четырехъ кораблей средней величины, „дабы,—говоритъ Пахеко (Pacheco),—они могли быстро входить и выходить всюду“. Прочно сооруженные, они были снабжены тройной перемѣной парусовъ и канатовъ. Всѣ бочки, назначенныя для запасовъ воды, масла или вина, были скрѣплены желѣзными обручами; всевозможные запасы: мука, вино, овощи, аптекарскія принадлежности, артиллерія—все это было въ изобиліи; лучшіе матросы, искусные кормчіе, опытные капитаны составляли персоналъ этихъ кораблей.

Гама, получившій титулъ „capitain'à mor“, водрузилъ свой флагъ на „Sam-Gabriel'ѣ“—кораблѣ въ 120 тоннъ. Братъ его, Пауло-да-Гама, помѣстился на „Sam-Raphael'ѣ“—въ 100 тоннъ. На каравеллѣ въ 50 тоннъ, „Berrio“, названной такъ по имени матроса Берріо, продавшаго ее Эммануилу I, помѣщался капитанъ Николай Коельо (Coelho), опытный морякъ. Наконецъ Педро Нунесъ управлялъ большою баркою, нагруженною провизіей и предметами, назначенными для мѣны съ туземцами, страны которыхъ они намѣревались посѣтить.

Перо Алемкверъ (Pero-de-Alemquer), кормчій Бартоломея Діаца, долженъ былъ направлять экспедицію. Весь экипажъ флота, со включеніемъ десяти преступниковъ, которыхъ взяли для исполненія опасныхъ порученій, доходилъ до ста шестидесяти человѣкъ.



Колумбъ пожелалъ остаться въ цѣпяхъ.

Въ сравненіи съ важностью задачи, которую эти люди отправились разрѣшать, какія это все слабыя, почти смѣшныя средства

8-го іюля, при первыхъ лучахъ солнца, Гама, въ сопровожденіи своихъ офицеровъ, среди громаднаго стеченія народа приближается къ своимъ кораблямъ. Вокругъ него образуется свита изъ монаховъ и священниковъ, которые поютъ священные гимны и просятъ небо ниспослать свое покровительство на путешественниковъ.

Этотъ отъѣздъ представлялъ очень трогательное зрѣлище. Всѣ, и дѣйствующіе, и зрители, смѣшивались въ общемъ пѣніи, крикахъ, прощаніяхъ и слезахъ, между тѣмъ какъ паруса, вздутые благопріятнымъ вѣтромъ, рвались въ открытое море, увлекая Гаму и надежды португальцевъ.

Большая каравелла и одна барка, которою управлялъ Бартоломей Діацъ, должны были провожать Гаму до Мины.

Въ слѣдующую субботу корабли уже находились въ виду Канарскихъ острововъ и провели ночь съ завѣтренной стороны Ланзероте. Когда они достигли Ріо-де-Ура, густой туманъ отдѣлилъ Пауло-да-Гаму, Коельо и Діаца отъ остального флота. Соединились они вновь около острововъ Зеленаго мыса, къ которымъ вскорѣ подошли. Въ Сантъ-Яго были возобновлены запасы мяса, воды и дровъ, и корабли, вновь хорошо снабженные, пошли далѣе.

3-го августа корабли покинули берегъ св. Маріи. Плаваніе продолжалось безъ значительныхъ приключеній, и 4-го ноября былъ брошенъ якорь у Африканскаго берега, въ бухтѣ, которая получила имя св. Елены. Путешественники оставались въ этой гавани восемь дней, въ продолженіе которыхъ запаслись дровами и привели въ порядокъ свои корабли.

Тамъ они увидѣли въ первый разъ босхисовъ, это отвратительное и презрѣнное племя, которое питалось мясомъ морскихъ волковъ, китовъ и кореньями. Португальцы захватили нѣсколькихъ изъ этихъ туземцевъ, но обращались съ ними дружественно. Дикіе не знали цѣны ни одному изъ предметовъ, которые имъ показывались; они видѣли ихъ впервые и не знали ихъ употребленія. Единственная вещь, которую они, казалось, цѣнили, была мѣдь; въ ушахъ своихъ они носили маленькія цѣпочки изъ этого металла. Они очень ловко владѣли копьями—особый родъ дротиковъ, концы которыхъ закаливались на огнѣ, что и пришлось почувствовать четыремъ матросамъ и самому Гамѣ, попытавшимся вырвать изъ ихъ рукъ нѣкоего Веллозо, неосторожно углубившагося во внутрь страны,—случай, послужившій Камоэнсу матеріаломъ для одного изъ лучшихъ мѣстъ его „*Лузіады*“.

Покинувъ св. Елену, Перо Алемкверъ, прежній лоцманъ Діаца, объявилъ, что они находятся въ тридцати лье отъ мыса Доброй Надежды. Не безъ сомнѣнія флотъ пустился въ море, и 18-го ноября дѣйствительно открылся мысъ Доброй Надежды, который

флотъ и обогнулъ при благопріятномъ вѣтрѣ на другой-же день.

25-го корабли вошли въ бухту Самъ-Брацъ, гдѣ они оставались тринадцать дней, въ продолженіе которыхъ припасы, находящіеся на одномъ кораблѣ, были разгружены на три. Во время этой стоянки, португальцы давали босхисамъ погремушки и другіе предметы, которые дикарями принимались съ восхищеніемъ. Со времени пребыванія на ихъ берегу Діаца они стали очень недовѣрчивыми и даже враждебными, такъ что попытались градомъ каменьевъ не допустить португальцевъ къ истоку прѣсной воды. Но португальцы успѣли расположить къ себѣ негровъ, которые впослѣдствіи пригнали быковъ и барановъ и, чтобы выразить свое удовольствіе по поводу пребыванія португальцевъ, „начали,—говоритъ Николай Вельо (Nicolas Velho),—играть на четырехъ или пяти флейтахъ, при чемъ одни вызывали высокіе звуки, другіе низкіе, чѣмъ образовали гармонію, изумительную для негровъ, отъ которыхъ нельзя было ожидать никакой музыки. Они также танцовали какъ могли, и Васко-де-Гама приказалъ трубить въ трубы, и мы танцовали въ нашихъ шлюпкахъ, и капитанъ самъ присоединился къ нашимъ танцамъ“.

Какъ вамъ нравится этотъ маленькій праздникъ и эта взаимная серенада, которую задавали другъ другу португальцы и негры? Интересно было бы видѣть Гаму, этого важнаго Гаму, какимъ изображаютъ его портреты,—видѣть его, выдѣлывающаго передъ неграми замысловатыя антраша! Къ сожалѣнію, эти хорошія отношенія были непродолжительны, и вскорѣ пришлось обратиться къ артиллеріи, которая сдѣлала нѣсколько залповъ.

На берегу бухты Самъ-Брацъ Гама воздвигнулъ колонну, которая была опрокинута вслѣдъ за его отплытіемъ. Ріо-Инфанте, крайняя точка, достигнутая Діацомъ, была вскорѣ пройдена. У этого мѣста флотъ попалъ въ сильное теченіе, которое онъ удачно поборолъ, благодаря благопріятному вѣтру. Въ день Рождества, 25-го декабря, онъ находился въ виду Натальскаго берега. Корабли были повреждены, воды прѣсной почти уже не было; нужно было зайти въ портъ, что корабли и сдѣлали 10-го января 1498 года. Негры, которыхъ увидѣли португальцы, когда высадились, были гораздо выше тѣхъ, которыхъ они встрѣчали до сихъ поръ. Вооруженіе ихъ состояло изъ большого лука, длинныхъ стрѣлъ и изъ копья, скованнаго желѣзомъ. Это были кафры,

составлявшіе расу много благороднѣе босхисовъ. Между ними установились такія хорошія сношенія, что Гама далъ этой странѣ названіе „Земли хорошей націи“ (Terra da boa Gente).

Немного далѣе, поднимаясь все вдоль берега, португальцы встрѣтили двухъ мусульманскихъ купцовъ—одного въ чалмѣ, а другого въ зеленомъ атласномъ капюшонѣ—и съ ними молодого человѣка; „судя по тому, что можно было понять изъ ихъ знаковъ, они принадлежали къ очень отдаленной странѣ и уже видѣли корабли, такіе же большіе, какъ наши“. Эта встрѣча послужила для Васко-де-Гамы доказательствомъ, что онъ приближается къ Индіи, къ этой давно желанной и искомой странѣ. Поэтому онъ и назвалъ рѣку, которая впадала въ этомъ мѣстѣ въ море, „Рѣкою хорошихъ предзнаменованій“ (Rio dos Boms Signaes). Въ то же время между экипажемъ появилась цынга, свалившая доброе число матросовъ.

10-го марта экспедиція пристала къ острову Мозамбику. Тамъ Гама, черезъ своихъ арабскихъ переводчиковъ, узналъ, что среди магометанскаго населенія находилось нѣсколько купцовъ, ведущихъ торговлю съ Индіей. Золото, серебро, ткани и пряности, жемчугъ и рубины составляли главные предметы этой торговли. Гама получилъ также свѣдѣнія, что онъ встрѣтитъ много городовъ, если будетъ подниматься по прибрежью, „чему мы были такъ рады,—говоритъ Вельо въ своихъ наивныхъ и драгоцѣнныхъ запискахъ,—что плакали отъ удовольствія, моля Бога, чтобы Онъ далъ намъ силы достигнуть того, чего мы такъ желали“.

Вице-король Колійтамъ, полагая, что онъ имѣетъ дѣло съ мусульманами, приходилъ неоднократно на корабли, гдѣ ему оказывали великолѣпный пріемъ; на такую учтивость онъ отвѣтилъ присылкой подарковъ и даже далъ Гамѣ двухъ искусныхъ кормчихъ; но когда магометанскіе купцы, торговавшіе съ Европой, донесли ему, что эти чужеземцы не имѣютъ ничего общаго съ турками и что они злѣйшіе враги магометанъ, тогда вице-король, пристыженный тѣмъ, что позволилъ себя обмануть, пустилъ въ дѣло все, чтобы завладѣть ими и измѣннически ихъ убить. Пришлось навести артиллерію на городъ и грозить превратить его въ пепелъ, чтобы добиться воды, необходимой для дальнѣйшаго путешествія. Кровь, однако, потекла, и Пауло-де-Гама завладѣлъ двумя барками, богатый грузъ которыхъ былъ раздѣленъ между матросами.

29-го марта Гама покинулъ этотъ негостепріимный городъ и продолжалъ свое путешествіе, не переставая наблюдать за своими новыми кормчими, на которыхъ не разъ приходилось дѣйствовать побоями.

4-го апрѣля открылся берегъ, а 8-го корабли подошли къ городу Момбасу, который, по увѣренію кормчихъ, былъ населенъ христіанами и мусульманами.

Флотъ бросилъ якорь около гавани, не рискуя войти въ нее, несмотря на восторженный пріемъ, который ему оказали. Португальцы были уже склонны встрѣтиться съ христіанами на другой день у обѣдни, когда ночью къ адмиральскому кораблю приблизилась „завра" (zavra), на которой было до сотни вооруженныхъ людей, выразившихъ намѣреніе взойти на корабль всей компаніей заразъ; но имъ въ этомъ было отказано.

Извѣщенный о томъ, что произошло въ Мозамбикѣ, король момбасскій, притворяясь ничего не знающимъ, прислалъ Гамѣ подарки, предложилъ ему учредить въ его столицѣ факторію и увѣрялъ его, что, едва онъ вступитъ въ гавань, ему будетъ готовъ грузъ пряностей и благовонныхъ веществъ. Главный капитанъ, ничего не подозрѣвая, тотчасъ же послалъ двухъ своихъ людей увѣдомить о своемъ согласіи войти въ гавань на другой день. Якорь уже былъ поднятъ, но адмиральскій корабль отказался поворотить на другой галсъ *), вслѣдствіе чего въ гавань нельзя было войти. Камоэнсъ въ прелестномъ поэтическомъ вымыслѣ утверждаетъ, что это Нереиды, предводимыя Венерой, покровительницей португальцевъ, задержали корабли у входа въ гавань. Всѣ мавры, находившіеся на португальскихъ корабляхъ, быстро сошли съ нихъ, а мозамбикскіе кормчіе бросились въ воду. Два мавра, подверженные жестокой пыткѣ, сознались, что тпоругальцевъ, едва они вступятъ въ гавань, намѣревались захватить въ плѣнъ. Ночью мавры неоднократно дѣлали попытки влѣзть на корабль и обрубить канаты, чтобы какимъ-нибудь образомъ нанести португальцамъ вредъ, но ихъ намѣреніе было каждый разъ замѣчаемо. При такихъ условіяхъ стоянка въ Момбасѣ не могла быть продолжительной, но все же она затянулась до выздоровленія всѣхъ матросовъ.

Въ восьми лье отъ стоянки флотъ захватилъ барку, богато

---

*) Галсъ—положеніе плывущаго корабля относительно вѣтра.

нагруженную золотомъ, серебромъ и провизіей. На другой день флотъ подошелъ къ Мелиндѣ, очень богатому и цвѣтущему городу, позолоченые минареты котораго, сіяющіе подъ солнечными лучами, и ослѣпительной бѣлизны мечети выдѣлялись на синемъ небѣ.

Пріемъ, вначалѣ холодный, благодаря захвату барки, о чемъ въ Мелиндѣ всѣ знали, сдѣлался очень миролюбивымъ послѣ взаимныхъ объясненій. Сынъ короля, окруженный великолѣпной придворной свитой и хоромъ музыкантовъ, игравшихъ на различныхъ инструментахъ, явился къ адмиралу. Болѣе всего туземцы были поражены стрѣльбою изъ пушки, что вполнѣ понятно, благодаря тому, что порохъ еще не былъ извѣстенъ на африканскомъ берегу. Торжественный договоръ былъ освященъ присягою на Евангеліи и Коранѣ и скрѣпленъ обмѣномъ великолѣпныхъ подарковъ.

Всѣ козни и злыя намѣренія, затрудненія всякаго рода, осаждавшія до сихъ поръ экспедицію, исчезли теперь точно по волшебству, что нужно приписать искренности и великодушію короля Мелинды и помощи, которую онъ оказалъ португальцамъ.

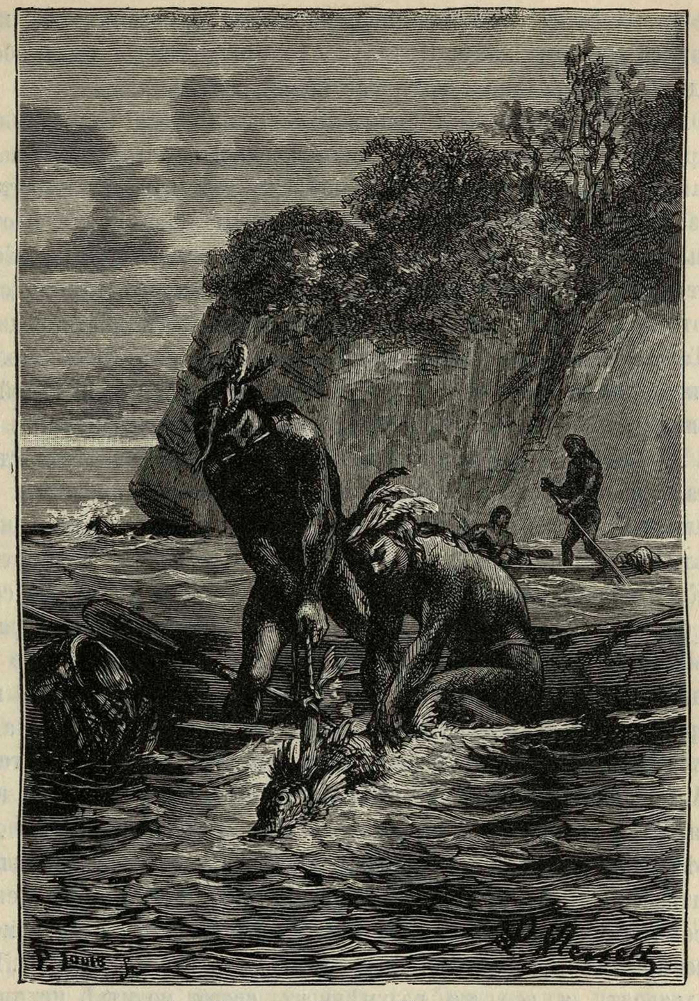
Вѣрный обѣщанію, которое онъ далъ Васко-да-Гамѣ, король прислалъ ему кормчаго, по имени Малемо Кана, человѣка свѣдущаго въ мореплаваніи, умѣвшаго пользоваться компасомъ и картами; этотъ человѣкъ оказалъ экспедиціи большія услуги.

Послѣ девятидневнаго пребыванія въ гавани флотъ направился къ Каликуту.

Теперь надо было отказаться отъ плаванія вдоль береговъ, практиковавшагося до сихъ поръ. Наступилъ день, въ который пришлось, предавшись на волю Божію, пуститься въ открытый океанъ, имѣя проводникомъ одного и то незнакомаго кормчаго, назначеннаго королемъ, хорошій пріемъ котораго все же не могъ усыпить недовѣріе португальцевъ.

И все же, благодаря искусству и честности этого кормчаго, благодаря милости моря и вѣтра, благопріятствовавшихъ постоянно мореплавателямъ, корабли, послѣ двадцатитрехдневнаго плаванія, 17-го мая, находились въ виду земли и на другой день пристали на два лье ниже Каликуты.

Восторгъ на корабляхъ не имѣлъ границъ. Наконецъ, они пріѣхали въ эти богатыя, въ эти дивныя страны. Усталость,



Ловля рыбы индѣйцами.

опасности, болѣзни,—все было забыто. Цѣль, столь долгихъ усилій, была достигнута!

На самомъ дѣлѣ, это только казалось. Вѣдь надо было еще сдѣлаться хозяевами сокровищъ и всѣхъ богатствъ страны.

Едва якорь коснулся дна, какъ четыре лодки отдѣлились отъ берега и стали лавировать вдоль кораблей, приглашая матросовъ знаками высадиться на берегъ. Но Гама, сдѣлавшійся осторожнымъ послѣ событій въ Мозамбикѣ и Момбасѣ, послалъ на бе-

регъ въ качествѣ развѣдчика одного изъ преступниковъ, находившихся на корабляхъ. Этотъ послѣдній долженъ былъ обойти городъ и постараться узнать настроеніе жителей.

Окруженный толпою любопытныхъ, осажденный вопросами, на которые не могъ отвѣтить, онъ былъ отведенъ къ одному мавру, Мусаиду, говорившему по-испански. Ему онъ разсказалъ о странствованіи кораблей. Мусаидъ отправился съ нимъ къ флоту и первыя его слова, при вступленіи на корабль, были: „Желаю счастья, желаю счастья! Много рубиновъ, много изумрудовъ!" Съ этихъ поръ Мусаидъ состоялъ переводчикомъ при экспедиціи.

Такъ какъ король Каликуты находился отъ своей столицы въ пятнадцати лье, то Гама послалъ къ нему двухъ людей съ сообщеніемъ, что прибылъ посолъ португальскаго короля и привезъ для него отъ своего ввѣрителя письма. Король тотчасъ же послалъ своего кормчаго, котораго уполномочилъ провести португальскіе корабли въ болѣе безопасный рейдъ Пандарани, и отвѣтилъ, что онъ на другой день будетъ самъ въ Каликутѣ.

Королевскій чиновникъ явился къ Гамѣ и просилъ его сойти на берегъ, чтобы побесѣдовать о посольствѣ. Несмотря на мольбы и увѣщанія брата Пауло-де-Гамы, представлявшаго всѣ опасности, какимъ можетъ подвергнуться Васко-де-Гама, и ту потерю, какую понесетъ съ его утратой вся экспедиція, адмиралъ все же сошелъ на берегъ, гдѣ его ждала громадная толпа.

Мысль о томъ, что они находятся среди христіанскаго населенія, такъ вкоренилась во всѣхъ членахъ экспедиціи, что даже встрѣтивъ по дорогѣ пагоду, Гама все же вошелъ въ храмъ помолиться. Одинъ изъ товарищей, Жуанъ де-Саа, приведенный въ сомнѣніе безобразіемъ стѣнныхъ изображеній, сталъ менѣе легковѣрнымъ и, упавъ на колѣна, громко воскликнулъ: „Если это дьяволъ, я все же разумѣю въ своей молитвѣ истиннаго Бога". Эти слова вызвали въ адмиралѣ хорошее расположеніе духа.

Около городскихъ воротъ толпа была еще многочисленнѣе. Гама и португальцы, сопровождаемые чиновникомъ, добрались до дворца съ большимъ трудомъ. Тамъ король, называемый въ запискахъ „заморинъ", ждалъ ихъ съ большимъ нетерпѣніемъ.

Ихъ ввели въ залу, пышно убранную тканями и коврами; всюду курились тонкія благоуханія. Заморинъ, одѣтый въ драгоцѣнное платье, убранный жемчугомъ и брилліантами необыкновенной величины, ждалъ ихъ.

Король приказалъ подать прохладительные напитки и позволилъ имъ сѣсть,—высокая милость въ странѣ, гдѣ съ повелителемъ не говорятъ иначе, какъ повергаясь на землю. Затѣмъ онъ отправился въ другую комнату, чтобы безъ свидѣтелей, какъ на томъ настаивалъ Гама, выслушать мотивы посольства, сводившагося къ желанію португальскаго короля заключить съ королемъ Каликуты торговый трактатъ и союзъ. На это предложеніе Гамы заморинъ отвѣтилъ, что былъ бы счастливъ считать братомъ и другомъ короля Эммануила и что онъ черезъ его посредство отправитъ посольство въ Португалію.

Хорошее впечатлѣніе, оставленное ловкой рѣчью Гамы и надежды, которыя онъ вызвалъ въ умѣ заморина представленіемъ ему всѣхъ выгодъ отъ его торговаго союза съ португальцами,—все это исчезло при видѣ подарковъ, врученныхъ ему. „Двѣнадцать кусковъ полосатаго сукна, двѣнадцать плащей съ красными капюшонами, шесть шляпъ и четыре корраловыя вѣтви, ящикъ съ сахаромъ и четыре бочонка—два съ масломъ и два съ медомъ“,—все это въ самомъ дѣлѣ не составляло богатаго приношенія. Видя эти подарки, первый министръ заявилъ съ усмѣшкой, что бѣднѣйшій купецъ Мекки можетъ явиться съ болѣе цѣнными подарками и что король никогда не приметъ такихъ бездѣлицъ. Гама счелъ это заявленіе министра за обиду и отправился къ заморину. Послѣ долгаго ожиданія среди смѣющейся толпы, онъ былъ введенъ къ королю. Послѣдній замѣтилъ Гамѣ презрительнымъ тономъ, что какъ-же онъ, считающій себя подданнымъ такого богатаго и могущественнаго короля, не имѣетъ ничего, чтобы принести ему въ даръ? Гама возразилъ съ гордостью, причемъ представилъ письма Эммануила, въ которыхъ король Португаліи въ лестныхъ выраженіяхъ обѣщалъ прислать товары въ Каликуту. Король, которому очень улыбнулась эта перспектива, освѣдомился съ интересомъ о цѣнности продуктовъ и о средствахъ Португаліи—и позволилъ Гамѣ разгрузить и продавать его товары.

Однако, этотъ рѣзкій поворотъ въ настроеніи заморина не могъ прійтись по вкусу мавританскимъ и арабскимъ купцамъ, которые благоденствовали въ Каликутѣ. Они не могли помириться съ мыслью, что иностранцы будутъ имѣть вліяніе на ходъ торговли, пребывавшей до сихъ поръ исключительно въ ихъ рукахъ и рѣшились не останавливаться ни передъ чѣмъ, чтобы отстранить этихъ опасныхъ конкурентовъ навсегда отъ береговъ Индіи.

Начали они съ попытки подкупить королевскаго чиновника; затѣмъ они передъ всѣми рисовали самыми мрачными красками этихъ ненасытныхъ искателей приключеній, этихъ наглыхъ грабителей, искавшихъ только случая хорошо ознакомиться со средствами города, чтобы вслѣдъ за тѣмъ возвратиться въ большомъ числѣ, ограбить его и раздавить всѣхъ тѣхъ, кто окажетъ сопротивленіе ихъ намѣреніямъ.

Прибывши въ рейдъ Пандарани, Гама не нашелъ ни одной лодки, которая подвезла бы его къ кораблю, вслѣдствіе чего принужденъ былъ ночевать на берегу. Королевскій чиновникъ не покидалъ его, стараясь все убѣдить Гаму приблизить флотъ къ берегу, и, получивши формальный отказъ адмирала, объявилъ ему, что онъ плѣнникъ. Это значило—не знать твердости Гамы.

Двѣ вооруженныя шлюпки были отправлены, чтобы напасть врасплохъ на корабли, но португальцы, извѣщенные тайно своимъ адмираломъ о случившемся, были приготовлены, и потому это предпріятіе ничѣмъ не кончилось.

Между тѣмъ Гама, оставаясь плѣнникомъ, угрожалъ чиновнику гнѣвомъ заморина, который, по его мнѣнію, не могъ такъ измѣнить долгу гостепріимства. Но видя, что угрозы эти не производятъ никакого дѣйствія, онъ подарилъ министру нѣсколько кусковъ матеріи, которые привели къ хорошему результату.

— Если-бы португальцы,—сказалъ онъ,—сдержали обѣщаніе, данное королю—разгрузить свои товары, то адмиралъ давно бы могъ вернуться на свои корабли.—Гама тотчасъ-же распорядился разгрузить ихъ и учредилъ факторію, управленіе которой было поручено Діэго-Діацу, брату того, который открылъ мысъ Доброй Надежды. Вслѣдъ затѣмъ Гама былъ освобожденъ.

Но такъ какъ мусульмане препятствовали продажѣ товаровъ, понижая на нихъ цѣну, то Гама послалъ своего довѣреннаго Діаца къ заморину съ жалобой на вѣроломство мавровъ и на то дурное обращеніе, которое они оказываютъ португальцамъ. Въ то же время онъ просилъ о разрѣшеніи перенести свою факторію въ Каликуту, гдѣ, какъ онъ надѣялся, товары будутъ продаваться легче.

Просьба эта была принята благосклонно, и хорошія отношенія сохранялись, несмотря на происки мавровъ, до 10-го августа 1498 года. Въ этотъ день Діацъ, увѣдомляя заморина о предстоящемъ вскорѣ отъѣздѣ Гамы, напомнилъ ему обѣщаніе послать

посольство въ Португалію и просилъ у него образчиковъ произведеній страны, за которые заморину будетъ уплачено при первой продажѣ товаровъ послѣ отъѣзда флота, такъ какъ служащіе при факторіи располагали оставаться въ Каликутѣ въ отсутствіе Гамы.

Побужденный арабскими торговцами, заморинъ не только отказалъ исполнить свое обѣщаніе, но еще потребовалъ 600 *серафиновъ* въ уплату таможенныхъ пошлинъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ приказалъ захватить товары и португальцевъ, торговавшихъ ими.

Такое оскорбленіе, такое презрѣніе человѣческихъ правъ требовали немедленнаго возмездія. Однако, Гама сумѣлъ сдержаться; но когда къ нему на корабль пріѣхало нѣсколько богатыхъ купцовъ, онъ задержалъ ихъ и послалъ къ заморину просить въ обмѣнъ своихъ плѣнныхъ.

Король заставилъ ждать отвѣта гораздо дольше назначеннаго адмираломъ срока. Гама поднялъ паруса и отплылъ на четыре лье отъ Каликуты. Послѣ новаго безуспѣшнаго нападенія индусовъ, плѣнные возвратились къ флоту, и Гама освободилъ часть заложниковъ, которыми себя обезпечилъ. Діацъ привезъ оригинальное письмо, написанное замориномъ къ португальскому королю на пальмовомъ листѣ. Мы приводимъ его дословно, съ его страннымъ лаконизмомъ, столь отличнымъ отъ обыкновенной высокопарности восточнаго стиля.

„Васко-да-Гама, наиръ твоего дворца, пріѣхалъ въ мою страну, что было мнѣ пріятно. Въ моемъ королевствѣ—много корицы, гвоздики и перцу, также много драгоцѣнныхъ камней, а изъ твоей страны я желаю золота, серебра, коралловъ и багрянца. Прощай“.

На другой день, Мусаида, тунисскій мавръ, служившій португальцамъ переводчикомъ и оказавшій имъ большія услуги въ ихъ переговорахъ съ замориномъ, пришелъ искать убѣжища на португальскихъ корабляхъ. Такъ какъ товары не были доставлены къ назначенному дню, Васко-де-Гама рѣшилъ увести съ собой людей, которыхъ онъ держалъ у себя въ качествѣ заложниковъ. Однако, безвѣтріе задержало ихъ въ нѣсколькихъ лье отъ Каликуты; въ это время они подверглись нападенію двадцати вооруженныхъ барокъ, которыя артиллерія, однако, не подпустила близко. Сильная гроза заставила флотъ искать убѣжища у береговъ. Адмиралъ плылъ вдоль берега Декана; онъ позволилъ нѣсколькимъ матросамъ сойти на землю, чтобы собрать фрукты и корицу; тутъ онъ замѣтилъ восемь судовъ, приближающихся къ нему. Гама

тотчасъ собралъ свой экипажъ и поплылъ на встрѣчу къ индусамъ, которые не замедлили обратиться въ бѣгство, оставивъ, однако, португальцамъ барку, нагруженную кокосами и съѣстными припасами.

Пріѣхавши къ Лакедивскимъ островамъ, Гама отдалъ приказаніе очистить подводную часть судна „Беріо“, а свой корабль велѣлъ вытащить на берегъ, чтобы тимбировать его. Во время этихъ работъ, матросы подверглись новому нападенію, но опять безуспѣшно. Тутъ же къ нимъ явился человѣкъ лѣтъ сорока, одѣтый по-индійски, и сталъ разсказывать имъ на великолѣпномъ итальянскомъ языкѣ, что онъ еще въ ранней молодости былъ свезенъ въ эту страну, что онъ былъ христіаниномъ, но необходимость заставила его бросить свою религію. Занимая при королѣ страны высокое положеніе, онъ былъ имъ посланъ, чтобы предложить португальцамъ въ ихъ распоряженіе все, что имѣется въ странѣ. Это предупредительное предложеніе, такъ противорѣчащее пріему, какой былъ имъ оказываемъ до сихъ поръ, возбудило въ португальцахъ подозрѣніе. Къ тому же они узнали, что пришедшій къ нимъ авантюристъ былъ предводителемъ тѣхъ барокъ, которыя наканунѣ сдѣлали на нихъ нападеніе. Его схватили и стали стегать плетьми, подъ которыми онъ признался, что пришелъ развѣдать, нельзя-ли будетъ предпринять успѣшное нападеніе на суда; онъ еще сообщилъ, что все прибрежное населеніе составило союзъ, чтобы уничтожить португальцевъ. Его задержали на кораблѣ. Работы были ускорены, матросы запаслись водою и отплыли въ Европу.

Вслѣдствіе штиля и отсутствія благопріятныхъ вѣтровъ кораблямъ понадобилось безъ трехъ дней три мѣсяца, чтобы достигнуть берега Африки. Во время этого длиннаго переѣзда скорбутъ одолѣвалъ весь экипажъ, и жертвою его стали тридцать матросовъ. На каждомъ изъ судовъ оставалось всего 7—8 матросовъ, и офицеры часто принуждены были исполнять ихъ службу. „На основаніи этого я могу утверждать,—говоритъ Вельо,—что, если бы время нашего плаванія по этимъ морямъ продолжалось еще пятнадцать дней, никто-бы здѣсь не плавалъ послѣ насъ. И капитаны; державшіе по этому поводу совѣтъ, рѣшили на случай, если безвѣтріе, подобное прежнему, задержитъ насъ вновь, вернуться въ Индію и тамъ укрыться“.

2-го февраля 1499 года португальцы проѣзжали мимо боль-

шого города Аянскаго берега, Магадоксо, отстоящаго въ ста лье отъ Мелинды.

Боясь повторенія того-же пріема, какой былъ имъ оказанъ въ Мозамбикѣ, Гама рѣшилъ здѣсь не останавливаться; только проходя въ виду города, онъ приказалъ сдѣлать залпъ изъ всей своей артиллеріи. Не много дней спустя, флотъ находился въ виду богатыхъ и здоровыхъ полей Мелинды и тамъ сдѣлалъ высадку. Король распорядился тотчасъ же присылкою свѣжихъ припасовъ и апельсиновъ для больныхъ. Пріемъ оказался самымъ радушнымъ, и дружественныя отношенія, завязанныя въ первое пребываніе, стали теперь еще тѣснѣе. Шейкъ Мелинды далъ для португальскаго короля рожокъ изъ слоновой кости и множество другихъ подарковъ; въ то-же время онъ просилъ Гаму взять на корабль молодого мавра, чтобы король отъ него узналъ, какъ шейкъ дорожитъ дружбою короля.

Пять спокойныхъ дней, проведенныхъ португальцами въ Мелиндѣ, возстановили ихъ силы и они вновь подняли паруса. Проплывши немного далѣе Момбаса, Гама рѣшилъ сжечь „Sam Raphael", такъ какъ число экипажа было такъ ограничено, что не было возможности управлять тремя кораблями. Они открыли островъ Занзибаръ и останавливались въ бухтѣ Санъ-Брацъ; 20-го февраля, благодаря попутному вѣтру, они обогнули мысъ Доброй Надежды, послѣ чего снова очутились въ Атлантическомъ океанѣ.

Своимъ постоянствомъ вѣтеръ, казалось, торопилъ возвращеніе путешественниковъ. Въ двадцать семь дней они достигли острова Сантъ-Яго. 25-го апрѣля Николай Коельо, управлявшій „Berrio", желая первымъ принести Эммануилу извѣстіе объ открытіи Индіи, отдѣлился отъ своего начальника и, не приставая, какъ это было условлено, къ островамъ Зеленаго мыса, направился прямо въ Португалію, куда и прибылъ 10-го іюля.

Въ это время несчастный Гама испытывалъ глубокую скорбь. Братъ его Пауло де-Гама, раздѣлявшій вмѣстѣ съ нимъ всѣ труды и всѣ надежды и теперь шедшій раздѣлить заслуженную славу, медленно умиралъ. Въ Сантъ-Яго Васко-де-Гама, очутившись въ знакомыхъ и часто посѣщаемыхъ моряхъ, передалъ командованіе надъ своимъ кораблемъ Жоао де-Саа (Joao-de-Saa), а самъ нанялъ быструю каравеллу и отправился на ней вмѣстѣ съ братомъ, надѣясь дать дорогому больному возможность еще разъ увидѣть берега своего отечества.

Надежда не сбылась. Каравелла достигла Терцеиры лишь затѣмъ, чтобы тамъ похоронить храбраго и симпатичнаго Пауло де-Гаму.

При своемъ возвращеніи, въ первыхъ числахъ сентября, адмиралъ былъ встрѣченъ пышными празднествами. Изъ ста шестидесяти португальцевъ, отправившихся съ нимъ, возвратилось всего пятьдесятъ пять. Потеря, безспорно, велика, но что она значила въ сравненіи съ выгодами, которыя имъ сулило открытіе! Общество оказало Гамѣ самый восторженный пріемъ. Что до короля Эммануила I, то онъ прибавилъ къ титулу Гамы званіе начальника покоренія и экспедиціи въ Эфіопію, Аравію, Персію и Индію; но прошло болѣе двухъ лѣтъ, прежде чѣмъ Гама былъ пожалованъ титуломъ адмирала Индіи,—званіе, которое давало право присоединять къ своей фамиліи частицу „dom", съ такимъ трудомъ добываемую въ Португаліи. Затѣмъ, безъ сомнѣнія, ради того, чтобы заставить Гаму забыть то промедленіе, съ какимъ сопровождалась награда за его услуги, король подарилъ Гамѣ тысячу экю,—сумма значительная по тому времени, и кромѣ того даровалъ ему въ торговлѣ съ Индіей нѣкоторыя права, которыя должны были въ скоромъ времени обогатить его.

II.

Альваресъ Кабралъ.—Открытіе Бразиліи.—Берегъ Африки.—Прибытіе въ Каликуту, Кочинъ и Кананоръ.—Жоао да-Нова.—Вторая экспедиція Гамы.—Король Кочина.—Начало дѣятельности Альбукерка.—Да-Кунья.—Первая осада Ормуза.—Алмеида, его побѣды, его ссоры съ Альбукеркомъ.—Взятіе Гоа.—Осада и взятіе Малакки.—Вторая экспедиція въ Ормузъ.—Молукскіе острова.—Смерть Альбукерка.—Судьба португальскаго владычества въ Индіи.

9-го марта 1500 года флотъ изъ тринадцати судовъ, подъ начальствомъ Педро Альвареса Кабрала (Pedro Alvarès Cabral), покидалъ Растелло. Въ этой экспедиціи въ качествѣ волонтера находился Луизъ де-Камоэнсъ, который впослѣдствіи въ своей „Лузіадѣ" прославилъ доблесть, предпріимчивость и мужество своихъ соотечественниковъ. О Кабралѣ извѣстно очень мало, и мы не знаемъ, какимъ образомъ онъ получилъ начальство надъ такой важной экспедиціей.

Кабралъ принадлежалъ къ одной изъ знаменитыхъ португальскихъ фамилій и его отецъ, владѣтель Зурары де-Беиры, былъ главнымъ судьею въ Бельмонтѣ. Педро Алваресъ вступилъ въ



Ловля жемчуга. (Fac-simile съ древней гравюры).

бракъ съ Изабеллой де-Кастро, главной придворной дамой инфантины донны Маріи, дочери Жуана III. Ни одинъ историкъ не сохранилъ намъ никакого разсказа о Кабралѣ и потому нѣтъ основанія думать, чтобы онъ прославился какимъ-нибудь морскимъ открытіемъ. Трудно, впрочемъ, допустить, чтобы онъ исключительно одной благосклонности былъ обязанъ начальствованіемъ надъ флотомъ, когда на этомъ флотѣ находились такіе

люди, какъ Бартоломей Діацъ, Николай Коельо, спутникъ Гамы, и Санхо де-Товаръ (Sancho de-Thovar). Почему это назначеніе не дано было Гамѣ, возвратившемуся изъ своей экспедиціи уже шесть мѣсяцевъ тому назадъ, тогда какъ его назначеніе, благодаря его знакомству со странами и съ нравами жителей, было-бы самымъ естественнымъ? Быть можетъ, онъ еще не отдохнулъ послѣ своего путешествія? Или, можетъ статься, смерть брата, котораго онъ утерялъ въ виду Португаліи, такъ сильно на него повліяла, что онъ не желалъ болѣе выѣзжать? Не вѣрнѣе-ли предположить, что король Эммануилъ, ревнивый къ славѣ Гамы, не желалъ представить ему случая отличиться еще разъ? Всѣ эти догадки, вѣроятно, останутся догадками навсегда.

Охотно вѣришь исполненію того, чего сильно желаешь. Эммануилъ вообразилъ, что каликутскій заморинъ не воспротивится основанію въ своихъ владѣніяхъ португальскихъ факторій и конторъ, и Кабралъ, снабженный подарками, великолѣпіе которыхъ должно было заставить забыть скупость подарковъ Гамы, былъ уполномоченъ добиться отъ заморина, чтобы онъ воспретилъ маврамъ всякую торговлю въ своей столицѣ. Сверхъ того новый capitam mor долженъ былъ остановиться въ Мелиндѣ и преподнести королю пышные подарки, а также и довезти до родины мавра, прибывшаго съ Гамой. Съ экспедиціей отправились шестнадцать монаховъ, которые должны были проповѣдывать Евангеліе въ отдаленныхъ странахъ Азіи.

Послѣ тринадцатидневнаго плаванія флотъ миновалъ острова Зеленаго мыса и тутъ замѣтили, что корабль, которымъ командовалъ Васко Аттаида (Vasco d'Attaïde), исчезъ. Флотъ залегъ на нѣсколько времени въ дрейфъ, напрасно ожидая пропавшій корабль, затѣмъ остальныя двѣнадцать судовъ пустились опять въ плаваніе, направившись въ открытое море, а не по берегу Африки отъ мыса до мыса, какъ это дѣлалось до сихъ поръ. Кабралъ надѣялся такимъ образомъ избѣжать штиля, вслѣдствіе котораго предшествующая экспедиція была задержана въ Гвинейскомъ заливѣ. Можетъ быть, главный капитанъ, которому такъ же, какъ и всѣмъ его товарищамъ, были извѣстны открытія Христофора Колумба, имѣлъ тайную надежду, пустившись на западъ, открыть какую-нибудь землю, ускользнувшую отъ вниманія великаго мореплавателя.

Желаніе-ли избѣжать бури, или какое-нибудь другое намѣ-

реніе руководило Кабраломъ, только онъ направилъ флотъ не по той дорогѣ, какой слѣдовало держаться, чтобы обогнуть мысъ Доброй Надежды. И вотъ, 22-го апрѣля, была открыта высокая гора и вслѣдъ затѣмъ длинный берегъ, который былъ названъ Вера-Круцъ, впослѣдствіи—Санта-Круцъ. Это была Бразилія и именно то мѣсто, гдѣ теперь находится Порто-Сегуро.

28-го апрѣля, послѣ тщательнаго изслѣдованія прибрежья, португальскіе корабли пристали къ американской землѣ. Здѣсь экспедиція была поражена мягкостью температуры и обильною растительностью, оставлявшею за собою далеко все, что они видѣли на берегахъ Африки или Малабара.

Туземцы, почти нагіе, держа въ рукахъ прирученныхъ, подобно европейскимъ кречетамъ или соколамъ, попугаевъ, окружили съ любопытствомъ новыхъ пришельцевъ, не выражая при этомъ ни малѣйшаго признака страха. Въ Свѣтлое Христово Воскресенье была отслужена на берегу обѣдня въ виду собравшейся толпы туземцевъ, которые своимъ молчаніемъ и благочестивымъ видомъ поражали португальцевъ. 1-го мая воздвигли на берегу большую колонну и Кабралъ торжественно объявилъ именемъ короля, что беретъ эту страну во владѣніе. Первой его заботой, послѣ выполненія этой церемоніи, было послать Гаспара Лемоса въ Лиссабонъ съ извѣщеніемъ объ открытіи этой богатой и плодоносной страны. Одновременно съ этимъ извѣстіемъ Лемосъ везъ въ Лиссабонъ разсказъ о путешествіи, написанный Педро Вацъ де-Гаминьей (Pedro Vaz de-Gaminha), и также важный астрономическій документъ, составленный Жоао, въ которомъ выяснялось, безъ сомнѣнія, положеніе новой страны. Прежде, чѣмъ отплыть въ Азію, Кабралъ высадилъ двухъ преступниковъ на берегъ, съ цѣлью собрать свѣдѣнія какъ о средствахъ и богатствахъ страны, такъ и о нравахъ и объ образѣ жизни ея обитателей.

Подобныя мѣры, исполненныя предусмотрительности, свидѣтельствуютъ объ осторожности и проницательности Кабрала.

2-го мая флотъ покинулъ Бразилію. Весь экипажъ, ободренный счастливымъ началомъ путешествія, вѣрилъ въ легкій и быстрый успѣхъ предпріятія; но появлявшаяся въ слѣдующіе восемь дней комета поразила ужасомъ эти простодушные и невѣжественные умы, видѣвшіе въ ней мрачное предзнаменованіе.

Должно было на этотъ разъ случиться такъ, что событія подтвердили суевѣріе.

Поднялась страшная буря. Волны, точно высокія горы, устремлялись на корабли, вѣтеръ бушевалъ съ яростью, дождь лилъ безостановочно. Черезъ густую массу облаковъ, точно похоронившихъ за собою солнце, прорывался изрѣдка отдѣльный лучъ и то лишь затѣмъ, чтобы освѣтить эту ужасную картину. Море глядѣло мутнымъ, почернѣвшимъ; большія бѣловато-багровыя пятна, пестрѣвшія на вздувшихся, пѣнящихся гребняхъ, дѣлали ихъ похожими на мраморъ; вся морская равнина блестѣла ночью фосфорическимъ свѣтомъ и огненная зигзагообразная лента вилась по слѣдамъ кораблей.

Въ продолженіе двадцати двухъ дней разъярившіяся стихіи швыряли безъ перерыва португальскіе корабли. Утерявшіе всякую надежду матросы, тщетно истощивши молитвы и всѣ обѣты, исполняли команду офицеровъ только по привычкѣ. Они съ перваго дня обрекли себя на смерть и каждую минуту ждали своей гибели.

Когда, наконецъ, показался свѣтъ, когда стихіи начали умиротворяться, экипажъ каждаго корабля, полагая, что только онъ одинъ пережилъ это ужасное время, бросалъ кругомъ себя по волнамъ пугливые взоры. Три корабля поспѣшили другъ къ другу съ радостью, которая скоро была уничтожена печальною дѣйствительностью: восьми судовъ не хватало. Четыре изъ нихъ были уничтожены съ людьми и имуществомъ гигантскимъ смерчемъ въ послѣдніе дни бури. Однимъ изъ этихъ четырехъ кораблей командовалъ Бартоломей Діацъ, первый открывшій мысъ Доброй Надежды. Онъ былъ уничтоженъ смертоносными волнами, этими защитниками, какъ говоритъ Камоэнсъ, восточной имперіи противъ народовъ запада, которые въ продолженіе столькихъ вѣковъ взирали съ жадностью на ея удивительныя богатства.

Въ продолженіе этихъ бурь корабли обогнули мысъ Доброй Надежды и достигли береговъ Африки. 20-го іюля обозначился Мозамбикъ. На этотъ разъ мавры выказали болѣе расположенія, чѣмъ экспедиціи Гамы; они снабдили португальцевъ кормчими, которые должны были ихъ проводить до острова Килоа, извѣстнаго своей торговлей съ Софалою золотымъ пескомъ. Тамъ Кабралъ нашелъ два своихъ корабля, загнанныхъ туда вѣтромъ.

Своимъ внезапнымъ отъѣздомъ оттуда онъ разрушилъ планы туземцевъ, замышлявшихъ всеобщимъ союзомъ уничтожить европейцевъ. Затѣмъ, безъ особенныхъ приключеній, была достигнута Мелинда.

Пребываніе португальцевъ въ этой гавани вызвало безчисленныя празднества и пиршества. Однако, Кабралъ оставался здѣсь недолго. Снабдивъ корабли припасами, починивъ ихъ и заручившись хорошими кормчими, португальцы отплыли въ Каликуту, куда и прибыли 13-го сентября 1500 года.

Благодаря хорошему вооруженію и богатству подарковъ, привезенныхъ заморину, пріемъ на сей разъ португальскимъ путешественникамъ былъ оказанъ очень радушный. Измѣнчивый король согласился на всѣ предложенія Кабрала: на привилегію исключительной торговли благовонными товарами и на право конфискаціи кораблей, которые нарушатъ эту привилегію. Прошло нѣсколько времени и мавры искусно скрывали свое неудовольствіе; но когда населеніе оказалось достаточно возбужденнымъ противъ европейцевъ, тогда громаднѣйшая толпа, по условленному сигналу, напала на факторію, управляемую Айресомъ Корреа (Ayrès Coorea), и раздавила находящихся въ ней до пятидесяти европейцевъ.

Мщеніе не заставило себя ждать. Десять, прибывшихъ въ портъ, судовъ были захвачены, разграблены, сожжены на глазахъ у индусовъ, не могущихъ воспрепятствовать этому; городъ подвергся бомбардировкѣ и половина его была превращена въ развалины.

Затѣмъ Кабралъ, продолжая изслѣдованіе Малабарскаго берега, прибылъ въ Кочинъ, гдѣ раджа, вассалъ заморина, поспѣшилъ заключить съ португальцами союзъ и не преминулъ воспользоваться случаемъ объявить себя независимымъ.

Хотя флотъ былъ уже достаточно нагруженъ, но Кабралъ все-таки посѣтилъ еще Кананоръ, гдѣ тоже заключилъ союзъ съ раджей. Отсюда, уступая своему нетерпѣнію, онъ поднялъ паруса и направился въ Европу.

Слѣдуя вдоль береговъ Африки, омываемыхъ Индійскимъ океаномъ, онъ открылъ Софалу, ускользнувшую отъ изслѣдованій Гамы, и 13-го іюля 1501 года прибылъ въ Лиссабонъ, гдѣ, къ своему удовольствію, нашелъ два корабля, которые онъ считалъ погибшими.

Хочется вѣрить, что онъ былъ встрѣченъ хорошимъ пріемомъ, достойнымъ важныхъ результатовъ, достигнутыхъ въ этой экспедиціи. Если современные ему историки умалчиваютъ о подробностяхъ его жизни послѣ возвращенія въ Португалію, за то новѣйшія изслѣдованія открыли его могилу въ Сантаремѣ и счастливая находка Фердинанда Дениса доказываетъ, что Кабралъ, какъ и Васко де-Гама, получилъ, въ награду за свои славныя услуги, почетную прибавку къ своей фамиліи, частицу „dom".

При своемъ возвращеніи въ Европу, Альваресъ Кабралъ могъ-бы встрѣтить флотъ изъ четырехъ кораблей подъ начальствомъ Жоао-да-Нова (Joao da-Nova), котораго Эммануилъ послалъ, чтобы закрѣпить тѣ торговыя сношенія, которыя Кабралъ установилъ съ Индіей. Эта новая экспедиція обогнула безпрепятственно мысъ Доброй Надежды, открыла между Мозамбикомъ и Килоа незнакомый островъ, названный по имени командира, и пріѣхала въ Мелинду, гдѣ узнала о томъ, что произошло въ Каликутѣ.

Да-Нова не обладалъ значительными средствами, чтобы отвѣтить за Кабрала заморину. Не желая рисковать обаятельною репутаціей португальскаго оружія, онъ направился къ Кочину и къ Кананору, гдѣ короли—данники заморина—заключили союзъ съ Кабраломъ. Корабли уже успѣли нагрузиться тысячью центнерами перцу, пятьюдесятью—имбиря, четыреста пятьюдесятью—корицы, когда получились извѣстія, что большой флотъ съ непріятельскими замыслами надвигается со стороны Каликуты. Если да-Нова заботился до сихъ поръ болѣе о торговлѣ, чѣмъ о войнѣ, то теперь, въ критическую минуту, онъ оказался храбрымъ не менѣе своихъ предшественниковъ. Онъ рѣшилъ сражаться, не смотря на очевидное превосходство индусовъ, и, благодаря искусству своихъ распоряженій и могуществу артиллеріи, успѣлъ частью разсѣять, частью потопить, частью захватить въ плѣнъ непріятельскіе корабли.

Можетъ быть, было бы благоразумно воспользоваться тѣмъ страхомъ, который распространился, благодаря этой побѣдѣ, по всему берегу, воспользоваться временнымъ истощеніемъ средствъ мавровъ и завладѣть однимъ ударомъ Каликутой?

Но мы слишкомъ отдалены отъ событій и слишкомъ мало знакомы съ ихъ подробностями, чтобы безошибочно оцѣнить причины, побудившія да-Нову возвратиться въ Европу.

Въ концѣ этого путешествія былъ открытъ на Атлантическомъ океанѣ маленькій островокъ св. Елены. Любопытное преданіе связывается съ этимъ открытіемъ. Нѣкто Фернандо Лопесъ (Fornando Lopès), сопровождавшій Гаму въ Индію, пожелалъ жениться на индусскѣ, для чего принужденъ былъ отказаться отъ христіанства и сдѣлаться магометаниномъ. При проѣздѣ да-Новы—надоѣла ли ему жена или религія,—онъ пожелалъ возвратиться на родину и принялъ прежнюю вѣру. При приближеніи къ острову св, Елены, Лопесъ, покоряясь внезапной мысли, которую онъ принялъ за вдохновеніе свыше, просилъ, чтобъ его высадили на берегъ, дабы онъ могъ загладить свое гнусное вѣроотступничество и самопожертвованіемъ искупить свой грѣхъ. Его воля выражалась такъ настойчиво, что да-Нова долженъ былъ согласиться; онъ высадилъ его и оставилъ сѣмена фруктовъ и овощей. Должно прибавить, что этотъ странный отшельникъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ разработывалъ землю острова и производилъ посѣвы съ такимъ успѣхомъ, что вскорѣ корабли, во время длинныхъ переѣздовъ изъ Европы до мыса Доброй Надежды, могли тамъ возобновлять свои запасы.

Послѣдовательныя экспедиціи Гамы, Кабрала и да-Новы показали, что нельзя разсчитывать ни на мирную торговлю, ни на безостановочный обмѣнъ товаровъ съ народами Малабарскаго берега, которые каждый разъ составляли союзы противъ португальцевъ,— до тѣхъ поръ пока будутъ признавать ихъ независимость и свободу. Къ этой торговлѣ, въ которой они такъ энергично отказали португальцамъ, надо было ихъ обязать, а для этого основать постоянныя военныя укрѣпленія, назначеніе которыхъ было бы держать ихъ въ постоянномъ страхѣ, и, на случай надобности, даже завладѣть страной.

Но кому довѣрить такое важное дѣло? Выборъ не могъ подлежать сомнѣнію, и на Васко де-Гаму единодушно было указано, какъ на человѣка, способнаго принять начальство надъ этимъ грознымъ вооруженіемъ.

Подъ непосредственное начальство Васко де-Гамы поступило десять судовъ; его другой братъ—родной или двоюродный—Этіеннъ де-Гама и Винцентъ Содресъ (Vincent Sodres) имѣли каждый по пяти кораблей, но они должны были признавать Васко де-Гаму своимъ высшимъ начальникомъ.

Церемоніи, предшествовавшія отъѣзду изъ Лиссабона, были

характера важнаго и торжественнаго. Король Эммануилъ въ сопровожденіи своего двора среди многочисленнаго стеченія народа отправился въ соборъ и призывалъ благословеніе Неба на эту экспедицію, одновременно религіозную и военную; архіепископъ благословилъ знамя, которое было передано Гамѣ. Прежде всего флотъ направился въ Софалу и Мозамбикъ, въ эти города, поведеніемъ которыхъ Гама имѣлъ основаніе быть недовольнымъ. Желая имѣть всюду порты, предлагающіе кораблямъ безопасную стоянку и жизненные припасы, онъ учредилъ тамъ факторіи и положилъ первыя основанія крѣпостей. Съ шейка Килоа Гама взялъ значительную дань; отсюда флотъ направился къ Индустану.

3-го октября 1502 года флотъ былъ у Кананора. Матросы замѣтили корабль большой вмѣстимости, казавшійся богато нагруженнымъ. Оказалось, что этотъ корабль везъ изъ Мекки богомольцевъ, собравшихся со всѣхъ концовъ Азіи. Гама атаковалъ этотъ корабль безъ всякаго вызова и убилъ помѣщавшихся на немъ болѣе трехсотъ человѣкъ. Двадцать дѣтей были пощажены. Впослѣдствіи ихъ свезли въ Лиссабонъ, гдѣ окрестили и послѣ опредѣлили въ португальскую армію. Это страшное убіеніе, хотя и обыкновенное въ то время, должно было, по расчету Гамы, поразить ужасомъ умы индусовъ. Ничуть ни бывало. Эта отвратительная и совершенно безполезная жестокость легла чернымъ пятномъ на безупречную до этихъ поръ славу великаго адмирала.

По прибытіи въ Кананоръ Гама немедленно повидался съ раджею, отъ котораго получилъ позволеніе основать контору и учредить укрѣпленіе. Въ то же время былъ заключенъ наступательный и оборонительный союзъ. Послѣ того какъ работы были установлены и комиссіонеръ назначенъ, Гама направился къ Каликутѣ, гдѣ онъ намѣревался потребовать у заморина отчета въ вѣроломствѣ и въ убіеніи португальцевъ, захваченныхъ въ факторіи.

Хотя раджа узналъ о прибытіи въ Индію своихъ страшныхъ враговъ, но онъ не принялъ никакихъ предосторожностей. Поэтому, когда Гама подошелъ къ городу, [онъ сумѣлъ овладѣть, не встрѣтивъ сопротивленія, судами, стоявшими въ гавани, и захватить до сотни плѣнныхъ; затѣмъ онъ далъ заморину четыре дня срока, въ которые тотъ долженъ былъ дать удовлетвореніе



Оба корабля потеряли паруса и якори...

португальцамъ за убійство Корреа и уплатить стоимость товаровъ, разграбленныхъ при этихъ обстоятельствахъ.

Едва истекъ означенный срокъ, какъ тѣла пятидесяти плѣнныхъ уже качались на реяхъ кораблей, оставаясь на виду у города въ продолженіе цѣлаго дня. Съ наступленіемъ вечера ноги и руки этихъ искупительныхъ жертвъ были отрѣзаны и снесены на берегъ вмѣстѣ съ письмомъ адмирала, извѣщавшимъ, что месть его не ограничится этой казнью.

И дѣйствительно, подъ покровомъ ночи, суда приблизились къ берегу и стали на шпрингъ. Началась канонада города, продолжавшаяся три дня. Никогда не будетъ приведено въ извѣстность число жертвъ, но, вѣроятно, оно было значительно. Не считая тѣхъ, которые пали подъ выстрѣлами пушекъ и ружей, большое число было погребено подъ развалинами и сожжено въ пожарѣ, истребившемъ часть Каликуты. Однимъ изъ первыхъ бѣжалъ изъ города раджа и хорошо сдѣлалъ, потому что его дворецъ попалъ также въ число разрушенныхъ зданій.

Наконецъ, удовлетворившись обращеніемъ только что богатаго и населеннаго города въ груду развалинъ, насытившись своимъ мщеніемъ и полагая, что урокъ не пройдетъ даромъ, Гама оставилъ въ гавани для продолженія блокады Винцента Содреса съ нѣсколькими судами, а самъ возвратился въ Кочинъ.

Тріумпара, властитель этого города, сообщилъ ему, что заморинъ домогался отъ него, чтобы онъ воспользовался тѣмъ довѣріемъ, которое выказывали къ нему португальцы и завладѣлъ-бы ими врасплохъ; адмиралъ, чтобы отблагодарить за это прямодушіе и за честность, подвергавшую его союзника злоумышленію со стороны каликутскаго раджи, уѣзжая въ Лиссабонъ, оставилъ ему богатый грузъ и нѣсколько судовъ, присутствіе которыхъ обезопасило-бы его до пріѣзда новой эскадры.

Единственное событіе, сопровождавшее возвращеніе Гамы въ Европу, куда онъ прибылъ 20-го декабря 1503 года,—было разбитіе новаго малабарскаго флота.

Еще разъ громадныя услуги, которыя оказалъ своему отечеству этотъ великій человѣкъ, не были достаточно оцѣнены; никто не признавалъ за нимъ того достоинства, какого онъ безспорно заслуживалъ. Тотъ, кто положилъ основаніе колоніальному владычеству Португаліи въ Индіи, принужденъ былъ прибѣгнуть къ ходатайству герцога Браганскаго, чтобы получить титулъ графа Видигейра, и оставался въ продолженіе двадцати лѣтъ безъ всякаго назначенія. Примѣръ неблагодарности—слишкомъ частый, всегда достойный строгаго порицанія.

Тотчасъ послѣ отъѣзда въ Европу Васко де-Гамы, заморинъ, побуждаемый мусульманами, торговое значеніе которыхъ все болѣе и болѣе падало, собралъ въ Пани своихъ союзниковъ съ цѣлью напасть на короля Кочина, чтобы его наказать за помощь и за предательство португальцамъ. Въ такихъ обстоятельствахъ

вѣрность несчастнаго раджи была подвергнута жестокому испытанію. Осажденный въ своей столицѣ значительными силами, онъ увидѣлъ себя вдругъ лишеннымъ помощи тѣхъ, ради которыхъ впутался въ эту исторію.

Содресъ и нѣсколько его капитановъ покинули тотъ постъ, гдѣ честь и благодарность повелѣвали имъ умереть, если-бы въ этомъ оказалась надобность; они покинули Тріумпару и отправились крейсировать въ Ормузскій проливъ, при входѣ въ Красное море, разсчитывая на то, что возвращающіеся изъ Мекки въ это время года богомольцы могутъ представить богатую добычу. Напрасно комиссіонеръ упрекалъ ихъ въ постыдности такого поведенія; они поспѣшили уѣхать, чтобы избавиться отъ этого стѣснительнаго осужденія.

Вскорѣ король Кочина, преданный нѣкоторыми своими наирами, которыхъ подкупилъ заморинъ, увидѣлъ, что его столица взята приступомъ; онъ принужденъ былъ скрыться съ немногими остававшимися ему вѣрными португальцами на неприступной скалѣ островка Віопіи. Когда онъ былъ доведенъ до послѣдней крайности, заморинъ послалъ къ нему приближеннаго, который отъ имени своего господина обѣщалъ ему забвеніе и прощеніе, если онъ предастъ португальцевъ. Но Тріумпара, вѣрности котораго нельзя не удивляться, отвѣтилъ, что „заморинъ можетъ воспользоваться правами своей побѣды, что онъ не обманывается на счетъ тѣхъ опасностей, какія ему угрожаютъ, но что никакая власть не можетъ сдѣлать его ни предателемъ, ни преступникомъ“. Дѣйствительно, благороднѣе нельзя было отвѣтить на подлость Содреса.

Послѣдній былъ захваченъ въ Бабъ-эль-Мандебскомъ проливѣ страшною бурею и погибъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ на кораблѣ, разбитомъ рифами; оставшіеся въ живыхъ, видя въ этомъ несчастьи кару Божію за ихъ поступокъ, подняли паруса и возвратились въ Кочинъ. Задержанные вѣтрами на Лакедивскихъ островахъ, они дождались прибытія новой португальской эскадры подъ начальствомъ Альбукерка (Albuquerque), къ которому и присоединились. Альбукеркъ покинулъ Лиссабонъ одновременно съ своимъ двоюроднымъ братомъ Альфонсомъ, знаменитѣйшимъ капитаномъ своего времени, который, имѣя званіе „capitam mor“, выѣхалъ изъ Белета въ началѣ апрѣля 1503 года.

Пріѣздъ Франциско Альбукерка возстановилъ дѣла португаль-

цевъ, такъ значительно скомпрометированныхъ преступной ошибкой Содреса, и въ то же время однимъ ударомъ спасъ своего единственнаго и вѣрнаго союзника Тріумпару. Осаждавшіе, не пытаясь даже сопротивляться, обратились, при видѣ португальской эскадры, въ бѣгство, португальцы-же въ сообществѣ съ войсками кочинскаго короля начали опустошать Малабарскій берегъ. Тріумпара позволилъ своимъ союзникамъ построить въ своихъ владѣніяхъ вторую крѣпость и увеличить число и значительность ихъ факторій. Въ то же время пріѣхалъ Альфонсъ Альбукеркъ, этотъ настоящій основатель португальскаго могущества въ Индіи. Діацъ, Кабралъ, Гама приготовили почву, но воздѣлалъ ее Альбукеркъ, сумѣвшій опредѣлить всѣ города, которыми нужно было завладѣть, чтобы утвердить португальское могущество на прочныхъ и вѣрныхъ основаніяхъ. Поэтому все, что представляетъ намъ исторія объ этомъ геніальномъ колонизаторѣ, представляется крайне интереснымъ, и мы скажемъ нѣсколько словъ о семьѣ, воспитаніи и о первыхъ его дѣлахъ.

Альфонсъ Альбокеркъ или Альбукеркъ родился въ 1453 году, въ разстояніи шести лье отъ Лиссабона, въ Альгандрѣ. По своему отцу, Гонзало Альбукерку, Виллавердскому дворянину, онъ происходилъ, правда незаконнымъ образомъ, отъ короля Диниза; по матери—отъ великихъ изслѣдователей Менезесовъ. Воспитанный при дворѣ Альфонса V, онъ получилъ образованіе самое разностороннее по тому времени. Въ особенности онъ изучилъ великихъ писателей древности, что явствуетъ изъ высоты и точности его стиля, и также математику, въ области которой ему было извѣстно все, достигнутое его современниками. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ Африкѣ, въ городѣ Арзилѣ, подпавшемъ владычеству Альфонса V, онъ возвратился въ Португалію и былъ назначенъ главнымъ шталмейстеромъ Іоанна II, очень занятаго распространеніемъ португальскаго могущества по ту сторону морей. Благодаря частымъ сношеніямъ съ королемъ, онъ не могъ не заинтересоваться географическими вопросами и сталъ мечтать о средствахъ предоставить своему отечеству могущество въ Индіи. Онъ принималъ участіе въ экспедиціи, отправленной на помощь Неаполитанскому королю, защищавшемуся отъ вторженія турокъ и въ 1489 году получилъ назначеніе снабдить припасами и защищать крѣпость Граціозу.

Альфонсу Альбукерку потребовалось немного времени, чтобы

уяснить себѣ положеніе дѣлъ; онъ понялъ, что португальская торговля можетъ успѣшно развиваться только въ томъ случаѣ, если будетъ опираться на свои завоеванія. Первое его предпріятіе было совершенно пропорціонально наличности средствъ. Онъ осадилъ Рафелитъ, гдѣ хотѣлъ сдѣлать складъ оружія для своихъ соотечественниковъ; затѣмъ самъ съ двумя кораблями предпринялъ обозрѣніе береговъ Индустана. Осаждаемый съ суши и съ моря онъ изнемогалъ и уже готовъ былъ сдаться, когда пріѣздъ его двоюроднаго брата Франциска помогъ начать снова битву, кончившуюся обращеніемъ войскъ заморина въ бѣгство. Эта побѣда имѣла значительные результаты: она дала побѣдителямъ громадную добычу и множество драгоцѣнныхъ камней, что было совершенно достаточно, чтобы пробудить въ португальцахъ жадность; въ то же время она утвердила Альбукерка въ его намѣреніяхъ, для исполненія которыхъ ему необходимо было и согласіе короля и болѣе значительныя средства. Онъ уѣхалъ въ Лиссабонъ, куда прибылъ въ іюлѣ 1504 года.

Въ томъ же году король Эммануилъ, рѣшившись учредить въ Индіи постоянное управленіе, назначилъ туда вице-королемъ Тристана да-Кунью (Tristan da-Cunha), но послѣдній, внезапно ослѣпнувъ, принужденъ былъ сложить съ себя свои обязанности, не приступивши къ нимъ. Тогда выборъ короля палъ на Франциско Алмеиду (Francisco d'Almeida), который и уѣхалъ съ своимъ сыномъ въ 1505 году. Мы увидимъ сейчасъ, каковы были средства, которыми онъ разсчитывалъ достигнуть торжества своихъ соотечественниковъ.

6-го марта 1506 года шестнадцать кораблей подъ начальствомъ выздоровѣвшаго Тристана да-Куньи покинули Лиссабонъ. На нихъ-же уѣзжалъ и Альфонсъ Альбукеркъ, увозя, самъ не зная того, свое назначеніе вице-королемъ Индіи. Онъ долженъ былъ открыть врученный ему пакетъ не ранѣе, какъ черезъ три года, когда наступитъ срокъ окончанія порученія, возложеннаго на Алмеиду.

Этотъ многочисленный флотъ, послѣ стоянки у острововъ Зеленаго мыса и послѣ изслѣдованія мыса св. Августина въ Бразиліи, углубился рѣшительно въ неизвѣстныя страны на югъ Атлантическаго океана и уплылъ такъ далеко, говорятъ современные лѣтописцы, что многіе матросы, слишкомъ легко одѣтые, замерзли, въ то время какъ другіе съ большимъ трудомъ испол-

няли свои обязанности. Подъ 37°8′ южной широты и подъ 14°21′ западной долготы да-Кунья открылъ три маленькіе, необитаемые острова, самый большой изъ которыхъ удержалъ его имя. Буря помѣшала высадкѣ и кромѣ того она такъ разсѣяла флотъ, что онъ вновь соединился только въ Мозамбикѣ. Поднимаясь по берегу Африки, да-Кунья обозрѣлъ островъ Мадагаскаръ или Санъ-Лоренцо, который только-что до того былъ открытъ Соаресомъ (Soarés) во главѣ флота изъ восьми кораблей, отправленныхъ Алмеидой въ Европу.

Перезимовавши въ Мозамбикѣ, онъ высадилъ въ Мелиндѣ трехъ человѣкъ, которые черезъ внутреннія страны должны были достичь Абиссиніи. Далѣе онъ присталъ къ Бравѣ, которую Кутиньо (Coutinho), одинъ изъ его лейтенантовъ, не могъ покорить. Португальцы осадили этотъ городъ. Онъ геройски защищался, но принужденъ былъ уступить, благодаря мужеству и оружію своихъ противниковъ. Населеніе было безжалостно уничтожено и городъ преданъ пламени.

Въ Магадоксѣ, все еще на берегу Африки, да-Кунья попытался учредить свою власть, но тщетно. Крѣпость города съ его значительнымъ и храбрымъ населеніемъ, а также наступленіе зимы заставили снять осаду. Онъ повернулъ свое оружіе противъ острова Сокоторы при входѣ въ Аденскій заливъ и овладѣлъ крѣпостью. Весь гарнизонъ былъ перебитъ; пощаженнымъ остался только одинъ старый слѣпой солдатъ, спрятавшійся въ колодцѣ. Тѣмъ, которые его спрашивали, какъ онъ могъ туда спуститься, онъ отвѣчалъ: „Слѣпые видятъ только ту дорогу, которая ведетъ къ свободѣ“.

Въ Сокоторѣ оба португальскіе начальника построили крѣпость, назначеніе которой состояло, по соображенію Альбукерка, въ томъ, чтобы управлять Аденскимъ заливомъ и Краснымъ моремъ черезъ Бабъ-эль-Мандебскій проливъ; такимъ образомъ должна была сторожиться навигаціонная линія между Венеціей и Индіею.

Тамъ разстались между собою да-Кунья и Альбукеркъ. Первый отправился въ Индію, чтобы взять тамъ грузъ пряностей; второй, оффиціально облеченный званіемъ „capitam mor“, весь преданный своимъ планамъ, уѣзжалъ 10-го августа 1506 года въ Ормузъ, оставляя въ новой крѣпости своего племянника Альфонса Норонью (Noronha). Для поправленія средствъ, онъ осадилъ по-



Посадка на суда. (Fac-simile съ древней гравюры).

слѣдовательно Калаяте, гдѣ находились громаднѣйшіе запасы провизіи, Куріатъ и Маскатъ, которые были преданы разграбленію, пожару и разрушенію въ отмщеніе за цѣлый рядъ измѣнъ, очень понятныхъ для того, кому извѣстно двоедушіе этихъ народовъ.

Успѣхъ, достигнутый въ Маскатѣ, какъ онъ ни былъ важенъ, не удовлетворилъ Альбукерка. Онъ мечталъ о другихъ, болѣе

грандіозныхъ проектахъ, исполненіе которыхъ значительно усложнилось завистью нѣкоторыхъ капитановъ и особенно одного изъ нихъ Жоао-да-Нова, который пожелалъ покинуть своего начальника и котораго Альбукеркъ поѣхалъ задержать на своемъ собственномъ кораблѣ. Принявъ мѣры противъ подобныхъ попытокъ неповиновенія и возмущенія, Альбукеркъ достигъ Орфакате, который былъ взятъ послѣ сильнаго сопротивленія.

Замѣчательно, что Альбукеркъ очень много слышалъ объ Ормузѣ, но не зналъ объ его географическомъ положеніи. Ему было извѣстно, что этотъ городъ служилъ складочнымъ пунктомъ всѣхъ товаровъ, направлявшихся изъ Азіи въ Европу. Богатство и могущество города, его густонаселенность, красота его памятниковъ были извѣстны на всемъ востокѣ, такъ что онъ даже вошелъ въ поговорку: „если міръ—кольцо, то Ормузъ—его драгоцѣнный камень“.

Альбукеркъ желалъ завоевать этотъ городъ не столько потому, что Ормузъ представлялъ собою привлекательную добычу, сколько благодаря его владычеству надъ Персидскимъ заливомъ, надъ этой большой второй торговой дорогой между востокомъ и западомъ. Не объявляя ничего капитанамъ своего флота, которые возмутились бы при предположеніи напасть на такой сильный городъ, на столицу могущественной имперіи, Альбукеркъ распорядился обогнуть Мосендонскій мысъ, и флотъ очутился въ Ормузскомъ проливѣ, у воротъ Персидскаго залива. Оживленный городъ, построенный на скалистомъ островѣ, представился во всемъ своемъ великолѣпіи; гавань была наполнена судами, число которыхъ превосходило всякія ожиданія; суда были снабжены грозною артиллеріею и прикрыты арміей въ пятнадцать, двадцать тысячъ человѣкъ.

Видя это, капитаны обратились къ Альбукерку съ энергическими представленіями опасности, какая можетъ воспослѣдовать при нападеніи на такъ хорошо защищенный городъ, и рисовали то неблагопріятное впечатлѣніе, какое произведетъ неудача. На эти рѣчи Альбукеркъ отвѣтилъ, что дѣйствительно „предпріятіе очень серьезное, но что отступать слишкомъ поздно, и теперь онъ нуждается болѣе въ рѣшимости, чѣмъ въ хорошемъ совѣтѣ“.

Едва якорь коснулся дна, Альбукеркъ послалъ ультиматумъ. Хотя въ его распоряженіи находились вовсе не соразмѣрныя силы,

но онъ настоятельно требовалъ, чтобы Ормузъ призналъ верховную власть португальскаго короля и подчинился бы его посланному, если не желаетъ подвергнуться участи Маската.

Король Сейфъ-Едъ-динъ, царствовавшій тогда въ Ормузѣ, не достигъ еще совершеннолѣтія и его именемъ управлялъ первый министръ Коджа-Атаръ, искусный и хитрый дипломатъ.

Не отвергая въ принципѣ требованій Альбукерка, первый министръ хотѣлъ выиграть время, чтобы дать возможность всѣмъ частямъ собраться на помощь столицѣ; но адмиралъ, угадавъ его намѣренія и прождавъ три дня, рѣшился съ своими пятью судами и съ кораблемъ „Flor-de-la-Mar“, самымъ большимъ и самымъ красивымъ кораблемъ того времени, напасть на грузный флотъ, соединенный подъ ормузской артиллеріей.

Битва продолжалась долго и нерѣшительно; но когда мавры увидѣли, что счастье имъ измѣняетъ, они покинули свои корабли и бросились вплавь къ берегу. Португальцы, прыгнувъ въ ихъ шлюпки, преслѣдовали ихъ настойчиво и произвели между ними страшную рѣзню.

Затѣмъ Альбукеркъ направилъ свои усилія на деревянную плотину, защищаемую многочисленной артиллеріей и стрѣлками, стрѣлы которыхъ, искусно направляемыя, ранили многихъ португальцевъ и самого генерала, что не помѣшало ему, однако, вскорѣ высадиться и сжечь предмѣстье города.

Убѣдившись въ невозможности дальнѣйшаго сопротивленія и предвидя, что столицѣ грозитъ разрушеніе, мавры подняли парламентскій флагъ и вслѣдъ затѣмъ подписали условіе, по которому Сейфъ-Едъ-динъ признавалъ себя вассаломъ короля Эммануила и обязывался платить ему ежегодно дань въ 15,000 „серафиновъ“ или „ксарафиновъ“; кромѣ того, португальцамъ было отведено мѣсто для крѣпости, которая скоро, несмотря на нежеланіе капитановъ, была сооружена и приведена въ порядокъ.

Къ несчастью, перебѣжчики довели до свѣдѣнія Коджи-Атара о разногласіи между португальцами, и онъ подъ всякими предлогами поторопился отказаться отъ нѣкоторыхъ статей новаго договора. Нѣсколько дней спустя, Жоао-да-Нова и два другихъ капитана, завидуя успѣху Альбукерка и попирая ногами честь, дисциплину и патріотизмъ, покинули его и отправились въ Индію, благодаря этой низости, Альбукеркъ увидѣлъ себя вынужденнымъ

удалиться, будучи даже не въ состояніи удержать за собою крѣпость, стоившую стольких усилій и заботъ.

Онъ отправился въ Сокотору, гарнизонъ которой нуждался въ подкрѣпленіи, затѣмъ опять вернулся къ Ормузу; но не считая себя достаточно сильнымъ, чтобы что-нибудь предпринять, онъ возвратился на время въ Гоа, куда пріѣхалъ въ концѣ 1508 года.

Что же происходило на Малабарскомъ берегу во все продолженіе этой долгой и исполненной всякихъ приключеній кампаніи? Разскажемъ объ этомъ въ нѣсколькихъ строкахъ.

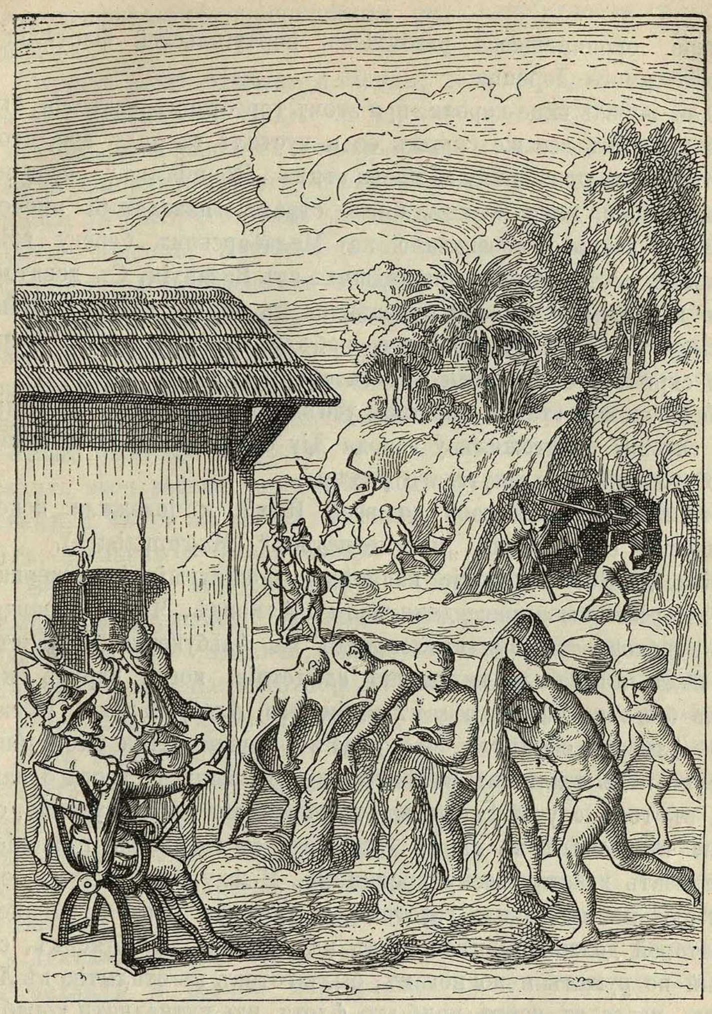
Мы знаемъ, что Алмеида выѣхалъ изъ Белема въ 1505 году, имѣя въ своемъ распоряженіи двадцать два корабля, на которыхъ помѣщалось войско въ тысячу пятьсотъ человѣкъ. Прежде всего онъ завоевалъ Килоа, затѣмъ Момбасъ, гдѣ „рыцари,—какъ это съ удовольствіемъ повторяютъ жители,—не сдались такъ легко, какъ курицы Килоа". Изъ всей громадной добычи, доставшейся португальцамъ въ этомъ городѣ, Алмеида взялъ для себя только одну стрѣлу, показывая тѣмъ самымъ рѣдкій примѣръ безкорыстія.

Послѣ высадки въ Мелиндѣ, онъ достигъ Кочина, гдѣ передалъ раджѣ золотую корону, посланную Эммануиломъ; въ то же время онъ самъ, съ высокомѣрною тщеславностью, которая такъ часто у него проявлялась, присвоилъ себѣ званіе вице-короля.

Затѣмъ, основавъ въ Софалѣ крѣпость, назначавшуюся для того, чтобы держать въ страхѣ мусульманъ этого берега, Алмеида съ сыномъ отправился въ Индійскій океанъ, всюду разрушая малабарскій флотъ, завладѣвая торговыми кораблями, причиняя такимъ образомъ непріятелю неизмѣримый вредъ и отрѣзывая ему его старыя дороги.

Чтобы, однако, съ успѣхомъ вести подобную войну, необходимъ былъ флотъ значительный и легкій, такъ какъ на всемъ азіатскомъ берегу онъ имѣлъ только одно убѣжище—портъ Кочина. Насколько предпочтительнѣе была система Альбукерка, который, оставаясь въ странахъ съ большею или меньшею продолжительностью, созидая всюду крѣпости, овладѣвая могущественными городами, откуда легко можно было проникнуть внутрь странъ, захватывая ключи проливовъ, обезпечивалъ всюду съ меньшимъ рискомъ и съ большею основательностью монополію торговли съ Индіею.

Между тѣмъ побѣды Алмеиды и завоеванія Альбукерка очень безпокоили египетскаго султана. Разъ будетъ отрѣзанъ путь въ



Рудники на островѣ Кубѣ. (Fac-simile съ древней гравюры).

Александрію, сейчасъ же должны значительно упасть доходы отъ пошлинъ и налоговъ таможенныхъ, якорныхъ, провозныхъ, уплачиваемыхъ азіатскими купцами, проѣзжавшими черезъ его владѣнія. Поэтому, при помощи венеціанцевъ, снабдившихъ его строевымъ лѣсомъ и искусными матросами, онъ вооружилъ эскадру изъ двѣнадцати высокихъ кораблей и направилъ ее къ Кочину. Тамъ произошло съ флотомъ Лоренцо Алмеиды кровопролитное

сраженіе, окончившееся разбитіемъ португальской флотиліи и смертью самого Лоренцо.

Если печаль вице-короля, при этомъ горестномъ извѣстіи, была велика, то онъ все же скрылъ ее и пустилъ въ ходъ все, чтобы приготовиться къ скорѣйшей мести этимъ „Roumis'амъ"—названіе, показывающее, какъ великъ былъ страхъ, наводимый именемъ римлянъ, которое обозначало на Малабарскомъ берегу всѣхъ мусульманскихъ воиновъ, пришедшихъ изъ Византіи. Съ девятнадцатью кораблями Алмеида отправился въ портъ, гдѣ былъ убитъ его сынъ, и одержалъ большую побѣду, оскверненную,—нельзя этого скрыть,—страшными жестокостями.

Недовольный этимъ первымъ успѣхомъ, Алмеида, нѣсколько дней спустя, уничтожилъ у города Діу соединенныя силы египетскаго султана и каликутскаго раджи.

Эта побѣда разнеслась по всей Индіи и положила конецъ могуществу египетскихъ „магуметистовъ" (Magumetistes).

Жоао-да-Нова и другіе капитаны, покинувшіе Альбукерка и Ормуза, рѣшились присоединиться къ Алмеидѣ. Чтобы оправдать свою непокорность, они наклеветали на Альбукерка, вслѣдствіе чего надъ нимъ было назначено слѣдствіе, когда вдругъ вице-король былъ извѣщенъ о замѣщеніи его Альбукеркомъ. Прежде всего Алмеида объявилъ, что должно повиноваться высочайшей волѣ; но подъ вліяніемъ измѣнниковъ, боявшихся строгаго наказанія въ томъ случаѣ, если власть перейдетъ къ Альбукерку, онъ уѣхалъ въ Кочинъ въ мартѣ 1509 года съ твердымъ рѣшеніемъ не отдавать власти своему преемнику. Между этими двумя великими людьми произошла грустная и тяжелая распря, обвиненіе въ которой должно всецѣло пасть на Алмеиду. Альбукеркъ, связанный по рукамъ и по ногамъ, былъ готовъ къ отплытію въ Лиссабонъ, когда въ портъ прибылъ флотъ изъ пятнадцати кораблей подъ начальствомъ великаго португальскаго маршала Фернана Кутиньо (Fernan Cutinho). Послѣдній поторопился освободить Альбукерка и отдалъ себя въ его распоряженіе; онъ подтвердилъ еще разъ Алмеидѣ о власти Альбукерка, утвержденной королемъ, и грозилъ ему на случай неповиновенія всѣмъ гнѣвомъ Эммануила. Алмеидѣ оставалось уступить, что онъ и сдѣлалъ съ достоинствомъ. Что касается Жоао-да-Нова, то онъ умеръ въ скоромъ времени, всѣми покинутый, и въ его послѣднее жилище никто его не провожалъ, кромѣ новаго вице-короля, который могъ

великодушно забыть причиненныя ему непріятности и оскорбленіе.

Тотчасъ послѣ отъѣзда Алмеиды, великій маршалъ объявилъ, что онъ прибылъ въ Индію съ порученіемъ разрушить Каликуту и что онъ предполагаетъ воспользоваться для этой цѣли отсутствіемъ заморина изъ его столицы. Тщетно новый вице-король пытался умѣрить его пылъ и предлагалъ ему мудрые совѣты, добытые опытомъ. Кутиньо не хотѣлъ ничего слышать и Альбукерку оставалось слѣдовать за нимъ.

Каликута, захваченная врасплохъ, была, дѣйствительно, легко взята и подожжена; но португальцы, предавшись разгромленію дворца заморина, были отброшены маврами, успѣвшими собрать свои войска. Кутиньо, увлеченный своею храбростью, былъ убитъ, и нужно было все искусство, все спокойствіе вице-короля, чтобы усадить свои войска на корабли подъ страшнымъ непріятельскимъ огнемъ и въ то же время помѣшать окончательному истребленію силъ, посланныхъ Эммануиломъ.

Вернувшись въ Цинтагару, — морской портъ, подчиненный правителю Нарзинга, въ лицѣ котораго португальцы сумѣли пріобрѣсти себѣ союзника,—Альбукеркъ узналъ, что городъ Гоа, столица могущественнаго королевства, сталъ ареною политической и религіозной анархіи. Нѣсколько начальниковъ оспаривали другъ у друга власть. Одинъ изъ нихъ, Мелекъ Суфергужи, былъ уже близокъ къ тому, чтобы захватить тронъ; нужно было воспользоваться и напасть на городъ прежде, чѣмъ онъ сумѣетъ соединить подъ своимъ начальствомъ силы, способныя противостать португальцамъ. Вице-король оцѣнилъ всю важность этой минуты. Положеніе Гоа, открывающаго путь въ королевство Нарзингъ и въ Декканъ, дѣлало этотъ городъ очень важнымъ пунктомъ. Онъ не медлилъ и вскорѣ португальцы насчитывали одной побѣдой больше. Гоа-ла-Доре—этотъ общенародный городъ, въ которомъ наряду со всѣми сектами ислама толпились парсы—поклонники огня—и даже христіане, подпалъ владычеству Альбукерка и вскорѣ подъ его мудрымъ управленіемъ, сумѣвшимъ пріобрѣсти симпатіи различныхъ сектъ, сдѣлался столицей, крѣпостью и центромъ торговли португальской имперіи съ Индіей.

Незамѣтно, въ продолженіе многихъ лѣтъ, составился вѣрный взглядъ на эти богатыя страны. Безчисленныя свѣдѣнія собирались тѣми, которые на своихъ отважныхъ корабляхъ бороздили

эти подсолнечныя моря, и только теперь узнали, что это за страна пряностей, которую искали такъ долго и среди такихъ опасностей. Первыя португальскія факторіи были заложены Алмеидой на островѣ Цейлонѣ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Теперь острова Зондскіе и полуостровъ Малакка возбуждали зависть короля Эммануила, уже прозваннаго Счастливымъ (le Fortuné). Онъ рѣшилъ послать для ихъ изслѣдованія отдѣльный флотъ, такъ какъ Альбукерку было достаточно дѣла въ Индіи, чтобы сдерживать мусульманъ и ихъ раджей въ постоянномъ страхѣ, чтобы сдерживать этихъ мавровъ, какъ ихъ тогда называли, всегда готовыхъ свергнуть иго. Эта экспедиція подъ начальствомъ Діэго Лопеса Секвейры (Diego Lopes Sequeira) была встрѣчена маврами у Малакки, согласно ихъ традиціонной политикѣ, очень дружелюбно. Затѣмъ, когда недовѣріе Лопеса Секвейры постоянными признаками расположенія было усыплено, противъ него вдругъ поднялось все населеніе и онъ принужденъ былъ сѣсть на суда, оставивъ въ рукахъ малайцевъ около тридцати своихъ спутниковъ.

Спустя нѣсколько времени послѣ этого событія, извѣстіе о взятіи Гоа достигло Малакки. „Бендарра", или министръ юстиціи, управлявшій королевствомъ за своего малолѣтняго племянника, убоялся мести португальцевъ за измѣну и, вслѣдствіе этого, рѣшилъ ихъ умиротворить. Онъ явился къ плѣнникамъ и извинился передъ ними, говоря, что все произошло помимо его вѣдома и безъ его согласія, а лично онъ ничего больше не желаетъ, какъ видѣть португальцевъ торгующими въ его странѣ; далѣе, что онъ сейчасъ же распорядится разыскать и наказать виновниковъ измѣны.

Плѣнники, конечно, не придали никакой цѣны этимъ лживымъ завѣреніямъ, но, пользуясь относительной свободой, которая имъ теперь была предоставлена, они сумѣли доставить Альбукерку важныя свѣдѣнія о положеніи и о силахъ города.

Альбукеркъ съ большимъ трудомъ составилъ военный флотъ изъ девятнадцати кораблей, на которыхъ помѣстились тысяча четыреста человѣкъ и изъ нихъ всего восемьсотъ португальцевъ.

Долженъ-ли онъ былъ, какъ того желалъ король Эммануилъ, направиться къ Адену,—къ этому ключу Краснаго моря,—и завладѣть имъ, чтобы тѣмъ самымъ воспрепятствовать прибытію новой эскадры, которую египетскій султанъ предполагалъ по-



Васко де-Гама. (Fac-simile съ древней гравюры).

слать въ Индію? Онъ медлилъ; но поворотъ муссона опредѣлилъ его нерѣшительность. Вѣтры были противны, чтобы достигнуть Адена, но они были благопріятны, чтобы отправиться въ Малакку.

Этотъ цвѣтущій городъ вмѣщалъ въ себѣ не менѣе ста тысячъ жителей. Многіе дома были выстроены изъ камня и покрыты пальмовыми листьями; большое количество обширныхъ

зданій, мечетей и каменныхъ башенъ развертывалось прекрасной панорамой на протяженіи цѣлаго лье. Индія, Китай, малайскія королевства, острова Зондскаго архипелага сносились съ его гаванью, въ которой многочисленные корабли изъ Малабара, изъ Персидскаго залива, изъ Краснаго моря и съ береговъ Африки обмѣнивались между собою всевозможными произведеніями.

Когда португальскій флотъ явился у этихъ береговъ, малаккскій раджа понялъ, что необходимо какимъ-нибудь очевиднымъ доказательствомъ успокоить иностранцевъ, и ради этого онъ рѣшилъ якобы пожертвовать министромъ, какъ виновникомъ ихъ гнѣва и ихъ прибытія. Его посланный пришелъ сообщить вице-королю о смерти бендарры и освѣдомиться объ ихъ намѣреніяхъ.

Альбукеркъ отвѣтилъ требованіемъ выдачи плѣнниковъ, остававшихся въ рукахъ раджи; но послѣдній, желая дождаться того времени, когда муссонъ перемѣнитъ свое направленіе, что повлечетъ за собою или отъѣздъ португальцевъ на Малабарскій берегъ, или ихъ продолжительное пребываніе въ Малаккѣ,—желая выждать, сочинилъ тысячу замедляющихъ отговорокъ и въ это время успѣлъ приготовить батарею изъ восьми тысячъ пушекъ и, если вѣрить современнымъ повѣствованіямъ, соединилъ двадцать тысячъ войска.

Альбукеркъ, потерявъ терпѣніе, распорядился поджечь нѣсколько кораблей, результатомъ чего явилось немедленное освобожденіе плѣнныхъ; затѣмъ онъ потребовалъ тридцать тысячъ крузадъ *) за убытки, причиненные флоту Лопеса Секвейры; кромѣ того онъ требовалъ разрѣшенія построить въ городѣ крѣпость, которая одновременно могла бы служить и конторой. Послѣднее требованіе не могло быть уважено, Альбукеркъ въ этомъ не сомнѣвался. Онъ рѣшилъ завладѣть городомъ. День св. Якова былъ назначенъ для нападенія. Несмотря на энергическую оборону, несмотря на употребленіе необычайныхъ средствъ, каковы: военные слоны, отравленные колья и стрѣлы, искусно скрытыя западни и баррикады,—городъ былъ взятъ кварталъ за кварталомъ, домъ за домомъ. Солдаты подѣлили между собою громадную добычу. Альбукеркъ удержалъ для себя лишь шесть львовъ,—одни говорятъ—изъ бронзы, другіе—изъ желѣза, чтобы

*) Португальская монета, равная семидесяти пяти коп.

украсить ими свою гробницу и тѣмъ увѣковѣчить память этой побѣды.

Ворота, которыя вели въ Океанію и въ верхнюю Азію, были отнынѣ открыты. Множество неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ народовъ пришли въ соприкосновеніе съ европейцами. Чужеземные нравы, полумиѳологическія исторіи многихъ племенъ развернулись теперь передъ изумленнымъ западомъ. Наступала новая эра и всѣмъ своимъ громаднымъ значеніемъ она обязана необузданной смѣлости или неукротимой храбрости націи, отечество которой едва замѣтно на всемірной картѣ.

Благодаря религіозной вѣротерпимости, которою отличался Альбукеркъ,—вѣротерпимости, такъ рѣзко отличающейся отъ жестокаго фанатизма испанцевъ,—благодаря его мудрымъ мѣрамъ, благоденствіе Малакки устояло послѣ этого суроваго потрясенія. Едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ уже не оставалось никакого слѣда этого тяжелаго испытанія, за исключеніемъ португальскаго флага, гордо развѣвавшагося надъ этимъ богатымъ городомъ и поставившаго во главѣ колоніальной торговли этотъ маленькій народъ, столь великій по мужеству и по предпріимчивости.

Эта новая побѣда, какъ она ни была важна, не заставила Альбукерка забыть свои прежніе планы. Если казалось, что онъ отъ нихъ отказался, то это только потому, что обстоятельства были самыя неблагопріятныя. Съ тою положительностью и съ тѣмъ постоянствомъ, которыя лежали въ основаніи его характера, онъ не переставалъ съ южной оконечности имперіи, гдѣ основывался, глядѣть на сѣверъ. Ормузъ—этотъ городъ, у котораго началась его дѣятельность на востокѣ и который онъ долженъ былъ, благодаря измѣнѣ и зависти своихъ подчиненныхъ, покинуть въ ту минуту, когда успѣхъ уже являлся наградой за его труды и настойчивость,—Ормузъ не переставалъ его смущать.

Слухъ объ его подвигахъ и страхъ предъ его именемъ вызвали Коджу-Атара на первый шагъ: онъ просилъ у Альбукерка его расположенія и прислалъ часть давно наложенной и до сихъ поръ не уплаченной подати. Не придавая никакого значенія этимъ, не въ первый разъ выражаемымъ, изъявленіямъ дружбы, не вѣря нисколько мавританскимъ обѣщаніямъ, пріобрѣвшимъ такую же историческую извѣстность, какъ и обѣщанія пуническія (foi punique), вице-король все-же принялъ ихъ изъявленія въ ожи-

данiи того времени, когда онъ будетъ въ состоянiи упрочить свое владычество въ этихъ странахъ.

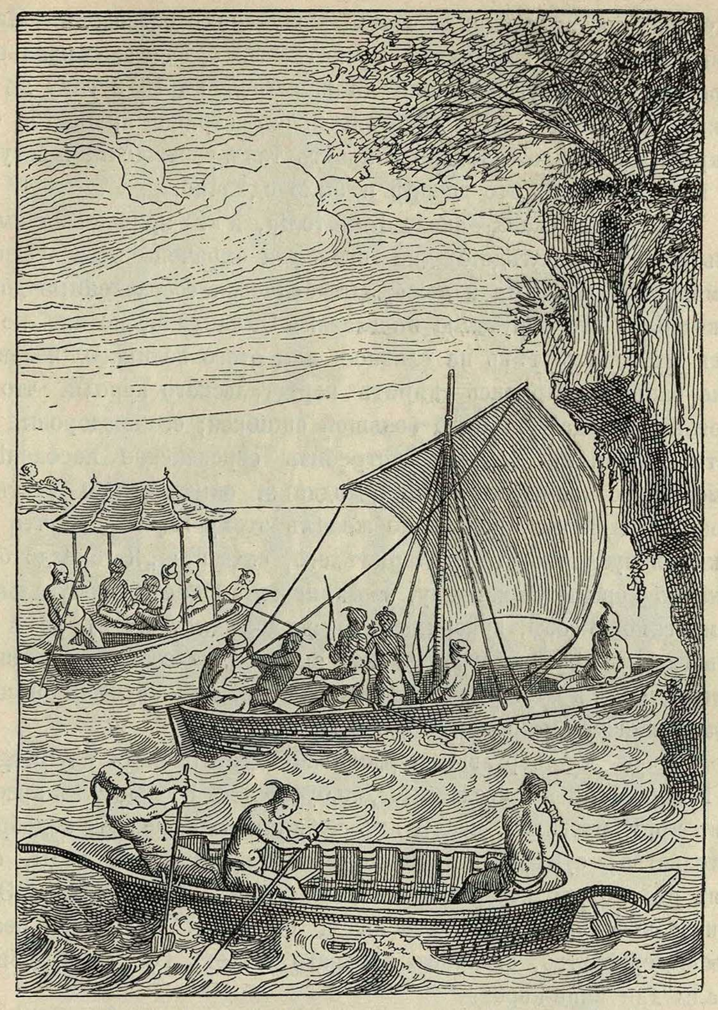
Въ 1513 или въ 1514 году,—это строго не опредѣлено,—когда малаккская побѣда и спокойствiе въ другихъ владѣнiяхъ не требовали присутствiя флота и солдатъ, Альбукеркъ направился къ Персидскому заливу.

Частыя возмущенiя успѣли измѣнить въ Ормузѣ все правительство, и власть находилась теперь въ рукахъ похитителя престола Раиса-Нордима или Нуреддина. По своемъ прiѣздѣ Альбукеркъ немедленно потребовалъ возвращенiя когда-то начатой имъ крѣпости. Поправивъ ее и окончивъ, онъ принялъ участiе противъ претендента Раиса-Намеда въ распрѣ, раздѣлившей Ормузъ на двѣ части и клонящейся къ подчиненiю города владычеству персовъ; онъ захватилъ противника и отдалъ его въ руки того, который заранѣе принялъ всѣ его условiя и представлялъ, какъ казалось Альбукерку, болѣе серьезныя гарантiи въ покорности и вѣрности. Впрочемъ, теперь и не было надобности особенно добиваться этого, такъ какъ Альбукеркъ оставилъ въ крѣпости гарнизонъ, совершенно достаточный для того, чтобы заставить Раиса-Нордима раскаяться въ малѣйшей попыткѣ возстанiя или хотя-бы въ слабомъ проявленiи независимости. Съ этой ормузской экспедицiей связанъ анекдотъ, хорошо извѣстный, который мы, для избѣжанiя упрека, должны передать.

Когда персидскiй царь потребовалъ отъ Нуреддина дани, которую ормузскiе властители издавна платили, Альбукеркъ распорядился принести съ своихъ кораблей множество бомбъ, пуль и ядеръ и, показывая ихъ персидскимъ посланнымъ, сказалъ: „Такова монета, которою португальскiй король имѣетъ обыкновенiе уплачивать свою дань". Кажется, что персидскiе послы болѣе не возвращались.

Съ своей обычной проницательностью Альбукеркъ сумѣлъ не оскорбить жителей, которые вскорѣ вернулись въ городъ. Далекiй отъ того, чтобы притѣснять ихъ, какъ это дѣлали его предшественники, онъ учредилъ неподкупное управленiе, которое сумѣло заставить уважать и любить португальское имя.

Будучи самъ занятъ сложными работами, Альбукеркъ поручилъ нѣкоторымъ изъ своихъ лейтенантовъ произвести изслѣдованiе таинственныхъ странъ, доступъ въ которыя былъ открытъ послѣ того, какъ завладѣли Малаккой. Онъ ввѣрилъ Антонiо и



Индійскія суда. (Fac-simile съ древней гравюры).

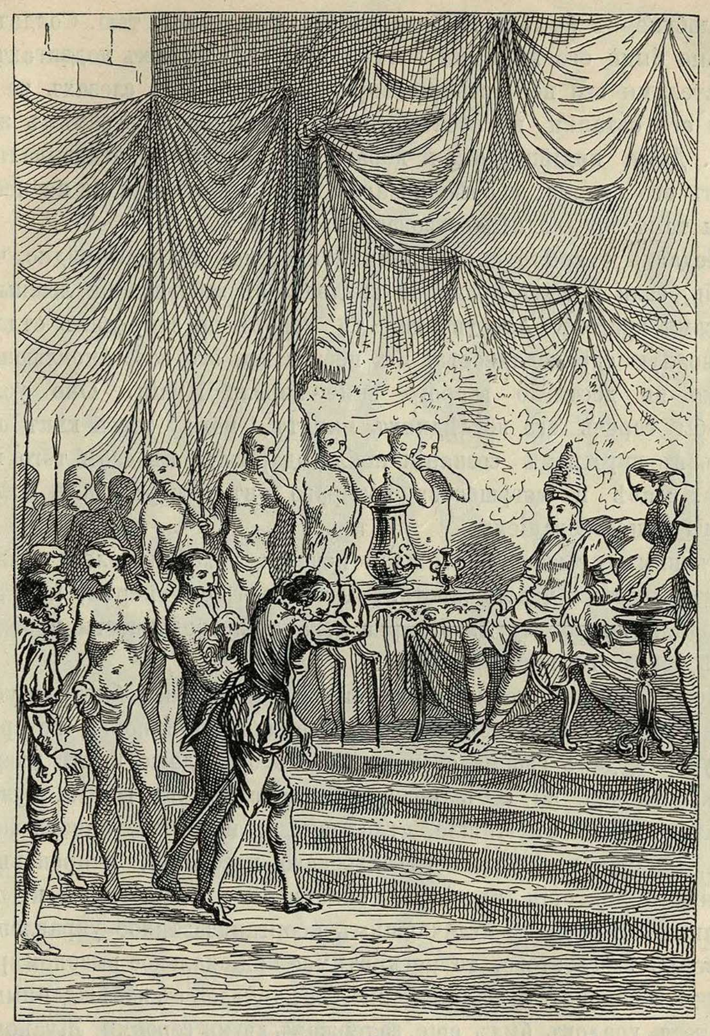
Франциско Абре (Abreu) начальство надъ маленькой эскадрой въ двѣсти двадцать человѣкъ. Они изслѣдовали весь Зондскій архипелагъ, Суматру, Яву, Анжоамъ, Симбалу, Галамъ; затѣмъ, находясь недалеко отъ берега Австраліи, они поднялись къ сѣверу, проѣхали болѣе пятисотъ лье среди опасныхъ острововъ, усѣянныхъ подводными камнями и коралловыми рифами, среди часто враждебнаго населенія, и доѣхали до острововъ Буро и

Амбуана, составляющихъ часть Молукскихъ острововъ. Нагрузивши свои суда гвоздикой, мускатнымъ орѣхомъ, сандальнымъ деревомъ и жемчугомъ, они направились въ 1512 году въ Малакку. На этотъ разъ дѣйствительная страна пряностей была открыта; оставалось только основать тамъ учрежденія и вступить во владѣнія ими, что вскорѣ и было сдѣлано.

Тарпейская скала—около Капитолія, и это пришлось испытать Альбукерку. Послѣдніе дни его были омрачены незаслуженною немилостью. Клевета и ложь, артистически составленные доносы поколебали его репутацію въ глазахъ Эммануила, но имъ не удалось набросить тѣнь на славное имя этого великаго человѣка. Уже раньше старались увѣрить португальскаго короля, что завоеваніе города Гоа было большой ошибкой; его нездоровый климатъ, говорили, долженъ истребить европейское населеніе въ самое короткое время. Зная, однако, опытность и честность своего лейтенанта, король не желалъ этому вѣрить, за что Альбукеркъ публично отблагодарилъ его, сказавъ: „Я гораздо болѣе обязанъ королю Эммануилу, защитившему Гоа отъ португальцевъ, чѣмъ самому себѣ, покорившему его дважды“. Но въ 1514 году Альбукеркъ просилъ у короля въ награду за свои услуги званія герцога Гоа, и этимъ неосторожнымъ шагомъ сумѣли воспользоваться его противники.

Соарецъ д'Албергавіа и Діого Мендесъ (Soarez d'Albergavia et Diogo Mendes), посланные Альбукеркомъ въ качествѣ арестантовъ въ Португалію, послѣ ихъ публичнаго заявленія недоброжелательства, сумѣли не только выйти сухими изъ воды, сбросивъ съ себя всякое обвиненіе, но еще успѣли убѣдить Эммануила, что вице-король стремится образовать для себя независимое герцогство, столицею котораго будетъ Гоа. Они добились опалы для вице-короля.

Извѣстіе о назначеніи д'Альбергавіи на постъ намѣстника Кочина захватило Альбукерка въ то время, когда онъ выѣзжалъ изъ Ормузскаго пролива съ цѣлью поплыть къ Малабарскому берегу. Глубоко пораженный и безъ того своею болѣзнью, „онъ поднялъ руки къ небу,—говоритъ въ своей великолѣпной исторіи Португаліи М. Ф. Денисъ,—и произнесъ слѣдующія немногія слова: „Я всегда готовъ спорить съ королемъ за любовь къ людямъ, готовъ спорить съ людьми за любовь къ королю. Старикъ, повернись къ Богу и умри, такъ какъ честь твоя велитъ тебѣ



Встрѣча «заморина» съ Гамой. (Fac-simile съ древней гравюры).

умереть, а ты никогда не отказывался отъ того, что приказывала тебѣ твоя честь!“

Альфонсъ Альбукеркъ пріѣхалъ въ Гоа. Тамъ онъ исполнилъ всѣ обязанности христіанина и вступилъ въ монастырь ордена св. Якова, командоромъ котораго онъ состоялъ, и „въ воскресенье 16-го декабря 1515 года, за часъ до разсвѣта, отдалъ Богу душу. Такъ кончились всѣ его труды, не принеся ему никакой награды“.

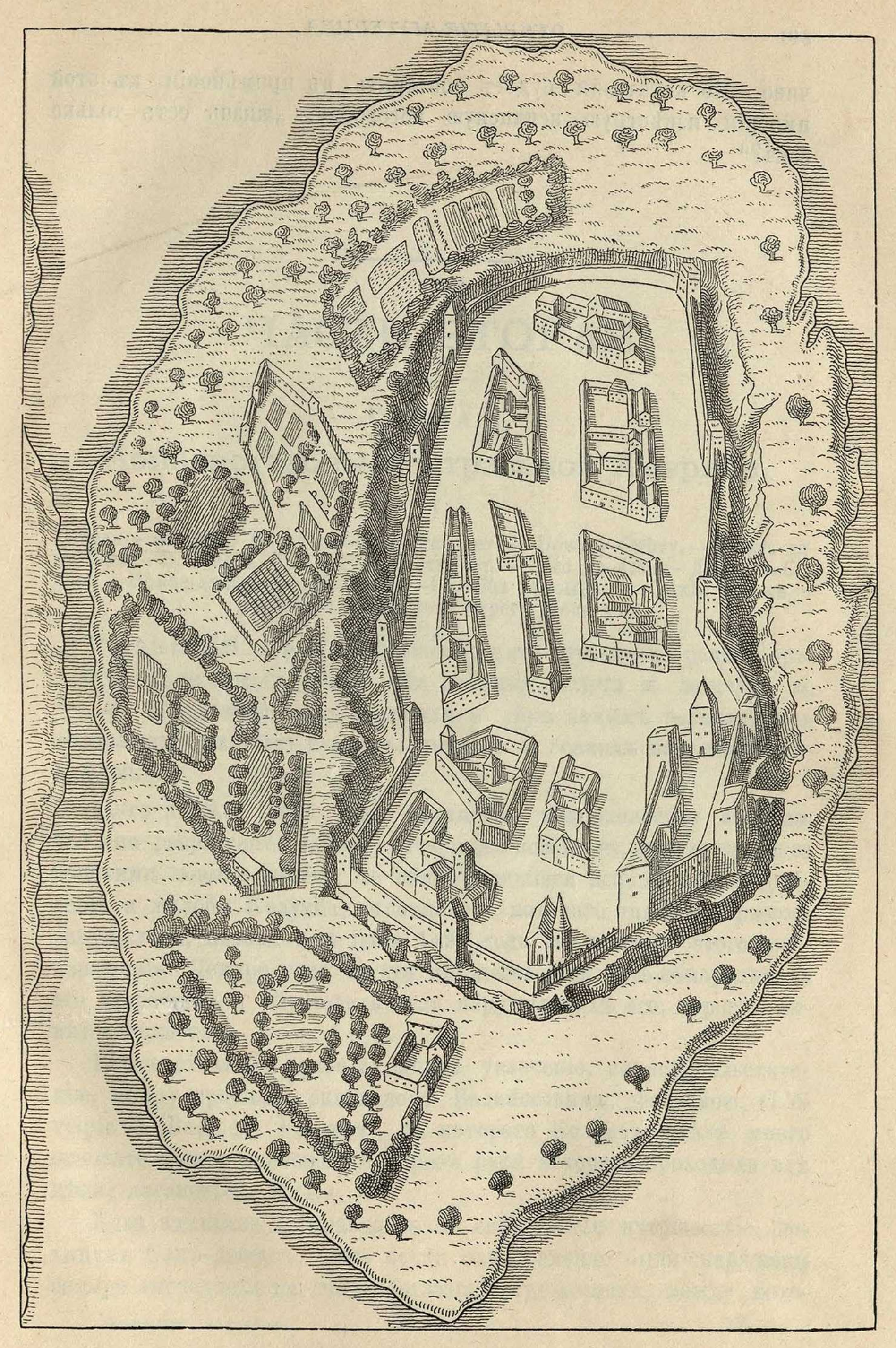
Альбукеркъ былъ погребенъ съ большою пышностью. Солдаты, которые были его вѣрными спутниками въ славныхъ подвигахъ и свидѣтелями его несчастья, оспаривали теперь въ слезахъ честь нести его останки въ послѣднее, назначенное имъ самимъ жилище. Даже индійцы были поражены скорбью и отказывались вѣрить его смерти, скорѣе полагая, что онъ отправился на небо, чтобы тамъ предводительствовать арміями.

Недавно открыто письмо Эммануила, изъ котораго видно, что король, если и былъ временно введенъ въ заблужденіе ложными доносами враговъ Альбукерка, то вскорѣ не замедлилъ отдать ему полную справедливость. Къ несчастью, это возстановляющее письмо не достигло второго вице-короля Индіи. Оно усладило-бы горечь его послѣднихъ минутъ, между тѣмъ какъ онъ умеръ въ грустномъ сознаніи неблагодарности къ себѣ того монарха, славѣ и могуществу котораго онъ пожертвовалъ всѣмъ своимъ существованіемъ.

Съ нимъ, говоритъ Мишле, исчезла у побѣдителей всякая справедливость и человѣчность. Долго, послѣ его смерти, индійцы приходили на могилу Альбукерка искать справедливости противъ притѣсненій его преемниковъ.

Между многочисленными причинами, вызвавшими быстрый упадокъ и раздробленіе этой огромной колоніальной имперіи, которую Альбукеркъ далъ своему отечеству и которая даже послѣ разрушенія оставила по себѣ неизгладимые слѣды въ Индіи, нужно назвать, вмѣстѣ съ Мишле, отдаленность и разбросанность факторій, малочисленность португальскаго населенія, непропорціональную территоріи владѣній, склонность къ грабежу и къ незаконнымъ поборамъ, отличавшимъ неорганизованное управленіе, и, сверхъ всего этого, то неукротимое національное высокомѣріе, которое воспрепятствовало сліянію побѣдителей съ побѣжденными.

Этотъ упадокъ былъ еще задержанъ двумя героями, Жуаномъ-де-Кастро (Juan-de-Castro), оставшимся среди проходящихъ черезъ его руки богатствъ такимъ бѣднякомъ, что даже не имѣлъ на что купить себѣ курицу во время своей послѣдней болѣзни, и Атаидомъ (Ataïde). Эти люди дали развращенному народу еще одинъ примѣръ мужества и неподкупной честности. Но послѣ нихъ распаденіе не задерживалось. Эта громадная имперія попала въ руки голландцамъ и испанцамъ, которые въ свою очередь не могли сберечь ее. Все въ мірѣ преходяще, все измѣн-



Видъ города Килоа. (Fac-simile съ древней гравюры).

чиво. Не кстати-ли будетъ повторить въ примѣненіи къ этой имперіи извѣстную испанскую поговорку: „жизнь есть только сонъ?“

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I.

Конквистадоры центральной Америки.

I

Гойеда.—Америко Веспучи.—Его имя дается Новому Свѣту.—Жуанъ де-ла-Коза.—В. Іанесъ Пинсонъ.—Бастидасъ.—Діего де-Лепе.—Діацъ де-Солисъ.—Понче-де-Леонъ и Флорида.—Бальбоа открываетъ Тихій океанъ.—Гріяльва изслѣдуетъ берега Мексики.

Записки и разсказы Колумба и его спутниковъ распространили всюду вѣсти объ изобиліи золота и жемчуга во вновь открытыхъ странахъ и тѣмъ самымъ воспламенили воображеніе жадныхъ купцовъ, дворянъ и всякихъ искателей приключеній.

10-го апрѣля 1495 года испанское правительство заявило, что оно разрѣшаетъ всѣмъ, кто-бы ни пожелалъ, отправляться за поискими новыхъ земель; но обнаружившіяся вскорѣ злоупотребленія и жалобы Колумба, привилегіи котораго такимъ образомъ нарушались, повели 2-го іюня 1497 года къ отмѣнѣ этого распоряженія. Четыре года спустя пришлось еще разъ обнародывать это запрещеніе и обусловить, для нарушающихъ его, строгою отвѣтственностью.

Всѣхъ охватило какое-то общее увлеченіе, покровительствуемое, между прочимъ, епископомъ Бадайосскимъ, Фонзекою, (L'évêque de Badajoz; Fonseca), на котораго Колумбъ имѣлъ много основательныхъ претензій и черезъ руки котораго проходили всѣ дѣла, касающіяся Индіи.

Едва адмиралъ, отправляясь въ свое третье путешествіе, покинулъ Санъ-Люкаръ, какъ почти одновременно были снаряжены четыре экспедпціи на счетъ богатыхъ судохозяевъ, между кото-

рыми главную роль играли Пинсоны и Америко Веспучи (les Pinzon et Americ Vespuce).

Первая изъ этихъ экспедицій состояла изъ четырехъ кораблей; она вышла изъ порта Санта-Марія 20-го мая 1499 года, подъ начальствомъ Алонзо Гойеды (Alonso Hojeda), увозившаго съ собой Жуана де-ла-Коза (Juan de-la-Kosa), въ качествѣ лоцмана, и Америко Веспучи, обязанности котораго не опредѣлены; но повидимому онъ былъ астрономомъ на флотѣ.

Прежде чѣмъ изложить вкратцѣ исторію этого путешествія, мы нѣсколько подробнѣе остановимся на этихъ трехъ личностяхъ, изъ которыхъ послѣдній играетъ въ исторіи открытія Новаго Свѣта роль тѣмъ болѣе важную, что его именемъ былъ названъ вновь открытый материкъ. Гойеда, родившійся въ Куэнкѣ около 1465 года, воспитывался въ домѣ герцога Медины и началъ съ того, что участвовалъ въ войнѣ противъ мавровъ.

Поступивъ въ число авантюристовъ, которыхъ Колумбъ собиралъ для своего второго путешествія, онъ обратилъ на себя вниманіе спокойною рѣшительностью и хитрымъ, изворотливымъ умомъ. Какія причины повели къ полному разрыву между Колумбомъ и Гойедою, послѣ того какъ послѣдній оказалъ ему большія услуги, именно въ 1495 году, уничтоживъ Караибскій союзъ, —неизвѣстно.

Какъ-бы то нибыло, Гойеда, по прибытіи въ Испанію, нашелъ у Фонзеки поддержку и покровительство. Говорятъ, что министръ Индіи даже сообщилъ ему свѣдѣнія о послѣднемъ путешествіи адмирала и передалъ карту открытыхъ имъ земель.

Первый лоцманъ Гойеды былъ Жуанъ де-ла-Коза, родомъ изъ бискайскаго города Сантоны. Онъ совершалъ неоднократныя плаванія къ африканскому берегу, прежде чѣмъ сопутствовать Колумбу въ первыхъ двухъ путешествіяхъ. Во второй экспедиціи онъ исполнялъ должность водоописателя (maestro de la hacer cartas).

Образцомъ картографической способности ла-Козы могутъ служить двѣ дошедшія до насъ очень интересныя географическія карты: первая изображаетъ всѣ земли Африки, открытыя въ въ 1500 году; вторая—на веленевой бумагѣ и въ краскахъ, какъ предыдущая, передаетъ всѣ открытія Колумба и его послѣдователей.

Второй лоцманъ былъ Бартелемей Рольданъ (Barthélemy Rol-



Кабралъ торжественно вошелъ во владѣніе Бразиліей...

dan), также принимавшій участіе въ путешествіи Колумба къ заливу Паріа.

Что касается до Америко Веспучи, то его обязанности, какъ мы уже сказали, были неопредѣленны; онъ ѣхалъ, чтобы помогать открывать (per ajutare a discoprire, говоритъ итальянскій текстъ его письма къ Содерини).

Америко Веспучи родился 9-го марта 1451 года во Флоренціи и принадлежалъ къ знатной и зажиточной семьѣ. Онъ изучилъ

математику, физику и астрологію, какъ тогда говорили. Познанія его по исторіи и литературѣ, судя по его письмамъ, довольно смутны. Онъ покинулъ Флоренцію безъ всякой опредѣленной цѣли около 1492 года, и отправился въ Испанію, гдѣ занялся сперва торговыми операціями. Благодаря послѣднимъ, мы встрѣчаемъ его въ Севильѣ въ качествѣ комиссіонера большого торговаго дома своего соотечественника, Жуаното Берарди. Такъ какъ этотъ домъ сдѣлалъ значительныя выдачи Колумбу на его второе путешествіе, то есть основанія думать, что Веспучи зналъ въ это время адмирала. По смерти Жуаното, въ 1495 году, наслѣдники его поставили Веспучи во главѣ своей конторы.

Усталъ-ли онъ отъ положенія, которое считалъ ниже своихъ способностей, или онъ въ свою очередь былъ охваченъ лихорадкою открытій, или сталъ мечтать о быстрой наживѣ въ новыхъ странахъ, богатство которыхъ, по слухамъ, было баснословно,— въ 1499 году, Веспучи присоединился къ экспедиціи Гойеды, въ чемъ удостовѣряетъ свидѣтельство послѣдняго въ процессѣ наслѣдниковъ Колумба съ государственной казной.

Флотилія изъ четырехъ судовъ вышла изъ Санта-Маріи 20-гс мая, и, держась югозападнаго направленія, достигла черезъ двадцать семь дней американскаго материка и именно того его мѣста, которое названо было Венецуэлой, благодаря своимъ жилищамъ, выстроеннымъ на сваяхъ и напоминавшимъ этимъ Венецію. Гойеда не разъ пытался сблизиться съ туземцами, но они отвѣчали битвами. Онъ отплылъ далѣе и вскорѣ открылъ островъ Маргариту. Далѣе, проплывъ восемьдесятъ лье къ востоку отъ Ориноко, онъ прибылъ въ заливъ Парія, въ бухту, названную las Perlas, благодаря тому, что туземцы занимались тамъ ловлею жемчужныхъ раковинъ.

Руководствуясь картами Колумба, Гойеда миновалъ Пасть Дракона, отдѣляющую Тринидатъ отъ материка, и, держась западнаго направленія, достигъ мыса la Vela. Затѣмъ онъ приставалъ къ Караибскимъ островамъ, на которыхъ захватилъ множество туземцевъ, съ цѣлью продать ихъ въ Испаніи, и, наконецъ, бросилъ якорь, 5-го сентября 1499 года, у Акимо, на островѣ Испаньолѣ.

Адмиралъ, зная наглость и безпокойный духъ Гойеды, боялся, что онъ внесетъ съ собой въ колонію новый элементъ раздора. Онъ послалъ съ двумя каравеллами Франциско Рольдана узнать



Альбукеркъ предъ Ормузомъ.

мотивы его прибытія и помѣшать его высадкѣ. Адмиралъ не ошибся. Едва успѣлъ Гойеда высадиться, какъ тотчасъ соединился съ нѣкоторымъ числомъ недовольныхъ и возбудилъ въ Ксарагуа возстаніе съ цѣлью изгнать Колумба. Послѣ нѣсколькихъ схватокъ, кончившихся не въ его пользу, все-же пришлось прибѣгнуть къ посредничеству Рольдана, Діэго Эскобара и Жуана де-ла-Коза, чтобы убѣдить Гойеду покинуть Испаньолу. Онъ увозилъ, говоритъ Ласъ-Казасъ, большой грузъ ра-

бовъ, которыхъ продалъ на рынкѣ въ Кадиксѣ. Въ февралѣ 1500 года онъ вернулся въ Испанію, немого позднѣе А. Веспучи и Б. Рольдана, прибывшихъ туда же 18-го октября 1499 года.

Крайній пунктъ къ югу, до котораго доплылъ Гойеда, лежалъ подъ 4° с. ш., и экспедиція продолжалась не долѣе трехъ съ половиною мѣсяцевъ.

Если мы распространились нѣсколько объ этомъ путешествіи, то это только потому, что оно — первое, совершенное Веспучи. Нѣкоторые авторы, именно Варнхагенъ и гораздо позднѣе М. Г. Мажоръ въ своей исторіи Генриха Мореплавателя доказываетъ, что первое путешествіе Веспучи относится къ 1497 году и что, слѣдовательно, онъ видѣлъ американскій материкъ раньше Колумба. Мы, съ своей стороны, относимъ это путешествіе къ 1499 году, при этомъ опираемся на литературную работу Гумбольдта, посвятившаго много лѣтъ на изученіе исторіи открытія Америки, на М. Шартона и на Жюля Кодина, обсуждавшаго по поводу сочиненія Мажора этотъ вопросъ въ Запискахъ Географическаго Общества за 1873 годъ.

„Если даже справедливо,—говоритъ Вольтеръ,—что Веспучи сдѣлалъ открытіе части материка, все же слава принадлежитъ не ему; она, безспорно, принадлежитъ тому, кто обладалъ геніемъ и мужествомъ предпринять первое путешествіе, т.-е. Колумбу. Славы, какъ говоритъ Ньютонъ, заслуживаетъ только иниціаторъ“. Какъ утверждать,—повторимъ за Кодиномъ,—что въ 1497 году была экспедиція, которая будто бы открыла восемьсотъ пятьдесятъ лье новаго берега, не оставивъ объ этомъ никакого слѣда ни у великихъ историковъ, ни въ судебныхъ документахъ, въ которые, вслѣдствіе иска наслѣдника Колумба къ испанскому правительству, по свидѣтельству обѣихъ сторонъ, были занесены всѣ открытія въ послѣдовательномъ порядкѣ, всѣ начальники экспедицій, открывшихъ хоть какую-нибудь часть обозрѣваемаго берега?

Наконецъ, въ подлинныхъ документахъ, добытыхъ въ архивахъ, говорится, что Веспучи получилъ полномочіе снабдить корабли, назначенные для третьяго путешествія Колумба, въ Севильѣ и въ Сенъ-Лукарѣ, и былъ этимъ занятъ отъ половины августа 1497 г. вплоть до отъѣзда Колумба 30-го мая 1498 г.

Всѣ записки о путешествіяхъ Веспучи чрезвычайно разбросаны и спутаны, страдаютъ отсутствіемъ точности и послѣдова-

тельности; указанія мѣстъ, проѣзжаемыхъ экспедиціями, до того не точны, что легко могутъ быть относимы къ нѣсколькимъ пунктамъ берега; наконецъ, эти записки не заключаютъ въ себѣ ни относительно спутниковъ Веспучи, ни относительно мѣстъ, ими посѣщенныхъ, никакихъ хоть отдаленныхъ данныхъ, какими могъ бы воспользоваться историкъ. Никому неизвѣстныя имена, противорѣчащіе другъ другу года—вотъ что представляютъ эти письма, знаменитыя числомъ комментарій и поводами къ нимъ. „Точно какой-то злополучный рокъ,—говоритъ А. Гумбольдтъ,—преслѣдовалъ эти подлинные документы, чтобы спутать ими во всемъ, что касается флорентинскаго мореплавателя".

Мы уже разсказали о первомъ путешествіи Гойеды, съ которымъ совпадаетъ первое путешествіе Веспучи, слѣдуя Гумбольдту, сличившему ихъ и разсуждавшему о нихъ параллельно. И такъ, Варнхагенъ утверждаетъ, что выѣхавъ 10-го мая 1497 года, Веспучи проникъ 10-го іюня того же года въ Гондурасскій заливъ, проѣхалъ вдоль береговъ Юкатана и Мексики, поднялся по Миссиссипи и обогнулъ, въ концѣ февраля 1498 года, оконечность Флориды. Послѣ тридцатидневной остановки въ бухтѣ св. Лаврентія, онъ возвратился, въ октябрѣ 1498 года, въ Кадиксъ.

Если бы Веспучи совершилъ это изумительное путешествіе, то онъ оставилъ бы далеко за собою всѣхъ современныхъ ему мореплавателей. Тогда было бы по всей справедливости необходимо соединитъ его имя съ материкомъ, большую часть котораго онъ обозрѣлъ. Но ничто не доказано слабѣе этого, и мнѣніе Гумбольдта, какъ самое основательное, принималось до сихъ поръ всѣми авторитетными писателями.

Америко Веспучи совершилъ еще три путешествія. Первое изъ нихъ Гумбольдтъ отожествляетъ съ путешествіемъ Іанеса Пинсона (Ianez Pinson), а Авезакъ съ путешествіемъ Діэго де-Лепе (Diego-de-Lepe) (1499—1500). Въ концѣ этого послѣдняго года Джіуліано Бартоломео Джіокондо (Giuliano Bartholomeo di Giocondo) предлагалъ Веспучи отъ имени короля Эммануила перейти на службу Португаліи. На счетъ этого государства Веспучи совершилъ остальныя два путешествія. Въ первомъ изъ этихъ путешествій Веспучи остается тѣмъ-же, какъ и въ предшествующихъ: онъ играетъ роль человѣка, мореходныя познанія котораго могутъ быть полезными при нѣкоторыхъ обстоятель-

ствахъ. Пространство американскаго берега, прослѣдованнаго въ третье путешествіе, заключается между мысомъ св. Августина и 52° южной широты.

Четвертая экспедиція Веспучи ознаменовалась крушеніемъ адмиральскаго корабля близъ острова Фернандо-де-Норонья,— обстоятельство, помѣшавшее остальнымъ кораблямъ продолжать путешествіе за мысъ Доброй Надежды къ полуострову Малаккѣ и принудившее ихъ пристать къ бухтѣ Всѣхъ Святыхъ въ Бразиліи. Это четвертое путешествіе было, безъ сомнѣнія, совершено съ Гонзало Коельо (Gonsalo Coelho). Что-же касается до третьяго путешествія, положительно неизвѣстно, кто былъ его начальникомъ.

Эти разнообразныя путешествія не доставили Веспучи богатства; его положеніе при португальскомъ дворѣ было такъ неблестяще, что онъ рѣшился снова перейти на службу въ Испанію. Онъ былъ назначенъ piloto mayor 22 марта 1608 года. Получая довольно значительное для него жалованье на этой должности, Веспучи дожилъ свой вѣкъ, если не въ богатствѣ, то и не терпя нужды, и скончался въ Севильѣ, 22 февраля 1512 года, въ увѣренности, что онъ, какъ и Колумбъ, касался береговъ Азіи.

Америко Веспучи особенно знаменитъ тѣмъ, что Новый Свѣтъ, вмѣсто того, чтобы носить имя Колумбіи, какъ слѣдовало-бы по всей справедливости, называется его именемъ. Это, однако, не его вина. Долгое время и совершенно несправедливо его обвиняли въ безстыдствѣ, подлогѣ и обманѣ, утверждая, что онъ хотѣлъ помрачить славу Колумба и присвоить себѣ честь открытія, которое ему не принадлежало. Ничуть не бывало. Веспучи былъ любимъ и уважаемъ Колумбомъ и ничто въ его рукописяхъ не подтверждаетъ этого ложнаго обвиненія. Существуетъ семь напечатанныхъ документовъ, приписываемыхъ Веспучи. Это краткое описаніе четырехъ его путешествій, два отдѣльныхъ разсказа о третьемъ и четвертомъ путешествіи въ формѣ писемъ къ Лоренцо-де-Пьеръ-Франческо Медичи и, наконецъ, письмо, обращенное къ тому-же лицу и относящееся къ открытіямъ португальцевъ въ Индіи. Эти документы, отпечатанные маленькими книжечками, были вскорѣ переведены на нѣсколько языковъ и распространились по всей Европѣ.

Въ 1507 году, нѣкто Гилаколимусъ (Hylacolymus), котораго



Альбукеркъ распорядился принести множество пуль и ядеръ...

настоящее имя есть Мартинъ Вальдтземюллеръ (Martin Waldtzemuller), въ книгѣ, напечатанной въ Сенъ-Діе подъ заглавіемъ „Cosmographiae introcductio“, первый предлагаетъ дать новой части свѣта названіе Америки. Въ 1509 году появляется въ Страсбургѣ небольшой географическій трактатъ, слѣдующій предложенію Гилаколимуса; въ 1520 печатается въ Базелѣ изданіе Помпоніуса Мела, содержащее карту Новаго Свѣта подъ названіемъ Америки. Число сочиненій, употреблявшихъ съ этого вре-

мени названіе, предложенное Вальдтземюллеромъ, увеличивалось съ каждымъ днемъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, получивъ болѣе вѣрныя свѣдѣнія о томъ, кто дѣйствительно открылъ материкъ, и оцѣнивъ по достоинству путешествія Веспучи, онъ вычеркнулъ изъ своего сочиненія все, что касалось этого послѣдняго и всюду замѣнилъ имя Веспучи именемъ Колумба. Поздно! Ошибка была освящена!

Что касается до Веспучи, трудно предположить, чтобы ему были извѣстны слухи, носящіеся въ Европѣ, и происшествія въ Сенъ-Діе. Единодушные отзывы о немъ, какъ о человѣкѣ уважаемомъ, должны окончательно смыть незаслуженное обвиненіе, такъ долго тяготѣвшее на его имени.

Почти одновременно съ Гойедой еще три экспедиціи покидали Испанію. Первая, состоящая изъ одного судна, вышла въ іюнѣ 1499 года, подъ начальствомъ Піера Алонзо Нино (Pier Alonso Nino), служившаго у адмирала во время двухъ послѣднихъ его путешествій. Онъ принялъ въ товарищи севильскаго купца Христоваля Гуэрру (Christoval Guerra), на счетъ котораго безъ сомнѣнія и совершилось предпріятіе. Какъ кажется, это путешествіе къ берегу Паріа имѣло цѣлью торговую выгоду гораздо больше научныхъ интересовъ. Не было сдѣлано никакого новаго открытія, но оба путешественника привезли въ Испанію, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1500 года, жемчугъ въ такомъ большомъ количествѣ, что не замедлили возбудить въ своихъ соотечественникахъ алчность и желаніе попытать счастья въ такихъ-же приключеніяхъ. Второю экспедиціею начальствовалъ Вичентъ Іанесъ Пинсонъ (Vicente Ianez Pinson), младшій братъ Алонзо, капитана на „Pinta“, выказавшаго столько зависти къ Колумбу и принявшаго ложный девизъ:

„A Castilla y a Leon
Nuevo monde dia Pinzon“.

Іанесъ Пинсонъ, преданность котораго адмиралу была такъ же велика, какъ ненависть его брата, взялъ на себя восьмую часть издержекъ по предпріятію и управлялъ кораблемъ „Nina“ въ экспедиціи 1492 года.

Онъ выѣхалъ въ декабрѣ 1499 года съ четырьмя судами, изъ которыхъ только два возвратились въ Палосскую гавань въ концѣ сентября 1500 года. Онъ присталъ къ материку немного

ниже мѣста, достигнутаго нѣсколькими мѣсяцами ранѣе Гойедой, изслѣдовалъ берегъ на протяженіи отъ 700 до 800 лье, открылъ мысъ св. Августа подъ 8°20′ южной широты, поплылъ вдоль берега къ сѣверо-западу до Ріо-Грандо, которую назвалъ „Santa Maria de la Mar dulce“, и, слѣдуя въ томъ же направленіи, достигъ мыса св. Августина.

Наконецъ, отъ января до іюня 1500 года Діего-Лепе съ двумя небольшими судами занимался изслѣдованіемъ этихъ же странъ. Эта экспедиція сдѣлала цѣнныя наблюденія надъ направленіемъ береговъ континента, начиная съ мыса св. Августа.

Только-что Лепе возвратился въ Испанію, какъ два корабля отчаливали отъ Кадикса. Они были снаряжены Родриго Бастидасомъ (Rodrigo Bastidas), человѣкомъ уважаемымъ и богатымъ, и имѣли цѣлью открыть новыя земли, а, главнымъ образомъ, собрать золото и жемчугъ, которые вымѣнивались тогда на стеклянныя украшенія и прочія, ничего нестоющія, бездѣлицы.

Жуанъ-де-ла-Коза, искусство котораго вошло въ пословицу и который былъ очень хорошо знакомъ съ этими морями и странами, былъ собственно начальникомъ экспедиціи. Мореплаватели достигли материка, открыли рѣку Сину, заливъ Урабскій, и пристали въ „Puerto del Retrete“ или de los Escribanos“, на Панамскомъ перешейкѣ. Этотъ портъ, открытый Колумбомъ только 26-го ноября 1502 года, находится въ семнадцати миляхъ отъ города „Nombre de-Dios“, тогда знаменитаго, теперь же разрушеннаго.

Однимъ словомъ, это путешествіе, предпринятое купцомъ, благодаря Жуану-де-ла-Коза, было однимъ изъ самыхъ богатыхъ открытіями. Къ несчастью, конецъ его былъ очень печаленъ. Корабли погибли въ заливѣ Ксарагуа, а Бастидасъ и ла-Коза едва добрались до Санъ-Доминго. Тамъ Бовадилья, этотъ губернаторъ, безчестное поведеніе котораго относительно Колумба намъ уже извѣстно, велѣлъ остановить обоихъ изслѣдователей и подъ тѣмъ предлогомъ, что они покупали золото у индійцевъ въ Ксарагуа, отправилъ ихъ въ Испанію, куда они прибыли, претерпѣвъ страшную бурю, уничтожившую часть флота.

Послѣ этой богатой результатами экспедиціи, путешествія, имѣющія цѣлью новыя открытія, становятся рѣже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, посвященныхъ испанцами на утвержденіе своего владычества въ странахъ, въ которыхъ они основали крѣпости.

Въ 1493 году началась колонизація Испаньолы и сооруженіе города Изабеллы. Два года спустя, Христофоръ Колумбъ самъ изслѣдовалъ страну, подчинилъ себѣ несчастныхъ дикарей, охотясь на нихъ съ выдрессированными для этой цѣли страшными собаками и употреблялъ ихъ, привыкшихъ къ бездѣйствію, для постоянной работы въ рудникахъ; Бовадилья, затѣмъ Овандо, обращаясь съ индѣйцами, какъ съ животными, распредѣлили ихъ между поселенцами. Жестокое обращеніе съ этимъ несчастнымъ племенемъ съ каждымъ днемъ становилось ужаснѣе. Помощью очень не благороднаго пріема Овандо завладѣлъ королевой Ксарагуа и ея тремястами приближенныхъ и приказалъ ихъ убить до одного. „Въ продолженіе многихъ лѣтъ,—говоритъ Робертсонъ,—въ Испанію привозилось золото въ количествѣ 460,000 пезосовъ турскихъ ливровъ *), что въ то время представляло очень большую сумму, благодаря большой цѣнности монеты въ началѣ XVI вѣка“. Въ 1511 году Діэго Веласкезъ (Diego Velasquez) во главѣ трехсотъ человѣкъ позорилъ Кубу, которая въ свою очередь послужила сценой убійствъ и грабежей, составившихъ печальную славу испанскаго имени. Чтобы вывѣдать отъ индѣйцевъ тайну сокровищъ, ихъ жгли на медленномъ огнѣ, а въ лучшемъ случаѣ отрубали руки, выкалывали глаза и заливали ихъ раны кипящимъ свинцомъ. Такимъ образомъ, населеніе быстро уменьшалось, и ужъ недалекъ былъ тотъ день, когда оно совсѣмъ угасло бы. Нужно почитать Ласъ Казаса, неутомимаго защитника этого племени, такъ безчеловѣчно преслѣдуемаго, и тогда мы узнаемъ всѣ муки, которыя претерпѣли индѣйцы.

Кацикъ Гаттіей (Hattuey) взятый въ Кубѣ въ плѣнъ, былъ осужденъ на сожженіе. Когда его привязали къ столбу, францисканскій монахъ настаивалъ на его обращеніи въ христіанскую вѣру, при чемъ сулилъ ему всѣ блаженства рая.

— А есть ли испанцы въ той странѣ наслажденій, о которыхъ ты мнѣ говоришь?—спросилъ Гаттіей.

— Да,—отвѣчалъ монахъ,—но только тѣ, кто оставался справедливымъ и добрымъ.

— Лучшій изъ нихъ,—отвѣчалъ кацикъ съ негодованіемъ,— не можетъ быть ни справедливымъ, ни добрымъ. Я не хочу идти

---

*) Одинъ турскій ливръ = 20 су.



Америко Веспучи. (Fac-simile съ древней гравюры).

туда, гдѣ встрѣчу хоть одного человѣка изъ этого проклятаго племени.

Развѣ не достаточно этого одного факта, чтобы охарактеризовать ту степень ожесточенія, до котораго были доведены эти несчастныя племена? И эти ужасы имѣли мѣсто всюду, куда ступала нога испанца! Но опустимъ занавѣсъ на все это безчеловѣчіе, которымъ отличались люди, считавшіе себя цивилизованными

и проповѣдывавшими христіанство, эту религію любви и прощенія, среди народа менѣе дикаго, чѣмъ они сами.

Въ продолженіе 1504 и 1505 года четыре корабля подъ начальствомъ Жуана-де-ла-Коза изслѣдовали заливъ Ураба; это было первое путешествіе, въ которомъ онъ былъ главнымъ начальникомъ. Къ этой же эпохѣ нужно отнести и третье путешествіе Гойеды въ землю Коквибакоа,—путешествіе достовѣрное, по словамъ Гумбольдта, но весьма неопредѣленное.

Въ 1507 году Жуанъ Діацъ де-Солисъ вмѣстѣ съ В. Іанесомъ Пинсономъ открыли обширную провинцію, извѣстную съ тѣхъ поръ подъ названіемъ Юкатана. Хотя это путешествіе не отмѣчено ничѣмъ особенно замѣчательнымъ, говоритъ Робертсонъ, о немъ все же слѣдуетъ упомянуть, такъ какъ оно повело впослѣдствіи къ очень важнымъ открытіямъ. По этой же причинѣ мы отмѣтимъ и путешествіе Діего де-Окампо (Diego de-Ocampo), которому было поручено объѣхать Кубу и который первый узналъ достовѣрно, что эта страна, принимаемая Колумбомъ за часть материка, была не что иное, какъ островъ.

Два года спустя, Жуанъ Діацъ де-Солисъ (Juan Diaz de-Solis) и В. Пинсонъ, плывя на югъ къ экватору, подвинулись до 40° южной широты и къ изумленію своему убѣдились, что материкъ по правую ихъ сторону простирается на огромное пространство. Они неоднократно высаживались на берегъ, торжественно вступали во владѣніе этими странами, но за недостаткомъ средствъ не основали въ нихъ крѣпостей. Ближайшимъ результатомъ этого путешествія—была болѣе точная оцѣнка протяжимости этой части земного шара.

Первый, кому принадлежала мысль основать колонію на материкѣ, былъ тотъ самый Алонзо Гойеда, похожденія котораго уже извѣстны читателю. Не имѣя самъ никакихъ средствъ, но обладая смѣлостью и предпріимчивымъ умомъ, онъ безъ труда находилъ союзниковъ, снабжавшихъ его всѣмъ необходимымъ для предпріятія.

Въ то же время Діего Никуесса (Diego de-Nicuessa), богатый поселенецъ Испаньолы, снаряжалъ экспедицію для той же цѣли (1509). Король Фердинандъ, всегда щедрый на ничего не стоющія поощренія, снабдилъ ихъ почетными титулами, но не далъ ни одного мараведиса. Діего опредѣлилъ на материкѣ двѣ области, изъ которыхъ одна простиралась отъ мыса „la Vella“ до Даріен-

скаго залива, а другая отъ этого залива до мыса „Gracias a Dios". Первая область была назначена Гойедѣ, вторая—Никуессѣ. Оба эти „конквистадоры" на этотъ разъ имѣли дѣло съ народами, не столь простодушными, какъ населеніе Антильскихъ острововъ. Твердо рѣшившись воспротивиться захвату ихъ страны, они противуставили испанцамъ незнакомыя для нихъ средства. Борьба вышла ожесточенная. Въ одной битвѣ семьдесятъ спутниковъ Гойеды были убиты стрѣлами, смазанными „curare", представляющимъ собою такой страшный ядъ, что малѣйшее пораненіе ведетъ къ смерти. Никуесса, съ своей стороны, защищался съ трудомъ. Несмотря на дважды полученныя изъ Кубы подкрѣпленія, большинство изъ нихъ погибло отъ ранъ, утомленія, болѣзней и лишеній. Оставшіеся въ живыхъ образовали у Даріенскаго залива маленькую колонію Санта-Маріа эль-Антигуа подъ начальствомъ Бальбоа (Balboa).

Прежде чѣмъ мы перейдемъ къ подробностямъ о славномъ путешествіи послѣдняго, упомянемъ объ открытіи новой страны, образующей сѣверную границу дуги, глубоко вдавшейся въ материкъ и носящей названіе Мексиканскаго залива. Въ 1502 году Жуанъ Понче де-Леонъ (Juan Ponce de-Léon), происходящій отъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій въ Испаніи, прибылъ на островъ Испаньолу вмѣстѣ съ Овандо. Онъ способствовалъ покоренію этого острова и въ 1508 году завоевалъ островъ Санъ-Жуанъ де-Порто-Рико. Услышавъ отъ индѣйцевъ о существованіи на островѣ Бимини чудодѣйственнаго источника, воды котораго возвращали молодость пьющему ихъ, Понче де-Леонъ отправился на поиски его. Нужно думать, что онъ чувствовалъ надобность въ подобной водѣ, хотя самому ему еще не было пятидесяти лѣтъ.

Снарядивъ на свой счетъ три корабля, Понче де-Леонъ выѣхалъ изъ Санъ-Жермена де-Порто-Рико 1-го марта 1512 года. Онъ направился къ Лукейскимъ островамъ, которые точно такъ же, какъ и Багамскіе, очень добросовѣстно изслѣдовалъ. Если онъ не нашелъ источника молодости, котораго такъ наивно искалъ, за то онъ нашелъ землю, показавшуюся ему очень плодородной и назвалъ ее Флоридой,—потому ли, что онъ прибылъ туда въ Вербное Воскресенье (Pâques-Fleuries), или же онъ находилъ ее очень плѣнительной. Такое открытіе могло бы удовлетворить всякаго менѣе убѣжденнаго человѣка, но Понче де-Леонъ отправился далѣе, переѣзжая съ острова на островъ, и отвѣды-

валъ со всѣхъ источниковъ, все не замѣчая перемѣны цвѣта своихъ сѣдыхъ волосъ и исчезновенія морщинъ. Послѣ шести мѣсяцевъ безплодныхъ поисковъ, онъ, наконецъ, усталъ въ этой шутовской роли и бросилъ свою мысль. 5-го октября онъ возвратился въ Порто-Рико, оставивъ, впрочемъ, Переца Ортубію (Perez de-Ortubia) и лоцмана Антоніо Аламиноса (Antonio de-Alaminos) продолжать тѣ же поиски. „Ему пришлось перенести много насмѣшекъ,—говоритъ Шарльвуа,—когда при его возвращеніи его увидѣли очень больнымъ и постарѣвшимъ".

Эту экспедицію, комичную по своимъ мотивамъ, но очень богатую результатами, можно было бы отнести къ числу анекдотическихъ экспедицій, если бы за нее не ручались такія вѣскія имена, какъ историки Піеръ Мартиръ, Овіедо, Геррера и Гарцилассо де-ла-Вега.

Васко Нунецъ Бальбоа прибылъ въ Америку вмѣстѣ съ Бастидасомъ и поселился на островѣ Испаньолѣ. Несмотря на владѣніе (repartimiento) индѣйцами, общее ему со всѣми испанцами, онъ, какъ и большинство его соотечественниковъ, успѣлъ надѣлать тамъ столько долговъ, что ничего такъ не желалъ, какъ отдѣлаться отъ преслѣдованія кредиторовъ. Къ несчастью, кораблямъ, отправлявшимся съ грузомъ на материкъ, было запрещено брать на свой бортъ несостоятельныхъ должниковъ. Благодаря, однако, своей хитрости, Бальбоа успѣлъ обойти эти затрудненія; въ пустой бочкѣ его подкатили къ кораблю, отвозившему Энциско (Encisco) въ Даріенскій заливъ. Такимъ образомъ, командующій экспедиціей невольно долженъ былъ содѣйствовать побѣгу этого храбраго искателя приключеній, бѣжавшаго, однако, только отъ сыщиковъ, что онъ и доказалъ впослѣдствіи. Пріученные къ слабому сопротивленію жителей Антильскихъ острововъ, испанцы не могли покорить суровыхъ обитателей материка. Къ тому еще возникли и внутреннія несогласія и они сочли за лучшее укрыться въ Санта-Маріа эль-Антигуа, образовавши такимъ образомъ у Даріенскаго залива колонію подъ начальствомъ Бальбоа, замѣстившаго собою Энциско.

Если индѣйцы стали вскорѣ бояться его личной храбрости и жестокости его собаки, Леончилло, которая была страшнѣе двадцати вооруженныхъ людей, за то Бальбоа сумѣлъ также внушить имъ нѣкоторую симпатію своею справедливостью и относительною мягкостью, такъ какъ онъ безъ особенной надобности

не прибѣгалъ къ суровымъ мѣрамъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ Бальбоа успѣлъ собрать, между прочимъ, драгоцѣнныя свѣдѣнія объ Эль-Дорадо,—этой странѣ золота, которой ему не суждено было достигнуть самому, но доступъ въ которую онъ облегчилъ своимъ преемникамъ.

Онъ также узналъ, что въ разстояніи шести дней пути находится другое море—Тихій океанъ, омывающій Перу, гдѣ въ изобиліи находилось золото. Бальбоа, обладая закаленнымъ характеромъ Кортеца и Пизарро, не имѣлъ лишь времени обнаружить всю силу тѣхъ дрнгоцѣнныхъ качествъ, какими его надѣлила природа; но онъ не ошибался въ цѣнности пріобрѣтенныхъ свѣдѣній и понялъ, какою славою это открытіе должно покрыть его имя.

Онъ собралъ сто девяносто волонтеровъ, изъ которыхъ всѣ были храбрые солдаты, привыкшіе, какъ онъ, къ случайностямъ войны, успѣвшіе акклиматизироваться въ этихъ болотистыхъ странахъ съ ихъ вредными испареніями, рождающими лихорадки, диссентеріи и болѣзнь печени.

Если Даріенскій перешеекъ имѣетъ не болѣе шестидесяти миль въ ширину, за то онъ на всемъ своемъ пространствѣ перерѣзанъ цѣпями высокихъ горъ, у подошвы которыхъ образовались наносныя, въ высшей степени плодородныя земли, обладающія такой роскошной растительностью, что европейцы не могутъ составить себѣ объ этомъ никакого понятія. Это—непроходимыя чащи ліанъ, папоротниковъ, гигантскихъ деревьевъ, не пропускающихъ ни одного солнечнаго луча, это — дѣвственный лѣсъ, изрѣзанный мѣстами лужицами и населенный множествомъ птицъ, насѣкомыхъ и животныхъ, покой которыхъ никѣмъ никогда не нарушается. Влажный жаръ уничтожаетъ силы и въ короткое время убиваетъ энергію самаго сильнаго человѣка.

Къ препятствіямъ, щедро разсѣяннымъ природою по пути, проходимому Бальбоа, прибавилось еще недоброжелательство, съ какимъ всюду встрѣчали его дикіе. Пренебрегая опасностью, которой подвергнется экспедиція, сопутствуемая туземцами, онъ выѣхалъ въ сопровожденіи тысячи индѣйцевъ-носильщиковъ и окруженный цѣлымъ стадомъ борзыхъ собакъ, познавшихъ въ Испаньолѣ вкусъ человѣческаго мяса. Попадавшіяся дорогою племена или убѣгали въ горы, унося съ собою свои припасы, или, пользуясь удобствами мѣстности, вступали въ бой. Находясь

безотлучно среди своихъ воиновъ, страдая ихъ лишеніями, отказывая себѣ во всемъ, Бальбоа умѣлъ поднимать ихъ не однажды упадавшую бодрость и внушалъ имъ энтузіазмъ къ стремленію впередъ. Послѣ двадцати дней ходьбы и сраженій, онъ, наконецъ, увидѣлъ огромный океанъ, и, четыре дня спустя, Бальбоа, держа оголенную шпагу въ одной рукѣ и Кастильское знамя въ другой, объявилъ этотъ океанъ владѣніемъ короля Испаніи. Та часть Тихаго океана, гдѣ находилась экспедиція, лежитъ на востокъ отъ Панамы и носитъ до сихъ поръ имя, данное Бальбоа, Санъ-Мигуэль. Свѣдѣнія, собранныя имъ здѣсь у окрестныхъ кациковъ, покорившихся его оружію и предоставившихъ ему жизненные припасы, вполнѣ согласовались съ тѣми, какія были собраны Бальбоа при его отъѣздѣ.

Было несомнѣнно, что на югѣ находится обширная имперія, „столь богатая золотомъ, что самые грубые инструменты дѣлались изъ него“; жители той имперіи приручаютъ ламъ и дѣлаютъ изъ нихъ домашнихъ животныхъ, способныхъ для перевозки тяжестей. Эти интересныя подробности вмѣстѣ съ большимъ количествомъ жемчуга, которое было здѣсь подарено Бальбоа, убѣдили его окончательно, что онъ находится въ азіатскихъ странахъ, описанныхъ Марко Поло, и недалеко отъ имперіи Ципанго, изумительныя богатства которой не переставали мелькать передъ глазами алчныхъ авантюристовъ.

Бальбоа перерѣзалъ Даріенскій перешеекъ по различнымъ направленіямъ, и А. Гумбольдтъ могъ по справедливости сказать, что въ началѣ XVI вѣка страна эта была извѣстна лучше, чѣмъ въ его время. Бальбоа на этомъ не остановился. Онъ спустилъ на открытый имъ океанъ нѣсколько судовъ, выстроенныхъ по его распоряженію съ цѣлью завоевать Перу. Но тутъ онъ былъ гнусно убитъ по судебному постановленію Даріенскаго губернатора, Педраріаса Давилы (Pedrarias Davila), завидовавшаго его уже пріобрѣтенной популярности и той славѣ, которая ожидала его въ будущемъ за смѣлость замышлявшейся экспедиціи. Такимъ образомъ покореніе Перу было задержано на цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ, благодаря преступной зависти человѣка, имя котораго, связанное съ убійствомъ Бальбоа, пріобрѣло печальную извѣстность и достойно стать рядомъ съ именемъ Герострата.

Если первыя свѣдѣнія о Перу обязаны своимъ появленіемъ Бальбоа, то другой изслѣдователь снабдилъ насъ не менѣе важ-



Сожженіе живыхъ индѣйцевъ. (Fac-simile съ древней гравюры).

ными свѣдѣніями относительно Мексиканской имперіи, простиравшей свое господство почти на всю центральную Америку. Жуанъ Грійалва (Juan de-Ijrijalva) получилъ въ 1518 году начальство надъ флотиліей изъ четырехъ кораблей, снаряженныхъ Діэго Веласкезомъ, завоевателемъ Кубы, съ цѣлью собрать свѣдѣнія объ Юкатанѣ, открытомъ въ предшествовавшемъ году Гернандецомъ Кордовой. Грійалва, сопутствуемый лоцманомъ Алами-

носомъ (Alaminos), участвовавшимъ въ путешествіи Понче де-Леона къ Флоридѣ, имѣлъ подъ своимъ начальствомъ двѣсти сорокъ волонтеровъ и между ними Берналя Діаца дель Кастилло (Bernal Diaz del Castill), этого наивнаго автора интересной исторіи завоеванія Мексики, къ сочиненію котораго намъ придется не разъ обращаться.

Послѣ тринадцатидневнаго плаванія, Грійалва, поднимаясь по берегу Юкатана, обогнулъ мысъ Котохе и углубился въ Кампешскую бухту. 10-го мая онъ высадился въ Патаханѣ, жители котораго, несмотря на то, что были крайне удивлены появленіемъ кораблей, которые они приняли за морскія чудовища, и этихъ блѣднолицыхъ людей, мечущихъ молніи, защищали, однако, такъ настойчиво прѣсную воду и городъ, что пятьдесятъ семь испанцевъ было убито и много ранено. Такой свирѣпый пріемъ не поощрилъ Грійалву гостить долго у этой воинственной націи. Послѣ четырехдневной стоянки онъ вновь пустился въ море и, продолжая плаваніе на западъ вдоль Мексиканскаго берега, вошелъ 17-го мая въ рѣку, называемую индѣйцами Табаско, и тамъ онъ тотчасъ же увидѣлъ себя окруженнымъ флотиліей изъ пятидесяти байдаръ, нагруженныхъ воинами, готовыми къ сраженію. Благодаря благоразумію Грійалвы и дружественнымъ изъявленіямъ, на которыя онъ не скупился, миръ не былъ нарушенъ.

„Мы послали имъ сказать,—говоритъ Берналь Діацъ,—что всѣ мы подданные великаго императора, по имени донъ Карлосъ, котораго и они должны признать за повелителя и что тогда имъ будетъ хорошо. Они намъ отвѣтили, что у нихъ уже есть повелитель и что они удивляются, какъ мы имъ предлагаемъ другого, даже не ознакомившись съ ними. Нужно сознаться, что въ этомъ отвѣтѣ было очень мало дикаго".

Взамѣнъ нѣсколькихъ европейскихъ бездѣлушекъ, испанцы получили хлѣбъ изъ юкки, копаловую камедь, куски золота формы рыбъ и птицъ, хлопчато-бумажную одежду туземнаго производства. Такъ какъ индѣйцы, взятые съ мыса Котохе, не особенно понимали языкъ жителей Табаско, то остановка на этомъ берегу была сокращена, и корабли вновь пустились въ море. Они прошли мимо рѣки Коатцакоалько, видѣли нѣсколько снѣжныхъ вершинъ Санъ-Мартина и, наконецъ, бросили якорь въ устьѣ рѣки, которая была названа „Rio de las Banderas" вслѣдствіе множества

бѣлыхъ знаменъ, выставленныхъ туземцами въ знакъ мира появившимся чужеземцамъ.

При высадкѣ Грійалвы, ему были оказаны божескія почести. Ему курили копалъ и положили къ его ногамъ маленькія золотыя вещи цѣнностью болѣе, чѣмъ на пятьсотъ піастровъ, жемчугъ и мѣдныя сѣкиры. Провозгласивъ эту страну своимъ владѣніемъ, испанцы достигли острова „los Sacrificios“, названнаго такъ потому, что на вершинѣ длинной лѣстницы тамъ было найдено нѣчто въ родѣ жертвенника и на немъ пять принесенныхъ наканунѣ въ жертву индѣйцевъ, у которыхъ была разсѣчена грудь, вырвано сердце, отрублены руки и ноги. Затѣмъ они подошли къ другому острову Санъ-Жуану, названному такъ по имени святого, праздновавшагося въ этотъ день; къ этому названію прибавили еще слово „Culua“, часто повторяемое индѣйцами той мѣстности. Кулуа—было прежнее имя Мексики, и этотъ островъ Санъ-Жуанъ Кулуа составляетъ теперешній Сенъ-Жанъ Уллоа.

Нагрузивъ на корабль все золото, которое ему удалось собрать, и отправивъ его въ Кубу, Грійалва продолжалъ плаваніе вдоль берега. Онъ открылъ вершины Тусту и Туспу, собралъ многочисленныя и полезныя свѣдѣнія объ этихъ населенныхъ странахъ и пріѣхалъ къ „Rio Panuco“, гдѣ на него сразу напала цѣлая флотилія изъ гребныхъ судовъ, противъ которой онъ принужденъ былъ защищаться съ величайшими усиліями.

Экспедиція приближалась къ концу; корабли были въ очень плохомъ состояніи, съѣстные припасы истощены; волонтеры, всѣ больные или раненые, составляли въ общемъ очень небольшое число, чтобы ихъ оставить даже подъ защитою крѣпостей среди этихъ воинственныхъ народовъ. Къ тому же между испанцами возникли несогласія. Починивъ самый большой изъ кораблей въ Induction Тоналѣ, на берегу которой Берналь Діацъ, какъ онъ заявляетъ, посѣялъ апельсинныя сѣмена, испанцы отправились въ Сантъ-Яго на Кубѣ, куда и прибыли 15-го ноября, послѣ семимѣсячнаго, а не сорокапятидневнаго плаванія, какъ это говоритъ Фердинандъ Денисъ въ своей Biograhie Didot и какъ повторяетъ въ Voyageurs anciens et modernes Эдуардъ Шартонъ.

Результаты этого путешествія очень значительны. Огромная береговая линія, составляющая полуостровъ Юкатанъ, Кампешская бухта, весь Мексиканскій заливъ были изслѣдованы въ первый разъ отъ мыса до мыса. Теперь узнали уже, что Юка-

танъ—не островъ, какъ это думали прежде, и имѣлось много точныхъ свѣдѣній о могущественной Мексиканской имперіи. Особенно удивляло то обстоятельство, что цивилизація въ Мексикѣ была много замѣтнѣе, нежели на Антильскихъ островахъ; она обнаруживалась въ архитектурѣ, въ обработкѣ почвы, въ нѣжности хлопчато-бумажныхъ тканей и въ отдѣлкѣ золотыхъ украшеній, которыми убирались индѣйцы. Такое преуспѣяніе Мексики, рядомъ съ ея богатствомъ, не могло не возбудить жадности испанцевъ острова Кубы и не устремить этихъ новыхъ аргонавтовъ на завоеваніе новаго золотого руна.

Но не Грійалва воспользовался плодами своей экспедиціи, полной опасностей и бросившей новый свѣтъ на индѣйскую цивилизацію. Слова поэта „Sic vos, non vobis" оправдались еще разъ.

II

Фердинандъ Кортецъ.—Его характеристика.—Его назначеніе.—Приготовленіе къ экспедиціи и попытка Веласкеза помѣшать ей.—Высадка въ Вера-Круцѣ.—Мексика и король Монтезума.—Республика Тласкала.—Походъ въ Мехико.—Король-плѣнникъ.—Пораженіе Нарваеца.—Noche triste.—Битва при Отумбѣ.—Вторая осада и взятіе Мехико.—Экспедиція въ Гондурасъ.—Путешествіе въ Испанію.—Экспедиція въ Тихій океанъ.—Второе путешествіе Кортеца въ Испанію.—Смерть Кортеца.

Веласкезъ, не дожидаясь возвращенія Грійалвы, отправилъ въ Испанію произведенія странъ, открытыхъ послѣднимъ, и домогался у совѣта по индѣйскимъ дѣламъ, также и у епископа Бургосскаго увеличенія своей власти, которая позволила бы ему предпринимать завоеванія. Въ то же время онъ былъ занятъ приготовленіемъ новаго вооруженія, соотвѣтственнаго опасности и важности задуманнаго предпріятія. Но если образованіе военной силы и матеріальныхъ средствъ представляло для Веласкеза относительную легкость, то было очень трудно этому жадному, измѣнчивому и подозрительному,—какъ представляетъ его одинъ древній писатель,—человѣку найти начальника для этой экспедиціи. Въ самомъ дѣлѣ, начальникъ для него долженъ былъ совмѣщать въ себѣ почти всегда несовмѣстимыя качества: большія способности и неустрашимое мужество, безъ чего нельзя было надѣяться на успѣхъ, и въ то же время достаточно послушанія и покорности, чтобы ничего не предпринимать безъ его разрѣшенія, и предоставить ему, не подвергавшему себя никакой опасности, всю славу предпріятія и его успѣха. Одни, мужественные и предпріимчивые,



Травля индѣйцевъ собаками. (Fac-simile съ древней гравюры).

не желали играть роли простого орудія; другіе, болѣе покорные или болѣе скрытные, не обладали вышеназванными качествами, необходимыми, однако, для выполненія такого обширнаго предпріятія; одни, вернувшіеся только что послѣ плаванія съ Грійалвой, желали, чтобы главное начальство было поручено ихъ капитану; другіе предпочитали Агустина Бермудеца или Бернардино Веласкеза. Пока шли эти разговоры и пререканія, два любимца губернатора, Андресъ Дуэро (Andrès de-Duero), его секретарь,

и Амадоръ Ларецъ (Amador de-Lares), контролеръ въ Кубѣ, заключили союзъ съ однимъ дворяниномъ Фердинандомъ Кортецомъ на условіи раздѣлить всю привезенную имъ добычу.

Они не скупились,—говоритъ Берналь Діаца,—на вкрадчивыя рѣчи: много лестнаго говорили про Кортеца, увѣряя его, что онъ единственный человѣкъ, годный для этого предпріятія, что онъ неутомимый и неустрашимый начальникъ и безъ сомнѣнія не измѣнитъ Веласкезу, крестникомъ котораго состоялъ; они наконецъ его убѣдили, и Кортецъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ. И такъ какъ Андресъ Дуэро состоялъ секретаремъ при губернаторѣ, то онъ поспѣшилъ изложить письменно хорошими чернилами очень пространно всѣ полномочія по желанію Кортеца и представилъ ихъ ему надлежащимъ образомъ скрѣпленныя.

Само собою разумѣется, что если-бы Веласкезъ могъ читать по книгѣ будущаго, то онъ не сдѣлалъ-бы этого выбора. Кортецъ родился въ 1485 году, въ Меделинѣ, въ провинціи Эстрамадурѣ, отъ очень древней, но не богатой фамиліи. Проучившись нѣкоторое время въ Саламанкѣ, онъ вернулся въ родной городъ, гдѣ спокойная и мирная жизнь не могла долго удовлетворять его кипучему и капризному характеру. Онъ рано уѣхалъ въ Америку, желая выдвинуться, при чемъ разсчитывалъ на покровительство своего родственника Овандо, губернатора Испаньолы.

По своемъ прибытіи, онъ вскорѣ занялъ нѣсколько почетныхъ и выгодныхъ должностей, принимая, время отъ времени, участіе въ экспедиціяхъ противъ туземцевъ. Къ несчастью, если онъ успѣшно знакомился съ индѣйскими пріемами, то онъ также освоивался съ тѣми фактами жестокости, которые легли позоромъ на кастильское имя. Въ 1511 году онъ сопровождалъ Діэго Веласкеза въ его экспедиціи въ Кубу, при чемъ такъ отличился, что, несмотря на нѣкоторыя несогласія съ своимъ начальникомъ,—несогласія, строго установленныя новѣйшими изслѣдователями, онъ получилъ въ награду за свою службу обширныя индѣйскія земли.

Въ короткое время ,благодаря исскуству жить, Кортецъ успѣлъ скопить три тысячи „castellanos",—сумма очень значительная при его положеніи. Хотя онъ никогда еще не являлся нигдѣ главнымъ начальникомъ, но его неутомимая дѣятельность, замѣстившая безпорядочный пылъ молодости, его хорошо извѣстное благоразуміе, его „prud'homie", какъ тогда говорили, его быст-

рота и рѣшительность, умѣніе покорять сердца добродушіемъ своего характера—вотъ тѣ качества, которыя были представлены Веласкезу его двумя ходатаями. Къ этимъ качествамъ надо еще прибавить представительную осанку, изумительную ловкость и развитіе всего тѣла и большую силу выносливости, отличавшую его даже между авантюристами, привыкшими переносить все.

Какъ только его назначеніе было санкціонировано съ знаками самаго почтительнаго вниманія, Кортецъ немедленно вывѣсилъ у двери своего дома флагъ изъ чернаго бархата, шитый золотомъ, изображающій среди бѣлаго и голубого пламени красный крестъ и вокругъ него слѣдующую латинскую надпись: „Друзья, послѣдуемъ за крестомъ и, если въ насъ есть вѣра, мы побѣдимъ этимъ знакомъ". Онъ сосредоточилъ всѣ силы своего предпріимчиваго ума на соисканіи средствъ, обезпечивающихъ экспедицію. Воодушевленный энтузіазмомъ, степени котораго удивлялись даже близко знавшіе его, онъ не только пожертвовалъ всѣ свои деньги на вооруженіе флота, но еще заложилъ свои помѣстья и занялъ у друзей значительныя суммы, послужившія ему на покупку кораблей, съѣстныхъ припасовъ, оружія и лошадей. Въ короткое время собралось триста волонтеровъ, привлеченныхъ популярностью начальника и прельщенныхъ случайностями и перспективой выгодъ, которыя сулило это предпріятіе.

Но подозрительный Веласкезъ, смущенный еще, вѣроятно, завистниками, чуть было не разрушилъ экспедицію при ея рожденіи. Извѣщенный своими ходатаями, что Веласкезъ замышляетъ лишить его главнаго начальства, Кортецъ твердо рѣшился. Хотя комплектъ экипажа былъ еще не полонъ, и вооруженіе недостаточно, онъ собралъ всѣхъ своихъ людей и ночью снялся съ якоря. Одураченный Веласкезъ скрылъ до времени свой гнѣвъ, но принялъ всѣ мѣры, чтобы задержать того, кто чуть не шуткою сбросилъ съ себя всякую зависимость. Въ Макакѣ Кортецъ дополнилъ свои съѣстные припасы и тамъ подъ его знамя собралось большое число спутниковъ Грійалвы: Педро Альварадо и его братья, Христоваль Олидъ, Алонзо Авила, Гернандецъ Пуэрто-Карреро, Гонзало Сандоваль и Берналь Діацъ Кастильскій, составившій объ этихъ событіяхъ „quorum pars magna fuit", драгоцѣнную хронику. Затѣмъ онъ направился къ порту Трините, построенному на южномъ берегу Кубы и тамъ вновь пополнилъ свои припасы. Въ то же время губернаторъ Вердуго (Verdugo)

получилъ письмо Веласкеза съ приказомъ задержать Кортеца, лишеннаго начальства надъ флотомъ. Но это угрожало спокойствію города и Вердуго воздержался. Чтобы набрать еще охотниковъ, Кортецъ отправился въ Гавану, а его лейтенантъ Альварадо проникъ во внутрь порта и съ своей стороны дѣлалъ сборы. Не обезкураженный неудачею первой попытки, Веласкезъ вновь послалъ приказъ задержать Кортеца; но губернаторъ не нашелъ возможнымъ исполнить этотъ приказъ, такъ какъ Кортецъ былъ окруженъ солдатами, которые, по выраженію Берналя Діаца, охотно положили-бы свою жизнь за своего начальника.

Наконецъ, волонтеры были собраны въ достаточномъ количествѣ, все необходимое для экспедиціи тоже заготовлено, и 18-го февраля 1519 года Кортецъ пустился въ море, имѣя одиннадцать кораблей, наибольшій изъ которыхъ вмѣщалъ сто тоннъ, имѣя 110 моряковъ, 553 солдата, и изъ числа ихъ тринадцать оружейныхъ мастеровъ, 200 островитянъ, и нѣсколько женщинъ для домашнихъ работъ. Особенную силу экспедиціи составляли десять пушекъ, четыре фальконета съ большими запасами и шесть лошадей, пріобрѣтенныхъ съ большимъ трудомъ. Съ этими почти ничтожными средствами, собранными, однако, съ большими усиліями, Кортецъ шелъ воевать съ императоромъ, владѣнія котораго были обширнѣе всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ испанскихъ владѣній. Это предпріятіе было сопряжено съ такими трудностями, что если-бы Кортецъ предвидѣлъ только половину изъ нихъ, то его рѣшимость безъ сомнѣнія поколебалась-бы. Но давно сказалъ поэтъ, что „судьба улыбается тѣмъ, кто смѣло къ ней подходитъ".

Вынесши страшную бурю, экспедиція пристала къ острову Козумелу, жители котораго, или вслѣдствіе того, что побоялись испанцевъ, или вслѣдствіе слабой вѣры въ своихъ боговъ, обратились въ христіанскую вѣру. Когда флотъ оставлялъ уже берегъ, на кораблѣ явился одинъ испанецъ, по имени Іеронимъ Агвиляръ (Ieronimo de-Aguilar), находившійся восемь лѣтъ въ плѣну у индѣйцевъ. Этотъ человѣкъ, великолѣпно изучившій туземное нарѣчіе и обладавшій большою разсудительностью, оказалъ экспедиціи неоцѣненныя услуги въ качествѣ переводчика.

Обогнувъ мысъ Котохе, Кортецъ вошелъ въ Компешскую бухту, минулъ Потонханъ и поднялся по рѣкѣ Табаско, въ надеждѣ быть тамъ принятымъ такъ-же какъ и Грійалва и собрать тамъ большое количество золота. Но настроеніе туземцевъ совер-

шенно измѣнилось и пришлось прибѣгнуть къ силѣ. Несмотря на многочисленность и храбрость, индѣйцы были разбиты во многихъ битвахъ, благодаря наводимому на нихъ ужасу грохотомъ оружія и всадниками, которыхъ они принимали за сверхъестественныхъ существъ. Масса индѣйцевъ была убита въ этихъ сраженіяхъ, между тѣмъ какъ у испанцевъ было всего двое убитыхъ и нѣсколько раненыхъ; раненымъ лошадямъ испанцы смазали раны жиромъ, взятымъ отъ мертвыхъ индѣйцевъ. Наконецъ, миръ былъ заключенъ и Кортецъ получилъ съѣстные припасы, хлопчато-бумажныя одежды, нѣсколько золота и двадцать невольницъ, между которыми была знаменитая Марина, прославленная всѣми древними историками этихъ завоеваній и оказавшая испанцамъ, въ качествѣ переводчицы, много драгоцѣнныхъ услугъ.

Кортецъ продолжалъ путешествіе на западъ, отыскивая мѣсто, удобное для высадки, но онъ его нашелъ только въ Сенъ-Жанѣ на Уллоа. Едва флотъ бросилъ якорь, какъ одна лодка безбоязненно приблизилась къ адмиральскому кораблю. Благодаря Маринѣ, принадлежащей къ племени ацтековъ, Кортецъ узналъ, что страна этихъ жителей была подвластна большой имперіи и что провинція ихъ была завоевана только недавно. Ихъ монархъ, по имени Моктеузома, болѣе извѣстный подъ именемъ Монтезумы, жилъ въ Теноктитланѣ или Мехико, въ разстояніи семидесяти лье отъ берега. Кортецъ сообщилъ индѣйцамъ о своихъ мирныхъ намѣреніяхъ, надѣлилъ ихъ подарками и затѣмъ высадился въ Вера-Круцѣ, очень жаркой и нездоровой мѣстности. Жизненные припасы явились тотчасъ въ изобиліи. На слѣдующій день явился къ Кортецу губернаторъ провинціи, Теутиле, посланный Монтезумой. Зная безпокойство императора, не покидавшее его со дня появленія испанцевъ, онъ былъ очень удивленъ, когда Кортецъ предложилъ, чтобы онъ препроводилъ его тотчасъ къ своему повелителю. Тѣмъ не менѣе онъ распорядился тотчасъ положить къ ногамъ генерала хлопчато-бумажныя ткани, плащи изъ перьевъ и золотые предметы, цѣнность которыхъ сейчасъ же возбудила жадность европейцевъ. Кортецъ, чтобы дать индѣйцамъ понятіе о своемъ могуществѣ, приказалъ маневрировать своимъ солдатамъ и выстрѣлить изъ нѣсколькихъ орудій, громъ которыхъ привелъ индѣйцевъ въ содроганіе. Во все продолженіе этого перваго свиданія съ европейцами индѣйскіе живописцы вос-

производили на бѣлыхъ хлопчато-бумажныхъ тканяхъ корабли, войска и все, что поражало ихъ. Эти изображенія должны были быть представлены Монтезумѣ.

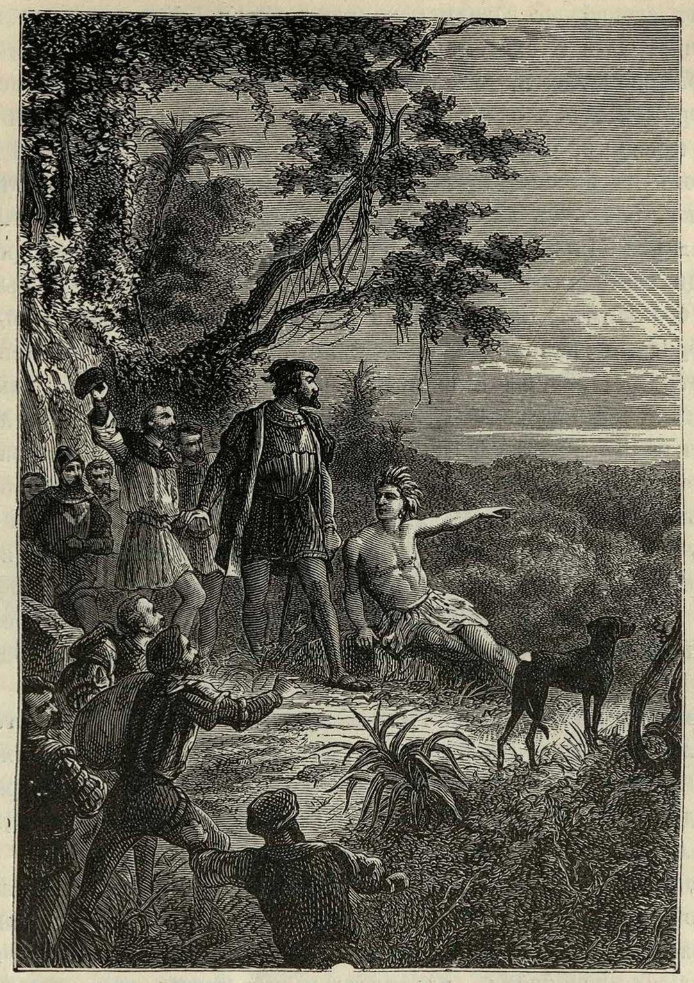
Прежде чѣмъ перейти къ описанію геройскихъ битвъ, вскорѣ послѣдовавшихъ, намъ кажется умѣстнымъ сообщить нѣсколько подробностей о самой имперіи Мексики, которая, несмотря на ея казавшееся могущество, носила уже въ себѣ достаточно зародышей разложенія и упадка. Вотъ почему небольшая горсть авантюристовъ сумѣла завоевать ее.

Та часть Америки, которая подвластна была Монтезумѣ, называлась Анагуакъ и простиралась отъ 14° до 20° сѣверной широты. Почти посрединѣ этой имперіи, обладавшей вслѣдствіе разнообразія мѣстности различными климатами, посрединѣ, нѣсколько ближе къ Тихому, нежели къ Атлантическому океану, разстилается котловина, имѣющая шестьдесятъ семь лье въ окружности и поднимающаяся на 7,500 футовъ надъ уровнемъ моря. Эта котловина, испещренная озерами, носитъ названіе долины Мехико отъ имени столицы имперіи.

До насъ дошло очень мало подлинныхъ документовъ о народѣ, лѣтописи котораго, какъ и нужно думать, были сожжены невѣжественными „конквистадорами“ и фанатическими монахами, уничтожавшими съ ожесточеніемъ все, что могло напоминать о традиціяхъ побѣжденной расы.

Въ началѣ седьмого вѣка тольтеки явились съ сѣвера и поселились на плоскогоріи Анагуакъ. Это была смышленая раса, занимавшаяся земледѣльемъ и механическими работами; они искусно обработывали металлы и возводили большія зданія, развалины которыхъ встрѣчаются и теперь всюду по Новой Испаніи

Послѣ четырехвѣкового владычества, тольтеки исчезли изъ этой страны такъ же таинственно, какъ и появились въ ней. На ихъ мѣсто явилось, столѣтіе спустя, дикое племя съ сѣверо-запада, которое вскорѣ, въ свою очередь, было замѣщено другими, болѣе цивилизованными, племенами, говорившими, какъ кажется, по-тольтекски. Наиболѣе значительные изъ этихъ племенъ были ацтеки, алькольгуэсцы или тескуканцы; послѣдніе легко освоились съ оставшимися тольтеками и скоро слились съ ними. Что касается ацтековъ, они, послѣ цѣлаго ряда войнъ и переселеній, остановились въ долинѣ Мехико, гдѣ построили свою столицу Теноктитланъ. Благодаря наступательному и оборонительному



Бальбоа увидѣлъ огромный океанъ.

союзу, заключенному и свято хранимому странами Мехико, Тезкуко и Тлакопанъ, цивилизація ацтековъ, сначала ограничивавшаяся одной долиной, успѣла въ продолженіе одного столѣтія распространить свои предѣлы до Атлантическаго океана съ одной стороны и до Тихаго съ другой.

Въ короткое время эти народы стали значительнѣе и цивилизованнѣе всѣхъ племенъ Новаго Свѣта. Въ Мексикѣ было установлено право собственности, процвѣтала торговля, и три рода

монетъ споспѣшествовали механизму обмѣна. Хорошо устроенная администрація и система станцій, исполнявшая свое назначеніе съ совершенствомъ, давала возможность быстро передавать всякія распоряженія отъ одного конца имперіи до другого. Число и красота городовъ, обширность дворцовъ, храмовъ и крѣпостей указываютъ на высокую степень цивилизаціи, представляющую странный контрастъ съ дикими обычаями ацтековъ. Ихъ политеистическая религія представляетъ собою рѣдкій примѣръ варварства. Жрецы составляли тамъ очень значительную касту и пользовались большимъ вліяніемъ даже въ дѣлахъ политическихъ. Рядомъ съ обрядами, напоминающими христіанскіе, каковы крещеніе и исповѣданіе, религія ихъ представляла цѣлое сплетеніе самыхъ нелѣпыхъ и кровожадныхъ суевѣрій. Такъ, напримѣръ, человѣческія жертвы, установленныя съ начала XIV вѣка и сперва довольно рѣдкія, стали вскорѣ столь частыми, что среднимъ числомъ ихъ насчитываютъ въ годъ до двадцати тысячъ. Контингентъ этихъ несчастныхъ набирался большею частью изъ покоренныхъ племенъ. Число жертвъ достигало громадной цифры, такъ, въ 1486 году, при освященіи храма Гуитзилопхитъ, семьдесятъ тысячъ плѣнныхъ было принесено въ жертву въ одинъ день.

Мексика имѣла монархическое правленіе; власть императора, вначалѣ довольно ограниченная, возрастала съ завоеваніями и скоро превратилась въ деспотическую. Монархъ всегда выбирался изъ одного и того же рода, и его восшествіе на престолъ сопровождалось большимъ количествомъ человѣческихъ жертвъ.

Императоръ Монтезума принадлежалъ къ жреческой кастѣ и въ его время власть особенно возросла. Многочисленными войнами онъ расширилъ свои владѣнія и поработилъ народы, охотно предававшіеся испанцамъ, владычество которыхъ, имъ казалось, будетъ менѣе тяжелымъ и менѣе жестокимъ, чѣмъ владычество ацтековъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что если-бы Монтезума съ своими силами напалъ на испанцевъ, когда послѣдніе находились въ жаркой и нездоровой мѣстности Вера-Круца, то они не могли бы, несмотря на превосходство своего оружія и своей дисциплины, противустоять такому удару. Они или всѣ погибли бы, или принуждены бы были отплыть, и судьба Новаго Свѣта была бы не та. Но того, чѣмъ обладалъ въ избыткѣ Кортецъ, недоставало

Монтезумѣ: онъ никогда не могъ предпринять быстраго и твердаго рѣшенія.

Между тѣмъ новые императорскіе посланные явились къ Кортецу съ приказомъ покинуть ихъ страну. Кортецъ отказался, и всѣ сношенія съ туземцами были тотчасъ немедленно прерваны. Положеніе становилось критическимъ. Кортецъ это понималъ. Побѣдивъ нѣкоторую нерѣшимость, обнаружившуюся въ его войскахъ, онъ заложилъ основаніе крѣпости въ Вера-Круцѣ. Эта крѣпость должна была служить основаніемъ его предпріятій и защитой на случай необходимости въ отплытіи. Онъ образовалъ особый родъ гражданскаго управленія „гонту", какъ сказали бы теперь, и передалъ этому управленію, власть, которой его лишилъ Веласкезъ; въ то же время онъ потребовалъ отъ этого совѣта новыя грамоты съ самыми обширными полномочіями. Затѣмъ онъ принялъ пословъ отъ города Земпоаллы, пришедшихъ просить его союза и его покровительства противъ Монтезумы, владычество котораго они переносили съ большимъ раздраженіемъ.

Найти союзниковъ съ первыхъ дней высадки было, конечно, для Кортеца большимъ счастьемъ. Не желая упустить этого случая, онъ очень милостиво принялъ тотонаковъ, отправился самъ въ ихъ столицу и, посовѣтовавъ имъ построить крѣпость въ Квіабисланѣ на берегу моря, онъ побудилъ ихъ отказаться отъ уплаты дани. Во время своего пребыванія въ Земпоаллѣ, чтобы убѣдить жителей обратиться въ христіанство, онъ опрокинулъ ихъ идоловъ, точно такъ же, какъ въ Козумелѣ, и указывалъ на безсиліе ихъ боговъ.

Въ то же время въ испанскомъ лагерѣ начали обнаруживаться заговоры. Убѣжденный, что до тѣхъ поръ, пока будутъ оставаться хоть какія-нибудь средства вернуться въ Кубу, ему предстоитъ непрестанно бороться съ неудовольствіемъ и малодушіемъ своихъ солдатъ, Кортецъ приказалъ вытащить на берегъ всѣ свои корабли, подъ предлогомъ, что они слишкомъ ветхи, чтобы служить далѣе. Это былъ поступокъ необычайной рѣшимости, ставившій всѣхъ спутниковъ экспедиціи въ необходимость побѣдить или умереть.

Не опасаясь болѣе за неповиновеніе или за недостатокъ дисциплины въ своемъ войскѣ, Кортецъ выступилъ 16-го августа изъ Земпоаллы съ пятьюстами солдатъ, пятнадцатью лошадьми, шестью пушками и двумястами индѣйцевъ-носильщиковъ, предназначенныхъ для всѣхъ черныхъ работъ.

Вскорѣ онъ достигъ границы маленькой республики Тласкалы, населеніе которой, отличаясь враждебностью ко всякой зависимости, давно ужъ находилось въ войнѣ съ Монтезумой. Кортецъ разсчитывалъ, что его намѣреніе, неоднократно заявленное, освободить индѣйцевъ отъ мексиканскаго ига,—отдастъ тласкаланцевъ въ его руки и сдѣлаетъ изъ нихъ союзниковъ. Онъ спросилъ у нихъ разрѣшенія пройти черезъ ихъ страну, чтобы достигнуть Мексики. Но послы его были задержаны. Кортецъ двинулся внутрь страны и въ продолженіе четырнадцати дней ему пришлось безпрерывно днемъ и ночью выдерживать нападенія нѣсколькихъ тласкаланскихъ армій, достигавшихъ въ общемъ 30,000 человѣкъ. Туземцы обнаружили столько храбрости и стойкости, что удивили испанцевъ, не видѣвшихъ еще ничего подобнаго въ Новомъ Свѣтѣ.

Но вооруженіе было у нихъ первобытное. Что могли они сдѣлать съ своими копьями и стрѣлами, снабженными обсидіаномъ и рыбьими костями, съ своими закаленными кольями, съ деревянными мечами и со всякимъ отсутствіемъ тактики? Когда они увидѣли, что всѣ сраженія, стоившія жизни самымъ храбрымъ изъ ихъ рядовъ, не уничтожили ни одного испанца, они приписали чужеземцамъ сверхъестественную силу, не зная, что думать о людяхъ, отсылавшихъ съ отрубленными руками захваченныхъ въ ихъ лагерѣ шпіоновъ и не только не истреблявшихъ послѣ каждаго сраженія своихъ плѣнниковъ, какъ это дѣлали ацтеки, но еще отсылавшихъ ихъ надѣленными подарками; при всемъ этомъ чужеземцы просили мира.

Тласкаланцы признали себя данниками Испаніи в поклялись помогать Кортецу во всѣхъ его экспедиціяхъ. Съ своей стороны онъ долженъ былъ оказывать имъ покровительство противъ враговъ. На самомъ дѣлѣ, миръ ужъ пора было заключить. Многіе испанцы были ранены, другіе больные и всѣ истощены трудами. Тріумфальный входъ въ Тласкалу, гдѣ ихъ встрѣтили, какъ сверхъестественныхъ существъ, помогъ испанцамъ забыть всѣ страданія.

Послѣ двадцатидневнаго отдыха въ этомъ городѣ, Кортецъ съ арміей, увеличенной шестью тысячами тласкаланцевъ, направился далѣе къ Мехико. Дорогою онъ посѣтилъ Холулу, этотъ святой городъ у индѣйцевъ, любимое мѣстопребываніе ихъ боговъ. Монтезума былъ очень радъ этому обстоятельству, потому ли, что онъ надѣялся, что боги сами отомстятъ испанцамъ за оскорбленіе ихъ

святыни, или потому, что онъ надѣялся на бунтъ и рѣзню, которые могли быть легко вызваны въ этомъ многолюдномъ и фанатическомъ городѣ.

Но тласкаланцы предупредили Кортеца, чтобы онъ не довѣрялъ выраженіямъ дружбы и преданности холулунцевъ. Какъ бы тамъ ни было, онъ занялъ кварталы внутри города, желая и здѣсь, какъ всюду, не выказывать никакого страха. Тласкаланцы извѣстили Кортеца, что женщины и дѣти удалены изъ города; Марина сообщила, что у воротъ города собранъ значительный отрядъ, что западни и рвы приготовлены по улицамъ, и что всѣ холмы покрыты камнями и дротиками. Тогда Кортецъ предупредилъ своихъ враговъ: онъ распорядился захватить начальниковъ города и поспѣшно устроилъ сѣчу среди населенія, лишеннаго своихъ начальниковъ и захваченнаго врасплохъ. Въ продолженіе двухъ дней несчастные холулунцы подвергались всѣмъ мукамъ, какія могло выдумать бѣшенство и месть ихъ союзниковъ тласкаланцевъ. Шесть тысячъ зарѣзанныхъ людей, сгорѣвшіе храмы, наполовину разрушенный городъ—это былъ ужасный примѣръ, дѣйствительно, способный устрашить Монтезуму и его подданныхъ.

Въ результатѣ явилось то, что Кортецъ на протяженіи двадцати лье, отдѣлявшихъ его отъ столицы, былъ всюду встрѣчаемъ какъ освободитель. Не было ни одного кацика, который не жаловался бы на деспотизмъ императора, и это давало Кортецу право думать, что ему не особенно трудно будетъ завоевать разрозненную имперію.

По мѣрѣ того, какъ испанцы спускались съ возвышенностей Халко, долина Мехико съ своимъ широкимъ озеромъ, окруженнымъ большими городами, столица, построенная на сваяхъ, отлично обработанныя поля,—все это разворачивалось передъ ихъ изумленными взглядами.

Ожидая всякихъ виляній со стороны Монтезумы, который до послѣдней минуты не зналъ, какъ ему встрѣтить испанцевъ,—какъ враговъ, или какъ друзей, Кортецъ направился къ плотинѣ, ведшей черезъ озеро въ Мехико. Уже онъ былъ на разстояніи одной мили отъ города, когда индѣйцы, одѣяніе которыхъ говорило за ихъ высокое положеніе, пришли его привѣтствовать и возвѣстить о приближеніи императора.

Вскорѣ показался Монтезума на украшенныхъ золотомъ и

перьями носилкахъ, которыя несли его приближенные; великолѣпный балдахинъ защищалъ его отъ солнечнаго зноя.

По мѣрѣ его приближенія, индѣйцы падали ницъ, при чемъ прятали свои головы, выражая этимъ, что они не достойны его созерцать. Первое свиданіе было очень дружественное, и Монтезума лично отвелъ своихъ гостей въ помѣщеніе, нарочно для этого случая назначенное. Это былъ обширный дворецъ, обнесенный каменною стѣною и защищенный высокими башнями. Кортецъ не замедлилъ, однако, принять оборонительное положеніе и велѣлъ навести пушки на ворота дворца.

При вторичномъ свиданіи Кортецу, также и его солдатамъ, были поднесены великолѣпные подарки. Монтезума разсказалъ, что, по существующему преданію, предки ацтековъ пришли въ страну, будто-бы подъ предводительствомъ бѣлаго бородатаго человѣка, похожаго на испанца. Основавъ свою державу, этотъ человѣкъ отплылъ по океану, предсказавъ, что наступитъ время, когда явятся его потомки и преобразуютъ въ странѣ законы. И вотъ, если онъ ихъ теперь принимаетъ не какъ чужеземцевъ, а какъ родныхъ, то это потому, что онъ въ нихъ видитъ потомковъ своего древняго вождя, и, на основаніи этого, онъ проситъ ихъ считать себя хозяевами его владѣній.

Слѣдующіе дни были посвящены осмотру города, который испанцы нашли больше, многолюднѣе и красивѣе всѣхъ до сихъ перъ ими видѣнныхъ въ Америкѣ городовъ. Особенность города составляли плотины, соединявшія между собою различныя части города и перерѣзанныя мѣстами для свободнаго прохода судовъ, бороздившихъ озеро по всѣмъ направленіямъ. Черезъ эти прорѣзы въ плотинахъ были переброшены свободно разбиравшіеся мосты. Съ восточной стороны не было плотинъ и сообщеніе устанавливалось только помощью лодокъ.

Такое расположеніе города Мехико безпокоило Кортеца, который могъ бы въ одинъ прекрасный день увидѣть себя аттакованнымъ въ столицѣ безъ всякой возможности изъ нея выбраться. Чтобы предупредить всякое неожиданное возстаніе, онъ рѣшилъ обезопасить себя императоромъ, какъ заложникомъ. Поводъ къ тому скоро представился полученными извѣстіями. Квалпопока, мексиканскій генералъ, напалъ на провинцію, подвластную испанцамъ, при чемъ ранилъ на смерть Эскаланта и семь его солдатъ; въ то же время голова, отсѣченная у плѣнника, переносилась изъ



Фердинандъ Кортецъ.

города въ городъ, чѣмъ доказывалось, что испанцы могутъ быть побѣждены и что они не болѣе какъ простые смертные.

Кортецъ не преминулъ воспользоваться этимъ событіемъ, чтобы обвинить императора въ измѣнѣ. Онъ говорилъ, что если ему и его солдатамъ оказали хорошій пріемъ, то это лишь затѣмъ, чтобы имѣть случай поступить съ ними впослѣдствіи, какъ было поступлено съ Эскалантомъ,—пріемъ, недостойный монарха и вовсе

не отвѣчающій тому довѣрію, съ какимъ отнесся къ нему Кортецъ. Впрочемъ, если подозрѣнія испанцевъ не основательны, то императоръ имѣетъ прекрасный случай доказать ихъ неосновательность, наказавъ Квалпопоку. Наконецъ, чтобы помѣшать возобновленію нападеній, способныхъ, во всякомъ случаѣ, нарушить ихъ добрыя отношенія, и чтобы дать понять мексиканцамъ, что онъ противъ испанцевъ не питаетъ никакихъ дурныхъ намѣреній, Монтезумѣ не остается ничего лучшаго, какъ находиться постоянно среди испанцевъ. Понятно, что императоръ не могъ охотно на это согласиться, но ему пришлось уступить наглости и угрозамъ. Объявляя своимъ подданнымъ объ этомъ рѣшеніи, онъ долженъ былъ повторить имъ неоднократно, что онъ отдается совершенно охотно и добровольно въ руки испанцевъ, и этими рѣчами онъ долженъ былъ ихъ успокоить, такъ какъ они грозили броситься на чужеземцевъ.

Этотъ маневръ удался Кортецу сверхъ всякаго ожиданія. Квалпопока, его сынъ и пять главныхъ виновниковъ возстанія были схвачены мексиканцами и преданы суду испанцевъ, являвшихся, такимъ образомъ, одновременно и судьями, и тяжущимися; послѣдніе осудили ихъ на сожженіе живьемъ. Недовольный казнью людей, дѣйствовавшихъ лишь по приказанію своего императора и отстаивавшихъ съ оружіемъ въ рукахъ свою страну, Кортецъ подвергъ Монтезуму новому униженію и заковалъ его въ цѣпи подъ предлогомъ того, что виновные въ послѣднюю минуту обвинили его.

Въ продолженіе шести мѣсяцевъ Кортецъ отъ имени короля, осужденнаго на бездѣйствіе, пользовался высшей властью. Онъ смѣнялъ не нравившихся ему губернаторовъ, собиралъ подати, входилъ во всѣ подробности управленія, посылалъ въ различные концы имперіи испанцевъ съ цѣлью развѣдать повсемѣстно производство и съ особенною тщательностью изслѣдовать округи, въ которыхъ есть рудники, и тѣ способы, какими золото обрабатывается.

Кортецъ успѣлъ еще вызвать въ Монтезумѣ желаніе повидать европейскіе корабли, для чего онъ распорядился привезти изъ Вера-Круца снасти и морскіе снаряды и приступилъ къ постройкѣ двухъ бригантинъ, назначеніе которыхъ состояло въ упроченіи сообщеній между различными частями города.

Ободренный такими выраженіями покорности и смиренія,

Кортецъ пошелъ далѣе и потребовалъ отъ Монтезумы, чтобы онъ призналъ себя вассаломъ и данникомъ Испаніи. Эта присяга на вѣрность вассала повлекла за собой богатые, многочисленные подарки и значительную контрибуцію, собранную безъ особаго труда. Все золото и серебро, которое они только могли вынудить у индѣйцевъ, они расплавили, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вещицъ, сохраненныхъ ради ихъ прекрасной работы. Сплавъ не превысилъ 600,000 пезосовъ или 2.500,000 ливровъ. И такъ, не смотря на то, что испанцы пустили въ ходъ всю свою силу, не смотря на то, Монтезума исчерпалъ свои сокровища, чтобы ихъ насытить, доходъ представлялъ сумму до смѣшного ничтожную, не имѣющую ничего общаго съ представленіемъ, которое побѣдители составили себѣ о богатствѣ страны.

Когда отложили пятую долю королю, пятую — Кортецу и исключили сумму, занятую на издержки при снаряженіи флота,— часть каждаго солдата не достигла и ста пезосовъ (pesos). Испытать столько трудовъ, подвергаться такимъ страшнымъ опасностямъ, вынести столько лишеній—и все это изъ-за ста пезосовъ (pesos)?

Не лучше ли было оставаться въ Испаньолѣ? Если только дѣлежъ былъ справедливъ, въ чемъ испанцы, однако, сомнѣвались, то какъ нелѣпо оставаться долѣе въ этой жалкой странѣ, такъ плохо отвѣтившей прекраснымъ обѣщаніямъ Кортеца! Между тѣмъ, съ начальникомъ менѣе щедрымъ на обѣщаніе, но болѣе отважнымъ, они могли бы добраться до странъ, богатыхъ золотомъ и драгоцѣнными камнями, и тамъ храбрые воины нашли бы достойную награду за свои труды. Такой ропотъ сталъ раздаваться между жадными авантюристами; одни принимали свою часть съ проклятіемъ, другіе съ презрѣніемъ отказывались.

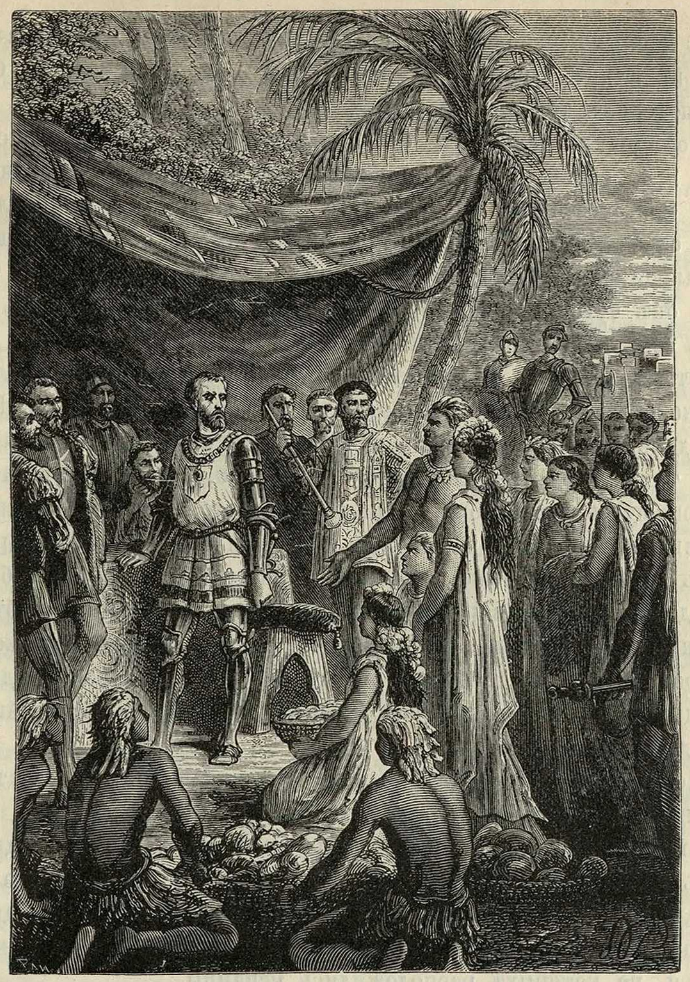
Если Кортецу удавалось легко убѣждать Монтезуму во всемъ, что касалось политики, то нельзя того же сказать о религіи. Въ своемъ намѣреніи обратить его въ христіанство онъ встрѣтилъ рѣзкій отпоръ. Когда Кортецъ пожелалъ опрокинуть идоловъ, какъ это онъ сдѣлалъ въ Земпоаллѣ, населеніе было готово къ мятежу, грозившему сдѣлаться очень серьезнымъ, и Кортецъ принужденъ былъ оставить свои планы. Мексиканцы, претерпѣвшіе почти безъ сопротивленія взятіе въ плѣнъ и покорность ихъ монарха, рѣшили мстить за своихъ оскорбленныхъ боговъ и готовили общее возстаніе противъ завоевателей.

Одновременно съ тѣмъ, какъ дѣла внутри страны принимали менѣе благопріятный характеръ, Кортецъ получилъ изъ Вера-Круца извѣстіе, что около гавани крейсируетъ нѣсколько кораблей. Ему пришло на мысль, что это флотъ, посланный ему на помощь Карломъ V въ отвѣтъ на его письмо, отправленное 16-го іюля 1619 года черезъ посредство Пуэрто Каррерро и Монтейо. Вскорѣ, однако, онъ былъ выведенъ изъ заблужденія. Оказалось, что этотъ флотъ былъ снаряженъ Діэго Веласкезомъ, узнавшимъ, съ какою легкостью его лейтенантъ свергъ по отношенію къ нему всякую зависимость; флоту было поручено низложить его, захватить въ плѣнъ и привезти его въ Кубу, гдѣ онъ долженъ будетъ подвергнуться уголовному суду.

Эта флотилія, состоявшая подъ начальствомъ Памфило Нарваеца (Pamphilo do-Narvaez), состояла изъ восемнадцати судовъ, на которыхъ помѣщалось восемьдесятъ всадниковъ, сто пѣхотинцевъ, изъ нихъ восемьдесятъ мушкетеровъ, сто двадцать стрѣлковъ и двѣнадцать пушекъ.

Нарваецъ безпрепятственно высадился возлѣ форта Санъ-Жуанъ въ Уллоа. Но когда онъ потребовалъ отъ Сандоваля, губернатора Вера-Круца, чтобы онъ передалъ ему городъ, послѣдній задержалъ тѣхъ, кто принялъ на себя это наглое порученіе и отправилъ ихъ въ Мехико. Кортецъ не замедлилъ ихъ освободить и вывѣдалъ отъ нихъ обстоятельныя свѣдѣнія о силахъ и планѣ Нарваеца. Опасность, которая ему теперь угрожала, была велика. Войска, снаряженныя Веласкезомъ, были многочисленнѣе и лучше вооружены, чѣмъ его войска; но что его пугало, это вовсе не перспектива осужденія и не перспектива смерти,—онъ сожалѣлъ о томъ, что пропадутъ всѣ его усилія, и о той потерѣ, какую понесетъ его отечество вслѣдствіе этихъ несогласій. Положеніе было критическое. Строго подумавъ и взвѣсивъ все за и противъ, Кортецъ, несмотря на всю невыгоду своего положенія, счелъ за лучшее сражаться, чѣмъ пожертвовать всѣми своими завоеваніями и интересами Испаніи.

Прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ необходимости сраженія, Кортецъ послалъ къ Нарваецу своего капеллана Ольмедо (Olmedo); но онъ былъ очень дурно принятъ и всѣ его миролюбивыя предложенія были съ презрѣніемъ отвергнуты. Гораздо большій успѣхъ имѣлъ Ольмедо среди солдатъ, которымъ онъ въ большинствѣ былъ извѣстенъ; имъ онъ роздалъ цѣпи, золотыя кольца и дру-



Кортецъ получилъ припасы, одежды, золото и двадцать невольницъ.

гія драгоцѣнности, чѣмъ способствовалъ высокому мнѣнію о богатствѣ завоевателей. Нарваецъ, однако, увѣдомленный объ этомъ, не желалъ болѣе оставлять своихъ солдатъ въ виду сильнаго искушенія; онъ назначилъ цѣны за голову Кортеца и его главныхъ офицеровъ и двинулся имъ навстрѣчу. Но Кортецъ былъ слишкомъ разсудителенъ, чтобы вступить въ сраженіе при неблагопріятныхъ условіяхъ. Онъ медлилъ, утомлялъ Нарваеца и его войска, вступившія въ Зампоаллу, и, въ концѣ концовъ, такъ хорошо распорядился своими средствами, что, неожидан-

нымъ ночнымъ нападеніемъ, скрывшимъ его силы, успѣлъ захватить въ плѣнъ своего противника со всѣмъ его войскомъ. Самъ онъ потерялъ только двухъ солдатъ.

Побѣдитель обошелся съ побѣжденными очень благородно. Онъ предложилъ имъ на выборъ: или отправиться обратно въ Кубу или раздѣлить съ нимъ его судьбу. Послѣднее предложеніе, скрѣпленное подарками и обѣщаніями, показалось вновь прибывшимъ очень соблазнительнымъ, и черезъ день послѣ того, какъ онъ чуть было не попалъ въ руки Нарваеца, Кортецъ увидѣлъ себя во главѣ тысячи солдатъ.

Этимъ рѣзкимъ поворотомъ счастья Кортецъ былъ исключительно обязанъ своему дипломатическому искусству. На слѣдующій день Кортецъ уже отправился въ Мехико. Войска, оставленныя тамъ подъ начальствомъ Альварадо, въ качествѣ стражи сокровищъ и императора, были доведены до послѣдней крайности туземцами, которые часть изъ нихъ убили и ранили, а другую часть держали въ осадѣ подъ постояннымъ страхомъ всеобщаго нападенія. Нужно, впрочемъ, сказать, что это возстаніе, которое испанцы такъ желали предупредить, было вызвано ихъ же неосторожнымъ и преступнымъ поведеніемъ, сказавшимся на одномъ праздникѣ, во время котораго испанцы перерѣзали знатнѣйшихъ гражданъ имперіи.

Подкрѣпленный двумя тысячами тласкаланцевъ, Кортецъ поспѣшилъ въ столицу и успѣлъ прибыть туда до того, какъ индѣйцы приступили къ разрушенію мостовъ и гатей, соединявшихъ Мехико съ твердой землей. Несмотря на прибытіе подкрѣпленія, положеніе не улучшилось. Ежедневно приходилось вступать въ битвы и дѣлать вылазки, чтобы очищать дворцовыя дороги, на которыхъ расположились испанцы.

Теперь Кортецъ понялъ, что онъ сдѣлалъ ошибку, помѣстившись въ городѣ, гдѣ ежеминутно нужно быть готовымъ къ нападенію и откуда такъ трудно выбраться. Онъ обратился къ Монтезумѣ, который могъ своею властью и тѣмъ обаяніемъ, какимъ былъ еще окруженъ, усмирить возстаніе или по крайней мѣрѣ выговорить испанцамъ срокъ, въ который они могли-бы отступить. Но когда несчастный императоръ, сдѣлавшійся игрушкой въ рукахъ Кортеца, появился на стѣнахъ, облаченный въ свои королевскія одежды, и сталъ убѣждать своихъ подданныхъ къ прекращенію непріятельскихъ дѣйствій, кругомъ него раздался

ропотъ, неудовольствіе и угрозы. Негодованіе возросло и, прежде чѣмъ солдаты успѣли прикрыть его своими щитами, императоръ былъ раненъ нѣсколькими стрѣлами и получилъ въ голову ударъ камнемъ, опрокинувшимъ его.

Устрашенные преступленіемъ, которое они только-что совершили, индѣйцы разбѣжались въ разныя стороны. Императоръ же, слишкомъ поздно понявшій всю гнусность той роли, которую онъ игралъ въ рукахъ Кортеца, сорвалъ съ своихъ ранъ повязки, отказался отъ всякой пищи и умеръ, проклиная испанцевъ.

Послѣ такого печальнаго событія, нечего было и думать о примиреніи съ мексиканцами. Нужно было, во чтобы то ни стало, вырваться изъ города, въ которомъ имъ грозила продолжительная осада, а затѣмъ голодная смерть. Кортецъ это прекрасно понималъ и сталъ втайнѣ дѣлать приготовленія. Съ каждымъ днемъ войска его были тѣснимы все болѣе и болѣе и ему самому приходилось съ мечомъ въ рукѣ сражаться рядомъ съ своими солдатами. Солисъ разсказываетъ даже, — неизвѣстно впрочемъ на основаніи какихъ документовъ, — что при одномъ нападеніи, произведенномъ на кварталъ, въ которомъ господствовали испанцы, два молодыхъ мексиканца, узнавъ Кортеца по голосу, какимъ онъ воодушевлялъ своихъ солдатъ, рѣшили пожертвовать собою, чтобъ погубить виновника бѣдствій ихъ страны.

Приблизившись къ нему въ умоляющей позѣ, точно собираясь просить пощады, они схватили его и бросились черезъ ряды войскъ, надѣясь пробиться и увлечь его съ собою. Но благодаря своей силѣ и исключительной ловкости, Кортецъ успѣлъ освободиться изъ ихъ объятій, и оба храбрые мексиканца пали жертвой своей благородной попытки спасти свою страну.

Отступленіе уже было рѣшено и вопросъ состоялъ только въ томъ, совершить-ли его днемъ или ночью. Днемъ можно было успѣшнѣе противостоять непріятелю, обнаружены будутъ приготовленныя засады, можно будетъ взять предосторожности для возстановленія разрушенныхъ мексиканцами мостовъ. Съ другой стороны было извѣстно, что индѣйцы очень рѣдко нападаютъ послѣ захода солнца. Но что особенно побуждало Кортеца къ ночному отступленію, это то, что одинъ солдатъ, занимавшійся астрологіей, предсказывалъ своимъ товарищамъ вѣрный успѣхъ въ томъ случаѣ, если отступятъ ночью.

Въ полночь войска тронулись. Кромѣ испанскихъ солдатъ, подъ начальствомъ Кортеца находились отряды городовъ Тласкалы, Земпоаллы и Холулу, достигавшіе въ общей сложности до семи тысячъ человѣкъ, несмотря на понесенныя ими раньше потери. Сандоваль командовалъ авангардомъ, Кортецъ находился въ центрѣ съ обозами, пушками и плѣнниками, въ числѣ которыхъ находились сынъ и двѣ дочери Монтезумы; Альварадо и Веласкезъ Леонъ вели аріергардъ. У испанцевъ находился летучій мостъ, который могъ перебрасываться черезъ разрушенныя части плотины. Едва войска достигли плотины, ведущей кратчайшимъ путемъ въ Такубу, какъ были аттакованы со всѣхъ сторонъ плотными непріятельскими массами; въ то-же время безчисленное количество лодокъ осыпало ихъ градомъ камней и стрѣлъ. Ошеломленные, растерянные союзники не знали, съ какой стороны защищаться. Деревянный мостъ погружается подъ тяжестью орудій и сражающихся. Скученные на узкой плотинѣ, не имѣя возможности пустить въ дѣло огнестрѣльное оружіе, лишенные силы своей кавалеріи, которой недоставало мѣста, смѣшанные съ индѣйцами, нападающими на нихъ грудь съ грудью, окруженные со всѣхъ сторонъ,—испанцы и ихъ союзники начинаютъ уступать численности подкрѣпляемыхъ свѣжими силами индѣйцевъ. Начальники и солдаты, пѣхотинцы и всадники, испанцы и тласкаланцы — все смѣшалось въ одну кучу; каждый защищаетъ только себя, не заботясь о дисциплинѣ и объ общемъ спасеніи.

Все, казалось, погибло. Но Кортецъ съ сотнею людей успѣлъ пробраться черезъ пробитую плотину по грудѣ труповъ, запрудившихъ ее. Его солдаты прибываютъ одинъ за однимъ, онъ устанавливаетъ ихъ въ порядкѣ и, во главѣ наименѣе тяжко раненыхъ, устремляется стрѣлою въ центръ сѣчи и успѣваетъ освободить часть своихъ. На разсвѣтѣ все, что могло вырваться изъ подъ рѣзни этой печальной ночи — „noche triste", какъ названа была эта ночь, — все соединилось въ Такубѣ. Съ глазами полными слезъ Кортецъ сдѣлалъ смотръ своимъ оставшимся солдатамъ и отдалъ себѣ отчетъ въ ощутительныхъ потеряхъ. 4,000 индѣйцевъ — тласкаланцевъ и холулунцевъ — и почти всѣ лошади были убиты; вся артиллерія, точно такъ-же, какъ снаряды и большая часть обозовъ были утеряны; лучшіе офицеры— Веласкезъ де-Леонъ, Салцедо, Морла, Ларесъ и многіе другіе



Смерть Монтезумы.

были въ числѣ убитыхъ; Альварадо былъ опасно раненъ; ни одинъ солдатъ, ни одинъ офицеръ не избѣгли ранъ.

Не останавливаясь въ Такубѣ, они направились наудачу по направленію къ Тласкалѣ, не зная, что ихъ тамъ ожидаетъ. Сильно преслѣдуемые мексиканцами, испанцы принуждены были вновь вступить въ сраженіе; оно произошло на поляхъ Отумбы, при чемъ число непріятелей достигало, по нѣкоторымъ историкамъ, до двухсотъ тысячъ. Благодаря нѣсколькимъ уцѣлѣвшимъ всадникамъ, Кортецу удалось опрокинуть все, что находи-

лось передъ нимъ, и онъ прорвался къ отряду знатныхъ людей, которыхъ можно легко узнать по ихъ золотистымъ перьямъ и по роскошнымъ одеждамъ. Въ этомъ отрядѣ находился ихъ генералъ, со знаменемъ въ рукахъ. Со своими всадниками Кортецъ ринулся на этотъ отрядъ и однимъ ловкимъ ударомъ копья успѣлъ опрокинуть мексиканскаго генерала, а испанскій солдатъ, по имени Жуанъ Саламанка, добилъ его своимъ мечомъ. Въ моментъ исчезновенія знамени битва была выиграна, и мексиканцы, охваченные паническимъ страхомъ, поспѣшно покинули поле сраженія. „Никогда испанцы не подвергались большей опасности, и безъ звѣзды Кортеца,—говоритъ Прескоттъ,—ни одинъ не пережилъ бы, чтобы передать потомству разсказъ о кровопролитной битвѣ на поляхъ Отумбы". Добыча была значительна и могла частью вознаградить испанцевъ за тѣ потери, какія они понесли при выходѣ изъ Мехико. Она была тѣмъ значительнѣе, что часть непріятельской арміи состояла изъ знатныхъ воиновъ, которые одѣлись въ лучшія свои одежды, увѣренные въ побѣдѣ.

На слѣдующій день испанцы вступили на тласкаланскую территорію.

„Я обращу вниманіе интересующихся читателей на тотъ фактъ,—говоритъ Берналь Діацъ,—что когда мы пришли въ Мехико на помощь Альварадо, насъ было всего до тысячи трехсотъ человѣкъ; сюда входило девяносто семь всадниковъ, восемьдесятъ стрѣлковъ изъ лука, столько же изъ винтовокъ; тласкаланцевъ было больше двухъ тысячъ человѣкъ; съ нами была сильная артиллерія. Наше вторичное вступленіе въ Мехико произошло въ Ивановъ день 1520 года, а наше отступленіе 10-го іюля. Памятное сраженіе у Отумбы произошло 14-го того же мѣсяца. Теперь я хочу обратить вниманіе на число людей убитыхъ, какъ въ Мехико, при переходѣ черезъ плотины и мосты, такъ и въ другихъ сшибкахъ у Отумбы и по дорогамъ. Я утверждаю, что въ продолженіе пяти дней у насъ было убито восемьсотъ шестьдесятъ человѣкъ, включая въ это число семьдесятъ солдатъ, убитыхъ вмѣстѣ съ пятью кастильскими женщинами въ селеніи Рустепекѣ; въ то же время мы потеряли тысячу двѣсти тласкаланцевъ. Нужно замѣтить, что если изъ войска Нарваеца пало больше людей, чѣмъ изъ войска Кортеца, то это потому, что первые пустились въ путь, нагруженные золотомъ, что мѣшало имъ плавать и выпутываться изъ траншей".

Войска Кортеца ограничивались теперь четырьмястами сорока человѣками съ двадцатью лошадьми, двѣнадцатью стрѣлками изъ лука и семью стрѣлками изъ винтовокъ безъ единаго заряда, всѣ раненые, хромые или съ изуродованными руками. Это значитъ, что у Кортеца оставалось теперь столько войска, сколько у него было при первомъ вступленіи въ Мехико, съ тою громадною разницею, что теперь они выходили изъ столицы побѣжденные.

Вступивши на тласкаланскую территорію, Кортецъ объявилъ своимъ людямъ и въ особенности людямъ Нарваеца, чтобы они воздержались отъ всякихъ притѣсненій по отношенію къ индѣйцамъ, такъ какъ дѣло касалось общаго спасенія, и чтобы они не раздражали единственныхъ остававшихся ихъ союзниковъ. Къ счастью, сомнѣнія относительно вѣрности тласкаланцевъ были неосновательны. Они встрѣтили испанцевъ самымъ сердечнымъ образомъ и горѣли лишь чувствомъ мести къ мексиканцамъ за своихъ убитыхъ братьевъ. Въ ихъ столицѣ Кортецъ узналъ о погибели еще двухъ отрядовъ, но эта потеря, несмотря на всю ея значительность, не лишила его мужества. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи воиновъ, привыкшихъ къ войнѣ и остававшихся ему вѣрными союзниками. Вера-Круцъ остался нетронутымъ; можно было еще разъ попытать свою судьбу.

Прежде чѣмъ предпринять новое сраженіе и начать новую осаду, надо было собрать вспомогательныя войска и сдѣлать всѣ приготовленія. Кортецъ не медлилъ. Онъ снарядилъ четыре корабля въ Испаньолу, чтобы навербовать волонтеровъ и купить лошадей, пороху и снаряды; въ то же время онъ распорядился срѣзать на тласкаланскихъ горахъ лѣсъ, необходимый для постройки двѣнадцати бригантинъ, которыя должны были по-одиночкѣ быть подвезены къ озеру Мехико, куда онѣ будутъ пущены въ удобный моментъ.

Уничтоживъ нѣкоторыя попытки къ возстанію, къ которому особенно склонны были солдаты, пришедшіе съ Нарваецомъ, Кортецъ снова выступилъ въ походъ и, при помощи тласкаланцевъ, атаковалъ обитателей Тепеаки и другихъ сосѣднихъ провинцій; эти атаки имѣли цѣлью ободрить солдатъ побѣдами и пріучить союзниковъ къ войнѣ.

Между тѣмъ двѣ бригантины, нагруженныя снарядами и подкрѣпленіями, присланныя Веласкезомъ Нарваецу, неудачи котораго онъ не подозрѣвалъ, попали въ руки Кортеца; въ то же

время присоединилось къ нему нѣкоторое число испанцевъ, присланныхъ губернаторомъ Ямайки, Франсуа Гареемъ. Благодаря этимъ пополненіямъ, армія Кортеца, когда онъ отдѣлался отъ многихъ партизановъ Нарваеца, которыми онъ былъ недоволенъ, эта армія состояла изъ пятисотъ пятидесяти пѣхотинцевъ, въ число которыхъ входило восемьдесятъ мушкетеровъ, и изъ сорока всадниковъ. Съ этимъ-то малочисленнымъ войскомъ, подкрѣпленнымъ тысячью тласкаланцевъ, онъ снова направился къ Мехико 28-го декабря 1520 года, спустя шесть мѣсяцевъ послѣ того, какъ былъ вынужденъ покинуть этотъ городъ.

Мы бросимъ лишь бѣглый взглядъ на весь этотъ походъ, несмотря на представляемый имъ интересъ; мѣстомъ дѣйствія этого похода были уже описанныя страны, а насъ, главнымъ образомъ, занимаетъ не исторія завоеванія Мексики. Ограничимся сообщеніемъ, что по смерти Монтезумы былъ возведенъ на тронъ братъ его Кветлавака; онъ принялъ для борьбы всѣ мѣры, свойственныя стратегической наукѣ ацтековъ. Но въ ту минуту, когда его блестящія качества были болѣе всего необходимы, онъ умеръ, сраженный оспой, этимъ первымъ подаркомъ, который испанцы преподнесли Новому Свѣту. Его замѣстилъ Гватимозинъ, племянникъ Монтезумы, человѣкъ храбрый и очень даровитый.

Едва Кортецъ вступилъ на мехиканскую территорію, какъ завязалось сраженіе. Онъ завладѣлъ вскорѣ городомъ Тецкуко, лежащимъ въ двадцати миляхъ отъ Мехико и омываемымъ центральнымъ озеромъ, по которому, къ удовольствію испанцевъ, три мѣсяца спустя величественно неслась ихъ флотилія. Между тѣмъ былъ открытъ заговоръ, имѣвшій цѣлью умертвить Кортеца и его главныхъ офицеровъ; но зачинщикъ былъ схваченъ и казненъ. Впрочемъ, въ это время все, казалось, благопріятствовало Кортецу; онъ только-что узналъ о прибытіи новой помощи въ Вера-Круцъ, и большая часть городовъ, подвластныхъ Гватимозину, покорилась ему. Настоящая осада началась въ маѣ 1521 года и продолжалась съ перемѣннымъ счастьемъ вплоть до того дня, когда были спущены на воду бригантины. Мексиканцы, однако, не устрашились напасть на нихъ; четыре или пять тысячъ лодокъ, изъ которыхъ на каждой помѣщалось по два человѣка, покрыли все озеро и аттаковали испанскія суда, обороняемыя тремястами людей. Эти девять бригантинъ, имѣвшимися на нихъ пушками, вскорѣ разсѣяли непріятельскій флотъ, оста-



Кортецъ въ битвѣ при Отумбѣ.

вившій имъ съ той поры свободное поле. Но эти успѣхи такъ же, какъ и другія побѣды Кортеца, не принесли особенной пользы и осада подвигалась очень медленно. Генералъ рѣшилъ всѣ свои силы сосредоточить на взятіи города. Къ несчастью, офицеръ, которому поручено было охранять, на случай отступленія, плотину, нашелъ этотъ постъ недостойнымъ себя и отправился къ мѣсту битвы. Гватимозинъ, увѣдомленный объ этомъ, не замедлилъ воспользоваться этой ошибкой. Онъ напалъ со всѣхъ сторонъ на испанцевъ съ такимъ ожесточеніемъ, что убилъ много

народа и захватилъ живыми шестьдесятъ два солдата. Кортецъ, опасно раненый въ бедро, чуть самъ не попалъ въ плѣнъ. Большой храмъ бога войны былъ иллюминованъ всю ночь въ знакъ тріумфа, и испанцы съ глубокою грустью слышали звуки барабаннаго боя. Съ занимаемой позиціи испанцы могли наблюдать послѣднія минуты своихъ несчастныхъ соотечественниковъ, каждому изъ которыхъ разсѣкли грудь и вынули оттуда сердце, а затѣмъ тѣла ихъ, сброшенныя по лѣстницѣ, были истерзаны ацтеками, оспаривавшими другъ у друга куски этихъ тѣлъ, послужившихъ предметомъ страшнаго пиршества.

Это ужасное пораженіе затянуло осаду. Наконецъ, три четверти города были частью взяты, частью разрушены, и Гватимозинъ, убѣжденный своими совѣтниками, покинулъ Мехико и достигъ материка, гдѣ онъ разсчитывалъ организовать сопротивленіе. Но барка, на которой онъ отплывалъ, была захвачена и Гватимозинъ попалъ въ плѣнъ. Въ своемъ плѣну онъ выказалъ гораздо больше характера и величія, чѣмъ его дядя Монтезума.

Съ тѣхъ поръ всякое сопротивленіе было прекращено, и Кортецъ могъ занять столицу, на половину разрушенную. И такъ, послѣ геройскаго сопротивленія, стоившаго мексиканцамъ 120,000 человѣкъ, по однимъ источникамъ, и 240,000, по другимъ, послѣ осады, продолжавшейся не менѣе шестидесяти пяти дней, Мехико, и вмѣстѣ съ этимъ городомъ вся имперія пала, сраженная гораздо менѣе ударами испанцевъ, чѣмъ застарѣлою ненавистью, возмущеніемъ покоренныхъ народовъ и завистью сосѣднихъ владѣній, которыя вскорѣ пожалѣли о томъ игѣ, какое теперь съ такой рѣшительностью свергли.

Вслѣдъ за опьянѣніемъ успѣхами, среди испанцевъ возникло неудовольствіе и ярость. Громадныя богатства, на которыя они разсчитывали, или не существовали вовсе или были брошены въ озеро.

Не зная чѣмъ успокоить недовольныхъ, Кортецъ былъ вынужденъ подвергнуть пыткѣ императора и его перваго министра. Нѣкоторые историки и между прочимъ Гомара передаютъ, что въ то время, какъ испанцы мѣшали огонь подъ рѣшеткой, на которой были распростерты обѣ жертвы, министръ повернулъ голову къ своему повелителю и, казалось, просилъ его говорить, чтобы тѣмъ положить конецъ этимъ мукамъ; но Гватимозинъ, будто бы, побѣдилъ эту минуту слабости одною фразою: „А развѣ

я предаюсь удовольствію, или сижу въ ваннѣ?"—отвѣтъ поэтически перефразированный: „А развѣ я лежу на розахъ?"

Историки завоеваній останавливаются, конечно, подробно на завоеваніи Мехико; но намъ остается еще сказать о другихъ экспедиціяхъ Кортеца, предпринятыхъ имъ съ различными цѣлями и бросившими новый свѣтъ на нѣкоторыя части центральной Америки. Сверхъ того, мы не хотимъ разстаться съ этимъ героемъ, игравшимъ такую важную роль въ развитіи цивилизаціи и въ исторіи Новаго Свѣта, разстаться безъ того, чтобы не сообщить нѣсколько подробностей о концѣ его жизни.

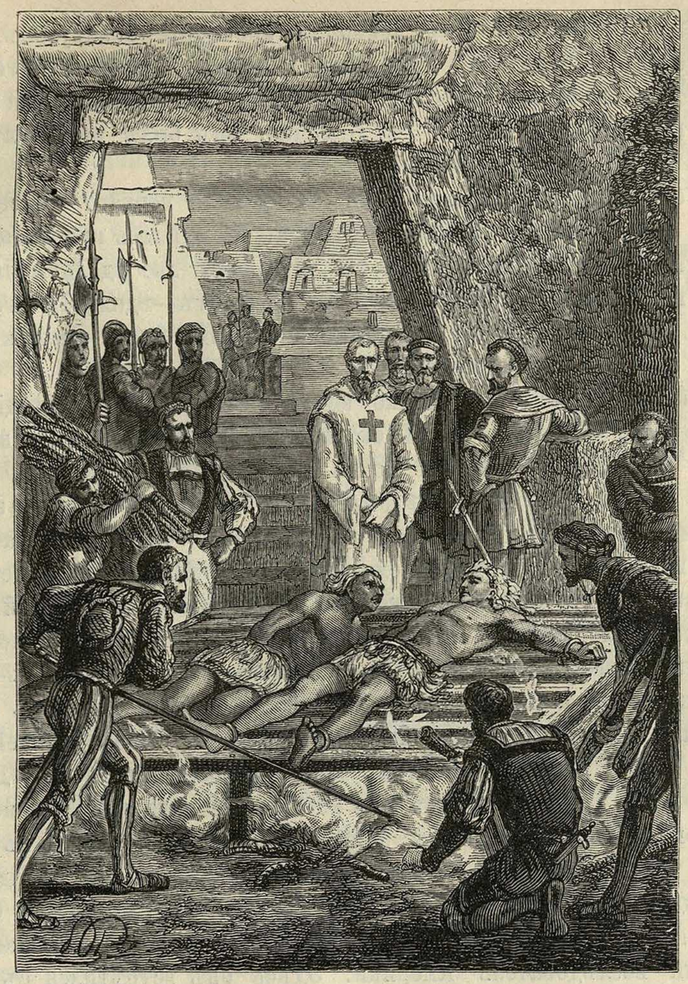
Вмѣстѣ со столицею, какъ мы уже сказали, пала и вся Мексиканская имперія; если и встрѣчались еще нѣкоторыя сопротивленія, какъ, напримѣръ, въ провинціи Оаксака, то эти сопротивленія являлись разрозненными, слабыми, и достаточно было нѣсколькихъ отрядовъ, чтобы усмирить сопротивлявшихся, устрашенныхъ казнями, которыя были учинены надъ возмутившимися обитателями Пануко. Въ то же время народы отдаленныхъ частей имперіи присылали пословъ, чтобы убѣдиться въ дѣйствительности чудеснаго событія—взятія Мехико, чтобы увидѣть развалины этого проклятаго города и чтобы объявить испанцамъ о своей покорности.

Послѣ многихъ событій, заставившихъ Кортеца сказать: „Мнѣ было легче бороться съ ацтеками, чѣмъ съ моими соотечественниками", событій, передавать которыя мы не будемъ, Кортецъ утвердился, наконецъ, въ своемъ положеніи и занялся организаціей своихъ завоеваній. Началъ онъ съ утвержденія своей власти въ городѣ Мехико, который вновь отстроилъ. Онъ привлекъ сюда испанцевъ, жалуя имъ земли, и индѣйцевъ, которыхъ пока оставлялъ свободными подъ властью ихъ же начальниковъ, но вскорѣ онъ всѣхъ ихъ, за исключеніемъ тласкаланцевъ, обратилъ въ рабовъ, придерживаясь въ этомъ случаѣ порочной системы дѣленія (repartimientos), принятаго во всѣхъ испанскихъ колоніяхъ. Но если Кортецъ не свободенъ отъ упрека въ томъ, что онъ не пощадилъ политической свободы индѣйцевъ, то нужно признать, что онъ обнаружилъ самую усердную заботливость объ ихъ духовномъ состояніи. Такъ, онъ призвалъ францисканцевъ, которые своимъ рвеніемъ и милосердіемъ достигли того, что въ короткое время расположили къ себѣ индѣйцевъ, а черезъ двадцать лѣтъ произошло полное обращеніе всего населенія въ христіанство.

Въ то же время Кортецъ посылалъ отряды въ Мехоаканъ и они проникали до Тихаго океана и на обратномъ пути посѣщали нѣкоторыя богатыя провинціи на сѣверѣ. Онъ основывалъ укрѣпленія во всѣхъ частяхъ страны, казавшихся ему почему-либо выгодными: въ Закатулѣ—на берегахъ Тихаго океана, въ Колиманѣ — въ Мехоаканѣ, въ Сантестебанѣ — около Тампико, въ Меделлинѣ—около Вера-Круца и т. д.

Вскорѣ послѣ умиротворенія края, Кортецъ отправилъ Христоваля Олида (Christoval de-Olid) съ значительнымъ отрядомъ для основанія колоніи въ Гондурасѣ. Въ то же время Олидъ долженъ былъ изслѣдовать южный берегъ этой провинціи и искать проливъ, соединяющій Атлантическій океанъ съ Тихимъ. Но, обезумѣвъ отъ гордости въ своемъ новомъ положеніи, Олидъ счелъ за лучшее объявить себя независимымъ. Кортецъ тотчасъ же отправилъ своего родственника, чтобы захватить виновнаго, а самъ, въ сопровожденіи Гватимозина, во главѣ ста всадниковъ и пятидесяти пѣхотинцевъ, выступилъ 12 октября 1523 года изъ столицы. Пройдя среди лишеній всякаго рода провинцію Гоатцакоалько, Табаско и Юкатанъ, совершивъ одинъ изъ труднѣйшихъ переходовъ по болотистой и топкой мѣстности, черезъ цѣлый океанъ волнующихся лѣсовъ, отрядъ приближался уже къ провинціи Акуланъ, когда былъ обнаруженъ заговоръ, составленный, какъ полагали, Гватимозиномъ и главными индѣйскими начальниками. Заговоръ имѣлъ цѣлью перебить при первомъ случаѣ начальниковъ и солдатъ, затѣмъ продолжить путь къ Гондурасу, тамъ разрушить всѣ учрежденія и послѣ того возвратиться въ Мексику, гдѣ, при помощи всеобщаго возстанія, безъ сомнѣнія, не трудно будетъ отдѣлаться отъ своихъ побѣдителей. Напрасно Гватимозинъ увѣрялъ въ своей невинности, которой есть полное основаніе вѣрить. Такъ же, какъ и нѣсколько благородныхъ ацтековъ, онъ былъ повѣшенъ на вѣтвяхъ деревьевъ (ceyba), оттѣнявшихъ дорогу. „Казнь Гватимозина, — говоритъ Берналь Діацъ Кастильскій, — была очень несправедливымъ поступкомъ, и мы всѣ были противъ нея“. „Но если-бы Кортецъ,—говоритъ Прескоттъ,—стремился только къ славѣ и защищалъ бы лишь свой интересъ, то онъ сохранилъ бы этотъ трофей своей побѣды, какъ сохраняютъ золото въ складкахъ платья“.

Испанцы достигли цвѣтущаго города Акулана, гдѣ они подкрѣпились, и затѣмъ направились далѣе къ озеру Петенъ, окрест-



Испанцы мѣшали огонь подъ рѣшеткой...

ные обитатели котораго легко обратились въ христіанство. Мы не будемъ останавливаться на лишеніяхъ и страданіяхъ, которыя осаждали экспедицію вплоть до Санъ-Жиля де Буена-Виста на Гольфо Дольче, откуда Кортецъ, узнавъ о казни Олида и о возстановленіи центральной власти, отправился обратно въ Мексику.

Въ то же время онъ ввѣрилъ Альварадо триста пѣхотинцевъ, сто шестьдесятъ всадниковъ, четыре пушки и отрядъ союзныхъ индѣйцевъ. Альварадо двинулся къ югу отъ Мексики для за-

воеванія Гватемалы. Онъ покорилъ провинціи Закатуланъ, Тегуантепекъ, Соконуско, Утлатланъ, положилъ основаніе города Гватемала ла-Віежа. Впослѣдствіи, послѣ путешествія, совершеннаго имъ много позднѣе въ Испанію, онъ былъ назначенъ губернаторомъ всѣхъ завоеванныхъ имъ странъ.

Не прошло еще трехъ лѣтъ со времени перваго завоеванія, какъ подъ властью кастильской короны находилось пространство, простирающееся болѣе чѣмъ на четыреста лье вдоль Атлантическаго океана и болѣе чѣмъ на пятьсотъ—вдоль Тихаго; на всемъ этомъ протяженіи, за незначительными исключеніями, царило полное спокойствіе.

Возвратившись въ Мехико послѣ безполезной экспедиціи въ Гондурасъ, отнявшей почти столько же времени, какъ и завоеваніе Мексики и стоившей почти столькихъ же страданій, Кортецъ вскорѣ получилъ увѣдомленіе о своемъ временномъ замѣщеніи и приглашеніе явиться въ Испанію, чтобы оправдаться. Онъ не торопился исполненіемъ этого распоряженія въ надеждѣ, что оно будетъ отмѣнено; но его неутомимые клеветники, его ожесточенные враги, какъ въ Испаніи, такъ и въ Мексикѣ, успѣли набросить на него такое обвиненіе, что онъ нашелъ себя вынужденнымъ явиться лично для своей защиты, изложить свои обиды и требовать во всеуслышаніе одобренія своего поведенія.

И такъ, Кортецъ выѣхалъ въ сопровожденіи своего друга Сандоваля, Тапіи и нѣсколькихъ ацтекскихъ начальниковъ, между которыми находился сынъ Монтезумы. Онъ высадился въ маѣ 1528 года въ Палосѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ высадился тридцать пять лѣтъ тому назадъ Христофоръ Колумбъ, и былъ принятъ съ такимъ-же энтузіазмомъ и празднествами, какъ и первый изслѣдователь Америки. Здѣсь онъ встрѣтился съ Пизарро, только начинавшимъ тогда свою карьеру, явившимся просить поддержки у испанскаго правительства. Отсюда онъ направился въ Толедо, гдѣ пребывалъ дворъ. Одно извѣстіе о его возвращеніи произвело полный поворотъ въ общественномъ мнѣніи. Всѣ взводимыя на него обвиненія въ возмущеніи и въ стремленіи къ независимости были разомъ сброшены его внезапнымъ появленіемъ. Карлъ Пятый, конечно, понялъ, что общественное мнѣніе возмутилось бы при мысли о наказаніи человѣка, который прибавилъ къ его коронѣ лучшую жемчужину. Путешествіе Кортеца представляло собою непрерывный тріумфъ

среди безчисленнаго стеченія народа. „Дома и улицы большихъ городовъ,—говоритъ Прескоттъ, — были переполнены зрителями, нетерпѣливо дожидавшимися проѣзда героя, который своими единичными усиліями покорилъ для отечества цѣлую имперію и который, — занимаемъ выраженіе у современнаго историка, — окруженный великолѣпіемъ и славой, выглядѣлъ не великимъ вассаломъ, а неограниченнымъ монархомъ".

Кортецъ получилъ нѣсколько аудіенцій и былъ награжденъ знаками отличія, очень чтимыми придворными. Карлъ Пятый соблаговолилъ принять имперію, завоеванную Кортецомъ и великолѣпные подарки, привезенные послѣднимъ. Съ своей стороны онъ думалъ, что сдѣлалъ все, даровавъ Кортецу титулъ маркиза della Valle de-Oajaca и назначивъ его намѣстникомъ Новой Испаніи, не возвративъ, однако, гражданскаго управленія, ввѣреннаго ему нѣкогда гонтою въ Вера-Круцѣ. Вскорѣ Кортецъ женился на племянницѣ герцога Бежара, принадлежащаго къ одной изъ славнѣйшихъ фамилій Кастиліи; затѣмъ онъ провожалъ до порта короля, уѣзжавшаго въ Италію. Но суетная жизнь, такъ мало отвѣчавшая его дѣятельной натурѣ и привычкамъ прежней жизни, утомила его. Въ 1530 году онъ вновь отправился въ Мексику и высадился въ Вилла-Рикѣ.

Кортецу пришлось подвергнуться непріятностямъ со стороны Аудіенца, къ которому перешла власть въ его отсутствіе и который началъ противъ него преслѣдованіе. Съ новою гражданскою гонтой по поводу ея военныхъ дѣлъ у Кортеца также произошли столкновенія. Вскорѣ ему эти дрязги надоѣли, и маркизъ делла-Валль уѣхалъ въ свои обширныя владѣнія въ Куернавакѣ и сталъ тамъ заниматься земледѣліемъ. Ему обязаны введеніемъ сахарнаго тростника, шелковицы, поощреніемъ культуры конопли и льна и разведеніемъ въ большомъ количествѣ овецъ мериносовъ.

Но эта мирная жизнь, свободная отъ приключеній, не могла долго нравиться предпріимчивому духу Кортеца. Въ 1532 и въ 1533 годахъ онъ снарядилъ двѣ эскадры, которыя отправились съ цѣлью изслѣдованія по Тихому океану на сѣверо-западъ. Послѣдняя эскадра достигла южной оконечности Калифорнскаго полуострова, не добившись, однако, результата, къ которому стремилась: открытіе пролива, соединяющаго Тихій съ Атлантическимъ океаномъ. Самъ Кортецъ имѣлъ не болѣе успѣха въ

1536 году въ Багряномъ морѣ. Наконецъ, тремя годами позднѣе, послѣдняя экспедиція, начальство надъ которою ввѣрено было Уллоа, проникла въ глубину залива, затѣмъ, продолжая плаваніе вдоль наружнаго берега полуострова, поднялась до 29° широты. Оттуда начальникъ экспедиціи послалъ Кортецу одинъ изъ своихъ кораблей, самъ же подался далѣе на сѣверъ, откуда больше никогда не возвращался.

Таковъ былъ несчастный конецъ экспедицій Кортеца. Онѣ не принесли ему ни одного дуката, между тѣмъ какъ ему обошлись не менѣе, какъ въ три тысячи кастеллановъ. Результаты экспедицій были слѣдующіе: берегъ Тихаго океана отъ Панамскаго залива до Колорадо былъ изслѣдованъ; объѣхали вокругъ Калифорніи и узнали, что этотъ воображаемый островъ составлялъ часть континента; изгибы моря Багрянаго или Кортецова, какъ испанцы называютъ его по справедливости, были тщательно изслѣдованы и узнали, что это море не имѣетъ своего начала далеко на сѣверѣ, а составляетъ лишь глубокій заливъ, врѣзавшійся въ континентъ.

Свои экспедиціи Кортецъ не могъ снарядить безъ того, чтобы не войти въ пререканія съ вице-королемъ, дономъ Антоніо Мендозой, котораго императоръ назначилъ въ Мексику. Это назначеніе казалось очень оскорбительнымъ маркизу делла-Валль. Утомленный безпрестанными придирками, оскорбляемый, если не полнымъ отрицаніемъ, то во всякомъ случаѣ игнорированіемъ его намѣстническихъ правъ, Кортецъ вновь отплылъ въ Испанію. Но этотъ пріѣздъ не походилъ на первый. Постарѣвшій, утомленный, покинутый счастьемъ „конквистадоръ“ не могъ ужь ничего ждать отъ правительства. Это онъ скоро понялъ. Однажды, пробившись черезъ толпу, окружившую экипажъ короля, онъ вскочилъ на подножку кареты. Карлъ Пятый, сдѣлавъ видъ, что не узнаетъ его, спросилъ, кто этотъ человѣкъ? „Это тотъ,—отвѣтилъ гордо Кортецъ, — кто подарилъ вамъ больше владѣній, чѣмъ ваши предки оставили вамъ городовъ“. Вскорѣ общественное мнѣніе отвернулось отъ Мексики, не представившей ожидаемыхъ отъ нея богатствъ, и все вниманіе было поглощено чудеснымъ богатствомъ Перу. Принятый, однако, съ почетомъ совѣтомъ по индѣйскимъ дѣламъ, Кортецъ изложилъ свое неудовольствіе; но судебное разбирательство затянулось безконечно, и Кортецъ не могъ дождаться никакого удовлетворенія. Въ



Франциско Пизарро. (Fac-simile съ древней гравюры).

1541 году, во время несчастнаго похода Карла V въ Алжиръ, Кортецъ, находившійся въ этомъ походѣ въ качествѣ волонтера, предложилъ совѣтъ, который не былъ принятъ; здѣсь онъ потерялъ три граненыхъ изумруда изумительной величины, цѣнность которыхъ могла бы составить выкупъ цѣлой имперіи. По своемъ возвращеніи, онъ возобновилъ свои ходатайства, но такъ же безуспѣшно. Эта несправедливость и повторяющіеся обманы при-

чинили ему столько горя, что здоровье его сильно расшаталось. Онъ умеръ, вдали отъ мѣста своихъ подвиговъ, 10-го ноября 1547 года, въ „Castilleja de-la-Cuesta“, мечтая о возвращеніи въ Америку.

„Это былъ странствующій рыцарь, — говоритъ Прескоттъ.— Изъ всей славной плеяды авантюристовъ на поприщѣ открытій и завоеваній, которую выдвинула Испанія XVI вѣка, не было ни одного человѣка, такъ глубоко проникнутаго романическими предпріятіями, какъ Фердинандъ Кортецъ. Борьба его воодушевляла, и онъ любилъ приступать къ дѣлу съ труднѣйшей стороны...“

Эта страсть къ романическому могла бы низвести значеніе завоевателя Мексики на роль пошлаго искателя приключеній; но Кортецъ былъ глубокій политикъ и великій полководецъ, если только можно назвать такъ человѣка, который выполнилъ великіе замыслы, благодаря только своему генію. Исторія не представляетъ ни одного примѣра, гдѣ бы такое значительное предпріятіе было доведено до счастливаго конца такими незначительными средствами. Можно положительно сказать, что Кортецъ завоевалъ Мексику исключительно своими усиліями.

Его вліяніе на солдатъ объясняется главнымъ образомъ той вѣрой, съ которою послѣдніе относились къ его искусству; кромѣ того простодушное, безыскусственное обращеніе съ ними давало ему возможность предводительствовать шайкой авантюристовъ. Даже когда Кортецъ достигъ болѣе высокаго положенія, то, если онъ и окружилъ себя большою пышностью, его ветераны продолжали все же попрежнему пользоваться его сердечнымъ расположеніемъ. Заканчивая характеристику этого „конквистадора“, мы повторимъ слова честнаго и правдиваго Берналя Діаца: „Онъ предпочиталъ имя Кортецъ всѣмъ титуламъ, на которые имѣлъ право, и въ этомъ отношеніи былъ правъ, потому что имя Кортеца такъ же славно въ наши дни, какъ имя Цезаря для римлянъ, или имя Аннибала для карѳагенянъ“. Старый лѣтописецъ заключаетъ свой разсказъ о Кортецѣ слѣдующими словами, характеризующими религіозное направленіе XVI вѣка: „Я вѣрю вполнѣ, что истинная награда присуждена ему въ лучшемъ мірѣ; это былъ честный рыцарь, искренно и глубоко вѣрующій въ Пресвятую Дѣву, въ св. апостола Петра и во всѣхъ святыхъ“.

III.

Союзъ трехъ завоевателей.—Франциско Пизарро и его братья.—Донъ Діего Альмагро.—Первыя попытки.—Перу: пространство, народонаселеніе, короли.—Плѣнъ Атагуальпы, его выкупъ и смерть.—Піерръ Альварадо въ Чили.—Экспедиціи Гонзало Пизарро и Орелланы.—Умерщвленіе Франциско Пизарро.—Возмущеніе и казнь Гонзало Пизарро.

Едва свѣдѣнія, собранныя Бальбоа о богатствѣ странъ, лежащихъ къ югу отъ Панамы, распространились между испанцами, какъ нѣсколько экспедицій одна за другой отправились за новыми завоеваніями. Но потому ли, что начальники этихъ экспедицій не были на высотѣ своей задачи, или потому, что онѣ не обладали достаточными средствами, всѣ эти экспедиціи были неудачны. Нужно еще сказать, что мѣста, изслѣдованныя первыми авантюристами—піонерами, какъ сказали бы теперь,—не отвѣчали никоимъ образомъ тому, чего ожидала испанская жадность. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ направлялись туда, что въ то время называлось материкомъ, направлялись въ страну чрезвычайно нездоровую, гористую, болотистую, покрытую лѣсами, рѣдкіе обитатели которой, очень воинственные, прибавляли завоевателямъ еще препятствіе ко всѣмъ тѣмъ, которыя разбросала тамъ такъ щедро природа. Такимъ образомъ мало-по-малу пылъ остылъ и теперь, если вспоминали о чудесныхъ разсказахъ Бальбоа, то развѣ только шутки ради.

Между тѣмъ въ Панамѣ находился человѣкъ, который имѣлъ полную возможность доказать правдоподобіе всѣхъ распространенныхъ толковъ о богатствахъ странъ, омываемыхъ Тихимъ океаномъ; это былъ Франциско Пизарро (Francisco Pizarro), сопровождавшій Нунеца Бальбоа въ его плаваніи по Южному морю и присоединившійся впослѣдствіи къ двумъ другимъ авантюристамъ, Діэго Альмагро и Фернанду Лукве (Diego de-Almagro et Fernand de-Luque).

Скажемъ нѣсколько словъ о начальникахъ предпріятія. Франциско Пизарро родился близъ Труксилло между 1471 и 1478 годами и былъ незаконный сынъ нѣкоего капитана Гонзало Пизарро, выучившаго своего сына только пасти свиней. Вскорѣ, однако, ему надоѣло это занятіе и, воспользовавшись тѣмъ, что одно изъ ввѣренныхъ его охраненію животныхъ пропало, онъ не возвратился въ отеческій домъ, гдѣ постоянно выносилъ побои за самую пустую провинность. Пизарро поступилъ въ солдаты, провелъ нѣсколько лѣтъ въ сраженіяхъ противъ Италіи, а въ

1510 году уѣхалъ въ Испаньолу. Отличившись по службѣ въ Испаньолѣ и въ Кубѣ, онъ впослѣдствіи сопровождалъ Гойеду въ Даріенскій заливъ, открылъ, какъ было сказано выше, вмѣстѣ съ Бальбоа Тихій океанъ и помогъ, послѣ казни послѣдняго, Педраріасу Давилѣ (Pedrarias Davila), очень любившему его, завоевать всю страну, извѣстную подъ именемъ Castille d'Or (Золотой Кастиліи).

Если Пизарро былъ незаконный сынъ, то Діэго Альмагро былъ найденъ въ 1475 году въ Алдеа делль Реи, говорятъ одни,—или въ Альмагро, откуда онъ и заимствовалъ свое имя, говорятъ другіе. Выросши среди солдатъ, онъ рано отправился въ Америку и успѣлъ скопить тамъ маленькое состояніе. Что касается Фернанда Лукве, то онъ былъ богатымъ человѣкомъ духовнаго званія, жилъ въ Табаго, а затѣмъ исполнялъ обязанности школьнаго учителя въ Панамѣ.

Самому молодому изъ этихъ трехъ авантюристовъ было пятьдесятъ лѣтъ, и Гарцилассо де ла-Вега разсказываетъ, что когда узнали объ ихъ проектѣ, они сдѣлались предметомъ общей насмѣшки. Особенно потѣшались надъ Фернандомъ Лукве, котораго стали называть „Fernando el Loco", Фернандъ Безумный.

Эти три человѣка, изъ которыхъ если только двое были безъ страха, то всѣ трое—безъ упрека, быстро сошлись между собою. Лукве далъ необходимыя деньги для вооруженія кораблей и для уплаты солдатамъ; Альмагро сдѣлалъ то же самое; а Пизарро, владѣвшій только шпагой, уплатилъ другою монетой. Онъ взялъ на себя начальство надъ первой попыткой, о которой мы будемъ говорить подробно, такъ какъ въ ней ясно выступаетъ настойчивость и непреклонная воля этого „конквистадора".

„Испросивъ и получивъ разрѣшеніе отъ Педро Аріаса Авилы (Pedro Arias d'Avila),—передаетъ Августинъ Зарате, одинъ изъ историковъ завоеванія Перу,—Франциско Пизарро съ большимъ трудомъ снарядилъ одинъ корабль, на которомъ отплылъ со ста четырнадцатью человѣками. Въ пятидесяти лье отъ Панамы онъ открылъ маленькую бѣдную провинцію Перу, которая съ того времени передала свое имя всей странѣ, открытой вдоль этого берега на протяженіи болѣе тысячи двухсотъ лье. Далѣе онъ открылъ другую страну, которую испанцы назвали „le Peuple brûlé". Индѣйцы перебили у него столько народу, что онъ принужденъ былъ въ безпорядкѣ удалиться въ страну Хинхаму,

лежащую недалеко отъ мѣста, откуда онъ выѣхалъ. Между тѣмъ Альмагро, остававшійся въ Панамѣ, снарядилъ тамъ корабль, на которомъ выѣхалъ съ семьюдесятью испанцами и поплылъ по берегу до рѣки Санъ-Жуанъ, въ ста лье отъ Панамы. Не встрѣтивъ Пизарро, онъ поднялся до „Peuple brûlé“, гдѣ, узнавъ по нѣкоторымъ признакамъ, что онъ тамъ былъ, высадилъ своихъ людей. Но индѣйцы, ободренные побѣдой, одержанной надъ Пизарро, храбро сражались, уничтожили окопы, которыми Альмагро прикрылся и, наконецъ, заставили его отплыть. Онъ вновь поѣхалъ вдоль берега, пока достигъ Хинхамы, гдѣ нашелъ Франциско Пизарро. Оба обрадовались встрѣчѣ и соединили своихъ солдатъ, которыхъ оказалось всего двѣсти человѣкъ. Они такъ страдали отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и отъ нападеній индѣйцевъ, что Діэго принужденъ былъ возвратиться въ Панаму, чтобы тамъ набрать солдатъ и запастись провизіей. Оттуда онъ привезъ восемьдесятъ человѣкъ, которыхъ присоединили къ оставшимся и достигли умѣренно населенной страны Катамецъ, гдѣ достали въ изобиліи съѣстныхъ припасовъ. Они замѣтили, что у индѣйцевъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ имъ приходилось воевать, лица были усѣяны золотыми гвоздочками, сидящими въ ямочкахъ, спеціально сдѣланныхъ для этого украшенія. Діэго Альмагро возвратился еще разъ въ Панаму за подкрѣпленіями, которыя онъ долженъ былъ привезти на маленькій островъ Кокъ; тамъ остался ожидать его товарищъ, терпѣвшій сильную нужду въ то время, какъ вокругъ него находилось все необходимое для жизни“.

Пріѣхавъ въ Панаму, Альмагро не могъ добиться отъ Лосъ Ріоса (Los Rios), преемника Авилы, разрѣшенія сдѣлать новые сборы, такъ какъ онъ не могъ дозволить,—говорилъ онъ,—чтобы большое количество людей отправлялось на погибель въ безразсудномъ предпріятіи; онъ даже отправилъ на островъ Кокъ корабль за Пизарро и за его спутниками. Но такое распоряженіе не могло понравиться Альмагро и Лукве. Это означало потерю большихъ затратъ, это означало уничтоженіе надеждъ, вызванныхъ золотыми и серебряными украшеніями жителей Катамеца. Они послали своего довѣреннаго къ Пизарро, предлагая ему настаивать на своемъ намѣреніи и отказаться отъ повиновенія Панамскому губернатору. Но напрасно Пизарро расточалъ соблазнительныя обѣщанія,—воспоминаніе объ понесенныхъ трудахъ было очень свѣжо, и всѣ его спутники, за исключеніемъ двѣнадцати, покинули его.

Съ этими безстрашными людьми, имена которыхъ дошли до насъ и между которыми находился Гарціа Хересъ (Garcia-de-Xerès) — одинъ изъ историковъ экспедиціи — Пизарро удалился на необитаемый островъ, менѣе близкій отъ берега, и назвалъ его Горгона.

Тамъ испанцы жили нищенски, питаясь плодами мангиферы, рыбою и раковинами, и въ продолженіе пяти мѣсяцевъ ожидали обѣщанной помощи отъ Альмагро и Лукве.

Наконецъ, побѣжденный единодушнымъ протестомъ всей колоніи, возмущавшейся при мысли, что люди, все преступленіе которыхъ состоитъ въ настойчивомъ преслѣдованіи задуманныхъ предпріятій, погибаютъ, какъ преступники, Лосъ-Ріосъ отправилъ маленькое судно съ порученіемъ привезти Пизарро. Чтобы это судно не послужило Пизарро для его цѣлей, на немъ не помѣстили ни одного солдата. При видѣ приближающейся помощи всѣ тринадцать анантюристовъ, забывъ свои лишенія, стали искушать пріѣхавшихъ за ними матросовъ, повѣряя имъ свои надежды. Скоро всѣ вмѣстѣ, вмѣсто того чтобы вернуться въ Панаму, направились, не взирая на вѣтры и теченіе, къ юго-востоку. Они открыли островъ св. Клары и вошли въ гавань Тумбецъ, лежащую за 3° южной широты; тамъ они увидѣли великолѣпный храмъ и дворецъ, принадлежащій инкамъ, правителямъ страны.

Страна была заселена и хорошо обработана; но что особенно восхитило испанцевъ и что ихъ заставило думать, что они, наконецъ, открыли эти удивительныя страны, о которыхъ такъ много говорилось,—это такое изобиліе золота и серебра, что эти металлы шли не только на убранство и украшенія, но изъ нихъ выдѣлывались сосуды и домашняя утварь.

Піетро Кандіа и Алонзо Молина (Pietro de-Candia et Alonso de-Molina) отправились по порученію Пизарро во внутрь страны. Вернувшись, они описывали съ восторгомъ то, что видѣли. Пизарро приказалъ достать для него нѣсколько вазъ и нѣсколько ламъ, этихъ прирученныхъ перуанцами четвероногихъ. Затѣмъ онъ взялъ къ себѣ на корабль двухъ туземцевъ, съ цѣлью выучить ихъ испанскому языку и при слѣдующемъ посѣщеніи страны воспользоваться ими, какъ переводчиками. Приставая послѣдовательно къ Паитѣ и къ Савгаратѣ, они въѣхали въ бухту Санта-Круцъ, гдѣ были королевой Капилланой такъ радушно приняты, что многіе не желали уѣзжать оттуда. Спускаясь



Индѣйцы перебили у него множество народу.

по берегу до Порто-Санто, Пизарро возвратился въ Панаму, куда онъ пріѣхалъ послѣ трехъ лѣтъ опасныхъ изслѣдованій, разорившихъ Лукве и Альмагро.

Прежде чѣмъ приступить къ завоеванію вновь открытой страны, Пизарро, не получивъ разрѣшенія у Лосъ-Ріоса нанять новыхъ людей, рѣшился обратиться къ Карлу Пятому. Онъ занялъ необходимую для поѣздки сумму и въ 1528 году отправился въ Испанію, чтобы дать отчетъ королю въ томъ, чего онъ надѣется достигнуть. Представивъ королю въ самыхъ соблаз-

нительныхъ краскахъ страну, которую надѣялся завоевать, Пизарро получилъ отъ него въ награду за свои труды званіе губернатора, намѣстника и главнаго альгвазила въ Перу и притомъ въ вѣчное потомственное владѣніе. Въ то же время ему было пожаловано дворянство и тысяча экю пенсіи. Его вѣдомству, независимому отъ Панамскаго губернатора, подлежало пространство на протяженіи двухсотъ лье къ югу отъ рѣки Сантъ-Яго вдоль берега, которое будетъ называться Новой Кастиліей, и управленіе которымъ будетъ принадлежать ему; это пожалованіе, конечно, ничего не стоило Испаніи, такъ какъ самъ же Пизарро и долженъ былъ его завоевать. Съ своей стороны Пизарро обязывался собрать двѣсти пятьдесятъ человѣкъ и снабдить корабли оружіемъ и припасами. Затѣмъ онъ отправился въ Труксилло, гдѣ склонилъ послѣдовать за собою трехъ родныхъ братьевъ Фернандо, Жана и Алонзо и одного изъ братьевъ отъ другого брака—Мартина Алькантара (Martin d'Alcantara). Онъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ родномъ городѣ, въ Кацересѣ, и во всей Эстрамадурѣ, чтобы набрать рекрутовъ, которые однако не шли толпами на его зовъ, несмотря на то, что онъ обѣщалъ всѣмъ, кто послѣдуетъ за нимъ, титулъ „Caballeros de la Espada dorada“. Затѣмъ Пизарро возвратился въ Панаму, гдѣ дѣло уладилось не такъ легко, какъ онъ надѣялся. Ему удалось добиться назначенія Лукве епископомъ „protector de los Indios“, но для Альмагро, честолюбіе и дарованія котораго были ему извѣстны, онъ исходатайствовалъ только дворянство, награду въ пятьсотъ дукатовъ и начальство надъ крѣпостью, которая имѣла воздвигнуться въ Тумбезѣ. Альмагро, истратившій все, что имѣлъ, на предварительныя путешествія, неудовлетворенный столь скудной частью, отказался отъ своего участія въ новой экспедиціи, и хотѣлъ снарядить отдѣльную, на свой счетъ. Нужно было все искусство Пизарро, подкрѣпленное обѣщаніемъ уступить ему должность „adelantado“, чтобы умиротворить его и заставить согласиться возобновить прежній союзъ.

Средства троихъ союзниковъ были такъ ограничены въ то время, что они могли снарядить только три небольшихъ судна со ста восемьюдесятью солдатами, въ числѣ которыхъ было 36 всадниковъ. Въ февралѣ 1531 года суда эти отплыли подъ начальствомъ Пизарро и его четырехъ братьевъ, между тѣмъ какъ Альмагро оставался въ Панамѣ, чтобы снаряжать вспомога-

тельную экспедицію. Послѣ тринадцатидневнаго плаванія, отнесенный ураганомъ на сто лье ниже, чѣмъ онъ предполагалъ, Пизарро былъ принужденъ высадить своихъ людей и лошадей въ бухтѣ св. Матвѣя и слѣдовать по берегу. Этотъ переходъ былъ совершенъ съ большимъ трудомъ, такъ какъ страна была покрыта горами, мало населена и изрѣзана рѣчками, черезъ которыя приходилось переправляться у ихъ устья. Наконецъ, они достигли мѣстности, называемой Коакви, гдѣ имъ досталась большая добыча, побудившая Пизарро отправить два своихъ корабля обратно. Они увозили въ Панаму и въ Никарагуа сумму въ 30,000 кастелльяновъ и большое число изумрудовъ; Пизарро надѣялся, что эта соблазнительная приманка склонитъ многихъ авантюристовъ присоединиться къ нему.

Затѣмъ завоеватель продолжалъ подвигаться къ югу до Порто-Вьежо, гдѣ къ нему присоединился Себастьянъ Бенальказаръ и Жуанъ Фернандецъ (Sébastien Benalcasar et Juan Fernandez), которые привезли ему двѣнадцать всадниковъ и тридцать пѣхотинцевъ. Дѣйствіе, производимое въ Мексикѣ лошадьми и грохотомъ огнестрѣльнаго оружія, возобновилось въ Перу, и Пизарро могъ безпрепятственно достигнуть острова Пуна въ Гвайякильскомъ заливѣ. Но островитяне, болѣе многочисленные и болѣе воинственные, чѣмъ ихъ родичи на материкѣ, въ продолженіе шести мѣсяцевъ мужественно отражали всѣ нападенія испанцевъ. Несмотря на то, что Пизарро получилъ изъ Никарагуа подкрѣпленіе, привезенное Фернандо-Сото, несмотря на то, что онъ велѣлъ обезглавить кацика Тоналлу и шестнадцать главныхъ предводителей, онъ все же не могъ побѣдить сопротивленія и былъ принужденъ возвратиться на континентъ. Мѣстныя болѣзни, жестоко поражавшія его товарищей, заставили его пробыть въ Тумбецѣ три года, въ продолженіе которыхъ онъ подвергался безпрерывнымъ нападеніямъ туземцевъ. Изъ Тумбеца онъ двинулся по рѣкѣ Пуирѣ и открылъ лучшую на всемъ этомъ берегу гавань Паиту; затѣмъ онъ основалъ у устья Кило колонію Санъ-Мигуэль, въ которой корабли, приходящіе изъ Панамы, могли бы находить безопасную пристань. Здѣсь къ Пизарро явилось нѣсколько посланныхъ отъ Гуаскара, извѣщавшаго его о возмущеніи брата своего Атагуальпы и просившаго помощи.

Въ то время, когда испанцы высадились для завоеванія, Перу простиралась по берегамъ Тихаго океана на протяженіи тысячи

пятисотъ миль и углублялась внутрь далеко за высокую цѣпь Андовъ. Вначалѣ населеніе состояло изъ дикихъ и варварскихъ племенъ, не имѣвшихъ никакого представленія о цивилизаціи и находившихся въ постоянной междуусобной войнѣ. Проходили вѣка, все оставалось въ томъ же положеніи и ничто не предвѣщало лучшей эры, когда на берегу озера Титикаха предъ глазами индѣйцевъ появились мужчина и женщина, объявившіе себя дѣтьми солнца. Эти люди, съ величественными лицами, названныя Манко-Капакъ и Мама-Оело (Manco-Capac et Mama Oelo),—соединили—по мнѣнію Гарцилассо де-ла-Веги—множество кочующихъ племенъ и положили основаніе города Куско. Манко-Капакъ обучилъ мужчинъ земледѣлію и ремесламъ, между тѣмъ какъ Мама-Оелло научила женщинъ прясть и ткать. Установивъ первыя основанія общежитія, Манко-Капакъ далъ своимъ подданнымъ законы и положилъ начало политическому государству. Такимъ образомъ установилось владычество инковъ или первыхъ властителей Перу. Имперія ихъ, ограничивавшаяся сперва окрестностями Куско, не замедлила распространиться при слѣдующихъ императорахъ и скоро растянулась на тридцать градусовъ, отъ тропика Козерога до острова Жемчуговъ (l'ile des Perles). Императоры Перу пользовались такой же неограниченною властью, какъ и азіатскіе владыки. „Кажется,—говоритъ Зарате,—нѣтъ ни одной страны въ мірѣ, гдѣ бы покорность подданныхъ шла далѣе. Инки были для нихъ то же, что божество; стоило кому-нибудь получить одну нитку изъ королевской діадемы, чтобы видѣть вокругъ себя всеобщее уваженіе и покорность; на него тогда переносилось все довѣріе, какое питали къ императору, и онъ могъ, безъ всякой помощи солдатъ, истребить цѣлую провинцію, уничтожить тамъ всѣхъ мужчинъ и женщинъ. Таково было значеніе королевской короны, что одна нитка изъ нея могла подвинуть всѣхъ на смерть, не вызывая при этомъ никакого сопротивленія“.

Впрочемъ, древніе лѣтописцы единодушно подтверждаютъ, что безграничная власть инковъ всегда употреблялась на пользу подданныхъ. Изъ всей серіи двѣнадцати монарховъ, наслѣдовавшихъ въ Перу другъ другу, не было ни одного, который не оставилъ бы по себѣ память справедливаго властителя, обожаемаго своимъ народомъ. Напрасно было бы искать во всемъ остальномъ мірѣ страну, лѣтописи которой передавали бы аналогичное

явленіе. Не должно ли сожалѣть о томъ, что испанцы внесли въ эту страну войну съ ея ужасами, болѣзни и пороки другого климата и то, что они въ своей гордости называли цивилизаціей, внесли въ народъ счастливый и богатый, потомки котораго, обѣднѣвшіе и ослабѣвшіе, не сохранили даже воспоминанія о прежнемъ благоденствіи, чтобы этимъ воспоминаніемъ утѣшить этотъ народъ въ его безвозвратномъ паденіи?

„Перуанцы,—говоритъ Мишле въ своемъ прекрасномъ сочиненіи „Précis d'histoire moderne“,—оставляли потомству свѣдѣнія о своихъ главныхъ событіяхъ черезъ посредство узловъ, которые они дѣлали на веревкахъ. У нихъ были обелиски и правильные гномоны, указывавшіе равноденствіе и солнцестояніе. Годъ ихъ состоялъ изъ трехсотъ шестидесяти пяти дней. Они воздвигли чудеса архитектуры и оставили статуи, сдѣланныя съ изумительнымъ искусствомъ. Это былъ самый промышленный и просвѣщенный изъ всѣхъ народовъ Новаго Свѣта“.

Инка Гуаина-Капакъ, при сынѣ котораго, Атагуальпѣ, пала обширная имперія, очень расширилъ и украсилъ свои владѣнія. Этотъ инка завоевалъ всю страну Квито и съ помощью своихъ солдатъ и побѣжденныхъ народовъ проложилъ дорогу на протяженіи пятисотъ лье отъ Куско до Квито, при чемъ пришлось срывать горы и засыпать пропасти. Распоряженія монарха передавались по всей имперіи черезъ посредство людей, смѣнявшихся на каждыхъ полу-лье.

Для охарактеризованія пышности, сопровождавшей благоустройство, достаточно сказать, что король въ своихъ выѣздахъ возсѣдалъ на золотомъ тронѣ, вѣсомъ въ 25,000 дукатовъ. Золотыя носилки, на которыхъ помѣщался тронъ, поддерживались знатнѣйшими особами имперіи.

Въ то время, когда испанцы высадились на перуанскомъ берегу (1526), имперіей владѣлъ двѣнадцатый инка, женатый, вопреки древнему закону имперіи, на дочери покореннаго короля страны Квито. Онъ имѣлъ отъ нея сына, Атагуальпу, и ему оставилъ наслѣдованіе въ этой странѣ послѣ своей смерти, въ 1529 году. Старшій сынъ его Гуаскаръ, происходя отъ матери крови инковъ, наслѣдовалъ ему въ имперіи. Этотъ раздѣлъ власти, противный обычаю, установленному съ незапамятныхъ временъ, вызвалъ въ Куско такое недовольство, что Гуаскаръ, ободренный своими подданными, рѣшилъ возстать на своего брата, не приз-

нававшаго его за господина и начальника. Атагуальпа привязалъ къ себѣ щедростью большую часть воиновъ, сопровождавшихъ его отца въ походѣ на Квито, и, когда обѣ арміи встрѣтились, счастье благопріятствовало узурпатору.

Не странно ли, что въ Перу, такъ же, какъ и въ Мексикѣ, испанцамъ благопріятствовали совершенно исключительныя обстоятельства! Въ Мексикѣ народы, незадолго покоренные ацтеками, терпѣли отъ жестокости своихъ побѣдителей, и встрѣтили испанцевъ, какъ освободителей; въ Перу борьба двухъ братьевъ, ожесточенныхъ другъ противъ друга, мѣшаетъ индѣйцамъ обратить всѣ свои силы противъ завоевателей, которыхъ они легко могли бы раздавить.

Пизарро, принимая пословъ Гуаскара, пришедшихъ просить у него помощи противъ Атагуальпы, къ которому они относились какъ къ бунтовщику и похитителю престола, тотчасъ понялъ всю выгоду, какую можно было извлечь изъ этихъ обстоятельствъ. Онъ разсчиталъ хорошо, что, принимая сторону одного изъ двухъ, ему будетъ легче стѣснить ихъ обоихъ. Во главѣ шестидесяти двухъ всадниковъ и ста двадцати пѣхотинцевъ онъ немедленно двинулся во-внутрь страны. Изъ этого незначительнаго войска только двадцать человѣкъ были вооружены пищалями и мушкетами, остальное же войско и оружіе осталось для охраны Санъ-Мигуэля, гдѣ Пизарро разсчитывалъ найти убѣжище на случай неуспѣха и гдѣ могли бы высадиться вспомогательныя войска, которыхъ онъ ждалъ.

Пизарро направился къ маленькому городу Кахамалькѣ, лежащему въ двадцати дняхъ пути отъ берега. Ему пришлось пройти пустыню, покрытую жгучими песками, безъ воды и безъ деревьевъ, тянувшуюся на цѣлыхъ двадцать миль, до провинціи Мотупе; въ этой пустынѣ испанцы испытывали такъ много страданій, что ничтожное нападеніе непріятелей могло бы разбить маленькую армію и однимъ ударомъ уничтожить всю экспедицію. Затѣмъ онъ углубился въ горы и запутался въ ущельяхъ, гдѣ на каждомъ шагу могъ бы попасть въ западню. Во время этого перехода посланный отъ Атагуальпы принесъ ему разрисованные башмаки и золотыя маншеты, которые ему предлагалось носить при свиданіи съ инкой. Конечно, Пизарро былъ очень щедръ на изъявленія своей дружбы и преданности. Онъ объявилъ индѣйскому посланнику, что готовъ слѣдовать волѣ монарха, своего



Пизарро у Карла Пятаго...

господина, и будетъ уважать жизнь и имущество жителей. Прибывъ въ Кахамальку, Пизарро благоразумно помѣстилъ свои войска въ храмѣ и во дворцѣ инки, гдѣ такимъ образомъ былъ застрахованъ отъ неожиданнаго нападенія. Затѣмъ онъ отправилъ въ лагерь Атагуальпы, находившійся всего въ разстояніи одного лье, одного изъ своихъ братьевъ Сото, и двадцать всадниковъ, чтобы они увѣдомили о его прибытіи. Посланные были приняты съ большимъ великолѣпіемъ; они были поражены оби-

ліемъ украшеній, состоявшихъ изъ золотыхъ и серебряныхъ вазъ. Атагуальпа велѣлъ передать Пизарро, что онъ явится къ нему на слѣдующій день и принесетъ ему привѣтствія по поводу прибытія его въ имперію. Удивительныя богатства, разсказы о которыхъ передавались посланными съ восторгомъ, утвердили Пизарро въ мысли измѣннически завладѣть Атагуальпой и его сокровищами.

Многіе испанскіе авторы и въ особенности Зарате извращаютъ факты, которые кажутся имъ безъ сомнѣнія очень гнусными; они сваливаютъ измѣну на Атагуальпу. Но въ настоящее время имѣется слишкомъ много документовъ, чтобы не быть обязаннымъ вмѣстѣ съ Робертсономъ и Прескоттомъ признать все вѣроломство Пизарро. Для него было очень выгодно завладѣть инкой и распоряжаться имъ, какъ своимъ орудіемъ, подобно тому, какъ это сдѣлалъ Кортецъ съ Монтезумой. Онъ воспользовался простодушіемъ и честностью Атагуальпы, повѣрившаго его выраженіямъ дружбы и никакимъ образомъ не подозрѣвавшаго, что въ то же время ему устраивается засада, въ которой онъ и не преминулъ погибнуть. Это полное отсутствіе угрызеній совѣсти въ вѣроломной душѣ завоевателя, это хладнокровіе точно при сраженіи съ предупрежденнымъ врагомъ, это предательство—должно покрыть вѣчнымъ пятномъ безчестія память Пизарро.

Пизарро раздѣлилъ свою кавалерію на три маленькіе эскадрона, соединилъ всю свою пѣхоту въ одинъ отрядъ, спряталъ стрѣлковъ на дорогѣ, по которой долженъ былъ проходить инка, и при себѣ оставилъ около двадцати самыхъ рѣшительныхъ товарищей.

Атагуальпа, желая дать испанцамъ понять о силѣ своего могущества, подвигался со всей своей арміей. Самъ онъ возсѣдалъ на носилкахъ, убранныхъ перьями, покрытыхъ золотыми и серебряными пластинками и украшенныхъ каменьями. Окруженный шутами и танцовщиками, онъ сопровождался своими приближенными, несомыми, какъ и онъ, слугами на носилкахъ. Такое шествіе было скорѣе шествіемъ процессіи, чѣмъ арміи.

Едва инка приблизился къ испанцамъ,—говоритъ Робертсонъ,—какъ отецъ Винчентъ Вальвердо (Vincent Valverdo), священникъ экспедиціи, получившій впослѣдствіи за свое усердіе званіе епископа,—подошелъ къ нему съ распятіемъ въ одной рукѣ и съ требникомъ въ другой. Въ безконечной рѣчи онъ

изложилъ монарху ученіе о сотвореніи міра, о паденіи перваго человѣка, о воплощеніи, страстяхъ и воскресеніи Іисуса Христа; онъ говорилъ также о томъ, что Богъ избралъ своимъ намѣстникомъ на землѣ св. Петра, что сей послѣдній передалъ власть папамъ и что папа Александръ даровалъ королю кастильскому всѣ страны Новаго Свѣта. Изложивъ все это ученіе, онъ потребовалъ отъ Атагуальпы, чтобы онъ принялъ христіанскую религію, призналъ бы высшую власть папы и подчинился королю Кастиліи, какъ своему законному повелителю. Если онъ подчинится немедленно, Вальвердо обѣщалъ ему, что король, его повелитель, возьметъ Перу подъ свое покровительство и позволитъ ему продолжать въ ней царствовать; но онъ объявлялъ ему войну и грозилъ страшной местью, если онъ откажетъ въ повиновеніи и будетъ настаивать на своемъ беззаконіи.

Это была, по крайней мѣрѣ, странная встрѣча и странная рѣчь, посвященная изложенію фактовъ, неизвѣстныхъ перуанцамъ и въ истинѣ которыхъ оратору, даже болѣе искусному, чѣмъ Вальвердо, не удалось бы ихъ убѣдить. Если прибавить къ этому, что переводчикъ, плохо владѣя испанскимъ языкомъ, находился почти въ совершенной невозможности перевести то, что самъ едва понималъ, если прибавить, что въ перуанскомъ языкѣ должно было недоставать словъ для выраженія идей, столь чуждыхъ его духу, то должно быть ясно, какъ много понялъ Атагуальпа изъ рѣчи испанскаго монаха. Нѣкоторыя мѣста рѣчи, однако, касавшіяся его власти, вызывали въ немъ негодованіе. Въ своемъ отвѣтѣ онъ былъ не болѣе сдержанъ. Онъ сказалъ, что онъ хозяинъ въ своемъ королевствѣ, не понимаетъ, какъ могутъ имъ распоряжаться безъ согласія его, и прибавилъ, что вовсе не намѣренъ отречься отъ религіи своихъ отцовъ и принять такую, о которой онъ слышитъ въ первый разъ; что касается другихъ пунктовъ рѣчи, то въ нихъ онъ ничего не понимаетъ; во всякомъ случаѣ, все это для него чрезвычайно ново и онъ былъ бы очень радъ услышать, откуда Вальвердо узналъ объ этихъ чудесахъ. „Изъ этой книги“, сказалъ Вальвердо, подавая ему свой требникъ. Атагуальпа поспѣшно взялъ ее, повернулъ съ любопытствомъ нѣсколько листковъ и, приложивъ къ своему уху, сказалъ: „Она ничего мнѣ не говоритъ!“—и съ этими словами бросилъ книгу на землю.

Это былъ сигналъ къ битвѣ или вѣрнѣе къ рѣзнѣ. Пушки и

мушкеты были пущены въ дѣло, всадники ринулись впередъ, пѣхота съ мечами въ рукахъ ринулась на ошеломленныхъ перуанцевъ. Черезъ нѣсколько минутъ произошло всеобщее смятеніе. Индѣйцы разбѣжались во всѣ стороны, не пытаясь защищаться. Несмотря на то, что приближенные индѣйскіе офицеры старались увлечь Атагуальпу, защищая его своими тѣлами, Пизарро устремился на него, разсѣялъ его свиту и, схвативъ за длинные волосы, сбросилъ его съ носилокъ. Только ночь положила границы этой рѣзнѣ. Четыре тысячи индѣйцевъ были убиты, еще больше—ранены, и три тысячи взяты въ плѣнъ. Что настойчиво убѣждаетъ насъ въ томъ, что это было не сраженіе, такъ это то, —что изъ всѣхъ испанцевъ одинъ только Пизарро былъ раненъ, да и то своимъ же солдатомъ, слишкомъ поторопившимся завладѣть инкой.

Добыча, собранная съ мертвыхъ и въ лагерѣ, превзошла самыя смѣлыя ожиданія испанцевъ. Количеству собранныхъ богатствъ соотвѣтствовалъ, конечно, и восторгъ завоевателей.

Атагуальпа переносилъ свое плѣненіе вначалѣ съ достаточнымъ спокойствіемъ, тѣмъ болѣе, что Пизарро, на словахъ по крайней мѣрѣ, не останавливался ни передъ чѣмъ, чтобы смягчить его участь. Вскорѣ, оцѣнивъ всю необузданную алчность его тюремщиковъ, онъ предложилъ Пизарро за себя выкупъ: онъ обѣщалъ наполнить комнату вышиною въ ростъ Пизарро съ поднятою рукою, шириною въ шестнадцать футъ, золотыми вазами, утварью и украшеніями. Пизарро поспѣшно согласился. Тогда плѣнный инка тотчасъ же разослалъ по всѣмъ провинціямъ необходимыя распоряженія, которыя были немедленно и безропотно исполнены. Благодаря тому, что индѣйскія войска были распущены, Пизарро могъ послать Сото съ пятью испанцами въ городъ Куско, отстоящій отъ Кахамарки болѣе чѣмъ на двѣсти лье, а самъ онъ занялся покореніемъ страны на сто лье въ окружности.

Между тѣмъ Альмагро подъѣхалъ съ двумя сотнями солдатъ. Отдѣлили для него и для его людей,—и можно себѣ представить, съ какимъ сожалѣніемъ,—сто тысячъ пезосовъ; отсчитали пятую часть королю, и осталось еще 1.528,500 пезосовъ для Пизарро и для его спутниковъ. Этотъ результатъ рѣзни и грабежа былъ торжественно раздѣленъ между участниками въ день св. Якова, покровителя Испаніи, послѣ горячаго воззванія къ Богу.



Захватъ Атагуальпы. (Fac-simile съ древней гравюры).

Прискорбное смѣшеніе религіи съ оскверненіемъ святыни, къ несчастью, очень частое въ то время суевѣрія и корыстолюбія!

Каждый всадникъ получилъ на свою долю 8,000 пезосовъ, каждый пѣхотинецъ—4,000, что равняется приблизительно 40,000 и 20,000 франковъ. Было чѣмъ удовлетворить самыхъ требовательныхъ, въ особенности, если помнить, что походъ былъ недолгій и неутомительный. Многіе авантюристы, желая насладиться своимъ неожиданнымъ богатствомъ на родинѣ, стали про-

ситься домой. Пизарро охотно отпускалъ ихъ, такъ какъ понималъ, что слухъ объ ихъ быстромъ обогащеніи не замедлитъ привлечь къ нему новыхъ волонтеровъ. Съ своимъ братомъ Фернандо, увозившимъ въ Испанію извѣстіе о тріумфѣ и богатые подарки для короля, Пизарро отправилъ шестьдесятъ испанцевъ. Всѣ уѣзжали тяжело нагруженные деньгами, но очень легко — укорами совѣсти.

Едва Атагуальпа уплатилъ свой выкупъ, какъ потребовалъ свободы. Пизарро, сохранявшій жизнь императора лишь затѣмъ, чтобы его властью и тѣмъ вліяніемъ, какое онъ еще сохранилъ по отношенію къ подданнымъ, собрать всѣ богатства Перу, былъ скоро осажденъ протестами плѣнника. Къ тому-же Пизарро подозрѣвалъ съ нѣкотораго времени, что императоръ отдалъ тайный приказъ собрать войска по всѣмъ провинціямъ. Атагуальпа же, понявъ, что Пизарро не болѣе просвѣщенъ, чѣмъ послѣдній изъ его солдатъ, почувствовалъ къ нему презрѣніе, котораго, къ несчастью, не сумѣлъ скрыть. Вотъ всѣ основанія, очень ничтожныя, чтобы не сказать болѣе, въ силу которыхъ Пизарро возбудилъ процессъ противъ инки.

Ничего не можетъ быть гнуснѣе этого суда, въ которомъ Пизарро и Альмагро были и судьи и тяжущіеся. Изъ статей обвиненія однѣ были такъ смѣшны, а другія такъ нелѣпы, что не знаешь, чему болѣе удивляться: наглости или криводушію Пизарро, подвергавшаго допросу властителя могущественной имперіи, на которую онъ не имѣлъ никакого права. Атагуальпа былъ признанъ виновнымъ и осужденъ на сожженіе живымъ. Но такъ какъ онъ въ концѣ-концовъ согласился принять крещеніе, единственно изъ желанія отвязаться отъ Вальвердо, то удовольствовались тѣмъ, что задушили его. Эта казнь была сколкомъ съ казни Гватимозина! Два злодѣйства, рѣзко выдающіяся даже среди жестокостей и безобразій испанцевъ въ Америкѣ, гдѣ они, однако, не останавливались ни передъ какими преступленіями!

Въ этомъ сборищѣ авантюристовъ находилось все же нѣсколько человѣкъ, сохранившихъ чувство чести и собственнаго достоинства. Они громко протестовали во имя справедливости, недостойно поруганной и проданной; но ихъ благородные голоса заглушались корыстолюбивыми рѣчами Пизарро и его единомышленниковъ.

Послѣ совершенія казни, губернаторъ облекъ королевскою

властью одного изъ сыновей Атагуальпы, инку Паула. Но борьба между двумя братьями и всѣ событія, имѣвшія мѣсто со времени прибытія испанцевъ, значительно ослабили ту связь, какая всегда существовала между перуанцами и ихъ властителями, и облеченный королевскою властью юноша, скоро позорно погибшій, пользовался не бо́льшимъ вліяніемъ, чѣмъ Манко-Капакъ, сынъ Гуаскара, избранный народами Куско. Вскорѣ нѣкоторые начальники въ странѣ стали стремиться къ составленію изъ имперіи Перу отдѣльныхъ для себя королевствъ: таковъ былъ комендантъ Квито, Руминагуи, успѣвшій убить брата и дѣтей Атагуальпы, послѣ чего объявилъ себя независимымъ.

Въ лагерѣ перуанцевъ царствовалъ полный раздоръ, и испанцы этимъ воспользовались. Пизарро стремительно двинулся на Куско, не дѣлая этого до сихъ поръ только вслѣдствіе незначительности своихъ силъ. Теперь же, когда толпа авантюристовъ, соблазненная сокровищами, привезенными въ Панаму, спѣшила наперерывъ въ Перу, теперь онъ могъ соединить подъ своимъ начальствомъ пятьсотъ человѣкъ, оставивъ при этомъ значительный отрядъ въ Санъ-Мигуэлѣ подъ начальствомъ Беналказара, и двинуться въ походъ. Дорогою произошли стычки съ большими непріятельскими отрядами, но онѣ кончились, какъ всегда, значительными потерями для туземцевъ и очень пустыми для испанцевъ. Съ прибытіемъ въ Куско они немедленно завладѣли этимъ городомъ. Здѣсь испанцы были очень поражены малочисленностью золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ, хотя то и другое въ суммѣ превышало значительно выкупъ Атагуальпы. Потому ли показалось имъ этого мало, что они уже освоились съ богатствами страны, или потому, что теперь было больше дольщиковъ?

Между тѣмъ Беналказаръ, наскучивъ своимъ бездѣйствіемъ, воспользовался подкрѣпленіемъ, прибывшимъ изъ Никарагуа и Панамы, и отправился въ Квито, гдѣ, по словамъ перуанцевъ, Атагуальпа оставилъ бо́льшую часть своихъ сокровищъ. Во главѣ восьмидесяти всадниковъ и ста двадцати пѣхотинцевъ онъ разбилъ во многихъ стычкахъ заграждавшаго ему путь Руминагуи, и, благодаря своему благоразумію и ловкости, вступилъ побѣдителемъ въ Квито. Но тамъ онъ не нашелъ, чего искалъ, т.-е. богатствъ Атагуальпы.

Въ то же время Піерръ Альварадо, отличившійся подъ на-

чальствомъ Кортеца и назначенный впослѣдствіи, въ награду за свои услуги, губернаторомъ Гватемалы, прикинулся, что будто бы не знаетъ, что провинція Квито подлежитъ вѣдомству Пизарро, и организовалъ сильную экспедицію въ пятьсотъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ было болѣе двухсотъ всадниковъ. Высадившись въ Порто Віежо, онъ пожелалъ достигнуть Квито безъ проводниковъ, для чего поднялся по Гвуакилу и сталъ пробираться черезъ Анды. Этотъ путь былъ самый худшій и труднѣйшій изъ всѣхъ, какіе только можно было выбрать. Послѣ страшныхъ страданій отъ жажды и голода, не говоря уже о горячихъ изверженіяхъ сосѣдняго съ Квито вулкана Чимборазо и объ обильныхъ снѣгахъ, экспедиція, потерявъ пятую часть людей и половину лошадей, достигла, наконецъ, Квито; оставшіеся въ живыхъ утеряли всякую бодрость и были положительно неспособны сражаться. Можно себѣ представить удивленіе и безпокойство, охватившее спутниковъ Альварадо, когда они очутились не передъ отрядомъ индѣйцевъ, какъ ожидали, а передъ отрядомъ испанцевъ подъ начальствомъ Альмагро. Послѣдніе хотѣли было напасть на нихъ, но нѣкоторые болѣе благоразумные офицеры устроили сдѣлку, въ силу которой Альварадо долженъ былъ удалиться въ свое губернаторство, при чемъ ему будетъ уплачено сто тысячъ пезосовъ за военныя издержки.

Пока эти событія происходили въ Перу, Фернандо Пизарро былъ по дорогѣ въ Испанію, куда онъ увозилъ громадное количество золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ, не замедлившихъ вызвать ему великолѣпный пріемъ. Тамъ онъ добился для своего брата Франциска большихъ полномочій на его губернаторскомъ посту; самъ онъ получилъ кавалера св. Якова; что касается до Альмагро, то онъ былъ утвержденъ въ его титулѣ „adelantado“ и его вѣдомство было расширено на двѣсти лье, безъ обозначенія, однако, этихъ владѣній, что открыло большое поле для недоразумѣній и произвольныхъ толкованій.

Фернандо Пизарро еще не вернулся въ Перу, когда Альмагро, получивъ извѣстіе о томъ, что ему ввѣрено самостоятельное губернаторство, рѣшилъ, что Куско подлежитъ его вѣдомству, и предпринялъ завоеваніе этой страны. Но Жанъ и Гонзало Пизарро воспротивились этому. Дѣло было уже близко къ оружію, когда Франциско Пизарро, котораго часто называютъ „Маркизъ“ или „Великій Маркизъ“, прибылъ въ столицу.

Никогда Альмагро не могъ простить послѣднему ни того лукавства, какое тотъ выказалъ въ переговорахъ съ Карломъ V, ни той развязности, съ какою тотъ присвоилъ себѣ на счетъ союзниковъ большую часть власти и управленія. Но такъ какъ его намѣренія встрѣтили большую оппозицію и такъ какъ сила все же была не на его сторонѣ, онъ скрылъ свое неудовольствіе и досаду и казался очень довольнымъ примиреніемъ.

„Товарищество было вновь установлено,—говоритъ Зарате,—на томъ условіи, что донъ Діэго Альмагро отправится открывать страны на югѣ и если найдетъ что-нибудь хорошее, то для него будетъ испрошено у его величества намѣстничество; если же не найдетъ, тогда между ними будетъ раздѣлено управленіе дона Франциско. Договоръ этотъ былъ заключенъ торжественно, и на святыхъ дарахъ была произнесена клятва, что въ будущемъ они ничего не будутъ предпринимать другъ противъ друга. Нѣкоторые утверждаютъ, что Альмагро поклялся, что не предприметъ никогда ничего ни по отношенію къ странѣ Куско, ни противъ странъ, простирающихся на сто тридцать лье за нею, если даже его величество даруетъ ему намѣстничество. Прибавляютъ, что, обращаясь къ святымъ дарамъ, онъ произнесъ слѣдующее: „Господи, если я преступлю данную мною клятву, то порази и накажи тѣло и душу мою“.

Послѣ этого торжественнаго договора, выполненнаго съ такою же вѣрностью, какъ и первый, Альмагро занялся приготовленіями къ отъѣзду. Благодаря его хорошо извѣстной щедрости и храбрости, ему удалось соединить подъ своимъ начальствомъ пятьсотъ шестьдесятъ человѣкъ какъ кавалеріи, такъ и пѣхоты; съ этимъ войскомъ онъ отправился сухимъ путемъ по направленію къ Чили. Переходъ былъ чрезвычайно затруднителенъ; въ особенности страдали авантюристы отъ холодовъ при переходѣ черезъ Анды; кромѣ того имъ приходилось вступать въ битвы съ чрезвычайно воинственными народами, которыхъ еще не коснулась никакая цивилизація. Эти дикари нападали на нихъ съ такою яростью (furia), о какой Перу не давала никакого представленія. Альмагро не успѣлъ основать здѣсь никакого учрежденія, такъ какъ едва прошли два мѣсяца со дня его пребыванія въ странѣ, какъ до него дошло извѣстіе, что индѣйцы Перу возмутились и перерѣзали большую часть испанцевъ. Онъ поторопился обратно.

Послѣ того какъ новый договоръ между завоевателями былъ подписанъ (1534), Пизарро отправился въ сосѣднія приморскія провинціи, гдѣ онъ, не опасаясь сопротивленія, могъ установить прочноеуправленіе. Для человѣка, никогда не изучавшаго законоѣдѣнія, его уставы о сборѣ податей, объ отправленіи правосудія, о распредѣленіи (repartition) индѣйцевъ, о работахъ въ рудникахъ — были составлены очень умно. Если нѣкоторыя стороны характера этого „конквистадора" открывали поле критикѣ, то справедливость требуетъ сказать, что онъ былъ не лишенъ нѣкоторой возвышенности идей и понималъ значеніе той роли, которую онъ игралъ, какъ учредитель большой имперіи. Онъ долго думалъ надъ выборомъ будущей столицы испанскихъ владѣній. Въ пользу Куско говорило то, что этотъ городъ былъ резиденціею инковъ; но онъ лежалъ болѣе чѣмъ на четыреста миль отъ берега моря и былъ очень удаленъ отъ города Квито, за которымъ Пизарро признавалъ чрезвычайную важность. Около этого времени онъ былъ пораженъ красотою и плодородіемъ большой долины, орошаемой теченіемъ рѣки Римакъ. На этой долинѣ онъ положилъ въ 1536 году основаніе столицы своей державы. Вскорѣ, благодаря великолѣпному дворцу, который онъ выстроилъ для себя, благодаря роскошнымъ домамъ его главныхъ офицеровъ, городъ королей (de los Reyes) или Лима, какъ его называютъ по извращенному имени рѣки, протекающей въ этомъ мѣстѣ, принялъ видъ большого города. Пока Пизарро, занятый этими заботами, находился далеко отъ столицы имперіи, маленькіе военные отряды, отправленные по различнымъ направленіямъ, углублялись въ самыя отдаленныя провинціи, дабы уничтожить всюду послѣднія средоточія сопротивленія; въ Куско же оставалось самое незначительное количество войска. Инка, остававшійся среди испанцевъ, воспользовался отсутствіемъ испанскаго войска и возбудилъ всеобщее возстаніе, съ помощью котораго онъ надѣялся свергнуть чужеземное владычество. Хотя за нимъ очень слѣдили, онъ, однако, успѣлъ распорядиться съ такимъ искусствомъ, что не возбудилъ никакого подозрѣнія въ своихъ сторожахъ. Ему было позволено присутствовать на большомъ празднествѣ въ нѣсколькихъ лье отъ Куско, гдѣ въ этотъ день собирались всѣ знатнѣйшія лица имперіи. Появленіе инки было сигналомъ для возстанія. На всемъ пространствѣ отъ Квито до Чили всѣ взялись за оружіе, и въ непродолжительномъ

времени нѣсколько небольшихъ испанскихъ отрядовъ было уничтожено. Куско, оставаясь подъ защитою трехъ братьевъ Пизарро всего со ста семьюдесятью испанцами, представлялъ въ продолженіе восьми мѣсяцевъ постоянную цѣль перуанцевъ, пользовавшихся оружіемъ, похищеннымъ у своихъ враговъ. Завоеватели мужественно отбивали нападенія, но понесли значительныя утраты и между прочими лишились Жана Пизарро. Едва Альмагро былъ объ этомъ извѣщенъ, какъ тотчасъ покинулъ Чили, перебрался черезъ гористую и песчаную пустыню Атакаму, гдѣ ему приходилось столько же вынести отъ зноя и безводія, сколько въ Андахъ отъ снѣга и холода. Достигнувъ перуанской территоріи, онъ разбилъ въ большомъ сраженіи Манко-Капака и затѣмъ, разогнавши индѣйцевъ, очутился у города Куско. Ссылаясь на то, что этотъ городъ не входилъ въ вѣдомство Пизарро, онъ потребовалъ его сдачи; затѣмъ, нарушивъ перемиріе, въ продолженіе котораго сторонники маркиза отдыхали, онъ проникъ въ самый городъ, завладѣлъ Фернандомъ и Гонзало Пизарро и объявилъ себя намѣстникомъ страны.

Между тѣмъ, значительный отрядъ индѣйцевъ осаждалъ въ то же время Лиму и, прервавъ всякое сношеніе, захватывалъ и уничтожалъ маленькіе отряды, посылаемые Пизарро на помощь въ Куско. Чтобы вызвать своихъ спутниковъ на отчаянное сопротивленіе, Пизарро отослалъ всѣ свои корабли въ Панаму; въ то же время онъ вызвалъ изъ Труксилло Алонзо Альварадо съ его силами и ввѣрилъ его начальству пятьсотъ человѣкъ. Не доходя нѣсколькихъ лье до столицы, Альварадо былъ очень удивленъ, узнавъ, что она находится въ рукахъ его соотечественниковъ, рѣшительно преградившихъ ему путь. Для Альмагро было болѣе выгодно привлечь къ себѣ новыхъ союзниковъ, чѣмъ уничтожить ихъ; онъ такъ распорядился, что нечаяннымъ нападеніемъ захватилъ ихъ всѣхъ въ плѣнъ. Теперь у него былъ отличный случай покончить войну и захватить оба губернаторства. На это ему и намекали нѣкоторые его офицеры и въ особенности Оргоньосъ (Orgognos), побуждавшій его уничтожить обоихъ братьевъ и подойти съ своими войсками форсированнымъ маршемъ къ Лимѣ, гдѣ захваченный врасплохъ Пизарро не сумѣетъ устоять. Но кого Юпитеръ захочетъ погубить,—сказалъ латинскій поэтъ,—у того онъ отниметъ разумъ. Альмагро, который во всѣхъ другихъ случаяхъ не справлялся съ своею совѣстью,

на этотъ разъ не захотѣлъ завладѣть, какъ бунтовщикъ, правами Пизарро, и спокойно возвратился въ Куско.

Если стать исключительно на точку зрѣнія интересовъ Альмагро, онъ совершалъ страшную ошибку, въ которой ему скоро пришлось раскаяться. Но если мы примемъ во вниманіе интересы отечества, о которыхъ не слѣдовало бы никогда забывать, то раздоръ, начатый имъ, и междоусобная война, затѣянная на глазахъ у непріятеля, всегда готоваго ею воспользоваться, — уже составляли тяжкое преступленіе. Его противники не замедлили ему это напомнить.

Тогда какъ Альмагро слѣдовало проявить быструю рѣшительность, чтобы выиграть дѣло, Пизарро ничего не оставалось, какъ надѣяться на время и случай. Въ ожиданіи обѣщанныхъ подкрѣпленій изъ Даріена, онъ завелъ съ противникомъ переговоры, продолжавшіеся нѣсколько мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ одному изъ его братьевъ и Альварадо удалось бѣжать. Уже столько разъ обманутый, Альмагро согласился все-же принять лиценціата Эспинозу (Espinosa), уполномоченнаго убѣдить его, что если бы королю было извѣстно, что̀ происходитъ между двумя соперниками и до какого положенія они довели своими раздорами государство, то, безъ сомнѣнія, онъ вызвалъ бы ихъ и смѣнилъ обоихъ. Наконецъ, послѣ смерти Эспинозы, монахъ Франциско Бовадилья (Franzois de-Bovadilla), которому Пизарро и Альмагро предоставили рѣшеніе ихъ ссоры, постановилъ, чтобы Фернандъ Пизарро былъ немедленно освобожденъ, чтобы Куско было передано въ распоряженіе маркиза и чтобы были посланы въ Испанію нѣсколько офицеровъ отъ обѣихъ сторонъ, съ полномочіями разграничить права обоихъ соискателей и представить рѣшеніе королю.

Едва только послѣдній изъ его братьевъ получилъ свободу, какъ Пизарро, отбросивъ всякую мысль о мирѣ или перемиріи, объявилъ, что только оружіе рѣшитъ, кто изъ нихъ — онъ или Альмагро—будетъ хозяиномъ въ Перу. Въ короткое время онъ собралъ семьсотъ человѣкъ, начальство надъ которыми поручилъ своимъ двумъ братьямъ. Такъ какъ не было возможности перейти черезъ горы, чтобы попасть прямымъ путемъ въ Куско, то они отправились по берегу моря до Наски и проникли къ отрогу Андовъ, которые должны были привести ихъ прямо къ столицѣ.



Смерть Атагуальпы. (Fac-simile съ древней гравюры).

Быть можетъ, Альмагро слѣдовало-бы защищать горныя ущелья, но у него было только пятьсотъ человѣкъ, и особенныя надежды онъ возлагалъ на свою блистательную кавалерію, которая не могла-бы дѣйствовать въ узкомъ пространствѣ. Потому онъ ждалъ непріятеля въ долинѣ Куско. 26 апрѣля 1538 года произошла битва. Обѣ арміи сражались съ одинаковымъ ожесточеніемъ, но побѣду рѣшили двѣ роты мушкетеровъ, присланныхъ къ Пизарро на помощь королемъ, узнавшимъ о возмущеніи

индѣйцевъ. Въ этомъ сраженіи, получившемъ названіе „las Salinas“, было убито сто сорокъ солдатъ. Оргоньосъ и нѣсколько заслуженныхъ офицеровъ были убиты послѣ сраженія. Престарѣлый и больной Альмагро не могъ избѣгнуть рукъ братьевъ Пизарро.

Индѣйцы, собравшись въ вооруженіи въ окружающихъ горахъ, рѣшили напасть на побѣдителя, но вмѣсто нападенія сами поспѣшили убѣжать. „Ничто, быть можетъ, — говоритъ Робертсонъ,—не доказываетъ такъ вліяніе испанцевъ на американцевъ, какъ этотъ фактъ; будучи свидѣтелями совершеннаго пораженія одной изъ сторонъ, они не имѣли мужества броситься на другую, ослабленную и утомленную самою побѣдой, и не осмѣлились напасть на своихъ притѣснителей, когда судьба представляла имъ такой благопріятный случай вѣрной побѣды“.

Въ эту эпоху, побѣда, не сопровождавшаяся грабежомъ, не считалась полною. И городъ Куско былъ преданъ расхищенію. Всѣхъ богатствъ Куско оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить товарищей Пизарро. Всѣ они были такого высокаго мнѣнія о своихъ достоинствахъ и заслугахъ, что каждый считалъ себя достойнымъ мѣста губернатора. Фернандъ Пизарро раздѣлилъ ихъ и послалъ завоевывать новыя земли, присоединивъ къ нимъ нѣсколько перешедшихъ къ нему сторонниковъ Альмагро, которыхъ надлежало удалить. Что касается до Альмагро, то Фернандъ Пизарро, будучи увѣренъ, что всякое волненіе найдетъ въ немъ горячаго участника, рѣшилъ отдѣлаться отъ него. Онъ предалъ его суду, окончившемуся для Альмагро, какъ и можно было ожидать, смертью. Когда Альмагро узналъ о рѣшеніи суда, имъ овладѣло на нѣсколько минутъ весьма понятное смущеніе; онъ сталъ ссылаться на свои годы и на свое отношеніе, совершенно различное, къ Фернандо и Гонзало Пизарро, когда они были его плѣнниками; но вскорѣ къ нему возвратилось его хладнокровіе и онъ ожидалъ смерти съ мужествомъ солдата. Его задушили въ его тюрьмѣ и затѣмъ публично обезглавили (1538 г.).

Послѣ нѣсколькихъ счастливыхъ экспедицій, Фернандъ Пизарро отправился въ Испанію, чтобы отдать королю отчетъ во всемъ, что произошло. Онъ встрѣтилъ страшно предубѣжденное противъ себя и своихъ братьевъ общественное мнѣніе. Нѣкоторые сторонники Альмагро успѣли представить во всей наготѣ

ихъ жестокость, насиліе, пренебреженіе къ самымъ священнымъ обязательствамъ. И Фернанду Пизарро нужно было употребить все свое искусство, чтобы добиться свиданія съ королемъ. Выслушивая только заинтересованныя стороны, Карлъ Пятый не зналъ кому отдать справедливость; онъ видѣлъ, что эти междоусобныя войны отзываются на интересахъ королевства. Онъ рѣшилъ послать на мѣсто комиссара, котораго снабдилъ обширными полномочіями; послѣдній, ознакомившись съ обстоятельствами, долженъ былъ установить форму правленія, какую найдетъ наиболѣе удобною. Это важное порученіе было возложено на Христоваля де-Вака (Christoval de-Vaca), съ успѣхомъ выполнившаго свою задачу. Достойно замѣчанія то обстоятельство, что ему предложено было отнестись съ большимъ почтеніемъ къ Франциско Пизарро, въ то время, какъ его братъ Фернандъ былъ схваченъ и брошенъ въ тюрьму, въ которой оставался цѣлыя двадцать лѣтъ.

Между тѣмъ, какъ эти событія происходили въ Испаніи, маркизъ дѣлилъ завоеванныя земли, оставляя себѣ и своимъ приближеннымъ округа, наиболѣе плодородные или болѣе удобно расположенные, и надѣляя спутниковъ Альмагро, или чилійцевъ, какъ ихъ называли, землями скудными и отдаленными. Затѣмъ онъ поручилъ одному изъ своихъ офицеровъ, Педро Вальдивіа, окончаніе предпріятія, начатаго Альмагро, т.-е. покореніе Чили. Вальдивіа выступилъ 28 января 1540 года со ста пятьюдесятью испанцами, между которыми отличились Педро Гомецъ, Педро Миранда, и Алонзо Монрой (Pedro Gomez, Pedro de-Miranda et Alonso de-Monroy); пройдя черезъ пустыню Атакаму, переходъ черезъ которую и въ настоящее время считается однимъ изъ труднѣйшихъ, онъ вступилъ въ прекрасную долину и въ городъ Копіапо. Испанцы были встрѣчены очень дружелюбно; но послѣ сбора урожая имъ пришлось вступать въ частыя сраженія съ арауканцами,—съ расой, совершенно отличной отъ перуанскихъ индѣйцевъ, очень храброй и неутомимой. 12-го февраля 1541 года Вальдивіа заложилъ новый городъ Сантъ-Яго. Менѣе корыстолюбивый, чѣмъ остальные современные ему „конквистадоры“, онъ разрабатывалъ ископаемыя богатства только для того, чтобы обезпечить развитіе и процвѣтаніе своей колоніи, главнымъ же образомъ поощрялъ земледѣліе. „Лучшая руда—это хлѣбъ, вино и кормъ для скота. У кого есть это, у того есть и деньги. Въ

рудникахъ-же мы не находимъ ничего, что поддерживаетъ нашу жизнь. И часто тотъ, кто обладаетъ прекрасными рудниками, не обладаетъ счастьемъ". Эти прекрасныя слова принадлежатъ Лескарботу и выписаны нами изъ его „Histoire de la Nouvelle France"; но ихъ могъ-бы пвторить Вальдивіа, такъ какъ они въ прекрасной формѣ выражаютъ его же мысли. Храбрость, благоразуміе и въ особенности человѣколюбіе Вальдивіи, такъ рѣзко выдающееся наряду съ жестокостями Пизарро, обезпечиваютъ ему исключительное мѣсто между „конквистадорами" XVI вѣка.

Въ то время какъ Вальдивіа отправлялся въ Чили, Гонзало Пизарро переходилъ черезъ Анды во главѣ трехсотъ сорока испанцевъ, изъ которыхъ половина была на лошадяхъ, и четырехъ тысячъ индѣйцевъ. Совершивъ этотъ переходъ съ такимъ трудомъ, что большая часть индѣйцевъ погибла отъ холода, онъ углубился на востокъ, внутрь материка, на поиски страны, въ которой, по словамъ жителей, растетъ въ изобиліи корица и пряности. Здѣсь въ обширныхъ саваннахъ, изрѣзанныхъ болотами и непроходимыми лѣсами, испанцы были застигнуты проливными дождями, не прекращавшимися въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ. Встрѣчая разбросанныя дикія и враждебно настроенныя племена, испанцы испытывали часто голодъ въ этой странѣ, гдѣ не было ни быковъ, ни лошадей, и тапиры и ламы представляли собою самыхъ большихъ четвероногихъ и то рѣдко встрѣчающихся лишь по склонамъ Андовъ. Вопреки этимъ трудностямъ, способнымъ привести въ уныніе изслѣдователей менѣе энергичныхъ, чѣмъ „descubridores" XVI вѣка, они продолжали преслѣдовать свои цѣли и спустились по Ріо Напо или Кока, составляющей лѣвый притокъ Мараньона, до ея впаденія. Тамъ съ большими усиліями имъ удалось соорудить бригантину, на которой помѣстилось пятьдесятъ солдатъ подъ начальствомъ Франциско Ореллана. Послѣдній, вслѣдствіе ли сильнаго теченія, или вслѣдствіе отсутствія начальника, натолкнувшаго его на мысль сдѣлаться самому самостоятельнымъ начальникомъ экспедиціи открытій, не ожидалъ Гонзало Пизарро въ условленномъ мѣстѣ, а продолжалъ плаваніе по рѣкѣ до ея впаденія въ океанъ. Подобное плаваніе на протяженіи около двухъ тысячъ лье, вдоль незнакомыхъ странъ, безъ проводника, безъ компаса, безъ провизіи, съ экипажемъ, неоднократно сѣтовавшимъ на сумасшедшую попытку своего начальника, среди населенія, почти всегда



Клятва Пизарро и Альмагро надъ Св. Дарами.

враждебнаго,—поистинѣ удивительно. Добравшись на своей плохо построенной баркѣ до устья рѣки, Ореллана достигъ отсюда острова Кубагуа, откуда отправился въ Испанію. Если-бы не существовала ранѣе пословица „добро врать тому, кто за моремъ бывалъ“, то она сложилась бы по поводу Ореллана. Онъ разсказывалъ самыя нелѣпыя басни о богатствѣ странъ, чрезъ которыя проѣзжалъ; жители этихъ странъ были будто-бы такъ богаты, что крыши храмовъ дѣлались изъ золота, — эти разсказы

дали содержаніе легендѣ объ „El-Dorado". Ореллана сообщалъ о существованіи республики, состоящей изъ воинственныхъ женщинъ, основавшихъ обширную имперію; это сообщеніе и дало поводъ назвать рѣку Мараньонъ Амазонской. Если однако отбросить отъ разсказа объ этомъ путешествіи все нелѣпое и вымышленное, такъ нравившееся современникамъ, то все же нужно признать, что экспедиція Ореллана — одна изъ самыхъ замѣчательныхъ экспедицій въ этой эпохѣ, изобилующей гигантскими предпріятіями, и что она пріобрѣла первыя свѣдѣнія объ обширности страны, простирающейся отъ Андовъ до Атлантическаго океана.

Но возвратимся къ Гонзало Пизарро. Можно себѣ представить его изумленіе и безпокойство, когда, пришедши ко впаденію Напо въ Мараньонъ, онъ не нашелъ Ореллана, который долженъ былъ его здѣсь ожидать. Опасаясь, что съ его лейтенантомъ случилось какое-нибудь несчастіе, онъ отправился по теченію рѣки и, проѣхавъ пятьдесятъ лье, встрѣтилъ несчастнаго офицера, брошеннаго здѣсь за то, что онъ уличалъ своего начальника въ измѣнѣ. Этотъ подлый поступокъ и лишенія, которыя ихъ ожидали, лишили мужества даже самыхъ храбрыхъ. Чтобы дать понятіе объ испытанныхъ во время возвращенія страданіяхъ, достаточно будетъ сказать, что, питаясь лошадьми, собаками, гадами, кореньями и дикими животными, изжевавъ все, что только было изъ кожи въ ихъ вооруженіи, несчастные, оставшіеся въ живыхъ, достигли Квито въ числѣ восьмидесяти, изодранные кустарниками, истощенные, растерзанные. Четыре тысячи индѣйцевъ и двѣсти десять испанцевъ погибли въ этомъ походѣ, продолжавшемся не менѣе двухъ лѣтъ.

Въ то время какъ Гонзало Пизарро велъ свою несчастную экспедицію, о которой мы только-что разсказали, приверженцы Альмагро, никогда не относившіеся искренно къ своему новому начальнику, группировались около сына ихъ прежняго предводителя и составляли заговоръ съ цѣлью убить маркиза. Напрасно предупреждали Франциско Пизарро о томъ, что замышлялось противъ него, — онъ никогда не хотѣлъ вѣрить этимъ предостереженіямъ. Онъ говорилъ: „Будьте покойны. До тѣхъ поръ, пока въ Перу всякій будетъ знать, что я моментально лишу жизни того, кто осмѣлится возымѣть намѣреніе посягнуть на мою, — до тѣхъ поръ я — въ безопасности".

Въ воскресенье 26-го іюня 1541 года, во время послѣобѣденнаго отдыха, Жанъ Геррада (Jean de-Herrada), съ восемнадцатью заговорщиками вышли изъ дома Альмагро съ обнаженными шпагами въ рукахъ, вооруженные съ ногъ до головы. Они приблизились къ дому Пизарро съ криками: „Смерть тирану! Смерть подлецу!“ Они бросились во дворецъ, убили Франциско Хавеса (François de-Chaves), прибѣжавшаго на этотъ шумъ, и проникли въ залу, гдѣ находились съ Франциско Пизарро его братъ Франциско-Мартинъ, докторъ Жуанъ Веласкезъ и около двѣнадцати слугъ. Всѣ они выпрыгнули въ окно за исключеніемъ Мартина Пизарро, двухъ дворянъ и двухъ пажей, которые погибли, защищая дверь, ведущую въ покои губернатора. Самъ онъ, не успѣвъ одѣть броню, схватилъ свой щитъ и, храбро защищаясь, убилъ четырехъ своихъ противниковъ и нѣсколькихъ ранилъ. Въ то время, какъ одинъ заговорщикъ жертвуетъ собою и подставляетъ свою грудь подъ удары Пизарро, нѣкоторые другіе успѣваютъ подойти къ нему и нападаютъ на него съ такою яростью, что онъ, обезсиленный, едва удерживающій свой мечъ, не въ состояніи защищаться. „Такимъ образомъ они достигли цѣли,—говоритъ Зарате,—и довершили свое дѣло ударомъ меча по его горлу. Падая, онъ громко попросилъ духовника и, будучи уже не въ силахъ говорить, онъ сдѣлалъ изображеніе креста на полу и, поцѣловавъ его, отдалъ Богу душу“. Его вѣрный слуга, Жуанъ Барбазанъ, одинъ воздалъ почести останкамъ своего господина. Домъ Пизарро былъ такъ разграбленъ заговорщиками, что даже не на что было купить восковыхъ свѣчей.

Таковъ конецъ Франциско Пизарро. Онъ былъ убитъ въ самой столицѣ обширной имперіи, пріобрѣтеніемъ которой Испанія обязана исключительно его храбрости и настойчивости; но нужно сознаться, что онъ оставлялъ эту имперію опустошенной, разоренной, обагренной цѣлыми потоками крови. Его часто сравниваютъ съ Кортецомъ. Нужно сказать, что онъ былъ такъ же честолюбивъ, храбръ и обладалъ въ той же мѣрѣ военными способностями; но онъ довелъ до крайности недостатки маркиза делла-Валль—жестокость и корыстолюбіе, къ которымъ присоединилъ вѣроломство и двоедушіе. Если нѣкоторыя стороны характера Кортеца, объяснимыя, впрочемъ, временемъ, въ какое онъ жилъ, и кажутся намъ несимпатичными, то насъ, по крайней

мѣрѣ, подкупаетъ его благородное и умѣлое отношеніе къ окружающимъ, то отношеніе, которое пріобрѣтало ему всюду любовь его солдатъ. Въ Пизарро же мы находимъ, напротивъ, малопривлекательную грубость, неизмѣнную суровость, и его рыцарскія доблести скрываются совершенно за хищностью и вѣроломствомъ, составляющими отличительную сторону его характера.

Кортецъ встрѣтилъ въ мексиканцахъ храбрыхъ и рѣшительныхъ противниковъ, противуставлявшихъ ему почти непреодолимыя затрудненія, тогда какъ Пизарро покорилъ безъ всякаго труда мягкихъ и боязливыхъ перуанцевъ, ни разу не выказавшихъ рѣшительнаго сопротивленія его оружію. Но изъ двухъ завоеваній — Перу и Мексики больше выгодъ принесло Испаніи то, которое было легче добыто. Вотъ почему завоеваніе Перу было оцѣнено дороже.

Послѣ смерти Пизарро, гражданская война возобновилась и продолжалась до пріѣзда новаго губернатора, назначеннаго метрополіей. Едва онъ соединилъ необходимыя войска, какъ направился къ Куско. Онъ захватилъ безъ труда Альмагро, приказалъ его вмѣстѣ съ сорока приверженцами обезглавить и твердо управлялъ страной до пріѣзда вице-короля Бласко Нунецъ Вела (Blasco Nunez Vela). Въ наши намѣренія не входитъ изложеніе подробностей раздоровъ, происшедшихъ между этимъ послѣднимъ и Гонзало Пизарро, который воспользовался всеобщимъ неудовольствіемъ, вызваннымъ появленіемъ новаго устава о repartimientos, и возсталъ противъ представителя королевской власти. Послѣ многочисленныхъ перипетій, опускаемыхъ нами, борьба окончилась пораженіемъ и казнью Гонзало Пизарро, свершившеюся въ 1548 году. Его тѣло было отправлено въ Куско и погребено въ одеждѣ, „такъ какъ никто, — говоритъ Гарцилассо де ла-Вега, — не хотѣлъ пожертвовать несчастнымъ саваномъ“. Такъ кончилъ истинный убійца Альмагро. Здѣсь кстати вспомнить слова Евангелія: „Всѣ, взявшіе мечъ, мечомъ погибнутъ“.

ГЛАВА II.

Первое путешествіе вокругъ свѣта.

Магелланъ, его начинанія, непріятности, перемѣна національности. — Приготовленіе къ экспедиціи. — Ріо-де-Жанейро. — Бухта Сенъ-Жюльенъ. — Часть эскадры возмущается. — Ужасное наказаніе виновныхъ. — Магеллановъ проливъ. — Патагонцы. — Тихій океанъ. — Разбойничьи острова. — Острова Цебу и Филиппинскіе. — Смерть Магеллана. — Борнео. — Молукскіе острова и ихъ произведенія. — Раздѣленіе Trinidad'а съ Victoria. — Возвращеніе въ Европу мимо мыса Доброй Надежды. — Послѣднія непріятности.

Еще не было извѣстно, какъ великъ материкъ, открытый Колумбомъ. Все еще полагали, что Америка состоитъ изъ нѣсколькихъ острововъ, и продолжали искать вдоль береговъ ея тотъ знаменитый проливъ, который велъ бы непосредственно въ Тихій океанъ и черезъ который можно было бы добраться до страны пряностей, до этой чудесной страны, обладаніе которою должно было обогатить Испанію. Въ то время, какъ Кортереаль и Каботъ искали этотъ проливъ въ Атлантическомъ океанѣ, а Кортецъ изслѣдовалъ Калифорнскій заливъ, въ то время какъ Пизарро плылъ по берегу Перу, Вальдивіа покорялъ Чили, — задача была рѣшена однимъ португальцемъ, Фернандомъ Магелланомъ, состоявшимъ на службѣ въ Испаніи.

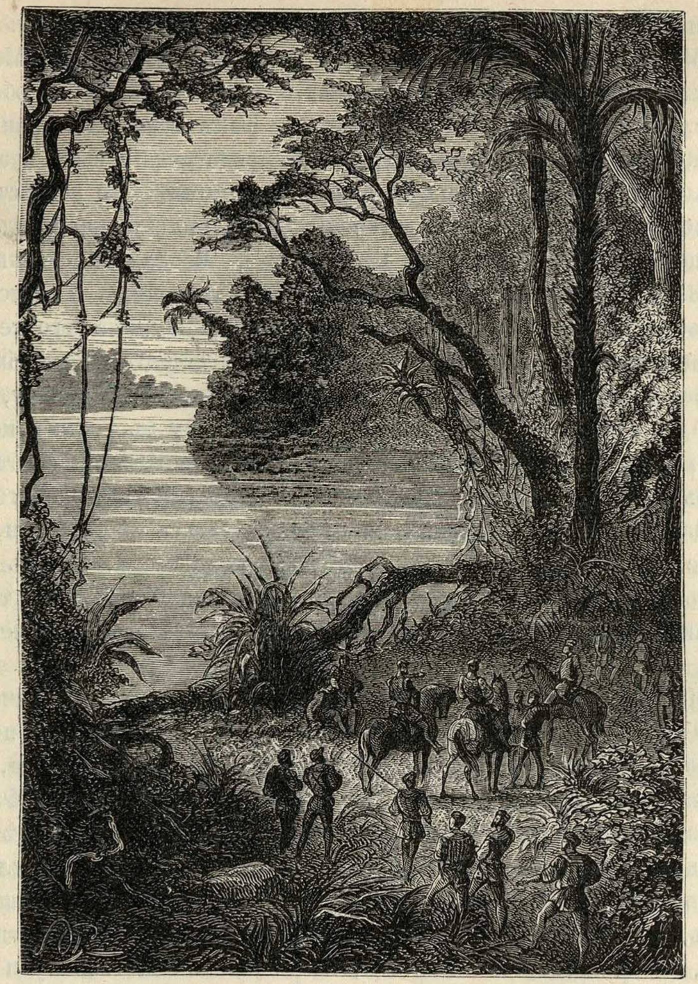
Сынъ дворянина Cota et Armas, Фернандъ Магелланъ родился или въ Порто, или въ Лиссабонѣ, или въ Вилла-де-Сабросcѣ, или въ Вилла-де-Фигейро — мѣсто его рожденія точно не извѣстно, такъ-же, какъ и годъ рожденія, который относятъ къ концу XV вѣка. Воспитанный при дворѣ Іоанна II, онъ получилъ блестящее по тому времени образованіе. Такъ какъ въ ту эпоху вся Португалія была охвачена горячкою, уносившею ее по пути экспедицій и морскихъ открытій, то и Магелланъ, изучивши спеціально математику и мореплаваніе, въ раннемъ возрастѣ поступилъ уже въ морскую службу и въ 1505 г. отплылъ вмѣстѣ съ Алмеидой въ Индію. Онъ принималъ участіе въ разграбленіи города Килоа и во всѣхъ событіяхъ этой кампаніи. Черезъ годъ онъ сопровождалъ Ваца Переиру въ Софалу; затѣмъ мы встрѣчаемъ его съ Альбукеркомъ на Малабарскомъ берегу при взятіи Малакки, гдѣ онъ велъ себя съ такимъ же благоразуміемъ, какъ и мужествомъ. Онъ принималъ участіе въ экспедиціяхъ, снаряженныхъ около 1510 года Альбукеркомъ для разысканія знаменитыхъ острововъ пряностей и состоявшихъ

подъ начальствомъ Антонія Абрё и Франциска Серрао (Antonio de Abreu, Francisco Serrão), открывшихъ острова Банду, Амбоинъ, Тернатъ и Тидоръ. Тогда же Магелланъ приставалъ къ островамъ Меланезіи, отдаленнымъ на 600 лье отъ Малакки, и успѣлъ собрать о Молукскомъ архипелагѣ обстоятельныя свѣдѣнія, зародившія тогда же въ его умѣ мысль о путешествіи, которое онъ осуществилъ позднѣе.

Возвратившись въ Португалію, Магелланъ, хотя не безъ труда, добился разрѣшенія рыться въ архивахъ. Вскорѣ онъ узналъ съ достовѣрностью, что Молукскіе острова лежатъ въ полушаріи, отдѣленномъ для Испаніи буллою разграниченій, установленной въ Тордезилласѣ королями испанскимъ и португальскимъ и утвержденной въ 1494 году папою Александромъ VI.

По праву этого разграниченія, давшаго поводъ къ горячимъ спорамъ, всѣ страны, лежащія на протяженіи трехсотшестидесяти миль на западъ отъ меридіана Зеленаго мыса, принадлежали Испаніи, а всѣ—на востокъ отъ того же меридіана—Португаліи.

Магелланъ былъ одаренъ слишкомъ дѣятельною натурой, чтобы оставаться долго внѣ служебныхъ дѣлъ. Онъ отправился воевать въ Африку и въ марокскомъ городѣ Азаморѣ получилъ въ колѣно легкую рану, которая, однако, сдѣлала его хромымъ на всю жизнь и заставила вернуться въ Португалію. Понимая, что, въ связи съ обширностью его теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній, служба должна была давать ему нѣкоторыя преимущества надъ толпою обыкновенныхъ придворныхъ куртизановъ, Магелланъ отнесся чувствительнѣе другихъ къ обидному пріему короля Эммануила, вызваннаго на это жалобами жителей Азамора на португальскихъ офицеровъ. Это предубѣжденіе Эммануила перешло вскорѣ въ немилость; онъ говорилъ, что Магелланъ, чтобы избѣгнуть тяжкихъ обвиненій, притворяется, что страдаетъ отъ раны, отъ которой совсѣмъ излѣчился. Такое подозрѣніе было слишкомъ серьезно для его чести, и онъ предпринялъ крайнее рѣшеніе, соотвѣтствующее силѣ обиды. Чтобы избавиться отъ дальнѣйшихъ нареканій, онъ оффиціально заявилъ, что отказывается отъ правъ португальскаго гражданина, мѣняетъ національность и натурализуется въ Испаніи. Это значило, что отнынѣ онъ объявляетъ себя со всею торжественностью подданнымъ Кастильской короны, которой онъ посвятитъ



Берега рѣки Rio-Napo.

свои силы и всю свою жизнь. Нужно думать, что это тяжелое рѣшеніе далось ему нелегко, и никто не осуждалъ его за него; даже такіе историки, какъ Барросъ (Barros) и Фаріа-и-Суза (Faria y Sousa), не могли обвинить его.

Въ то же время человѣкъ, обладающій обширными свѣдѣніями по космографіи, нѣкто Рюи Фалейро (Ruy Faleiro), также подпавшій подъ немилость Эммануила, покинулъ Лиссабонъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Франциско и съ однимъ купцомъ по

имени Христовамъ де-Гаро (Christovam de-Haro). Онъ заключилъ съ Магелланомъ товарищескій договоръ для достиженія Молукскихъ острововъ „новымъ путемъ", который яснѣе не обозначался и составлялъ тайну Магеллана. Какъ только они прибыли въ Испанію (1517), оба союзника представили свой проектъ Карлу V, который одобрилъ его въ принципѣ. Но вопросъ коснулся самой щекотливой стороны дѣла, именно средствъ для осуществленія предпріятія. Къ счастью, Магелланъ столкнулся съ Жуаномъ Арандой (Juan de-Aranda), торговымъ комиссіонеромъ, и встрѣтилъ въ немъ горячаго поклонника его теорій, обѣщавшаго ему пустить въ дѣло всѣ свои средства, чтобы добиться удачи. Для этого онъ явился къ великому канцлеру, кардиналу и епископу бургосскому, и сумѣлъ ему съ такимъ искусствомъ изложить всѣ выгоды, какія получитъ Испанія съ открытіемъ дороги, ведущей прямо въ центръ страны пряностей, и громадный отсюда убытокъ для португальской торговли, что 22-го марта 1518 года былъ подписанъ договоръ. Король обѣщалъ взять на себя всѣ расходы по предпріятію, съ тѣмъ, однако, что и большая часть выгодъ его должна принадлежать ему.

Но Магеллану пришлось преодолѣть еще не одно затрудненіе, прежде чѣмъ онъ пустился въ море. Такъ, онъ терпѣлъ непріятности отъ португальскаго посланника, Альваро да Коста, дѣлавшаго ему предостереженія и даже, по свидѣтельству Фаріа-и-Суза, пытавшагося убить Магеллана. Затѣмъ онъ встрѣтилъ сильное недоброжелательство со стороны чиновниковъ, служащихъ въ „Casa de-contratacion" въ Севильѣ, возмущавшихся тѣмъ, что иностранцу ввѣрено начальство надъ важной экспедиціей, и завидовавшихъ милости, пожалованной Магеллану и Рюи Фалейро, назначеннымъ командорами ордена св. Якова. Но Карлъ V уже изъявилъ свое согласіе публичнымъ актомъ, который имѣлъ непреложную силу. Была, однако, сдѣлана попытка измѣнить волю короля, для чего былъ организованъ, 22-го октября 1518 года, мятежъ, оплаченный португальскими деньгами. Этотъ мятежъ разразился подъ тѣмъ предлогомъ, что Магелланъ, вытащивъ на берегъ одинъ изъ своихъ кораблей для поправки и окраски, украсилъ будто-бы его португальскими гербами. Но эта постыдная попытка не удалась, и три новыхъ указа, послѣдовавшіе 30 марта, 6-го и 30 апрѣля, опредѣлили составъ эки-

пажа и назначили офицеровъ; наконецъ послѣдній приказъ, данный въ Барцелонѣ 26 іюля 1519 года, утвердилъ Магеллана главнымъ и единственнымъ начальникомъ экспедиціи.

Мы не можемъ сказать съ точностью, что въ это время произошло съ Рюи Фалейро. Стоявшій до сихъ поръ рядомъ съ Магелланомъ, раздѣлявшій больше другихъ мысль объ этомъ проектѣ, онъ былъ вдругъ совершенно исключенъ изъ участія въ начальствованіи экспедиціей. Причины, вызвавшія это, намъ неизвѣстны. Его здоровью, и безъ того расшатанному, былъ нанесенъ сильный ударъ этой обидой, и бѣдный Рюи Фалейро, помѣшавшійся, былъ еще арестованъ, когда отправился къ своему семейству въ Португалію, и получилъ свободу только благодаря заступничеству Карла V.

Наконецъ, принесши присягу въ вѣрности Кастильской коронѣ и заставивъ въ свою очередь присягнуть въ вѣрности своихъ офицеровъ и матросовъ, Магелланъ отплылъ изъ гавани Санъ-Лукаръ де-Барраменда утромъ 10-го августа 1519 года.

Прежде чѣмъ начать разсказъ объ этой достопамятной кампаніи, намъ нужно предпослать нѣсколько словъ тому, кто оставилъ объ этой экспедиціи самый полный отчетъ, т.-е. Франсуа Антуану Пигафеттѣ или Жерому Пигафетту (Francois Antoine Pigafetta или Jérôm Pigaphète), какъ его часто называютъ во Франціи. Родившись въ Виченцѣ около 1491 года и происходя отъ знатнаго рода, Пигафетта состоялъ при посольской свитѣ Франческо Чьерикалько (Chiericalco), посланнаго Львомъ X въ Барселону къ Карлу V. Его вниманіе было, безъ сомнѣнія, поглощено шумомъ, который тогда надѣлали въ Испаніи приготовленія къ экспедиціи, и онъ получилъ разрѣшеніе участвовать въ путешествіи. Этотъ волонтеръ былъ для экспедиціи прекраснымъ пріобрѣтеніемъ, такъ какъ онъ во всѣхъ обстоятельствахъ обнаружилъ въ себѣ какъ умнаго и добросовѣстнаго наблюдателя, такъ и храбраго и вѣрнаго товарища. Онъ былъ раненъ одновременно съ Магелланомъ въ сраженіи при Цебу, и это обстоятельство помѣшало ему впослѣдствіи присутствовать на пиршествѣ, окончившемся смертью для большаго числа его товарищей. Что касается его отчета, то—за исключеніемъ нѣкоторыхъ преувеличеній во вкусѣ того времени—онъ точенъ, и большая часть его описаній была провѣрена впослѣдствіи путешественниками и учеными и между прочимъ Алкидомъ Орбиньи (Alcide d'Orbigny).

При своемъ возвращеніи въ Санъ-Лукаръ 6-го сентября 1522 года, Ломбардъ, какъ его называли на кораблѣ „Victoria“, выполнилъ сперва данный имъ обѣтъ—отправиться босымъ помолиться къ „Nuestra Senora de la Victoria“, и затѣмъ явился къ Карлу V, находившемуся тогда въ Валладолидѣ, и представилъ ему полный „journal“ о путешествіи. Когда онъ прибылъ въ Италію, то по просьбѣ папы Климента VII и великаго магистра Мальтійскаго ордена „Villiers de l'Isle-Adam“ онъ приступилъ, при помощи оригинала и отдѣльныхъ замѣтокъ, къ составленію подробнаго описанія всей экспедиціи, копіи съ котораго были посланы многимъ знатнымъ лицамъ и между прочимъ Луизѣ Савойской, матери Франциска I. Но послѣдняя, будучи не въ состояніи понять—какъ думаетъ Гариссъ—ученаго автора книги „Bibliotheca americana vetustissima“, изложенной Пигафеттой на провинціальномъ нарѣчіи, составлявшемъ смѣсь языковъ итальянскаго, венеціанскаго и испанскаго, поручила нѣкоему Жаку-Антуану Фабру перевести это сочиненіе на французскій языкъ. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать точный переводъ, Фабръ сдѣлалъ какое-то извлеченіе. Нѣкоторые критики предполагаютъ, впрочемъ, что разсказъ этотъ не переведенъ, а составляетъ оригинальную работу; они ссылаются въ подтвержденіе этого на существованіе трехъ французскихъ манускриптовъ XVI вѣка, представляющихъ различныя варіаціи того-же текста; два изъ этихъ манускриптовъ хранятся въ Парижской Національной библіотекѣ.

Пигафетта умеръ около 1534 года въ Виченцѣ, въ домѣ, который еще можно было видѣть въ 1800 году, на Лунной улицѣ, и на которомъ красовался общеизвѣстный девизъ: „Нѣтъ розы безъ шиповъ“.

Мы однако не ограничились сочиненіемъ Пигафетты; мы его провѣрили и дополнили сочиненіемъ секретаря Карла V, Максимиліана Трансильванскаго, воспользовавшись его итальянскимъ переводомъ.

Флотъ Магеланна состоялъ изъ „Trinidad'a“, въ 120 тоннъ, на которомъ развѣвался флагъ начальника экспедиціи; „Sant-Antonio“, также въ 120 тоннъ, подъ начальствомъ Жуана Картагенскаго (Juan de-Carthagena); изъ „Conception'a“, въ 90 тоннъ, подъ начальствомъ Гаспара Квезады (Gaspar de-Quesada); изъ знаменитой „Victoria“, въ 85 тоннъ, подъ начальствомъ Луиза Мендозы (Luis de-Mendosa) и, наконецъ, изъ „Santiago“, въ 75

тоннъ, подъ начальствомъ Жоао Серрао (Joao Serrao), котораго испанцы называли Серрано (Serrano).

Четверо изъ капитановъ и почти всѣ кормчіе были португальцы. Барбоза (Barbosa) и Гомесъ (Gomes) на „Trinidad'ѣ", Луизъ Альфонсо де-Гоесъ (Luis Alfonso de-Goes) и Васко Галлего (Vasco Gallego) на „Victoria", Серрао (Serrao), Жоао Лопесъ де-Карвальо (Joao Lopes de-Carvalho) на „Conception'ѣ", Жоао Родригецъ Мефрапиль (Joao Rodriguez de-Moefrapil) на „Sant-Antonio" и Жоао Серрао на „Santiago" вмѣстѣ съ двадцатью пятью матросами составляли итогъ въ тридцать три португальца на общее число экипажа въ двѣсти тридцать семь человѣкъ, имена которыхъ, и между ними большое число французскихъ, дошли до насъ.

Между выше поименованными офицерами, Дуарте Барбоза былъ двоюродный братъ Магеллана, а Эставамъ Гомесъ, посланный много позднѣе Карломъ V на поиски сѣверозападнаго пути и проѣхавшій въ 1524 году вдоль береговъ Америки отъ Флориды до Родъ-Исленда, а можетъ быть и до мыса Кодъ, возвратился въ Севилью 6 мая 1521 года, не участвуя до конца въ достопамятной экспедиціи.

Эта экспедиція, для которой были соединены всѣ средства, добытыя въ то время наукой мореплаванія, была организована превосходно. Въ минуту отъѣзда Магелланъ передалъ своимъ кормчимъ и капитанамъ послѣднія инструкціи, также и сигналы, назначенные для обезпеченія одновременнаго дѣйствія и для предупрежденія возможнаго разсѣянія.

Въ понедѣльникъ утромъ 10-го августа 1519 года флотъ снялся съ якоря и спустился по Гвадалквивиру до Санъ-Лукаръ де-Баррамеды, гавани въ Севильѣ, и тамъ докончилъ сборы. 20-го сентября флотъ пустился въ море. Спустя шесть дней, онъ былъ уже у Канарскихъ острововъ и присталъ къ Тенерифу, гдѣ запасся водою и дровами. Едва флотъ отплылъ отъ этихъ острововъ, какъ между Магелланомъ и Жуаномъ Картагенскимъ проявились первыя несогласія, отозвавшіяся впослѣдствіи гибельно на всей экспедиціи. Жуанъ Картагенскій настаивалъ на томъ, чтобы начальникъ объявилъ путь, по которому онъ намѣренъ слѣдовать; но эта претензія была отвергнута Магелланомъ, объявившимъ, что онъ не обязанъ давать отчета своему подчиненному.

Флотъ прошелъ между островами Зеленаго мыса и Африкой и достигъ Сіерры-Леона, гдѣ противные вѣтры, смѣнявшіеся затишьемъ, задержали его на двадцать дней.

Здѣсь произошло прискорбное событіе. Во время одного совѣщанія, происходившаго на адмиральскомъ кораблѣ, поднялся горячій споръ, и Жанъ Картагенскій, вообще выказывавшій къ начальнику пренебреженіе, отвѣтилъ ему на этотъ разъ съ такимъ высокомѣріемъ и нахальствомъ, что Магелланъ былъ вынужденъ арестовать его и наложилъ ему на ноги колодки, которыя составлялись изъ двухъ кусковъ дерева, сложенныхъ другъ на друга и имѣвшихъ посрединѣ отверстіе, куда продѣвались ноги матроса, присужденнаго къ наказанію. Противъ такого унизительнаго наказанія высшаго офицера протестовали остальные капитаны и добились отъ Магеллана того, что онъ согласился подвергнуть его простому аресту подъ охраной одного изъ нихъ.

Послѣ затишья наступили дожди, вихри и шквалы, заставившіе суда лечь въ дрейфъ. Во время этихъ бурь мореплаватели были свидѣтелями электрическихъ явленій, которыхъ не умѣли объяснить и которыя были сочтены за хорошія предзнаменованія. И теперь еще ихъ называютъ огнемъ св. Эльма. Едва прошли линію экватора,—этотъ переѣздъ не сопровождался въ то время шуточною церемоніею крещенія, удержавшеюся до нашихъ дней, —какъ было взято направленіе къ Бразиліи, и 13-го декабря 1519 года флотъ бросилъ якорь въ великолѣпной гавани Санта-Лучіа, извѣстной теперь подъ именемъ Ріо-Жанейро. Впрочемъ эта бухта была посѣщена европейцами не въ первый разъ, какъ это долго полагали. Съ 1511 года она называлась Багіо-до-Кабо-Фріо. Ее посѣтилъ еще за четыре года до Магеллана Перо Лопецъ (Pero Lopez), и кажется, что въ началѣ XVI вѣка ее часто посѣщали діеппскіе моряки, наслѣдовавшіе страсть своихъ предковъ норманновъ къ мореплаванію; они объѣхали весь свѣтъ и основали постепенно всюду свои факторіи.

Здѣсь за куски зеркала, ленты, ножницы, бубенчики, крючки и другія побрякушки испанская экспедиція пріобрѣла большое количество провизіи, между которой Пигафетта называетъ ананасы, сахарный тростникъ, бермутскій картофель, куръ и мясо „анты“, вѣроятно то же, что тапиръ.

Свѣдѣнія, сообщаемыя сочиненіемъ о нравахъ жителей, на-



Смерть Пизарро. (Fac-simile съ древней гравюры.)

столько интересны, что мы ихъ передадимъ дословно. „Бразильцы не христіане,—говоритъ авторъ,—но они также и не идолопоклонники, такъ какъ ничему не поклоняются; природный инстинктъ —ихъ единственный законъ.“ Это сообщеніе очень странно со стороны итальянца XVI вѣка, очень склоннаго къ суевѣрію; оно подтверждаетъ еще разъ, что идея божества не прирождена человѣку, какъ это думаютъ нѣкоторые богословы.

„Туземцы здѣсь очень долговѣчны, ходятъ совершенно нагіе, спятъ на хлопчато-бумажныхъ сѣткахъ, повѣшенныхъ двумя концами на двухъ бревнахъ и называемыхъ гамаками. Лодки ихъ, называемыя „canoas“, выдалбливаются изъ древесныхъ стволовъ и вмѣщаютъ въ себѣ до сорока человѣкъ. Они употребляютъ въ пищу человѣческое мясо только въ случаѣ необходимости и то только плѣнниковъ, захваченныхъ при сраженіяхъ. По праздникамъ они одѣваютъ на себя нѣчто въ родѣ камзола, сдѣланнаго изъ перьевъ попугая, сотканныхъ вмѣстѣ такимъ образомъ, что правильныя перья изъ крыльевъ и хвостовъ образуютъ поясъ, придающій туземцамъ странный и смѣшной видъ“. Мы уже имѣли случай сказать, что плащъ изъ перьевъ былъ въ употребленіи на берегу Тихаго океана у перуанцевъ; любопытно отмѣтить, что его также носили и бразильцы. Нѣсколько образцовъ этого страннаго убора можно было видѣть на выставкѣ этнографическаго музея. Это украшеніе было, впрочемъ, не единственное у этихъ дикихъ: они продѣвали еще черезъ отверстія, продѣланныя въ нижней губѣ, маленькіе каменные цилиндры. Этотъ способъ украшенія, встрѣчаемый у многихъ океанскихъ племенъ, можно сравнить съ нашей модой, покровительствующей серьгамъ. Бразильцы были легковѣрны и добры. Поэтому,—говоритъ Пигафетта,—ихъ легко можно было обратить въ христіанство; они присутствовали, храня молчаніе, на обѣднѣ, отслуженной на берегу,—замѣчаніе, сдѣланное уже Альварецомъ Кабралемъ.

Послѣ тринадцатидневной остановки въ этой странѣ, эскадра продолжала вдоль береговъ путь къ югу, и подъ 34°40′ южной широты она достигла страны, гдѣ протекала большая рѣка съ сладкой водой. Это была Ла-Плата. При видѣ кораблей, туземцы испытали такой ужасъ, что стремительно разбѣжались во внутрь страны, захвативъ съ собою все наиболѣе драгоцѣнное. Въ этой же странѣ четыре года тому назадъ Жуанъ Діацъ де-Солисъ былъ умерщвленъ однимъ изъ этихъ племенъ, вооруженныхъ ужаснымъ оружіемъ „bolas“, состоящимъ изъ металлическаго шара, прикрѣпленнаго къ двумъ концамъ кожанаго ремешка, называемаго „lasso“; этотъ снарядъ находится еще и теперь въ употребленіи въ Аргентинской республикѣ у „gauchos“.

Флотилія пристала у порта Дезире, немного ниже Ла-Платскаго лимана, принимавшагося прежде за морской заливъ, вдающійся въ Тихій океанъ. Тамъ была собрана для экипажа всѣхъ

пяти кораблей провизія, состоявшая изъ пингвиновъ, этихъ пернатыхъ, не отличающихся особенною питательностью. Затѣмъ флотъ присталъ въ прекрасной бухтѣ, получившей названіе Сенъ-Жюльенъ. Тамъ Магелланъ рѣшилъ зимовать.

Уже два мѣсяца пребывали испанцы на этомъ берегу, когда въ одинъ день они увидѣли человѣка, показавшагося имъ гигантскаго роста. При видѣ ихъ онъ пустился плясать и пѣть, бросая себѣ на голову землю. Это былъ патагонецъ. Согласившись безъ всякаго упорства взойти на корабль, онъ выразилъ живое удивленіе передъ всѣмъ, что его окружало; но ничто его такъ не поразило, какъ большое металлическое зеркало, къ которому его подвели. „Гигантъ, не имѣвшій объ этой мебели ни малѣйшаго представленія и увидѣвшій, безъ сомнѣнія, въ первый разъ свою фигуру, былъ такъ испуганъ, что упалъ на землю, сваливъ при этомъ четырехъ людей, стоявшихъ за нимъ“. Его одарили и спустили на землю. Хорошій пріемъ ободрилъ его соотечественниковъ, явившихся на корабль въ числѣ восемнадцати человѣкъ, изъ которыхъ тринадцать было женщинъ и пять мужчинъ. Рослые, широколицые, съ краснымъ цвѣтомъ кожи, за исключеніемъ желтой каймы вокругъ глазъ, съ волосами, выбѣленными известью, они драпировались въ громадныя мѣховыя мантіи и обувались въ широкую кожаную обувь, благодаря которой они были названы патагонцами (большеногіе). Роста они были, однако, не такого гигантскаго, какъ это показалось нашему простодушному разсказчику, такъ какъ онъ колеблется между 1^{м},92 и 1^{м},72, что во всякомъ случаѣ выше средняго роста европейцевъ. Ихъ оружіе состояло изъ короткаго массивнаго лука и тростниковыхъ стрѣлъ, снабженныхъ на концахъ острыми кремнями.

Желая препроводить двоихъ изъ этихъ дикарей въ Европу, капитанъ пустилъ въ дѣло лукавство, которое мы назвали бы теперь гнуснымъ, но въ которомъ не было ничего возмутительнаго въ XVI вѣкѣ, когда на негровъ и индѣйцевъ смотрѣли всюду какъ на животныхъ. Онъ нагрузилъ ихъ подарками и, когда они уже не могли ничего захватить, предложилъ каждому изъ нихъ по желѣзному кольцу, служащему для оковъ. Цѣня желѣзо выше всего, они очень желали взять предложенное, но руки ихъ были заняты. Тогда имъ посовѣтовали одѣть кольца на ноги, на что они согласились безъ малѣйшаго недовѣрія. Матросы заперли кольца, и дикари очутились въ плѣну. Ничто

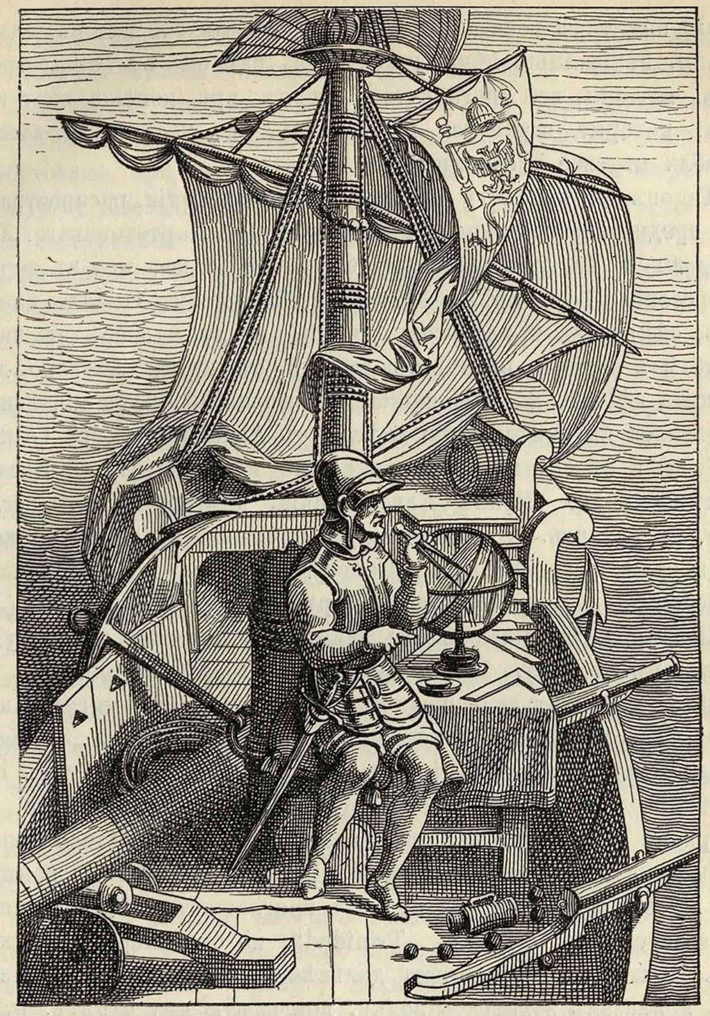
не можетъ дать понятіе о той ярости, которую они выражали, когда поняли этотъ маневръ, болѣе достойный дикихъ, чѣмъ цивилизованныхъ людей. Была сдѣлана тщетная попытка захватить еще нѣсколько дикихъ. При этой охотѣ одинъ испанецъ былъ раненъ отравленной стрѣлой, причинившей ему почти моментальную смерть. Будучи ловкими охотниками, эти народы проводятъ постоянно время въ преслѣдованіи гуанако и другой дичи; они обладаютъ такою прожорливостью, что „то, что хватало на пищу двадцати матросамъ, могло едва насытить семерыхъ или восьмерыхъ изъ нихъ".

Предвидя, что стоянка будетъ продолжительная, и принимая во вниманіе, что страна представляетъ очень мало жизненныхъ припасовъ, Магелланъ приказалъ обращаться съ провизіей экономно и выдавать людямъ раціоны, дабы можно было дождаться весны безъ особенныхъ лишеній и быть въ состояніи добраться до болѣе богатой мѣстности.

Но испанцы, недовольные безплодностью страны, продолжительностью и суровостью зимы, начали роптать. Эта земля, говорили они, тянется къ югу до самаго полюса; вовсе не замѣтно, чтобы тамъ былъ какой-нибудь проливъ; многіе уже погибли отъ продолжительныхъ лишеній; да и давно пора возвратиться въ Испанію, если только начальникъ стремится не къ тому, чтобы всѣ погибли въ этихъ мѣстахъ.

Магелланъ, твердо рѣшившись или умереть, или довести до благополучнаго конца ввѣренное ему предпріятіе,—отвѣчалъ, что король самъ опредѣлилъ курсъ путешествія, и что онъ ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ и не хочетъ измѣнить его; онъ пойдетъ впередъ до конца этой земли или пока не встрѣтитъ какого-нибудь пролива. Что касается до съѣстныхъ припасовъ, то если они находятъ, что ихъ недостаточно, пусть добавляютъ къ своимъ порціямъ все, что добудутъ охотой или рыбной ловлей. Магелланъ ожидалъ, что твердо выраженное имъ рѣшеніе заставитъ молчать недовольныхъ и что онъ не услышитъ больше разговоровъ по поводу лишеній, отъ которыхъ онъ страдалъ такъ же, какъ и люди его экипажа. Но онъ жестоко ошибся. Нѣкоторые капитаны и Жуанъ Картагенскій въ особенности были заинтересованы возбужденіемъ мятежа.

Бунтовщики начали съ того, что возбуждали въ испанцахъ ихъ старую ненависть къ португальцамъ. Такъ какъ главный



Магелланъ на своей каравеллѣ. (Fac-simile съ древней гравюры).

капитанъ принадлежитъ къ числу послѣднихъ, то онъ, говорили они, никогда не можетъ быть искренно преданъ испанскому знамени. Чтобы имѣть возможность возвратиться въ отечество и заставить забыть тамъ его вины, онъ хочетъ совершить блестящее злодѣяніе, и, конечно, ничто не будетъ такъ выгодно для Португаліи, какъ уничтоженіе этой прекрасной флотиліи. Вмѣсто того, чтобы вести ихъ въ Молукскій архипелагъ, богатство ко-

тораго онъ такъ восхвалялъ, онъ хочетъ завлечь ихъ въ ледяныя страны, въ жилище вѣчныхъ снѣговъ, гдѣ онъ сумѣетъ устроить такъ, что они всѣ погибнутъ; затѣмъ при помощи португальцевъ, которые останутся на эскадрѣ, онъ увезетъ захваченные корабли въ свое отечество.

Таковъ былъ ропотъ и таковы были обвиненія, распространенныя среди матросовъ приверженцами Жуана Картагенскаго, Луиза Мендозы и Гаспара Квезады. Случилось такъ, что въ вербное воскресенье, 1-го апрѣля 1520 года, Магелланъ созвалъ капитановъ, офицеровъ и матросовъ, чтобы выслушать обѣдню на его кораблѣ и затѣмъ пообѣдать вмѣстѣ съ нимъ. Альваро де-ла Мескита (Alvaro de-la-Mesquita), двоюродный братъ начальника, отправился на приглашеніе вмѣстѣ съ Антоніо де-Кока (Antonio de-Coca) и съ своими офицерами; но ни Мендоза, ни Квезада, ни тѣмъ болѣе Жуанъ Картагенскій, плѣнникъ этого послѣдняго, не явились. Въ слѣдующую ночь они въ числѣ тридцати человѣкъ перебрались съ „Concepcion'а" на „Sant-Antonio" и потребовали выдачи Мескиты. Кормчій, Жуанъ Эліоррага (Juan de-Eliorraga), защищая своего капитана, получилъ четыре удара кинжаломъ въ руку. Въ то-же время Квезада вскрикнулъ: „Вы увидите, что этотъ сумасшедшій помѣшаетъ намъ выиграть наше дѣло". Три корабля—„Concepcion", „Sant-Antonio" и „Santiago" попали безъ сопротивленія въ руки бунтовщиковъ, такъ какъ послѣдніе нашли тамъ не одного своего соумышленника. Несмотря на этотъ успѣхъ, три капитана не осмѣлились напасть открыто на главнокомандующаго и послали ему условія примиренія. Магелланъ отвѣтилъ, что онъ приглашаетъ ихъ явиться для переговоровъ на корабль „Trinidad"; но они энергично отказались. Признавая безполезною дальнѣйшую осторожность, Магелланъ приказалъ захватить лодку, привезшую ему отвѣтъ, и, выбравъ среди своего экипажа шесть самыхъ благонадежныхъ и рѣшительныхъ человѣкъ, онъ отправилъ ихъ на корабль „Victoria" подъ командою алгвазила Эспинозы. Послѣдній вручилъ Мендозѣ письмо отъ Магеллана, повелѣвавшее ему явиться на бортъ „Trinidad'а", и такъ какъ Мендоза насмѣшливо улыбался въ отвѣтъ, то онъ ударилъ его мечомъ въ горло, въ то время какъ одинъ изъ матросовъ ударилъ его кортикомъ по головѣ. Пока это происходило на кораблѣ, другая лодка съ пятнадцатью вооруженными людьми успѣла тоже подойти къ „Victoria" и

легко завладѣла ею, такъ какъ захваченные врасплохъ матросы не выказали никакого сопротивленія. На слѣдующій день, 3-го апрѣля, другіе два возмутившіеся корабля были также взяты, хотя дѣло не обошлось безъ кровопролитія. Тѣло Мендозы было четвертовано, при чемъ аудиторъ громко читалъ приговоръ. Три дня спустя Квезада былъ обезглавленъ, и его же слуга, для спасенія собственной жизни, долженъ былъ изрѣзать тѣло казненнаго на куски. Что касается Жуана Картагенскаго, то высокое положеніе его въ экспедиціи, дарованное ему королевскимъ указомъ, спасало его отъ смерти. Какъ и капеллана Гомеца де-ла-Рейна (Gomez de-la-Reina), его бросили на берегу, гдѣ спустя нѣсколько мѣсяцевъ его нашелъ Эстевамъ Гомецъ. Сорокъ матросовъ, виновныхъ въ возмущеніи, были прощены, такъ какъ экспедиція нуждалась въ ихъ службѣ. Послѣ такого суроваго укрощенія, Магелланъ могъ надѣяться, что мятежный духъ окончательно уничтоженъ.

Едва температура сдѣлалась нѣсколько мягче, якоря были подняты; 24-го августа эскадра пустилась въ море, продолжая плыть вдоль берега и тщательно изслѣдуя всѣ заливы въ надеждѣ найти желанный проливъ. На высотѣ мыса Святого Креста одинъ изъ кораблей, „Santiago“, во время жестокаго восточнаго шквала, разбился о скалы. Къ счастью, люди и грузъ были спасены, такъ же какъ и снасти, и всѣ снаряды, которые были затѣмъ распредѣлены между четырьмя кораблями.

Наконецъ, 21-го октября, по Пигафетту, или 27-го ноября, по Максимиліану Трансильванскому, флотилія проникла черезъ узкій каналъ въ заливъ, который дальше расширялся въ проливъ, соединяющійся, какъ это скоро обнаружилось, съ Южнымъ моремъ. Сначала этому проливу дали имя „Onze milles Vierges“, такъ какъ въ этотъ день праздновалась ихъ память. Съ каждой стороны этого пролива поднимались возвышенности, покрытыя снѣгами; ночью всюду, особенно съ лѣвой стороны, свѣтились огни. Съ туземцами, однако, не входили ни въ какія сношенія. Подробности, данныя намъ Пигафеттой и Мартиномъ Трансильванскимъ, о топографическомъ и гидрографическомъ положеніи пролива,—довольно неточны. Мы, впрочемъ, будемъ еще имѣть случай вернуться къ нимъ при описаніи экспедиціи Бугенвилля (Bougainville). Поэтому будемъ продолжать разсказъ. Послѣ двадцатидвухдневнаго плаванія по цѣлому ряду каналовъ и за-

ливовъ, то суживающихся до одного лье, то расширяющихся до четырехъ и простирающихся на четыреста сорокъ миль въ длину, флотъ прошелъ, наконецъ, весь проливъ, получившій имя Магелланова пролива, и очутился въ огромномъ и глубокомъ морѣ.

Можно себѣ представить всеобщую радость, когда цѣль была, наконецъ, достигнута послѣ столькихъ усилій. Отнынѣ дорога была открыта, и ожиданія Магеллана сбылись.

Ничто не можетъ быть изумительнѣе этого плаванія Магеллана по океану, который онъ назвалъ Тихимъ, вслѣдствіе того, что въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ ни разу не встрѣтилъ бури. Лишенія, испытанныя экипажемъ во время этого длиннаго перехода, были ужасны. Отъ сухарей оставалась одна пыль, смѣшанная съ червями; испорченная вода издавала невыносимый запахъ. Чтобы не умереть голодной смертью, они принуждены были питаться мышами, ѣсть древесныя опилки и глотать все, что попадалось изъ кожанаго. Какъ и нужно было ожидать, цынга при такихъ обстоятельствахъ не замедлила появиться между экипажемъ. Девятнадцать человѣкъ умерло, около тридцати страдало очень долго отъ невыносимой боли въ рукахъ и въ ногахъ. Проплывъ болѣе чѣмъ четыре тысячи лье и не встрѣтивъ ни одного острова въ морѣ, гдѣ имъ должно бы попадаться столько населенныхъ архипелаговъ, они, наконецъ, наткнулись на два пустынныхъ и безплодныхъ острова, названныхъ Несчастными, положеніе которыхъ опредѣлено такъ противорѣчиво, что мы затрудняемся ихъ указать.

Подъ 12° сѣверной широты и 146° долготы, въ среду, 9 марта, мореплаватели открыли три острова, на которыхъ они очень желали высадиться, чтобы запастись провизіей; но явившіеся на корабли островитяне похитили столько вещей—и въ этомъ никакъ нельзя было имъ воспрепятствовать, что отъ этой мысли пришлось отказаться. Они нашли даже возможнымъ украсть шлюпку. Возмущенный такою наглостью, Магелланъ спустился съ сорока вооруженными матросами, сжегъ нѣсколько хижинъ и лодокъ и убилъ семь человѣкъ. У этихъ островитянъ не было ни предводителя, ни короля, ни религіи. Они покрывали голову пальмовыми шляпами и отпускали волосы на головѣ и на бородѣ до пояса. Имѣя желтоватый цвѣтъ лица, они думали, что украшаютъ себя, выкрашивая зубы въ черный и красный цвѣтъ; тѣла свои они смазывали кокосовымъ масломъ, безъ

сомнѣнія, затѣмъ, чтобы защитить себя отъ солнечнаго зноя. Очень смышленые вообще, островитяне имѣли особенную склонность къ воровству, что и заставило назвать ихъ острова „Разбойничьими островами“.

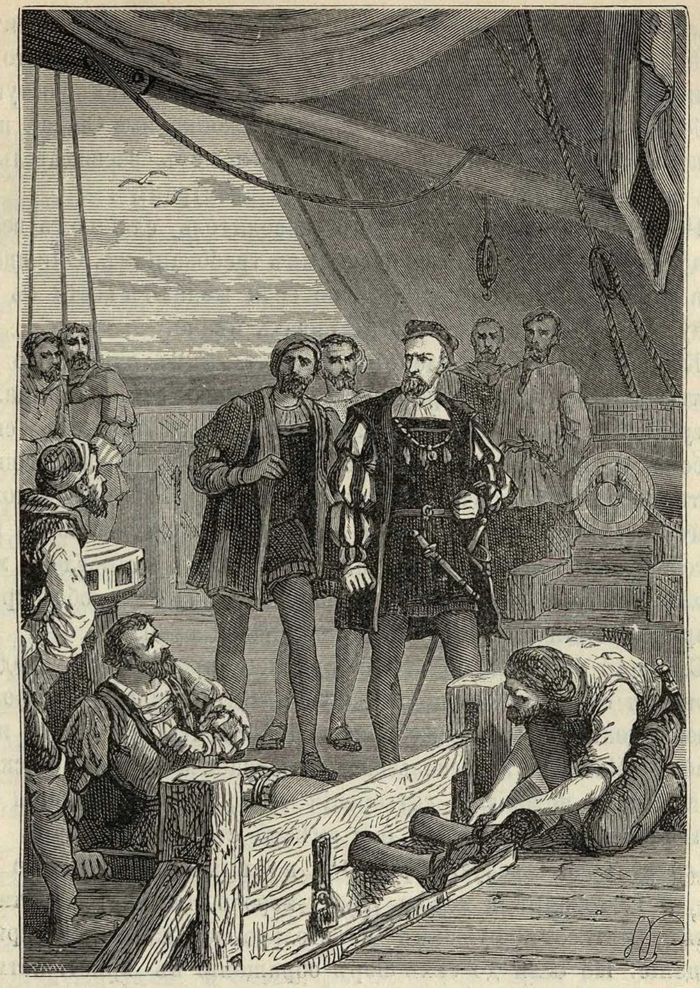
16-го марта, въ разстояніи трехсотъ лье отъ Разбойничьихъ островов, была открыта возвышенная земля, оказавшаяся вскорѣ островомъ, извѣстнымъ теперь подъ именемъ острова Самаръ. Магелланъ рѣшилъ устроить отдыхъ уставшему экипажу и раскинулъ на берегу двѣ палатки для больныхъ. Вскорѣ явились туземцы, неся съ собой бананы, пальмовое вино, кокосы и рыбу. Имъ предложили взамѣнъ зеркала, гребешки, бубенчики и другія бездѣлушки. Неоцѣнимое кокосовое дерево давало туземцамъ хлѣбъ, вино, масло, уксусъ, къ этому они изъ него же приготовляютъ себѣ одежды и добываютъ необходимый для построекъ лѣсъ. Освоившись съ испанцами, туземцы сообщили имъ, что архипелагъ ихъ производитъ корицу, перецъ, мускатный орѣхъ, имбирь, маисъ и можно собирать даже золото. Магелланъ далъ этому архипелагу имя св. Лазаря, измѣненное впослѣдствіи въ Филиппинскіе острова, по имени Филиппа Австрійскаго, сына Карла V.

Этотъ архипелагъ состоитъ изъ множества островов, заключающихся между 5°32′ и 19°38′ сѣверной широты и между 114°56′ и 123°43′ восточной долготы по Парижскому меридіану. Главнѣйшіе изъ этихъ островов суть: Люсонъ, Миндоро, Лейтъ, Цейлонъ де-Пигафетта, Самаръ, Панай, Негросъ, Цебу, Бойолъ, Палаванъ и Минданао.

Отдохнувши, испанцы пустились въ море съ цѣлью изслѣдовать архипелагъ. Они разсмотрѣли послѣдовательно острова Ценало, Гуинауганъ, Ибюссонъ, Абаріенъ и островъ Массаву, гдѣ король Коламбу могъ разговаривать съ ними черезъ посредство раба родомъ изъ Суматры, привезеннаго Магелланомъ много раньше изъ Индіи въ Европу. Своимъ знаніемъ малайскаго языка онъ оказалъ теперь большія услуги. Король явился на корабль въ сопровожденіи шести или восьми приближенныхъ. Онъ принесъ главному капитану нѣсколько подарковъ, взамѣнъ которыхъ получилъ камзолъ изъ краснаго сукна, скроенный по-турецки и шапку ярко краснаго цвѣта; приближеннымъ его были розданы ножи и зеркала. Ему показали огнестрѣльное оружіе и пушки, нѣсколько выстрѣловъ изъ которыхъ очень его испугали. „За-

тѣмъ Магелланъ,—говоритъ Пигафетта,—приказалъ одному изъ насъ одѣться въ полное вооруженіе, а другіе три человѣка должны были наносить одѣвшемуся удары шпагой и кинжаломъ; это дѣлалось для того, чтобы показать королю, что ничто не можетъ ранить человѣка, вооружившагося такимъ образомъ. Король былъ очень пораженъ, и черезъ переводчика сказалъ капитану, что человѣкъ, такимъ образомъ вооруженный, можетъ бороться одинъ противъ ста.—„Да, — отвѣтилъ переводчикъ отъ имени начальника,—и каждый изъ трехъ кораблей имѣетъ по двѣсти такихъ вооруженныхъ людей“. Король, полный изумленія, простился вскорѣ съ капитаномъ, при чемъ просилъ его отпустить съ нимъ двухъ своихъ людей, чтобы показать имъ нѣкоторыя особенности острова. Назначенный для этого Пигафетта могъ только хвалить оказанный ему пріемъ. Король сказалъ ему, что онъ находитъ на своемъ островѣ куски золота величиною въ орѣхъ и даже въ яйцо; это золото попадается въ смѣси съ землею, которую просѣеваютъ сквозь рѣшета, чтобы очистить отъ нея металлъ; всѣ чаши и даже нѣкоторая домашняя утварь сдѣланы у него изъ золота. Онъ былъ одѣтъ, по обычаю страны, очень опрятно, и это былъ самый красивый человѣкъ изъ всѣхъ видѣнныхъ мною среди этихъ народовъ. Черные волосы ниспадали у него на плечи; шелковое покрывало охватывало его голову и въ каждомъ ухѣ было у него по кольцу. Отъ пояса до колѣнъ онъ былъ покрытъ хлопчатобумажною тканью, вышитою шелкомъ. На каждомъ изъ его зубовъ видны были три золотыя полоски, что походило на то, будто его зубы связывались между собою этимъ металломъ. Онъ былъ надушенъ стираксой и бензое. Его кожа желтаго цвѣта была вся расписана“.

Въ день Воскресенія Христова экипажъ былъ спущенъ на берегъ, чтобы отслужить обѣдню, для чего было сооружено изъ парусовъ и деревьевъ нѣчто въ родѣ маленькой церкви. Былъ устроенъ алтарь, и пока продолжалась религіозная церемонія, король съ большимъ количествомъ народа глядѣлъ молча, при чемъ подражалъ всѣмъ движеніямъ испанцевъ. Вскорѣ на одномъ холмѣ былъ поставленъ съ большою пышностью крестъ и затѣмъ флотъ поднялъ якорь, намѣреваясь достигнуть острова Цебу, одного изъ болѣе удобныхъ для снабженія кораблей съѣстными припасами и для торговли. Туда прибыли въ воскресенье, 7-го апрѣля. Магелланъ тотчасъ-же спустилъ на берегъ вмѣстѣ съ



Магелланъ вынужденъ былъ наложить Жуану Картагенскому колодки.

переводчикомъ одного изъ своихъ офицеровъ, въ качествѣ посла къ королю острова Цебу. Посланный заявилъ, что начальникъ эскадры состоитъ на службѣ у величайшаго короля на землѣ. „Цѣль путешествія,—прибавилъ онъ,—состоитъ въ томъ, чтобы побывать на Молукскихъ островахъ и чтобы сдѣлать ему визитъ и въ то же время обмѣнять товары на нѣкоторое количество съѣстныхъ припасовъ; таковы причины, приведшія ихъ въ страну, въ которую они вступаютъ, какъ друзья".

„Добро пожаловать,—отвѣчалъ король,—но если они имѣютъ намѣреніе торговать, они должны уплатить пошлины, которымъ подчинены всѣ суда, приходящія въ мой портъ; такъ поступила, не болѣе четырехъ дней тому назадъ, джонка изъ Сіама, пріѣзжавшая за золотомъ и рабами, о чемъ можетъ засвидѣтельствовать мавританскій купецъ, оставшійся въ странѣ“.

Испанецъ возразилъ, что его повелитель слишкомъ великій монархъ, чтобы подчиняться подобнымъ требованіямъ. Они явились сюда съ мирными намѣреніями, но если желаютъ вести съ ними войну, тогда они будутъ разговаривать иначе.

Король Цебу, увѣдомленный мавританскимъ купцомъ о могуществѣ тѣхъ, кто ему представлялся и кого онъ принималъ за португальцевъ, согласился, наконецъ, отказаться отъ своихъ требованій. Послѣ этого, король Массава, пожелавшій сопровождать испанцевъ, какъ проводникъ, такъ измѣнилъ расположеніе своего собрата, что испанцы получили исключительное право торговли на островѣ и истинная дружба была установлена между королемъ Цебу и Магелланомъ, обмѣнявшимися между собою кровью, которую каждый извлекъ изъ своей правой руки.

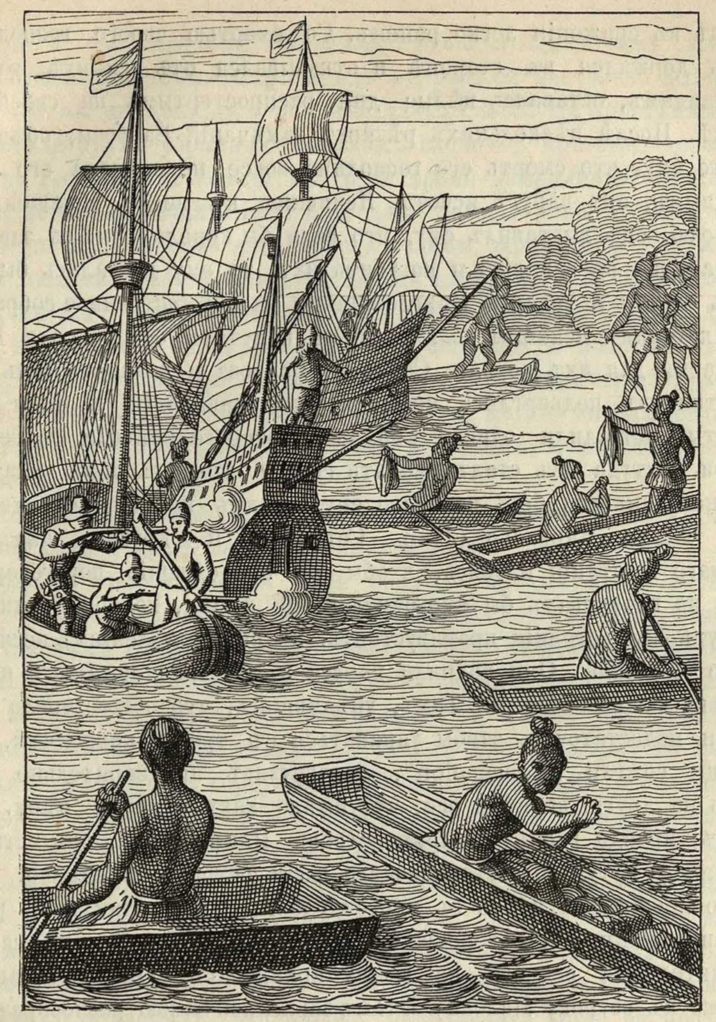
Съ этого времени съѣстные припасы приносились щедро и отношенія стали чрезвычайно радушными. Племянникъ короля въ сопровожденіи большой свиты явился посѣтить Магеллана на его кораблѣ. Магелланъ воспользовался случаемъ, чтобы разсказать ему чудесную исторію о сотвореніи міра, объ искупленіи человѣка и затѣмъ предложилъ ему вмѣстѣ съ его народомъ обратиться въ христіанскую вѣру. Они не выказали никакого упорства, и 14-го апрѣля король Цебу, король Массава, мавританскій купецъ, пятьсотъ мужчинъ и столько-же женщинъ приняли крещеніе. Но если до сихъ поръ обращеніе въ христіанство совершалось индѣйцами изъ одного подражанія,—такъ какъ нельзя же въ самомъ дѣлѣ думать, что они понимали религію, въ которую переходили, и проникались ея ученіемъ,—теперь, послѣ одного чудеснаго исцѣленія, совершеннаго Магелланомъ, это обращеніе приняло характеръ какой то ярости. Узнавъ, что отецъ короля боленъ уже цѣлые два мѣсяца и лежитъ при смерти, Магелланъ обѣщалъ ему выздоровленіе въ томъ случаѣ, если онъ согласится принять крещеніе и если индѣйцы сожгутъ своихъ идоловъ. „Онъ прибавилъ, что онъ такъ убѣжденъ въ своихъ словахъ,—говоритъ Пигафетта,—подобныя мѣста интереснѣе при-

водить прямо въ текстѣ,—что готовъ отдать голову на отсѣченіе, если не исполнится немедленно то, что онъ обѣщаетъ. Съ большою торжественностью отправились мы съ мѣста, на которомъ находились, къ дому больного, котораго дѣйствительно нашли въ такомъ грустномъ состояніи, что онъ не могъ ни говорить, ни двигаться. Мы его окрестили вмѣстѣ съ двумя его женами и съ десятью дочерьми. Сейчасъ послѣ крещенія капитанъ спросилъ его, какъ онъ себя чувствуетъ, и тотъ неожиданно отвѣтилъ, что благодаря Господу Богу ему лучше. Мы всѣ были свидѣтелями этого чуда. Капитанъ горячо возблагодарилъ Бога. Онъ далъ князю прохладительный напитокъ и продолжалъ ему посылать его до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно не выздоровѣлъ. На пятый день больной до того оправился, что всталъ. Первою его заботою было сжечь въ присутствіи короля и всего народа идола, къ которому онъ имѣлъ особенное почтеніе и котораго съ тщательною заботливостью оберегали въ его домѣ нѣсколько женщинъ. Затѣмъ онъ приказалъ разрушить нѣсколько храмовъ, сооруженныхъ на берегу моря, въ которыхъ народъ собирался для поѣданія мяса, посвященнаго прежнимъ божествамъ. Всѣ жители одобряли разрушеніе и сами напрашивались на сверженіе всѣхъ идоловъ, включая и тѣхъ, которые находились въ домѣ короля, при этомъ они не переставали кричать въ честь короля Испаніи: „Да здравствуетъ Кастиллія!“

Около острова Цебу находится другой островъ по имени Матанъ, на которомъ было два начальника; одинъ призналъ власть испанцевъ, другой энергично отказался. Магелланъ рѣшилъ приневолить его. 26-го апрѣля три шлюпки, на которыхъ помѣстилось шестьдесятъ человѣкъ, вооруженныхъ кирасами, касками и мушкетами, и около тридцати „balangais“, на которыхъ находился король Цебу, его зять и множество воиновъ, направились къ острову Матанъ. Дождавшись разсвѣта, испанцы въ числѣ сорока девяти человѣкъ бросились въ воду, такъ какъ, вслѣдствіе скалъ и мелей, шлюпки не могли пристать къ берегу. Болѣе тысячи пятисотъ туземцевъ ждали ихъ и не замедлили броситься на нихъ тремя батальонами, аттаковавъ ихъ спереди и съ фланговъ. Мушкетеры и стрѣлки стрѣляли издали въ непріятельскую толпу, не причиняя имъ особеннаго вреда, такъ какъ воины защищались щитами. Осаждаемые градомъ камней, стрѣлъ, дротиковъ и копій, также подавленные численностью, испанцы

подожгли нѣсколько хижинъ, съ цѣлью разсѣять и устрашить туземцевъ. Но послѣднiе, еще болѣе ожесточенные зрѣлищемъ пожара, удвоили усилiя и нажимали со всѣхъ сторонъ на испанцевъ, выдерживавшихъ все же, хотя съ трудомъ, этотъ натискъ; но несчастный случай рѣшилъ битву. Туземцы скоро замѣтили, что всѣ удары, наносимые ими по защищеннымъ частямъ испанцевъ, оставались безъ послѣдствiй. Тогда они стали направлять стрѣлы и дротики на нижнюю часть тѣла, остававшуюся беззащитной. Раненый въ ногу отравленной стрѣлой, Магелланъ скомандовалъ отступленiе. Оно началось въ порядкѣ, но вскорѣ перешло въ такое отчаянное бѣгство, что возлѣ Магеллана оставалось всего семь или восемь испанцевъ. Сражаясь, они съ большими усилiями продолжали отступленiе въ намѣренiи добраться до шлюпокъ. Уже они были по колѣна въ водѣ, когда нѣсколько островитянъ бросилось одновременно на Магеллана, раненаго въ руку и уже не имѣвшаго возможности владѣть мечомъ; онъ получилъ въ ногу ударъ саблею и упалъ въ воду, гдѣ индѣйцы покончили съ нимъ безъ труда. Его послѣднiе товарищи и между ними Пигафетта успѣли добраться до лодокъ. Такъ погибъ 27-го апрѣля 1521 года знаменитый Магелланъ. „Его украшали всѣ добродѣтели,—говоритъ Пигафетта,—среди самыхъ сильныхъ бѣдствiй онъ обнаруживалъ непоколебимую твердость. На морѣ онъ подвергалъ себя большимъ лишенiямъ, чѣмъ выносилъ весь экипажъ. Знакомый больше всякаго другого съ морскими картами, онъ постигъ въ совершенствѣ искусство мореплаванiя и доказалъ, что, совершивъ путешествiе, на которое никто не отваживался до него,—путешествiе вокругъ свѣта".

Надгробное слово Пигафетты можетъ быть и нѣсколько восторженно, но оно справедливо въ основанiи. Нужна была твердость и непоколебимая энергiя, чтобы, не взирая на страхъ спутниковъ, проникнуть въ страны, которыя суевѣрiе эпохи наполняло фантастическими ужасами. Чтобы открыть на оконечности этого длиннаго берега проливъ, такъ справедливо удержавшiй его имя, Магеллану, нужно было обладать самыми обширными свѣдѣнiями по морскимъ наукамъ. Нужно было ежеминутно удерживать величайшее вниманiе, чтобы безъ точныхъ инструментовъ и среди незнакомыхъ морей избѣгнуть всякаго несчастнаго случая. Если одинъ изъ кораблей погибъ, то скорѣе, чѣмъ неопытности и недостатку осторожности генерала, слѣдуетъ отнести эту вину на



Разбойничьи острова. (Fac-simile съ древней гравюры).

счетъ надменности и мятежнаго духа капитана. Скажемъ вмѣстѣ съ нашимъ восторженнымъ разсказчикомъ: „Слава Магеллана переживетъ его смерть".

Дуарте Барбоза (Duarte Barbosa), двоюродный братъ Магеллана и Жуанъ Серрано были избраны испанцами въ начальники. Ихъ ожидали впереди еще другія бѣдствія.

Рабъ, служившій экспедиціи до сихъ поръ переводчикомъ,

былъ въ сраженіи легко раненъ. Со смертью своего господина, онъ держался въ сторонѣ и отказывался отъ всякихъ услугъ испанцамъ, оставаясь цѣлые дни распростертымъ на своей рогожѣ. Послѣ нѣсколькихъ рѣзкихъ замѣчаній Барбозы, объявившаго ему, что смерть его господина вовсе не сдѣлала его свободнымъ, онъ вдругъ исчезъ. Явившись къ вновь обращенному королю, онъ выставилъ ему, что если бы король сумѣлъ завлечь испанцевъ въ западню и погубить ихъ, то ему достались бы всѣ ихъ запасы и товары. Приглашенные на торжественное собраніе, въ которомъ испанцы должны были получить отъ короля Цебу подарки для ихъ короля, Серанно, Барбоза и двадцать семь ихъ спутниковъ подверглись неожиданному нападенію и были всѣ убиты. Пощадили одного Серанно, котораго привели къ берегу моря. Оттуда онъ сталъ умолять своихъ компаньоновъ уплатить за него выкупъ, безъ котораго ему грозитъ неминуемая смерть. Но Жанъ Карвальо (Jean Carvalho) и другіе, опасаясь общаго возстанія и боясь, чтобы въ продолженіе переговоровъ ихъ не аттаковалъ бы многочисленный флотъ, которому они не будутъ въ состояніи противустоять, не вняли моленіямъ несчастнаго Серанно. Они подняли паруса и достигли лежащаго неподалеку острова Бойола. Тамъ, убѣдившись, что общее число ихъ очень недостаточно, чтобы управиться съ тремя кораблями, испанцы сожгли „Concepcion", перегрузивъ предварительно изъ него на другіе корабли все, что имѣло какую-нибудь цѣну. Затѣмъ, пройдя вдоль береговъ острова Панилонгона, они остановились у Бутуана, составляющаго часть острова Минданао. Это было прекрасное мѣсто съ многочисленными гаванями и съ рыбными рѣками. На сѣверо-западъ отъ него лежитъ Люсонъ, самый значительный островъ на всемъ архипелагѣ. Они приставали также къ острову Палоану и тамъ запаслись самою разнообразною провизіею: свиньями, курами, козами, разныхъ породъ бананами, кокосовыми орѣхами, сахарнымъ тростникомъ и рисомъ. По выраженію Пигафетты, здѣсь они нашли обѣтованную землю. Въ числѣ предметовъ, обратившихъ на себя вниманіе итальянскаго путешественника, были также пѣтухи, которыхъ индѣйцы держатъ ради боя; страсть ихъ къ подобнымъ боямъ держится до сихъ поръ на всемъ Филиппинскомъ архипелагѣ. Отсюда испанцы отправились на островъ Борнео, этотъ центръ малайской цивилизаціи. Съ этихъ поръ они уже имѣютъ дѣло не съ жалкими пле-

менами, а съ народами богатыми, оказывающими имъ всюду великолѣпный пріемъ. Встрѣча ихъ съ раджей настолько интересна, что мы скажемъ объ ней нѣсколько словъ. На пристани они встрѣтили двухъ убранныхъ шелкомъ слоновъ, которые довезли ихъ до губернатора города; въ то же время двѣнадцать человѣкъ несли подарки, назначенные ими для раджи. Отъ губернаторскаго дома до королевскаго дворца улицы охранялись вооруженными людьми. Спустившись съ своихъ слоновъ, они были введены въ залу, наполненную придворными. Эта зала вела въ другую, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, всю обитую золотыми тканями; тамъ стояло триста королевскихъ стражниковъ, вооруженныхъ кинжалами. Въ открытую дверь они могли видѣть раджу, сидящаго за столомъ съ маленькимъ ребенкомъ, жующимъ бетель. Сзади него находились только женщины.

Церемонія требовала, чтобы ихъ просьба прошла послѣдовательно черезъ трехъ знатныхъ придворныхъ, изъ которыхъ послѣдующій долженъ былъ быть знатнѣе предыдущаго, затѣмъ она передавалась черезъ отверстіе, продѣланное въ стѣнѣ, одному изъ главныхъ офицеровъ, а послѣдній уже излагалъ ее королю. Послѣ обмѣна подарками, испанскіе послы были отведены на ихъ корабли съ такою же пышностью, съ какою ихъ привели. Столица построена на сваяхъ на самомъ морѣ; поэтому во время приливовъ женщины, торгующія съѣстными припасами, проѣзжаютъ по городу на баркахъ. 29-го іюля болѣе сотни пирóгъ окружили оба корабля; въ то же время джонки поднимали якоря, чтобы въ свою очередь приблизиться къ нимъ. Опасаясь измѣнническаго нападенія, испанцы желали предупредить его и сдѣлали залпъ изъ всей артиллеріи по пирóгамъ, на которыхъ убили много народу. Король послѣ этого случая извинился передъ ними, при чемъ объяснилъ, что пирóги направились вовсе не противъ нихъ, а противъ язычниковъ, съ которыми мусульмане имѣютъ ежедневныя стычки. Этотъ островъ производитъ аракъ или рисовую водку, камфару, имбирь, апельсины, лимоны, сахарный тростникъ, дыни, редисъ, лукъ и пр. Предметами обмѣна служитъ мѣдь, ртуть, киноварь, стекло, шерстяныя матеріи, полотна и особенно желѣзо и зрительныя стекла. Сюда же относятся фарфоръ и брилліанты, изъ которыхъ иные достигаютъ необыкновенной величины и цѣнности. Изъ животныхъ тамъ водятся слоны, лошади, буйволы, свиньи, козы; много также всякой

домашней птицы. Обращающаяся тамъ монета чеканится изъ бронзы; въ монетахъ просверливаются отверстія для нанизыванія.

Покинувъ Борнео, путешественники искали мѣста, удобнаго для починки кораблей, имѣвшихъ въ этомъ неотложную необходимость. За этой работой испанцы провели не менѣе сорока двухъ дней. „Что меня болѣе всего поразило на этомъ островѣ, —говоритъ Пигафетта,—это деревья, съ которыхъ падаютъ одушевленные листья. Послѣдніе напоминаютъ листья тутоваго дерева, только нѣсколько короче; ихъ черешокъ коротокъ и остроконеченъ, около черешка расположены двѣ ножки; если ихъ тронуть, то онѣ убѣгаютъ; но если ихъ раздавливаютъ, то они не оставляютъ никакихъ слѣдовъ крови. Я сохранялъ въ коробкѣ одинъ такой листокъ въ продолженіе девяти дней; когда я открывалъ коробку, листъ двигался вокругъ нея; я полагаю, что они живутъ воздухомъ.“ Эти интересныя животныя теперь очень извѣстны и носятъ названіе „муха-листокъ“ (mouche-feuille). Они темно-сѣраго цвѣта, что въ связи съ ихъ формой дѣлаетъ ихъ очень похожими на засохшіе листья.

Среди этихъ странъ, испанская экспедиція, сохранявшая при жизни Магеллана научный характеръ, теперь принялась за морскіе разбои. Такъ, испанцы не разъ захватывали джонки, съ которыхъ требовали въ пользу экипажа большой выкупъ.

Они проѣхали архипелагъ Сулу, этотъ притонъ малайскихъ пиратовъ, подчинившихся лишь въ послѣднее время испанскому оружію; затѣмъ они посѣтили Минданао, на которомъ уже разъ были. Они знали, что такъ пламенно искомые Молукскіе острова находятся гдѣ-то здѣсь, возлѣ нихъ, и продолжали ихъ искать. Наконецъ, послѣ посѣщенія множества острововъ, перечислять которые мы не будемъ, въ среду, 6-го ноября, испанцы открыли этотъ архипелагъ, о которомъ португальцы распространили столько ужасныхъ басенъ. Два дня спустя они высадились на Тидорѣ. Цѣль путешествія была достигнута.

Король вышелъ навстрѣчу испанцамъ и пригласилъ ихъ сойти на его пироги. „Онъ сидѣлъ подъ шелковымъ зонтикомъ, покрывавшимъ его совершенно. Впереди него находились его сынъ, державшій королевскій скипетръ, два человѣка, изъ которыхъ каждый держалъ золотую чашу, наполненную водой для омовенія рукъ, и еще двое держали золотые ящички, наполненные бетелемъ.“ Затѣмъ онъ поднялся на корабль, гдѣ ему оказали пол-

ное почтеніе; его снабдили такъ же, какъ и его приближенныхъ, подарками, показавшимися имъ очень цѣнными. „Этотъ король—мавръ, т. е. арабъ,—утверждаетъ Пигафетта,—онъ имѣетъ на видъ лѣтъ сорокъ пять, хорошо сложенъ и обладаетъ красивою наружностью. Одежда его состояла изъ очень тонкой рубашки, рукава которой были вышиты золотомъ; отъ пояса до ногъ онъ былъ задрапированъ; шелковая повязка—безъ сомнѣнія чалма—покрывала его голову; сверхъ повязки лежала цвѣточная гирлянда. Его имя было раджа-султанъ Манзоръ."

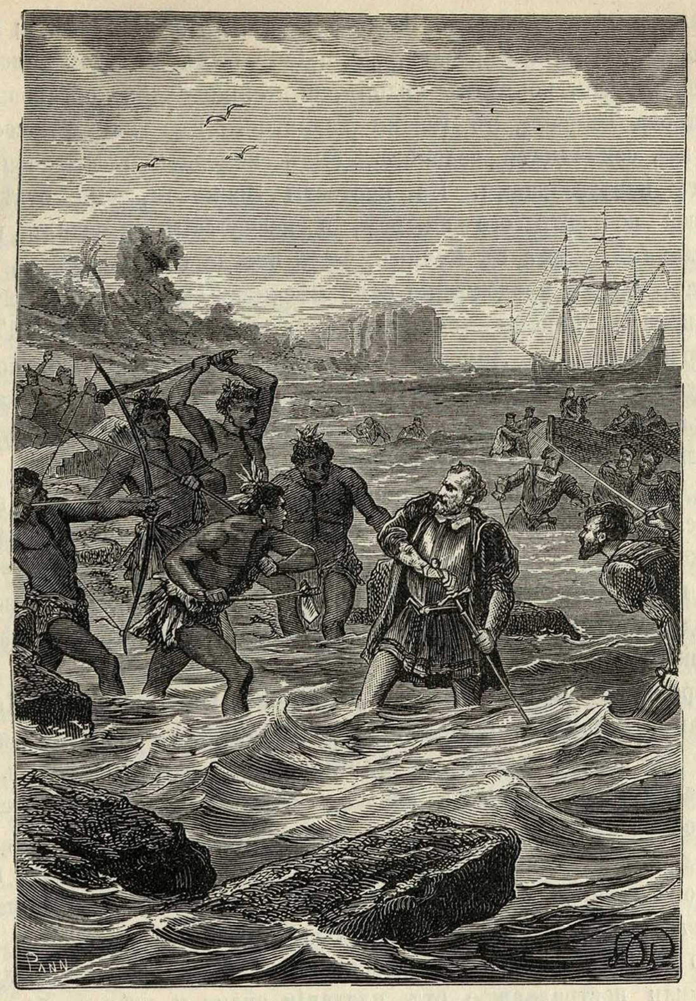
На слѣдующій день, во время продолжительнаго свиданія съ испанцами, Манзоръ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи отдаться вмѣстѣ со своими островами Тидоромъ и Тернатомъ подъ покровительство короля Испаніи.

Здѣсь кстати сообщить вмѣстѣ съ Пигафеттой, за разсказомъ котораго мы слѣдуемъ шагъ за шагомъ по переводу Эд. Шартона, снабдившаго его драгоцѣнными замѣчаніями,—сообщить нѣсколько интересныхъ подробностей о Молукскомъ архипелагѣ.

Этотъ архипелагъ состоитъ, собственно говоря, изъ острововъ Джилоло, Терната, Морнайя, Бачіана и Мейзаля; но подъ общее имя Молукскихъ острововъ часто относятъ группы Банды и Амбоина. Потрясаемый нѣкогда частыми вулканическими изверженіями, этотъ архипелагъ обладаетъ большимъ числомъ вулкановъ, теперь угасшихъ или успокоившихся на многіе годы. Воздухъ тамъ до того жгучъ, что еслибы не частые дожди, освѣжающіе атмосферу, то не было бы никакой возможности дышать. Естественные продукты страны очень драгоцѣнны. На первомъ планѣ стоитъ саговое дерево, сердцевина котораго, составляющая собственно сагу, вмѣстѣ съ иньямомъ даетъ хлѣбъ всему населенію. Какъ только дерево срѣзаютъ, изъ него тотчасъ же достаютъ сердцевину и растираютъ ее на рѣшетѣ; затѣмъ изъ образовавшейся массы мнутъ маленькіе хлѣбцы, высушиваемые въ тѣни. Послѣ саговаго дерева, самое важное—шелковица, затѣмъ гвоздичникъ, мускатникъ, перечникъ, камфарное дерево и другія пряныя деревья и тропическіе плоды. Тамъ растутъ драгоцѣнные лѣса чернаго и тиковаго дерева, извѣстнаго своею прочностью и употреблявшагося въ древности для всѣхъ роскошныхъ построекъ. Число домашнихъ животныхъ на Молукскомъ архипелагѣ было въ то время очень ограничено; между дикими животными самыя замѣчательныя были бабирусса,—гро-

мадный кабанъ съ загнутыми клыками; опоссумъ—родъ двуутробки, нѣсколько больше нашей бѣлки; фалангеръ, изъ семейства сумчатыхъ, живетъ въ густыхъ лѣсахъ, питается листьями и плодами; голопятъ, изъ рода грызуновъ, очень граціозное и безобидное животное съ рыжеватой шерстью, роста не больше крысы, по фигурѣ похожій на обезьяну. Между птицами интересны попугаи и какаду, эти райскія птицы, которыхъ считали безногими и которыя послужили предметомъ стольких басенъ; рыболовы и казуары—большія болотныя птицы, почти такой же величины, какъ и страусы.

Одинъ португалецъ, по имени Лороза (Lorosa), давно уже жилъ на Молукскихъ островахъ. Испанцы написали ему письмо въ той надеждѣ, что онъ откажется отъ своего отечества и присоединится къ испанцамъ. Они получили отъ него очень интересныя сообщенія о томъ, что португальскій король посылалъ экспедиціи на мысъ Доброй Надежды, на Ріо де-Ла Плату и даже на Молукскіе острова; но вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ послѣднія экспедиціи не удались. Самъ онъ живетъ на архипелагѣ уже шестнадцать лѣтъ, но есть еще португальцы, проживающіе здѣсь въ продолженіе десяти лѣтъ, но старающіеся сохранить этотъ фактъ въ глубокой тайнѣ. Когда Лороза увидѣлъ, что испанцы приготовляются къ отъѣзду, онъ взошелъ со своей женой на корабль, чтобы отправиться въ Европу. 12-го ноября были разгружены для обмѣна всѣ товары, состоявшіе большею частью изъ вещей съ четырехъ джонокъ, разграбленныхъ у Борнео. Конечно, торговля оказалась очень выгодною для испанцевъ, хотя не настолько, насколько можно было ожидать; но испанцы торопились своимъ отъѣздомъ. Изъ Джилоло и изъ Бачіана также явились суда для торговли съ ними; отъ короля Тидора они получили значительный грузъ гвоздики. Этотъ король приглашалъ ихъ на большой пиръ, который онъ имѣлъ обыкновеніе давать, какъ говорятъ, при первой нагрузкѣ корабля гвоздикой. Но испанцы, помня событія на Филиппинскихъ островахъ, послали ему свои привѣтствія и извиненія. Когда нагрузка была закончена, они подняли паруса. Едва корабли вышли въ море, какъ на „Trinidad'ѣ“ показалась большая течь; нужно было какъ можно скорѣе пристать къ Тидору. Искусные водолазы, которыхъ король далъ въ распоряженіе испанцевъ, не могли все-же открыть мѣсто течи, и вслѣдствіе этого пришлось, ради необходи-



Смерть Магеллапа.

мой починки, разгружать частями весь корабль. Матросы на „Victoria“ не хотѣли дожидаться своихъ товарищей, и штабъ, прекрасно понимая, что „Trinidad“ не будетъ въ состояніи дойти до Испаніи, рѣшилъ, что онъ послѣдуетъ до Даріена, гдѣ его драгоцѣнная кладь будетъ разгружена и перенесена черезъ перешеекъ до Атлантическаго океана, куда за нею пріѣдетъ корабль. Но этому несчастному судну, вмѣстѣ съ тѣми, кто на немъ находился, не суждено было возвратиться въ Испанію.

Управляемый алгвазиломъ Гонзало Гомецомъ де-Эспиноза и имѣя лоцманомъ Жуана Карвальо, „Trinidad“ былъ въ такомъ плохомъ состояніи, что, покинувъ Тидоръ, былъ принужденъ остановиться у острова Терната, въ гавани Талангоми, гдѣ экипажъ, состоящій изъ семнадцати человѣкъ, былъ немедленно захваченъ въ плѣнъ португальцами. На протесты Эспинозы, они отвѣтили угрозой повѣсить его на реѣ, и несчастный алгвазилъ, переправленный сперва въ Кочинъ, былъ оттуда отправленъ въ Лиссабонъ, гдѣ въ продолженіе семи мѣсяцевъ онъ оставался вмѣстѣ съ двумя испанцами — единственными остатками „Trinidad'a“— заключеннымъ въ Лимоэйрской тюрьмѣ. „Victoria“ же, богато нагруженная, покинула Тидоръ подъ начальствомъ Жуана-Себастьяна-дель-Кано (Juan-Sebastien del-Cano), который, будучи простымъ штурманомъ на одномъ изъ кораблей Магеллана, принялъ начальствованіе на „Concepcion'ѣ“, 27-го апрѣля 1521 года, и наслѣдовалъ Жуану Лопецу де-Карвальо, лишенному управленія кораблемъ за неспособность. Экипажъ его состоялъ только изъ пятидесяти трехъ европейцевъ и тринадцати индѣйцевъ. Пятьдесятъ четыре европейца оставались на островѣ Тидорѣ, на „Trinidad'ѣ“.

Проѣхавъ острова—Кайоанъ, Лайгому, Сико, Джіофи, Кафи, Лабоанъ, Толиманъ, Бачіанъ, Мату и Батутигу, „Victoria“ оставила на западѣ этотъ послѣдній островъ и, направляясь къ юго-западу, остановилась ночью у острова Сула или Ксула. Въ десяти лье отсюда испанцы пристали къ острову Буру, гдѣ запаслись съѣстными припасами. Проѣхавъ еще тридцать пять лье, они останавливались у острова Банды, производящаго маисъ и мускатный орѣхъ, и затѣмъ у Солора, ведущаго большую торговлю бѣлымъ сандаломъ. Здѣсь они пробыли пятнадцать дней, починили пострадавшее отъ плаванія судно и сдѣлали большой запасъ воску и перцу; послѣ этого они заѣхали еще на островъ Тиморъ, гдѣ могли добыть себѣ припасовъ, только захвативъ измѣннически начальника одного селенія, который пришелъ на берегъ вмѣстѣ со своимъ сыномъ. Къ этому острову пріѣзжали джонки съ острова Люсона и „praos“ съ Малакки и Явы и вели большую торговлю сандаломъ и перцемъ. Немного спустя испанцы остановились у Явы, гдѣ практиковалось, какъ кажется, въ то время самосожженіе вдовы послѣ смерти мужа (sutties),—обычай, сохранившійся въ Индіи до послѣдняго времени.

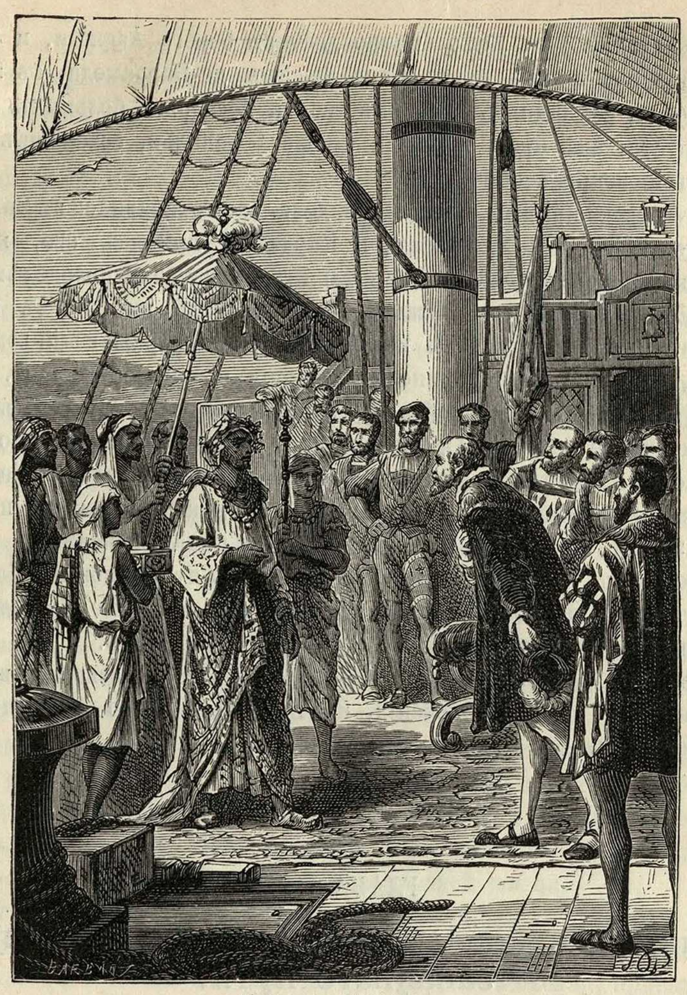
Между разными сказками, которыя передаетъ Пигафетта, самъ не вполнѣ имъ довѣряя, мы находимъ очень интересный разсказъ о гигантской птицѣ „эпіорнисѣ“, кости и гигантскія яйца которой были найдены въ 1850 году на островѣ Мадагаскарѣ. Это показываетъ, съ какою осторожностью нужно причислять къ области чудеснаго множество легендъ, которыя кажутся баснословными, но начало которыхъ имѣетъ основаніе. „Къ сѣверу отъ Большой Явы,—говоритъ Пигафетта,—у Китайскаго залива, есть очень большое дерево, на которомъ сидятъ нѣкія птицы, называемыя „garula“, такія большія и такія сильныя, что онѣ поднимаютъ буйвола и даже слона и на-лету относятъ его на ту часть дерева, которая называется „puzathaer“. Эта легенда существуетъ съ IX вѣка у персовъ и арабовъ и эта птица играетъ въ арабскихъ сказкахъ чудесную роль подъ именемъ „rock“. Не удивительно, что Пигафетта встрѣтилъ у малайцевъ подобное же преданіе.

Покинувъ Большую Яву, „Victoria“ обогнула полуостровъ Малакку, десять лѣтъ тому назадъ покоренный въ пользу Португаліи великимъ Альбукеркомъ. Тамъ же недалеко находится Сіамъ, Камбоджа и затѣмъ Чіемпа, гдѣ растетъ ревень. Это вещество находятъ слѣдующимъ образомъ: „Собирается компанія человѣкъ въ двадцать или двадцать пять и отправляется въ лѣсъ, гдѣ проводитъ ночь на деревьяхъ, во-первыхъ для того, чтобы быть въ безопасности отъ львовъ,—нужно замѣтить, что львы не водятся въ этихъ странахъ,—и другихъ дикихъ звѣрей, и во-вторыхъ, чтобы лучше чувствовать запахъ ревеня, доносимый вѣтромъ. Утромъ они идутъ по тому направленію, откуда шелъ запахъ ревеня и ищутъ его до тѣхъ поръ, пока не находятъ; лучшая часть дерева — это корень; однако, стволъ, „calama“, имѣетъ также лѣкарственное свойство“.

Положительно, не у Пигафетты должны мы черпать познанія по ботаникѣ; мы рискуемъ впасть въ большія заблужденія, если отнесемся серьезно ко всякимъ вздорнымъ разсказамъ мавра, у котораго онъ собиралъ свѣдѣнія. Однако ломбардскій путешественникъ передаетъ намъ, какъ непреложную истину, фантастическія подробности о Китаѣ и впадаетъ въ страшныя ошибки, которыхъ избѣжалъ его современникъ Дуартъ Барбоза. Благодаря этому послѣднему мы знаемъ, что въ то время уже существовала торговля „anfian’омъ“ или опіумомъ.

Счастливо миновавъ Малакку, Себастьянъ дель-Кано тщательно старался избѣгнуть Зангебарскаго берега, гдѣ португальцы водворились съ начала столѣтія. Онъ плылъ по открытому морю до 42° южной широты и долженъ былъ девять дней простоять съ закрѣпленными парусами въ виду самаго мыса, по случаю западныхъ и юго-западныхъ вѣтровъ, разразившихся страшной бурей. Нужно было имѣть сильное желаніе довести свое предпріятіе до благополучнаго конца и выказать большую твердость, чтобы слѣдовать такимъ путемъ. На кораблѣ открылась течь въ нѣсколькихъ мѣстахъ и многіе матросы требовали остановки въ Мозамбикѣ, такъ какъ не посоленное мясо испортилось и вся пища и питье экипажа состояли изъ воды и риса. Наконецъ, 6-го мая обогнули мысъ Бурь и можно было надѣяться на благопріятный исходъ путешествія. Однако мореплавателямъ предстояло претерпѣть еще много несчастій. Въ два мѣсяца, двадцать человѣкъ, какъ европейцевъ, такъ и индѣйцевъ, умерло отъ лишеній, и если-бы 9-го іюля корабль не присталъ къ одному изъ острововъ Зеленаго Мыса—Сантъ-Яго, всѣ умерли бы съ голода. Такъ какъ этотъ архипелагъ принадлежалъ португальцамъ, то они изъ предосторожности разсказали, что возвращаются изъ Америки, и тщательно скрыли открытый путь. Но одинъ изъ матросовъ проговорился, что „Victoria", единственный корабль изъ всей эскадры Магеллана, возвращается въ Европу. Португальцы тотчасъ завладѣли шлюпкой и намѣревались напасть на испанскій корабль. Дель-Кано, однако, слѣдилъ со своего корабля за всѣми движеніями португальцевъ. Заподозривъ по приготовленіямъ, которыя онъ видѣлъ, что хотятъ завладѣть „Victoria", онъ поднялъ паруса, оставивъ среди португальцевъ тринадцать человѣкъ изъ своего экипажа. Максимиліанъ Трансильванскій объясняетъ иначе, чѣмъ Пигафетта, остановку на островахъ Зеленаго Мыса. Онъ утверждаетъ, что усталость экипажа, истощеннаго лишеніями, побудила капитана остановиться затѣмъ, чтобы купить нѣсколько невольниковъ, которые помогли бы править кораблемъ. Не имѣя денегъ, испанцы заплатили пряностями, что открыло глаза португальцамъ.

„Желая знать, исправно ли велся нашъ дневникъ,—сообщаетъ Пигафетта,—мы спросили на берегу, какой день недѣли былъ у нихъ. Намъ отвѣтили, что четвергъ, что насъ очень удивило, такъ какъ по нашимъ дневникамъ у насъ была среда. Мы не



Султанъ Манзоръ.

могли думать, что ошиблись однимъ днемъ; я былъ удивленъ этимъ болѣе другихъ, такъ какъ всегда очень исправно велъ свой журналъ и отмѣчалъ, не пропуская, всѣ дни недѣли и числа мѣсяца. Мы узнали потомъ, что въ нашемъ счетѣ не было ошибки, потому что, держась постоянно къ западу, по направленію движенія солнца, и возвратившись на то же мѣсто, мы должны были выиграть двадцать четыре часа сравнительно съ тѣми, кто оставался на мѣстѣ; нужно только подумать, чтобы въ этомъ убѣдиться“.

Себастьянъ дель-Кано быстро достигъ берега Африки, и 6-го сентября вошелъ въ бухту Санъ-Люкаръ де-Баррамеда, съ экипажемъ въ семнадцать человѣкъ, почти поголовно больныхъ. Два дня спустя, онъ бросилъ якорь у берега Севильи, совершивъ путешествіе вокругъ свѣта.

Тотчасъ по пріѣздѣ, Себастьянъ дель-Кано отправился въ Валладолидъ, гдѣ находился дворъ, и Карлъ V принялъ его, какъ того заслуживалъ человѣкъ, съ такимъ мужествомъ преодолѣвшій столько препятствій. Отважный мореплаватель вмѣстѣ съ пенсіей въ пятьсотъ дукатовъ получилъ гербъ, изображающій земной шаръ, съ слѣдующей надписью: „Primus circumdedisti me". Богатый грузъ „Victoria" побудилъ короля отправить другой флотъ на Молукскіе острова. Однако главное начальствованіе было поручено не Себастьяну дель-Кано, а Гарціи де-Лоайза (Garcia de-Loaisa), который кромѣ своего громкаго имени не имѣлъ никакого званія. Все же послѣ смерти начальника экспедиціи, случившейся въ то время, когда флотъ только-что миновалъ Магеллановъ проливъ, дель-Кано получилъ начальствованіе, но недолго сохранилъ его, такъ какъ черезъ шесть дней умеръ.

Корабль „Victoria" долго сохранялся въ Севильской гавани, но, несмотря на всѣ попеченія, кончилъ тѣмъ, что разрушился отъ ветхости.

ГЛАВА III

Полярныя экспедиціи и изысканія сѣверо-западнаго пути.

I

Норманны.—Эрикъ Красный.—Зени.—Жанъ Каботъ.—Кортерсаль.—Себастіанъ Каботъ.—Уиллаугби.—Ченслеръ.

ОТКРЫВЪ Исландію, знаменитую землю Туле и океанъ „cronien", гдѣ тина, мели и льды дѣлали плаваніе опаснымъ, гдѣ ночи такъ же свѣтлы, какъ сумерки, Пиѳеасъ открылъ вмѣстѣ съ тѣмъ скандинавцамъ сѣверную дорогу. Преданія о мореплаваніяхъ, совершенныхъ древними на острова Оркадскіе, Фарерскіе до Исландіи, сохранились у ирландскихъ монаховъ—ученыхъ людей

и въ свою очередь смѣлыхъ мореплавателей, что доказывается ихъ водвореніемъ на архипелагахъ. Они также служили въ качествѣ кормчихъ норманнамъ, подъ общимъ именемъ которыхъ разумѣлись скандинавскіе, норвежскіе и датскіе пираты, наводившіе въ средніе вѣка ужасъ на всю Европу. Но если всѣ свѣдѣнія, которыми мы обязаны древнимъ грекамъ и римлянамъ относительно гиперборейскихъ странъ, крайне смутны и, такъ сказать, сказочны, то нельзя того же сказать о томъ, что касается отважныхъ предпріятій „людей сѣвера". „Саги",—такъ называются исландскія и датскія сказанія,—чрезвычайно опредѣленны, и многочисленные предметы ихъ содержанія находятъ себѣ ежедневныя подтвержденія въ археологическихъ изысканіяхъ, совершенныхъ въ Америкѣ, Гренландіи, Исландіи, Норвегіи и Даніи. Это источникъ чрезвычайно драгоцѣнныхъ и долгое время неизвѣстныхъ данныхъ, обнародываніемъ которыхъ мы обязаны датскому ученому Рафну, представляющему намъ достовѣрные и въ высшей степени интересные факты о до-колумбовскомъ открытіи Америки.

Норвегія была бѣдная и густо населенная страна. Значительная часть ея жителей была въ силу необходимости вынуждена къ постоянной эмиграціи и къ поискамъ такихъ странъ, которыя могли бы доставить имъ больше средствъ къ жизни, чѣмъ ихъ мерзлая родина. Когда кому-нибудь изъ нихъ случалось набрести на страну, представлявшуюся достаточно богатой, чтобы снабдить ихъ добычей, они возвращались къ себѣ и слѣдующей весной уѣзжали вновь въ сопровожденіи всѣхъ, кого увлекала жажда сраженій и любовь къ наживѣ и къ легкой жизни.

Отчаянные охотники и рыболовы, свыкшіеся съ опасными плаваніями между материкомъ и той массой острововъ, которая его окаймляетъ и точно защищаетъ отъ штурмовъ океана, привыкшіе шнырять по узкимъ и глубокимъ фіордамъ (fiords), кажущимся врѣзанными въ землю помощью какого-то гигантскаго меча, они разъѣзжали на своихъ дубовыхъ корабляхъ, появленіе которыхъ заставляло дрожать береговыхъ жителей Сѣвернаго моря и Ламанша. Ихъ корабли, иногда палубные, то большіе, то маленькіе, то длинные, то короткіе, чаще всего имѣли впереди страшной величины водорѣзъ, надъ которымъ поднимался необыкновенныхъ размѣровъ носъ, имѣвшій форму буквы S. Графическія изображенія, часто попадающіяся на скалахъ Швеціи и Норвегіи и называющіяся „hällristningar", даютъ намъ понятіе объ ихъ бы-

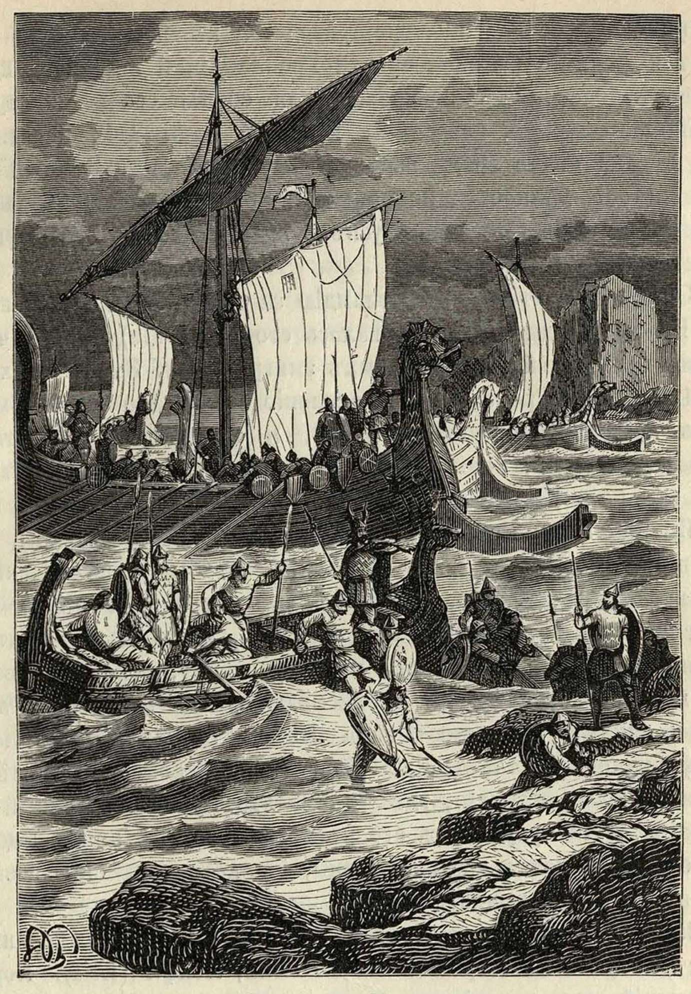
стрыхъ судахъ, вмѣщавшихъ въ себѣ значительный экипажъ. Таковъ былъ „Long-Serpent“ Olaf-Tryggvasson'а, имѣвшій для гребцовъ тридцать двѣ скамейки и вмѣщавшій девяносто человѣкъ; таковъ корабль Канута, вмѣщавшій шестьдесятъ человѣкъ; таковы два корабля Олафа Святого, на каждомъ изъ которыхъ отъѣзжало иногда до двухсотъ человѣкъ. Морскіе короли, какъ часто называли этихъ искателей приключеній, жили на океанѣ, никогда не водворяясь на землѣ; они переходили отъ разграбленія замка къ сожженію монастыря, опустошали берега Франціи, спускались по рѣкамъ и между прочимъ по Сенѣ до Парижа, проплывали Средиземное море до Константинополя; они утвердились впослѣдствіи въ Сициліи и оставили во всѣхъ странахъ извѣстнаго міра слѣды своихъ набѣговъ или пребыванія.

Нужно сказать, что морское разбойничество, далеко не представлявшее, какъ теперь, противузаконнаго явленія, въ тѣ варварскія или полуцивилизованныя времена не только не считалось предосудительнымъ, но поощрялось и даже воспѣвалось скальдами, которые сберегали самыя восторженныя похвалы для воспѣванія рыцарскихъ подвиговъ, отважныхъ набѣговъ и другихъ проявленій удали. Съ VIII вѣка эти моряки посѣщали Оркадскіе, Гебридскіе, Шотландскіе и Фарерскіе острова, гдѣ они встрѣтили проживавшихъ тамъ уже столѣтіе ирландскихъ монаховъ, распространявшихъ вѣру Христову среди идолопоклонниковъ.

Въ 861 году одинъ норвежскій пиратъ по имени Наддодъ (Naddod) былъ отброшенъ бурею на покрытый снѣгомъ островъ, который онъ назвалъ Сноландіей (снѣжная земля); позднѣе это названіе было измѣнено въ Исландію (ледяная земля). Тамъ, въ кантонахъ Папейа (Popeya) и Папили (Popili), норманны нашли ирландскихъ монаховъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, Ингольфъ водворился въ странѣ и основалъ Рейкіавикъ. Въ 885 году, когда Гарольдъ Гаарфагеръ покорилъ всю Норвегію, значительная толпа недовольныхъ эмигрировала въ Исландію. Эти переселенцы положили тамъ основаніе такой же республики, какая была незадолго до того порабощена въ ихъ отечествѣ и которая существовала до того времени, пока Исландія не перешла во владѣніе норвежскихъ королей, т.-е. до 1261 года.

Смѣлые искатели приключеній, жаждавшіе случайностей и страстно преданные охотѣ на тюленей, поселившись и въ Ислан-



Норманнскія суда.

діи, сохранили свой характеръ и продолжали изслѣдованія на западъ, гдѣ, спустя три года послѣ Ингольфа, Гуумбьорнъ (Guunbjorn) открылъ сѣдыя вершины Гренландскихъ горъ. Пятью годами позднѣе нѣкто Эрикъ Красный (Erik le Rouge), изгнанный изъ Исландіи за убійство, открылъ землю, вскользь замѣченную Гуумбьорномъ, находящуюся подъ 64° сѣверной широты. Безплодность этого берега и его льды побудили его обратиться къ югу и тамъ искать болѣе милостивую температуру, болѣе

привѣтливый берегъ и большія средства къ жизни. Онъ обогнулъ мысъ Фаревелль на оконечности Гренландіи и поселился на западномъ берегу, гдѣ построилъ для себя и своихъ товарищей обширное жилище, развалины котораго нашелъ Г. Іоргенсенъ. Эта страна въ то время вполнѣ заслуживала имя Зеленой земли (Groenland), данное ей норманнами; но ежегодное и значительное приращеніе глетчеровъ успѣло превратить ее въ совершенно опустошенную страну.

Эрикъ возвратился въ Исландію за своими друзьями, и вскорѣ въ Браттагалиду (такъ называлось его поселеніе) пришло четырнадцать кораблей, нагруженныхъ эмигрантами. Это происходило въ 1000 году. Гренландское населеніе возрастало такъ быстро, какъ позволяли средства страны, и въ 1121 году столица страны, Гардаръ, превратилась въ епархію, существовавшую еще при открытіи Колумбомъ Антильскихъ острововъ.

Въ 986 году Бьярнъ Геріулфзонъ (Bjarn Heriulfson), прибывшій изъ Норвегіи въ Исландію, чтобы провести зиму съ своимъ отцомъ, узналъ, что послѣдній отправился съ Эрикомъ Краснымъ въ Гренландію. Не колеблясь, молодой человѣкъ пускается въ море. Онъ ищетъ наудачу страну, положеніе которой ему неизвѣстно, и теченія отбрасываютъ его къ берегамъ, которые одними принимаются за Новую Шотландію, другіе—за Ньюфаундлендъ и третьи за Майенъ. Въ концѣ концовъ онъ добрался до Гренландіи, гдѣ Эрикъ—этотъ могущественный норвежскій „jarl“—упрекнулъ его въ томъ, что онъ не изслѣдовалъ съ большею тщательностью страны, съ которыми онъ познакомился „по дикой прихоти волнъ“.

Воспользовавшись сношеніями между метрополіей и ея колоніями, Эрикъ послалъ въ Норвегію своего сына, Лейфа (Leif). Король, принявшій самъ христіанство, только что отправилъ въ Исландію миссію, съ порученіемъ уничтожить культъ Одина. Онъ снабдилъ Лейфа нѣсколькими священниками, которые должны были проповѣдовать христіанство въ Гренландіи; но при возвращеніи въ отечество молодой авантюристъ оставилъ святыхъ отцовъ для выполненія ихъ трудной задачи, а самъ, узнавъ объ открытіи Бьярна, снарядилъ свои корабли и пустился на изысканіе замѣченныхъ земель. Послѣдовательно онъ высаживается въ пустынной и каменистой странѣ, которой даетъ имя „Helluland'a“ и которая извѣстна теперь подъ именемъ Ньюфаунленда, а затѣмъ

—на низкомъ и песчаномъ берегу, за которымъ разстилалась громадная тѣнь темныхъ лѣсовъ, оживляемыхъ пѣніемъ безчисленнаго количества птицъ. Онъ пускается въ третій разъ въ море и, подвигаясь на югъ, открываетъ бухту Родъ-Эйлендъ; мягкій климатъ и рѣки, наполненныя семгой, чрезвычайно привлекаютъ авантюриста, и онъ сооружаетъ тамъ обширное досчатое строеніе, которому даетъ имя „Leifsbudir“ (домъ Лейфа). Затѣмъ онъ посылаетъ нѣкоторыхъ своихъ товарищей изслѣдовать страну, и они возвращаются съ хорошею новостью, что дикій виноградъ растетъ въ странѣ. Отсюда и имя страны „Vinland“. Весною 1001 года, нагрузивъ свои корабли кожей, виноградомъ, лѣсомъ и другими продуктами страны, Лейфъ отправился въ Гренландію; онъ успѣлъ сдѣлать драгоцѣнное замѣчаніе, состоящее въ томъ, что самый короткій день въ Винландіи продолжается не менѣе девяти часовъ, и это обстоятельство даетъ основаніе отнести Лейфсбудиръ подъ 41°24′10″. Этотъ благополучный исходъ компаніи, при чемъ спаслась одна только лодка съ пятнадцатью людьми, заслужилъ сыну Эрика прозваніе Счастливаго.

Эта экспедиція надѣлала много шуму. Чудесные разсказы о странѣ, въ которой водворился Лейфъ, побудили его брата Торвальда отправиться туда съ тридцатью людьми. Перезимовавъ въ Лейфсбудирѣ, Торвальдъ изслѣдовалъ берега къ югу, осенью возвратился въ Винландію и въ слѣдующемъ, 1004 году онъ изслѣдовалъ берега къ сѣверу отъ Лейфсбудира. На возвратномъ пути норманны встрѣтили въ первый разъ эскимосовъ и, безъ всякаго повода съ ихъ стороны, безжалостно ихъ убили. Въ ночь послѣ этого убійства они увидѣли себя окруженными безчисленной флотиліей „Kayacs“, откуда на нихъ сыпались цѣлыя кучи стрѣлъ. Только одинъ Торвальдъ, начальникъ экспедиціи, былъ смертельно раненъ. Товарищи похоронили его на одномъ мысѣ, которому дали имя мыса Креста.

Въ XVIII вѣкѣ въ Бостонскомъ заливѣ была открыта каменная могила, въ которой находились кости и желѣзная рукоятка меча. Индѣйцамъ этотъ металлъ не былъ извѣстенъ и этотъ скелетъ не могъ принадлежать ни одному изъ нихъ; онъ не могъ также принадлежать европейцу, высадившемуся послѣ XV вѣка, такъ какъ шпаги послѣднихъ не обладали такой характерной рукояткой. Полагаютъ, что эта могила принадлежитъ скандинаву,

хотя не смѣемъ утверждать, что именно Торвальду, сыну Эрика Краснаго.

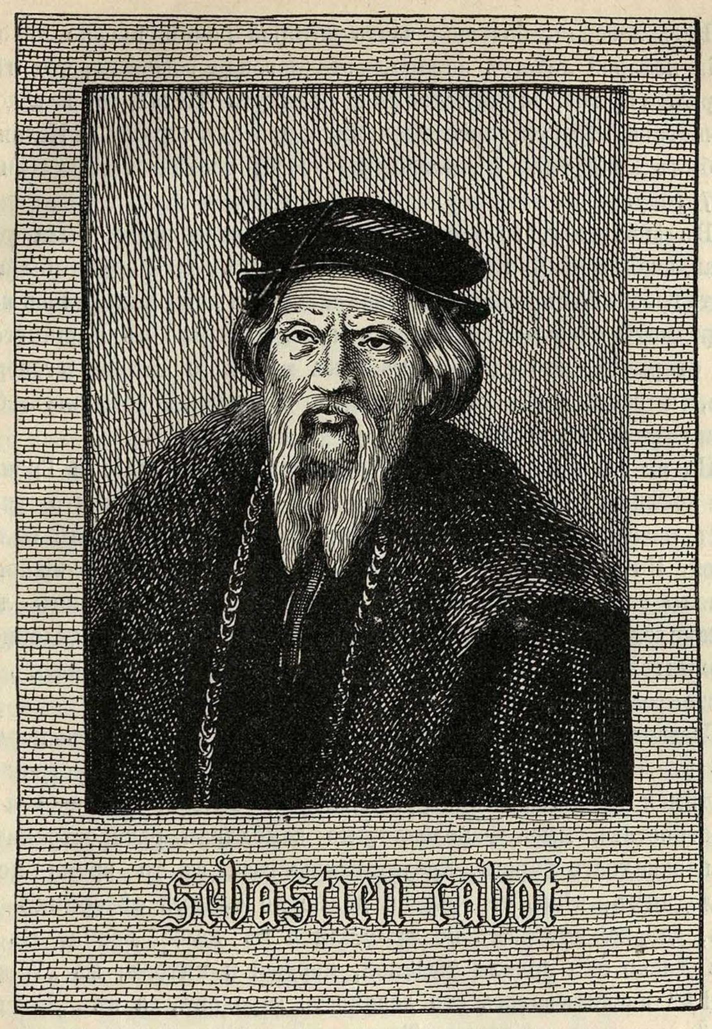
Весною 1007 года три корабля, на которыхъ помѣщалось сто шестьдесятъ человѣкъ и нѣкоторое количество скота, покинули Эрикфіордъ. На этотъ разъ было задумано основать прочныя поселенія. Эмигранты осмотрѣли Геллуландъ, Маркландъ и Винландъ, высадились на одномъ островѣ, построили тамъ шалаши и приступили къ обработкѣ земли. Потому-ли, что они плохо распорядились, или потому, что не обладали достаточной предусмотрительностью, но зима застала ихъ безъ припасовъ и они жестоко страдали отъ голода. Необходимость заставила ихъ достигнуть материка, гдѣ они нашли сравнительный достатокъ.

Въ началѣ 1008 года они принялись розыскивать Лейфсбудиръ и основались въ Мунъ-Гопъ-Байѣ (Mount-Hope-Bay), на берегу, противуположномъ тому, гдѣ находилось первое поселеніе Лейфа. Тамъ въ первый разъ завязались нѣкоторыя сношенія съ туземцами, называемыми въ сагахъ Screllings и описываемыми такъ, что ихъ можно принять за эскимосовъ. Первыя сношенія были мирнаго характера. До того дня, пока норманны успѣвали благоразумно отказывать эскимосамъ въ ихъ сильномъ желаніи пріобрѣсти желѣзныя сѣкиры, до тѣхъ поръ торговля шла мирно; но эти же отказы довели эскимосовъ до нападенія, принудившаго пришельцевъ возвратиться въ отечество послѣ трехлѣтняго пребыванія въ странѣ, въ которой они не оставили никакихъ прочныхъ слѣдовъ.

Мы не имѣемъ возможности останавливаться подробно на всѣхъ экспедиціяхъ, слѣдовавшихъ одна за другой, начиная съ Гренландіи и кончая Лабрадоромъ и Соединенными Штатами. Тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые пожелаютъ болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній, мы предлагаемъ сочиненіе Габріеля Гравье, —сочиненіе самое полное объ этомъ предметѣ, изъ котораго мы заимствуемъ все, что говоримъ о норманнскихъ экспедиціяхъ.

Въ томъ же 983 году, когда Эрикъ Красный высадился въ Гренландіи, нѣкто Гари-Марзонъ былъ отброшенъ бурею съ обыкновеннаго пути къ берегамъ страны, названной имъ Землею бѣлыхъ людей и простиравшеюся, по мнѣнію Рафна, отъ Чезапикскаго залива до Флориды.

Откуда это названіе земли бѣлыхъ людей? Не поселились-ли тамъ раньше нѣкоторые соотечественники Марзона? По нѣкото-



Себастіанъ Каботъ. (Fac-simile съ древней гравюры).

рымъ мѣстамъ хроники, есть основаніе это думать. Понятно, какой интересъ представляется въ опредѣленіи національности этихъ первыхъ колонистовъ. Саги еще не открыли намъ всѣ свои тайны. Въ нихъ есть еще много неизвѣстнаго, и такъ какъ тѣ, которыя открыты, подтвердили допущенные факты, то есть основаніе надѣяться, что наши свѣдѣнія объ исландскихъ мореплаваніяхъ сдѣлаются современемъ болѣе опредѣленными.

Есть легенда, большая часть которой романична, но въ основаніи которой лежитъ истина,—эта легенда говоритъ, что нѣкто Бьорнъ (Bjorn), принужденный покинуть Исландію вслѣдствіе несчастной страсти, пріютился въ одной изъ странъ за Исландіей и былъ найденъ нѣкоторыми своими соотечественниками въ 1027 году.

Въ 1051 году, во время одной новой экспедиціи, была убита исландская женщина „Screlling's'ами, а въ 1867 году была открыта гробница съ руническою надписью и въ ней находились кости и предметы одежды, хранящіеся нынѣ въ музеѣ въ Вашингтонѣ. Это открытіе было сдѣлано въ томъ мѣстѣ, о которомъ говоритъ сага, и сама сага, повѣствующая объ этихъ событіяхъ, была обнаружена только въ 1863 году.

Но не одни норманны, поселившіеся въ Исландіи и Гренландіи, посѣщали берега Америки около 1000 года, на что указываетъ названіе Большой Ирландіи, данное также Землѣ бѣлыхъ людей. По свидѣтельству историка Madoe-op-Owen'a, ирландцы и галлы основали тамъ колоніи, о которыхъ мы имѣемъ лишь незначительныя свѣдѣнія. Несмотря на ихъ неопредѣленность и сомнительность, Авезакъ и Гаффарель, однако, признаютъ ихъ дѣйствительными.

Сказавъ нѣсколько словъ о набѣгахъ и поселеніяхъ норманновъ въ Лабрадорѣ, въ Винландіи и въ болѣе южныхъ странахъ, обратимся теперь къ сѣверу. Колоніи, основанныя сперва въ окрестностяхъ мыса Фаревелля, не замедлили распространиться вдоль западнаго берега, представлявшагося въ то время менѣе безплоднымъ, чѣмъ теперь,—и далѣе до такихъ сѣверныхъ широтъ, дальше которыхъ не заходили и въ наше время. Въ заливѣ Диско они ловили тюленей, моржей и китовъ; въ „Westerbygd'ѣ" насчитывалось сто девяносто городовъ, а въ „Esterbygd'ѣ" восемьдесятъ шесть. Теперь мы очень далеки отъ такого количества датскихъ учрежденій на этихъ ледяныхъ берегахъ.

Эти города состояли, вѣроятно, изъ незначительной группы домовъ, остатки которыхъ были найдены на пространствѣ отъ мыса Фаревелля до Упернавика, подъ 72°50′. Въ то же время многочисленныя, нынѣ легко разбираемыя, руническія надписи дали характеръ абсолютной достовѣрности фактамъ, остававшимся продолжительное время въ сомнѣніи. Но сколько слѣдовъ прошедшаго осталось еще открыть! Сколько драгоцѣнныхъ свидѣ-

тельствъ храбрости и предпріимчиваго ума скандинавскаго народа похоронено навсегда подъ льдами!

Равнымъ образомъ установлено, что христіанство было занесено въ Америку именно черезъ Гренландію. По документамъ папы Григорія VI, въ эту страну посылались пастыри съ цѣлью укрѣпить въ вѣрѣ новообращенныхъ норманновъ и проповѣдывать Евангеліе среди эскимосскихъ и индѣйскихъ племенъ. Даже болѣе, въ 1865 году Riant установилъ неопровержимымъ образомъ, что крестовые походы проповѣдывались также въ Гренландіи въ епископствѣ Гардаръ, и „на сосѣднихъ островахъ и земляхъ", и что до 1418 года Гренландія платила папскому престолу десятину и лепту св. Петра, что составляло для послѣдняго года двѣ тысячи шестьсотъ фунтовъ моржевыхъ зубовъ.

Своимъ паденіемъ и разрушеніемъ норвежскія колоніи обязаны многимъ причинамъ: быстрымъ распространеніямъ глетчеровъ,—по опредѣленію „Hayes", глетчеръ Frère-Jean'а распространяется съ быстротою тридцати метровъ въ годъ; — дурной политикѣ отечества, задерживавшей переселеніе; черной чумѣ, опустошившей населеніе Гренландіи въ промежутокъ между 1347 и 1351 годами; наконецъ, хищничеству пиратовъ, которые, въ 1418 году, опустошали эти уже ослабѣвшія колоніи и которыхъ склонны принимать за жителей Оркадскихъ и Фарерскихъ острововъ. О нихъ мы скажемъ ниже.

Одинъ изъ спутниковъ Вильгельма Завоевателя, по имени Сенъ-Клеръ или Синклеръ (Saint-Clair ou Sinclair), оставшись недовольнымъ удѣленной ему частью завоеваній, отправился на встрѣчу случайностямъ въ Шотландію и тамъ вскорѣ достигъ славы и богатства. Во второй половинѣ XIV вѣка Оркадскіе острова поступили во владѣніе его рода.

Около 1390 года, нѣкто Николо Зено (Nicolo Zeno), принадлежавшій къ знатному и древнему роду Венеціи, снарядилъ на свои средства корабль, чтобы съ цѣлью любознательности посѣтить Англію и Фландрію; но онъ потерпѣлъ крушеніе и былъ выброшенъ бурей на Оркадскій архипелагъ. Жители уже готовы были его убить, когда графъ Генри Синклеръ принялъ его подъ свое покровительство. Исторія объ этомъ путешествіи, о приключеніяхъ и открытіяхъ, связанныхъ съ нимъ, занесена въ сборникъ Рамузіо и была написана, — говоритъ ученый географъ Clements Markham въ своихъ „Abords de la région inconnue",—

Антуаномъ Зено. Къ сожалѣнію, одинъ изъ его потомковъ, Николай Зено, родившійся въ 1515 году, будучи еще ребенкомъ, разорвалъ эти бумаги, цѣнности которыхъ онъ не подозрѣвалъ. „По нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ письмамъ, онъ составилъ впослѣдствіи разсказъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его теперь имѣемъ и въ какомъ онъ отпечатанъ въ Венеціи. Нашлась также во дворцѣ старая карта, испорченная отъ ветхости и объяснявшая это путешествіе. Онъ сдѣлалъ съ нея копію, дополнивъ ее, къ сожалѣнію, тѣми прибавленіями, какія считалъ необходимыми, согласно редакціи своего разсказа. Сдѣлалъ это опрометчиво, безъ всякаго руководства географическими знаніями, указывающими намъ теперь его ошибки, онъ ввелъ самый печальный безпорядокъ во всю географію, почерпнутую изъ разсказа, такъ какъ тѣ части карты, которыхъ онъ не измѣнялъ такимъ способомъ и которыя поэтому остались оригинальными, являютъ собою точность, опережающую на многія поколѣнія географію самого Николая Зена младшаго и замѣчательно вѣрно опредѣляютъ мѣсто старой гренландской колоніи. Въ этомъ случаѣ мы не только получили рѣшеніе всѣхъ преній, вызванныхъ по этому поводу, но мы также имѣемъ неоспоримое доказательство существованія самого разсказа, такъ какъ не могъ же, въ самомъ дѣлѣ, Николай Зено младшій такъ геніально сочинить исторію, истину которой онъ исказилъ бы по невѣдѣнію вопреки картѣ.

Имя Zichmni, въ которомъ современные писатели и между ними первый Мажоръ, освободившіе эти факты изъ области басенъ, видятъ имя Синклера, можетъ въ дѣйствительности относиться только къ Оркадскому графу.

Въ тѣ времена приморскія страны Европы опустошались скандинавскими пиратами. Синклеръ, видѣвшій въ Зено искуснаго моряка, привязалъ его къ себѣ и вмѣстѣ съ нимъ покорилъ страну Фрисландію, это гнѣздо морскихъ разбойниковъ, опустошавшихъ сѣверъ Шотландіи. Въ описаніяхъ береговъ XV вѣка и по картамъ начала XVI вѣка подъ этимъ именемъ назывался Ферерскій архипелагъ, что подтверждается тѣмъ, что Buache въ современныхъ названіяхъ гаваней и острововъ этого архипелага находитъ много такихъ, которыя называлъ Зено; наконецъ, подробности, упоминаемыя венеціанскимъ мореплавателемъ о водахъ, раздѣляющихъ этотъ архипелагъ, обильныхъ рыбами и опасныхъ своими мелями, подтверждаются и теперь.

Довольный своимъ положеніемъ, Зено вызвалъ письмомъ къ себѣ своего брата Антоніо. Въ то время, какъ Синклеръ завоевывалъ Ферерскіе острова, норвежскіе пираты опустошали Шотландію, называвшуюся въ то время Эастландіею. Николо поплылъ, чтобы напасть на нихъ, но самъ принужденъ былъ бѣжать отъ ихъ флота, превосходящаго значительностью его флотъ, и скрылся на маленькомъ островкѣ, у береговъ Исландіи.

Перезимовавши на этомъ берегу, въ слѣдующемъ году онъ высадился на восточномъ берегу Гренландіи, подъ 69° сѣверной широты, въ мѣстѣ, „гдѣ находился монастырь ордена проповѣдниковъ и церковь, посвященная св. Ѳомѣ. Келіи отапливались природнымъ источникомъ горячей воды, которую монахи употребили для приготовленія пищи и хлѣба. У монаховъ были также зимніе сады, закрытые въ продолженіе зимы и отапливавшіеся такимъ же образомъ, такъ что эти сады производили цвѣты, плоды и травы, точно находились въ умѣренномъ климатѣ“. Что, повидимому, подтверждаетъ этотъ разсказъ, такъ это то, что одинъ датскій мореплаватель между 1828 и 1830 годами встрѣтилъ подъ 69° поселеніе изъ шестисотъ человѣкъ чисто европейскаго типа.

Но это смѣлое плаваніе въ страну, климатъ которой такъ мало походилъ на климатъ Венеціи, было роковымъ для Зено, умершаго вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Фрисландію.

Одинъ старый морякъ, вернувшійся съ венеціанцемъ и побывавшій, какъ онъ говорилъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ плѣнникомъ въ странахъ крайняго запада, сообщилъ Синклеру такія точныя и соблазнительныя подробности о плодородіи и протяженіи этихъ странъ, что послѣдній рѣшилъ приступить къ ихъ завоеванію при помощи Антоніо Зено, пріѣхавшаго къ своему брату. Но тамошніе народы оказались столь враждебными и такъ энергично воспротивились высадкѣ на ихъ берегъ чужеземцевъ, что Синклеръ принужденъ былъ, послѣ долгаго и опаснаго плаванія, возвратиться въ Фрисландію. Вотъ всѣ подробности, дошедшія до насъ. Онѣ вызываютъ въ насъ большое сожалѣніе по поводу потери тѣхъ изъ нихъ, которыя Антоніо долженъ былъ сообщить въ письмахъ къ своему отцу Карлу относительно странъ, отождествляемыхъ Forster'омъ и Malte-Brun'омъ съ Ньюфаундлендомъ.

Кто можетъ поручиться, что Христофоръ Колумбъ при своемъ

посѣщеніи Англіи, во время своихъ странствованій до Туле, ничего не слышалъ о древнихъ путешествіяхъ норманновъ и братьевъ Зено и что узнанныя имъ свѣдѣнія не служили основаніемъ и проповѣдываемой имъ теоріи и идеямъ, на осуществленіе которыхъ онъ просилъ помощи у англійскаго короля.

Изъ приведенныхъ фактовъ явствуетъ, что Америка была извѣстна европейцамъ и колонизована до Колумба. Но вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, въ числѣ которыхъ на первомъ планѣ стоитъ то, что сношенія между сѣверными и южными странами Европы были крайне рѣдки, открытія норманновъ были очень смутно извѣстны въ Испаніи и Португаліи. Конечно, мы теперь знаемъ больше объ этомъ предметѣ, чѣмъ соотечественники и современники Колумба. Если нѣкоторые слухи и дошли до генуэзскаго мореплавателя, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ ихъ обобщилъ съ тѣми данными, которыя собралъ на островахъ Зеленаго мыса и съ классическими воспоминаніями о знаменитомъ островѣ Антиліи и объ Атлантидѣ по Платону. Всѣ эти свѣдѣнія, собранныя съ различныхъ сторонъ, и привели его, вѣроятно, къ убѣжденію, что востокъ можетъ быть достигнутъ западными путями. Какъ бы то ни было, слава его остается неприкосновенной. Онъ, именно онъ, открылъ Америку, а не тѣ, которыхъ бури и вѣтры занесли туда противъ ихъ воли, безъ всякаго съ ихъ стороны стремленія достигнуть азіатскихъ береговъ. Онъ одинъ къ этому стремился и достигъ бы цѣли, если бы Америка не преградила ему путь.

Свѣдѣнія, которыя мы сейчасъ сообщили о родѣ Кортереаля (Corterеal), хотя и будутъ полнѣе всѣхъ, предлагаемыхъ біографическими лексиконами, все же оставляютъ желать многаго. Такъ какъ исторія, однако, до сихъ поръ не представляетъ ничего бо́льшаго объ этомъ родѣ смѣлыхъ мореплавателей, то приходится довольствоваться малымъ.

Жоао Вацъ Картереаль былъ незаконный сынъ дворянина Васко Аннесъ да-Коста (Vasco Annes da-Costa), получившаго отъ короля насмѣшливое прозвище Кортереаль за великолѣпіе и пышность его дома и его свиты. Преданный, какъ и многіе другіе дворяне его времени, страсти къ морскимъ приключеніямъ, Жоао Вацъ, какъ говорятъ, похитилъ въ Галиціи молодую дѣвушку, Марію Абарку, и сдѣлалъ ее своей женой.

Будучи приближеннымъ инфанта дона Фердинанда, онъ вмѣстѣ

съ Альваро Мартинсомъ Гомемомъ (Alvaro Martins Homem) былъ посланъ королемъ на сѣверъ Атлантическаго океана. Оба мореплаватели замѣтили тогда островъ, называемый въ то время Terra dos Bacalhaos (страна трески); это, вѣроятно, и есть Ньюфаундлендъ. Время этого открытія приблизительно опредѣлено, такъ какъ при своемъ возвращеніи они пристали къ Терцеирѣ, гдѣ, найдя вакантнымъ капитанство (capitainerie) послѣ смерти Жакома Бругеса, обратились въ вдовѣ инфанта дона Фердинанда съ просьбою объ утвержденіи ихъ на это мѣсто, на что она и согласилась съ тѣмъ условіемъ, что они раздѣлятъ власть между собою; вотъ это-то назначеніе и было утверждено указомъ, даннымъ въ Эворѣ 2-го апрѣля 1464 года.

Если нельзя утверждать, что Кортереаль открылъ именно Америку, то во всякомъ случаѣ достовѣрно, что его путешествіе должно было ознаменоваться какимъ-нибудь важнымъ событіемъ. Въ то время дѣлали такіе дары только тѣмъ, кто оказалъ правительству большую услугу.

Поселившись въ Терцеирѣ, Вацъ Кортереаль выстроилъ себѣ въ промежуткѣ между 1490 и 1497 годами въ городѣ Ангрѣ красивый дворецъ, въ которомъ жилъ съ тремя своими дѣтьми. Третій сынъ его, Каспаръ (Gaspard), находившійся на службѣ у короля Эммануила, когда послѣдній былъ еще Бейскимъ герцогомъ, рано почувствовалъ влеченіе къ предпріятіямъ, прославившимъ его отца. Указомъ, даннымъ въ Цинтрѣ отъ 12-го марта 1500 года, король Эммануилъ даровалъ Каспару Кортереалю всѣ острова и материки, которые послѣдній откроетъ. Въ указѣ была сдѣлана королемъ слѣдующая драгоцѣнная прибавка: „уже и раньше онъ ихъ искалъ на свой счетъ и на свои средства“.

Это путешествіе, слѣдовательно, было не первымъ опытомъ Каспара Кортереаля. По всей вѣроятности, его поиски были направлены въ ту сторону, гдѣ отецъ его открылъ островъ Трески. Каспаръ Кортереаль снарядилъ два корабля на свой счетъ, при нѣкоторомъ участіи короля, и, въ началѣ лѣта 1500 года, заѣхавъ въ гавань Терцеиру, онъ поплылъ къ юго-западу. Первое его открытіе была земля, изобиліе и зелень которой привели его въ восхищеніе. Это была Канада. Онъ увидѣлъ тамъ большую рѣку, по которой шелъ ледъ,—рѣку св. Лаврентія,—принятую нѣкоторыми спутниками за морской рукавъ и названную Rio Nevado. „Сбытъ здѣсь такъ значителенъ, что нельзя думать,

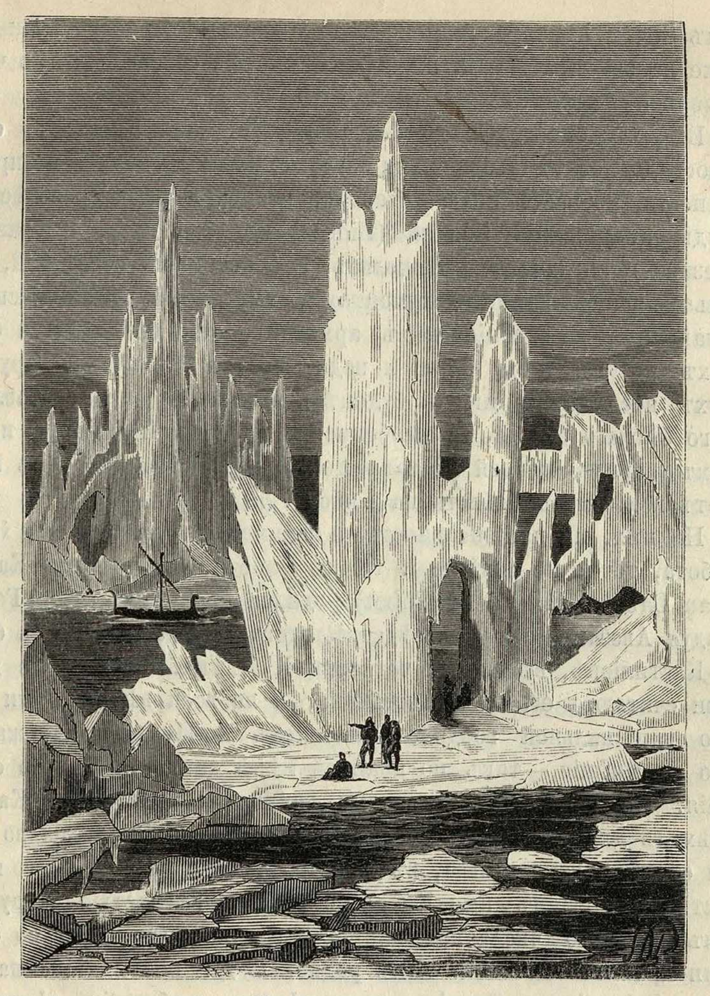
чтобы эта страна представляла собою островъ, и къ тому же страна должна была быть покрытой очень толстымъ слоемъ снѣга, чтобы могъ образоваться такой притокъ воды".

Жилища въ этой странѣ были изъ дерева и покрывались кожей и мѣхами. Жителямъ неизвѣстно было желѣзо и они пользовались мечами изъ заостренныхъ камней; стрѣлы ихъ были снабжены ядомъ или камнями. Высокаго роста и хорошо сложенные, обитатели раскрашивали себѣ лицо и тѣло различными красками, украшались золотыми и мѣдными кольцами и одѣвались въ мѣха.

Кортереаль продолжалъ свое путешествіе и пріѣхалъ къ мысу Bacalhaos, гдѣ „у береговъ встрѣчаются рыбы въ такомъ огромномъ количествѣ, что онѣ затрудняютъ путь каравелламъ". Онъ изслѣдовалъ берегъ на протяженіи двухсотъ лье, отъ 56° до 60° и даже болѣе, всюду давая имена островамъ, рѣкамъ, заливамъ, на что указываютъ имена: Terra de Labrador, Bahia de Conceiçao etc.; онъ вездѣ высаживался и вступалъ въ сношенія съ туземцами. Жестокіе холода и рѣка, загроможденная гигантскими льдинами, помѣшали экспедиціи подняться еще сѣвернѣе и она возвратилась въ Португалію съ пятьюдесятью семью туземцами.

На слѣдующій годъ послѣ своего возвращенія, 15-го мая 1501 года, Каспаръ Кортереаль по приказу отъ 15-го апрѣля получилъ припасы и покинулъ Лиссабонъ въ надеждѣ расширить поле своихъ открытій. Съ тѣхъ поръ о немъ не было никакихъ извѣстій. Его братъ, Мишель Кортереаль, приближенный короля, просилъ и получилъ позволеніе отправиться разыскивать своего брата и продолжить начатое предпріятіе. Договоромъ отъ 15-го января 1502 года, онъ получалъ въ даръ половину земель и острововъ, которые могъ бы открыть его братъ. Отплывъ 10-го мая того-же года съ тремя кораблями, Мишель Кортереаль достигъ Ньюфаундленда, гдѣ раздѣлилъ свою маленькую эскадру, дабы каждый корабль могъ въ отдѣльности изслѣдовать берегъ; при этомъ назначено было мѣсто соединенія. Но къ назначенному времени онъ не явился и остальные два корабля, прождавъ его до 20-го августа, возвратились въ Португалію.

Въ 1503 году король послалъ двѣ каравеллы, чтобы собрать какія-либо свѣдѣнія о двухъ братьяхъ; но поиски ихъ были напрасны, они возвратились, не добившись рѣшительно ничего.



Гренландскіе льды.

Узнавъ объ этомъ печальномъ событіи, послѣдній изъ братьевъ Кортереалей, Васко Аннесъ, бывшій капитаномъ и губернаторомъ острововъ св. Георгія и Терцеиры и алкаидомъ города Тавиллы, рѣшился на свой счетъ снарядить корабль и отправиться на поиски своихъ братьевъ. Но король воспротивился этому намѣренію изъ опасенія потерять послѣдняго изъ этой семьи вѣрныхъ слугъ.

На картахъ того времени Канада часто означается подъ име-

немъ Земли Кортереалей; послѣднее названіе распространилось даже на земли, лежащія ниже и обнимаетъ собою большую часть Сѣверной Америки.

Все, что относится до Жана и Себастьяна Каботовъ, оставалось до послѣдняго времени погруженнымъ въ полную неопредѣленность, не разсѣянную и теперь, несмотря на добросовѣстные труды американца Биддль (Biddle) въ 1831 году, и француза Авезака и англичанина Никольсъ, изъ которыхъ послѣдній, воспользовавшись всѣми документами, вырытыми въ англійскихъ, испанскихъ и венеціанскихъ архивахъ, успѣлъ добиться большихъ результатовъ, хотя и подлежащихъ сомнѣнію. Трудами двухъ послѣднихъ мы и будемъ пользоваться при составленіи этого бѣглаго обзора, въ особенности трудомъ Никольса, имѣющимъ передъ книгой Авезака то преимущество, что онъ передаетъ всю жизнь Себастьяна Кабота.

Ни имя, ни національность, а еще менѣе годъ рожденія Жана Кабота, точно не извѣстны. Жанъ Кабота, Кабото или Каботъ (Jean Cabota, Caboto ou Cabot) родился если не въ самой Генуѣ, слѣдуя Авезаку, то въ сосѣдствѣ этого города и, можетъ быть, въ Кастиліонѣ, въ первой четверти XV вѣка. Нѣкоторые историки считаютъ его за англичанина, и по всей вѣроятности чувство національной гордости склоняетъ и Никольса держаться того же мнѣнія,—такъ по крайней мѣрѣ кажется изъ его сочиненія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Жанъ Каботъ пріѣхалъ для занятія торговлей въ Лондонъ и поселился во второй столицѣ королевства, въ Бристолѣ, въ одномъ изъ его предмѣстій, носившемъ имя Китая, вѣроятно, вслѣдствіе живущаго тамъ большого числа венеціанцевъ, ведшихъ торговлю со странами крайняго Востока. Тамъ родились два послѣдніе сына Кабота, Sebastian и Sanche, если вѣрить сообщенію лѣтописца Эдена: „Себастіанъ Каботъ разсказалъ мнѣ, что онъ родился въ Бристолѣ и что четырехъ лѣтъ отъ роду онъ уѣхалъ съ своимъ отцомъ въ Венецію, а затѣмъ нѣсколько лѣтъ спустя возвратился въ Англію,—это и дало поводъ думать, что онъ родился въ Венеціи“. Въ 1476 году Жанъ Каботъ былъ въ Венеціи и 29-го марта былъ записанъ въ число венеціанскихъ гражданъ. Это обстоятельство говоритъ за то, что онъ вовсе не былъ уроженцемъ этого города и что онъ долженъ былъ оказать республикѣ какую-нибудь услугу, чтобы добиться этихъ правъ.

Авезакъ склоненъ думать, что онъ изучалъ космографію и искусство мореплаванія и, можетъ быть, даже вмѣстѣ съ знаменитымъ флорентинцемъ Полемъ Тосканелли, теорія котораго о распредѣленіи земель и морей на земной поверхности была ему извѣстна. Въ то же время онъ могъ что-нибудь знать объ островахъ, находящихся въ Атлантическомъ океанѣ и извѣстныхъ подъ именемъ Антильскихъ островов и о Землѣ семи городовъ или Бразиліи. Вѣроятнѣе всего, что торговыя дѣла призвали его на востокъ въ Мекку и что тамъ онъ узналъ, изъ какихъ странъ вывозятся пряности, составлявшія въ то время самую значительную отрасль венеціанской торговли.

Каковы бы ни были эти свѣдѣнія, вѣрно то, что онъ основалъ въ Бристолѣ большое торговое учрежденіе. Сынъ его Себастіанъ, пріохотившійся къ морю съ перваго путешествія, ознакомился со всѣми извѣстными тогда отраслями искусства мореплаванія и совершилъ нѣсколько плаваній по океану, чтобы на практикѣ изучить то искусство, которое онъ зналъ въ теоріи. „Въ одной запискѣ испанскаго посланника отъ 25-го іюля 1498 года, по поводу экспедицій Кабота, говорится, что уже въ продолженіе семи лѣтъ бристольцы, по фантазіи этого генуэзца, снаряжаютъ по двѣ, по три и по четыре каравеллы на поиски острова Бразиліи или семи городовъ“. Въ то время по всей Европѣ прошелъ слухъ объ открытіяхъ Колумба. „У меня родилось,—говоритъ Себастіанъ Каботъ въ одномъ письмѣ, сохраненномъ Рамузіо,—большое желаніе и сердечное влеченіе сдѣлать самому что-нибудь особенное, и я, ознакомившись съ земнымъ шаромъ, рѣшилъ, что скорѣе доѣду до Индіи, если буду ѣхать при помощи западнаго вѣтра. Я сообщилъ свой проектъ его величеству и онъ остался имъ очень доволенъ“. Король, къ которому обратился Каботъ, былъ тотъ самый Генрихъ VII, который нѣсколькими годами раньше отказалъ Колумбу во всякой поддержкѣ. Понятно, что онъ отнесся благосклонно къ проекту, представленному Жаномъ и Себастіаномъ. Хотя изъ приведеннаго нами выше отрывка ясно, что Себастіанъ приписываетъ исключительно себѣ всю честь этого проекта, но тѣмъ не менѣе достовѣрно, что иниціаторомъ предпріятія былъ его отецъ, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая хартія, приводимая нами въ сокращенномъ видѣ: „Мы, Генрихъ... разрѣшаемъ Жану Каботу, гражданину Венеціи и его сыновьямъ, Луизу, Себастіану

и Санхо, отправиться подъ нашимъ флагомъ съ пятью кораблями такого размѣра и съ такимъ количествомъ экипажа, какіе они найдутъ необходимымъ, совершать открытія на ихъ путевыя издержки... мы жалуемъ имъ и ихъ потомкамъ право покорять страны и владѣть ими.... съ условіемъ, что они изъ всѣхъ своихъ выгодъ, барышей и доходовъ будутъ уплачивать намъ пятую часть всего, что достигнется каждымъ отдѣльнымъ плаваніемъ, и каждый разъ при ихъ входѣ въ Бристольскую гавань (въ этой гавани они только и имѣютъ право приставать)..... освобождаемъ ихъ и ихъ наслѣдниковъ отъ уплаты всякихъ пошлинъ на товары, которые они будутъ привозить изъ открытыхъ ими странъ... Повелѣваемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ на сушѣ и на морѣ оказывать покровительство и помощь названному Жану и его сыновьямъ... Данъ въ... 5-го марта 1495 года".

Такова хартія, дарованная Жану Каботу и его сыновьямъ по ихъ возвращеніи съ американскаго континента, а не до этого путешествія, какъ это нѣкоторые утверждаютъ. Какъ только вѣсть объ открытіяхъ Колумба достигла Англіи, вѣроятно, въ 1493 году,—Жанъ и Себастіанъ снарядили на свой счетъ экспедицію и въ началѣ 1494 года выѣхали съ намѣреніемъ достигнуть Китая и затѣмъ Индіи. Насчетъ этого плаванія не можетъ быть никакого сомнѣнія, такъ какъ въ Парижской національной библіотекѣ хранится единственный экземпляръ карты, гравированной въ 1541 году, т.-е. при жизни Себастіана Кабота; она свидѣтельствуетъ объ этомъ путешествіи и о точномъ времени открытія Капъ-Бретона.

Вѣроятно, интригамъ испанскаго посланника слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что экспедиція очень запоздала и что весь 1496 годъ прошелъ для этой экспедиціи безъ того, чтобы она что-нибудь предприняла.

Въ слѣдующемъ году, въ началѣ лѣта Каботъ выѣхалъ. Замѣтивъ Terre Prime-Vue, онъ поплылъ по берегу и вскорѣ, къ своему большому разочарованію, убѣдился, что она ведетъ къ сѣверу. „Тогда я поплылъ вдоль берега въ надеждѣ найти какой-нибудь проходъ, но не нашелъ его, хотя поднялся до 56°; видя, что берегъ поворачиваетъ къ востоку, я отчаялся открыть этотъ проходъ и повернулъ на другой галсъ, чтобы изслѣдовать берегъ по направленію къ экватору, все съ тѣмъ же намѣреніемъ—найти проѣздъ въ Индію. Наконецъ я достигъ страны, теперь

называемой Флоридой, но, ощутивъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, я рѣшилъ возвратиться въ Англію". Этотъ разсказъ, начало котораго мы привели выше, былъ переданъ самимъ Каботомъ Фракастору, лѣтъ сорокъ или пятьдесятъ спустя послѣ самаго событія. Поэтому неудивительно, что Каботъ смѣшиваетъ въ немъ два совершенно различныя мореплаванія за 1494 и 1497 годъ. Прибавимъ нѣкоторыя соображенія къ этому разсказу: первая замѣченная ими земля былъ несомнѣнно Нордъ-Капъ, сѣверная оконечность острова Капъ-Бретонъ и противолежащій островъ Принца Эдуарда, долгое время извѣстный подъ именемъ острова Санъ-Жана. Каботъ проникъ, по всей вѣроятности, въ лиманъ рѣки св. Лаврентія, которую принялъ за морской заливъ, около того мѣста, гдѣ теперь возвышается Квебекъ и затѣмъ поѣхалъ вдоль сѣвернаго берега залива до Лабрадора, углубляющагося на востокъ. Онъ принялъ Ньюфаундлендъ за архипелагъ и продолжалъ путь къ югу, но безъ сомнѣнія достигъ не до Флориды, какъ онъ говоритъ,—время, употребленное на это путешествіе, не позволяетъ вѣрить, чтобы онъ спускался такъ низко,—а до Чизапикскаго залива. Здѣсь расположены страны, которыя испанцы назвали позднѣе Terra de Estevam Gomez.

3-го февраля 1498 года король Генрихъ VII подписалъ въ Вестминстерѣ новую жалованную грамату. Онъ давалъ позволеніе Жану Каботу или его представителю взять изъ гаваней Англіи шесть кораблей въ двѣсти тоннъ и пріобрѣсти за казенную цѣну все, необходимое для вооруженія. Король позволилъ ему взять съ собой корабельныхъ мастеровъ, пажей и другихъ изъ его подданныхъ, которые добровольно захотятъ поѣхать съ нимъ и жить въ новооткрытыхъ странахъ и островахъ. Жанъ Каботъ снарядилъ на свой счетъ два корабля, остальные три были снаряжены на счетъ бристольскихъ купцовъ.

По всѣмъ вѣроятіямъ, смерть—смерть неожиданная и скоропостижная, помѣшала Жану Каботу принять начальство надъ этой экспедиціей. Поэтому командованіе надъ флотомъ, на которомъ находилось триста человѣкъ и припасовъ на годъ, перешло къ сыну его, Себастіану. Подъ 45° Себастіанъ встрѣтилъ землю и слѣдовалъ по берегу до 58°, быть можетъ, даже выше; но, несмотря на іюль мѣсяцъ, температура была такъ сурова и плавучія льдины были въ такомъ изобиліи, что углубиться еще сѣ-

вернѣе не было возможности. Дни были очень длинны, а ночи чрезвычайно свѣтлы — интересная подробность для опредѣленія достигнутой широты, такъ какъ намъ извѣстно, что подъ шестидесятою параллелью самые длинные дни продолжаются восемнадцать часовъ. Такія условія заставили Себастіана Кабота повернуть на другой галсъ, и онъ присталъ къ островамъ Bacalhaos, жители которыхъ, покрытые звѣриными шкурами, были вооружены луками и стрѣлами, дротиками, копьями и деревянными мечами. Мореплаватели наловили у этихъ острововъ большое количество трески. Ея было такъ много, — говорится въ одномъ старомъ повѣствованіи,—что она мѣшала ходу кораблей. Проплывъ вдоль американскаго берега до 38°, Каботъ повернулъ въ Англію и прибылъ туда въ началѣ осени.

Въ общемъ, экспедиція эта стремилась къ осуществленію троякой цѣли: открытій, торговли и колонизаціи; на это указываетъ и число участвовавшихъ въ экспедиціи кораблей и численность экипажа. Однако, не видно, чтобы Каботъ гдѣ-нибудь высаживался или предпринималъ что-нибудь для основанія учрежденій ни въ Лабрадорѣ, ни въ Гудзоновомъ заливѣ, изслѣдованномъ имъ полнѣе въ царствованіе Генриха VIII, въ 1571 году, ни ниже странъ Bacalhaos, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Ньюфаундленда.

Вслѣдствіе безрезультатности этой экспедиціи мы, если не вполнѣ теряемъ изъ виду Кабота, то во всякомъ случаѣ до 1517 года мы ничего не знаемъ ни о его дѣлахъ, ни о его путешествіяхъ. Мореплаватель Гойеда, о предпріятіи котораго мы разсказали выше, покинулъ Испанію въ маѣ 1499 года и, какъ намъ извѣстно, встрѣтилъ на американскомъ берегу, въ Кaквибако, англичанина. Былъ-ли это Каботъ—ничто не даетъ основанія это утверждать, хотя Каботъ, какъ нужно думать, и оставался въ это время въ бездѣятельности. Намъ извѣстно, что англійскій король, вопреки привиллегіямъ, дарованнымъ Каботу, разрѣшилъ португальцамъ и бристольскимъ купцамъ право торговли въ странахъ, открытыхъ первымъ. Такое неблагодарное отношеніе короля къ заслугамъ Кабота склонило его принять дѣлавшееся ему неоднократно предложеніе — перейти на службу въ Испанію. Послѣ смерти Веспучи, въ 1512 году, Каботъ былъ самымъ извѣстнымъ мореплавателемъ. Чтобы склонить его къ себѣ, Фердинандъ обратился 13-го сентября 1512 года съ пись-

момъ къ лорду Уиллаугби (Willougby), главнокомандующему переведенными въ Италію войсками и предложилъ ему заключить договоръ съ венеціанскимъ мореплавателемъ.

По своемъ пріѣздѣ въ Кастиллію, Каботъ, указомъ отъ 20-го октября 1512 года, былъ пожалованъ званіемъ капитана и ему было опредѣлено жалованье въ 5,000 мараведисовъ. До тѣхъ поръ, пока представится случай воспользоваться его услугами, Севилья была назначена ему мѣстопребываніемъ. Пока обсуждался вопросъ о ввѣреніи ему начальства надъ важной экспедиціей, Фердинандъ Католикъ 23-го января 1516 года умеръ. Каботъ тотчасъ вернулся въ Англію, получивъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, отпускъ.

Эденъ сообщаетъ, что въ слѣдующемъ году Каботъ, вмѣстѣ съ Томасомъ Пертомъ (Thomas Pert) былъ назначенъ начальникомъ флота, снаряженнаго для плаванія въ Китай по сѣверо-западному пути. 11-го іюня онъ былъ въ Гудзоновомъ заливѣ по $67^1/_2$ широты; море, свободное отъ льдовъ, разстилалось въ такую даль, что онъ надѣялся достигнуть цѣли предпріятія, но низость его товарища, трусость и упрямство экипажа, отказавшагося плыть далѣе, заставили его вернуться въ Англію. Въ своемъ „Theatrum orbis terrarum“ Ортеліусъ изображаетъ форму Гудзонова залива и представляетъ его такимъ, каковъ онъ есть въ дѣйствительности; при этомъ онъ у сѣверной его оконечности отмѣчаетъ проливъ, ведущій на сѣверъ. Откуда такая точность? Кто далъ этому географу такія свѣдѣнія, если не Каботъ?—говоритъ Никольсъ.

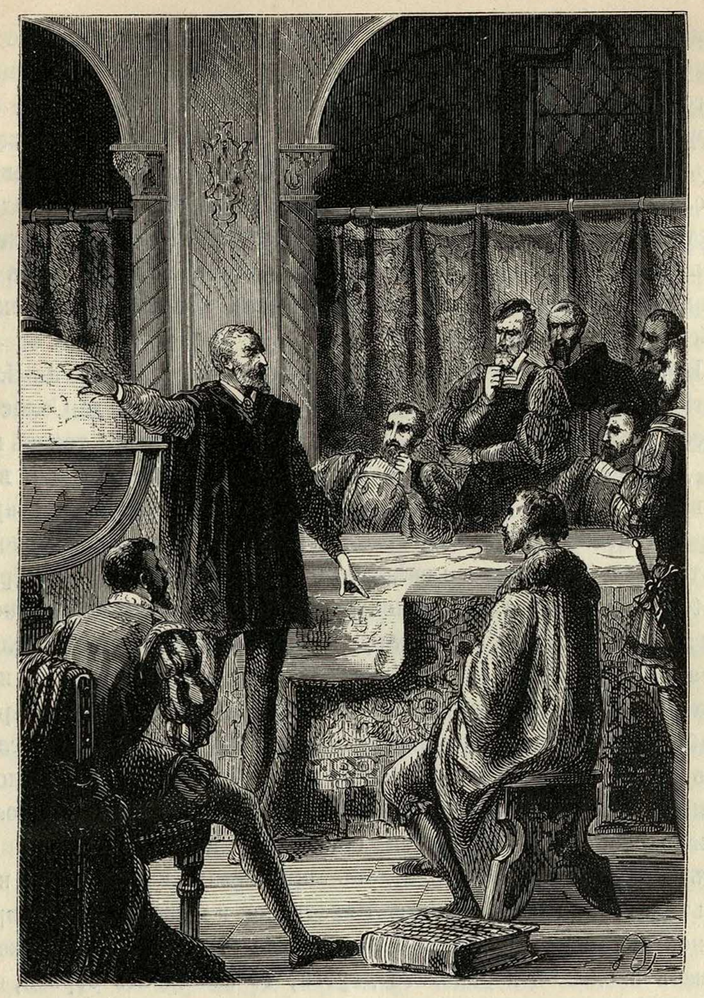
При своемъ возвращеніи въ Англію, Каботъ нашелъ страну, страшно опустошенную чумой, пріостановившей даже коммерческія дѣла. Вскорѣ, потому-ли, что кончался срокъ его отпуска, или потому, что онъ опасался стать жертвою свирѣпствовавшаго бича, или, быть можетъ, потому, что его звали въ Испанію,— венеціанскій путешественникъ отправился въ эту страну. Въ 1518 году 5-го февраля Каботъ былъ назначенъ главнымъ штурманомъ (pilote maior) съ жалованьемъ, составлявшемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ уже получалъ, сумму въ 125,000 мараведисовъ, или 300 дукатовъ. Къ отправленію своихъ обязанностей онъ приступилъ только послѣ возвращенія Карла V изъ Англіи. На его обязанности лежало экзаменовать всѣхъ кормчихъ, отправлявшихся въ Индію, на что не давалось никому разрѣшенія безъ этого экзамена.

Время не благопріятствовало значительнымъ экспедиціямъ. Борьба между Франціей и Испаніей поглощала и людей, и всѣ средства обѣихъ странъ. Каботъ, для котораго, какъ кажется, наука представляла болѣе дорогое отечество, чѣмъ та или другая страна, сдѣлалъ нѣкоторыя предложенія венеціанскому посланнику, Кантарини, въ которыхъ заявлялъ о своемъ желаніи поступить на службу въ республиканскій флотъ. Но когда Совѣтъ Десяти прислалъ ему благопріятный отвѣтъ, онъ былъ уже занятъ другими планами, увлекшими его далеко отъ прежняго желанія.

Въ апрѣлѣ 1524 года Каботъ предсѣдательствовалъ на съѣздѣ моряковъ и космографовъ, собравшихся въ Бадайосѣ, чтобы рѣшить, кому принадлежатъ по Тордезильяскому договору Молукскіе острова: Испаніи или Португаліи. 31-го мая воспослѣдовало рѣшеніе, что Молукскіе острова, находясь за 20 градусомъ, принадлежатъ Испаніи. Быть можетъ, это рѣшеніе юнты, передававшее въ руки Испаніи большую часть торговли пряностями, оказало свое вліяніе и на совѣтъ по индѣйскимъ дѣламъ. Какъ бы то ни было, въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года Каботъ былъ уполномоченъ принять начальство съ титуломъ главнаго капитана надъ флотомъ, состоящимъ изъ трехъ кораблей въ сто тоннъ и изъ маленькой каравеллы и надъ экипажемъ въ сто пятьдесятъ человѣкъ.

Цѣль экспедиціи была опредѣлена слѣдующимъ образомъ: флотъ пройдетъ Магеллановъ проливъ, тщательно изслѣдуетъ западные берега Америки и достигнетъ Молукскихъ острововъ, гдѣ заберетъ грузъ пряностей и затѣмъ отправится обратно. Августъ 1525 года былъ назначенъ временемъ отплытія, но интриги Португаліи успѣли задержать экспедицію до апрѣля 1526 года.

Многія обстоятельства не предвѣщали экспедиціи ничего хорошаго. Власть Кабота была только номинальна, и коммерческое товарищество, на средства котораго была снаряжена экспедиція, не пожелало признать его власть и нашло возможнымъ противодѣйствовать всѣмъ планамъ и распоряженіямъ венеціанскаго путешественника. Такимъ образомъ они не признали того помощника начальника, котораго онъ назначилъ, и выбрали другого; также всѣ инструкціи, которыя должны были быть распечатаны только въ открытомъ морѣ, были извѣстны каждому капитану. Въ нихъ заключалось нелѣпое распоряженіе, гласящее, что, въ



Каботъ предсѣдательствуетъ на съѣздѣ космографовъ.

случаѣ смерти главнаго начальника, одиннадцать назначенныхъ человѣкъ наслѣдуютъ ему по-очереди. Не было-ли это поощренiе къ убiйству?

Едва только земля пропала изъ виду, какъ на корабляхъ обнаружилось недовольство. Стали роптать, что главный капитанъ не стоитъ на высотѣ своей задачи; затѣмъ, такъ какъ эти обвиненiя не оказывали на него никакого дѣйствiя, то стали утверждать, что съѣстные припасы приходятъ къ концу. При первой

остановкѣ у берега вспыхнулъ мятежъ; но Каботъ вовсе не принадлежалъ къ числу легко сдающихся людей. Онъ слишкомъ много претерпѣлъ отъ низости Томаса Перта, чтобы поддаться теперь новой низости. Дабы пресѣчь зло въ корнѣ, онъ захватилъ возмутившихся капитановъ. Не взирая на ихъ репутацію и на славу ихъ прежнихъ заслугъ, онъ усадилъ ихъ въ лодку и спустилъ на берегъ. Четыре мѣсяца спустя, имъ посчастливилось быть найденными португальской экспедиціей, которая, какъ есть основаніе думать, имѣла цѣлью мѣшать исполненію проектовъ Кабота.

Венеціанскій путешественникъ углубился въ Ріо де ла-Плату, изслѣдованіе которой началъ его предшественникъ де-Солисъ въ качествѣ главнаго штурмана. Вся экспедиція состояла теперь всего изъ двухъ судовъ, такъ какъ одно судно затерялось во время плаванія. Каботъ поднялся по Аргентинской рѣкѣ и открылъ островъ, который назвалъ Франсуа-Габріель; тамъ онъ основалъ фортъ Санъ-Сальвадоръ и ввѣрилъ начальствованіе Антоніо Граедѣ (Antonio de Graeda). На одной изъ своихъ каравеллъ, со снесеннымъ килемъ, Каботъ, буксируемый своими лодками, вошелъ въ Парану, построилъ при сліяніи Каркарамы и Терцеиры новый фортъ и, обезпечивъ себѣ линію отступленія, углубился въ рѣки. Приблизившись къ сліянію Параны и Парагвая, онъ послѣдовалъ по послѣдней, направленіе которой больше отвѣчало его планамъ,—достигнуть той западной страны, откуда идетъ золото. Однако скоро и страна и ея обитатели измѣнились. До сихъ поръ обитатели при видѣ судовъ прибѣгали изумленные; но на культивированныхъ берегахъ Парагваяон и мужественно воспротивились высадкѣ иностранцевъ, и когда три испанца пожелали сорвать плоды съ пальмоваго дерева, то завязалась борьба, окончившаяся смертью трехсотъ туземцевъ. Эта побѣда выбила изъ строя двадцать пять испанцевъ. Это было для Кабота очень чувствительно, и онъ удалился со своими ранеными въ фортъ Санъ-Спирито.

Каботъ отправилъ двухъ своихъ товарищей къ королю, котораго извѣщалъ о возмущеніи своихъ капитановъ, объяснилъ причины измѣненія назначеннаго курса и просилъ людей и припасовъ. Король отвѣтилъ, что одобряетъ дѣйствія Кабота, что онъ повелѣваетъ колонизовать страны, открытыя Каботомъ, но не прислалъ ему ни одного человѣка и ни одного мараведиса. Ка-

ботъ былъ поставленъ въ необходимость доставать въ странѣ недостающія ему средства и съ этой цѣлью сдѣлалъ попытку культуры страны. Въ то же время, чтобы войска не оставались праздными, онъ покорялъ сосѣдніе народы, строилъ крѣпости и, поднявшись, по Парагваю, достигалъ Потози и рѣкъ Андовъ, питающихъ бассейнъ Атлантическаго океана. Онъ готовился, наконецъ, проникнуть въ Перу, откуда шло золото и серебро, которыя онъ видѣлъ у туземцевъ; но для того, чтобы предпринять завоеваніе этой обширной страны, ему нужно было имѣть гораздо больше войска, чѣмъ онъ могъ собрать. Король между тѣмъ не имѣлъ возможности прислать ему людей. Войны съ Европой поглощали всѣ средства, кортесы отказывалисъ вотировать новые налоги, и Молукскіе острова были заложены Португаліи. При такихъ условіяхъ Каботъ прожилъ пять лѣтъ въ странѣ въ ожиданіи помощи, которая не явилась; затѣмъ, разрушивъ нѣкоторыя свои укрѣпленія, онъ и часть его экипажа возвратились въ Испанію. Остальная часть, въ числѣ ста двадцати человѣкъ, была оставлена охранять крѣпость Санъ-Спирито и послѣ многихъ случайностей, о которыхъ мы говорить не будемъ, отчасти погибла отъ рукъ индѣйцевъ, отчасти нашла убѣжище на берегахъ Бразиліи въ португальскихъ учрежденіяхъ. Въ пампасахъ Ла-Платы нынѣ распространена изумительная порода дикихъ лошадей, ведущихъ свое начало отъ лошадей, привезенныхъ Каботомъ,—и это единственный результатъ экспедиціи.

Спустя нѣкоторое время послѣ своего возвращенія въ Испанію, Каботъ сложилъ съ себя должность и въ 1548 году, т.-е. въ началѣ царствованія Эдуарда VI, вернулся въ Бристоль. Что побудило его на эту новую перемѣну? Былъ-ли Каботъ недоволенъ тѣмъ, что во время экспедиціи былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ? Считалъ-ли онъ себя обиженнымъ недостаточнымъ вознагражденіемъ за его услуги? Мы не умѣемъ отвѣтить. Но Карлъ V воспользовался отъѣздомъ Кабота, чтобы лишить его пенсіи, которую поспѣшилъ восполнить Эдуардъ VI, назначивъ ему ежегодную сумму въ 250 марокъ, или 116 съ дробью фунтовъ стерлинговъ, что составляло по тому времени очень значительную сумму.

Постъ, занятый Каботомъ въ Англіи, не можетъ быть иначе опредѣленъ, какъ постъ управляющаго морскою частью (inten-

dant de la marine), такъ какъ онъ наблюдалъ за всѣми морскими дѣлами, находящимися подъ властью короля и совѣта. Онъ даетъ разрѣшеніе, онъ экзаменуетъ кормчихъ, онъ редактируетъ инструкціи, онъ составляетъ карты,—работа сложная, разнообразная, для которой онъ обладалъ, что случается крайне рѣдко, и теоретическими и практическими свѣдѣніями. Въ то же время онъ преподавалъ молодому королю космографію, объяснялъ ему уклоненія компаса и успѣлъ заинтересовать его и самымъ мореплаваніемъ и тою славой, какую приносятъ морскія открытія. Положеніе Кабота было очень значительное и почти единственное. Онъ воспользовался этимъ положеніемъ, чтобы привести въ исполненіе проектъ, который онъ давно ласкалъ.

Въ то время торговля въ Англіи, такъ сказать, не существовала. Всѣ коммерческія сдѣлки находились въ рукахъ ганзейскихъ городовъ Антверпена, Гамбурга, Бремена и пр. Эти торговыя товарищества различными способами добились пониженія ввозныхъ пошлинъ и кончили тѣмъ, что монополизировали англійскую торговлю. Каботъ полагалъ, что англичане обладаютъ также способностями, чтобы сдѣлаться мануфактуристами, и что флотъ, которымъ они владѣютъ, совершенно достаточенъ, чтобы служить для сбыта продуктовъ почвы и фабрикъ. Зачѣмъ прибѣгать къ иностранцамъ, когда можно обойтись собственными силами? Если Китай и Индія не могли быть достигнуты сѣверозападной дорогой, то нельзя ли попробовать добраться до нихъ сѣверовосточной? И если это не удастся, то не найдутся ли съ этой стороны болѣе торговые и болѣе цивилизованные народы, чѣмъ жалкіе эскимосы береговъ Лабрадора и Ньюфаундленда?

Каботъ собралъ нѣкоторыхъ значительныхъ лондонскихъ коммерсантовъ, изложилъ имъ свои проекты и затѣмъ успѣлъ изъ нихъ образовать товарищество, президентомъ котораго онъ былъ выбранъ, 14-го декабря 1551 года, на всю жизнь. Въ то же время онъ энергически дѣйствовалъ на короля, которому объяснилъ всю невыгоду для страны отъ монополіи въ рукахъ иностранцевъ всей англійской торговли и въ концѣ концовъ добился того, что 23 февраля 1551 года эта монополія была уничтожена, и торговля была объявлена свободной.

Товарищество англійскихъ купцовъ, присвоившее себѣ названіе „marchands aventuries“, не медлило сооруженіемъ кораблей, приспособленныхъ ко всѣмъ трудностямъ плаванія по сѣвернымъ

странамъ. Первое усовершенствованіе, которымъ англійское мореходство обязано Каботу, состояло въ мѣдной обшивкѣ килевой части корабля,—такая обшивка существовала уже въ Испаніи, но еще не практиковалась въ Англіи.

Флотилія изъ трехъ кораблей была соединена въ Дептфордѣ: на „Buona-Speranza" командовалъ Гуго Уиллаугби (Hugh-Willoughby), храбрый дворянинъ, прославившійся на войнѣ; на „Buona Confidentia"—капитанъ Корниль Дурфортъ (Cornil Durforth), на „Bonaventure"—капитанъ Ричардъ Ченслеръ (Richard Chancellor), искусный морякъ, близкій другъ Кабота, получившій званіе старшаго штурмана. Sailing master на „Bonaventure" былъ Стефанъ Бурраy (Stephen Burrough), отличный морякъ, совершившій многочисленныя плаванія въ сѣверныя моря и получившій впослѣдствіи званіе штурманскаго начальника въ Англіи.

Лѣта и сложныя обязанности не позволяли Каботу стать во главѣ экспедиціи и потому онъ желалъ по крайней мѣрѣ входить во всѣ мелочи по снаряженію экспедиціи. Онъ самъ составлялъ всѣ инструкціи, сохранившіяся до нашего времени и свидѣтельствующія объ умѣ и предусмотрительности этого замѣчательнаго мореплавателя. Онъ рекомендуетъ лагъ, какъ инструментъ, назначенный для измѣренія скорости хода корабля, онъ настаиваетъ на правильномъ веденіи журнала морскихъ событій, чтобы составлялись письма о характерѣ, нравахъ, привычкахъ, средствахъ народовъ, которыхъ посѣтитъ экспедиція, а также и о произведеніяхъ страны. Въ отношеніи туземцевъ рекомендовалось самое обходительное обращеніе и отнюдь не прибѣгать ни къ какимъ жестокимъ мѣрамъ. Всякая форма богохульства должна быть строго наказана точно такъ же, какъ и пьянство. Религіозныя отправленія также были предписаны: утромъ и вечеромъ всѣ должны были молиться и разъ въ день должно было читаться священное писаніе. Въ заключеніе онъ проситъ всѣхъ поддерживать между собою союзъ и согласіе, напоминаетъ капитанамъ о серьезности ихъ предпріятія и о чести, какую оно имъ дѣлаетъ; наконецъ, онъ обѣщаетъ присоединить свои молитвы за успѣхъ общаго дѣла.

Послѣ цѣлаго ряда празднествъ, на которыхъ король не присутствовалъ только вслѣдствіе болѣзни, среди громаднаго стеченія народа, въ присутствіи всего двора, собравшагося въ Гренвичѣ 20-го мая 1558 года, эскадра подняла паруса. Вблизи

Лоффоденскихъ острововъ, у береговъ Норвегіи, на высотѣ Вардхауса, „Bonaventure“ отдѣлилась отъ эскадры. Оба корабля Уиллаугби, унесенные бурей, пристали, вѣроятно, къ Новой Землѣ и затѣмъ, тѣснимые льдинами, направились къ югу. 18-го сентября они вошли въ гавань, образуемую устьемъ рѣки Арзины въ восточной Лапландіи. Спустя нѣсколько времени, „Buona Confidencia“, отдѣленная бурей отъ Уиллаугби, возвратилась въ Англію; что касается послѣдняго, то русскіе рыболовы нашли въ слѣдующемъ году его корабль, затертый льдами. Весь экипажъ замерзъ. Такъ по крайней мѣрѣ можно думать по журналу, который несчастный Уиллаугби велъ до января 1554 года.

Ченслеръ, тщетно прождавши оба корабля въ условленномъ мѣстѣ, подумалъ, что они его опередили и, обогнувъ Нордъ-Капъ, вступилъ въ обширный заливъ, который есть не что иное, какъ Бѣлое море. Затѣмъ онъ высадился у устья Двины, около монастыря св. Николая, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вскорѣ былъ построенъ городъ Архангельскъ. Жители этихъ пустынныхъ странъ сообщили ему, что они находятся подъ владычествомъ русскаго великаго князя. Несмотря на громадное разстояніе, отдѣлявшее его отъ Москвы, онъ рѣшилъ тотчасъ же туда отправиться. Тогда царствовалъ въ Россіи Іоаннъ Васильевичъ, названный Грознымъ. Уже прошло нѣсколько времени, какъ русскіе сбросили съ себя монгольское иго, и Іоаннъ соединилъ маленькія враждующія княжества въ одно, могущество котораго становилось значительнымъ. Континентальное положеніе Россіи, удаленной отъ торговыхъ морей и отъ остальной Европы, съ которой она еще не сносилась, благодаря азіатскому давленію на ея нравы и обычаи, сулило Ченслеру успѣхъ. Царь, пріобрѣтавшій до тѣхъ поръ европейскіе товары только черезъ посредство Польши и вслѣдствіе этого желавшій снестись съ нѣмецкими морями, могъ только съ удовольствіемъ принять предложеніе англичанъ—установить постоянную торговлю, выгодную для обѣихъ сторонъ. Онъ принялъ Ченслера привѣтливо, сдѣлалъ ему самыя выгодныя предложенія, даровалъ большія привиллегіи и ласковостью своего пріема поощрилъ его повторить путешествіе. Ченслеръ продалъ съ барышомъ свои товары, нагрузилъ корабль мѣхами, тюленевымъ и китовымъ жиромъ, мѣдью и другими произведеніями, а затѣмъ возвратился въ Англію съ письмомъ отъ царя. Выгоды, которыя товарищество „marchands avanturies“



Ченслеръ у Іоанна Грознаго.

извлекло изъ перваго путешествія, побудили его предпринять второе. Черезъ годъ Ченслеръ совершилъ новую поѣздку въ Архангельскъ и привезъ въ Россію двухъ агентовъ „товарищества", которые заключили съ царемъ выгодный договоръ. Затѣмъ онъ возвратился въ Англію съ посланникомъ и съ его свитой, которыхъ Іоаннъ посылалъ въ Великобританію. Изъ четырехъ кораблей, составлявшихъ флотилію, одинъ погибъ у береговъ Норвегіи, другой—въ виду Дронтгейма, а „Bonaventure", на которой на-

ходились Ченслеръ и посланникъ, погибла въ бухтѣ Питслиго, на восточномъ берегу Шотландіи, 10-го ноября 1556 года. Ченслеръ, менѣе счастливый, чѣмъ русскій посланникъ, которому удалось спастись, утонулъ при этомъ кораблекрушеніи. Подарки и товары также погибли.

Таково было начало англійскаго союза съ Россіей. Много экспедицій слѣдовали одна за другой въ тѣ же страны, но передавать о нихъ—значило-бы выйти изъ рамки нашей задачи. И такъ возвратимся къ Каботу.

Извѣстно, что англійская королева Марія вышла замужъ за Филиппа II, короля Испаніи. Когда послѣдній пріѣхалъ въ Англію, онъ оказалъ пренебреженіе Каботу, покинувшему службу въ Испаніи и въ то же время работавшему въ пользу англійской торговли, которая могла вскорѣ увеличить морское могущество и безъ того опасной державы. Поэтому нисколько не странно, что, спустя восемь дней послѣ отъѣзда короля Испаніи, Каботъ былъ лишенъ и должности и пенсіи, дарованной ему Эдуардомъ VI пожизненно. Вортингтонъ былъ назначенъ на его мѣсто. Никольсъ лишаетъ этого человѣка всякаго уваженія и говоритъ, что, дѣйствія его были далеко не добросовѣстны; онъ имѣлъ секретныя полномочія воспользоваться тѣми изъ плановъ, картъ, инструкцій и проектовъ Кабота, которые могли бы оказаться полезными для Испаніи. Надо замѣтить, что всѣ эти документы теперь утеряны.

Съ этого момента исторія теряетъ совершенно изъ виду стараго моряка. Тотъ же мракъ, которымъ окружено его рожденіе, покрылъ годъ и мѣсто его смерти. Его обширныя открытія, его работы по космографіи, его ученіе объ отклоненіи магнитной стрѣлки, его мудрость, человѣколюбіе, благородство—даютъ ему право на одно изъ видныхъ мѣстъ среди первыхъ мореплавателей. Покрытый мракомъ и легендарною неопредѣленностью образъ Кабота обязанъ своимъ біографамъ Биддлю, Авезаку и Никольсу тѣмъ, что онъ выяснился, что его оцѣнили и освѣтили заслуженнымъ свѣтомъ.

II.

Жанъ Веррацано.—Жакъ Картье и три его путешествія въ Канаду.—Городъ Гошелага.—Курительный табакъ.—Скорбутъ.—Путешествіе Роберваля.—Мартинъ Фробишеръ и его путешествія.—Джонъ Девисъ.—Беренцъ

и Геемскерке. — Шпицбергенъ. — Зимовка въ Новой Землѣ. — Возвращеніе въ Европу.—Остатки экспедиціи.

Отъ 1492 до 1524 года Франція, по крайней мѣрѣ оффиціально, держалась въ сторонѣ отъ всякихъ открытій и колонизаторскихъ предпріятій. Но Францискъ I не могъ оставаться спокойнымъ, видя, какъ могущество имперіи его сосѣда Карла V увеличилось пріобрѣтеніемъ Мексики. И такъ, онъ уполномочилъ находящагося у него на службѣ венеціанца, Жана Веррацциано, совершить путешествіе. Хотя страны, посѣщенныя этимъ путешественникомъ, были уже обозрѣны неоднократно, мы все же остановимся немного на этомъ путешествіи, такъ какъ случилось въ первый разъ то, что французскій флагъ развѣвался у береговъ Новаго Свѣта. Это изслѣдованіе, впрочемъ, подготовило другія путеществія Жака Картье и Шамплена въ Канаду, точно такъ же, какъ и несчастныя попытки колонизаціи на Флоридѣ Жана Рибо и Лодонніера.

О Веррацциано не сохранилось никакихъ біографическихъ подробностей. Намъ неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ находился онъ на службѣ во Франціи, точно такъ же какъ и неизвѣстно, какія качества и достоинства заслужили ему начальствованіе надъ экспедиціей, — о венеціанскомъ путешественникѣ имѣется у насъ только одинъ итальянскій переводъ его докладной записки королю Франциску I, помѣщенный въ сборникѣ Рамузіо. Съ итальянскаго перевода есть и краткій французскій переводъ, вошедшій въ сочиненіе Лескарбо о Новой Франціи и въ книгу „Histoir des Voyages“. Для нашего бѣглаго очерка мы будемъ пользоваться итальянскимъ текстомъ Рамузіо, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя въ переводѣ Лескарбо даютъ понятіе о богатствѣ, оригинальности и удивительной музыкальности этого языка въ эпоху XVI вѣка.

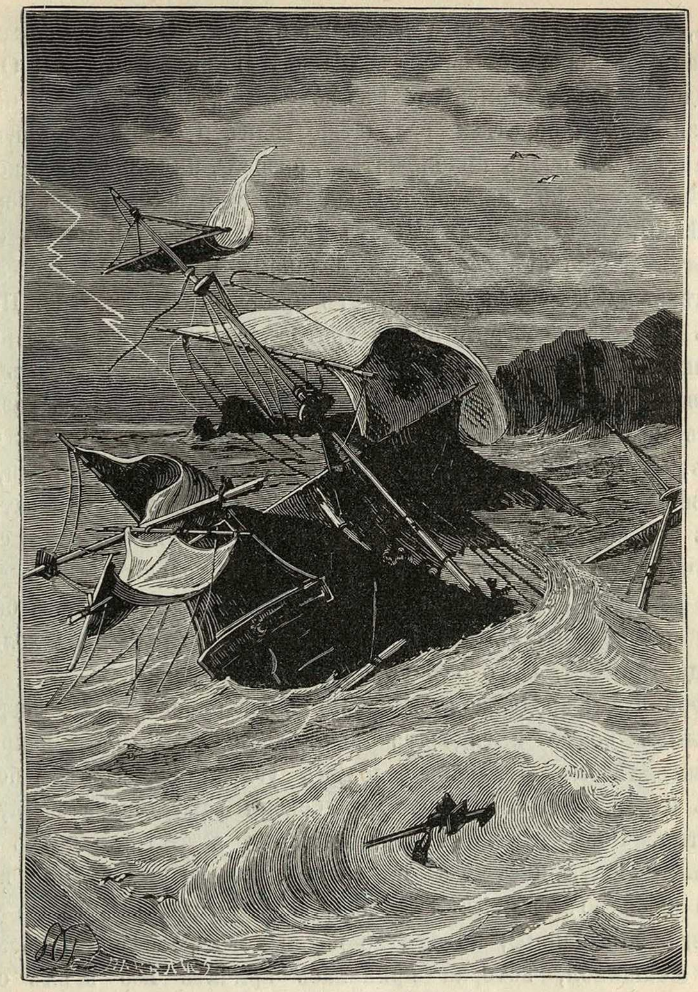
Отправившись на четырехъ корабляхъ съ цѣлью открытій на океанѣ,—говоритъ Веррацциано въ письмѣ изъ Діеппа отъ 8-го іюля 1524 года, адресованномъ Франциску I,—онъ принужденъ былъ бурею укрыться съ двумя своими кораблями „Dauphine“ и „Normande“—въ Бретани, чтобы тамъ исправить поврежденія на корабляхъ. Оттуда онъ поплылъ къ берегамъ Испаніи, въ виду которыхъ преслѣдовалъ нѣсколько испанскихъ кораблей. Мы его встрѣчаемъ вновь уже съ однимъ „Dauphine“, при отплытіи 17-го января 1524 года отъ маленькаго необитаемаго острова,

лежащаго въ сосѣдствѣ съ Мадерой. Онъ пускается въ океанъ съ экипажемъ въ пятьдесятъ человѣкъ, снабженный снарядами и съѣстными припасами на восемь мѣсяцевъ.

Послѣ двадцатипятидневнаго путешествія въ пятьсотъ лье на западъ его застигаетъ страшная буря, а спустя еще двадцать пять дней, т.-е. 8-го или 9-го марта, сдѣлавъ еще около четырехсотъ лье, онъ открываетъ подъ 30° сѣверной широты землю, которую считаетъ до него никѣмъ не изслѣдованною. „Сначала эта страна показалась намъ очень пустынной, но приблизившись на четверть лье, мы узнали по большимъ огнямъ, расположеннымъ въ гавани и вдоль берега, что она населена; затрудняясь выбрать мѣсто, чтобы пристать и ознакомиться съ страной, мы проплыли тщетно болѣе пятидесяти лье и, видя, что берегъ все поворачиваетъ на югъ, подумывали повернуть назадъ“.

Когда мѣсто для высадки было найдено, французы стали подходить къ берегу; туземцы вышли толпами на встрѣчу къ кораблямъ, но видя, что чужеземцы высаживаются, разбѣжались. Привлеченные вновь знаками и дружественными изъявленіями французовъ, они казались очень удивленными ихъ платьемъ, обликомъ и бѣлизною ихъ кожи. Туземцы были совершенно голы, за исключеніемъ средней части тѣла, покрытой куньими шкурками, привѣшенными на узкомъ поясѣ; послѣдній сплетался изъ травы и украшался падавшими до колѣнъ хвостами различныхъ животныхъ. Нѣкоторые были украшены коронами изъ птичьихъ перьевъ. „У нихъ чернаго цвѣта кожа,—говорится въ запискѣ,— и они имѣютъ большое сходство съ сарацинами; ихъ волосы черны, не очень длинны и связаны сзади головы въ формѣ хвостика. Они пропорціонально сложены, средняго роста — немного выше насъ, и внѣшность ихъ не имѣетъ никакого недостатка, кромѣ излишней ширины лица; не очень сильные, они чрезвычайно ловки и одни изъ самыхъ быстрыхъ бѣгуновъ на землѣ“. Вслѣдствіе непродолжительнаго пребыванія среди этихъ обитателей, Верраццано не могъ собрать подробностей объ ихъ нравахъ и образѣ жизни. Берегъ въ этомъ мѣстѣ весь состоялъ изъ мелкаго песку, образовавшаго мѣстами холмики, за которыми выступали „такіе прекрасные рощи и лѣса, что нельзя было не восторгаться“. Страна, какъ можно думать, изобиловала озерами, прудами, оленями, ланями, зайцами и всякими птицами.

Эта земля значится подъ 34°. Слѣдовательно это та часть



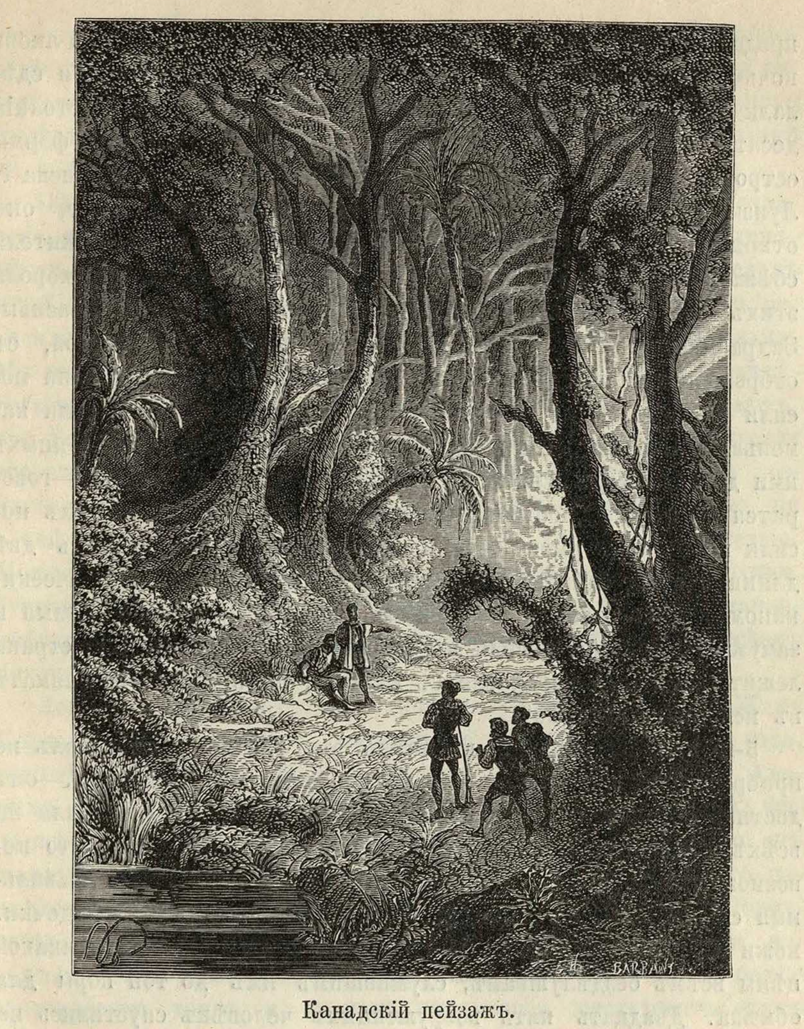
Крушеніе «Bonaventure».

Соединенныхъ Штатовъ, которая извѣстна теперь подъ именемъ Каролины. Воздухъ тамъ чистъ и здоровъ, климатъ умѣренный, море свободно отъ рифовъ и, несмотря на недостатокъ гаваней, оно не представляетъ никакихъ опасностей для кораблей.

Въ продолженіе всего марта мѣсяца французы плыли вдоль берега, казавшагося имъ очень населеннымъ. Недостатокъ воды заставлялъ ихъ неоднократно высаживаться и они имѣли возможность убѣдиться, что туземцамъ больше всего нравятся зер-

кала, колокольчики, ножи и клочки бумаги. Однажды французы послали къ берегу шлюпку съ двадцатью пятью людьми. Одинъ молодой морякъ прыгнулъ въ воду и „такъ какъ къ берегу нельзя было добраться вслѣдствіе волнъ и теченій, то онъ, не желая все же очень приближаться, бросилъ индѣйцамъ нѣсколько бездѣлушекъ, но сильной волной его выбрасываетъ на берегъ. Индѣйцы, видя его въ такомъ положеніи, поднимаютъ его и уносятъ далеко отъ берега къ великому изумленію матроса, не сомнѣвавшагося, что онъ будетъ принесенъ въ жертву. Поставивъ его на косогорѣ прямо противъ солнца, они раздѣли его до нага, и стали удивляться бѣлизнѣ его кожи; затѣмъ они, оставивъ его на нѣкоторое время въ покоѣ, занялись разведеніемъ большого огня, и тогда то, какъ бѣдный молодой человѣкъ, такъ и тѣ, которые оставались на лодкѣ, поняли, что индѣйцы убьютъ его, сжарятъ на громадномъ огнѣ и затѣмъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ людоѣды, раздѣлятъ между собою добычу. Но произошло нѣчто другое: какъ только матросъ выразилъ желаніе возвратиться на лодку, они отвели его къ берегу моря и, облобызавъ его очень любовно, удалились на холмъ и оттуда глядѣли, какъ онъ приближался къ шлюпкѣ".

Французы продолжали плаваніе вдоль береговъ къ сѣверу и, проплывъ болѣе пятидесяти лье, достигли земли, покрытой густымъ лѣсомъ. Двадцать человѣкъ углубились въ лѣсъ болѣе, чѣмъ на два лье, и затѣмъ изъ боязни заблудиться вернулись обратно. Во время этой прогулки они встрѣтили двухъ женщинъ—молодую и старую—съ дѣтьми; одного изъ дѣтей, имѣвшаго не болѣе восьми лѣтъ отъ роду, они захватили съ цѣлью увезти его во Францію; но они не могли того же сдѣлать съ молодой женщиной, которая принялась кричать изо всѣхъ силъ, призывая спрятанныхъ въ лѣсу своихъ соотечественниковъ. Дикіе этихъ мѣстъ были болѣе ростомъ всѣхъ, попадавшихся имъ до сихъ поръ. Они ловили птицъ силками; вооруженіе ихъ состояло изъ лука, сдѣланнаго изъ чрезвычайно твердаго дерева, и стрѣлъ, снабженныхъ у концовъ рыбьими костями. Лодка ихъ, длиною въ двадцать футовъ, шириною въ четыре выжигалась огнемъ изъ древесныхъ стволовъ. Вездѣ росъ дикій виноградъ, обвивавшій деревья длинными вѣнками, какъ въ Ломбардіи. При небольшой обработкѣ изъ этого винограда можно было дѣлать безъ сомнѣнія прекрасное вино, „такъ какъ плоды его, похожіе на наши,



Канадскій пейзажъ.

были пріятны и сладки, и мы думаемъ, что туземцы относились къ своимъ виноградникамъ не безъ интереса, потому что вездѣ, гдѣ онъ росъ, туземцы обрубали вѣтви окружающихъ деревьевъ, чтобы они не мѣшали созрѣвать плодамъ". Дикія розы, фіалки, лиліи и самые разнообразные душистые растенія и цвѣты, незнакомые европейцамъ, усѣивали почву и наполняли воздухъ благоуханіемъ.

Пробывъ три дня въ этихъ волшебныхъ странахъ, французы

продолжали слѣдовать вдоль берега, плывя днемъ и бросая якорь ночью. Такъ какъ берегъ уклонялся къ востоку, то они и сдѣлали въ этомъ направленіи около пятидесяти лье; въ разстояніи десяти лье отъ континента они открыли треугольной формы островъ, похожій на Родосъ, и дали ему имя матери Франциска I, Луизы Савойской. Затѣмъ, въ разстояніи пятнадцати лье, они открыли еще одинъ островъ съ прекрасною гаванью; жители сбѣжались толпою поглядѣть на чужеземные корабли. Два короля этихъ обитателей были прекрасно сложены и очень красивы. Задрапированные въ оленьи шкуры, съ обнаженной головой, съ отброшенными назадъ и связанными въ кисть волосами, они носили вокругъ шеи широкія цѣпи, украшенныя цвѣтными каменьями. Это было самое замѣчательное изъ всѣхъ встрѣченныхъ ими до сихъ поръ племенъ. „Женщины очень граціозны,—говорится въ запискѣ, опубликованной Рамузіо.—Однѣ изъ нихъ носили на плечахъ рысьи шкуры; съ ихъ головы спускались двѣ длинныя косы, заброшенныя впередъ; другія носили прически, напоминавшія таковыя у женщинъ Сиріи и Египта. Пожилыя и замужнія женщины носили въ ушахъ мѣдныя серьги. Эта страна лежитъ въ одной параллели съ Римомъ, подъ $41^2/_3{}^0$; но климатъ въ ней много суровѣе“.

5-го мая Веррацано покинулъ эту гавань и слѣдовалъ по прибрежью на протяженіи ста пятидесяти лье. Наконецъ, онъ достигъ страны, обитатели которой нисколько не походили на всѣхъ, видѣнныхъ до тѣхъ поръ. Они были такъ дики, что невозможно было завести съ ними торговлю и поддержать правильныя сношенія. Какъ казалось, больше всего они цѣнили удочки, ножи и другіе металлическіе предметы и не придавали никакой цѣны всѣмъ бездѣлушкамъ, служившимъ имъ до той поры для обмѣна. Двадцать пять вооруженныхъ человѣкъ спустились на берегъ и углубились на два или на три лье во внутрь страны. Туземцы встрѣтили ихъ градомъ стрѣлъ и затѣмъ удалились въ огромные лѣса, которые, казалось, покрывали всю страну.

Въ разстояніи пятидесяти лье они встрѣтили обширный архипелагъ, состоящій изъ тридцати двухъ острововъ, расположенныхъ въ сосѣдствѣ съ материкомъ; они раздѣлены узкими каналами и напомнили венеціанскому путешественнику архипелаги Адріатическаго моря, окаймляющіе берега Славоніи и Далмаціи. Проѣхавъ еще сто пятьдесятъ лье, французы достигли подъ 50^0

широты земель, открытыхъ нѣкогда бретонцами. Послѣ изслѣдованія американскаго берега на протяженіи 700 лье, припасы путешественниковъ стали приближаться къ концу и они повернули во Францію, куда благополучно пріѣхали, высадившись въ Діеппѣ въ іюлѣ 1524 года.

Нѣкоторые историки сообщаютъ, что Верраццано былъ схваченъ въ плѣнъ дикими береговъ Лабрадора и былъ ими съѣденъ. Этотъ фактъ очевидно—нелѣпый, такъ какъ Верраццано послалъ изъ Діеппа Франциску I разсказъ, содержаніе котораго мы здѣсь передали. Сверхъ того индѣйцы этихъ странъ не были людоѣдами. Мы никакъ не могли доискаться, на основаніи какихъ свидѣтельствъ или по какому случаю нѣкоторые авторы утверждаютъ, что Верраццано попалъ въ руки къ испанцамъ, которые привезли его въ Испанію и тамъ повѣсили. Гораздо добросовѣстнѣе сознаться, что мы ничего не знаемъ ни о судьбѣ Верраццано, ни о той наградѣ, какая ему выпала за его длинное путешествіе. Можетъ статься, что какой-нибудь ученый перероетъ наши архивы, бумаги которыхъ далеко еще не разобраны, и откроетъ какой-нибудь новый документъ; но въ настоящее время мы не имѣемъ ничего, кромѣ разсказа Рамузіо.

Десятью годами позднѣе, одинъ малуинскій капитанъ, Жакъ Картье (Jacques Cartier), родившійся 21-го декабря 1484 года, возымѣлъ намѣреніе основать колонію въ сѣверной части Америки. Онъ нашелъ благосклонную поддержку въ адміралѣ Филиппѣ Шабо и въ королѣ Францискѣ I, говорившемъ, что онъ желаетъ видѣть ту статью, по которой Адамъ лишаетъ его наслѣдства въ Новомъ Свѣтѣ въ пользу королей Испаніи и Португаліи. Картье, 20-го апрѣля 1534 года, покинулъ съ двумя кораблями Сенъ-Мало. Его корабль былъ вмѣстимостью не болѣе шестидесяти тоннъ и на немъ находилось шестьдесятъ одинъ человѣкъ. Плаваніе было такъ удачно, что черезъ двадцать дней Картье уже достигъ Террнева у мыса Боннь-вю. Отсюда онъ поднялся къ Птичьему острову, который былъ окруженъ льдинами; несмотря, однако, на это, онъ запасся тамъ пятью или шестью бочками разныхъ птицъ: кайры, тупиковъ и пингвиновъ. Онъ изслѣдовалъ весь берегъ острова, который носилъ въ это время множество бретонскихъ именъ, что указываетъ на то, что эти страны часто посѣщались бретонцами. Затѣмъ черезъ проливъ Бель-Иль, отдѣляющій континентъ отъ острова Террнева,

онъ достигъ залива св. Лаврентія. На всемъ этомъ берегу прекрасныя гавани. „Если бы почва была такъ же хороша, какъ и гавани,—говоритъ малуинскій путешественникъ,—то это было бы большое благо; но ее даже нельзя назвать почвой,—это одни камни и скалы, представляющіе удобство лишь для дикихъ звѣрей. На всемъ протяженіи къ сѣверу нельзя было бы собрать столько земли, чтобы наполнить ею одинъ возъ". Въ дальнѣйшемъ плаваніи вдоль берега континента, Картье былъ отброшенъ бурею къ западному берегу Терранева и тамъ онъ изслѣдовалъ мысъ Рояль и мысъ Ле, Колумбовы острова, мысъ Сенъ-Жанъ, острова Магдалины и на самомъ континентѣ заливъ Мирамиши. Здѣсь онъ входилъ не разъ въ сношенія съ туземцами, которые выказывали „большое желаніе имѣть желѣзныя орудія и другія метталическія издѣлія: они плясали передъ нами и между прочимъ лили себѣ на голову морскую воду, которую забирали пригоршнями; они намъ отдали все, что имѣли". На слѣдующій день дикіе собрались еще въ большемъ числѣ, и французскіе моряки получили отъ нихъ очень много мѣховъ и всякихъ звѣриныхъ шкуръ. Далѣе Картье въѣхалъ въ лиманъ св. Лаврентія и тамъ встрѣтилъ туземцевъ, не обладавшихъ ни привычками, ни нарѣчіемъ тѣхъ, которыхъ онъ только что передъ тѣмъ видѣлъ. „Эти ужь дѣйствительно достойны названія дикихъ. Я не встрѣчалъ людей болѣе бѣдныхъ, и всѣ они вмѣстѣ, если не считать ихъ барокъ и неводовъ, не стоютъ мѣднаго пятака. Они бреютъ всю голову, за исключеніемъ маленькаго мѣста на макушкѣ, гдѣ у нихъ выростаютъ длинные волосы, точно лошадиный хвостъ, которые они связываютъ мѣдными проволоками. У нихъ нѣтъ никакихъ жилищъ, кромѣ лодокъ, подъ которыми они спятъ, ничего подъ себя не подстилая". Поставивъ большой крестъ въ этомъ мѣстѣ, Жакъ Картье упросилъ начальника племени отпустить съ нимъ двухъ его дѣтей, обѣщая привезти ихъ обратно въ свой слѣдующій пріѣздъ. Затѣмъ онъ возвратился во Францію и высадился въ Сенъ-Мало 5-го сентября 1534 года.

19-го мая слѣдующаго года Картье опять покинулъ Сенъ-Мало. Онъ уѣхалъ съ тремя кораблями—„Grande" и „Petite Hermine" и „Emerillon"; на нихъ помѣстилось нѣсколько знатныхъ дворянъ, изъ которыхъ мы назовемъ Charles de-la-Pommeraye и Claude de Pont-Briant. Съ первыхъ дней плаванія буря разсѣяла эскадру, которая успѣла вновь соединиться въ Терриевѣ. При-



Жакъ Картье. (Fac-simile съ древней гравюры).

ставъ къ Птичьему острову, въ гавани Бланкъ-Саблонъ, находящейся въ заливѣ Шато, Картье вслѣдъ затѣмъ проникъ въ заливъ св. Лаврентія. Тамъ онъ открылъ островъ Натискотекъ, называемый нами Антикости, и затѣмъ пробрался въ большую рѣку Гошелагу, ведущую въ Канаду. На берегу рѣки расположена страна Сагенай, гдѣ добывается красная мѣдь, которую дикіе, взятые въ первое путешествіе, называли „caquetdazé“.

Прежде, чѣмъ войти въ рѣку св. Лаврентія, Картье изслѣдовалъ весь заливъ, надѣясь найти какой-нибудь проходъ на сѣверъ. Онъ возвратился въ бухту Семи острововъ, поднялся по рѣкѣ и вскорѣ достигъ рѣчки Сагенай, впадающей въ рѣку св. Лаврентія. Проѣхавъ еще дальше, онъ минулъ четырнадцать островов и добрался до Канады, которую не посѣщалъ до него еще ни одинъ путешественникъ.

„На слѣдующій день властитель Канады, по имени Доннаконна, на двѣнадцати баркахъ въ сопровожденіи шестнадцати человѣкъ, приблизился къ нашимъ судамъ. Подойдя къ самому маленькому изъ кораблей, онъ сталъ совершать изумительныя тѣлодвиженія, что означало церемоніальное привѣтствіе и радость. Когда онъ взошелъ на нашъ главный корабль, онъ увидѣлъ двухъ привезенныхъ изъ Франціи индѣйцевъ и вступилъ съ ними въ разговоры. Они ему передавали о томъ, что видѣли во Франціи и объ оказанномъ имъ тамъ хорошемъ обращеніи; этимъ сообщеніемъ властитель былъ очень обрадованъ и онъ обратился къ капитану съ просьбою позволить ему облобызать его руки,— что по ихъ обычаю выражало большое расположеніе. Страна Стадаконе или Сенъ-Шарль очень плодородна и изобилуетъ прекрасными деревьями всѣхъ родовъ, встрѣчаемыхъ во Франціи, какъ-то: дубы, вязы, сливы, тисовое дерево, кедры, виноградники, боярышникъ, дающій плоды величиною въ сливы, и другія деревья, у основаній которыхъ растетъ такая-же хорошая конопля, какъ во Франціи“. Со своими лодками и съ галіономъ Картье затѣмъ добрался до мѣста, носящаго нынѣ названіе Ришелье, а далѣе—до большого озера Сенъ-Пьера, образуемаго рѣкой и, наконецъ, пріѣхалъ въ Гошелагу или въ Монреаль—мѣстность, удаленную отъ устья св. Лаврентія на двѣсти десять лье. Въ этой странѣ „земли обработаны и большія прекрасныя поля полны мѣстнаго зернового хлѣба, напоминающаго своимъ видомъ бразильское просо, величиною съ горохъ и болѣе; это для нихъ такой же хлѣбъ, какъ для насъ пшеница. Среди этихъ полей выстроенъ названный городъ Гошелага, окруженный невысокою цѣпью хорошо воздѣланныхъ холмовъ, съ которыхъ открывается широкая даль; эта цѣпь холмовъ называется „Mont-Royal“.

Пріемъ, оказанный Жаку Картье, былъ какъ нельзя болѣе дружественный. Начальникъ или агуганна, разбитый параличомъ, просилъ капитана ощупать его члены, какъ бы прося исцѣленія.

Затѣмъ къ Жаку Картье приблизились слѣпые, хромые, увѣчные, и всѣ просили его прикасаться къ ихъ больнымъ мѣстамъ; всѣ они были убѣждены, что къ нимъ спустился Богъ, чтобы ихъ исцѣлить. „Видя ихъ благочестіе и вѣру въ могущество Божіе, капитанъ прочелъ имъ Евангеліе отъ св. Іоанна, именно: „In principio“, при чемъ осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ больныхъ, прося въ то же время Бога сподобить ихъ уразумѣть нашу святую вѣру и принять крещеніе. Затѣмъ капитанъ взялъ часословъ и сталъ читать страданія Христа такъ громко, чтобы слышно было всѣмъ присутствующимъ; весь народъ хранилъ глубокое молчаніе и совершалъ тѣ-же церемоніи, какія совершали мы“. Познакомившись съ страною, которую онъ изслѣдовалъ на тридцать лье въ окружности, и собравъ нѣкоторыя свѣдѣнія о водопадахъ и о порогахъ св. Лаврентія, Жакъ Картье возвратился въ Канаду и тамъ соединился съ своими кораблями. Мы ему обязаны первыми свѣдѣніями о курительномъ табакѣ, который употреблялся не на всемъ протяженіи Новаго Свѣта. „У нихъ есть трава, говоритъ онъ, изъ которой они приготовляютъ большіе запасы на зиму; они ее очень цѣнятъ, и употребляютъ ее одни мужчины: высушивъ ее на солнцѣ, они затѣмъ складываютъ ее въ маленькій кожаный мѣшочекъ, который носятъ у себя на шеѣ рядомъ съ деревяннымъ или каменнымъ рожкомъ; во всякое время они могутъ достать изъ своего мѣшочка немного травы, которую растираютъ въ порошокъ, и всыпаютъ его въ одинъ изъ концовъ упомянутаго рожка; затѣмъ поверхъ порошка они кладутъ горящій уголекъ, а съ другого конца начинаютъ вдыхать до тѣхъ поръ, пока все внутри ихъ не наполнится дымомъ, выходящимъ затѣмъ изо рта и изъ ноздрей, точно изъ каминной трубы. Мы захотѣли попробовать этотъ дымъ, и когда онъ попалъ намъ въ ротъ, то намъ показалось, что туда попалъ перечный порошокъ, до того онъ сжегъ насъ“. Въ декабрѣ мѣсяцѣ жители Стадаконе были застигнуты заразительной болѣзнью, которая была не что иное какъ цынга или скорбутъ. „Означенная болѣзнь такъ распространилась на нашихъ корабляхъ, что къ половинѣ февраля изъ пребывавшихъ на нихъ ста десяти человѣкъ не было и десяти здоровыхъ“. Ни молитвы, ни обѣщанія, даваемыя Рокврамадурской Божьей Матери, не принесли никакого облегченія. Къ 18-му апрѣля погибло двадцать пять французовъ и оставалось не болѣе четырехъ здоровыхъ. Въ это тяжелое время одинъ пред-

водитель дикихъ сообщилъ Жаку Картье, что отваръ изъ листьевъ и сокъ одного дерева, которое, какъ полагаютъ, есть канадская ель или барбарисъ, дѣйствуетъ очень спасительно. Едва два или три человѣка испытали на себѣ благотворное дѣйствіе этого дерева, „какъ произошла такая давка, что чуть не убивали другъ друга, порываясь къ полученію означеннаго лѣкарства. Дерево такой величины и такой толщины, какихъ я никогда не видѣлъ, было все употреблено на лѣкарство въ продолженіе восьми дней, и оно произвело такое дѣйствіе, что если бы здѣсь собрались всѣ лувенскіе и монпельескіе доктора со всѣми александрійскими аптекарскими товарами, то они въ годъ не сдѣлали бы того, что означенное дерево сдѣлало въ восемь дней“.

Спустя нѣсколько времени, Картье, узнавъ, что Доннаконна старался возбудить мятежъ противъ французовъ, распорядился схватить его вмѣстѣ съ девятью дикарями и переправилъ ихъ во Францію, гдѣ они умерли. 6-го мая онъ отплылъ изъ гавани св. Креста, спустился по рѣкѣ св. Лаврентія и послѣ путешествія, не отмѣченнаго никакими событіями, 16-го іюля 1536 года высадился въ Сенъ-Мало.

Послѣ доклада малуинскаго капитана о его путешествіи, Францискъ I принялъ рѣшеніе вступить во владѣніе новой страной. Назначивъ François de la Roque, m-ur de-Roberval'я вице-королемъ въ Канаду, онъ вооружилъ пять кораблей и снабдилъ ихъ провизіей на два года. Эти корабли должны были перевезти во вновь учреждаемую колонію Роберваля и нѣкоторое количество солдатъ, ремесленниковъ и дворянъ. 23-го мая 1541 года корабли подняли паруса. Благодаря противнымъ вѣтрамъ, они добрались до Терринева только черезъ три мѣсяца. 23-го августа Картье былъ въ гавани св. Креста. Разгрузивъ свои корабли, онъ два изъ нихъ отправилъ во Францію къ королю, котораго онъ извѣщалъ о всемъ, что сдѣлано, и о томъ, что Робервaля до сихъ поръ нѣтъ и неизвѣстно гдѣ онъ. Затѣмъ онъ приступилъ къ работамъ: сталъ очищать землю, возводить укрѣпленіе и скоро положилъ основаніе городу Квебеку. Послѣ нѣкотораго времени, онъ вмѣстѣ съ Мартиномъ де-Пемпономъ и съ нѣсколькими другими дворянами достигъ Гошелаги и осмотрѣлъ тамъ три водопада. При возвращеніи въ гавань св. Креста онъ встрѣтилъ тамъ пріѣхавшаго Робервaля. Въ октябрѣ 1542 года онъ возвра-



Два канадскихъ короля.

тился въ Сенъ-Мало и тамъ черезъ десять лѣтъ умеръ. Что касается до новой колоніи, то послѣ смерти Роберваля, погибшаго во второе свое путешествіе, она едва прозябала до 1608 года, т.-е. до того времени, когда Квебекъ сталъ дѣйствительнымъ городомъ, благодаря Шамплену, о дѣятельности и объ открытіяхъ котораго мы разскажемъ ниже.

Мы только-что видѣли, какъ Картье, отправившись на поиски сѣверо-восточнаго проѣзда, попалъ въ новую страну, въ которой

положилъ начало Канадской колоніи. Въ Англіи происходило въ свою очередь движеніе, поддерживаемое сочиненіями Гумфри Жилберта (Humphrey Gilbert) и Ричарда Уильса (Richards Wills). Однимъ изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ ихъ проектовъ былъ смѣлый морякъ Мартинъ Фробишеръ, который, послѣ неоднократнаго обращенія къ богатымъ судохозяевамъ, нашелъ, наконецъ, поддержку въ приближенномъ королевы Елизаветы, Амбруазѣ Дудлеѣ (Ambroise Dubley), графѣ Вервикъ. Послѣдній снарядилъ для него на свои средства одну пинку и двѣ недостаточно прочныя лодки, вмѣстимостью въ двадцать или двадцать пять тоннъ. Съ этими слабыми средствами предпріимчивый мореплаватель намѣревался бороться со льдами въ странахъ, не посѣщаемыхъ со времени норманновъ. Выѣхавъ 8-го іюня 1576 года изъ Дептфорда, онъ обозрѣлъ южный берегъ Гренландіи, которую Зено принималъ за Фрисландію. Удержанный льдами, онъ принужденъ былъ отступить къ Лабрадору; но тамъ онъ не могъ пристать и проникъ въ Гудзоновъ проливъ. Объѣхавъ островъ Саважъ и Резолюціонъ, онъ вошелъ вновь въ проливъ, получившій его имя и называемый нѣкоторыми географами проливомъ Лунли (Lunley). Онъ высадился на Кумберландскомъ берегу, вступилъ именемъ королевы Елизаветы во владѣніе страною и завязалъ нѣкоторыя сношенія съ туземцами. Такъ какъ холодъ становился суровѣе, то онъ отплылъ въ Англію. Фробишеръ привезъ очень смутныя географическія свѣдѣнія объ открытыхъ имъ странахъ, однако былъ очень лестно принятъ, когда показалъ черный камень, въ которомъ нашли немного золота. Воображеніе не замедлило воспламениться. Многіе знатные дворяне, сама королева приняли участіе въ расходахъ на сооруженіе новаго судна въ двѣсти тоннъ и сто человѣкъ экипажа и на сооруженіе двухъ меньшихъ барокъ, нагруженныхъ военными и съѣстными припасами на шесть мѣсяцевъ. Въ распоряженіе Фробишера были даны опытные моряки: Фентонъ, Іоркъ, Георгъ Бестъ и Галль. 31-го мая 1577 года экспедиція подняла паруса. Она подошла къ Гренландіи, горы которой были покрыты снѣгомъ, а берега—льдами. Погода стояла дурная. Необыкновенно густые туманы, словно гороховое пюре, какъ сказали бы англійскіе матросы, острова, окруженные льдами на полулье въ окружности, пловучія горы льдовъ—таковы были препятствія, мѣшавшія Фробишеру проникнуть ранѣе 9-го августа въ проливъ, от-

крытый въ предшествующее плаваніе. Страна была взята во владѣніе и нѣкоторые бѣдные эскимосы были преслѣдуемы на морѣ и на сушѣ: „раненые въ стычкахъ, они въ отчаяніи бросались со скалъ въ море,—говоритъ Форстеръ въ своемъ „Voyages dans le nord.—Этого не случилось бы, если бы они выказали больше покорности или если бы они поняли, что мы не были ихъ врагами“. Вскорѣ было найдено много камней подобныхъ тому, какой былъ привезенъ въ Англію. Это былъ золотой марказитъ (висмутъ), и его поспѣшили собрать двѣсти тоннъ. Въ восторгѣ отъ своей находки, англійскіе моряки поторопились воздвигнуть колонну на вершинѣ одной горы, названной „Warwick-Mount“, и совершили это съ большой торжественностью. Фробишеръ углубился въ проливъ на тридцать лье и достигъ островка, получившаго названіе „Smith's Island“. Тамъ англичане набрели на двухъ женщинъ, изъ которыхъ одну съ ребенкомъ взяли съ собою, а другую, вслѣдствіе ея дурноты, оставили. Невѣжество путешественниковъ простиралось такъ далеко, что они подозрѣвали, что у женщины раздвоенныя ноги; только когда они сняли съ нея обувь, они убѣдились, что ноги у нея такъ же устроены, какъ и у нихъ. Видя, что холода усиливаются и желая обезпечить цѣлость собранныхъ сокровищъ, Фробишеръ отказался отъ дальнѣйшихъ поисковъ сѣверо-западнаго прохода. Онъ отплылъ въ Англію, куда и прибылъ въ концѣ сентября послѣ жестокой бури, разсѣявшей его корабли. Мужчина, женщина и ребенокъ, которыми путешественники завладѣли, были представлены королевѣ. Разсказываютъ по этому поводу, что дикій, увидѣвъ трубача Фробишера на лошади, пожелалъ сдѣлать то же и сѣлъ на лошадь лицомъ къ хвосту. Встрѣченные съ большимъ любопытствомъ, дикіе получили отъ королевы разрѣшеніе стрѣлять на Темзѣ въ разныхъ птицъ, даже въ лебедей, что было запрещено всѣмъ подъ страхомъ строгаго наказанія. Впрочемъ, они прожили недолго и раньше, чѣмъ ребенокъ достигъ пятнадцатимѣсячнаго возраста, умерли.

Вскорѣ оказалось, что въ привезенныхъ Фробишеромъ камняхъ дѣйствительно содержалось золото. Лихорадка и какой-то бредъ овладѣли націей и особенно высшимъ классомъ. Они открыли Перу, Эльдорадо! Королева Елизавета, несмотря на свой практическій здравый смыслъ, поддалась общему теченію. Она рѣшила воздвигнуть въ новой странѣ крѣпость, для которой выбрала

имя „Meta incognita“; туда должны были отправиться три судна со ста человѣками подъ начальствомъ капитановъ Фентона, Беста и Филпота (Fenton, Beste et Filpot), и оттуда они должны были вернуться, нагруженные золотоносными камнями. Эти сто человѣкъ были выбраны съ большою тщательностью: тутъ были булочники, плотники, каменщики, рафинировальщики золота и другихъ родовъ ремесленники. Вся флотилія состояла изъ пятнадцати кораблей. 31-го мая 1578 года она въ Гарвичѣ снялась съ якоря. Спустя двадцать дней, обнаружились западные берега Фрисландіи. Вокругъ кораблей шныряли безчисленныя стада китовъ. Разсказываютъ даже, что одинъ изъ кораблей, попавшій подъ сильный порывъ вѣтра, такъ ударилъ одного кита, что тотъ сразу остановился, затѣмъ страшно заревѣлъ и, сдѣлавъ большой скачокъ изъ воды, упалъ тотчасъ обратно и утонулъ. Два дня спустя, флотъ встрѣтилъ мертваго кита и принялъ его за того самаго, котораго толкнулъ корабль „Salamandre“. Когда Фробишеръ приблизился ко входу въ проливъ, получившій его имя, онъ нашелъ его загроможденнымъ льдами. Барка „Dennis“ въ сто тоннъ, говорится въ запискахъ Георга Бесте, „получила отъ ледяной глыбы такой толчокъ, что немедленно потонула въ виду всего флота“. Послѣ этой катастрофы „поднялась съ ю.-в. страшная буря. Корабли очутились среди льдовъ, которыхъ сзади было столько, что черезъ нихъ еще можно было пробраться, но которыхъ столько было впереди, что двигаться далѣе было невозможно. Нѣкоторымъ кораблямъ удалось найти мѣсто, наименѣе загроможденное льдами и они взяли на гитовы паруса и легли въ дрейфъ; другіе бросили якорь у ледяного острова. Остальные же находились среди наскакивавшихъ со всѣхъ сторонъ ледяныхъ островковъ и ледяныхъ обломковъ, собиравшихся съ такою стремительностью, что англичане и ихъ корабли очутились въ полной власти льдовъ, и ничего не оставалось, какъ защищать бока кораблей отъ ярости льдинъ канатами, подушками, мачтами, досками и чѣмъ попало“. Фробишеръ самъ былъ сбитъ съ пути. Въ невозможности собрать свою эскадру, онъ послѣдовалъ вдоль западнаго берега Гренландіи по проливу, получившему вскорѣ имя Девисова пролива и достигъ бухты графини Варвикъ. Исправивъ свои корабли лѣсомъ, назначеннымъ для постройки жилищъ, онъ нагрузилъ пятьсотъ тоннъ камнями, похожими на тѣ, какіе онъ ужь разъ привозилъ. Время года уже

было позднее, провизія частью была израсходована, частью погибла на „Dennis'ѣ“, строевой лѣсъ ушелъ на починку кораблей, сорокъ человѣкъ было утеряно, — всѣ эти обстоятельства побудили Фробишера возвратиться въ Англію, куда онъ и направился 1-го августа. Бури и ураганы сопровождали его вплоть до береговъ его отечества. Въ отношеніи открытій, результаты экспедицій были ничтожны; даже камни, которыми онъ грузилъ корабли среди столькихъ опасностей, не имѣли никакой цѣны.

Это было послѣднее сѣверное путешествіе, предпринятое Фробишеромъ. Мы его встрѣчаемъ еще въ 1585 году вице-адмираломъ въ Дрекѣ; въ 1588 году онъ отличается противъ „непобѣдимой Армады“; въ 1590 году онъ состоялъ во флотѣ Вальтера Ралейя у береговъ Испаніи; наконецъ, при одной высадкѣ на берегахъ Франціи онъ былъ такъ тяжко раненъ, что смерть помѣшала ему привести свою эскадру въ Портсмутъ.

Если путешествія Фробишера вызывались исключительно корыстными цѣлями, то въ этомъ надо винить не путешественника, а время. Справедливость требуетъ сказать, что среди самыхъ неблагопріятныхъ условій и со средствами, способными по своей незначительности вызвать лишь улыбку, онъ выказалъ много мужества, способностей и настойчивости. Словомъ, за Фробишеромъ нужно признать ту заслугу, что онъ показалъ дорогу своимъ соотечественникамъ и самъ сдѣлалъ первыя открытія въ тѣхъ странахъ, которыя впослѣдствіи прославили имя Англіи.

Если пришлось отказаться отъ поисковъ среди полярныхъ странъ такихъ мѣстностей, которыя давали бы золото, какъ Перу, то это все же была не причина, чтобы отказаться отъ поисковъ пути въ Китай. Эта мысль поддерживалась очень свѣдущими мореплавателями, нашедшими среди лондонскихъ купцовъ значительныхъ единомышленниковъ. При содѣйствіи нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ особъ были снаряжены два корабля: „Sunshine“ —въ пятьдесятъ тоннъ и съ двадцатью тремя человѣками экипажа—и „Moonshine“—въ тридцать пять тоннъ. Они покинули Портсмутъ 7-го іюня 1583 года подъ начальствомъ Джона Девиса.

Онъ пробрался въ проливъ, получившій его имя и пустился черезъ громаднѣйшее пространство льдовъ, испугавшее его матросовъ, разсѣкая глыбы и льдины среди густого тумана. 20-го іюля онъ открылъ землю Скорби (Désolation), но былъ не въ состояніи туда пристать. Спустя девять дней онъ въѣзжалъ въ за-

ливъ Жильберта и тамъ у мирныхъ обитателей онъ вымѣнялъ бездѣлушки на мѣха и шкуры. Чрезъ нѣсколько времени туземцы явились въ большомъ количествѣ и Девиса окружило нѣсколько лодокъ. Мореплаватель отмѣчаетъ тотъ фактъ, что у этого мѣста онъ видѣлъ громаднѣйшій пловучій лѣсъ, среди котораго находились деревья, имѣвшія не менѣе шестидесяти футовъ въ длину. 6-го августа онъ бросилъ якорь въ бухтѣ, названной Тоттнессъ (Tottness), находящейся въ виду горы золотистаго цвѣта, получившей имя Ралейя (Raleigh). Въ то же время два мыса на Кумберландскомъ берегу получили имена: Дееръ (Dyer) и Вальсингамъ (Walsingham).

Въ продолженіе одиннадцати дней Девисъ плылъ по морю, совершенно свободному отъ льдовъ, очень широкому, съ водою такого же цвѣта, какъ въ океанѣ. Онъ уже полагалъ, что находится въ морѣ, которое приведетъ его въ Тихій океанъ, но погода измѣнилась, наступили большіе туманы и онъ принужденъ былъ возвратиться въ Ярмутъ, гдѣ и высадился 30-го сентября.

Девисъ сумѣлъ заставить судохозяевъ раздѣлять тѣ же надежды, которыя наполняли его, и 7-го мая слѣдующаго (1586) года онъ снова уѣзжалъ съ двумя кораблями, совершившими предшествующую экспедицію. Къ нимъ присоединили „Mermaid“ въ сто двадцать тоннъ и пинку North-Star. Достигнувъ 25-го іюня южной оконечности Гренландіи, Девисъ отправилъ „Sunshine“ и „North-Star“ на сѣверъ искать прохода на восточномъ берегу, самъ же отправился по прошлогодней дорогѣ и углубился въ проливъ, носящій его имя, до 69°. Но льды въ этомъ году были многочисленнѣе и 17-го іюля экспедиція встрѣтила „icefield“ такихъ размѣровъ, что понадобилось тринадцать дней, чтобы его объѣхать. Вѣтеръ, дувшій со стороны этой ледяной долины, былъ такъ рѣзокъ, что снасти и паруса замерзли, и матросы отказались ѣхать далѣе. Пришлось спуститься къ востоку-юго-востоку. Тамъ Девисъ изслѣдовалъ Кумберландъ, но не нашелъ искомаго пролива. Послѣ стычки съ эскимосами, стоившей ему трехъ убитыхъ и трехъ раненыхъ, Девисъ возвратился 19-го сентября въ Англію.

Хотя поиски его и на этотъ разъ не увѣнчались успѣхомъ, Девисъ все же не терялъ надежду, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ его письмо къ „торговому товариществу“, въ которомъ онъ говоритъ, что существованіе прохода теперь для него внѣ

сомнѣнія. Предвидя, однако, что склонить товарищество на снаряженіе новой экспедиціи будетъ не легко, онъ прибавлялъ, что расходы по предпріятію вполнѣ покроются барышами отъ ловли моржей, тюленей и китовъ, находящихся тамъ въ изобиліи. 15-го мая онъ отплылъ, имѣя два корабля—„Sunshine“ и „Elisabeth“—изъ Дармута и „Hélène“ изъ Лондона. На этотъ разъ онъ поднялся еще выше, чѣмъ въ предыдущіе разы и достигъ 72°12, т.-е. почти широты Упернавика; мѣсто, достигнутое имъ, онъ назвалъ мысомъ „Handerson's Hope“. Задержанный льдами, онъ принужденъ былъ повернуть и поплылъ по Фробишерскому проливу и, минувъ широкій заливъ, онъ достигъ, подъ 61°10 широты, мыса, которому далъ имя „Chudleigh“. Этотъ мысъ принадлежитъ къ Лабрадорскому берегу и лежитъ съ южной стороны входа въ Гудзоновъ проливъ. Проплывъ вдоль береговъ Америки до 52°, Девисъ, наконецъ, направился въ Англію, куда и прибылъ 15-го сентября.

Хотя задача не была рѣшена, но за то были достигнуты значительные результаты, которымъ, однако, въ то время не придавали особеннаго значенія. Около половины береговъ Баффиновой земли были изслѣдованы и важныя свѣдѣнія, какъ о самыхъ берегахъ, такъ и объ обитавшихъ ихъ народахъ, были собраны. Съ географической точки зрѣнія эти пріобрѣтенія были очень цѣнны, но купцовъ лондонскихъ они очень мало удовлетворяли. Поэтому всякія попытки по поводу поисковъ сѣверо-западнаго пути были англичанами заброшены на очень продолжительное время.

Явился на сцену новый народъ. Освободившись отъ испанскаго ига, голландцы начали свои коммерческія дѣла съ того, что отправили послѣдовательно нѣсколько экспедицій на розыскъ сѣверовосточнаго пути въ Китай. Это былъ тотъ же проектъ, который былъ задуманъ Себастіаномъ Каботомъ и который открылъ Англіи торговлю съ Россіей. Со свойственнымъ имъ практическимъ смысломъ они слѣдили за англійскими экспедиціями. Они даже основали свои конторы въ Колѣ и въ Архангельскѣ, но они стремились пріобрѣсти новыя мѣста для сбыта товаровъ. Карское море казалось имъ неудобнымъ, и они, по совѣту космографа Планціуса, рѣшились попытать новую дорогу мимо Новой Земли. Амстердамскіе купцы обратились къ опытному моряку Вильгельму Барентцу, уроженцу острова Тершеллинга, близъ

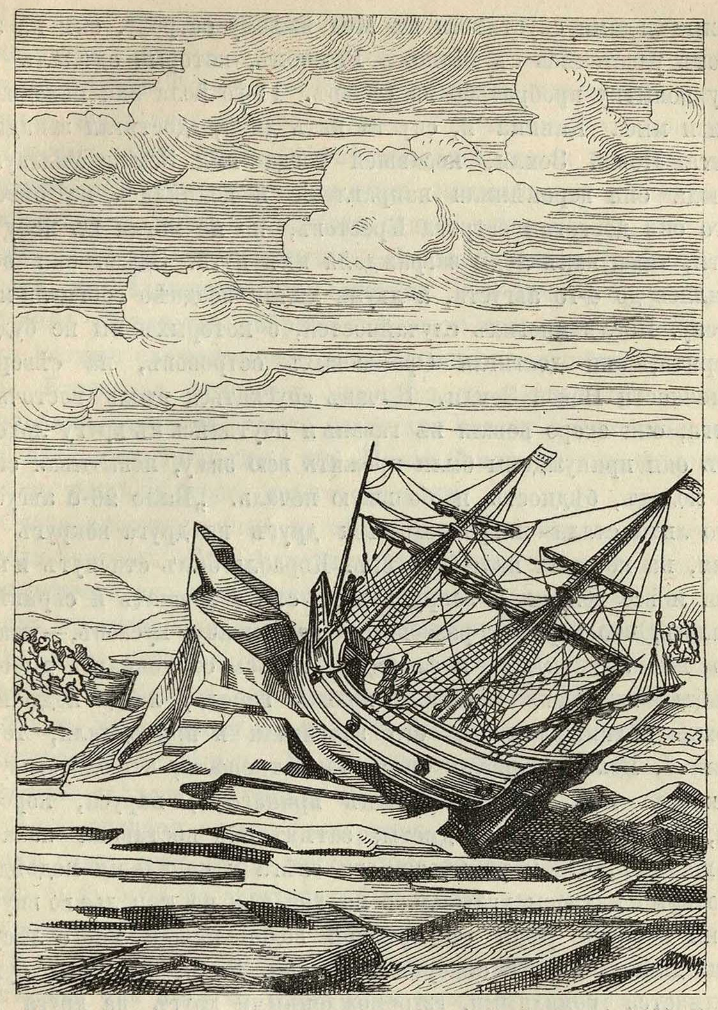
Тесселя. Этотъ мореплаватель выѣхалъ въ 1594 году изъ Тесселя на „Mercure“, обогнулъ Нордъ-Капъ, проѣхалъ Вайгачъ и 4-го іюля былъ въ виду берега Новой Земли подъ 73°25′. Онъ слѣдовалъ вдоль прибрежья, обогнулъ 10-го іюля мысъ Нассау и чрезъ три дня былъ окруженъ льдами. До 3-го августа онъ все пытался разсѣкать себѣ дорогу, испытывая со всѣхъ сторонъ сплошной ледъ; онъ поворачивалъ корабль до восьмидесяти разъ на различные галсы и, сдѣлавъ до тысячи семисотъ миль, добрался до Оранжевыхъ острововъ на сѣверной оконечности Новой Земли.

Мы не думаемъ, чтобы до тѣхъ поръ хоть одинъ мореплаватель выказалъ столько настойчивости. Прибавимъ, что онъ воспользовался своей предварительной крейсировкой, чтобы астрономически и съ рѣдкою точностью опредѣлить широты цѣлой серіи мѣстъ. Наконецъ, уставъ отъ этой безплодной борьбы, экипажъ просилъ пощады, и онъ вернулся въ Тессель.

Достигнутые экспедиціей результаты считались настолько важными, что въ слѣдующемъ году Голландскіе Штаты снарядили семь судовъ, начальство надъ которыми было ввѣрено Жаку Вану Геемскерку, а Барентцъ былъ назначенъ главнымъ штурманомъ. Послѣ нѣсколькихъ остановокъ у береговъ Новой Земли и Азіи, эта эскадра вслѣдствіе обилія льдовъ принуждена была отступить и, не сдѣлавъ никакого открытія, возвратилась 17-го сентября въ Голландію.

Вообще правительства не обладаютъ настойчивостью частныхъ лицъ. Значительное вооруженіе 1595 года ничего не дало и дорого стоило. Этого было достаточно, чтобы Голландскіе Штаты потеряли охоту идти въ томъ же направленіи. Амстердамскіе купцы, относившіеся къ этому дѣлу съ большимъ интересомъ, чѣмъ правительство, удовольствовавшееся назначеніемъ преміи за открытіе сѣверовосточнаго пути, снарядили два корабля, начальство надъ которыми ввѣрили Геемскерку (Heemskerke) и Jean Corneliszoon-Rijp. Барентцъ же, получившій назначеніе главнаго штурмана, въ сущности былъ настоящимъ начальникомъ экспедиціи. Историкъ путешествія, Герри де-Верръ (Gerrit de Veer), участвовалъ въ этой экспедиціи въ качествѣ боцмана.

Голландцы выѣхали изъ Амстердама 10-го мая 1596 года. Они проѣхали Шотландскіе и Ферерскіе острова и 5-го іюня увидѣли первыя льдины, „чему они были очень удивлены и при-



Корабль Барентца. (Fac-simile съ древней гравюры).

няли ихъ за бѣлыхъ лебедей“. Это было на югѣ Шпицбергена, недалеко отъ Медвѣжьяго острова, къ которому они вскорѣ подошли и гдѣ высадились 11-го іюня. Тамъ они собрали множество чайковыхъ яицъ и, послѣ большихъ затрудненій, убили бѣлаго медвѣдя, который далъ свое имя землѣ, открытой Барентцомъ. 19-го іюня они высадились на берегъ, который они приняли за Гренландію и которому дали названіе Шпицбергена; они изслѣдовали значительную западную часть этого берега. Принуж-

денные льдами спуститься къ Медвѣжьему острову, они на этой высотѣ разстались съ Жаномъ Рижпомъ, который сдѣлалъ еще одну попытку пробраться на сѣверъ. 11-го іюля они находились вблизи мыса Канина и, спустя пять дней, достигли западнаго берега Новой Земли, носившей тогда имя Земли Уиллаугби. Отсюда они перемѣнили направленіе и поднялись на сѣверъ. 19-го они достигли острова Крестовъ, но не могли къ нему подойти, такъ какъ льды заграждали имъ путь. Здѣсь они остановились до 4-го августа, а двумя днями позднѣе обогнули мысъ Нассау. Послѣ многихъ случайностей, о которыхъ мы не будемъ говорить, они достигли Оранжевыхъ острововъ, на сѣверной оконечности Новой Земли. Начавъ спускаться вдоль восточнаго берега, они скоро вошли въ гавань и очутились въ кругу льдовъ. Тамъ они принуждены были прожить всю зиму, испытывая сильный холодъ, бѣдность и большую печаль. „Было 26-е августа. 30-го льды стали нагромождаться другъ на друга вокругъ корабля, на который падалъ снѣгъ. Корабль былъ стиснутъ и поднятъ, и все вблизи и вокругъ него стало трещать и скрипѣть. Казалось, что корабль разобьется на тысячу кусковъ,—ужасно было все это видѣть и слышать, волосы становились дыбомъ. Кораблю, казалось, угрожала полная гибель, когда подъ него подошли льдины, которыя его задвигали и приподняли, точно машина". Вскорѣ корабль сталъ такъ трещать, что благоразуміе подсказало имъ выгрузить часть припасовъ, паруса, порохъ, пули, мушкеты и др. предметы; затѣмъ они поставили палатку или шалашъ, чтобы укрыться отъ снѣга и нападенія медвѣдей. Нѣкоторые матросы углубились на два или на три лье во внутрь страны и около рѣки съ прѣсной водой нашли много лѣсу и слѣды дикихъ козъ и сѣверныхъ оленей. Видя, что вся бухта наполняется громадными, взгроможденными другъ на друга ледяными глыбами, голландцы рѣшили 11-го сентября, что здѣсь они проведутъ зиму и, „чтобы оградить себя отъ холода и дикихъ звѣрей", они задумали построить домъ, въ которомъ могли бы всѣ помѣститься, а корабль, оставаться на которомъ становилось съ каждымъ днемъ все опаснѣе и менѣе удобно, они рѣшили оставить на произволъ судьбы. Къ счастью они нашли на берегу много деревьевъ, принесенныхъ, безъ сомнѣнія, теченіемъ изъ Сибири; ихъ было такъ много, что хватило не только для постройки жилища, но и на топливо на всю зиму.

Никогда еще европеецъ не зимовалъ въ этихъ странахъ, среди этого лѣниваго и неподвижнаго моря, которое, по ошибочному выраженію Тацита, составляетъ поясъ нашего міра и гдѣ слышенъ шумъ восходящаго солнца. Голландцы не могли себѣ представить всей суммы тѣхъ страданій, какія ихъ ожидали. Впрочемъ, всѣ семнадцать человѣкъ вынесли свое положеніе съ изумительнымъ терпѣніемъ, безъ одного слова ропота, безъ малѣйшей попытки къ возмущенію. Поведеніе этихъ храбрыхъ матросовъ, не вѣдавшихъ, что готовитъ имъ темное будущее, съ глубокимъ упованіемъ ввѣрившихъ „свою судьбу въ руки Божіи", —это можетъ служить примѣромъ даже для нынѣшнихъ моряковъ. Благодаря искусству, знаніямъ и предусмотрительности начальника Барентца, также благодаря своему дисциплинированному духу, они выбрались изъ Новой Земли, изъ этой могилы, и вновь увидѣли берега своего отечества.

Очень многочисленные въ это время года медвѣди часто посѣщали экипажъ. Нѣсколько изъ нихъ были убиты, но голландцы удовольствовались тѣмъ, что содрали съ нихъ шкуры. Въ пищу же ихъ не употребляли безъ сомнѣнья потому, что считали медвѣжье мясо нездоровымъ. Это мясо послужило бы для нихъ значительной прибавкой къ припасамъ и дало бы возможность не прибѣгать къ соленому мясу и такимъ образомъ избѣгнуть на нѣкоторое время цынги. Но не будемъ забѣгать впередъ и постараемся слѣдовать журналу Герри де-Веера.

23-го сентября умеръ Тиммерманъ и былъ погребенъ въ разсѣлинѣ горы, такъ какъ земля была такъ холодна, что невозможно было рыть ее заступомъ. Слѣдующіе дни были употреблены на переноску лѣса для постройки дома.

31-го октября поднялся сильный сѣверо-западный вѣтеръ; море очистилось отъ льда на всемъ пространствѣ, видимомъ простымъ глазомъ. „Но мы оставались все же захваченными и точно заарестованными льдами, и корабль нашъ былъ на два или на три фута приподнятъ льдами. Мы полагали, что вода замерзла до самаго дна, хотя глубина въ этомъ мѣстѣ достигала трехъ съ половиною саженъ".

12-го октября голландцы перешли уже въ домъ, хотя онъ еще не былъ оконченъ. 21-го большая часть провизіи, мебель и все, въ чемъ была надобность, перенесли съ корабля, такъ какъ чувствовали, что солнце скоро исчезнетъ. На крышѣ дома воз-

вышалась труба; внутри дома были повѣшены голландскіе часы; вдоль стѣнъ тянулись кровати, а бочка была превращена въ ванну, такъ какъ докторъ благоразумно совѣтовалъ частыя умыванія для предостереженія отъ заболѣванія. Снѣгу въ зиму выпало невѣроятное количество. Весь домъ исчезъ подъ этимъ густымъ покровомъ, возвысившимъ, однако, ощутительно температуру внутри его. Всякій разъ, когда представлялась надобность выйти изъ дому, голландцы принуждены были прорывать подъ снѣгомъ коридоры. По ночамъ они слышали, какъ по крышѣ разгуливали то медвѣди, то лисицы, порывавшіеся сорвать доски, чтобы проникнуть внутрь дома. Это научило голландцевъ вылѣзать въ трубу и оттуда, точно изъ сторожки, выжидать звѣря и убивать его. Они соорудили множество западней, въ которыя попадали лисицы, драгоцѣнный мѣхъ которыхъ давалъ голландцамъ защиту отъ холода, а мясо служило пищей. Въ хорошемъ расположеніи духа, всегда веселые, они съ грѣхомъ пополамъ выносили скуку долгой полярной ночи и свирѣпость зимы. Холодъ былъ такъ силенъ, что въ продолженіе двухъ дней, въ которые голландцы, благодаря тому, что изъ трубы забивало дымъ въ комнату, не могли топить въ прежнемъ количествѣ, въ комнатахъ была такая стужа, что въ это время стѣны и полы помѣщенія покрылись слоемъ льда на толщину двухъ пальцевъ, даже и въ томъ отдѣленіи, гдѣ эти бѣдные люди спали. Хересъ замерзъ и его приходилось оттаивать, когда наступало время дѣлежки, при которой каждый получалъ черезъ два дня по полупинтѣ.

„7-го декабря все стояла суровая погода и съ сѣверо-востока поднялась буря, производившая страшную стужу. Не зная, какими средствами защититься отъ нея, мы собирались вмѣстѣ и совѣтовались, что бы такое предпринять; тогда одинъ изъ насъ предложилъ попробовать зажечь каменный уголь, перенесенный съ корабля въ домъ, такъ какъ огонь его очень жарокъ и продолжителенъ. Вечеромъ мы развели большой огонь, доставившій намъ много жару; но мы не подумали о послѣдствіяхъ; тепло оживило насъ и мы хотѣли задержать его какъ можно дольше. Для этой цѣли мы сочли за лучшее запереть всѣ двери и трубу. И такимъ образомъ каждый изъ насъ, ободренный пріобрѣтенной теплотой, улегся на свою постель и мы долго еще бесѣдовали. Но вдругъ мы почувствовали головокруженіе—одни въ боль-



Внутренній видъ дома Барентца. (Fac-simile съ древней гравюры).

шей, другіе въ меньшей степени; прежде всего мы замѣтили это на одномъ больномъ, который вслѣдствіе болѣзни былъ менѣе выносливъ. А затѣмъ и сами почувствовали дурноту, такъ что нѣкоторые изъ насъ, самые сильные, встали съ своихъ коекъ и открыли трубу, а затѣмъ двери. Но отворившій дверь упалъ въ обморокѣ на снѣгъ; увидя это, я поспѣшилъ къ нему и нашелъ его безъ сознанія. Я тотчасъ принесъ уксусу и теръ ему лицо

до тѣхъ поръ, пока онъ не очнулся отъ своего обморока. Затѣмъ, когда мы всѣ пришли въ себя, капитанъ далъ намъ выпить немного вина, чтобы подкрѣпить насъ.

11-го стояла свѣтлая погода и такой страшный холодъ, что не испытавшій его съ трудомъ повѣритъ; башмаки, замерзшіе на нашихъ ногахъ, сдѣлались твердыми, какъ кора, и внутри покрылись льдомъ, такъ что не было возможности носить ихъ. Одежда, которую мы носили, побѣлѣла отъ мороза и оледенѣла.

25-го декабря, т.-е. въ день Рождества, погода была такая же суровая, какъ и въ предшествующіе дни. Лисицы съ бѣшенствомъ бросались на домъ, что одинъ изъ матросовъ счелъ за дурное предзнаменованіе и когда его спросили, почему?—онъ отвѣтилъ: „Потому, что ихъ нельзя всѣхъ сжарить, что было бы хорошимъ предзнаменованіемъ“.

Конецъ 1596 года сопровождался страшнымъ холодомъ и начало 1597 года ему въ этомъ не уступало. Снѣжныя бури и морозы свирѣпствовали съ такой силой, что голландцы не могли выходить изъ дому. Они съ большимъ весельемъ отпраздновали праздникъ королей, о чемъ сообщаетъ трогательный и простодушный разсказъ Герри де-Веера. „Мы просили капитана, чтобъ онъ далъ намъ возможность разсѣяться среди нашей нужды, для чего позволилъ бы намъ употребить часть вина, удѣлявшагося намъ черезъ каждые два дня. Изъ двухъ фунтовъ муки мы спекли себѣ блины съ масломъ. Каждый изъ насъ имѣлъ сухарь изъ бѣлаго хлѣба, который мы обмакивали въ винѣ и ѣли. И намъ казалось, что мы были въ нашемъ отечествѣ, среди нашихъ родныхъ и друзей; и мы возродились, точно устроили почетный пиръ,—такъ намъ было хорошо. Мы выбрали помощью билетиковъ короля себѣ, а нашего констапеля мы сдѣлали королемъ той части Новой Земли, которая заключается между двумя морями и простирается на двѣсти лье“.

Начиная съ 21-го января появленіе лисицъ сдѣлалось рѣже, и появились медвѣди; день сталъ прибавляться и голландцы, такъ долго заключенные, стали понемногу выходить. 24-го одинъ изъ матросовъ, долго болѣвшій, умеръ и былъ похороненъ въ снѣгу, недалеко отъ дома. 28-го, въ очень хорошую погоду, всѣ вышли, гуляли, бѣгали, бросали шары, чтобы размять свои члены, которые почти у всѣхъ ослабли отъ цынготной болѣзни. Люди были такъ разслаблены, что необходимыя для дома дрова при-

носились въ нѣсколько пріемовъ. Наконецъ, въ первыхъ числахъ марта, послѣ многихъ бурь и метелей, они могли убѣдиться, что море было свободно отъ льдовъ. Несмотря на это, погоды стояли крайне суровыя съ ледянымъ холодомъ. О томъ, чтобы пуститься въ море, нельзя было еще и думать, тѣмъ болѣе, что корабль былъ еще загроможденъ льдами. 15-го апрѣля они посѣтили корабль и нашли его въ довольно хорошемъ состояніи.

Въ началѣ мая матросы стали выражать нетерпѣніе и обращались къ Барентцу съ вопросами по поводу приготовленій къ отъѣзду; но послѣдній отвѣчалъ, что нужно ждать до конца мая и если и тогда нельзя будетъ освободить корабль, то придется устроить шлюпку и большую лодку и приспособить ихъ къ плаванію по морю. 20-го мая было приступлено къ приготовленію къ отъѣзду. Можно себѣ представить, съ какою радостью и усердіемъ голландцы взялись за работу. Шлюпка была тимберована, паруса исправлены; лодку и шлюпку вытащили на берегъ и нагрузили ихъ припасами. Затѣмъ, такъ какъ море было свободно отъ льдовъ и такъ какъ вѣтеръ дулъ попутный, Геемскеркъ отправился къ Барентцу, давно уже больному, и сказалъ ему, что „ему кажется, что пора уѣхать съ этого мѣста и съ Божіей помощью начать путешествіе“.

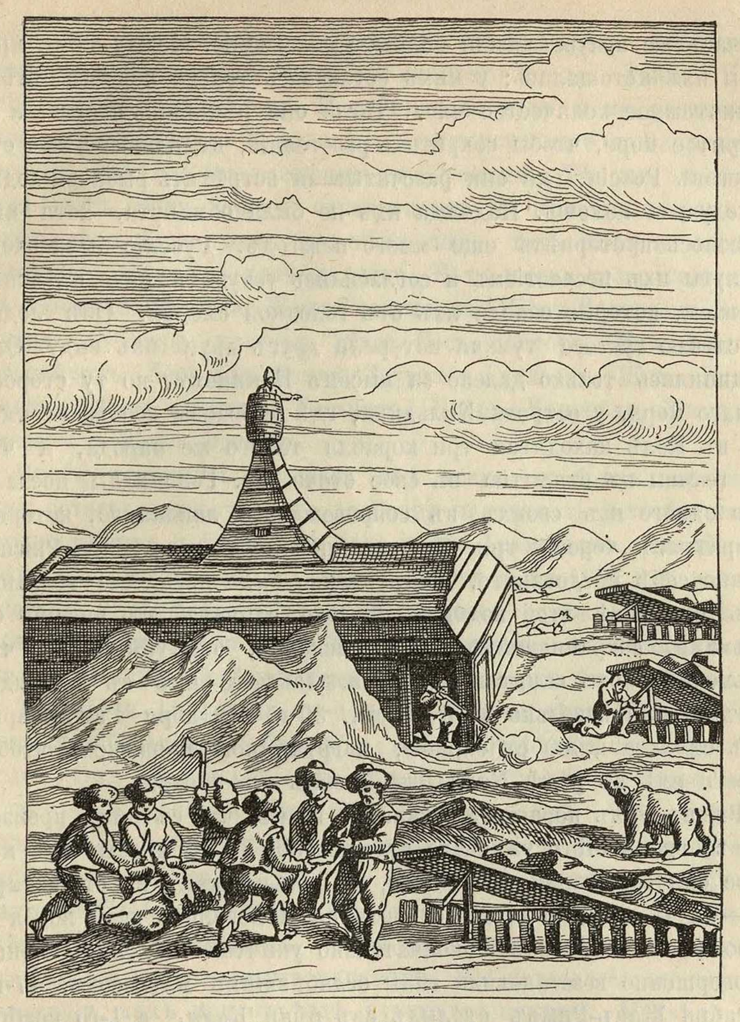
„Вильгельмъ Барентцъ раньше уже написалъ записку, въ которой онъ объяснилъ о нашемъ путешествіи изъ Голландіи съ цѣлью достигнуть до Китайскаго королевства и обо всемъ, что съ нами произошло, дабы каждый, кто явится сюда послѣ насъ, могъ бы узнать все, что случилось. Эту записку онъ положилъ въ ружейный чехолъ, который повѣсилъ на трубѣ“.

13-го іюня 1597 года голландцы бросили свой корабль, который не двигался изъ своихъ ледяныхъ оковъ и, отдавая себя на волю Божію, пустились на двухъ шлюпкахъ въ море. Они достигли Оранжевыхъ островoвъ и, среди смѣняющихъ другъ друга опасностей, спустились вдоль западнаго берега Новой Земли. „20-го іюня Николай Андріе сильно заболѣлъ и мы видѣли, что онъ скоро умретъ. Лейтенантъ пришелъ на нашу шлюпку и сказалъ, что Николай Андріе очень плохъ и что, по всей вѣроятности, онъ доживаетъ свои послѣдніе дни. На это Вильгельмъ Барентцъ сказалъ: — „Мнѣ кажется, что и моя жизнь не долго продлится“. Мы совсѣмъ не думали, чтобы Барентцъ былъ такъ боленъ, такъ какъ онъ бесѣдовалъ съ нами и разсматривалъ

карту нашего путешествія, которую я составилъ. Мы продолжали разговаривать о разныхъ предметахъ. Наконецъ, онъ положилъ карту и сказалъ мнѣ: — „Жераръ, дай мнѣ пить!“ Напившись, онъ почувствовалъ страшную слабость, закатилъ глаза и умеръ такъ внезапно, что мы не успѣли позвать капитана, находившагося на другомъ суднѣ. Смерть Вильгельма Барентца чрезвычайно опечалила насъ, такъ какъ онъ былъ нашъ главный проводникъ и единственный штурманъ, на котораго мы возлагали всѣ наши надежды. Но такова была Божья воля, и эта мысль насъ нѣсколько успокоила“.

Такъ умеръ знаменитый Барентцъ, подобно двумъ другимъ слѣдовавшимъ за нимъ ученымъ, Франклину и Галлю. Въ краткомъ и воздержанномъ надгробномъ словѣ Герри Верра проглядываетъ любовь, расположеніе и довѣріе, которыя этотъ отважный мореплаватель сумѣлъ внушить своимъ несчастнымъ спутникамъ. Барентцъ—это слава Голландіи, столь богатой смѣлыми и искусными мореплавателями.

Принужденные неоднократно выгребать воду изъ своихъ лодокъ, ежеминутно подвергаясь опасности быть раздавленными льдами, имѣя передъ собой то открывающееся, то вновь покрывающееся льдомъ море, терпя голодъ и жажду, голландцы достигли, наконецъ, мыса Нассау. Опасаясь, что дно лодки разобьется, они втащили ее на сплошное ледяное пространство, и при этомъ потеряли часть своихъ припасовъ и чуть было не утонули сами, такъ какъ ледъ ломался у нихъ подъ ногами. Но среди всѣхъ этихъ несчастій у нихъ бывали и счастливыя находки. Такъ, достигнувъ по льду до острова Крестовъ, они нашли тамъ семьдесятъ утиныхъ яицъ. „Но они не знали, какъ ихъ донести. Наконецъ, одинъ изъ нихъ снялъ штаны и, связавъ ихъ внизу, положилъ въ нихъ яйца, а двое понесли ихъ, продѣвъ копье. Они возвратились послѣ двѣнадцатичасовой отлучки, что заставило насъ опасаться, не случилось ли съ ними какое-либо несчастье. Яйца были какъ нельзя больше кстати и мы поѣли ихъ всласть“. Съ 19-го іюля море было если не совсѣмъ чисто, то по крайней мѣрѣ свободно отъ ледяныхъ мелей, которыя такъ затрудняли плаваніе голландцамъ. 28-го іюля они встрѣтили двѣ русскія барки, къ которымъ сначала побоялись приблизиться. Но когда они увидѣли, что матросы направляются къ нимъ безъ оружія и съ изъявленіями дружбы, они отбросили



Внѣшній видъ дома Барентца. (Fac-simile съ древней гравюры).

всякій страхъ, тѣмъ болѣе, что узнали въ нихъ людей, которыхъ видѣли въ предыдущемъ году въ окрестностяхъ Вайгача. Они получили отъ русскихъ нѣкоторую помощь и продолжали свое путешествіе, стараясь держаться берега Новой Земли такъ близко, какъ только позволялъ ледъ. Во время одной высадки на берегъ, они нашли растеніе ложечникъ, листья и сѣмена котораго составляютъ и понынѣ одно изъ самыхъ сильныхъ антицынготныхъ средствъ. Они съ жадностью начали ѣсть это растеніе и почти

тотчасъ же почувствовали большое облегченіе. Между тѣмъ припасы ихъ истощались; у нихъ оставалось только немного хлѣба и ничтожное количество мяса. Тогда они рѣшились пуститься въ открытое море, чтобы сократить разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ береговъ Россіи, гдѣ они разсчитывали встрѣтить рыбачьи лодки и получить помощь. Надежда ихъ не была обманута, хотя имъ пришлось претерпѣть еще много невзгодъ. Русскіе были очень тронуты ихъ несчастіемъ и согласились уступить имъ съѣстные припасы, которые спасли ихъ отъ голодной смерти. Обѣ лодки по случаю густого тумана потеряли другъ друга изъ виду. Онѣ соединились только далеко за мысомъ Канинымъ, по ту сторону Бѣлаго моря, у острова Кильдина, гдѣ рыболовы сообщали имъ, что въ Колѣ находятся три корабля такого же народа, и что они готовы къ отплытію въ свое отечество. Голландцы послали туда одного изъ своихъ въ сопровожденіи лапландца, который возвратился черезъ три дня съ письмомъ отъ Жана Рижпа. Можно себѣ представить, какъ велико было изумленіе голландцевъ при видѣ этой подписи. Только сличивъ это письмо съ письмами, сохранившимися у Геемскерка, они убѣдились, что письмо было отъ капитана, сопровождавшаго ихъ въ предыдущемъ году. Нѣсколько дней спустя, 30-го сентября Рижпъ прибылъ самъ за ними съ баркою, нагруженною провизіей, чтобы отвести ихъ къ рѣкѣ Колѣ, гдѣ стоялъ его корабль.

Рижпъ былъ пораженъ, узнавъ о всемъ, что съ ними произошло во время этого ужаснаго путешествія въ четыреста лье, которое они совершили ни больше, ни меньше какъ въ сто четыре дня—съ 13-го іюня до 25-го сентября. Нѣсколько дней покоя и здоровая обильная пища окончательно уничтожили слѣды цынги и совершенно возстановили силы ослабѣвшихъ матросовъ. 17-го сентября Жанъ-Рижпъ отплылъ изъ рѣки Колы, а 1-го ноября голландскій экипажъ прибылъ въ Амстердамъ. „На насъ были надѣты,—говоритъ Герри Вееръ,—тѣ же самыя одежды, которыя мы носили въ Новой Землѣ и шапки изъ бѣлыхъ лисицъ; мы отправились въ гостиницу Піерра-Гасселера, который былъ однимъ изъ городскихъ попечителей (curateur) Амстердама, уполномоченнымъ присутствовать при снаряженіи обоихъ кораблей Жана Рижпа и нашего капитана. Мы пришли въ эту гостиницу среди всеобщаго изумленія, такъ какъ насъ давно считали умершими. Извѣстіе о нашемъ появленіи распространилось по городу и

дошло до отеля принца, у котораго въ это время находились канцлеръ и посланникъ очень знаменитаго короля Даніи, Норвегіи, готовъ и вандаловъ. Насъ привели туда и мы разсказали господину посланнику и господамъ бургомистрамъ о нашемъ путешествіи. Затѣмъ мы разошлись по домамъ. Тѣ же, которые жили не въ этомъ городѣ, остановились на нѣкоторое время въ гостиницѣ и жили тамъ до тѣхъ поръ, пока намъ не выдали жалованье; тогда всѣ разъѣхались". Вотъ имена возвратившихся изъ этого путешествія: Жакъ Геемскеркъ, Піеръ Петерсонъ Восъ, Герардъ де-Вееръ, мастеръ, Жанъ Восъ, докторъ, Жакъ Іансенъ Стеренбургъ, Леонардъ Генри, Лаурентъ Гулльомъ, Жанъ Гильебрантъ, Жакъ Янсенъ Гоохвутъ, Пьеръ Корнейль, Жакъ де-Бюизенъ и Жакъ Эвертсъ.

Чтобы закончить разсказъ объ этихъ храбрыхъ морякахъ, намъ остается сказать, что де-Вееръ напечаталъ исторію своего путешествія въ слѣдующемъ году и что Геемскеркъ, послѣ нѣсколькихъ путешествій въ Индію, получилъ въ 1607 году начальствованіе надъ флотомъ въ двадцать шесть судовъ, во главѣ котораго онъ далъ испанцамъ большое сраженіе, въ которомъ голландцы остались побѣдителями, но Геемскеркъ былъ убитъ.

Только въ 1871 году, т.-е. почти триста лѣтъ спустя, мѣсто зимовки несчастнаго Барентца и его товарищей снова увидѣло людей. Онъ первый обогнулъ сѣверную оконечность Новой Земли и до этого времени онъ былъ единственный. 7-го сентября Еллингъ Карлсенъ, извѣстный своими многочисленными путешествіями въ Сѣверное море и Ледовитый океанъ, прибылъ въ Havre de-Grâce Барентца, а 9-го онъ нашелъ домъ, служившій убѣжищемъ голландцамъ. Домъ до такой степени сохранился, что казался построеннымъ наканунѣ. Все оставалось въ томъ же положеніи, какъ при отъѣздѣ путешественниковъ. Медвѣди, лисицы и прочіе обитатели этихъ негостепріимныхъ странъ—были единственными посѣтителями этого мѣста. Вокругъ дома валялись большія бочки, груды костей тюленей, моржей и медвѣдей. Внутри дома все находилось на мѣстѣ. Это былъ точный оригиналъ гравюры Герри Веера. Вдоль стѣнъ тянулись кровати, какъ это было изображено на рисункѣ; тамъ же находились стѣнные часы, мушкеты, алебарды. Изъ всей домашней утвари, оружій и различныхъ предметовъ, привезенныхъ капитаномъ Карлсеномъ, мы назовемъ двѣ морскія мѣдныя кастрюльки, нѣсколько кубиковъ,

ружейныхъ стволовъ, долотъ, подпилокъ, пару башмаковъ, девятнадцать пороховницъ, изъ которыхъ нѣкоторыя еще были наполнены порохомъ, затѣмъ часы, замки, двадцать шесть оловянныхъ подсвѣчниковъ, остатки гравюръ и три голландскихъ книги. Изъ нихъ одна, „Исторія Китая", указываетъ на цѣль, преслѣдуемую Барентцомъ въ этой экспедиціи, а другая, „Руководство къ мореплаванію", свидѣтельствуетъ, что Барентцъ съ большимъ стараніемъ слѣдилъ за всѣмъ, что касалось его профессіи.

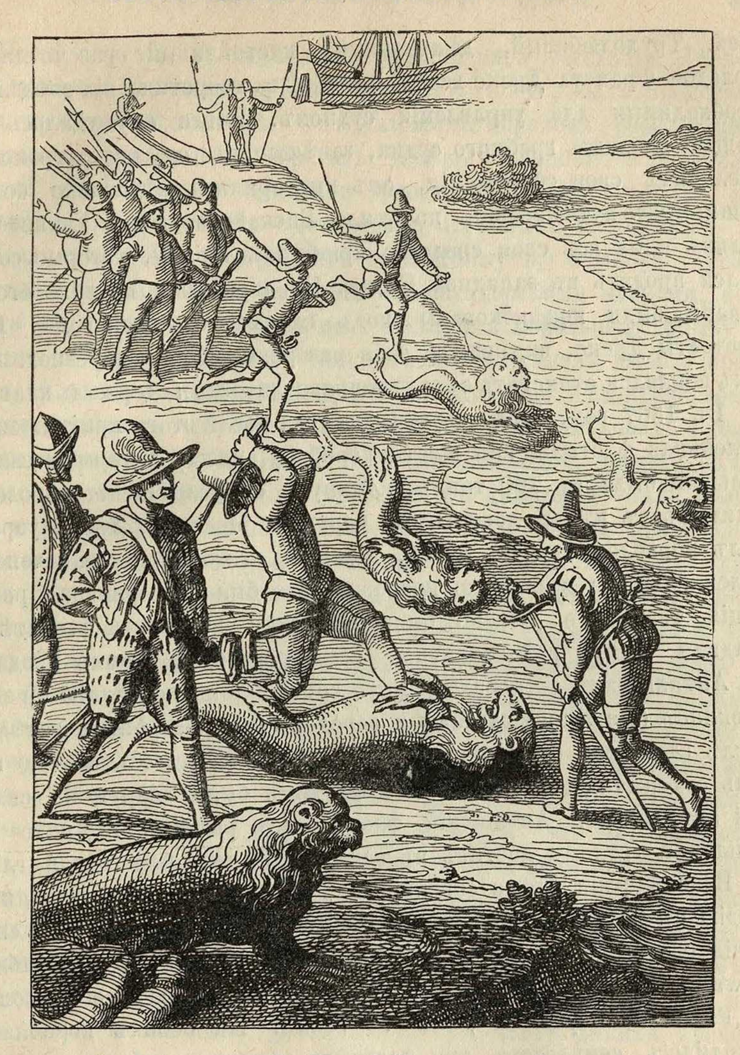
Возвратившись въ гавань Гаммерфестъ, капитанъ Карлсенъ встрѣтилъ одного голландца по имени Листеръ Кай, который купилъ останки Барентца и передалъ ихъ нидерландскому правительству. Эти предметы поступили въ морской музей въ Гагу и тамъ же была поставлена большая модель дома, составленнаго по рисункамъ Герри де-Веера. Домъ былъ съ одной стороны открытъ и въ немъ можно было видѣть всѣ предметы и орудія, привезенные изъ Новой Земли и размѣщенные въ томъ же порядкѣ. Пользующіеся всеобщимъ вниманіемъ, эти драгоцѣнные свидѣтели важнаго морского событія, первой зимовки въ сѣверныхъ моряхъ, эта трогательная память о Барентцѣ, о Геемскеркѣ и о его закаленныхъ товарищахъ составляетъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ предметовъ музея. Рядомъ съ часами виситъ мѣдный циферблатъ, на которомъ изображенъ меридіанъ. Этотъ интересный циферблатъ, изобрѣтенный Планціусомъ и служившій безъ сомнѣнія для опредѣленія магнитной стрѣлки, представляетъ собою въ настоящее время единственный экземпляръ морского инструмента, которому не суждено было войти въ употребленіе. Здѣсь же лежитъ флейта, служившая Барентцу, и башмаки несчастнаго матроса, умершаго во время зимовки. Безъ волненія нельзя глядѣть на эти предметы.

ГЛАВА IV.

Отважныя путешествія и набѣги.

Дреке.—Кавендишъ.—Де-Ноортъ.—Вальтеръ Ралей.

Жалкая тавистокская хижина въ Девонширѣ служила въ 1540 году мѣстомъ рожденія Франсуа Дреке (Francis Drake), которому суждено было, благодаря несокрушимой отвагѣ, пріобрѣсти милліоны и затѣмъ утерять ихъ съ



Охота на моржей. (Fac-simile съ древней гравюры).

тою же легкостью, съ какою пріобрѣлъ. Эдмундъ Дреке, его отецъ, былъ одинъ изъ тѣхъ пастырей, которые всецѣло предаются воспитанію народа. Бѣдность его была очень велика и равнялась только тому уваженію, какимъ онъ былъ окруженъ. Обремененный семьею, отецъ Франсуа Дреке нашелъ лучшимъ избрать для своего сына морскую профессію, къ которой, впрочемъ, и послѣдній чувствовалъ сильное влеченіе, и опредѣлилъ его юнгою на небольшой корабль, ведшій торговлю съ Голлан-

діей. Трудолюбивый, дѣятельный, настойчивый, разсчетливый молодой Франсуа Дреке вскорѣ пріобрѣлъ теоретическія свѣдѣнія, необходимыя для управленія судномъ. Когда ему удалось помощью продажи гребного судна, завѣщаннаго ему его патрономъ, увеличить свои сбереженія, онъ предпринялъ нѣсколько болѣе обширныхъ путешествій, посѣтилъ Бискайское море, Гвинейскій заливъ и на всѣ свои средства пріобрѣлъ товары, которые собирался продать въ западной Индіи. Но дорогою и корабль его и товары были конфискованы подъ какимъ-то предлогомъ. Всѣ протесты Дреке, видѣвшаго себя разореннымъ, были безполезны. Онъ поклялся отомстить за эту несправедливость и сдержалъ клятву.

Въ 1567 году, т.-е. спустя два года послѣ этого приключенія, маленькая флотилія изъ шести кораблей, между которыми самый большой былъ въ 700 тоннъ, покинула съ разрѣшенія королевы Плимутъ съ цѣлью достигнуть береговъ Мексики. Дреке управлялъ кораблемъ въ 50 тоннъ. Прежде всего было захвачено у Зеленаго Мыса нѣсколько негровъ,—это была генеральная репетиція того, что должно было произойти въ Мексикѣ. Затѣмъ осадили Мину, гдѣ захватили еще негровъ, которыхъ продали на Антильскихъ островахъ. Безъ сомнѣнія по настоянію Дреке, Гавкинсъ (Hawkins) завладѣлъ городомъ Ріо-де-ла-Гаша; затѣмъ, послѣ страшной бури, они достигли Сенъ-Жанъ Уллоа. Но гавань содержала многочисленный флотъ и была вооружена сильной артиллеріей. Англійскій флотъ былъ разбитъ и Дреке съ большимъ трудомъ достигъ въ январѣ 1568 года береговъ Англіи.

Впослѣдствіи Дреке совершилъ два путешествія въ западную Индію съ цѣлью изученія страны. Когда онъ думалъ, что свѣдѣнія его были довольно полныя, онъ снарядилъ два корабля: „Swan“, въ 25 тоннъ, которымъ командовалъ братъ его Джонъ, и „Pacha de Plymouth“, въ 70 тоннъ. На обоихъ корабляхъ находилось семьдесятъ три человѣка экипажа, всѣ старые моряки, на которыхъ можно было положиться. Съ іюля 1572 до августа 1573 года, то одинъ, то вмѣстѣ съ нѣкимъ капитаномъ Равсомъ (Rawse), Дреке удачно крейсировалъ у береговъ Даріенскаго залива, нападалъ на города Вера-Круцъ и Номбръ-де-Діосъ и завладѣлъ значительной добычей. Къ сожалѣнію, всѣ эти дѣйствія не были свободны отъ такихъ событій, за которыя надо бы краснѣть, но мы не будемъ останавливаться на сценахъ разбоя и варварства, которыми изобилуетъ XVI вѣкъ.

Послѣ участія въ подавленіи ирландскаго возстанія, Дреке, имя котораго начинало пріобрѣтать извѣстность, былъ представленъ королевѣ Елизаветѣ. Онъ изложилъ королевѣ свой планъ опустошенія западныхъ береговъ Южной Америки и получилъ вмѣстѣ съ титуломъ адмирала флотъ изъ пяти кораблей, на которыхъ находилось сто шестьдесятъ отборныхъ матросовъ.

Покинувъ 15-го ноября 1577 года Плимутъ, Франсуа Дреке вступилъ въ нѣкоторыя сношенія съ магадорскими маврами, которые ему очень не понравились, захватилъ небольшую добычу и достигъ острововъ Зеленаго Мыса. Тамъ онъ сдѣлалъ запасы провизіи и, послѣ пятидесятидневнаго плаванія по Атлантическому океану, пріѣхалъ къ берегамъ Бразиліи. Онъ слѣдовалъ вдоль береговъ до лимана Ла-Платы, гдѣ запасся водой, достигъ Тюленьей бухты въ Патагоніи, торговалъ съ дикими и убилъ большое количество пингвиновъ и морскихъ волковъ для продовольствія экипажа. „Нѣкоторые патагонцы, которыхъ 13-го мая видѣли нѣсколько ниже Тюленьей бухты,—говоритъ оригинальное повѣствованіе,—носили на головѣ какой-то рогъ, и почти на всѣхъ были шляпы изъ прекрасныхъ птичьихъ перьевъ. Лица у нихъ были разрисованы разноцвѣтными красками и въ рукахъ каждый держалъ по луку, изъ котораго при выстрѣлѣ вылетали одновременно двѣ стрѣлы. Всѣ они очень ловки и, въ чемъ мы могли убѣдиться, очень смышлены въ дѣлѣ войны, такъ какъ умѣли соблюдать при движеніи такой строй, что ихъ казалось очень много, когда въ дѣйствительности ихъ было немного“. Въ своемъ сочиненіи „Voyageurs anciens et modernes“ Шартонъ обращаетъ вниманіе на то, что Дреке не указываетъ на тотъ необычайный ростъ, какой Магелланъ приписалъ патагонцамъ. На это есть нѣсколько основаній. Въ Патагоніи существуетъ не одно племя, и описаніе, данное намъ объ этихъ дикихъ Дреке, нисколько не походитъ на описаніе, составленное Пигафеттой о патагонцахъ гавани Сенъ-Жуліенъ. Если существуетъ, какъ это теперь, кажется, доказано, племя людей, обладающихъ высокимъ ростомъ, то мѣсто жительства этихъ людей опредѣляется берегами пролива, на южной оконечности Патагоніи, а не въ пятнадцати дняхъ плаванія отъ порта Дезире, куда Дреке прибылъ 2-го іюня. На слѣдующій день онъ достигъ гавани Сенъ-Жуліенъ и тамъ онъ нашелъ висѣлицу, воздвигнутую нѣкогда Магелланомъ для казни нѣсколькихъ бунтовщиковъ изъ своего экипажа.

Дреке, въ свою очередь, выбралъ это мѣсто, чтобы освободиться отъ одного изъ своихъ капитановъ Дути (Doughty), давно подозрѣваемаго въ измѣнѣ и въ расхищеніи и неоднократно отдѣлявшагося отъ флота. Нѣкоторые матросы признались, что онъ ихъ подговаривалъ соединиться съ нимъ и отдѣлиться отъ флота, и онъ былъ обвиненъ въ возмущеніи и въ подстрекательствѣ къ мятежу. Онъ былъ осужденъ по англійскимъ законамъ военнымъ совѣтомъ и долженъ былъ лишиться жизни черезъ отсѣченіе головы. Этотъ приговоръ былъ немедленно приведенъ въ исполненіе, хотя капитанъ Дути до послѣдней минуты настаивалъ на своей невинности. Была-ли вина капитана Дути доказана неоспоримо? Если, несмотря на постоянно воздержное отношеніе съ своими, Дреке, по возвращеніи его въ Англію, все же обвиняли въ томъ, что онъ только хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы избавиться отъ соперника, котораго боялся, то все же трудно допустить, чтобы сорокъ судей, произнесшихъ приговоръ, находились бы подъ вліяніемъ тайныхъ намѣреній адмирала и осудили невиннаго.

20-го августа флотъ, состоявшій теперь всего изъ трехъ кораблей, такъ какъ два корабля, получившіе сильныя поврежденія, были брошены адмираломъ, вступилъ въ проливъ, который со времени Магеллана никѣмъ не посѣщался. Если и встрѣчались прекрасныя гавани, то Дреке находилъ, что приставать неудобно вслѣдствіе глубины у береговъ и вслѣдствіе свирѣпыхъ вѣтровъ, дувшихъ порывами и дѣлавшихъ въ то же время плаваніе опаснымъ. Бурею, застигшею флотилію при выходѣ изъ залива въ Тихій океанъ, уничтожило одинъ изъ кораблей Дреке, а нѣсколько дней спустя отдѣлило и послѣдняго спутника Дреке, съ которымъ онъ вновь встрѣтился только въ концѣ экспедиціи. Увлеченный теченіемъ къ югу отъ пролива подъ $55^1/_3{}^0$, Дреке оставался только съ однимъ кораблемъ; но по вреду, который онъ нанесъ испанцамъ, можно себѣ представить то опустошеніе, какое онъ сдѣлалъ бы, если бы имѣлъ флотъ, съ которымъ выѣхалъ изъ Англіи. При одной высадкѣ на островѣ Моша, двое изъ англичанъ были убиты, многіе ранены, въ томъ числѣ и Дреке; онъ былъ раненъ двумя стрѣлами въ голову и былъ положительно не въ состояніи наказать индѣйцевъ за ихъ вѣроломство. Въ гавани Вальпарайзо онъ завладѣлъ кораблемъ, нагруженнымъ въ Чили винами и слитками золота на 37,000 ду-



Вальтеръ Ралей. (Fac-simile съ древней гравюры).

катовъ; затѣмъ онъ разграбилъ городъ, покинутый поспѣшно жителями. Въ Коквимбо онъ встрѣтилъ значительное сопротивленіе, заставившее его отплыть. Въ Арикѣ онъ разбилъ три небольшія барки, съ которыхъ ему досталось пятьдесятъ семь слишкомъ фунтовъ серебра на 50,160 ливровъ. Въ портѣ Лима, гдѣ съ разрѣшенія королевы стояли двѣнадцать кораблей или барокъ, добыча была значительна. Но что особенно обрадовало Дреке,

это извѣстіе, что галіонъ, по имени „Caga-Fuego“, отправлялся съ богатымъ грузомъ въ Параку. Онъ устремился за нимъ въ погоню, захватилъ по дорогѣ барку съ восемьюдесятью фунтами золота или 14,080 французскихъ экю, и вскорѣ, на высотѣ мыса Санъ-Франциско, завладѣлъ безъ труда „Caga-Fuego“, на которомъ нашелъ восемьдесятъ фунтовъ золота. По этому поводу одинъ испанскій матросъ сказалъ въ насмѣшку: „Капитанъ, нашъ корабль не долженъ болѣе называться „Caga-Fuego“ (изрыгающій огонь), а „Caga-Plata“ (изрыгающій деньги); теперь вашъ долженъ называться „Caga-Fuego“. Послѣ нѣкоторыхъ другихъ нападеній у береговъ Перу, доставлявшихъ ему болѣе или менѣе богатую добычу, до него дошло, что противъ него готовится значительное вооруженіе, и это навело его на мысль, что пора возвратиться въ Англію. Три дороги были передъ нимъ открыты: пройти черезъ Магеллановъ проливъ, или проѣхать черезъ Южное море и обогнуть мысъ Доброй Надежды и такимъ образомъ добраться до Атлантическаго океана, или подняться вдоль берега Китая и возвратиться черезъ Ледовитое море и Нордъ-Капъ. Эта послѣдняя дорога показалась ему самой удобной и онъ по ней направился. Онъ пустился въ море, достигъ 38° сѣверной широты и высадился въ бухтѣ Санъ-Франциско, у которой былъ три года тому назадъ Бодега. Былъ іюнь мѣсяцъ. Температура держалась очень низкая и земля покрыта была снѣгомъ. Дреке сообщаетъ интересныя подробности о пріемѣ, встрѣченномъ имъ у туземцевъ: „Когда мы пріѣхали, дикіе выразили большое изумленіе и, принимая насъ за боговъ, выразили намъ большое почтеніе и уваженіе.

Все время, пока мы тамъ оставались, они приходили глядѣть на насъ и приносили намъ то прекрасные султаны изъ разноцвѣтныхъ перьевъ, то petun (табакъ), который есть ничто иное, какъ трава, употребляемая обыкновенно индѣйцами. Прежде чѣмъ намъ дать эти вещи, они останавливались въ разстояніи одного лье отъ того мѣста, гдѣ мы поставили наши палатки. Затѣмъ они говорили длинныя рѣчи въ родѣ воззванія, и когда кончали, оставляли тамъ лукъ и стрѣлы и приближались къ намъ, поднося подарки.

Въ первый разъ, когда они явились, жены ихъ оставались на томъ же мѣстѣ и царапали и вырывали кожу изъ своихъ щекъ, вопя изумительнымъ образомъ, что насъ очень удивляло.

Но мы скоро узнали, что такъ совершался обрядъ жертвоприношенія, которое они совершали въ честь насъ".

Подробности, сообщаемыя Дреке о калифорнскихъ индѣйцахъ, почти что единственныя, приводимыя имъ по поводу нравовъ и обычаевъ народовъ, посѣщенныхъ имъ странъ. Замѣтимъ, что та же привычка дѣлать воззванія, о которой говоритъ путешественникъ, присуща и канадскимъ индѣйцамъ, что было замѣчено сорокъ лѣтъ спустя Картье.

Дреке не поднимался далѣе на сѣверъ и отказался отъ своего намѣренія возвратиться Ледовитымъ моремъ. Онъ поднялъ паруса и отплылъ по направленію къ экватору съ цѣлью достигнуть Молукскихъ острововъ и возвратиться въ Англію мимо мыса Доброй Надежды. Такъ какъ эта часть путешествія совершается по мѣстамъ уже извѣстнымъ и сообщаемыя Дреке наблюденія не многочисленны и не новы, то мы разскажемъ объ этомъ вкратцѣ.

13-го октября 1579 года Дреке достигъ подъ 8° сѣверной широты группы островов, обитатели которыхъ обладали длинными ушами, вытянутыми висѣвшими на нихъ тяжелыми украшеніями; ихъ ногти, которыхъ они не стригли, казалось, служили имъ оборонительнымъ оружіемъ; зубы ихъ, „черные какъ смола на кораблѣ", получали этотъ цвѣтъ отъ употребленія бетеля. Отдохнувъ, Дреке проѣхалъ Филиппинскіе острова и 14-го ноября прибылъ на островъ Тернате. Король этого острова явился къ его кораблю съ флотиліей изъ четырехъ лодокъ, на которыхъ находились главнѣйшіе его офицеры, одѣтые въ церемоніальное платье. Послѣ обмѣна привѣтствій и подарковъ, англичане получили рисъ, сахарный тростникъ, куръ, figo, гвоздику и саговую муку. На слѣдующій день опустившіеся на землю матросы присутствовали на совѣтѣ. „Когда король приближался, впереди него несли богатый зонтикъ, шитый золотомъ. Онъ былъ одѣтъ по обычаю страны, но платье было на немъ чрезвычайно богатое; съ плечъ до земли онъ былъ покрытъ длиннымъ плащомъ изъ золотой парчи. Голова его украшалась чѣмъ-то въ родѣ тюрбана, искусно сработаннаго изъ чистаго золота и украшеннаго богатыми каменьями и кистями изъ такой же матеріи. Съ шеи его спускалась прекрасная золотая цѣпь съ массивными пряжками. На его пальцахъ были надѣты шесть перстней съ чрезвычайно драгоцѣнными камнями, а ноги были обуты въ сафьяновые башмаки".

Пробывъ нѣкоторое время въ этой странѣ, чтобы подкрѣпить экипажъ, Дреке продолжалъ путешествіе, но 9-го января 1580 года онъ наткнулся на скалу и чтобы сойти съ нея ему пришлось бросить за бортъ восемь пушекъ и большое количество съѣстныхъ припасовъ. Мѣсяцъ спустя онъ пріѣхалъ къ острову Баратену, гдѣ и починилъ свой корабль. Островъ этотъ изобиловалъ серебромъ, золотомъ, мѣдью и сѣрою, также пряностями, лимонами, кокосами и другими нѣжными плодами. „Мы нагрузили богато наши суда, въ сознаніи того, что со времени нашего выѣзда изъ Англіи мы не встрѣчали ни одной страны, гдѣ бы съ такою легкостью добывались такіе хорошіе съѣстные припасы, какъ на этомъ островѣ и на островѣ Тернатѣ".

Покинувъ этотъ богатый островъ, Дреке высадился въ Большой Явѣ, гдѣ былъ принятъ очень радушно какъ пятью королями, владѣвшими островомъ, такъ и населеніемъ. „Это племя обладаетъ прекраснымъ тѣлосложеніемъ, очень любознательно, и имѣетъ хорошее оружіе, какъ-то: шпаги, кинжалы, круглые щиты и все это оружіе сдѣлано очень искусно". Вскорѣ послѣ своего прибытія въ Яву Дреке узналъ, что недалеко стоитъ на якорѣ флотъ. Дреке заподозрилъ, что это флотъ испанскій, и чтобы не встрѣтиться съ нимъ, поспѣшно отплылъ. Онъ обогнулъ мысъ Доброй Надежды въ первыхъ числахъ іюня, остановился въ Сіерра-Леоне, чтобы запастись водой, и прибылъ въ Плимутъ 3-го ноября 1580 года, послѣ отсутствія, продолжавшагося три года и нѣсколько дней.

Пріемъ, оказанный ему въ Англіи, былъ сначала очень холоденъ. Его нападенія на испанскіе города и суда въ такое время, когда обѣ націи находились въ полномъ мирѣ, по справедливости заставляло нѣкоторую часть общества смотрѣть на него, какъ на морского разбойника, попирающаго ногами человѣческія права. Сама королева, въ продолженіе пяти мѣсяцевъ, не хотѣла знать о его возвращеніи. Но по истеченіи этого срока, потому-ли, что измѣнились обстоятельства, потому-ли, что королева не хотѣла поступать строго съ отважнымъ морякомъ, она пріѣхала въ Дептфордъ, гдѣ стояло судно Дреке, взошла на корабль и посвятила его въ рыцари.

Съ этого времени его роль открывателя окончилась, а жизнь его, какъ воина и неумолимаго врага испанцевъ, до насъ не касается. Осыпанный почестями, уполномоченный важными назначе-



Елизавета посвящаетъ Дреке въ рыцари

ніями, Дреке умеръ на морѣ 28 января 1596 года, во время одного похода противъ испанцевъ.

Дреке знаменитъ тѣмъ, что онъ вторымъ проѣхалъ Магеллановъ проливъ, и первый объѣхалъ Огненную землю до мыса Горна. Равнымъ образомъ онъ поднялся по берегу Сѣверной Америки выше, чѣмъ это дѣлали его предшественники и осмотрѣлъ нѣсколько островов и архипелаговъ. Будучи очень искуснымъ мореплавателемъ, онъ быстро проѣхалъ Магеллановъ проливъ, и

если ему приписываютъ мало открытій, то вѣроятно потому, что онъ не заботился заносить ихъ въ свой журналъ или же обозначалъ ихъ не точно, что трудно было ихъ разыскать. Онъ положилъ начало набѣжническимъ войнамъ, причинившимъ столько вреда испанцамъ. Выгода, доставленная Дреке этими набѣгами, поощрила его современниковъ и развила въ нихъ страсть къ подобнаго рода предпріятіямъ.

Изъ всѣхъ, послѣдовавшихъ примѣру Дреке, самымъ знаменитымъ былъ безспорно Томасъ Кавендишъ или Кандишъ (Thomas Cavendish ou Candish). Поступивъ еще въ ранней молодости на службу въ англійскій военный флотъ, Кавендишъ провелъ очень бурно свою молодость и быстро растратилъ свое маленькое состояніе. Онъ рѣшилъ взять съ испанцевъ то, что похитила игра. Получивъ въ 1585 году каперское свидѣтельство, онъ съ цѣлью набѣга отправился въ восточную Индію и возвратился оттуда въ Англію съ значительной добычей. Поощренный такимъ легкимъ успѣхомъ на поприщѣ разбойника большихъ морскихъ дорогъ, онъ порѣшилъ, что ничего не можетъ быть лучше, какъ пріобрѣсти немного почести и славы и въ то же время составить себѣ состояніе. И такъ, онъ купилъ три корабля, „Desir“ въ 20, „Content“ въ 60 и „Hugh-Gallant“—въ 40 тоннъ, на которыхъ отправились сто двадцать три человѣка, матросовъ и солдатъ. Выѣхавъ 22-го іюля 1586 г., онъ проѣхалъ мимо Канарскихъ островоъ, высадился въ Сіерра-Леоне, напалъ и разграбилъ городъ, затѣмъ снова поплылъ, переѣхалъ черезъ Атлантическій океанъ, осмотрѣлъ мысъ Сенъ-Себастьяна въ Бразиліи, проѣхалъ вдоль береговъ Патагоніи и 28 ноября прибылъ въ гавань Дезире. Кавендишъ нашелъ тамъ огромное количество морскихъ собакъ, очень большого роста и такихъ сильныхъ, что четверо людей едва съ ними справились; тамъ же онъ встрѣтилъ стаю птицъ, питавшихся рыбою и не умѣющихъ летать за неимѣньемъ крыльевъ. Онѣ извѣстны подъ общимъ именемъ однорукихъ и пингвиновъ. Гавань оказалась очень надежной и корабли были вытащены на сушу для починки. Во время этой стоянки Кавендишъ имѣлъ нѣсколько стычекъ съ патагонцами, „людьми гигантскаго роста, ноги которыхъ имѣютъ 18 футовъ длины“; они ранили его двухъ матросовъ стрѣлами, снабженными заостренными камнями.

7-го января 1597 года Кавендишъ вступилъ въ Магеллановъ проливъ и въ самой узкой части канала нашелъ и принялъ двад-

цать одного испанца и двухъ женщинъ, единственныхъ, оставшихся въ живыхъ изъ колоніи, основанной три года назадъ капитаномъ Сарміенто подъ именемъ Филиппевиль. Этотъ городъ, построенный съ цѣлью препятствовать проѣзду черезъ проливъ, заключалъ четыре крѣпости и нѣсколько церквей. Кавендишъ могъ видѣть эту крѣпость, тогда уже опустошенную и развалившуюся. Лишенные всякой возможности заниматься обработкой земли вслѣдствіе безпрерывныхъ нападеній дикихъ, жители этого города умерли съ голода или погибли на пути къ испанскимъ учрежденіямъ въ Чили. Вслѣдствіе этого плачевнаго разсказа Кавендишъ измѣнилъ названіе Филиппевиля въ Голодный Портъ, подъ которымъ извѣстно это мѣсто и въ настоящее время. 21-го онъ въѣхалъ въ прекрасную бухту, получившую имя бухты Елизаветы, въ которой былъ похороненъ плотникъ корабля „Hugh-Gallant'а". Недалеко отъ этого мѣста впадала прекрасная рѣка, по берегамъ которой жили людоѣды, вступившіе въ жестокую войну съ испанцами и тщетно пытавшіеся завлечь англичанъ внутрь страны.

24-го февраля, при выходѣ изъ пролива въ Южный океанъ, маленькая эскадра была застигнута страшной бурей, разсѣявшею ее. Hugh-Gallant", оставшись одинъ, имѣя со всѣхъ сторонъ течь, поддерживался съ неимовѣрнымъ трудомъ на волнахъ. Соединившись 15-го числа съ своими судами, Кавендишъ безуспѣшно пытался высадиться на островѣ Моша, на которомъ Дреке такъ дурно былъ принятъ арауканцами. Испанцы не могли покорить этой страны, богатой золотомъ и серебромъ, жители которой, рѣшившись на все для охраненія своей свободы, съ оружіемъ въ рукахъ отражали всякую попытку къ высадкѣ. Пришлось доѣхать до острова св. Маріи, гдѣ индѣйцы, принявъ англичанъ за испанцевъ, въ изобиліи снабдили ихъ маисомъ, курами, пататами, свиньями и прочей провизіей.

30-го числа того же мѣсяца Кавендишъ бросилъ якорь подъ 32°50′ въ бухтѣ Квинтеро. Тридцать стрѣлковъ углубились въ страну; на пути имъ попадались быки, коровы, дикія лошади, зайцы и множество куропатокъ. Атакованный испанцами, Кавендишъ былъ принужденъ возвратиться на суда, потерявъ десять человѣкъ. Затѣмъ онъ разорилъ, ограбилъ и сжегъ города Параку, Цинху, Писку, Паиту и опустошилъ островъ Пуну, гдѣ захватилъ добычу въ 645,000 фунтовъ чеканнаго золота. Потопивъ

корабль „Hugh-Gallant“ вслѣдствіе совершенной его еспособности держаться на водѣ, Кавендишъ продолжалъ свое прибыльное крейсерство; сжегъ на высотѣ Новой Испаніи судно въ 120 тоннъ, разграбилъ и поджегъ Агуатуліо и завладѣлъ послѣ шестичасового боя кораблемъ въ 708 тоннъ, нагруженнымъ дорогими тканями и 122,000 пезосами золота. Наконецъ, „побѣдоносный и довольный“ Кавендишъ хотѣлъ помѣстить въ безопасное убѣжище свою добычу. Онъ проѣхалъ острова Разбойничьи, Филиппинскіе, большую Яву, обогнулъ мысъ Доброй Надежды, подкрѣпился на островѣ св. Елены и 9-го сентября 1588 года прибылъ въ Плимутъ послѣ двухъ лѣтъ путешествія, набѣговъ и сраженій. Пословица говоритъ: „что легко наживается, то легко и проживается“. Кавендишъ подтвердилъ ее. Два года спустя послѣ его возвращенія, изъ громаднаго состоянія, пріобрѣтеннаго имъ, у него осталась только сумма, необходимая для снаряженія третьей экспедиціи. Ей суждено было быть и послѣдней.

6-го августа 1591 года Кавендишъ выѣхалъ съ пятью судами. У береговъ Патагоніи буря разсѣяла его флотилію, которую ему удалось соединить только у порта Дезире. Застигнутый страшными ураганами въ Магеллановомъ проливѣ, покинутый тремя судами, онъ былъ принужденъ возвратиться обратно. Недостатокъ въ свѣжихъ съѣстныхъ припасахъ, холодъ, лишенія всякаго рода, которыя ему пришлось выносить и которыя опустошили его экипажъ, заставили его подниматься по прибрежью Бразиліи, гдѣ португальцы оказывали сопротивленіе всякой попыткѣ высадиться. Онъ былъ принужденъ пуститься въ море безъ запаса съѣстныхъ припасовъ. Быть можетъ, столь же отъ горя, сколько отъ лишеній, Кавендишъ умеръ, не достигнувъ береговъ Англіи.

Годъ спустя послѣ возвращенія спутниковъ Барентца, два корабля, „Mauritius“ и „Hendrick-Fredrick“ и двѣ яхты, „Eendracht“ и „Espérance“, съ двумя стами сорока восемью человѣками экипажа покинули Амстердамъ 2-го іюля 1598 года. Главнокомандующимъ этою эскадрою былъ Оливье де-Ноортъ (Olivier de-Noort), человѣкъ лѣтъ тридцати или около того, извѣстный своими дальними путешествіями. Помощникомъ его и вице-адмираломъ былъ Жакъ Клаацъ Улпенда (Jacques Claaz d'Ulpenda), а кормчимъ—нѣкій Мелисъ (Melis), искусный мореплаватель, по происхожденію англичанинъ. Экспедиція эта, снаряженная амстердамскими купцами при помощи и содѣйствіи Голландскихъ Шта-

товъ, должна была преслѣдовать двоякую цѣль: она была въ одно время и торговая и военная. Прежде голландцы довольствовались тѣмъ, что покупали товары въ Португаліи и развозили ихъ на своихъ прибрежныхъ судахъ по всей Европѣ; теперь же они были принуждены отправляться за товарами въ самый центръ ихъ производства. Для этого де-Ноортъ долженъ былъ показать своимъ соотечественникамъ путь, открытый Магелланомъ и причинять дорогою какъ можно больше вреда испанцамъ и португальцамъ. Въ это время Филиппъ II, иго котораго голландцы свергли, присоединившій Португалію къ своимъ владѣніямъ, запретилъ своимъ подданнымъ всякія торговыя сношенія съ нидерландскими мятежниками. Голландіи, если она не желала быть разоренной и вновь подпасть подъ владычество Испаніи, оставался только одинъ выходъ—проторить дорогу къ островамъ пряностей. Наименѣе посѣщаемая непріятельскими судами была дорога черезъ Магеллановъ проливъ; она и была предписана де-Ноорту.

Послѣ остановки въ Гореѣ, голландцы вошли въ Гвинейскій заливъ и высадились на островѣ Принчипе. Португальцы, притворившись, что встрѣчаютъ высаживающихся путешественниковъ съ большою дружественностью, воспользовались случаемъ, чтобы ихъ безжалостно умертвить. Въ числѣ убитыхъ былъ братъ адмирала, Корнель де-Ноортъ, Мелисъ, Даніель Герри и Жанъ де-Бременъ; только капитанъ Піерръ Эзіасъ успѣлъ спастись. Это было грустное начало кампаніи, мрачное предзнаменованіе, которому, къ сожалѣнію, не суждено было быть ошибочнымъ. Возмущенный засадой, де-Ноортъ высадилъ сто двадцать человѣкъ, но португальцы были хорошо укрѣплены, и послѣ горячей схватки, въ которой у де-Ноорта было убитыми и ранеными еще семьнадцать человѣкъ, онъ долженъ былъ сняться съ якоря, не отмстивъ за вѣроломство, жертвами котораго были его братъ и двѣнадцать спутниковъ. 25-го декабря одинъ изъ кормчихъ, Жанъ Волькерсъ, былъ покинутъ на берегу Африки за его безчестные происки, за распространяемое имъ среди экипажа уныніе и за явное стремленіе къ мятежу. 5-го января, послѣ изслѣдованія острова Аннобона, лежащаго въ Гвинейскомъ заливѣ, немного ниже экватора, путь былъ измѣненъ и корабли направились въ Атлантическій океанъ. Приставши въ заливѣ при Ріо-Жанейро, де-Ноортъ пустилъ на берегъ нѣсколько матросовъ,

чтобы они запаслись водой и купили у туземцевъ провизію. Но португальцы воспротивились высадкѣ, при чемъ убили одиннадцать человѣкъ. Прогнанные отъ береговъ Бразиліи португальцами и туземцами, отбиваемые противными вѣтрами, тщетно пытаясь достигнуть острова Святой Елены, гдѣ они могли разсчитывать на съѣстные припасы, въ которыхъ ощущалась настоятельная необходимость, лишенные своего кормчаго, бродятъ наудачу голландцы по океану. Они высаживаются на пустынныхъ островахъ Мартина Ваза, снова подплываютъ къ Бразильскому берегу у Ріо-Досѣ; при чемъ ошибочно полагаютъ, что они у острова Вознесенія, и, наконецъ, приходятъ къ необходимости зимовать на пустынномъ островѣ Санта-Клара. Эта стоянка ознаменовалась многими прискорбными событіями. Адмиральскій корабль наскочилъ на мель съ такою силой, что если бы море было немного болѣе взволновано, онъ погибъ бы несомнѣнно. Совершено было нѣсколько варварскихъ кровавыхъ казней бунтовавшихъ матросовъ, и одному несчастному, за рану, нанесенную имъ кормчему, пригвоздили руку къ гротъ-мачтѣ. На корабляхъ было много больныхъ, которые, впрочемъ, выздоровѣли черезъ двѣ недѣли послѣ высадки. На этомъ островѣ, удаленномъ отъ материка всего на одно лье, де-Ноортъ принужденъ былъ оставаться до 21-го іюня. Прежде чѣмъ пуститься въ море, пришлось сжечь „Eendracht“, такъ какъ не было достаточно матросовъ, чтобы имъ управлять. Неоднократно относимый теченіями, онъ только 20-го декабря присталъ къ порту Дезире, гдѣ экипажъ въ нѣсколько дней убилъ множество морскихъ львовъ, собакъ и болѣе пяти тысячъ пингвиновъ. „Генералъ отправился на берегъ,—говорится во французскомъ переводѣ Бри (Bry), сдѣланномъ съ разсказа де-Ноорта,—съ отрядомъ вооруженныхъ людей, но они не встрѣтили ничего, за исключеніемъ нѣсколькихъ гробницъ, въ которыя они кладутъ своихъ мертвецовъ и которыя помѣщаются на скалахъ; множество камней, окрашенныхъ въ разноцвѣтныя краски, дротики, пернатки и другія странныя вещи, употребляемыя ими какъ оружіе, украшаютъ гробницы“.

Голландцы видѣли буйволовъ, оленей и страусовъ, но эти животныя были отъ нихъ въ такомъ разстояніи, что нельзя было стрѣлять; въ одномъ гнѣздѣ они нашли десять страусовыхъ яицъ. Во время этой стоянки капитанъ Jacques-Jansz Huy de-Cooper умеръ и былъ погребенъ въ портѣ Дезире. 23-го ноября флотилія

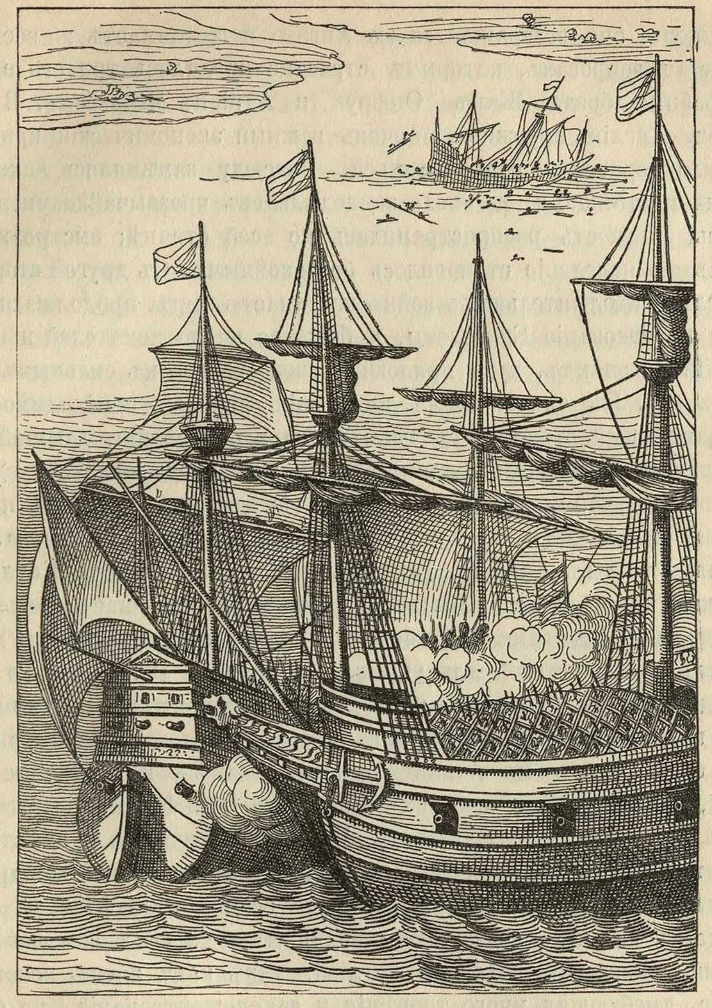
была въ Магеллановомъ проливѣ. Во время одной высадки патагонцы убили трехъ голландцевъ. Ихъ смерть была отомщена полнымъ избіеніемъ племени эноосовъ. Проѣздъ черезъ Магеллановъ проливъ ознаменовался встрѣчей съ двумя голландскими кораблями подъ начальствомъ Себальда Веердта, зимовавшаго вблизи залива Маврикія, и высадкою на берегъ вице-адмирала Клааца, который былъ неоднократно обвиняемъ въ самовольствѣ. Въ подобныхъ поступкахъ, такъ часто повторявшихся въ ту эпоху среди испанскихъ, англійскихъ и голландскихъ экспедицій,—нѣтъ-ли въ подобныхъ поступкахъ знаменія времени? То, что въ наше время считалось бы актомъ жестокаго варварства, то казалось наказаніемъ относительно мягкимъ для людей, придававшихъ такую малую цѣну человѣческой жизни. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть болѣе жестокимъ, какъ оставленіе человѣка безъ оружія и безъ припасовъ въ пустынной странѣ? Высадить его въ мѣстности, заселенной хищными людоѣдами, которые не преминутъ съѣсть его,—не значитъ-ли это осудить его на ужасную смерть?

29-го февраля 1600 года де-Ноортъ выѣхалъ въ Атлантическій океанъ, употребивъ на проѣздъ черезъ проливъ девяносто девять дней. Спустя пятнадцать дней буря раздѣлила его съ кораблемъ „Hendrick-Fredrick“, о которомъ больше ничего не было слышно. Самъ онъ, оставшись съ одной яхтой, присталъ къ острову Моша, гдѣ ему, вопреки всѣмъ его предшественникамъ, былъ оказанъ хорошій пріемъ. Отсюда онъ поплылъ вдоль Чилійскаго берега и тамъ онъ пріобрѣлъ большое число съѣстныхъ припасовъ въ обмѣнъ нюренбергскихъ ножей, топоровъ, рубахъ, шляпъ и другихъ дешевыхъ предметовъ. Опустошивъ, разоривъ, сжегши много городовъ на этомъ берегу и на берегу Перу, потопивъ всѣ попадавшіяся ему суда и собравъ значительную добычу, де-Ноортъ узналъ, что послана за нимъ въ погоню эскадра подъ начальствомъ брата вице-короля, дона Луиза-де-Веласко, и счелъ за лучшее направиться къ Разбойничьимъ островамъ, куда и присталъ 16-го сентября. „Наши корабли были окружены болѣе чѣмъ двумястами лодокъ; на каждой сидѣли три, четыре или пять человѣкъ и всѣ они кричали во все горло: „Hierro, hierro“ (желѣза, желѣза), которое они очень цѣнили. Они чувствуютъ себя на водѣ такъ же удобно, какъ на землѣ и отлично плаваютъ, въ чемъ мы могли убѣдиться, бросивъ въ воду пять кусковъ желѣза, которые одинъ изъ нихъ досталъ“. По своимъ

убыткамъ де-Ноортъ могъ засвидѣтельствовать, что эти острова заслуживаютъ свое названіе. Островитяне вырывали даже гвозди изъ кораблей и завладѣвали всѣмъ, что попадалось имъ въ руки. Одинъ изъ нихъ, спустившись по веревкѣ, былъ такъ наглъ, что пробрался въ каюту и тамъ схватилъ мечъ, съ которымъ бросился въ воду.

14-го октября де-Ноортъ проѣхалъ Филиппинскіе острова, у которыхъ онъ нѣсколько разъ высаживался, при чемъ сжегъ, разграбилъ и потопилъ нѣсколько испанскихъ или португальскихъ кораблей и китайскихъ джонокъ. Во время его крейсировки по Манильскому проливу, на него напали два большихъ испанскихъ корабля. Въ послѣдовавшемъ сраженіи у голландцевъ было пять человѣкъ убито, двадцать пять ранено, при этомъ они потеряли бригантину, захваченную въ плѣнъ вмѣстѣ съ двадцатью пятью человѣками экипажа. Испанцы, у которыхъ адмиральскій корабль былъ подожженъ и потопленъ, потеряли болѣе двухъ сотъ человѣкъ. Далекіе отъ мысли собирать своихъ раненыхъ и здоровыхъ, пытавшихся спастись вплавь, голландцы „стегали фокъ-мачтой по головамъ плавающихъ, пронзали ихъ своими копьями и даже разрядили по нимъ пушку“. Послѣ этой кровавой и безплодной побѣды де-Ноортъ остановился на островѣ Борнео для того, чтобы оправиться, затѣмъ взялъ въ Явѣ богатый грузъ пряностей и, обогнувъ мысъ Доброй Надежды, высадился, 26-го августа, въ Ротердамѣ съ однимъ кораблемъ и сорока восьмью человѣками экипажа послѣ трехлѣтняго путешествія. Если снарядившіе на свои средства экспедицію купцы остались довольны путешествіемъ де-Ноорта, привезшаго грузъ, покрывавшій съ избыткомъ ихъ затраты и открывшаго своимъ соотечественникамъ путь въ Индію, то мы, отдавая ему справедливость въ его мореплавательныхъ способностяхъ, не можемъ не осуждать тотъ образъ дѣйствія, который онъ практиковалъ во время своего начальствованія, и не бросить самаго строгаго приговора на то варварство, какимъ онъ отмѣтилъ первое кругосвѣтное путешествіе голландцевъ.

Теперь мы переходимъ къ разсказу о путешествіяхъ человѣка, обнаружившаго одновременно и самыя высокія качества и равные по силѣ недостатки, бросавшагося по различнымъ, часто противоположнымъ направленіямъ, достигшаго высшихъ, доступныхъ для дворянина почестей и въ концѣ концовъ обвиненнаго въ измѣнѣ и сложившаго свою голову на эшафотѣ. Мы говоримъ о сэрѣ Вальтерѣ Ралеѣ. Если онъ имѣетъ мѣсто среди знамени-



Сраженіе въ Манильскомъ проливѣ. (Fac-simile съ древней гравюры).

тыхъ путешественниковъ, то не какъ основатель англійской колонизаціи, не какъ морякъ, а какъ путешественникъ, занимавшійся открытіями, и то, что мы имѣемъ о немъ сказать, не можетъ служить къ его чести. Пробывъ пять лѣтъ во Франціи въ войнѣ противъ Лиги среди гасконцевъ, составлявшихъ цвѣтъ войскъ Генриха Наваррскаго, Вальтеръ Ралей еще болѣе развилъ въ такой средѣ свою природную склонность къ самохвальству и лжи. Въ 1577 году, послѣ похода въ Нидерланды противъ ис-

панцевъ, онъ возвращается въ Англію и принимаетъ живое участіе въ вопросахъ, которымъ страстно предались три его единоутробные брата: Жанъ, Онфруа и Адріенъ Жильберъ. Въ эту эпоху Англія переживала очень важный экономическій кризисъ. Земля перестала воздѣлываться. Повсюду замѣнялись пахотныя поля пастбищами, и число земледѣльцевъ чрезвычайно уменьшилось. Бѣдность распространилась по всей странѣ; быстро возраставшее населеніе становилось безпокойнымъ. Съ другой стороны, послѣ продолжительныхъ войнъ наступаетъ миръ, продолжающійся все царствованіе Елизаветы, и большое число искателей приключеній не знаютъ, куда приложить свои страсти къ сильнымъ ощущеніямъ. Въ такое время эмиграція явилась необходимостью, избавляющей страну отъ избытка народонаселенія, дающей возможность несчастнымъ умирающимъ съ голода искать средствъ для поддержанія своей жизни въ дѣвственныхъ мѣстахъ и усиливающей такимъ образомъ вліяніе и процвѣтаніе отечества. Всѣ лучшіе умы въ Англіи: „Гаклюитъ, Томасъ Герріотъ, Карлейль, Пекгамъ" и братья „Жильберъ" признали всю настоятельность эмиграціи. Братьямъ Жильберъ принадлежитъ честь выбора мѣстности, благопріятной для учрежденія колоній. Ралей только присоединился къ братьямъ, послѣдовалъ ихъ примѣру, но ни мысль, ни предпріятіе этого обширнаго проекта—колонизаціи американскихъ береговъ на Атлантическомъ океанѣ — не принадлежатъ ему, какъ это нѣкоторые ему приписываютъ. Если могущественный при королевѣ Елизаветѣ Ралей, измѣнчивый и вмѣстѣ съ тѣмъ ревнивый во всѣхъ своихъ симпатіяхъ,—если онъ поощряетъ своихъ братьевъ, если онъ тратитъ свои 40,000 фунтовъ стерлинговъ на колонизаторское предпріятіе, то самъ онъ вовсе не расположенъ разстаться съ Англіей, такъ какъ жизнь колонизатора, требующая много терпѣнія и самопожертвованія, не отвѣчаетъ его вкусамъ. Понимая свою безполезность на подобномъ поприщѣ, онъ продаетъ свои права, при чемъ не забываетъ выговорить себѣ пятую часть всѣхъ доходовъ, ожидаемыхъ имъ отъ колоніи.

Въ то же время Ралей вооружаетъ суда съ цѣлью захватить испанскія владѣнія; самъ онъ скоро принимаетъ участіе въ битвахъ, которыя спасли Англію отъ непобѣдимой Армады, затѣмъ онъ защищаетъ права пріора Крато на португальскій престолъ. Вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Англію онъ впадаетъ въ не-

милость королевы и послѣ освобожденія изъ тюрьмы, заключенный въ свой княжескій замокъ въ Шербоннѣ, онъ задумываетъ планъ путешествія въ Гвіану. Онъ считалъ этотъ проектъ гигантскимъ предпріятіемъ, изумительные результаты котораго должны привлечь на него вниманіе всего міра и возвратить ему благосклонность его монархини. Развѣ открытіе и завоеваніе Эльдорадо, этой страны, гдѣ, по словамъ Ореллана, храмы покрыты золотомъ, гдѣ всѣ орудія, даже самыя простыя, сдѣланы изъ золота, гдѣ люди ступаютъ по драгоцѣннымъ каменьямъ,— развѣ открытіе такой страны не должно пріобрѣсти ему „больше славы—это выраженіе самого Ралея въ его сочиненіи—чѣмъ Кортецу—Мексика, Пизарро—Перу? Онъ будетъ имѣть подъ своею властью болѣе городовъ, народовъ и золота, чѣмъ испанскій король, чѣмъ турецкій султанъ, чѣмъ какой бы то ни было монархъ". Мы уже передавали басни, разсказанныя Орелланою въ 1539 году и породившія много легендъ. Гумбольдтъ своимъ описаніемъ природы, почвы и скалъ, окружающихъ озеро Парима между рѣками Эссеквибо и Бранко, даетъ намъ понять, откуда могли родиться подобныя легенды. „Это скалы слюдистаго шиффера и блестящаго талька, сверкающія среди водъ, отсвѣчивающихъ подъ лучами тропическаго солнца". Такимъ образомъ объясняются золотые купола, серебряные обелиски и прочія чудеса, видѣнныя восторженными и хвастливыми испанцами. Вѣрилъ-ли Ралей въ существованіе этого города, на завоеваніе котораго онъ обрекъ столько жертвъ? Вѣрилъ-ли онъ дѣйствительно, или же только уступилъ иллюзіямъ своего ума, жаждавшаго славы? Трудно сказать что-нибудь утвердительно. Намъ извѣстно только то, что,—какъ говоритъ Филаретъ Шаль (Philarète Challes),—„въ минуту отплытія не вѣрили его обѣщаніямъ, не довѣряли его преувеличеніямъ, боялись результатовъ экспедиціи, направляемой человѣкомъ неустойчиваго духа и двусмысленной нравственности".

Казалось, что Ралей предвидѣлъ все, касающееся своего проекта и собралъ необходимыя свѣдѣнія. Онъ не только разговаривалъ съ непоколебимымъ апломбомъ о почвѣ Гвіаны, о ея произведеніяхъ и народахъ, но также послалъ на свой счетъ корабль подъ начальствомъ капитана Уиддона, чтобы онъ приготовилъ путь для флота, который Ралей самъ поведетъ къ берегамъ Ориноко. Однако онъ никому не сообщилъ, что его капитанъ

привезъ свѣдѣнія вовсе неблагопріятныя для предпріятія. 9 февраля 1595 года онъ выѣхалъ изъ Плимута съ маленькимъ флотомъ въ пять кораблей съ сотнею солдатъ, не считая моряковъ, офицеровъ и волонтеровъ. Послѣ четырехдневной стоянки у Фіорте-Вентуры, одного изъ Канарскихъ острововъ, гдѣ онъ запасся дровами и водой, онъ достигъ Тенерифа, разсчитывая тамъ соединиться съ капитаномъ Бретрономъ. Прождавъ его напрасно восемь дней, Ралей поплылъ къ Тринидату и тамъ соединился съ Уиддономъ. Островъ Тринидатъ находился въ то время подъ управленіемъ дона Антоніо де-Беррео, который, какъ говорили, имѣлъ о Гвіанѣ точныя свѣдѣнія. Онъ отнесся съ удовольствіемъ къ пріѣзду англичанъ и не замедлилъ отправить пословъ въ Куману и на островъ Маргариту съ порученіемъ собрать войско для нападенія на нихъ. Въ то же время онъ запретилъ подъ страхомъ смерти индѣйцамъ и испанцамъ входить въ какія бы то ни было сношенія съ англичанами.

Ралей, извѣщенный, рѣшился его предупредить. Съ наступленіемъ ночи онъ спустился осторожно со ста солдатами на берегъ и безъ боя завладѣлъ городомъ Сенъ-Жозефомъ, подожженнымъ индѣйцами, и увелъ на свой корабль Беррео и главныхъ лицъ города. Къ этому времени подъѣхали капитаны Георгъ Джиффордъ (Georges Gifford) и Кнайнинъ (Knynin), съ которыми онъ разстался у береговъ Испаніи. Онъ быстро отплылъ къ Ориноко, проникъ съ тремя галерами и съ сотнею матросовъ и солдатъ въ Капюрійскую бухту, крейсировалъ среди безвыходнаго лабиринта острововъ и каналовъ, находящихся въ устьѣ рѣки, и поднялся по рѣкѣ на сто десять лье. Свѣдѣнія, сообщаемыя Ралейемъ объ его кампаніи, такъ баснословны, онъ, съ развязностью гасконца, очутившагося на берегахъ Темзы, нагромождаетъ одну на другую столько нелѣпостей, что невольно тянетъ причислить его разсказъ къ числу другихъ, созданныхъ фантазіей. Нѣкоторые испанцы, видѣвшіе городъ Маноа, называемый Эльдорадо, разсказывали ему, говоритъ онъ, что этотъ городъ превосходитъ своей величиной и богатствомъ всѣ города въ мірѣ и все, что „конквистадоры“ видѣли въ Америкѣ. „Тамъ нѣтъ зимы,—прибавляетъ онъ,—почва сухая и плодородная; дичь и птицы всѣхъ породъ; птицы оглашали воздухъ незнакомой музыкой,—это былъ для насъ настоящій концертъ. Мой капитанъ, отправленный на поиски рудниковъ, нашелъ золотыя и серебряныя руды; но такъ

какъ все его орудіе состояло изъ одного меча, то онъ не имѣлъ возможности отдѣлить металлы, чтобы изслѣдовать ихъ въ точности; все-же онъ унесъ нѣсколько кусковъ, изслѣдованіе которыхъ отложилъ до болѣе удобнаго времени. Одинъ испанецъ, Каракасъ, назвалъ этотъ рудникъ „Madre del Oro“ (мать золота). Затѣмъ, такъ какъ Ралейю хорошо было извѣстно, что общество стоитъ на сторожѣ противъ его преувеличеній, онъ прибавляетъ: „Быть можетъ подумаютъ, что фальшивая и обманчивая иллюзія руководила мною, но если бы я не былъ убѣжденъ, что на землѣ нѣтъ страны болѣе богатой золотомъ, чѣмъ Гвіана, то зачѣмъ бы я предпринялъ такое опасное путешествіе? Уиддонъ и Мильчапъ, нашъ докторъ, принесли нѣсколько камней, очень похожихъ на сапфиръ. Я показалъ эти камни нѣкоторымъ обитателямъ Ориноко и они меня увѣряли, что изъ такихъ камней есть цѣлая гора“. Одинъ старый кацикъ, имѣвшій отъ роду сто десять лѣтъ, имѣвшій однако силы пройти, не уставая, десять миль пришелъ его навѣстить. Онъ сообщилъ ему о могуществѣ императора Маноа и убѣдилъ его въ недостаточности его силъ. Онъ говорилъ, что населеніе страны очень цивилизовано, что они носятъ одежды и что владѣютъ большими богатствами и между прочимъ золотомъ. Наконецъ, онъ ему говорилъ о горѣ изъ чистаго золота. Ралей разсказываетъ, что онъ хотѣлъ къ ней приблизиться, но, досадная случайность! —она была на-половину затоплена. „Она имѣла форму башни и, какъ мнѣ показалось, скорѣе бѣлаго, нежели желтаго цвѣта. Падающій съ нея потокъ, вздутый дождями, производилъ страшный шумъ, слышанный на нѣсколько лье и оглушившій наше общество. Я вспомнилъ описаніе, сдѣланное Беррео о блескѣ алмазовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней, разсѣянныхъ въ различныхъ мѣстахъ страны. Меня посѣтило нѣкоторое сомнѣніе относительно цѣнности этихъ камней; однако ихъ необыкновенный блескъ поразилъ меня. Послѣ минутнаго отдыха на берегахъ Виникапары, мы посѣтили кацика въ его селеніи и онъ обѣщалъ провести меня къ подошвѣ горы въ обходъ. Но при видѣ многочисленныхъ препятствій, находящихся на пути, я предпочелъ возвратиться къ устью Куманы, куда окрестные кацики принесли различные подарки, состоящіе изъ рѣдкихъ произведеній страны“. Мы избавимъ читателя отъ описанія народовъ, ростъ которыхъ въ три раза выше роста обыкновенныхъ людей,

отъ описанія циклоповъ, туземцевъ, у которыхъ глаза были на плечахъ, ротъ на груди, а посреди спины росли волосы,—всѣ эти сообщенія излагаются очень серьезно, но они дѣлаютъ сочиненіе Ралейя какой-то волшебной сказкой. Читая ее, можно думать, что это страница, вырванная изъ „Тысячи и одна ночь“.

Если мы отдѣлимъ отъ сочиненія всѣ эти сказки больного воображенія, то что останется географу? Ничего или почти ничего. Поистинѣ, не стоило возвѣщать съ трескомъ и съ рекламами объ этой фантастической экспедиціи, по поводу которой припоминаются слова баснописца:

Je me figure un auteur *),
Qui dit: Je chanterai la guerre,
Que firent les Titans au maître du tonnerre!
C'est promettre beaucoup: qu'en sort-il souvent?
Du vent.

ГЛАВА V.

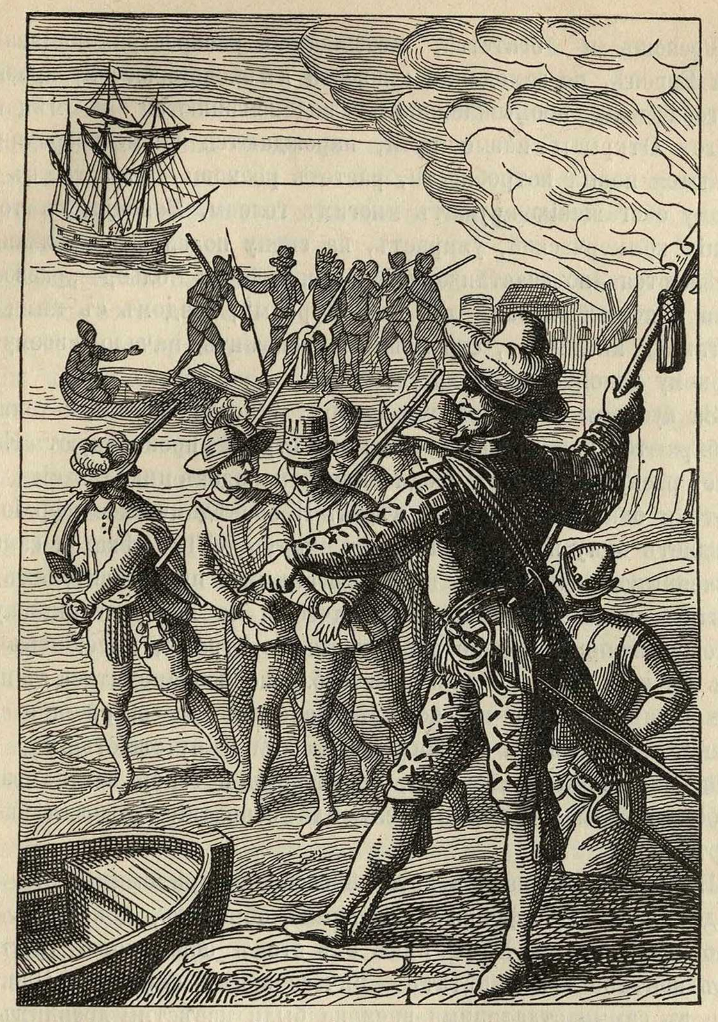
Миссіонеры и поселенцы. Купцы и туристы.

I.

XVII вѣкъ.—Подробное изслѣдованіе прежде открытыхъ странъ.—Страсть къ золоту смѣняется религіознымъ усердіемъ.—Итальянскіе миссіонеры въ Конго.—Португальскіе миссіонеры въ Абиссиніи.—Брю на Сенегалѣ и Флакуръ въ Мадагаскарѣ.—Проповѣдники въ Индіи, въ Индо-Китаѣ и въ Японіи.

XVII вѣкъ совершенно противоположенъ по своему характеру вѣку предшествовавшему: всѣ великія открытія совершены и теперь отправляются главнымъ образомъ затѣмъ, чтобы дополнить имѣющіяся свѣдѣнія. Онъ противоположенъ также и вѣку послѣдующему: научные методы не имѣются и не прилагаются никакими астрономами и мореплавателями, заявившими о себѣ только черезъ столѣтіе. Записки первыхъ изслѣдователей, успѣвшихъ, такъ сказать, схватить одни верхи новыхъ странъ, оказали вредное вліяніе на нѣкоторыя стороны общественнаго духа. Любопытство, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, было возбуждено до крайности.

*) Я представляю себѣ автора, который говоритъ: я воспою войну титановъ съ громовержцемъ! Это значитъ—обѣщать очень много, но что получится? Ничего.



Ралей захватываетъ Беррео. (Fac-simile съ древней гравюры).

Проѣзжаютъ свѣтъ лишь затѣмъ, чтобы имѣть понятіе о нравахъ и обычаяхъ народовъ, о произведеніяхъ и промышленности каждой страны, но никто не думаетъ посвятить себя серьезному изученію этихъ предметовъ. Никто не прилагаетъ старанія проникнуть въ глубь вещей, отдать себѣ научный отчетъ объ ихъ причинахъ. Глядятъ, удовлетворяютъ свое любопытство и проходятъ далѣе. Наблюденіе до того поверхностное, что можно думать, что каждый торопится объѣхать всѣ страны, открытыя въ XVI вѣкѣ.

Роскошь и богатства, неожиданно распространившіяся по всей Европѣ, не замедлили привести къ экономическому кризису. Торговля и промышленность видоизмѣняются и мѣняютъ мѣсто. Открыты новые пути, нарождаются новые посредники, являются новыя потребности, растетъ роскошь, страсть къ быстрому обогащенію кружитъ многимъ головы. Венеція, съ точки зрѣнія коммерческой, умираетъ, на сцену появляются голландцы и дѣлаются—по счастливому выраженію Леруа Болье,—„развозчиками и комиссіонерами для всей Европы"; рядомъ съ ними выдвигаются англичане, стремящіеся положить начало своему обширному колоніальному могуществу.

За купцами слѣдуютъ миссіонеры. Многочисленными толпами пробираются они во вновь открытыя страны, проповѣдуютъ Евангеліе, распространяютъ среди дикихъ народовъ цивилизацію, изучаютъ и описываютъ новыя мѣста. Проповѣдническое усердіе составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ XVII вѣка, и самоотверженнымъ, скромнымъ и образованнымъ представителямъ его обязаны очень многимъ географическія и историческія науки. Путешественникъ только проѣзжаетъ по странѣ, миссіонеръ живетъ въ ней. Ему, конечно, легче близко познакомиться съ исторіей и цивилизаціей изучаемыхъ народовъ, и совершенно естественно, что имъ мы обязаны разсказами о путешествіяхъ, всякими описаніями и исторіями, въ которыя и теперь заглядываютъ не безъ пользы и которыя послужили основаніемъ позднѣйшихъ работъ.

Если есть страна, въ которой особенно приложимы эти разсужденія, то это Африка и, главнымъ образомъ, Абиссинія. Что было извѣстно въ XVII вѣкѣ объ этомъ обширномъ треугольномъ континентѣ? Отвѣтятъ — ничего кромѣ береговъ. Ошибка. Еще въ самыя отдаленныя времена были извѣстны древнимъ два рукава Нила: Астапусъ и Баръ-ель-Абіадъ. Если вѣрить памятникамъ народовъ и странъ, открытыхъ Маріеттомъ въ Карнакѣ, то древніе достигали до большихъ внутреннихъ озеръ. Въ XII вѣкѣ арабскій географъ Эдризи пишетъ для Рожера II Сицилійскаго великолѣпное описаніе Африки, въ которомъ подтверждаетъ это положеніе. Позднѣе, Кадамосто и Ибнъ Батута проходятъ Африку, при чемъ послѣдній достигаетъ до Томбукту. Марко Поло говоритъ, что Африка соединяется съ Азіей Суэзскимъ перешейкомъ, и посѣщаетъ Мадагаскаръ. Наконецъ, когда

португальцы, послѣ Васко де-Гамы, объѣзжали вдоль береговъ Африку, нѣкоторые изъ нихъ остановились въ Абиссиніи и вскорѣ между этой страной и Португаліей установились дипломатическія сношенія. О Франческо Альварецѣ мы уже сказали нѣсколько словъ; вслѣдъ за нимъ водворяются въ странѣ нѣсколько португальскихъ миссіонеровъ, между которыми мы должны назвать отцовъ Паэца и Лобо.

Отецъ Паэцъ покинулъ въ 1588 году Гоа съ цѣлью проповѣдывать на восточномъ берегу сѣверной Африки. Послѣ многихъ и непріятныхъ приключеній онъ высадился въ Массовѣ, въ Абиссиніи, проѣхалъ страну и въ 1618 году добрался до истоковъ Голубого Нила. Этотъ фактъ впослѣдствіи оспаривался Брюсомъ, но его описаніе отличается отъ описанія шотландскаго путешественника всего нѣсколькими частностями. Въ 1604 году Паэцъ проповѣдывалъ съ такимъ успѣхомъ, что обратилъ въ христіанство короля Ца-Денгеля (Za Denghel) со всѣмъ его дворомъ. Вскорѣ онъ пріобрѣлъ такое вліяніе на абиссинскаго монарха, что послѣдній, выражая въ письмѣ къ королю Испаніи свое дружественное расположеніе, просилъ его, между прочимъ, прислать людей, способныхъ обучить его подданныхъ.

Отецъ Іеронимъ Лобо высадился въ 1625 году въ Абиссиніи вмѣстѣ съ Альфонсомъ Менезесомъ, эфіопскимъ патріархомъ. Но времена измѣнились. Король, обращенный Паэцомъ, былъ убитъ; его преемникъ, призвавшій португальскихъ миссіонеровъ, умеръ. Противъ христіанъ произошло страшное гоненіе, миссіонеры были изгнаны, захвачены, заключены въ тюрьму и преданы туркамъ. Лобо былъ уполномоченъ на собираніе суммы, необходимой для выкупа его собратій. Послѣ многихъ превратностей, бросавшихъ его въ Бразилію, Картахену, Кадиксъ, Севилью, Лиссабонъ и Римъ, гдѣ онъ сообщилъ папѣ многочисленныя подробности объ эфіопской церкви и о нравахъ жителей, онъ совершилъ еще послѣднее путешествіе въ Индію и вскорѣ умеръ въ Лиссабонѣ въ 1678 году.

На берегу Атлантическаго океана, въ Конго, христіанство было введено въ самый годъ открытія страны португальцами, т.-е. въ 1489 году. Сначала туда посланы были доминиканцы, но такъ какъ они не имѣли никакого успѣха, то папа, съ согласія короля Португаліи, послалъ туда итальянскихъ капуциновъ. Это были Карлъ Плаченца въ 1667 году, Жанъ Антоніо Кавацци

отъ 1654—1668, затѣмъ Антоніо Зукчелли и Градиска отъ 1696—1704 г. Мы называемъ только этихъ миссіонеровъ, такъ какъ они выпустили въ свѣтъ записки о своихъ путешествіяхъ. Кавацци изслѣдовалъ Анголу.

Въ пылу своего апостольскаго усердія, онъ для обращенія негровъ не могъ придумать ничего лучшаго, какъ сжигать ихъ идоловъ, осуждать королей за древній обычай полигаміи, подвергать мучительнымъ пыткамъ и стеганію плетьми тѣхъ, кто снова возвращался въ идолопоклонство. Несмотря на это, онъ пріобрѣлъ между туземцами значительное вліяніе, которое, при лучшемъ направленіи, могло оказать большую услугу развитію цивилизаціи и успѣху религіи. Тѣ же упреки могутъ быть отнесены къ Зукчели и къ другимъ миссіонерамъ въ Конго.

Въ сочиненіи Кавацци, изданномъ въ 1687 году въ Римѣ, онъ утверждаетъ, что владычество португальцевъ простиралось на двѣсти или на триста миль по берегу. Внутри страны существовалъ очень значительный городъ, извѣстный подъ именемъ Санъ-Сальвадора, въ которомъ было двѣнадцать церквей, іезуитская коллегія и 50,000 населенія. Около конца XIV вѣка Пигафетта издалъ сочиненіе о путешествіи Дуарта Лопеца, посланника короля Конго къ римскому и лиссабонскому двору. На картѣ, приложенной къ этому сочиненію, на мѣстѣ нынѣ лежащаго озера Танганайки изображено озеро Замбре, а западнѣе—озеро Акве Лунда, изъ котораго вытекаетъ Конго; подъ экваторомъ означены два озера: озеро Нилъ и другое—восточнѣе, подъ именемъ Колуе; по всѣмъ вѣроятіямъ, это нынѣшнія озера Альбертъ и Викторія Ніанца. Эти столь интересныя свѣдѣнія были оставлены безъ вниманія географами XIX вѣка, игнорировавшими всю среднюю Африку.

Учрежденія, основанныя на западномъ берегу Африки у устья Сенегала, благодаря искусному управленію Андре Брю (André Brue), значительно расширились. „Управляющій вмѣсто короля и главный правитель французской королевской компаніи на берегахъ Сенегала и на другихъ мѣстахъ Африки“—(commandant pour le roi et directeur général de la compagnie royale de Erance aux côtes du Sénégal et autres lieux d'Afrique)—таково было офиціальное званіе Андре Брю. Хотя онъ мало извѣстенъ и все сообщающееся о немъ въ большихъ біографическихъ сборникахъ отличается краткостью, тѣмъ не менѣе онъ занимаетъ одно изъ

первыхъ мѣстъ среди колонизаторовъ и изслѣдователей. Не довольствуясь расширеніемъ колоніи, онъ изслѣдовалъ страны, которыя только въ послѣднее время снова посѣтилъ лейтенантъ Мажъ (Mage). Андре Брю расширилъ французскія владѣнія на востокѣ—за предѣлы сліянія Сенегала и Фалеме, на сѣверѣ—до Аргуина, который потомъ отошелъ отъ нихъ, оставивъ за ними право взимать налоги; на югѣ—до Биссаоскихъ острововъ. Внутри страны онъ изслѣдовалъ Галамъ и Бамбукъ, изобилующій золотомъ, и собралъ первыя свѣдѣнія о пулахъ, пелахъ или фулахъ, объ іолофахъ и объ мусульманахъ, явившихся съ сѣвера и пытавшихся подчинить своей религіи все черное населеніе. Свѣдѣнія, собранныя Брю объ исторіи и переселеніи этихъ народовъ, чрезвычайно драгоцѣнны; еще и теперь они служатъ яркимъ свѣточемъ для географа и историка. Онъ не только оставилъ намъ разсказъ о фактахъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ, и описаніе мѣстъ имъ посѣщенныхъ, но онъ даетъ многочисленныя подробности о продуктахъ страны, о ея растеніяхъ, животныхъ и др. предметахъ, составлявшихъ отрасли торговли и промышленности. Всѣ эти интересныя свѣдѣнія, которыми, нужно сознаться, очень неумѣло воспользовался отецъ Лобо, послужили нѣскольколѣтъ тому назадъ предметомъ интереснаго сочиненія г. Берліу.

На юго-востокѣ отъ Африки французы въ первую половину XVII вѣка основали нѣсколько торговыхъ учрежденій въ Мадагаскарѣ, извѣстномъ долгое время подъ именемъ острова св. Лаврентія. Они воздвигли фортъ Дофинъ, поступившій подъ управленіе г. Флакуръ, и изслѣдовали многія незнакомыя области острова и сосѣдніе съ берегами острова; въ 1649 году они завладѣли Маскаренскими островами. Отличаясь твердостью и воздержностью въ обращеніи съ своими соотечественниками, Флакуръ не придерживался такой же тактики по отношенію къ туземцамъ; онъ вызвалъ даже общее возстаніе, за что и былъ отозванъ въ отечество. Впрочемъ, путешествія внутрь Мадагаскара были чрезвычайно рѣдки, и только въ наше время приступили къ серьезному изслѣдованію острова.

Въ теченіе всего XVII вѣка единственныя свѣдѣнія, получаемыя въ Европѣ объ Индо-Китаѣ и Тибетѣ, также были приносимы миссіонерами. Нельзя пройти молчаніемъ такія имена, какъ имена отцовъ Александра Родъ (Alexandre de Rhodes),

Ант. Андрада (Ant. d'Andrada), Авриля (Avril) и Бенедикта Гоецъ (Benedict Gœs). Сочиненія ихъ „Lettres annuelles" заключаютъ въ себѣ много свѣдѣній, и теперь еще нелишенныхъ интереса, о странахъ, которыя такъ долго были скрыты отъ европейцевъ. Въ Кохинхинѣ и Тонкинѣ отецъ Ташаръ (Tachard) занимался астрономическими наблюденіями, результатъ которыхъ показалъ до очевидности, сколь ошибочны были долготы, данныя Птоломеемъ. Это обстоятельство обратило вниманіе ученаго міра на необходимость преобразованія графическаго изображенія странъ крайняго востока, а слѣдовательно и на безусловную необходимость точныхъ наблюденій, которыя могли бы быть сдѣланы учеными спеціалистами и мореплавателями, хорошо знакомыми съ астрономическими вычисленіями. Но страна, особенно соблазнявшая миссіонеровъ, была Китай, эта обширная, многолюдная имперія, которая, съ тѣхъ поръ какъ европейцы проникли въ Индію, одна преслѣдовала съ неумолимой строгостью нелѣпую политику отдаленія отъ какихъ бы то ни было сношеній съ чужеземцами. Только въ концѣ XVI вѣка миссіонеры получили неоднократно просимое разрѣшеніе проникнуть въ Небесную Имперію. Свѣдѣнія миссіонеровъ по математическимъ наукамъ и астрономіи облегчили имъ пребываніе въ странѣ и дали возможность собрать частью по древнимъ лѣтописямъ Китая, частью во время ихъ путешествій,—множество свѣдѣній, самыхъ драгоцѣнныхъ для исторіи, этнографіи и географіи Небесной Имперіи. Слѣдуетъ особенно упомянуть объ отцахъ: Мендозѣ (Mendoza), Риччи (Ricci), Триго (Trigaut), Визделу (Visdelou), Леконтѣ [Lecomte), Вербіестѣ (Verbiest), Наваретѣ (Navarrete), Шаллѣ (Scnall) и Мартини (Martini), какъ людей, которые занесли въ Китай европейскія науки и искусства и распространили на западѣ первыя точныя и правдивыя свѣдѣнія о неподвижной цивилизаціи Небесной Имперіи.

II

Голландцы на островахъ Пряностей. — Лемеръ и Шутенъ. — Тасманъ. — Мендана. — Квиросъ и Торресъ. — Пирардъ де-Лаваль. — Пьетро делла Валле.—Тавернье.—Тевенотъ.— Бернье. — Робертъ Коксъ.—Шарденъ.— Де Брюенъ.—Кемферъ.

Голландцы вскорѣ замѣтили непрочность португальскаго владычества въ Азіи. Они понимали, что при осторожности и умѣньѣ

можно очень легко и въ короткое время взять въ свои руки всю торговлю крайняго востока. Послѣ множества подробныхъ экспедицій и изслѣдованій, голландцы учредили, въ 1602 году, знаменитую индійскую компанію, которая успѣла поставить на высокую степень процвѣтаніе и богатство метрополіи. Въ сраженіяхъ съ португальцами, какъ и въ сношеніяхъ съ туземцами, компанія съ большимъ искусствомъ придерживалась умѣренной политики. Голландцы были далеки отъ того, чтобы основывать колоніи, поправлять и занимать крѣпости, которыя они отнимали у португальцевъ и выдавали себя за простыхъ коммерсантовъ, исключительно преданныхъ торговлѣ. Они избѣгали строить укрѣпленныя конторы, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ встрѣчались большія торговыя дороги. И такимъ образомъ въ короткое время они завладѣли прибрежьемъ между Индіей, Китаемъ, Японіей и Океаніей. Единственная ошибка всемогущей компаніи состояла въ томъ, что она сосредоточила въ своихъ рукахъ монополію торговли пряностями. Она прогнала иностранцевъ, водворившихся тамъ или пріѣзжавшихъ за грузомъ на Молукскіе или Зондскіе острова. Она дошла до того, что, для увеличенія цѣнности дорогихъ припасовъ, уничтожила на многихъ островахъ культуру нѣкоторыхъ произведеній и подъ страхомъ смерти запретила вывозъ и продажу сѣмянъ и черенковъ пряныхъ деревьевъ. Въ короткое время голландцы водворились въ Явѣ, Суматрѣ, Борнео, на Молукскихъ островахъ, на мысѣ Доброй Надежды; они завладѣли наилучшими гаванями, въ которыхъ могли останавливаться корабли, возвращающіеся въ Европу.

Въ это время одинъ богатый амстердамскій купецъ, по имени Жакъ Лемеръ (Jacques Lemaire), вмѣстѣ съ однимъ искуснымъ морякомъ, Вилемъ Корнелисъ Шутеномъ (Wilhem Cornelis Schouten), задумали достигнуть Индіи новымъ путемъ. Голландскіе штаты препятствовали всѣмъ подданнымъ соединенныхъ провинцій, не состоящимъ на службѣ у индійской компаніи, плавать къ островамъ пряностей мимо мыса Доброй Надежды или черезъ Магеллановъ проливъ. Одни говорятъ, что Шутенъ, другіе—что Лемеръ задумалъ обойти это препятствіе, найдя какой-нибудь путь южнѣе Магелланова пролива. Во всякомъ случаѣ достовѣрно, что Лемеръ взялъ на себя половину издержекъ по сооруженію этой экспедиціи, въ то время какъ Шутенъ, сообща съ нѣкоторыми негоціантами, имена которыхъ сохранились и ко-

торые занимали важнѣйшія должности въ городѣ Горнѣ, покрылъ другую половину. Они снарядили корабль „Concorde“ въ 360 тоннъ и одну яхту, на которой помѣстилось 65 человѣкъ съ 29 пушками. Конечно, это вооруженіе не согласовалось съ обширностью предпріятія. Но Шутенъ былъ искусный морякъ, экипажъ былъ выбранъ тщательно, корабли были обильно снабжены жизненными припасами и запасными снастями. Лемеръ былъ лицо торговое, а Шутенъ—капитанъ корабля. Цѣль путешествія хранилась втайнѣ. Офицеры и матросы были взяты на корабль подъ условіемъ, что они пойдутъ всюду, куда ихъ поведутъ. 25 іюня 1615 года, т.-е. спустя одиннадцать дней послѣ отъѣзда изъ Текселя, когда нечего было опасаться за чью-нибудь нескромность, экипажъ былъ собранъ и ему прочитали, что корабли будутъ искать другой проливъ, который, подобно Магелланову проливу, привелъ бы въ Южное море, гдѣ можетъ быть удастся открыть страны въ надеждѣ получить съ нихъ большія выгоды, и что, если небо отнесется благосклонно къ этому намѣренію, они отправятся тѣмъ же моремъ въ восточную Индію. Весь экипажъ, одушевленный, какъ вообще голландцы того времени, страстью къ великимъ открытіямъ, отнесся съ энтузіазмомъ къ этому сообщенію.

Дорога, которою обыкновенно тогда слѣдовали, чтобы достигнуть Южной Америки, шла, какъ это можетъ быть замѣтили, вдоль береговъ Африки и спускалась нѣсколько ниже экватора. „Concorde“ не могъ сбиться съ пути. Корабль достигъ береговъ Бразиліи, Патагоніи и порта Дезире, находясь въ это время въ ста лье отъ Магелланова пролива. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней буря мѣшала кораблямъ войти въ гавань. Отливъ былъ такъ значителенъ, что яхта повалилась на бокъ и разсохлась; приливъ опять поднялъ ее, но не надолго, такъ какъ во время поправки подводной части судна загорѣлись снасти, и яхта сгорѣла, несмотря на энергическія усилія соединеннаго экипажа. 13 января 1616 года Лемеръ и Шутенъ достигли Себальдинскихъ острововъ, открытыхъ Себальдомъ Веердтомъ, и затѣмъ слѣдовали вдоль береговъ Огненной Земли, держась отъ нихъ въ недалекомъ разстояніи. Берегъ тянулся на востокъ-юго-востокъ и былъ окаймленъ высокими горами, покрытыми снѣгомъ. 24-го января въ полдень была замѣчена оконечность, но на востокъ простиралась другая земля, показавшаяся также очень возвышенной.

Разстояніе между этими двумя островами казалось, по общему мнѣнію, въ восемь лье. Они вступили въ проливъ, раздѣлявшій ихъ. Киты бороздили проливъ въ такомъ количествѣ, что корабль принужденъ былъ крейсировать, чтобы не натолкнуться на нихъ. Простиравшійся на востокъ островъ получилъ названіе земли Штатовъ, а на западъ—Мориса де-Нассау.

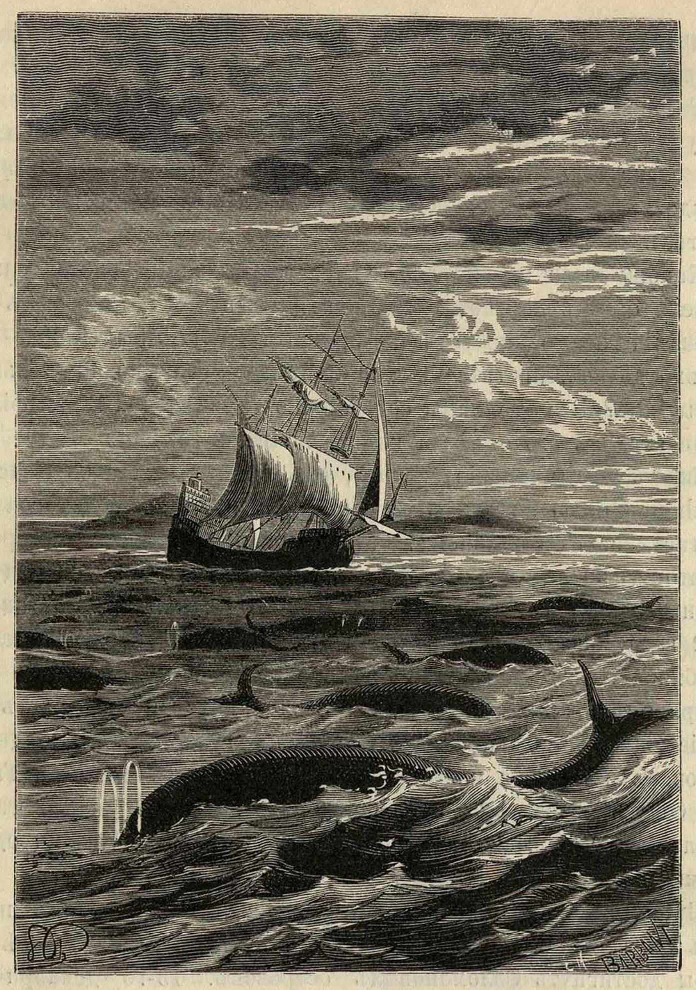
Спустя двадцать четыре часа послѣ того, какъ вошли въ этотъ проливъ, получившій названіе пролива Лемерійскаго, они уже выходили изъ него, при чемъ встрѣтившейся группѣ маленькихъ островковъ, лежащихъ отъ нихъ по правую сторону, дали имя островковъ Барневельтскихъ. Подъ 58° Лемеръ обогнулъ мысъ Горнъ, названный такъ въ память города, гдѣ снаряжалась экспедиція, и вступилъ въ Южное море. Отсюда онъ поднялся къ островамъ Жуанъ Фернандеца, гдѣ онъ нашелъ необходимымъ остановиться, чтобы дать оправиться экипажу, болѣвшему цынгой. Подобно Магеллану, Лемеръ и Шутенъ прошли, не замѣтивъ того, между главными островами Полинезіи, и 10 апрѣля пристали къ Собачьему острову, гдѣ ничего не нашли кромѣ незначительнаго количества прѣсной воды и нѣсколько зелени. Надѣялись достигнуть Соломоновыхъ островковъ, но проѣхали на сѣверъ къ Опаснымъ островамъ, и открыли островъ Ватерландъ, названный такъ по присутствію на немъ большого озера, и островъ Мухъ, получившій свое имя отъ громаднаго количества этихъ насѣкомыхъ, облѣпившихъ корабль и оставившихъ его только благодаря вѣтру, черезъ четыре дня. Затѣмъ Лемеръ проѣхалъ острова Дружбы и достигъ островковъ Мореходцевъ или Самоа, изъ которыхъ четыре острова сохранили за собою и теперь данныя имъ названія.

Жители этихъ островковъ были очень склонны къ воровству; они пытались вырывать изъ судовъ гвозди и ломать цѣпи. Такъ какъ цынга продолжала свирѣпствовать среди экипажа, то они были чрезвычайно счастливы, получивъ въ качествѣ подарка отъ короля чернаго вепря и фрукты. Самъ король, по имени Лату, не замедлилъ пріѣхать на большой парусной пирогѣ формы голландскихъ саней, въ сопровожденіи флотиліи изъ двадцати пяти лодокъ. Онъ не рѣшился взойти на корабль „Concorde“, между тѣмъ какъ сынъ его, оказавшійся смѣлѣе, поднялся на корабль и съ любознательностью разсматривалъ все, что ему показывали. На слѣдующій день число пирогъ значительно увеличилось, и

голландцы, по нѣкоторымъ признакамъ, поняли, что готовится нападеніе. И дѣйствительно, вскорѣ на нихъ сталъ падать градъ камней, лодки стали соединяться и приближаться; чтобы разсѣять ихъ, голландцы принуждены были сдѣлать по нимъ залпъ. Этотъ островъ, по справедливости, названъ островомъ Предателей.

18-го мая Лемеръ измѣнилъ направленіе и поплылъ на сѣверъ, въ намѣреніи достигнуть сѣвернымъ берегомъ Новой Гвинеи Молукскихъ острововъ. Онъ проѣхалъ вѣроятно мимо Соломоновыхъ острововъ Адмиралтейства и архипелага „Тысячи Острововъ". Затѣмъ онъ направился вдоль берега Новой Гвинеи и подъ 143° достигъ Гилвинскаго залива. Онъ часто высаживался и давалъ названія многимъ мѣстамъ, каковы: „Двадцать Пять Острововъ", составляющіе часть архипелага Адмиралтейства, Высокій уголъ, Высокая гора (Hoog-Berg), соотвѣтствующая, какъ кажется, нѣкоторой части сосѣдняго берега Корнелисъ-Кинерцской бухты, Моа и Аримоа,—два острова, изслѣдованные позднѣе Тасманомъ, островъ, получившій тогда имя Шутена, нынѣ называющійся островомъ Мизоромъ, который, однако, не должно смѣшивать съ другими островами Шутена, лежащими на Гвинейскомъ берегу, но гораздо западнѣе, и наконецъ, мысъ „Goed-Hope", который, какъ кажется, есть мысъ Сааведра на западной оконечности Мизора. Обозрѣвши землю папуасовъ, Шутенъ и Лемеръ достигли одного изъ Молукскихъ острововъ, Жилоло, гдѣ были радостно привѣтствуемы своими соотечественниками.

Когда голландцы оправились отъ цынги и достаточно отдохнули, они направились къ Батавіи, куда прибыли 23-го октября 1616 года, т.-е. послѣ тринадцатимѣсячнаго плаванія изъ Текселя, потерявъ въ это время тринадцать человѣкъ. Но индійская компанія не соглашалась съ тѣмъ, что ея привилегіи остались неприкосновенными, потому только, что колоніи были достигнуты новымъ путемъ, непредвидѣннымъ во время утвержденія ихъ правъ. Губернаторъ велѣлъ схватить „Concorde" и задержать офицеровъ и матросовъ, которыхъ онъ отправилъ въ Голландію, гдѣ они должны были предстать передъ судомъ. Бѣдный Лемеръ, ожидавшій другой награды за свои труды и открытія, не вынесъ этого неожиданнаго удара: онъ съ горя заболѣлъ и умеръ на высотѣ острова Мориса. Что до Шутена, то его не безпокоили по возвращеніи въ отечество. Онъ совершилъ еще нѣсколько путешествій въ Индію, неознаменовавшихся никакимъ открытіемъ.



Киты бороздили проливъ.

Въ 1625 году, при его возвращеніи въ Европу, буря загнала его въ Антонгильскій заливъ, гдѣ онъ и умеръ.

Такова была эта экспедиція, открывшая черезъ Лемерскій проливъ новый путь, гораздо короче того, который велъ черезъ Магеллановъ проливъ, экспедиція, отмѣченная многими открытіями въ Океаніи и тщательнымъ изслѣдованіемъ мѣстъ, замѣченныхъ испанскими и португальскими мореплавателями. Впрочемъ, относительно многихъ острововъ, земель и архипелаговъ, сосѣднихъ

съ Австраліей, мы не можемъ сказать съ увѣренностью, какому изъ народовъ принадлежитъ честь ихъ открытія.

Такъ какъ мы теперь говоримъ о голландцахъ, то мы немного отступимъ отъ хронологическаго порядка открытій, и разскажемъ объ экспедиціяхъ Жана-Абеля Тасмана (Jean-Abel Tasman) прежде, нежели объ экспедиціяхъ Менданы (Mendana) и Квироса (Quiros).

Каковы были первые дебюты Тасмана, какія обстоятельства привели его къ морской службѣ, какимъ путемъ пріобрѣлъ онъ тѣ знанія и то искусство, присутствію которыхъ онъ далъ столько доказательствъ и которыя привели его къ значительнымъ открытіямъ? Все это намъ совершенно неизвѣстно. Біографія его начинается съ его отъѣзда изъ Батавіи, 2-го іюня 1639 года. Проѣхавъ Филиппинскіе острова, онъ вмѣстѣ съ Матье Квастомъ (Mathieu Quast) посѣтилъ острова Бонина, извѣстные тогда подъ фантастическимъ именемъ: „Золотые и Серебряные острова". Во вторую экспедицію, состоявшую изъ двухъ кораблей подъ его главнымъ начальствомъ и покинувшую Батавію 14-го августа 1642 года, онъ достигъ 5-го сентября острова Мориса и затѣмъ углубился на юго-востокъ на поиски южнаго континента. 24-го ноября онъ открылъ подъ 24°25′ землю, которой онъ далъ названіе Ванъ-Дименовой земли, по имени губернатора Зондскихъ острововъ и которая нынѣ болѣе извѣстна подъ именемъ Тасманіи. Онъ присталъ въ бухтѣ Фредерика-Генри и узналъ, что эта земля обитаема людьми, хотя онъ самъ не видѣлъ ни одного туземца.

Проплывъ нѣсколько времени вдоль этого берега, онъ повернулъ къ востоку, съ намѣреніемъ подняться затѣмъ на сѣверъ, чтобы достигнуть Соломоновыхъ острововъ. 13-го декабря онъ былъ подъ 42°10′ широты въ виду гористой земли, вдоль которой онъ направлялся до 18-го декабря къ сѣверу. Тогда онъ присталъ въ одной бухтѣ, но самые смѣлые изъ дикарей не приближались къ кораблю ближе разстоянія брошеннаго камня. Голосъ ихъ былъ грубый, ростъ—большой, цвѣтъ тѣла желтоватый; волосы черные, почти такой же длины, какъ у японцевъ, были собраны на макушкѣ. На другой день они рѣшились придти на одинъ изъ кораблей для обмѣна произведеній. Видя ихъ мирныя намѣренія, Тасманъ послалъ на берегъ шлюпку, чтобы произвести болѣе подробное изслѣдованіе берега. Трое изъ мо-

ряковъ, находившихся на шлюпкѣ, были убиты туземцами, безъ всякаго вызова съ ихъ стороны, остальные бросились вплавь и были спасены подоспѣвшими лодками съ кораблей. Когда собрались выстрѣлить въ нападающихъ, они уже исчезли. Мѣсто, гдѣ произошло это прискорбное событіе, получило названіе бухты Убійцъ (Moordenaars bay). Тасманъ, будучи увѣренъ, что ему не удастся войти въ сношенія съ такими дикими племенами, снялся съ якоря и поднялся по берегу до его оконечности, которую назвалъ мысомъ Марія-Ванъ-Дименъ въ честь „дамы своего сердца", такъ какъ преданіе утверждаетъ, что онъ осмѣлился просить руки дочери губернатора восточной Индіи и за это былъ отправленъ на двухъ разрушенныхъ судахъ „Heemskerke" и „Zeechen".

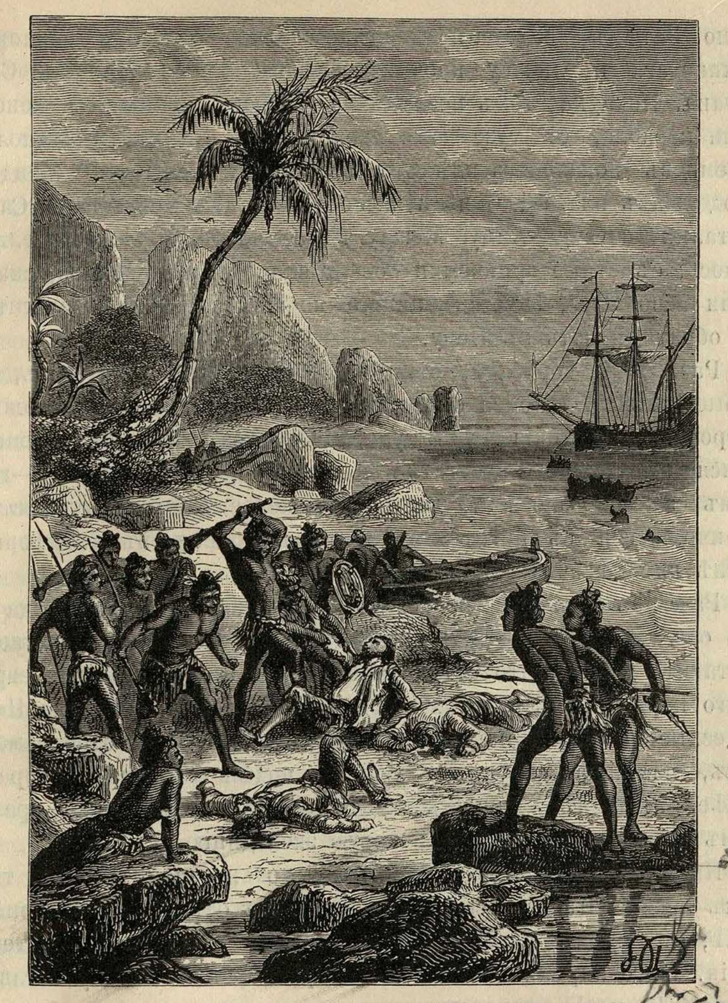
Земля, открытая такимъ образомъ, получила названіе Земли Штатовъ, вскорѣ измѣненное въ Новую Зеландію. 21-го января 1643 года Тасманъ открылъ острова Амстердамъ и Ротердамъ, на которыхъ нашелъ множество свиней, куръ и фруктовъ. 6 февраля корабли пріѣхали къ архипелагу изъ двадцати острововъ, названныхъ островами принца Гильома (Guillaume), и, осмотрѣвъ островъ „Anthong-Java", Тасманъ поплылъ вдоль берега Новой Гвинеи, начиная отъ мыса Санта-Марія, и проѣхавъ всѣ мѣста, изслѣдованныя раньше Лемеромъ и Шутеномъ, 15 іюня прибылъ въ Батавію послѣ десятимѣсячнаго путешествія.

Во вторую экспедицію, судя по предписанію, помѣченному 1664 годомъ, Тасманъ долженъ былъ посѣтить Ванъ-Дименову землю и произвести подробное изслѣдованіе западнаго берега Новой Гвинеи до 17° южной широты, чтобы узнать, принадлежитъ ли этотъ островъ къ южному материку. Кажется, Тасманъ не привелъ въ исполненіе этой программы. Впрочемъ, потеря его журнала ставитъ насъ въ полнѣйшую неизвѣстность какъ относительно пути, по которому онъ слѣдовалъ, такъ и относительно открытій, которыя онъ могъ сдѣлать въ это путешествіе. Съ этого времени мы ничего не знаемъ ни о дальнѣйшей его дѣятельности, ни о мѣстѣ и годѣ его смерти.

Со времени завоеванія Малакки Альбукеркомъ, португальцы поняли, что къ югу отъ Азіи долженъ находиться новый материкъ. Мысль эту вскорѣ раздѣлили испанцы, и съ тѣхъ поръ предпринимается цѣлый рядъ путешествій въ Тихій океанъ на поиски южнаго континента, существованіе котораго представля-

лось географически необходимымъ для уравновѣшенія огромнаго пространства земель извѣстныхъ. Большая Ява, позднѣе названная Новой Голландіей и Австраліей, была замѣчена, быть можетъ, французами или же, вѣроятнѣе, Сааведрой между 1530 и 1540 годами, ее разыскивала цѣлая толпа мореплавателей между которыми мы укажемъ: португальцевъ—Серрао и Менезеса, испанцевъ—Сааведру, Хернандо де-Грижальва, Альварадо, Иниго, Ортица де-Ретеца, изслѣдовавшихъ большую часть острововъ на сѣверѣ Новой Гвинеи и самую Новую Гвинею. За ними слѣдуютъ Мендана, Торресъ и Квиросъ, на которыхъ мы нѣсколько остановимся, вслѣдствіе важности и несомнѣнности ихъ открытій.

Альваро Мендана де-Нейра былъ племянникъ губернатора Лимы, дона Педро де-Кастро, который защищалъ очень горячо передъ правительствомъ метрополіи его проектъ отправиться въ Тихій океанъ искать новыхъ земель. Менданѣ было двадцать одинъ годъ, когда онъ принялъ начальство надъ двумя кораблями и ста двадцатью пятью солдатами и матросами. Онъ отплылъ изъ порта Калао у Лимы 19-го ноября 1567 года. Проѣхавъ маленькій островъ Іисуса, онъ изслѣдовалъ 7-го февраля между 7° и 8° южной широты островъ св. Изабеллы, гдѣ испанцы построили бригантину, изслѣдовали архипелагъ, часть котораго составлялъ вышеназванный островъ. „Жители,—говоритъ сочиненіе одного изъ спутниковъ Менданы,—людоѣды; они пожираютъ своихъ же, когда захватываютъ ихъ въ плѣнъ на войнѣ или когда и безъ открытой вражды имъ удается овладѣть кѣмъ-нибудь предательствомъ“. Одинъ изъ начальниковъ острова прислалъ Менданѣ, какъ очень вкусное блюдо, четверть ребенка, но испанскій генералъ велѣлъ похоронить его въ присутствіи туземцевъ, которые очень оскорбились непонятнымъ для нихъ поступкомъ. Испанцы осмотрѣли островъ las Palmas (пальмъ) и островъ los Ramos, названный такъ потому, что былъ открытъ въ Вербное воскресенье, затѣмъ островъ Галеру и Буенависти, жители котораго, подъ видомъ дружественныхъ изъявленій, скрывали непріязненныя намѣренія, что вскорѣ и обнаружилось. Подобный же пріемъ былъ имъ оказанъ на островахъ: Санъ-Димасѣ, Сесаргѣ и Гвадалканарѣ, гдѣ они въ первый разъ нашли инбирь. Возвращаясь къ острову Изабеллѣ, испанцы поѣхали другой дорогой, по которой открыли островъ Георгія, гдѣ они видѣли летучихъ мышей величиною съ коршуна. Вскорѣ послѣ



Трое изъ моряковъ были убиты туземцами.

прибытія бригантины въ гавань Изабеллы якорь вновь былъ поднятъ, такъ какъ мѣсто это оказалось очень нездоровымъ: пять солдатъ умерло и большое число заболѣло. Мендана остановился у острова Гвадалканара; изъ десяти человѣкъ, сошедшихъ на берегъ за водою, только одинъ негръ спасся отъ ударовъ туземцевъ, одинъ изъ которыхъ, къ величайшему ихъ неудовольствію, попалъ въ руки испанцевъ. Испанцы страшно отомстили туземцамъ. Двадцать человѣкъ было убито и множество домовъ сож-

жено. Затѣмъ Мендана посѣтилъ нѣсколько острововъ Соломонова архипелага и, между прочимъ, острова Трехъ Марій и Санъ Жуана. Пока на этомъ послѣднемъ островѣ починяли и конопатили корабль, съ туземцами происходили стычки, и нѣсколько туземцевъ попало въ плѣнъ. Послѣ этой остановки Мендана продолжалъ плаваніе и посѣтилъ острова Санъ-Христоваль, Санту Каталину и Санту-Анну. Между тѣмъ, число больныхъ увеличивалось, съѣстные припасы и боевые снаряды истощались, снасти были испорчены, Менданѣ ничего не оставалось какъ пуститься въ обратный путь къ Перу.

Раздѣленіе кораблей, открытіе нѣсколькихъ острововъ, которые мы затрудняемся опредѣлить, и, вѣроятно, Сандвичевыхъ острововъ, жестокія бури, унесшія паруса, болѣзни, развивавшіяся вслѣдствіе недостатка и порчи воды и сухарей,—вотъ чѣмъ ознаменовалось это долгое и тяжелое обратное путешествіе, окончившееся съ пріѣздомъ въ портъ Колиму, въ Калифорніи, послѣ пятимѣсячнаго плаванія.

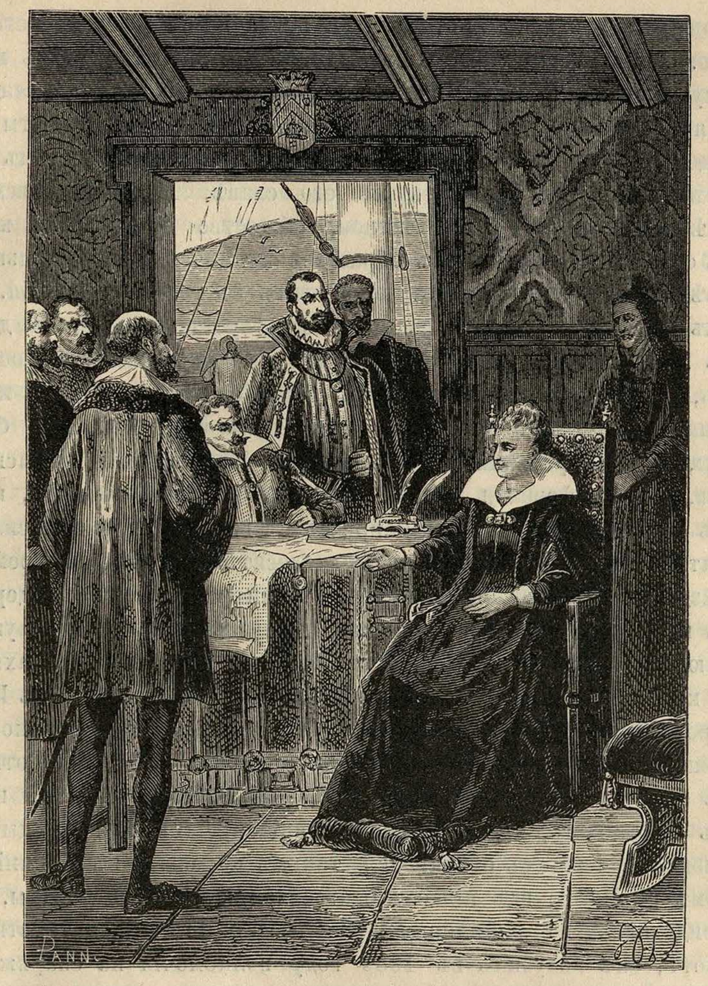
Разсказъ Менданы не возбудилъ энтузіазма, несмотря на то, что онъ назвалъ открытые имъ острова Соломоновыми, желая заставить думать, что оттуда происходили всѣ сокровища еврейскаго царя. Но для этихъ людей, видавшихъ богатства Перу, чудесные разсказы не имѣли цѣны; малѣйшій золотой самородокъ, малѣйшая крупинка серебра подѣйствовали бы гораздо болѣе. Менданѣ пришлось ждать двадцать семь лѣтъ, прежде чѣмъ ему удалось снарядить новую экспедицію.

На этотъ разъ экспедиція была довольно значительная, такъ какъ предполагалось основать колонію на островѣ Санъ-Христовалѣ, открытомъ Альваро Менданою во-время перваго путешествія. 11-го апрѣля 1595 года четыре корабля покинули гавань города Лимы. На нихъ находились четыреста человѣкъ, большею частью съ женами, между которыми слѣдуетъ упомянуть донну Изабеллу, жену Менданы. Тутъ же находились три двоюродныхъ брата генерала и штурманъ Педро Фернандецъ Квиросъ, прославившійся, позднѣе въ качествѣ начальника другой экспедиціи. Окончательное снаряженіе было произведено на берегу Перу, съ которымъ они разстались 16-го іюня. Послѣ мѣсячнаго плаванія, не отмѣченнаго никакими событіями, они открыли островъ, которому дали, по обычаю того времени, имя святой, праздновавшейся въ этотъ день,—имя Магдалины. Флотъ мгновенно былъ

окруженъ лодками, на которыхъ находилось до четырехсотъ индѣйцевъ, почти бѣлаго цвѣта кожи и прекраснаго сложенія. Они предлагали имъ кокосы и фрукты и, казалось, приглашали ихъ высадиться. Не успѣли они взойти на бортъ, какъ стали грабить. Пришлось выстрѣлить изъ пушки, чтобы разогнать ихъ. Въ небольшой свалкѣ былъ раненъ одинъ индѣецъ, и это измѣнило ихъ настроеніе: ружья съ кораблей стали отвѣчать на градъ стрѣлъ и камней. Невдалекѣ отъ этого острова они открыли три другихъ: Санъ-Педро, Доминикъ и Санта-Христина. Вся группа была названа островами маркиза Мендозы, въ честь губернатора Перу. На этихъ островахъ первыя сношенія съ индѣйцами были очень дружественныя; одна индѣянка, увидѣвъ прекрасные свѣтлые волосы Изабеллы Мендозы, просила знаками дать ей одинъ локонъ. Скоро, однако, неблагоразуміе испанцевъ сдѣлало эти сношенія непріязненными, и въ такомъ характерѣ они продолжались до тѣхъ поръ, пока туземцы, убѣдившись въ преимуществѣ испанскаго оружія, попросили у нихъ мира. 5-го августа испанская флотилія вновь пустилась въ море и сдѣлала четыреста лье на западо-сѣверо-западъ. 20-го августа были открыты Сенъ-Бернардскіе острова, получившіе имя островов Опасныхъ. Вслѣдъ затѣмъ были открыты острова Королевы Шарлотты, на которыхъ они не высадились, несмотря на недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Послѣ острова Солитера, названіе котораго достаточно опредѣляетъ его положеніе, достигли архипелага Санта-Круцъ. Здѣсь во-время грозы адмиральскій корабль отдѣлился отъ флота, и всѣ поиски были напрасны. Около пятидесяти лодокъ приблизились къ кораблю. На лодкахъ сидѣло множество туземцевъ съ темнымъ цвѣтомъ кожи или совсѣмъ черные. „Всѣ они имѣли вьющіеся волосы бѣлаго, краснаго или какого-нибудь другого цвѣта (такъ какъ они были крашеные); зубы были тоже выкрашены въ красный цвѣтъ; голова—на половину выбритая, тѣло—почти нагое, лицо и руки выкрашены въ черный блестящій цвѣтъ съ разноцвѣтными полосами; шея и другіе члены были украшены нѣсколькими рядами бусъ изъ золота или изъ чернаго дерева, рыбьими костями, чѣмъ-то въ родѣ медалей изъ перламутра и жемчуга. Оружіемъ имъ служили луки, отравленныя стрѣлы съ острыми оконечностями, закаленными на огнѣ или снабженныя костями, смоченными въ травяномъ сокѣ, большіе камни, мечи изъ крѣпкаго дерева и, наконецъ, громад-

ныя деревья, оканчивающіяся тремя баграми. Они носили на перевязяхъ котомки, искусно сработанныя изъ пальмовыхъ листьевъ и наполненныя сухарями, приготовленными изъ разныхъ корней, которыми они питаются".

Сперва Мендана принялъ этихъ туземцевъ за жителей тѣхъ острововъ, къ которымъ онъ стремился, но вскорѣ онъ замѣтилъ свою ошибку. Корабли были встрѣчены цѣлымъ градомъ стрѣлъ. Это обстоятельство было тѣмъ непріятнѣе для Менданы, что онъ, послѣ безуспѣшныхъ стараній найти Соломоновы острова, рѣшился основать колонію на этомъ архипелагѣ. По этому поводу среди испанцевъ возникли раздоры. Возбужденный противъ генерала мятежъ былъ почти тотчасъ же подавленъ и виновники казнены. Но эти грустныя событія и труды такъ отозвались на здоровьѣ начальника экспедиціи, что онъ умеръ 17 октября, успѣвъ передать женѣ своей управленіе экспедиціей. Послѣ смерти Менданы стычки съ туземцами усилились; среди испанцевъ многіе были до такой степени истощены болѣзнями и лишеніями, что десятка два смѣлыхъ и рѣшительныхъ туземцевъ легко съ ними могли бы справиться. Настаивать на учрежденіи колоніи при такихъ условіяхъ было бы безуміемъ; всѣ это поняли, и 18-го ноября суда снялись съ якоря. Донна Изабелла де-Мендоза имѣла намѣреніе достигнуть Манилы, набрать тамъ поселенцевъ и затѣмъ возвратиться для основанія колоніи. Она посовѣтовалась съ офицерами, выразившими письменно одобреніе ея проекту, и нашла въ Квиросѣ преданность и искусство, которыя не замедлили подвергнуться суровому испытанію. Прежде всего они удалились изъ Новой Гвинеи, чтобы не заблудиться среди многочисленныхъ острововъ, ее окружающихъ и чтобы возможно скорѣе достигнуть Филиппинскихъ острововъ, чего требовало крайне дурное состояніе кораблей. Затѣмъ они объѣхали нѣсколько окруженныхъ коралловыми рифами острововъ, къ которымъ экипажъ желалъ пристать, но на что Квиросъ очень благоразумно не давалъ разрѣшенія. Отдѣливъ отъ себя одно изъ судовъ эскадры, которое не могло или не желало слѣдовать за прочими, они пристали къ Разбойничьимъ островамъ, вскорѣ получившимъ названіе Маріанскихъ. Испанцы неоднократно отправлялись на берегъ за съѣстными припасами, которые туземцы не желали вымѣнивать ни на золото, ни на серебро, но съ большою готовностью брали желѣзо и желѣзныя орудія. Опи-



Донна Изабелла посовѣтовалась съ офицерами.

саніе содержитъ нѣсколько подробностей о культѣ предковъ этихъ дикарей и настолько любопытныхъ, что мы воспроизводимъ ихъ дословно. „Они очищаютъ отъ костей трупы умершихъ родственниковъ и, сожигая мясо, съѣдаютъ пепелъ, запивая его тубой,—родомъ кокосоваго вина. Ежегодно, въ продолженіе цѣлой недѣли, они оплакиваютъ своихъ покойниковъ. У нихъ существуетъ много плакальщицъ, спеціально для этого нанимаемыхъ. Кромѣ того, всѣ сосѣди сходятся плакать въ домъ

умершаго. Имъ платятъ тѣмъ же, когда пиршество случается у нихъ. Эти годовые праздники охотно посѣщаются, такъ какъ присутствующихъ ждетъ обильное угощеніе. Во время плача ведется разсказъ о жизни и подвигахъ умершаго съ минуты его рожденія до смерти, о его силѣ, ростѣ, красотѣ, словомъ обо всемъ, что можетъ служить къ его славѣ. Если въ разсказѣ встрѣчается что-нибудь смѣшное, общество принимается хохотать самымъ необузданнымъ образомъ, затѣмъ немедленно пьютъ, послѣ чего смѣхъ внезапно переходитъ въ горькія рыданія. На этихъ странныхъ праздникахъ присутствуетъ нерѣдко до двухсотъ лицъ". Когда экипажъ присталъ къ Филиппинскимъ островамъ, онъ представлялъ изъ себя собраніе истощенныхъ и исхудавшихъ людей, походившихъ на скелетовъ; они едва были живы, терпя страшный голодъ. Донна Изабелла высадилась въ Маниллѣ, 11 февраля 1596 года, при пушечной пальбѣ, и ей былъ оказанъ торжественный пріемъ съ вооруженными войсками. Остатки экипажа, потерявшаго пятьдесятъ человѣкъ со времени отъѣзда съ острововъ Санта-Круцъ, были размѣщены и содержались на общественный счетъ; всѣ женщины нашли себѣ мужей, исключая четырехъ или пяти, которыя поступили въ монахини. Что касается до донны Изабеллы, то она была отвезена въ Перу Квиросомъ, который представилъ вице-королю проектъ новаго путешествія. Но Люизъ де-Веласко, преемникъ Мендозы, отправилъ его къ испанскому королю и индійскому совѣту, подъ тѣмъ предлогомъ, что подобное рѣшеніе превышало границы его полномочія. Квиросъ отправился такимъ образомъ въ Испанію и затѣмъ въ Римъ, гдѣ нашелъ благосклонный пріемъ у папы, рекомендовавшаго его Филиппу III. Послѣ многихъ ходатайствъ и хлопотъ, онъ получилъ въ 1605 году полномочія на снаряженіе въ Лимѣ двухъ кораблей по его усмотрѣнію, для изслѣдованія южнаго материка и для продолженія открытій Менданы. Съ этими двумя кораблями и однимъ легкимъ судномъ Квиросъ отплылъ изъ гавани Каллао 21-го декабря 1605 года. На протяженіи тысячи лье отъ Перу онъ не встрѣчалъ никакой твердой земли. Подъ 25° южной широты онъ замѣтилъ группу маленькихъ острововъ, принадлежащихъ къ Опасному архипелагу. Это были „Convercion de-San-Pablo, Osnabrugh" Валисскій и „Decena", названный такъ потому, что онъ былъ замѣченъ десятымъ. Несмотря на то, что доступъ къ острову былъ затруд-

ненъ скалами, путешественники вошли въ сношенія съ туземцами, жилища которыхъ были раскинуты среди пальмъ по берегу моря. Начальникъ этихъ ссыльныхъ и прекрасно сложенныхъ туземцевъ носилъ на головѣ нѣчто въ родѣ короны изъ маленькихъ гибкихъ и тонкихъ какъ шелкъ перьевъ; его длинные, свѣтлые волосы, спадавшіе до пояса, возбуждали удивленіе въ испанцахъ, которые, не допуская, чтобы человѣкъ съ столь смуглымъ лицомъ могъ имѣть такіе свѣтлые волосы, склонны были скорѣе думать, что онъ женатъ и носитъ волосы своей жены. „Этимъ необыкновеннымъ цвѣтомъ волосъ онъ обязанъ былъ туземному обычаю посыпать голову известью, сжигающею и желтящею ихъ". Этотъ островъ, получившій отъ Квироса имя Сагиттаріи, по Флерье есть островъ Таити, одинъ изъ главныхъ острововъ группы Товарищества. Въ слѣдующіе дни Квиросъ замѣтилъ еще нѣсколько острововъ, на которыхъ онъ не высаживался и которымъ онъ назначалъ имена по календарю, слѣдуя обычаю, преобразовавшему въ настоящіе святцы всѣ туземныя названія Океаніи. Затѣмъ онъ достигъ острова, которому далъ имя „la Gente Hermosa" за красоту его обитателей и за бѣлизну и кокетливость женщинъ, которыхъ испанцы нашли превосходящими по граціи и прелести даже ихъ соотечественницъ изъ Лимы, красота которыхъ вошла въ пословицу. Островъ этотъ расположенъ, по Квиросу, подъ тою же параллелью, что и Санта-Круцъ, куда онъ намѣревался отправиться. Для этого онъ поворотилъ на западъ и достигъ острова, называемаго туземцами Таумака и лежащаго подъ 10° южной широты, въ двадцати четырехъ лье на востокъ отъ Санта-Круца. Это былъ, вѣроятно, одинъ изъ острововъ группы Дюффа. Здѣсь Квиросъ узналъ, что если онъ направитъ путь свой къ югу, то онъ найдетъ большую землю, обитатели которой бѣлѣе всѣхъ встрѣченныхъ имъ до тѣхъ поръ. Эти свѣдѣнія побудили его оставить свое намѣреніе плыть къ Санта-Круцу. Онъ направился къ юго-западу и, открывши нѣсколько маленькихъ острововъ, 1-го мая 1606 года прибылъ въ бухту, имѣвшую въ ширину болѣе восьми лье. Островъ, къ которому онъ подошелъ, получилъ имя св. Духа, удержавшееся за нимъ до нашего времени. Это одинъ изъ Новыхъ Гебридскихъ острововъ. Каковы были происшествія во время этой остановки—описаніе объ этомъ умалчиваетъ, но съ другой стороны намъ извѣстно, что возмутившійся экипажъ,

сдѣлавъ Квироса плѣнникомъ и оставивъ второй корабль и бригантину, направился къ Америкѣ, куда и прибылъ, послѣ девятимѣсячнаго путешествія, 3-го октября 1606 года. Шартонъ не разъясняетъ этого событія. Онъ ничего не говоритъ о возмущеніи экипажа и взваливаетъ обвиненіе въ разъединеніи кораблей на командира второго корабля, Луи Ваэса Торреса, который будто бы бросилъ своего генерала при отплытіи съ острова св. Духа. Но мы знаемъ изъ письма самого Торреса къ королю Испаніи, опубликованнаго лордомъ Стэнли въ концѣ его англійскаго изданія „Исторіи Филиппинскихъ острововъ" Антуана Морги, что онъ ждалъ Квироса „пятнадцать дней" въ бухтѣ св. Филиппа и св. Якова. Офицеры, собравши совѣтъ, рѣшили сняться съ якоря 26-го іюня и продолжать изслѣдованіе южнаго континента. Задержанный бурей, мѣшавшей ему объѣхать островъ св. Духа, осаждаемый требованіями негодующаго экипажа, Торресъ рѣшается направить путь на сѣверо-востокъ къ Испанскимъ островамъ. Подъ $11^1/_2{}^0$ онъ открываетъ землю, принимаемую имъ за начало Новой Гвинеи. „Вся эта земля,—говоритъ Торресъ,— есть земля Новой Гвинеи и она населена смуглыми и нагими индѣйцами, едва прикрытыми у пояса древесною листвой. Ихъ оружіе состоитъ изъ дротиковъ, каменныхъ палицъ и щитовъ, украшенныхъ множествомъ красивыхъ перьевъ. На протяженіи этой земли есть и другіе обитаемые острова. По всему берегу находятся многочисленныя широкія гавани, широкія рѣки и множество равнинъ. За этими островами тянутся рифы и мели, такъ что острова находятся между рифами и твердой землей. Мы заняли эти порты именемъ вашего величества... Мы проѣхали триста лье вдоль берега и увидѣли, что долгота, подъ которой мы находились, уменьшилась на два съ половиною градуса, такъ что мы очутились подъ девятымъ градусомъ; въ этомъ мѣстѣ начиналась мель шириною отъ трехъ до девяти саженей, тянувшаяся на семь съ половиною градусовъ вдоль берега. Не имѣя возможности плыть далѣе по причинѣ многочисленныхъ каменныхъ рифовъ и сильныхъ противныхъ теченій, мы рѣшились направить наше путешествіе къ юго-западу по глубокому каналу, о которомъ говорили и доѣхали почти до одиннадцатаго градуса. Тамъ тянется группа безчисленныхъ острововъ, мимо которыхъ я проѣхалъ. Въ концѣ одиннадцатаго градуса дно становится мельче. Тамъ были очень большіе острова, которыхъ,

казалось, къ югу было больше; жители этихъ острововъ были черны, сильны и совсѣмъ нагіе; оружіемъ имъ служили длинныя и крѣпкія копья, стрѣлы и каменныя палицы, очень грубо сдѣланныя".

Въ этомъ описаніи мѣстности новѣйшіе географы единодушно признали часть австралійскаго берега, оканчивающуюся полуостровомъ Іоркомъ и оконечность Новой Гвинеи, недавно посѣщенную капитаномъ Морисбаемъ (Morisby). Было извѣстно, что Торресъ проѣхалъ проливъ, отдѣляющій Новую Гвинею отъ мыса Іорка и получившій его имя; но новѣйшее изслѣдованіе юго-восточной части Новой Гвинеи, доказавши существованіе здѣсь народа совсѣмъ отличнаго отъ папуасовъ съ относительно бѣлымъ цвѣтомъ лица, неожиданно даетъ нѣкоторую степень вѣроятности открытіямъ Квироса. Поэтому-то мы и остановились на нихъ нѣсколько подробнѣе, ссылаясь на ученый трудъ Гами (Hamy), появившійся въ „Bulletin de la Société de géographie".

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о путешественникахъ, посѣщавшихъ мало изслѣдованныя страны и доставившихъ современникамъ болѣе точное знакомство со свѣтомъ, до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстнымъ. Въ ряду первыхъ изъ нихъ стоитъ Франсуа Пираръ (François Pirard) изъ Лаваля. Отправившись въ 1601 году на одномъ малуинскомъ кораблѣ торговать въ Индію, онъ потерпѣлъ кораблекрушеніе у Мальдивскаго архипелага. Эти островки или группы островковъ, числомъ по крайней мѣрѣ двѣнадцать тысячъ, лежатъ къ югу отъ Малабарскаго берега и простираются по Индійскому океану отъ мыса Коморина до экватора. Пираръ разсказываетъ намъ о своемъ кораблекрушеніи, о побѣгѣ нѣкоторыхъ изъ его товарищей по плѣну на архипелагѣ и о долгомъ семилѣтнемъ пребываніи своемъ на Мальдивскихъ островахъ, пребываніи, которое онъ сумѣлъ сдѣлать почти пріятнымъ, благодаря изученію мѣстнаго языка. Все время онъ посвятилъ изученію нравовъ, обычаевъ, религіи и промышленности жителей, а также произведеній и климата страны. Поэтому его записки богаты самыми разнообразными подробностями. До послѣдняго времени сочиненіе его сохранило интересъ, такъ какъ путешественники не посѣщаютъ добровольно этотъ нездоровый архипелагъ, изолированность котораго мало привлекала иностранцевъ и завоевателей. Разсказъ Пирара еще и теперь поучителенъ и пріятенъ для чтенія.

Въ 1607 году бенгальскій король послалъ флотъ на Мальдивскіе острова, чтобы захватить сто или сто двадцать пушекъ, попавшихъ на острова во время кораблекрушенія нѣсколькихъ португальскихъ судовъ. Несмотря на свободу, которою пользовался Пираръ, и на то, что онъ сдѣлался собственникомъ на островахъ, ему хотѣлось снова увидѣть свою милую Бретань. Онъ поспѣшилъ воспользоваться случаемъ покинуть архипелагъ, равно какъ и три его товарища, уцѣлѣвшіе изъ всего экипажа. Но Одиссея Пирара этимъ не окончилась. Привезенный сперва на островъ Цейлонъ, онъ былъ перемѣщенъ затѣмъ въ Бенгалію и отсюда ему удалось переправиться въ Кочинъ. Здѣсь онъ былъ заключенъ португальцами въ тюрьму, въ которой заболѣлъ, послѣ чего помѣщенъ былъ въ госпиталѣ въ Гоа. По выздоровленіи онъ прослужилъ два года въ солдатахъ и затѣмъ снова былъ брошенъ въ тюрьму. Только въ 1611 году ему удалось увидѣть свой родной городъ Лаваль. Послѣ столькихъ передрягъ, Пираръ, безъ сомнѣнія, ощущалъ необходимость въ покоѣ и, судя по тому, что исторія умалчиваетъ о концѣ его жизни, кажется, нашелъ его.

Если гражданинъ Франсуа Пираръ попалъ въ чуть не погубившія его случайности изъ-за страсти къ быстрому обогащенію, то Піетро делла Валле бросился въ тѣ же случайности изъ-за обстоятельствъ романическаго характера. Происходя изъ древняго знатнаго рода, онъ служилъ солдатомъ въ папскихъ войскахъ и затѣмъ служилъ на морѣ, преслѣдуя морскихъ разбойниковъ. По своемъ возвращеніи въ Римъ, онъ увидѣлъ, что мѣсто возлѣ любимой имъ дѣвушки занято его соперникомъ, воспользовавшимся его отсутствіемъ. Такое несчастье требуетъ рѣшительнаго лѣченія. Делла Валле даетъ обѣтъ посѣтить гробъ Господень. Всѣ дороги ведутъ въ Римъ, говоритъ пословица, и ни одинъ путь не такъ длиненъ, чтобы нельзя было достигнуть Іерусалима. Делла Валле это доказалъ. Въ 1614 г. онъ выѣзжаетъ изъ Венеціи, проводитъ тринадцать мѣсяцевъ въ Константинополѣ, добирается по морю до Александріи, достигаетъ Каира и присоединяется къ каравану, который приводитъ его, наконецъ, въ Іерусалимъ. Дорогой делла Валле, по всѣмъ вѣроятіямъ, получилъ вкусъ къ путешествіямъ, такъ какъ онъ посѣщаетъ послѣдовательно Багдадъ, Дамаскъ, Алеппо и доходитъ до Вавилонскихъ развалинъ. Нужно думать, что делла Валле не особенно стра-

далъ, такъ какъ по своемъ возвращеніи онъ влюбляется въ молодую мардинскую христіанку изумительной красоты и вскорѣ женится на ней. Казалось бы, что судьба неутомимаго путешественника была рѣшена этимъ бракомъ. Ничуть не бывало. Делла Валле находитъ возможнымъ сопровождать шаха въ его войнѣ съ турками и затѣмъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ объѣхать послѣдовательно всѣ провинціи Ирана. Въ 1621 году онъ покидаетъ Испагань; въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года теряетъ жену, которую бальзамируетъ и везетъ съ собою цѣлые четыре года, въ теченіе которыхъ обозрѣваетъ Ормузъ, западные берега Индіи, Персидскій заливъ, Алеппо и Сирію, и высаживается, наконецъ, въ 1626 году въ Неаполѣ.

Страны, посѣщенныя этимъ оригинальнымъ человѣкомъ, котораго двигали необыкновенныя влеченія,—эти страны описаны имъ не безъ правдивости веселымъ, легкимъ и непринужденнымъ языкомъ. Онъ начинаетъ собою плеяду путешественниковъ-диллетантовъ и купцовъ, наводняющихъ ежегодно географическую литературу многочисленными томами, въ которыхъ ученые могутъ поживиться развѣ тощими свѣдѣніями.

Одинъ изъ ненасытныхъ путешественниковъ-любителей — Тавернье. Двадцати двухъ лѣтъ отъ роду онъ уже объѣхалъ Францію, Англію, Нидерланды, Германію, Швейцарію, Польшу, Венгрію и Италію. Затѣмъ, когда Европа не представляетъ уже никакой пищи для его любопытства, онъ отправляется въ Константинополь, живетъ тамъ годъ и оттуда достигаетъ Персіи, гдѣ по какому-то случаю и начинаетъ покупать ковры, камни и тысячи бездѣлушекъ, которыми увлекается любитель и за которыя платитъ баснословныя суммы. Барыши, извлеченные Тавернье изъ продажи товаровъ, побуждаютъ его возобновить путешествіе.

Какъ человѣкъ умный и предусмотрительный, Тавернье научается предварительно у ювелира распознавать камни. Въ продолженіе четырехъ послѣдовательныхъ путешествій, отъ 1638 до 1663 года, онъ объѣзжаетъ Персію, Монголію, Индію до Китайской границы и Зондскіе острова. Ослѣпленный громаднымъ состояніемъ, добытымъ путемъ торговли, Тавернье началъ жить чрезвычайно широко и скоро увидѣлъ себя наканунѣ разоренія. Въ надеждѣ предупредить его, онъ послалъ одного изъ своихъ племянниковъ на востокъ съ значительными товарами, но моло-

дой человѣкъ нашелъ удобнымъ присвоить себѣ ввѣренные ему товары и поселился въ Испагани.

Тавернье, благодаря своему образованію, собралъ много интересныхъ наблюденій о произведеніяхъ, нравахъ и обычаяхъ посѣщенныхъ имъ странъ. Его сочиненіе способствовало установленію въ умахъ современниковъ свѣдѣній, много точнѣе тѣхъ, какія существовали относительно странъ востока.

Нужно замѣтить, что во все время царствованія Людовика XIV всѣ путешественники съ какими бы то ни было цѣлями направляются именно въ эту сторону. Африка была совсѣмъ оставлена, а Америка если еще продолжала служить театромъ изслѣдованія, то безъ всякаго участія правительства.

Пока Тавернье совершалъ послѣднія и далекія путешествія, знаменитый археологъ Жанъ Тевенотъ (Thévenot), племянникъ Мельхиседека Тевенота, ученаго, которому мы обязаны описаніемъ цѣлаго ряда интересныхъ путешествій, проѣхалъ сперва Европу, затѣмъ Мальту, Константинополь, Египетъ, Тунисъ и Италію. Онъ привезъ въ 1661 году коллекцію монетъ, надгробныя надписи, служащія теперь большимъ пособіемъ для историковъ и филологовъ. Въ 1664 году онъ снова отправился въ Левантъ, посѣтилъ Персію, Бассору, Суратъ и Индію, побывалъ въ Мазулипатамѣ, въ Берампурѣ, въ Авренгабадѣ и въ Голкондѣ. Но испытанные труды помѣшали ему возвратиться въ Европу и онъ умеръ въ Арменіи въ 1667 году. Его свѣдѣнія по исторіи, географіи и математикѣ, превосходившія значительно средній уровень образованія его современниковъ, заслужили успѣхъ его сочиненіямъ, отличающимся тщательностью и точностью работы.

Теперь мы перейдемъ къ любезному Бернье, къ этому „joli philosophe,“ какъ его называли въ его аристократическомъ кружкѣ. Тамъ встрѣчались Нинонъ и Ла-Фонтенъ, г-жа Сабліеръ, Сентъ-Эвремонъ и Шапелль, не говоря уже о многихъ другихъ веселыхъ и выдающихся умахъ, не подчинявшихся изысканной торжественности, гнетущей всѣхъ окружавшихъ дворъ Людовика XIV. Бернье не избѣгъ страсти къ путешествіямъ. Обозрѣвъ бѣгло Сирію и Египетъ, онъ отправился въ Индію, гдѣ пробылъ двѣнадцать лѣтъ и гдѣ его спеціальныя свѣдѣнія по медицинѣ пріобрѣли ему благосклонность великаго Ауренгъ-Зеба и дали ему возможность осмотрѣть подробно и съ пользою имперію, находящуюся тогда во всемъ своемъ блескѣ.



Жанъ Шарденъ. (Fac-simile съ древней гравюры).

На югъ отъ Индостана находился Цейлонъ, представлявшій для путешественниковъ большой интересъ. Робертъ Ноксъ былъ захваченъ въ плѣнъ туземцами этого острова и этому обстоятельству онъ былъ обязанъ своимъ долгимъ пребываніемъ въ странѣ, о громадныхъ лѣсахъ и о дикихъ народахъ которой онъ собралъ первыя точныя свѣдѣнія. Голландцы, руководимые своею жадностью, которой они однако не первые дали примѣръ, держали въ

большомъ секретѣ свѣдѣнія объ этомъ островѣ, изъ котораго они намѣревались сдѣлать свою колонію.

Еще одинъ негоціантъ Жанъ Шарденъ, сынъ богатаго ювелира въ Парижѣ, завидуя успѣхамъ Таверньє, пожелалъ какъ и онъ составить себѣ богатство торговлей алмазовъ. Конечно, болѣе всего привлекали купцовъ тѣ страны, богатство и блескъ которыхъ вошли въ пословицу: это Персія и Индія съ ихъ одеждами, сверкающими драгоцѣнными каменьями и золотомъ, съ алмазными минами баснословной величины. Время для посѣщенія этихъ странъ было самое удачное. Благодаря монгольскимъ императорамъ, цивилизація и искусство развивались; воздвигались мечети, дворцы, храмы, возникали города. Ихъ вкусъ,—вкусъ характерный и такъ несходный съ нашимъ,—выражается какъ въ постройкѣ гигантскихъ зданій, такъ и въ фабрикаціи мелкихъ украшеній, этихъ дорогихъ бездѣлушекъ, къ которымъ востокъ начиналъ пристращаться. Какъ осторожный человѣкъ, Шарденъ беретъ съ собою товарища, такого же свѣдущаго, какъ и самъ. Вначалѣ онъ дѣлаетъ бѣглый обзоръ Персіи, торопясь добраться до Ормуза и Индіи. Послѣ года путешествія, онъ возвращается въ Испагань и начинаетъ изучать языкъ, чтобы имѣть возможность вести дѣла безъ посредниковъ. Онъ имѣетъ счастье понравиться шаху Абасу II. Съ этихъ поръ цѣль его достигнута, такъ какъ онъ пользуется такимъ же почтеніемъ и удобствами, какъ и владыка. Но за Шарденомъ есть и другая заслуга. Онъ сумѣлъ собрать о персидскомъ государствѣ, о нравахъ, вѣрованіяхъ, обычаяхъ, о городахъ подробныя свѣдѣнія, сдѣлавшія его сочиненіе до нашихъ дней „vade mecum“ каждаго путешественника. Этотъ путеводитель тѣмъ болѣе цѣненъ, что Шарденъ позаботился пригласить изъ Константинополя искуснаго художника, по имени Грело, и послѣдній воспроизвелъ памятники, города, костюмы, церемоніи, передающія наглядно все то, что Шарденъ называетъ „le tous les jours d'un peuple“.

Когда Шарденъ возвратился во Францію, въ 1670 году, отмѣна Нантскаго эдикта выгнала изъ отечества жестокими преслѣдованіями толпу ремесленниковъ, которые отправились въ чужеземные края обогащать ихъ національными ремеслами и искусствами. Протестантъ Шарденъ понялъ очень хорошо, что его религія помѣшаетъ ему достигнуть того, „что называется почестями и повышеніемъ“. Такъ какъ, по его выраженію, „нельзя вѣрить въ



Японскій воинъ. (Fac-simile съ древней гравюры).

то, что выгодно", то онъ рѣшилъ возвратиться въ Индію, „гдѣ, не будучи принужденнымъ мѣнять религію", онъ достигнетъ почетнаго положенія. И такъ, свобода совѣсти уважалась въ то время въ Персіи больше, чѣмъ во Франціи. Это замѣчаніе, со стороны человѣка, прибѣгшаго къ такому сравненію, заключаетъ въ себѣ очень мало лестнаго для внука Генриха IV.

Теперь Шарденъ поѣхалъ не прежней дорогой. Онъ проѣхалъ черезъ Смирну, Константинополь и оттуда черезъ Черное море

достигъ въ монашескомъ одѣяніи до Крыма. Проѣхавъ черезъ Кавказъ, онъ воспользовался случаемъ ознакомиться съ абхазцами и черкесами. Затѣмъ онъ проникъ въ Мингрелію, гдѣ у него украли часть драгоцѣнностей, вещей и бумагъ, вывезенныхъ изъ Европы. Самъ онъ спасся отъ смерти, только благодаря театинцамъ, пріютившимъ его. Вскорѣ однако онъ попалъ въ руки къ туркамъ, которымъ заплатилъ за себя богатый выкупъ. Послѣ этихъ непріятныхъ приключеній, онъ 17-го декабря 1672 года пріѣхалъ въ Тифлисъ. Такъ какъ Грузія находилась тогда подъ управленіемъ данника персидскаго шаха, то ему легко было достигнуть Эривани, Тавриза и наконецъ Испагани.

Послѣ четырехлѣтняго пребыванія въ Персіи и послѣ послѣдняго путешествія въ Индію, во время котораго онъ составилъ себѣ значительное состояніе, Шарденъ возвратился въ Европу и поселился въ Англіи, такъ какъ его религія закрывала для него двери отечества.

Записки о его путешествіи составляютъ солидный трудъ, въ которомъ особенно развито все, относящееся до Персіи. Его продолжительное пребываніе въ странѣ, знакомство съ знатными лицами государства дали ему возможность собрать многочисленные и подлинные документы. Это даетъ основаніе сказать, что Персія XVII вѣка была лучше извѣстна, чѣмъ Персія слѣдующаго вѣка.

Посѣщенныя Шарденомъ страны были немногими годами позднѣе посѣщены живописцемъ Корнеліемъ Брюенъ или Ле Бренъ. Цѣнность его работы сводится главнымъ образомъ къ рисункамъ, исполненнымъ изящно и точно, такъ какъ въ текстѣ не находимъ ничего новаго, развѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о самоѣдахъ, которыхъ онъ первый посѣтилъ.

Намъ остается еще упомянуть о вестфальцѣ Кемпферѣ, котораго можно считать шведомъ по его продолжительному пребыванію въ скандинавскихъ странахъ. Онъ отказался отъ блестящаго положенія, которое ему предлагали, и выбралъ сопровождать посланника, отправлявшагося въ Москву, въ качествѣ секретаря при немъ. Такимъ образомъ онъ могъ видѣть главные города Россіи,—страны только вступавшей тогда на путь западной цивилизаціи. Затѣмъ онъ достигъ Персіи, покинулъ посланника Фабриціуса и поступилъ на службу къ голландцамъ въ ихъ индійскую компанію. Онъ посѣтилъ Персеполисъ, Ширазъ, Ормузъ на

Персидскомъ заливѣ, гдѣ тяжко заболѣлъ, и въ 1688 году уѣхалъ въ Остъ-Индію. Счастливая Аравія, Индія, Малабарскій берегъ, Цейлонъ, Ява, Суматра, Японія,—всѣ эти страны были имъ позднѣе посѣщены. Цѣль его путешествій была исключительно научная. Докторъ, но преданный изученію естественной исторіи, Кемпферъ собиралъ, описывалъ, сушилъ, рисовалъ громадное количество неизвѣстныхъ въ Европѣ растеній, далъ много свѣдѣній объ ихъ лѣкарственномъ и промышленномъ употребленіи, собралъ громадный гербарій, сохраненный и теперь съ большею частью его рукописей въ лондонскомъ „Britich museum". Самая интересная часть его сочиненія это та, гдѣ онъ говоритъ о Японіи, хотя, съ тѣхъ поръ какъ эта страна стала доступна нашимъ ученымъ, эта часть сочиненія и устарѣла и сдѣлалась очень неполной. Въ томъ случаѣ, когда онъ не могъ добиться свѣдѣній отъ лицъ, неохотно сообщающихъ ихъ иностранцамъ, онъ умѣлъ доставать книги, касающіяся исторіи, литературы и наукъ страны.

Въ общемъ, если всѣ путешественники, о которыхъ мы сейчасъ говорили, не открывали новыхъ странъ, если они не произвели никакихъ изслѣдованій, неизвѣстныхъ до нихъ, то все же по мѣрѣ способностей и по трудамъ должно признать за каждымъ изъ нихъ ту заслугу, что они ближе ознакомили соотечественниковъ съ посѣщенными ими странами. Сверхъ того, благодаря имъ, многіе разсказы были отнесены въ область басенъ, въ которыя вѣрили и которыя до того сжились съ общественнымъ мнѣніемъ, что никто ихъ не оспаривалъ.

Имъ мы обязаны знакомствомъ съ исторіей востока: стали понимать смыслъ переселенія народовъ, уяснили себѣ перевороты этихъ великихъ имперій, представлявшихъ долго одну загадку.

ГЛАВА VI.

Морское разбойничество.

I

Гильомъ Дампіеръ или морской король XVII вѣка.

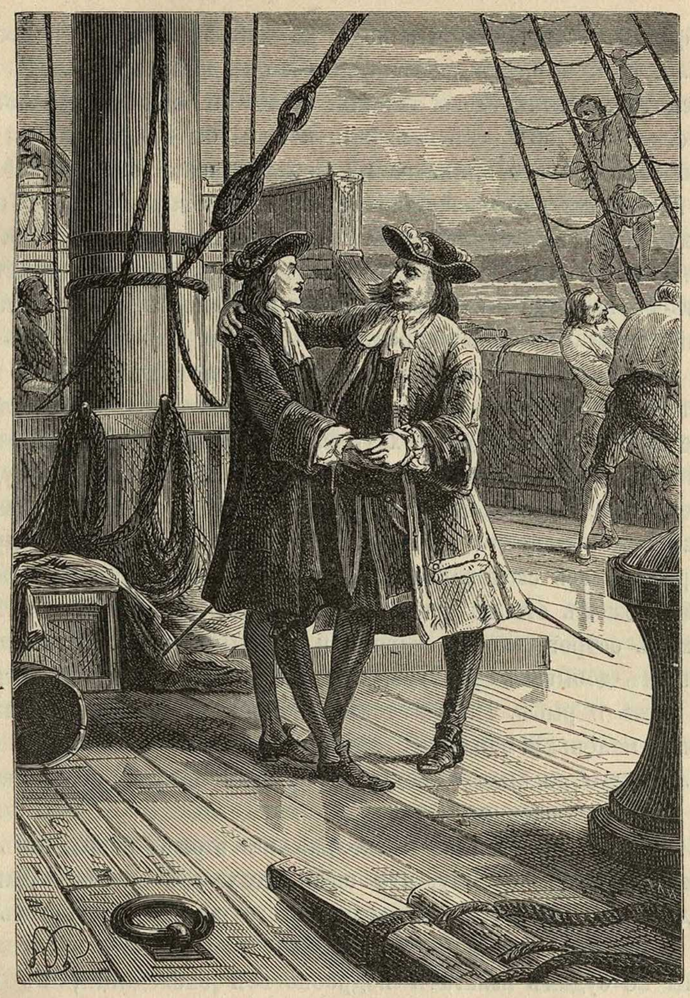
Родившись въ 1612 г. въ Истъ Токерѣ (East Tokar), Гильомъ Дампіеръ (Guillaume Dampier), вслѣдствіе смерти своихъ родителей, съ дѣтства былъ предоставленъ самому себѣ. Не имѣя особенной наклонности къ ученію, онъ больше любилъ

бѣгать по лѣсамъ и сражаться съ своими сверстниками, чѣмъ спокойно сидѣть на школьной скамейкѣ. Поэтому еще въ раннемъ возрастѣ онъ поступилъ юнгою на торговый корабль. Послѣ путешествія въ Ньюфаундлендъ и кампаніи въ Остъ-Индію, онъ опредѣлился на службу въ военный флотъ; будучи въ одномъ сраженіи раненъ, онъ возвратился для излѣченія въ Гринвичъ. Свободный отъ предразсудковъ, Дампіеръ, по выходѣ изъ военнаго госпиталя, тотчасъ же забылъ о долгѣ службы и уѣхалъ на островъ Ямайку въ качествѣ завѣдывающаго плантаціей. Немного времени понадобилось ему, чтобы убѣдиться, что эта дѣятельность не въ его вкусѣ. Черезъ шесть мѣсяцевъ онъ бросилъ своихъ негровъ и отплылъ къ Кампешскому заливу, на берегу котораго онъ въ продолженіе трехъ лѣтъ собиралъ красильное дерево.

Черезъ три года онъ появляется въ Лондонѣ; но законы и агенты, заставляющіе уважать ихъ, стѣсняютъ его. Онъ возвращается на островъ Ямайку, гдѣ входитъ въ сношеніе съ знаменитыми морскими разбойниками, причинявшими въ то время столько зла испанцамъ.

Водворившись на Черепашьемъ островѣ у берега Сенъ-Доминика, эти авантюристы—французы и англичане—поклялись въ непримиримой ненависти къ испанцамъ. Ихъ опустошенія неограничивались только Мексиканскимъ заливомъ; они переправились черезъ Панамскій перешеекъ и разоряли берега Тихаго океана отъ Магелланова пролива до Калифорніи. Ужасъ преувеличивалъ подвиги этихъ морскихъ разбойниковъ, походившіе однако на чудеса.

Къ этой-то шайкѣ, предводительствуемой въ то время Гарри (Harris), Саукинсомъ (Sawkins) и Шейсомъ (Shays), и присоединился Дампіеръ. Въ 1680 году мы встрѣчаемъ его въ Даріенѣ. Онъ грабитъ Санта-Марію, безуспѣшно пытается завладѣть Панамой и вмѣстѣ съ своими товарищами, на своихъ плохихъ лодкахъ, украденныхъ у индѣйцевъ, нападаетъ на восемь хорошо вооруженныхъ кораблей, стоящихъ недалеко отъ города. При такихъ условіяхъ морскіе разбойники испытываютъ значительныя потери въ сраженіи, получаютъ скудную добычу и разстаются. Одни возвращаются въ Мексиканскій заливъ, другіе водворяются на островѣ Хуанъ-Фернандецѣ, откуда производятъ нападеніе на городъ Арику. Здѣсь имъ также не посчастливилось и произо-



«Ахъ, Дампіеръ, вы составили бы для нихъ очень плохое кушанье!»

шло новое раздѣленіе; Дампіеръ счелъ за лучшее отправиться въ Виргинію, гдѣ его капитанъ надѣялся собрать новыхъ рекрутовъ. Тамъ капитанъ Кукъ снаряжалъ корабль съ цѣлью проникнуть въ Тихій океанъ черезъ Магеллановъ проливъ. Дампіеръ принялъ участіе въ этомъ путешествіи. Сперва они отправились къ берегамъ Африки, къ островамъ Зеленаго Мыса, въ Сіерра-Леоне, къ рѣкѣ Шурбуру, т.-е. поплыли по тому пути, по которому слѣдовали обыкновенно суда, отправлявшіяся въ южную Америку. Дампіеръ, записывавшій въ свой журналъ всѣ интерес-

ные факты, замѣчаетъ, что подъ 36° южной широты море побѣлѣло, или, вѣрнѣе, поблѣднѣло, и онъ никакъ не могъ себѣ объяснить причины этого явленія. Если бы онъ воспользовался микроскопомъ, онъ безъ сомнѣнія понялъ бы причину. Они проѣхали безъ всякаго приключенія Себальдинскіе острова, Лемерскій проливъ и 6-го февраля 1684 года обогнули мысъ Горнъ; затѣмъ, избѣжавъ бури, застигающей обыкновенно суда при ихъ вступленіи въ Тихій океанъ, капитанъ Кукъ добрался до острова Хуанъ-Фернандеца въ надеждѣ получить тамъ съѣстные припасы. Дампіеръ задаетъ себѣ вопросъ, найдетъ ли онъ на этомъ островѣ индѣйца изъ Никарагуа, оставленнаго тамъ въ 1680 году капитаномъ Шарпомъ. „Этотъ индѣецъ жилъ одинъ на островѣ болѣе трехъ лѣтъ. Онъ охотился въ лѣсу за козами, когда англійскій капитанъ велѣлъ своимъ людямъ садиться на суда и они отплыли, не замѣтивъ отсутствія индѣйца. У него оставалось только ружье и ножъ, рожокъ съ порохомъ и немного дроби. Издержавъ весь свой порохъ и дробь, онъ ухитрился распилить своимъ ножомъ стволъ ружья на нѣсколько кусочковъ и сдѣлать изъ нихъ острогу, копье, удочки и длинный ножъ. Этими орудіями онъ добывалъ себѣ все, что можно было добыть на островѣ, т.-е. козъ и рыбъ. На разстояніи полу-мили отъ моря онъ построилъ маленькій шалашъ, который покрылъ козлиными шкурами. У него не было одежды и простая шкура облегала его тѣло вокругъ поясницы“.

Если мы остановились нѣсколько на этомъ невольномъ отшельникѣ, то это потому, что онъ послужилъ типомъ Даніэлю Фоэ для его „Робинзона Крузоэ“,—этого романа, которымъ всѣ дѣти наслаждаются.

Мы не будемъ излагать подробно всѣ экспедиціи, въ которыхъ Дампіеръ принималъ участіе. Скажемъ только, что во время этой кампаніи онъ посѣтилъ острова Галапагосъ. Видя, что большая часть предпріятій оканчивается неудачей, капитанъ Сванъ (Swan), на кораблѣ котораго въ 1686 году служилъ Дампіеръ, отправился въ Остъ-Индію, гдѣ испанцы не такъ были на сторожѣ и гдѣ онъ разсчитывалъ захватить Манильскій гальонъ. Но когда наши авантюристы прибыли въ Гуакаму, у нихъ оставалось только на три дня съѣстныхъ припасовъ. Матросы порѣшили, если такъ будетъ продолжаться, съѣсть послѣдовательно всѣхъ, кто стоялъ за это путешествіе и начать съ капитана,

который первый предложилъ его. Послѣ него была очередь Дампіера. По этому поводу, забавно замѣчаетъ онъ, Сванъ, приставъ въ Гуакамѣ, сказалъ, обнимая его: „Ахъ! Дампіеръ, вы составили бы для нихъ очень плохое кушанье!“ Онъ былъ правъ, прибавляетъ онъ, „такъ какъ я былъ настолько же худъ и изнуренъ, насколько онъ дороденъ и жиренъ“. Минданао, Манилла, часть береговъ Китая, Молукскіе острова, Новая Голландія и Никобарскіе острова—всѣ эти страны посѣщалъ и опустошалъ Дампіеръ во время этого путешествія. На послѣднемъ архипелагѣ онъ разстался съ своими товарищами и, еле-живой, нашелъ убѣжище на берегу Суматры.

Во время этой кампаніи Дампіеръ открылъ нѣсколько неизвѣстныхъ до того времени острововъ и между прочимъ группу острововъ Басхи. Какъ истинный путешественникъ, Дампіеръ, едва оправившись, посѣтилъ весь южный берегъ Азіи, Малакку, Тонкинъ, Мадрасъ и Бенкуленъ, гдѣ онъ поступилъ артиллеристомъ на службу Англіи. Черезъ пять мѣсяцевъ онъ дезертировалъ и прибылъ въ Лондонъ. Разсказъ о его приключеніяхъ привлекъ ему симпатію среди высшаго общества и онъ представленъ Оксфордскому графу, лорду адмиралтейства (lord de l'amirauté). Вскорѣ онъ получилъ начальствованіе надъ кораблемъ „Rœbuck“ для путешествія и открытій въ моряхъ, уже изслѣдованныхъ имъ. Онъ покинулъ Англію 14-го января 1699 года съ намѣреніемъ проѣхать черезъ Магеллановъ проливъ или объѣхать Огненную Землю и начать свои открытія въ Тихомъ океанѣ, наименѣе посѣщаемомъ путешественниками. Проѣхавъ 10-го марта экваторъ, Дампіеръ отправился въ Бразилію, гдѣ запасся провіантомъ. Далекій отъ возможности добраться до береговъ Патагоніи, онъ былъ отброшенъ вѣтрами къ югу отъ мыса Доброй Надежды, и отсюда, держась востока-юга-востока, направился къ Новой Голландіи. Этотъ продолжительный переѣздъ не ознаменовался никакимъ событіемъ. 1-го августа Дампіеръ достигъ берега и сталъ отыскивать гавань, чтобы пристать. Пять дней спустя, онъ приставалъ къ бухтѣ Морскихъ Собакъ на западномъ берегу Австраліи; но онъ нашелъ только безплодную почву, гдѣ не встрѣтилъ ни воды, ни растеній. До 31-го августа онъ ѣздилъ вдоль берега, не находя того, чего искалъ. Во время одной высадки Дампіеръ имѣлъ легкую стычку съ нѣсколькими жителями этой, повидимому, очень мало населенной страны. Ихъ предво-

дитель былъ молодой человѣкъ средняго роста, очень живой и ловкій; глаза его были окружены бѣлыми крашеными кругами, и полоса такого же цвѣта шла отъ лба до кончика носа; грудь и руки были также раскрашены бѣлой краской. Товарищи его имѣли черный цвѣтъ кожи, свирѣпый и дикій взглядъ, курчавые волосы и были высокаго роста.

Въ продолженіе пяти недѣль, во время которыхъ Дампіеръ ѣздилъ около берега, онъ не находилъ ни воды, ни съѣстныхъ припасовъ. Но онъ не желалъ отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ и продолжалъ подниматься по берегу къ сѣверу. Мели, однако, встрѣчаемыя имъ безпрестанно и приближающееся время сѣверо-западнаго муссона, принудили его, послѣ того какъ онъ открылъ болѣе трехсотъ мѣстъ на австралійскомъ берегу, отказаться отъ своего намѣренія. Онъ направился къ Тимору, съ цѣлью отдохнуть тамъ и дать возможность оправиться экипажу, изнуренному долгимъ путешествіемъ. Но моря этихъ странъ были ему мало знакомы, а его карты были очень неудовлетворительны. Поэтому онъ съ ними знакомился впервые, хотя голландцы давно уже здѣсь поселились. Такимъ образомъ, онъ открылъ между островами Тиморомъ и Анамабао проходъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ его карта указывала лишь бухту. Прибытіе Дампіера въ одну изъ гаваней, извѣстныхъ только голландцамъ, вызвало среди нихъ большое неудовольствіе. Они подозрѣвали, что англичане могли узнать объ этой гавани только изъ картъ, добытыхъ на голландскомъ кораблѣ. Все же они побѣдили свой страхъ и оказали ему хорошій пріемъ.

Несмотря на то, что предвѣстники муссоновъ уже давали себя чувствовать, Дампіеръ пустился въ море и направился къ сѣверному берегу Новой Гвинеи. 4-го февраля 1700 года онъ достигъ голландскаго мыса Маго. Между поразившими его предметами, Дампіеръ называетъ громадное количество особаго рода голубей, летучихъ мышей необыкновенной величины, гребешки,— родъ раковинъ, вмѣстилище которыхъ вѣситъ не менѣе 258 фунтовъ. 7-го февраля онъ подошелъ къ острову Короля Вильгельма и, направившись отсюда на востокъ, достигъ мыса Доброй Надежды, Шутена и острова, получившаго имя того-же мореплавателя. 24-го экипажъ былъ свидѣтелемъ страннаго зрѣлища: „двѣ рыбы, сопровождавшія корабль въ продолженіе пяти или шести дней, встрѣтили большую морскую змѣю и пустились за нею.

Онѣ были вида и величины макрелей, только желтовато-зеленоватаго цвѣта. Змѣя, спасавшаяся отъ нихъ съ поразительной быстротой, держала голову надъ водой и одна изъ рыбъ старалась схватить ее за хвостъ. Когда змѣя оборачивалась, то одна изъ рыбъ оставалась передъ нею, а другая тотчасъ же помѣщалась сзади. Пока мы могли ихъ видѣть, онѣ преслѣдовали ее, готовую ежеминутно къ оборонѣ".

25-го Дампіеръ былъ у гористаго острова, длиною около десяти лье, лежащаго выше и на востокъ отъ островов Адмиралтейства; онъ далъ этому острову имя св. Матѳея. На семь лье далѣе онъ открылъ островъ, которому далъ названіе Бурнаго острова по случаю страшныхъ вѣтровъ, мѣшавшихъ пристать къ нему. Дампіеръ полагалъ, что находится у береговъ Новой Гвинеи, на самомъ же дѣлѣ онъ былъ у береговъ Новой Ирландіи. Онъ попробовалъ высадиться, но его окружили пироги, на которыхъ находилось болѣе двухсотъ туземцевъ, и многочисленная толпа покрывала берегъ. Понимая, что спустить на берегъ шлюпку очень рискованно, Дампіеръ приказалъ повернуть. Едва отдано было это распоряженіе, какъ корабль началъ забрасываться каменьями, кидаемыми туземцами помощью машины, форму которой они не могли обнаружить, но которая побудила ихъ дать этому мѣсту имя бухты Пращниковъ (baie des Frondeurs). Одинъ пушечный выстрѣлъ привелъ ихъ въ оцѣпененіе и положилъ конецъ непріязненнымъ дѣйствіямъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега Новой Ирландіи англичане открываютъ островъ Дениса и островъ св. Іоанна. Дампіеръ первый проѣзжаетъ проливъ, отдѣляющій Новую Ирландію отъ Новой Бретани и открываетъ острова Вулкановъ (Volcan), Г. Рокъ (G. Rook), Лонгъ Ричъ (Long Rich) и Горящій островъ (île Brulante).

Послѣ этой продолжительной крейсировки, ознаменовавшейся важными открытіями, Дампіеръ направился къ западу; въ этомъ направленіи онъ достигъ острова Миссори и затѣмъ острова Церамъ, одного изъ Молукскихъ острововъ, гдѣ онъ оставался довольно долго. Отсюда онъ отправился къ Борнео, проѣхалъ Макассарскій проливъ и 23-го іюня достигъ Батавіи на островѣ Явѣ. Тамъ онъ оставался до 17-го октября и затѣмъ отправился въ Европу. Когда онъ 23-го февраля 1701 года достигъ острова Вознесенія, то его корабль далъ такую значительную течь, что ее невозможно было сдержать. Пришлось врѣзаться въ берегъ и

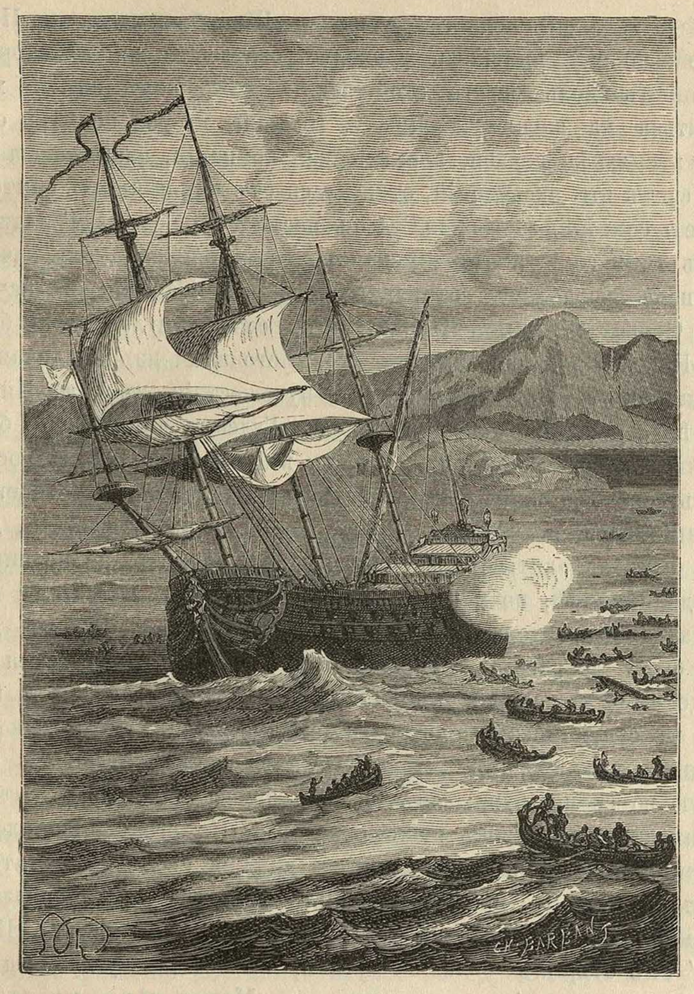
разгрузить экипажъ и грузъ. Къ счастью они нашли тутъ много воды, черепахъ, козъ и раковъ. Слѣдовательно, они могли не бояться умереть голодною смертью до того времени, пока къ острову пристанетъ какой-нибудь корабль и заберетъ ихъ. Имъ не пришлось этого долго ждать. 2-го апрѣля англійское судно забрало ихъ на свой бортъ и свезло въ Англію. Мы еще возвратимся къ Дампіеру, когда будемъ говорить о Вудѣ Роджерсѣ (Wood Rodgers).

II.

Полюсъ и Америка.

Гудсонъ и Баффинъ.—Шампленъ и Ла-Саль.—Англичане на Атлантическомъ океанѣ.—Испанцы въ Южной Америкѣ.—Успѣхи знанія къ концу XVII вѣка.—Величина земного градуса.—Успѣхи картографіи.—Начала математической географіи.

Если англичане и забросили на двадцать лѣтъ всякія попытки къ отысканію сѣверо-западнаго прохода, то все же они не окончательно отказались отъ мысли найти этой дорогой проходъ, который и былъ найденъ уже въ наше время и то лишь затѣмъ, чтобы обнаружилась его абсолютная непригодность. Искусный морякъ Генри Гудсонъ, о которомъ Эллисъ сказалъ, „что никто лучше его не былъ знакомъ съ искусствомъ мореплаванія, что его мужество подвергалось испытанію всѣхъ случайностей и что его энергія была неутомима",—Гудсонъ заключилъ договоръ съ компаніей купцовъ на отысканіе сѣверо-западнаго прохода. 1-го мая 1607 года онъ выѣхалъ изъ Гравезенда на простой баркѣ „Hopewell", съ двѣнадцатью человѣками экипажа; 13-го іюня онъ достигъ восточнаго берега Гренландіи подъ 73° и далъ здѣсь мысу имя, соотвѣтствующее его надеждамъ—„Nold with hope". Погода была хорошая, и температура не спускалась ниже десяти градусовъ. 27-го іюня Гудсонъ поднялся на пять градусовъ на сѣверъ, но 2-го іюля температура неожиданно измѣнилась, какъ это часто бываетъ въ сѣверныхъ странахъ, и холодъ сдѣлался очень рѣзкимъ. Однако море было свободно, въ воздухѣ тихо и лѣсъ несся по водѣ въ большомъ количествѣ. 14-го того-же мѣсяца рулевой и боцманъ корабля спустились на берегъ подъ 33°23′, составляющій сѣверную часть Шпицбергена. Слѣды мускусовыхъ быковъ и лисицъ, множество морскихъ птицъ, два источника прѣсной воды и одинъ изъ нихъ горячій, все это доказывало мореплавателямъ, что жизнь возможна въ это



Битва въ бухтѣ Пращниковъ.

время года подъ этими крайними широтами. Пустившись далѣе въ море, Гудсонъ былъ подъ 82° встрѣченъ громадной льдиной, которую онъ тщетно старался обойти или прорѣзать. Онъ долженъ былъ повернуть въ Англію, куда и прибылъ 15-го сентября, открывъ по пути островъ, по всей вѣроятности островъ Жана Майена. Такъ какъ дорога, которой онъ держался во время своего перваго путешествія, не дала ему пройти на сѣверъ, то Гудсонъ теперь попробовалъ другую. 21-го апрѣля слѣ-

дующаго года онъ подвигался между Шпицбергеномъ и Новой Землей; но ему пришлось удовольствоваться лишь нѣкоторымъ плаваніемъ вдоль берега этой земли, такъ какъ онъ не могъ подняться на желаемую высоту. Неудача второй попытки ощущалась сильнѣе первой, а англійская компанія, снаряжавшая на свой счетъ эти экспедиціи, отказалась отъ дальнѣйшихъ опытовъ. Это безъ сомнѣнія заставило Гудсона поступить на службу Голландіи.

Въ 1609 году амстердамская компанія поручила ему начальство надъ кораблемъ, отправившимся изъ Текселя въ началѣ года. Обогнувши мысъ Нордъ-Капъ, онъ двинулся вдоль береговъ Новой Земли; но экипажъ его, состоявшій изъ англичанъ и голландцевъ, участвовавшихъ въ путешествіи въ Остъ-Индію, вскорѣ устрашился холода и льдовъ. Гудсонъ принужденъ былъ измѣнить дорогу и онъ предложилъ взбунтовавшимся матросамъ искать проходъ или черезъ Девисовъ проливъ или у береговъ Виргиніи, гдѣ, по словамъ Смита, посѣщавшаго эти берега, долженъ былъ находиться проходъ. Выборъ экипажа, не подчиненнаго дисциплинѣ, не могъ подлежать сомнѣнію. Чтобы не пропали задаромъ издержки амстердамской компаніи, Гудсонъ долженъ былъ достигнуть Феррерскихъ острововъ, спуститься къ югу до 44-ой параллели и на американскомъ берегу искать пролива, въ существованіи котораго его увѣряли. 18-го іюля онъ высадился на материкѣ, чтобы замѣнить свою фокъ-мачту, сломанную во время бури; онъ воспользовался высадкою и сталъ вымѣнивать у туземцевъ пушные товары. Но его недисциплинированные матросы подняли мирныхъ дикарей своимъ вымогательствомъ, и Гудсонъ принужденъ былъ отплыть. Онъ продолжалъ плаваніе вдоль берега и высадился вторично 3-го августа. Подъ 40°30′ онъ открылъ большой заливъ, въ который углубился на лодкѣ на протяженіи пятидесяти лье. Между тѣмъ въ съѣстныхъ припасахъ началъ ощущаться недостатокъ, а на берегу ихъ нигдѣ нельзя было достать. Экипажъ, который, повидимому, въ продолженіе всей компаніи навязывалъ свою волю капитану, собралъ совѣтъ: одни предлагали зимовать въ Ньюфаундлендѣ и въ слѣдующемъ году вновь приняться за розыски прохода, другіе желали достигнуть Ирландіи. Рѣшили на послѣднемъ; но когда приблизились къ берегамъ Великобританіи, берегъ возъимѣлъ такое вліяніе, что Гудсонъ долженъ былъ 7-го ноября высадиться въ Дармутѣ.

Въ слѣдующемъ 1610 году Гудсонъ, несмотря на всѣ вынесенныя имъ непріятности, предложилъ опять свои услуги голландской компаніи; но условія, которыя она выговаривала себѣ за свое содѣйствіе, заставили его отказаться и принять условія англійской компаніи. Послѣдняя требовала, чтобы онъ взялъ съ собой одного искуснаго мореплавателя Кольбурна, которому она вполнѣ довѣряла; онъ долженъ былъ быть на кораблѣ скорѣе асистентомъ, чѣмъ помощникомъ. Понятно, что такое требованіе было очень оскорбительно для Гудсона. Поэтому онъ воспользовался первымъ случаемъ, чтобы избавиться отъ навязаннаго ему надсмотрщика. Еще не выѣхавъ изъ Темзы, онъ отправилъ обратно Кольбурна съ письмомъ къ компаніи, въ которомъ онъ старался извинить, прикрыть и оправдать свой, по меньшей мѣрѣ, странный поступокъ.

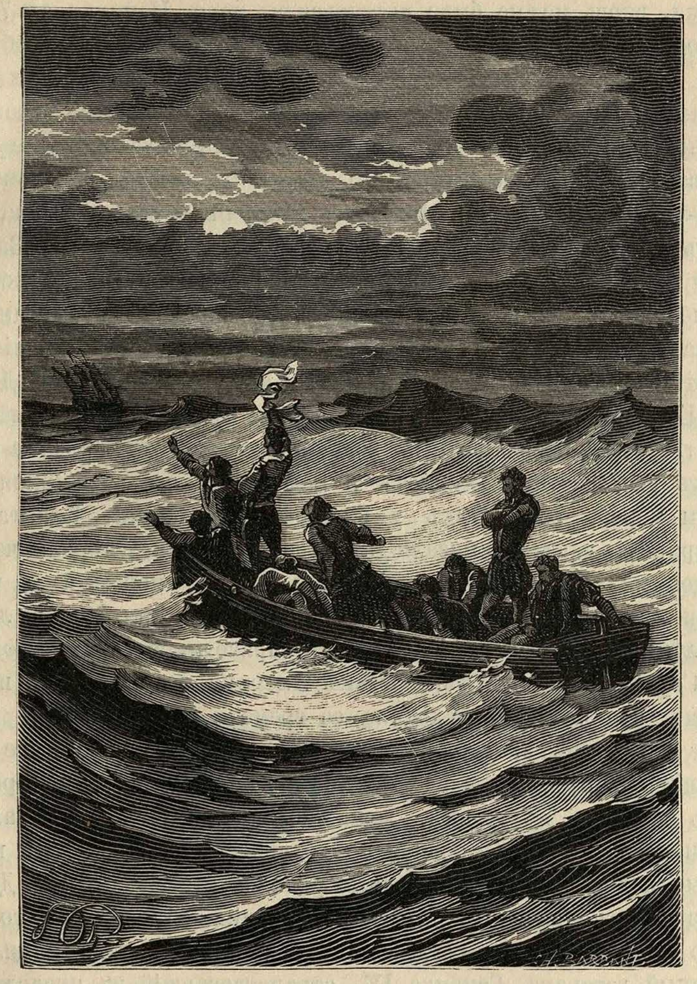
Въ первыхъ числахъ мая, когда корабль остановился въ одномъ исландскомъ портѣ, экипажъ, сочувствуя Кольбурну, составилъ заговоръ, безъ труда подавленный, и когда Гудсонъ, 1-го іюня, покинулъ этотъ островъ, его власть была вполнѣ возстановлена. Проѣхавъ Фробишерскій проливъ, Гудсонъ обозрѣлъ Девисову „Землю Отчаянія", въѣхалъ въ проливъ, получившій его имя и углубился въ широкій заливъ, западный берегъ котораго онъ обозрѣвалъ до начала сентября. Въ продолженіе этого времени одинъ изъ низшихъ офицеровъ, не перестававшій возбуждать матросовъ къ бунту противъ своего начальника, былъ спущенъ на берегъ; однако эта мѣра только раздражила матросовъ. Въ первыхъ числахъ ноября Гудсонъ достигъ задней стороны залива и приступилъ къ выбору мѣста для зимовки. Когда оно было найдено, онъ приказалъ вытащить корабль на берегъ. Подобное рѣшеніе почти непонятно. Съ одной стороны, Гудсонъ покинулъ Англію съ запасами всего на шесть мѣсяцевъ и тѣ уже были значительно поистрачены, въ виду же безплодности почвы нечего было и думать о какомъ-нибудь восполненіи; съ другой стороны, экипажъ обнаружилъ въ стольких признакахъ склонность къ мятежу, что нельзя было разсчитывать ни на дисциплину, ни на его добрую волю. Все же, хотя англичанамъ приходилось часто довольствоваться скудными порціями, они провели зиму безъ особенныхъ лишеній, благодаря большому прилету птицъ. Но едва наступила весна и корабль былъ уже готовъ къ отплытію, какъ Гудсонъ понялъ, что судьба его рѣшена. Онъ

отдалъ распоряженія, отдѣлилъ каждому его порцію сухарей, заплатилъ жалованье и выжидалъ событій. Ему пришлось ждать недолго. Заговорщики схватили капитана, сына его, одного волонтера, корабельнаго плотника и пять матросовъ, посадили ихъ на шлюпку безъ оружія, безъ провизіи, безъ орудій и оставили ихъ на волю океана. Виновные достигли Англіи, хотя и не всѣ, такъ какъ двое изъ нихъ были убиты въ стычкѣ съ индѣйцами, нѣсколько умерло отъ болѣзни; всѣ же возвратившіеся испытали страшный голодъ. Впрочемъ, противъ нихъ не было возбуждено никакого преслѣдованія. Въ 1674 году компанія доставила мѣсто на кораблѣ человѣку безъ всякаго состоянія, сыну Генри Гудсона, „погибшаго въ поискахъ сѣверо-западнаго пути".

За Гудсоновыми экспедиціями слѣдовали экспедиціи Бюттона (Button) и Гиббона (Gibbons), послѣднему изъ которыхъ мы обязаны если не новыми открытіями, то научными наблюденіями надъ морскими приливами и отливами, надъ измѣненіями температуры и времени и надъ многими другими явленіями природы.

Въ 1615 году англійская компанія ввѣрила Байлету (Byleth), принимавшему участіе въ послѣднихъ путешествіяхъ, начальствованіе надъ кораблемъ въ 50 тоннъ. Имя корабля—„la Decouverte"—заключало въ себѣ хорошее предвѣщаніе. Въ качествѣ штурмана уѣзжалъ на немъ знаменитый Гильомъ Баффинъ, слава котораго затмила славу его капитана. Выѣхавъ изъ Англіи 13-го апрѣля, англійскіе путешественники усмотрѣли 6-го мая Фаревельскій мысъ, затѣмъ они проѣхали отъ земли. Отчаянія до островов Дикихъ, гдѣ встрѣтили много туземцевъ, и отсюда поднялись къ сѣверо-западу до 64°. 10-го іюля по правую сторону отъ нихъ открылся берегъ; они были такъ увѣрены въ существованіи прохода, что открытому въ этомъ мѣстѣ мысу дали названіе Утѣшеніе. Это былъ, вѣроятно, мысъ Валзингамъ, такъ какъ они заявляютъ, что когда обогнули его, то увидѣли, что земля поворачивала къ сѣверо-востоку и къ востоку. Входомъ въ Девисовъ проливъ они завершили свое путешествіе на этотъ разъ. 9-го сентября они возвратились въ Плимутъ, не утерявъ ни одного человѣка.

Такъ сильны были надежды Байлета и Баффина, что въ слѣдующемъ году они вновь добились возможности пуститься въ море. Послѣ ничѣмъ не ознаменовавшагося плаванія, оба капитана проникли 14-го мая 1616 года въ Девисовъ проливъ, обо-



Гудсонъ, покинутый своимъ взбунтовавшимся экипажемъ.

зрѣли мысъ Надежды Сандерсона—этой крайней точки, достигнутой нѣкогда Девисомъ, и подъ 72°40 достигли острова Женщинъ, названнаго такъ потому, что тамъ было встрѣчено нѣсколько эскимосокъ. 12-го іюня Байлетъ и Баффинъ принуждены были льдами войти въ одну береговую бухту. Эскимосы принесли имъ много роговъ,—вѣроятно моржевыхъ клыковъ или роговъ мускусныхъ быковъ; это дало основаніе назвать это мѣсто „Horn sound“ (проливъ роговъ). Послѣ нѣсколькихъ дней оста-

новки, вновь можно было пуститься въ море. Начиная съ 75°40, передъ ними открылось громадное пространство воды, свободное отъ льдовъ; они вступили въ него безъ страха и за 78° широты достигли входа въ проливъ, составлявшій продолженіе огромнаго залива, который они только-что проѣхали и который получилъ названіе Баффинова залива. Повернувъ на западъ и затѣмъ на юго-западъ, Байлетъ и Баффинъ открыли острова Кареи, проливъ Джонса, островъ Кобургъ и Ланкастерскій проливъ. Затѣмъ они спустились по западному берегу Баффинова залива и достигли Кумберланда. Вслѣдствіе сильнаго распространенія среди экипажа цынги Байлетъ не могъ разсчитывать на дальнѣйшія открытія. Онъ направился къ Англіи и 30 августа высадился въ Дуврѣ.

Если эта экспедиція и окончилась неудачей въ смыслѣ открытія сѣверо-западнаго прохода, то все же она достигла большихъ результатовъ. Байлетъ и Баффинъ много расширили границы морей, извѣстныхъ у береговъ Гренландіи. Капитанъ и штурманъ, какъ они писали директору компаніи, увѣряли, что посѣщенный ими заливъ, изобилующій китами, моржами и тюленями, представляетъ собою отличное мѣсто для рыбной ловли. Послѣдствія не замедлили доказать справедливость ихъ словъ.

Спустимся теперь къ берегамъ Америки, въ Канаду и посмотримъ, что тамъ происходило со времени Жака Картье. Какъ читатель помнитъ, Картье сдѣлалъ опытъ колонизаціи, не принесшій значительныхъ результатовъ. Однако нѣсколько французовъ остались въ странѣ, женились и сдѣлались родоначальниками поселенцевъ. Отъ времени до времени они получали нѣкоторыя подкрѣпленія, привозимыя рыболовными судами изъ Діеппа и изъ Сенъ-Мало. Но развитіе эмиграціи подвигалось туго. Таково было положеніе, когда одинъ дворянинъ Самуэль Шампленъ, военный ветеранъ Генриха IV, странствовавшій въ продолженіе двухъ съ половиною лѣтъ по Остъ-Индіи, былъ приглашенъ Шастомъ (Cnastes) и Понтграве (Pontgravé), чтобы продолжать открытія Жака Картье и выбрать мѣста, удобныя для учрежденія городовъ и центровъ населенія. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ искусствѣ, съ которымъ Шампленъ выполнилъ роль колонизатора, ни о тѣхъ великихъ заслугахъ, которыя могли бы по праву дать ему имя „отца Канады". Опустимъ всю сторону этого рода его дѣятельности, не менѣе блестящей, чѣмъ тѣ открытія внутри материка, къ которымъ мы сейчасъ перейдемъ.

Выѣхавъ 15-го марта 1603 года изъ Гонфлера, оба начальника предпріятія поднялись по рѣкѣ св. Лаврентія до Тадусакской гавани, находящейся въ восьмидесяти лье отъ устья. Они были встрѣчены хорошо населеніемъ, которое, однако, не имѣло „ни вѣры, ни закона и жило какъ звѣри безъ Бога и безъ религіи". Оставивъ въ этомъ мѣстѣ свои корабли, дальнѣйшее плаваніе для которыхъ было не безопасно, они достигли на баркѣ водопада Сенъ-Луи, гдѣ остановился Жакъ Картье, углубились нѣсколько даже и затѣмъ вернулись во Францію. Здѣсь Шампленъ отпечаталъ для короля отчетъ объ этомъ путешествіи.

Генрихъ IV рѣшилъ продолжать предпріятіе. Между тѣмъ Шастъ умеръ; въ его привиллегіяхъ былъ утвержденъ Монъ (Monts), съ титуломъ вице-адмирала и губернатора Акадіи. Шампленъ сопровождалъ Мона въ Канаду и провелъ тамъ три года, то помогая ему совѣтами и трудами въ его колонизаторской дѣятельности, то изслѣдуя Акадскіе берега, которые онъ обозрѣлъ нѣсколько далѣе мыса Кода, то предпринимая поѣздки во внутрь страны и посѣщая тамъ дикія племена, которыя нужно было расположить къ себѣ. Послѣ новаго путешествія во Францію за поселенцами, Шампленъ въ 1607 году опять возвратился въ Новую Францію и въ 1608 году основалъ городъ—будущій Квебекъ. Слѣдующій годъ былъ посвященъ плаванію по рѣкѣ св. Лаврентія и гидрографическому изслѣдованію. На одной пирогѣ съ двумя товарищами Шампленъ, при содѣйствіи нѣсколькихъ алгонквинцевъ, проникъ къ ирокезцамъ и остался побѣдителемъ въ большомъ сраженіи на берегу озера, получившаго его имя. Затѣмъ онъ по рѣкѣ Ришелье спустился къ рѣкѣ св. Лаврентія. Въ 1610 году онъ во главѣ своихъ союзниковъ алгонквинцевъ, которыхъ онъ съ неимовѣрнымъ трудомъ обучилъ соблюденію европейской дисциплины, сдѣлалъ новый набѣгъ на ирокезцовъ. Во время этого похода онъ употребилъ въ дѣло военныя орудія, приведшія дикихъ въ изумленіе и обезпечившія за нимъ успѣхъ побѣды. При нападеніи на одно селеніе онъ велѣлъ сдѣлать большого деревяннаго рыцаря, и двѣсти человѣкъ самыхъ сильныхъ „несли его передъ селеніемъ на разстояніи брошеннаго копья, и изъ рыцаря показывались три стрѣлка, хорошо защищенные отъ стрѣлъ и каменьевъ, которые могли въ нихъ пускать". Немного времени спустя Шампленъ изслѣдовалъ рѣку Оттаву и подвинулся на сѣверъ материка на

шестьдесятъ пять лье отъ Гудсонова залива. Укрѣпивъ Монреаль въ 1615 году, онъ дважды спустился по рѣкѣ Оттавѣ, изслѣдовалъ озеро Гуронъ, добрался по сушѣ до озера Онтаріо, которое и переѣхалъ.

Жизнь Шамплена представляетъ одинъ продолжительный и постоянный трудъ. Всѣ его путешествія, всѣ его изслѣдованія имѣли одну цѣль—служить дѣлу, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь. Его заслуги, отдѣльно взятыя, не представляютъ повидимому особой важности, а между тѣмъ если бы Людовикъ XIV и его преемникъ придерживались другой политики относительно своихъ колоній, колоніальныя владѣнія французовъ въ Америкѣ несомнѣнно могли бы поспорить въ благосостояніи съ Соединенными Штатами. Несмотря на оказанное пренебреженіе, Канада сохранила самую горячую любовь къ своему отечеству.

Нужно сдѣлать скачокъ черезъ промежутокъ почти въ сорокъ лѣтъ, чтобы подойти къ Роберту Кавелье де Ла-Саль (Robert Cavelier de La-Sale). За это время французскія учрежденія пріобрѣли нѣкоторое значеніе и заняли большую часть сѣвера Америки. Охотники объѣзжаютъ лѣса и ежегодно доставляютъ вмѣстѣ съ мѣхами и новыя свѣдѣнія о внутренней части материка. Этому знакомству значительно содѣйствуютъ миссіонеры, въ ряду которыхъ на первомъ планѣ мы должны поставить отца Маркетта, обратившаго на себя особенное вниманіе своими путешествіями по большимъ озерамъ до рѣки Миссисипи. Слѣдуетъ также указать на губернатора Новой Франціи г. Фронтенака (Frontenac) и на управляющаго судебной и полицейской частью г. Талона (Talon), поощрявшихъ и облегчавшихъ изслѣдователямъ ихъ задачу. Въ 1678 году пріѣхалъ въ Канаду, безъ опредѣленной цѣли, молодой человѣкъ по имени Кавелье де Ла-Саль. „Онъ родился въ Руанѣ, — говоритъ о. Шарльвуа (le p. Charlevoix),—въ зажиточной семьѣ; но такъ какъ онъ пробылъ нѣсколько лѣтъ въ школѣ іезуитовъ, то не получилъ своей доли наслѣдства послѣ родителей. Онъ имѣлъ образованный умъ, сильное желаніе отличиться и чувствовалъ въ себѣ для этого достаточно дарованія и мужества. Дѣйствительно, въ немъ не было недостатка ни въ рѣшимости, чтобъ предпринять, ни въ постоянствѣ, чтобы вести дѣло, ни въ твердости, чтобы противиться препятствіямъ, ни въ средствахъ,

чтобы поправлять ихъ, но онъ не сумѣлъ пріобрѣсти любовь, не сумѣлъ расположить къ себѣ тѣхъ, кто былъ ему нуженъ, а, достигнувъ власти, самъ пользовался ею съ жестокостью и высокомѣріемъ. Съ такими недостатками онъ не могъ достичь счастья и не достигъ въ дѣйствительности".

Шарльвуа рисуетъ этотъ портретъ нѣсколько мрачными красками и намъ кажется, что онъ не оцѣниваетъ по достоинству великое открытіе, которымъ мы обязаны Кавелье де Ла-Салю, открытіе, подобнымъ которому—мы не говоримъ равнымъ—можетъ считаться развѣ открытіе Амазонской рѣки Орелланою въ XVI вѣкѣ и рѣки Конго—Стэнли въ XIX. Какъ бы тамъ ни было, Ла-Саль, пріѣхавъ въ Канаду, принялся прилежно изучать туземныя нарѣчія и посѣщать дикихъ, чтобы знакомиться съ ихъ нравами и обычаями. Въ то же время онъ собиралъ у сѣверо-американскихъ охотниковъ всевозможныя свѣдѣнія о рѣкахъ и озерахъ. Онъ сообщилъ о своихъ планахъ изслѣдованія г. Фронтенаку, который ободрилъ его и назначилъ начальникомъ одной крѣпости, построенной при сліяніи озера съ рѣкою св. Лаврентія. Между тѣмъ въ Квебекъ прибылъ нѣкій Жоліе (Jolyet). Онъ разсказалъ, что, вмѣстѣ съ отцомъ Маркеттомъ и еще четырьмя участниками, они достигли большой рѣки, называемой Миссисипи и текущей къ югу. Кавелье де Ла-Саль вскорѣ оцѣнилъ выгоду, какую можно будетъ извлечь изъ такого важнаго пути, въ особенности если, какъ онъ предполагалъ, Миссисипи впадаетъ въ Мексиканскій заливъ. Черезъ посредство озеръ и Иллинойса, притока Миссисипи, можно будетъ установить сообщеніе между рѣкою св. Лаврентія и Антильскими островами. Какую неоцѣнимую выгоду можетъ извлечь Франція изъ этого открытія! Ла-Саль сообщилъ свой планъ графу Фронтенаку и получилъ отъ него чрезвычайно убѣдительныя письма къ морскому министру. Пріѣхавъ во Францію, Ла-Саль узналъ, что Кольберъ умеръ; онъ передалъ ввѣренныя ему письма сыну его, маркизу Сейньелей (Segnelay), наслѣдовавшему своему отцу. Проектъ этотъ, построенный, повидимому, на строгихъ основаніяхъ, понравился молодому министру. Сейньелей представилъ Ла-Саля королю и послѣдній даровалъ ему дворянство и земли въ Катарокуйѣ и назначилъ его губернаторомъ имъ же построенной крѣпости съ правомъ исключительной торговли въ тѣхъ странахъ, которыя онъ откроетъ въ будущемъ.

Ла-Саль пріобрѣлъ также расположеніе принца Конти, который предложилъ ему взять съ собою рыцаря Тонти (Tonti). Это было для Ла-Саля драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Тонти, участвовавшій въ походѣ въ Сицилію, гдѣ взрывъ гранаты отнялъ у него руку, былъ храбрый и искусный офицеръ и съ энергіей предавался принятому на себя дѣлу.

Ла-Саль и Тонти выѣхали изъ Ла-Рошелля 14-го іюля 1678 г. Съ ними уѣзжало до тридцати человѣкъ работниковъ и солдатъ и одинъ францисканскій монахъ отецъ Геннепинъ (Hennepin), сопровождавшій ихъ впослѣдствіи во всѣхъ путешествіяхъ.

Ла-Саль, понимая, что выполненіе его проекта требуетъ значительныхъ средствъ, распорядился построить барку на озерѣ Эри и самъ цѣлый годъ пока посвящалъ на объѣздъ странъ, при чемъ посѣщалъ индѣйцевъ и производилъ дѣятельную торговлю мѣхами, складъ которыхъ находился у него въ Ніагарской крѣпости; въ то же время Тонти дѣйствовалъ такимъ же образомъ на другихъ пунктахъ. Въ половинѣ августа 1679 года барка „Griffon" была готова и Ла-Саль съ тремя францисканскими монахами и тридцатью людьми отплылъ изъ озера Эри въ Машильимакинакъ. При переѣздѣ черезъ озера Сенъ-Клеръ и Гурона ихъ застигла страшная буря, разогнавшая часть его экипажа, собраннаго вскорѣ рыцаремъ Тонти. Прибывши въ Машильимакинакъ, Ла-Саль вошелъ въ Зеленую бухту. Между тѣмъ въ Квебекѣ его кредиторы продали все, что онъ имѣлъ, а „Griffon", отправленный съ мѣхами въ Ніагарскую крѣпость, или погибъ, или былъ разграбленъ индѣйцами — это осталось неизвѣстно. Хотя отплытіе „Griffon'a" вызвало неудовольствіе въ его спутникахъ, все же онъ продолжалъ свой путь и достигъ рѣки св. Іосифа, гдѣ былъ расположенъ лагерь Міамиса и гдѣ къ нему присоединился Тонти. Первою ихъ заботою было построить въ этомъ мѣстѣ крѣпость. Затѣмъ они переѣхали линію, отдѣляющую бассейнъ большихъ озеръ отъ бассейна рѣки Миссисипи; далѣе они достигли Иллинойса, лѣваго притока этой большой рѣки. Положеніе Ла-Саля, имѣвшаго маленькій отрядъ, на который нельзя было положиться, было очень критическое среди незнакомой страны и среди сильнаго иллинойскаго племени, которое, бывши прежде союзникомъ Франціи, было теперь возбуждено противъ нее ирокезцами и англичанами, завидовавшими успѣхамъ канадской колоніи.

Однако, надо было во что бы то нн стало расположить къ себѣ индѣйцевъ, которые, по своему положенію, могли прервать всякое сообщеніе между Ла-Салемъ и Канадой. Чтобы поразить ихъ воображеніе, Кавелье Ла-Саль является въ ихъ лагерь, въ которомъ было собрано болѣе трехъ тысячъ человѣкъ. У него только двадцать человѣкъ, но онъ гордо проѣзжаетъ черезъ ихъ селеніе и останавливается въ нѣкоторомъ разстояніи. Индѣйцы, не объявлявшіе еще войны, изумлены. Они приближаются къ нему и осаждаютъ его дружественными изъявленіями. Такъ измѣнчиво настроеніе дикихъ! Такое вліяніе производитъ на нихъ всякое выраженіе мужества! Не теряя времени, Ла-Саль пользуется ихъ дружественнымъ настроеніемъ и воздвигаетъ въ мѣстѣ ихъ лагеря маленькую крѣпостцу, которой даетъ имя Кревкеръ (Кручина), намекая тѣмъ на испытанныя имъ огорченія. Здѣсь онъ оставляетъ людей и Тонти, а самъ, безпокоясь о судьбѣ „Griffon'а", съ тремя французами и однимъ индѣйцемъ возвращается въ крѣпость Катарокуй, отстоящую отъ Кревкера на пятьсотъ лье. Прежде чѣмъ отправиться, онъ отрядилъ монаха Геннепина и одного изъ своихъ спутниковъ, по имени Дакана, съ порученіемъ подняться по рѣкѣ Миссисипи и, если можно, добраться до ея истоковъ. „Оба эти путешественника—говоритъ Шарльвуа—выѣхали изъ крѣпости Кревкеръ 28-го февраля и, вошедши въ Миссисипи, поднялись по ней до 46^0 сѣверной широты. Тамъ они были остановлены водопадомъ, занимавшимъ всю ширину рѣки; Геннепинъ далъ ему имя св. Антонія Падуанскаго. Потомъ, не знаю какимъ образомъ, они попали въ руки къ сіуксамъ, которые продержали ихъ долго въ качествѣ плѣнныхъ".

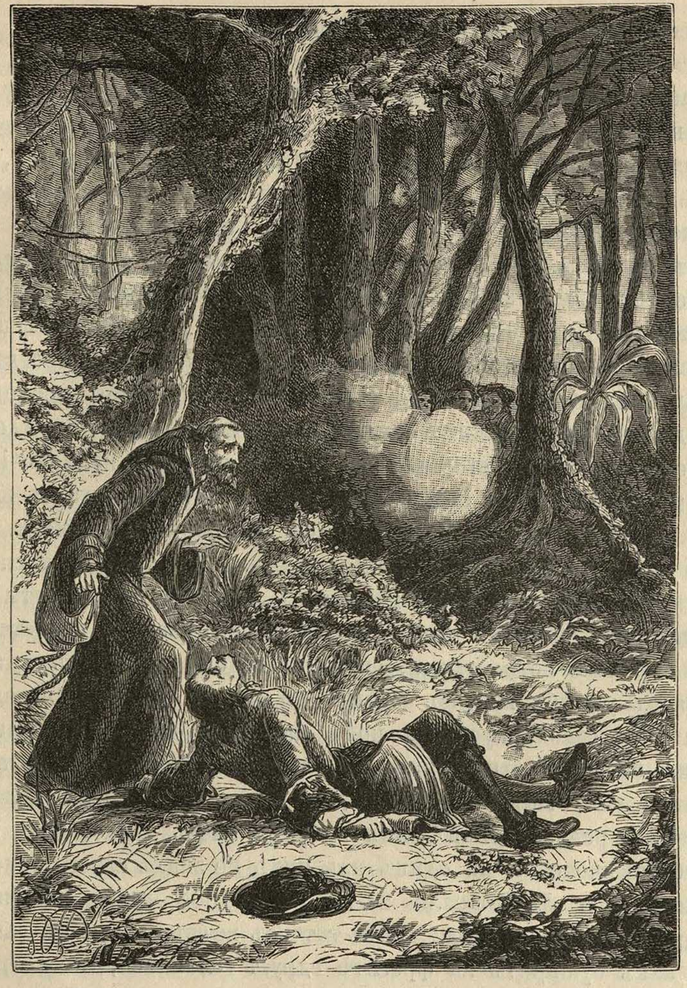
На обратномъ пути путешествія въ Катарокуй, Ла-Саль, найдя мѣсто удобное для постройки крѣпости, призвалъ Тонти, который тотчасъ принялся за дѣло. Это крѣпость св. Людовика. При своемъ прибытіи въ Катарокуй Ла-Саль узналъ новости, способныя свалить всякаго менѣе закаленнаго человѣка. Не только „Griffon", на которомъ было мѣховъ на 10,000 экю, погибъ, но и корабль, везшій ему изъ Франціи грузъ цѣнностью въ 22,000 франковъ, потерпѣлъ крушеніе; враги же его распространили слухъ о его смерти. Не имѣя больше никакого дѣла въ Катарокуйѣ и доказавъ всѣмъ своимъ присутствіемъ, что слухи о его смерти ложны, онъ отправился въ крѣ-

пость Кревкеръ, гдѣ былъ очень удивленъ, никого не найдя.

Случилось слѣдующее. Пока рыцарь Тонти занятъ былъ построеніемъ крѣпости св. Людовика, гарнизонъ крѣпости Кревкеръ возмутился, разграбилъ магазины, тоже самое произвелъ въ крѣпости Міани и пустился къ Машильимакинаку. Тонти, почти одинъ въ виду иллинойцевъ, возбужденныхъ противъ него за грабежи его людей, не видя возможности долго сопротивляться въ своей крѣпости Кревкеръ, оставилъ ее, 11-го сентября 1680 года, вмѣстѣ съ пятью французами, составлявшими его гарнизонъ, и удалился къ бухтѣ озера Мичигана. Ла-Саль размѣстилъ гарнизонъ въ крѣпости Кревкеръ и въ крѣпости св. Людовика и самъ отправился въ Машильимакинакъ, гдѣ нашелъ Тонти. Въ концѣ августа они отправились вмѣстѣ въ Катарокуй, откуда 28-го августа 1681 года отправились съ пятьюдесятью четырьмя человѣками на озеро Эри. Пропутешествовавъ вдоль замерзшей рѣки Иллинойса на протяженіи восьмидесяти лье, они достигли крѣпости Кревкеръ, откуда могли уже плыть на лодкахъ по водѣ, свободной отъ льдовъ. 6-го февраля 1682 года Ла-Саль пріѣхалъ къ мѣсту сліянія рѣки Иллинойса съ Миссисипи. Онъ спустился по рѣкѣ, изслѣдовалъ устье Миссури, устье Огіо, гдѣ построилъ крѣпость, проникъ въ страну арканзасцевъ, которую именемъ Франціи взялъ во владѣніе, проникъ въ страну натчецовъ, съ которыми заключилъ союзъ, и 9-го апрѣля, послѣ плаванія въ триста пятьдесятъ лье на простой баркѣ, въѣхалъ въ Мексиканскій заливъ. Планъ, искусно задуманный Ла-Салемъ, былъ осуществимъ. Онъ немедленно вступилъ торжественно во владѣніе страною, которой далъ имя Лузіаны, а громадную рѣку, открытую тутъ-же, назвалъ рѣкою св. Людовика.

Ла-Салю понадобилось цѣлыхъ полтора года, чтобы возвратиться въ Канаду. Въ этомъ долгомъ срокѣ ничего нѣтъ страннаго, если подумать о тѣхъ затрудненіяхъ, какія ему нужно было преодолѣть на пути. Чтобы привести къ концу это предпріятіе, какая энергія, какая непоколебимая бодрость должна была вдохновлять этого великаго путешественника, которымъ Франція должна гордиться!

Къ несчастью, Лефевръ де ла-Барръ (Lefèvre de la-Barre), наслѣдовавшій Фронтенаку въ качествѣ губернатора Канады, че-



Ла-Саль, пораженный въ голову, упалъ мертвый.

ловѣкъ хотя и справедливый, но допустившій себя возстановить противъ Ла-Саля врагами послѣдняго, представилъ морскому министру открытія Ла-Саля, какъ неимѣющія особенной важности. „Этотъ путешественникъ,—говорилъ онъ,—съ двумя десятками французскихъ и туземныхъ бродягъ дѣйствительно достигъ глубины залива, гдѣ онъ корчилъ изъ себя монарха, грабилъ и разорялъ страны, подвергалъ народы набѣгамъ ирокезцовъ и всѣ эти насилія прикрывалъ правомъ, дарованнымъ ему вашимъ

величествомъ—одному вести торговлю въ странахъ, какія ему удастся открыть“.

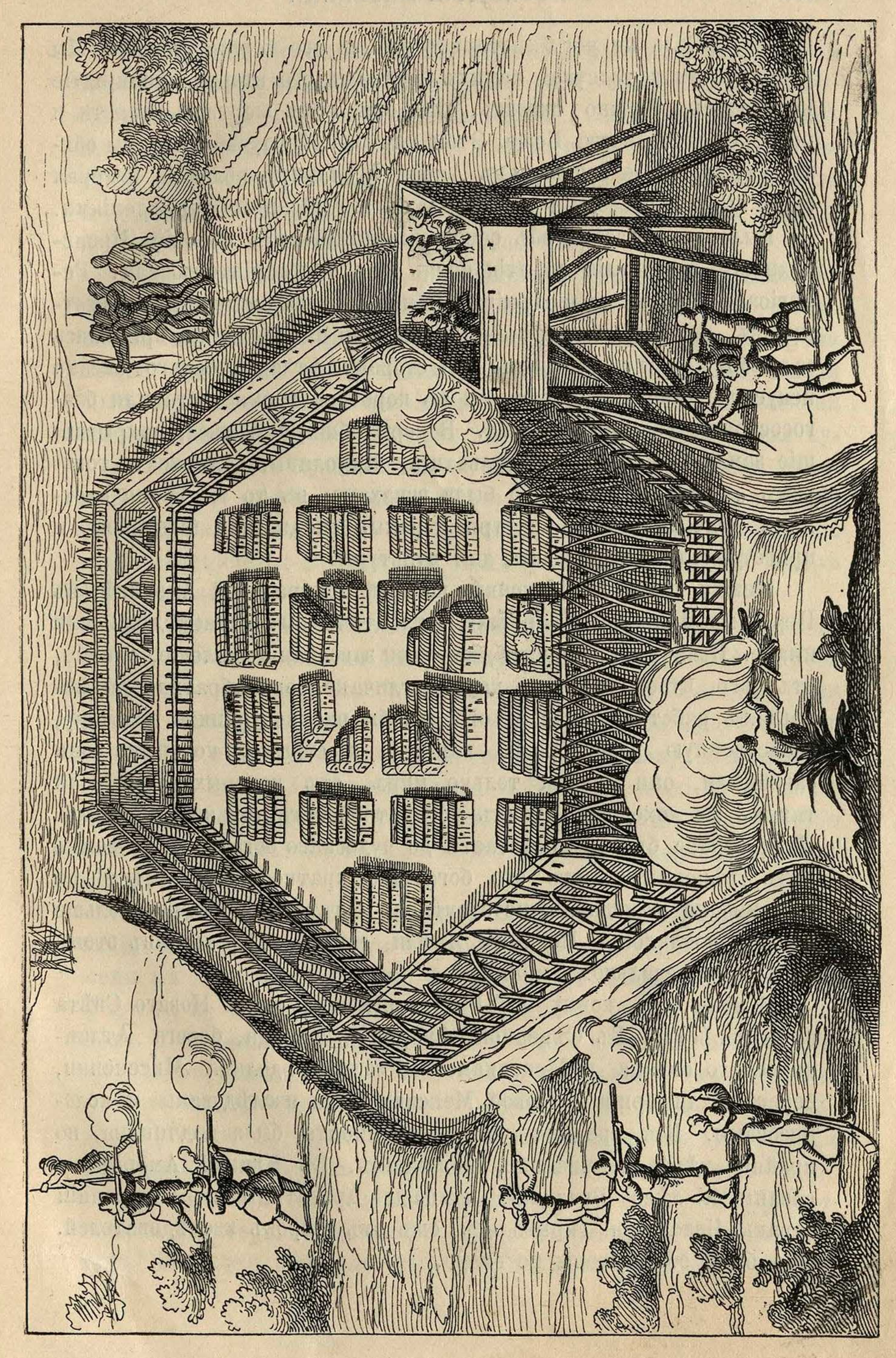
Кавалье Ла-Саль не могъ оставаться спокойнымъ въ виду такихъ недостойныхъ обвиненій. Съ одной стороны, честь повелѣвала ему отправиться во Францію, чтобы тамъ оправдаться, съ другой, онъ не желалъ оставить другому выгоду своихъ открытій. Все же онъ уѣхалъ. Сейньелей принялъ его благосклонно. Министръ не былъ удивленъ письмами де ла-Барра; онъ понималъ, что невозможно выполнять великія дѣла, не задѣвая самолюбія многихъ и не пріобрѣтая множества враговъ. Ла-Саль воспользовался расположеніемъ министра и изложилъ ему свой проектъ—изслѣдовать со стороны моря устье Миссисипи, чтобы проторить туда дорогу французскимъ судамъ и основать тамъ учрежденія. Министръ одобрилъ его проектъ и надѣлилъ его полномочіями, которыя отдавали въ его распоряженіе всѣхъ французовъ и дикихъ, начиная отъ Иллинойскаго св. Людовика и до моря. Въ то же время въ его распоряженіи долженъ былъ находиться начальникъ эскадры, отвозившей его въ Америку; съ минуты его отъѣзда онъ долженъ былъ снабжать его всѣми средствами, какія отъ него потребуются, если только они не будутъ употребляться въ ущербъ королю. Четыре корабля и между ними одинъ фрегатъ съ сорока пушками подъ начальствомъ Божё (Beaujeu) должны были отвезти двѣсти восемьдесятъ человѣкъ, считая и экипажъ, къ устью Миссисипи для образованія новой колоніи. Солдаты и ремесленники были выбраны очень дурно,—что было поздно замѣчено—и ни одинъ изъ нихъ не зналъ своего ремесла. Выѣхавъ изъ Ла-Рошелля 24-го іюля 1684 года, маленькая эскадра принуждена была почти тотчасъ возвратиться въ гавань, такъ какъ бушпритъ на фрегатѣ вдругъ сломался, несмотря на великолѣпную погоду. Этотъ непонятный случай положилъ начало недоразумѣніямъ и раздорамъ между Божё и Ла-Салемъ. Первый изъ нихъ не могъ помириться съ необходимостью подчиняться частному человѣку и не могъ простить этого Ла-Салю. Ничего, однако, не могло быть проще, какъ отказаться отъ своего назначенія. Второй—не обладалъ нѣжностью въ своихъ отношеніяхъ и достаточною вѣжливостью, чтобы понравиться своему спутнику. Во время путешествія неудовольствіе возросло и, наконецъ, до того взволновало Ла-Саля, что возлѣ Санъ-Доминго онъ сильно заболѣлъ. 25-го ноября ему стало лучше и

экспедиція снова пустилась въ путь. Спустя мѣсяцъ она была на высотѣ Флориды; но такъ какъ „Ла-Саля увѣрили, что всѣ теченія въ Мексиканскомъ заливѣ направлены на востокъ, то онъ не сомнѣвался, что устье Миссисипи должно находиться отъ него прямо на западъ; эта ошибка была началомъ всѣхъ его несчастій".

И такъ, Ла-Саль повернулъ на западъ и, не замѣтивъ, не желая даже обратить вниманіе на нѣкоторые указываемые ему признаки, минулъ устье Миссисипи. Когда онъ замѣтилъ свою ошибку и просилъ Божё повернуть назадъ, то послѣдній не соглашался. Видя, что онъ ничего не добьется отъ своего противорѣчиваго спутника, Ла-Саль рѣшился высадиться съ своими людьми и разгрузить свои припасы въ бухтѣ Сенъ-Бернардѣ. Но въ своемъ послѣднемъ поступкѣ Божё выказалъ преступную недоброжелательность, дѣлающую также мало чести его чувству справедливости, какъ и его патріотизму. Онъ не только не пожелалъ выгрузить всю провизію, ссылаясь на то, что часть ея находится на днѣ трюма и что нѣтъ у него времени для разгрузки всей своей клади, но еще далъ на своемъ кораблѣ мѣсто покровителю и экипажу Флейты (транспортное судно), нагруженному снарядами, утварью и всѣми орудіями, необходимыми для новаго поселенія; онъ взялъ съ собою людей, которыхъ все, казалось, убѣждало остаться на берегу. Дикіе, конечно, воспользовались безпорядкомъ, вызваннымъ крушеніемъ Флейты и разграбили все, что можно было. Однако, Ла-Саль, обладавшій способностью никогда не казаться, что-бы ни случилось, человѣкомъ, пришибленнымъ судьбой и находившій въ своемъ геніѣ средства примѣняться ко всякимъ обстоятельствамъ, принялся за работу. Чтобы придать бодрость своимъ спутникамъ, онъ не однажды самъ принимался за физическій трудъ; но работы, благодаря невѣжеству мастеровъ, подвигались медленно. Сходство нарѣчія и обычаевъ жителей этихъ странъ съ жителями странъ Миссисипи дало Ла-Салю основаніе думать, что онъ недалеко отъ этой рѣки, и онъ предпринялъ нѣсколько экскурсій съ цѣлью найти ее. Но онъ только нашелъ прекрасную и плодоносную страну, но не нашелъ того, чего искалъ. Онъ возвращался каждый разъ въ крѣпость болѣе мрачный и суровый, а между тѣмъ не это могло повести къ спокойствію окружающіе его умы, ожесточенные страданіемъ и безплодностью своихъ усилій. Сѣмена были

посѣяны, но вслѣдствіе обилія дождей ничего почти не взошло. То, что выросло, было раньше времени разграблено дикими и звѣрями. Удалившіеся отъ лагеря охотники пали жертвами индѣйцевъ; болѣзнь среди этихъ людей, удрученныхъ горемъ и нуждой, находила обильную добычу. Въ короткое время число поселенцевъ упало до тридцати. Ла-Саль рѣшилъ употребить еще одно и послѣднее усиліе достигнуть Миссисипи, чтобы затѣмъ, спустившись по рѣкѣ, найти помощь у тѣхъ племенъ, съ которыми онъ когда-то заключилъ союзъ. 12-го января 1687 года онъ выѣхалъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, съ двумя племянниками, съ двумя миссіонерами и съ двѣнадцатью поселенцами. Они уже находились невдалекѣ отъ населенной страны, когда вслѣдствіе распри, происшедшей между однимъ изъ его племянниковъ и тремя спутниками, послѣдніе убили молодого человѣка и его слугу во время ихъ сна и рѣшили поступить точно также съ начальникомъ предпріятія. Безпокоясь долгимъ отсутствіемъ племянника, Ла-Саль 19-го утромъ отправился его искать вмѣстѣ съ монахомъ Анастасіемъ. Убійцы видѣли, что онъ приближается, и скрылись въ кустарникахъ; одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ изъ ружья, и начальникъ, пораженный въ голову, упалъ мертвый. Такъ погибъ Робертъ Кавелье де Ла-Саль, „человѣкъ недюжинныхъ способностей—говоритъ Шарльвуа—обширнаго ума, мужества и твердости, который пришелъ бы къ чему-нибудь великому, если бы рядомъ съ своими качествами онъ умѣлъ господствовать надъ своимъ мрачнымъ и желчнымъ настроеніемъ духа, надъ своею суровостью или, вѣрнѣе, надъ грубостью своей природы...“ Относительно его не поскупились на клеветы; но нужно относиться осторожно ко всѣмъ этимъ недоброжелательнымъ толкамъ, „такъ какъ слишкомъ легко преувеличить недостатки неудачниковъ, приписать имъ даже такіе, какихъ у нихъ никогда не было, особенно, если они сами подали поводъ къ своей неудачѣ и если не могли заставить себя любить. Самое грустное въ памяти великаго человѣка—это то, что о немъ очень мало сожалѣли и что неудача его предпріятій—главнымъ образомъ послѣдняго—придала ему видъ авантюриста въ глазахъ тѣхъ, кто судитъ поверхностно. Къ несчастью, такъ судитъ большинство и оно же составляетъ нѣкоторымъ образомъ общественное мнѣніе“.

Намъ остается немного прибавить къ этимъ мудрымъ сло-



Осада крѣпости. (Fac-simile съ древней гравюры).

вамъ. Ла-Саль не могъ заставить забыть его первый успѣхъ. Мы уже сказали вслѣдствіе какихъ причинъ его второе предпріятіе не удалось. Можно сказать, что онъ палъ жертвою зависти и недоброжелательства Боже. Этой ничтожной случайности мы обязаны тѣмъ, что не основали въ Америкѣ сильную колонію, которая была бы въ состояніи бороться съ англійскими учрежденіями.

Было уже сказано объ основаніи англійскихъ колоній. Происходившія въ Англіи событія очень имъ благопріятствовали. Религіозныя гоненія, революціи 1648 и 1688 г. выдвинули много охотниковъ, которые, одушевленные благими намѣреніями, принялись за работу и перенесли по ту сторону Атлантическаго океана искусство, промышленность и въ короткое время составили благосостояніе своего отечества. Вскорѣ обширные лѣса, покрывавшіе земли Виргиніи, Пенсильваніи, Каролины, пали подъ топоромъ „squatter'a" и почва была вспахана; въ то же время охотники углублялись во внутрь страны, отодвигали индѣйцевъ и приготовляли новыя мѣста для культуры.

Между тѣмъ, въ Мексикѣ, во всей центральной Америкѣ, въ Перу, въ Чили и на берегахъ Атлантическаго океана дѣла шли иначе. Испанцы распространили свои завоеванія; далекіе, однако, отъ того, чтобы работать какъ англичане, они обратили индѣйцевъ въ рабство. Вмѣсто того, чтобы распространять культуру, свойственную разнообразію климата и странъ, которыми они завладѣли, они искали только минъ, отъ которыхъ требовали такихъ же доходовъ, какихъ могли требовать только отъ земли. Если страна быстро достигаетъ до чудеснаго богатства, то можно быть увѣреннымъ, что это богатство краткосрочно. Вмѣстѣ съ минами не замедлило исчезнуть и богатство, которое больше не возобновлялось. Испанцы имѣли случай убѣдиться въ этомъ на весьма печальномъ примѣрѣ.

И такъ, къ концу XVII вѣка большая часть Новаго Свѣта была извѣстна. Въ Сѣверной Америкѣ—Канада, берега Атлантическаго океана и Мексиканскаго залива, долина Миссисипи, берега Калифорніи и Новой Мексики были изслѣдованы и колонизованы. Вся средняя часть континента была подчинена, по крайней мѣрѣ номинально, испанцамъ. Въ Южной Америкѣ—саваны и лѣса Бразиліи, пампасы Аргентины и внутреннія страны Патагоніи скрывались еще отъ взоровъ изслѣдователей. Они были обнаружены не скоро.

Въ Африкѣ—длинная линія береговъ, разстилавшихся вдоль Атлантическаго океана и Индійскаго моря, была терпѣливо изслѣдована и обозрѣна мореплавателями. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поселенцы и миссіонеры дѣлали попытки проникнуть въ тайну этого обширнаго материка. Сенегалъ, Конго, долина Нила и Абиссинія—вотъ все, что было узнано съ нѣкоторыми подробностями и съ нѣкоторой основательностью.

Хотя много странъ Азіи, пройденныхъ путешественниками въ средніе вѣка, не были вновь нами посѣщены, все же мы изслѣдовали всю внутреннюю часть континента, нами была обозрѣна Индія, мы даже тамъ основали нѣсколько учрежденій, Китай былъ изрѣзанъ нашими миссіонерами, и Японія, эта знаменитая страна Ципанго, представлявшая такой лакомый кусокъ для путешественниковъ предшествовавшаго вѣка,—Японія была, наконецъ, нами узнана. Только Сибирь и весь сѣверо-восточный уголъ Азіи ускользнули отъ нашихъ изслѣдованій, да еще не знали соединяется-ли Америка съ Азіей,—тайна, которая вскорѣ была разъяснена.

Въ Океаніи—множество архипелаговъ, острововъ, уединенныхъ островковъ еще не были изслѣдованы; но Зондскіе острова были колонизованы, берега Австраліи и Новой Зеландіи были частью изслѣдованы и начинали сомнѣваться въ существованіи того южнаго материка, который, согласно Тасману, долженъ заключаться между Огненной землей и Новой Зеландіею, но понадобилось еще долгое и тщательное изслѣдованіе Кука, чтобы отнести окончательно въ область басенъ столь упорно ласкаемую химеру.

Географія переживала моментъ коренного преобразованія. Великія открытія въ области астрономіи должны были быть приложены къ географіи. Работы Фернеля и въ особенности Пикара (Picard), по опредѣленію величины земного градуса между Парижемъ и Амьеномъ, опредѣлили, что земля не шаръ, а сфероидъ, т.-е. шаръ, сплющенный у полюсовъ и выпуклый у экватора. Это значило найти одновременно и форму и размѣры нашей планеты. Наконецъ, труды Пикара, продолженные Ла Гиромъ (La Hire) и Кассини, были окончены къ началу слѣдующаго вѣка. Астрономическія наблюденія, сдѣланныя по вычисленіямъ спутниковъ Юпитера, позволили сдѣлать поправки на нашихъ картахъ Если эти поправки были уже сдѣланы на нѣкоторыхъ мѣ-

стахъ, то онѣ стали неизбѣжными съ тѣхъ поръ, какъ число мѣстъ, астрономическое положеніе которыхъ могло наблюдаться, значительно возросло. Эта работа принадлежала слѣдующему вѣку. Въ то же время развивалась и историческая географія; основаніемъ для нея послужило изученіе надписей, и археологіи суждено было сдѣлаться однимъ изъ самыхъ полезныхъ орудій для сравнительной географіи. Словомъ, XVII вѣкъ—эпоха преобразованій и прогресса; онъ ищетъ и находитъ средства, которыми пользуется его наслѣдникъ—XVIII вѣкъ. Начинается новая эра,—развиваются знанія, а вмѣстѣ съ ними открывается и новый міръ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Знаменитые путешественники до-христіанской эры.

ГЛАВА II.

Знаменитые путешественники отъ I до IX вѣка.

Стр.

ГЛАВА III.

Знаменитые путешественники X—XIII вѣка.

Веньяминъ Тудельскій (1159—1173).—Планъ Карпини (1245—1247).—Рубруквисъ (1253—1254).

ГЛАВА IV.

Марко-Поло (1253—1324).

I

II

III

IV

ГЛАВА V.

Ибнъ-Батута (1328—1353).

ГЛАВА VI.

Жанъ де-Бетанкуръ (1339—1425).

I

II

ГЛАВА VII.

Христофоръ Колумбъ (1436—1506).

I

Стр.

ГЛАВА VIII.

Покореніе Индіи и страны пряностей.

I

II

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Конквистадоры центральной Америки.

I

II

III

Стр.

ГЛАВА II.

Первое путешествіе вокругъ свѣта.

ГЛАВА III.

Полярныя экспедиціи и изысканія сѣверо-западнаго пути.

I

II

ГЛАВА IV.

Отважныя путешествія и набѣги.

ГЛАВА V.

Миссіонеры и поселенцы.—Купцы и туристы.

I

II

Стр.

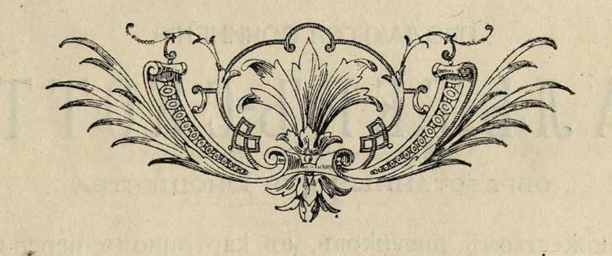
ГЛАВА VI.

I

Морское разбойничество.

II

Полюсъ и Америка.








2019322472